ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ОХРАНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТОМ 1

ИСТОРИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ И СПЕЦИАЛЬНОЙ СВЯЗИ РОССИИ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2012

УДК 94(47+57) «14/19»
ББК 63.3(2)
Э 68

Э 68 **Энциклопедия Федеральной службы охраны Российской Федерации.** Т. 1. История органов государственной охраны и специальной связи / Под общ. ред. Е. А. Мурова. — 2-е изд., испр. и доп. – М.: Кучково поле, 2012. — 480 с., ил.

ISBN 978-5-9950-0231-4

Второе издание первого тома Энциклопедии последовательно освещает основные этапы истории становления, развития и деятельности органов и подразделений государственной охраны и специальной связи — предшественников современных служб и подразделений Федеральной службы охраны России. Главное внимание уделяется рассмотрению общих закономерностей и тенденций формирования структур государственной охраны и специальной связи в контексте исторического развития государства. В книге широко представлен современный этап деятельности федеральных органов государственной охраны и специальной связи.
Книга адресована всем, кто интересуется отечественной историей и историей специальных служб России.

УДК 94(47+57) «14/19»
ББК 63.3(2)

© Авторский коллектив, 2012
© Издательство «Кучково поле», 2012

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ОХРАНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель: **Е. А. Муров**
Первый заместитель председателя: **А. Н. Беляков**
Заместители председателя: **В. В. Золотов, А. И. Лащук, А. Г. Миронов, В. Д. Тарасов**

**А. Н. Артизов, А. Е. Бусыгин, И. В. Васильев, Г. В. Вилинбахов,
Е. Ю. Гагарина, С. В. Девятов, В. И. Жиляев, О. К. Кайкова, В. В. Кириллов,
А. К. Левыкин, В. А. Макаров, В. А. Маныкин, С. В. Мироненко, Ю. А. Мусиенко, Е. И. Пивовар,
А. В. Пиманов, Ю. В. Сигачев, И. И. Сирош, А. А. Соболев, А. Р. Соколов, А. К. Сорокин,
В. А. Трефилов, М. А. Филимонов,
С. Д. Хлебников**

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Руководитель: **Е. А. Муров**
С. В. Девятов, А. В. Дёмкин, В. И. Жиляев, И. В. Зимин, О. К. Кайкова, Ю. В. Сигачёв
При участии:
В. Г. Гусаима, О. И. Кострикова, Ф. С. Мусина

В ПОДГОТОВКЕ ВТОРОГО РАЗДЕЛА ИЗДАНИЯ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ:

В. И. Астрахан, С. А. Валдаев, Н. И. Ильин, Ю. П. Корнев, В. В. Орличеня, В. В. Павлов, С. В. Троянов, В. Г. Чернега

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗЕНТ:
доктор исторических наук, профессор **С. В. Мироненко**

**Издание подготовлено во взаимодействии с Комиссией при Президенте Российской Федерации
по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России**

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ОХРАНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БЛАГОДАРИТ ЗА ПОМОЩЬ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
и лично **А. Н. Артизова, О. В. Наумова**;

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
и лично **С. В. Мироненко, Л. А. Роговую, Е. Л. Луначарского, Л. В. Крячкову, Л. Н. Малашенко, С. В. Сомонову**;

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
(г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)
и лично **А. Р. Соколова**;

РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
и лично **А. К. Сорокина, М. С. Астахову, Л. П. Кошелеву, А. П. Ненарокова**;

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ДРЕВНИХ АКТОВ
и лично **М. Р. Рыженкова**;

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
и лично **Т. М. Горяеву, Г. Р. Злобину**;

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННЫЙ АРХИВ
и лично **В. Н. Кузеленкова, Л. Н. Сахарову**;

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
и лично **И. О. Гаркушу**;

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
КИНОФОТОДОКУМЕНТОВ
и лично **Н. А. Калантарову**;

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
и лично **А. В. Бойцову**;

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
КИНОФОТОФОНОДОКУМЕНТОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
и лично **О. И. Морозан**;

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
г. МОСКВЫ (ГЛАВАРХИВ)
и лично **В. А. Маныкина, М. М. Горинова, Л. Н. Селиверстову**;

АРХИВ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
и лично **А. С. Степанова**;

УПРАВЛЕНИЕ РЕГИСТРАЦИИ
И АРХИВНЫХ ФОНДОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ
СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
и лично **В. С. Христофорова**;

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ»
и лично **Е. Ю. Гагарину, О. И. Миронову**;

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
и лично **А. К. Левыкина,**
А. М. Серпенского, Э. Д. Задираку;

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
и лично **М. Б. Пиотровского,**
Г. В. Вилинбахова;

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЗАПОВЕДНИК «ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ»
и лично **Н. И. Цветоватого, В. Е. Маста,**
А. М. Савинова, Е. Н. Савинову;

«МУЗЕЙ-КВАРТИРУ С. М. КИРОВА»,
ФИЛИАЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
и лично **Т. А. Сухарникову**;

ГОЛИЦЫНСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ ИНСТИТУТ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
и лично **О. И. Кострикова**;

ФИЛИАЛ ВОЕННОГО УЧЕБНО-НАУЧНОГО ЦЕНТРА СУХОПУТНЫХ ВОЙСК «ОБЩЕВОЙСКОВАЯ АКАДЕМИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (г. МОСКВА) — МОСКОВСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЕННОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ (ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ)
и лично **С. Г. Марковича, Е. А. Имякина**;

ФГУП ФСО РОССИИ «АТЭКС»
и лично **А. М. Каминова**;

ОБЩЕСТВЕННУЮ ВЕТЕРАНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ФОГО РОССИИ
и лично **Г. А. Деттерёва**;

ТЕЛЕКОМПАНИЮ «ОСТАНКИНО»
и лично **А. В. Пиманова**;

ГАЗЕТУ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»
и лично **В. Н. Сунгоркина, А. П. Гамова**.

ГАЗЕТУ «РОССИЙСКИЕ ВЕСТИ»
и лично **А. Э. Титкова**;

РОССИЙСКОЕ ФЕДЕРАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ «ВВП»
и лично **К. Б. Жумаева, Д. И. Фалка**;

ЗАО «ФРОМ» и лично **Т. Н. Костюкову**;

РУНИВЕРС
и лично **М. В. Баранова, В. В. Зайцева**.

БЛАГОДАРИМ
ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ:
Н. Ф. Акулову, О. В. Алтухову,
В. В. Белановского, В. А. Богомолову,
О. Н. Бодрову, О. П. Галкина, А. Т. Гордеева,
Ю. Е. Гунбина, Н. А. Дёмина, О. В. Дергунова,
А. Н. Егорова, О. А. Зернову, Ю. В. Калугина,
О. В. Капичникову, А. А. Крылова,
В. А. Кузнецова, Г. А. Лопырева, А. В. Майорова,
А. С. Маркова, Н. В. Михеева, А. А. Мороза,
В. Г. Мусаэльяна, И. К. Павлова, А. А. Ряскова,
В. И. Силаева, Д. Е. Симонова, С. Н. Смирнова,
М. В. Титкова, Ю. В. Тужилкина, Н. И. Уколова,
А. Н. Ходукина, И. И. Цуркову, А. Н. Шефова,
С. А. Щербакова.

ВВЕДЕНИЕ

Федеральные органы государственной охраны и их современная структура — Федеральная служба охраны Российской Федерации (ФСО России) — имеют глубокие исторические корни. Весь путь образования, становления и развития органов государственной охраны и специальной связи Российского государства тесно связан с историей страны. Многие события и факты, имевшие судьбоносное значение для России, являются также важнейшими в процессе образования и становления органов государственной охраны и структур специальной связи.

Созданию специального ведомства, объединившего с 2004 года подразделения государственной охраны и специальной связи, предшествовало длительное становление его основ и традиций. Этот исторический опыт многогранен и весьма ценен для понимания особенностей формирования и функционирования отечественной специальной службы по организации охраны высших должностных лиц государства и осуществления специальной связи для нужд государственного управления на протяжении длительного исторического периода.

В предлагаемом вниманию читателей томе предпринято наиболее полное изложение истории становления и деятельности подразделений, охранявших и обеспечивавших специальной связью высших должностных лиц государства в нашей стране, начиная со времени создания на ее территории централизованных органов власти. Подробности, связанные с охраной первых лиц страны, всегда были окутаны тайной. Секреты методик и различных систем охраны, призванных сохранить жизнь «первому лицу» и его окружению, не было принято разглашать ни прежде, ни сейчас. Однако на основании архивных источников и мемуарной литературы представляется возможным реконструировать в основных чертах систему охраны как императорской фамилии в России, так и первых лиц Советского государства.

Система охраны первых лиц государства в России (как и в других странах мира) складывалась на протяжении веков, видоизменяясь и обогащаясь опытом, отражающим общественно-политическое развитие страны. Особый статус царя «всея Руси» сложился к XVII веку. Государь являлся «помазанником Божьим», находившимся на недосягаемой высоте по отношению не только к простым подданным, но и к первым вельможам государства. Получила особый статус и государева резиденция (постоянная и временная). В охране и особы государя, и его резиденции участвовали сотни лиц: придворные различных служб и рангов, а также дворяне и стрельцы. Прослеживается разделение охраны на внутреннюю и внешнюю. Высокий статус государя вполне признавался обществом, и прямое посягательство на его жизнь считалось делом немыслимым (убит в восстании был только Лжедмитрий I в 1606 году, но его считали самозванцем). Правда, стрелецкое восстание 1682 года в Москве показало, что ошибочная политика властей может привести к выходу из-под контроля сил внешней охраны и потере на время основной резиденцией (Московским Кремлем) ее статуса неприкосновенной территории.

Начиная с Петра I статус монарха претерпевает определенную демократизацию. Если его предшественники при выходах к народу обязательно окружались плотным кольцом охраны и придворных (царям XVII века приходилось общаться непосредственно лицом к лицу с народными представителями только в экстремальных ситуациях народных восстаний), то Петр I и его преемники могли уже появляться на публике, беседовать с горожанами и крестьянами в сопровождении немногих лиц, путешествовать пешком, верхом или в карете почти без охраны, а то и просто гулять в одиночестве в Летнем саду в Петербурге (как, например, Александр I). Однако традиции пышных выходов и выездов с соблюдением всех охранных правил, разумеется, соблюдались. Резиденции государей теперь представляли собой дворцовые постройки европейского типа, не пригодные к серьезной обороне.

Конкретные формы охраны обуславливались особенностями общественно-политических отношений. Исторически первой сформировалась охрана императорской фамилии элитными армейскими частями. В имперский период это были гвардейские полки, расквартированные в непосредственной близости от царских дворцов: в Петербурге, Царском Селе, Петергофе и Гатчине. Именно гвардия в XVIII веке играла главную роль в дворцовых переворотах, возводя на трон и свергая монархов. В начале XIX века была сформирована новая специальная элитная армейская кавалерийская часть — Собственный Его Императорского Величества конвой (1811) — исключительно для сопровождения и охраны императора.

После известных событий 1825 года, с началом правления Николая I, армейская охрана императора была усилена. Наряду с гвардейцами, которые несли караулы в Зимнем дворце, и Собственным конвоем была создана Рота дворцовых гренадер (1827). Начали формироваться и общеимперские специализированные службы — III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии

(1826) и Отдельный корпус жандармов (1826). Эти структуры надежно защищали самодержца. За все время царствования Николая I на него не было совершено ни одного покушения, однако эти службы внимательно отслеживали ситуацию, связанную с личной безопасностью царя.

В царствование Александра II ситуация кардинальным образом изменилась, что было связано с новым фактором политической жизни России — политическим терроризмом. Важнейшей составляющей его стало стремление революционеров к цареубийству. Именно это явление подтолкнуло создание новых ведомственных структур: Дворцовой стражи (1861), подведомственной Министерству императорского двора, и Охранной стражи III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1866). Именно на них была возложена задача непосредственной физической защиты императора и его семьи.

Таким образом, в первой половине 1860-х годов сложились четыре основные структуры, обеспечивавшие физическую безопасность императора и его семьи. Во-первых, это гвардейские полки. Во-вторых, элитные гвардейские эскадроны Собственного конвоя. В-третьих, органы государственной безопасности и государственной охраны — III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Отдельный корпус жандармов с общеимперской полицией. И, в-четвертых, службы, непосредственно ответственные за обеспечение безопасности и охраны российских императоров, — Дворцовая полиция и Охранная стража III Отделения.

В различные периоды существования этих структур их влияние менялось. Если в николаевской России ведущую роль в системе охраны играли гвардейские части и имперские спецслужбы, то в 1860–1870-х годах главенствующая роль начала переходить к нарождавшимся дворцовым специализированным службам. Были созданы специальные подразделения, главной задачей которых была также физическая защита императорской фамилии. Однако до 1881 года так и не удалось создать единого центра, который бы координировал деятельность всех этих структур. Именно многоведомственность в организации охраны Александра II и стала одной из главных причин гибели царя 1 марта 1881 года от рук террористов-народовольцев.

После первомартовской трагедии были сделаны серьезные выводы, и к середине 1880-х годов в России начала складываться единая система охраны императорской фамилии, включавшая гвардейские части, специальные воинские формирования, общеимперские спецслужбы и дворцовые спецслужбы. Об эффективности подобной системы говорит то, что во время царствования Александра III политический терроризм как явление утратил свою актуальность.

В разные времена и в разных странах первых лиц государства всегда охраняла элита — секретные службы, как бы они ни назывались. При этом дворцовые перевороты и покушения на первых лиц также были обычной практикой. В середине XIX века ситуация в деле охраны первых лиц кардинальным образом изменилась, поскольку на смену дворцовым переворотам и покушениям пришел политический террор. Разница между убийством Павла I и Александра II совершенно очевидна. Соответственно изменились и методы охраны. Дело охраны первых лиц предполагает наличие как минимум двух противоборствующих сторон: самого первого лица и его ближайших соратников и противников главы государства, кем бы они ни были — заговорщиками, участниками очередного дворцового переворота или идейными революционерами-террористами.

В научной литературе, как правило, детально описаны действия тех, кто покушался, а действия противостоящей им стороны освещены недостаточно. Именно поэтому обобщение опыта, достигнутого охранными службами государства на различных этапах их деятельности, представляется насущной задачей. Это особенно важно сегодня, когда правоохранительные органы перестраивают свою деятельность в стремлении адекватно ответить на вызов одной из главных проблем современности — международного терроризма.

Сложившаяся в 1881–1917 годах система государственной охраны России, в основе которой лежал принцип многоступенчатости и распределения функций между различными специальными подразделениями, в целом достаточно эффективно выполняла свои функции. Координируемые единым центром, эти подразделения обеспечивали охрану императора и его семьи в резиденциях, во время путешествий, при проведении массовых мероприятий и в условиях военного времени.

Ликвидация, переподчинение либо трансформация специальных подразделений охраны в ходе Февральской революции 1917 года вовсе не означали того, что основополагающие принципы и методы прогнозирования, выявления потенциальных угроз и обеспечения безопасности охраняемых лиц, накопленные на протяжении длительного времени, оказались невостребованными на новом этапе истории страны. Как известно, с февраля по октябрь 1917 года охрана Временного комитета Государственной думы (Таврический дворец), Временного правительства (Мариинский и Зимний дворцы), ВЦИК 1-го созыва, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (Таврический дворец и Смольный институт), других важных государственных объектов осуществлялась частями Петроградского гарнизона с привлечением личного состава юнкерских училищ столицы. Сразу после октябрьских событий на основе воинских подразделений и красногвардейцев были сформированы структуры, выполнявшие отдельные функции государственной охраны.

Советское правительство в условиях гражданской войны озаботилось скорейшим созданием специального подразделения, которое бы надежно осуществляло физическую охрану «важнейших государственных работников». Эта функция была возложена на оперативное отделение при Президиуме Всероссийской чрезвычайной комиссии. Первоначально сотрудники отделения кроме выполнения охранных функций (безопасность митингов и собраний) выполняли и другую работу, наравне с остальными сотрудниками ВЧК. Покушение на В. И. Ленина и других советских руководителей заставило обратить более пристальное внимание на проблемы государственной охраны. В августе 1918 года оперативным отделением ВЧК выделялись так называемые оперативные комиссары для охраны председателя Совнаркома. Эпизодически выделялась охрана Л. Д. Троцкому и Ф. Э. Дзержинскому.

Созданное в октябре того же года Управление коменданта Московского Кремля (УКМК) не входило в систему органов безопасности. Комендатура Кремля до 1936 года подчинялась военному ведомству на правах сектора Московского военного округа.

В 1920 году вместо оперативного отделения при Президиуме ВЧК было организовано специальное отделение, в задачи которого входили обеспечение безопасности руководителей государства и организация охраны правительственных объектов (Кремль, здания ЦК РКП(б), РВСР, Московского комитета большевистской партии, Моссовета и др.). Это подразделение ВЧК — ГПУ — ОГПУ обеспечивало безопасность руководителей государства до 1929 года. Со следующего года данные функции были возложены на Оперативный отдел ОГПУ.

В 1934 году подразделения упраздненного ОГПУ включили в общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). В состав Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, возглавляемого в тот период непосредственно наркомом, в числе других вошел и Оперативный отдел. На Оперод были возложены охрана руководителей партии и правительства, дипломатического корпуса и иностранных гостей, а также обеспечение безопасности наиболее значимых общественных мероприятий (парадов, демонстраций, съездов и т. д.). Ни структура, ни численность Оперода не претерпели изменений, несмотря на убийство в Смольном дворце С. М. Кирова. Лишь через два с половиной месяца была вве-

дена новая должность — заместитель коменданта Московского Кремля по «внутренней охране», подчинявшийся непосредственно начальнику Оперода. Важные изменения последовали только в 1936 году. Во-первых, УКМК было передано из Наркомата обороны в НКВД СССР. Во-вторых, на базе подразделений Оперативного отдела был образован самостоятельный отдел охраны — 1-й отдел ГУГБ НКВД СССР.

С началом 1937 года наступили трагические времена и для государственной охраны. Было репрессировано большое количество руководителей и оперативных сотрудников подразделений.

В предвоенные годы И. В. Сталин неоднократно реорганизовывал органы госбезопасности и в феврале 1941 года образовал общесоюзный наркомат — НКГБ СССР. В состав нового наркомата вошли как Управление коменданта Московского Кремля, так и 1-й отдел. Таким образом, накануне войны государственная охрана была сконцентрирована в двух самостоятельных подразделениях, которые не подчинялись друг другу, но взаимодействовали в ходе проведения всех мероприятий по обеспечению государственной безопасности, образуя крепкий и надежный блок.

Почти через месяц после начала Великой Отечественной войны председатель Государственного комитета обороны предпринял новую реорганизацию — объединил наркоматы госбезопасности и внутренних дел в единый наркомат. 1-й отдел и УКМК вошли в состав объединенного НКВД СССР. Важной особенностью деятельности органов государственной охраны в этот период было то обстоятельство, что охранные мероприятия готовились в условиях строжайшей тайны, а в некоторых случаях с применением мер по дезинформации противника.

В военные годы подразделениям государственной охраны наряду с основными функциями приходилось выполнять и специфические задания. Здесь, прежде всего, следует назвать эвакуационные и реэвакуационные мероприятия.

В 1954 году указом Президиума Верховного Совета СССР был образован Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете министров СССР.

На рубеже 1950–1960-х годов был осуществлен ряд структурных реорганизаций системы государственной безопасности. В 1959 году приказом КГБ при СМ СССР были утверждены новые штаты и структура 9-го Управления Комитета госбезопасности, в состав которого вошло бывшее 10-е Управление КГБ (Управление коменданта Московского Кремля).

Созданная после избрания М. С. Горбачёва союзным президентом Служба охраны Президента СССР стала правопреемницей 9-го Управления КГБ СССР.

В 1991 году органы государственной охраны были объединены в составе Главного управления охраны Российской Федерации. С 1993 года в сфере государственной охраны существовала Служба безопасности Президента Российской Федерации. В июле 1996 года она была объединена с ФСО России и перестала существовать как самостоятельный орган федеральной исполнительной власти.

27 мая 1996 года был принят Закон Российской Федерации «О государственной охране», которым создана Федеральная служба охраны Российской Федерации. В том же году было утверждено Положение о ФСО России.

Основными задачами ФСО России — составной части системы безопасности государства и его высших должностных лиц — на современном этапе являются:

1) обеспечение безопасности объектов государственной охраны в местах их постоянного и временного пребывания и на трассах проезда (к объектам государственной охраны относятся Президент Российской Федерации, лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, федеральные государственные служащие, подлежащие государственной охране в соответствии с федеральным законом от 27 мая 1996 года

«О государственной охране», а также главы иностранных государств и правительств и иные лица иностранных государств во время пребывания на территории Российской Федерации);

2) прогнозирование и выявление угрозы жизненно важным интересам объектов государственной охраны, осуществление комплекса мер по предотвращению этой угрозы;

3) предупреждение, выявление и пресечение противоправных посягательств на объекты государственной охраны и охраняемые объекты — здания, строения и сооружения, в которых размещены федеральные органы государственной власти, прилегающие к указанным зданиям, строениям и сооружениям территории и акватории, подлежащие защите в целях обеспечения безопасности объектов государственной охраны, а также здания, строения и сооружения, прилегающие к ним территории и акватории, находящиеся в оперативном управлении федеральных органов государственной охраны;

4) предупреждение, выявление и пресечение преступлений и иных правонарушений на охраняемых объектах, в местах постоянного и временного пребывания объектов государственной охраны и на трассах их проезда;

5) защита охраняемых объектов;

6) участие в пределах своих полномочий в борьбе с терроризмом;

7) организация и обеспечение эксплуатации, безопасности, совершенствования специальной связи и информации, предоставляемых государственным органам;

8) участие в разработке и реализации мер по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации, противодействию техническим разведкам и защите сведений, составляющих государственную тайну;

9) осуществление государственной политики в области правовой информатизации Российской Федерации и координация работ, производимых в этой сфере;

10) информационно-технологическое и информационно-аналитическое обеспечение государственных органов, техническое обслуживание и программное сопровождение информационно-телекоммуникационных систем и ситуационных центров, а также информационное обеспечение управления государством в военное время и при чрезвычайных ситуациях;

11) обеспечение собственной безопасности.

В марте 2003 года при ФСО России была создана Служба специальной связи и информации (затем Служба специальной связи и информации ФСО России).

16 сентября 2011 года первому в истории нашей страны специальному органу по охране высших должностных лиц государства исполнилось 130 лет. За прошедшие годы сменилось не одно поколение сотрудников органов государственной охраны, но славные традиции живы и крепнут.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Использованные в данной книге источники и литература позволяют показать систему охраны российских государей в ее развитии. При подготовке издания были привлечены как опубликованные, так и неопубликованные источники. Из неопубликованных документов следует, прежде всего, назвать дела «Придворного ведомства» (РГАДА. Ф. 14). В них отразилась совокупность мероприятий, связанных с путешествиями императриц Елизаветы и Екатерины II, в частности сведения, характеризующие особенности организации охраны этих поездок. Из опубликованных материалов необходимо указать два важнейших законодательных акта: Соборное Уложение 1649 года и Устав Воинский 1716 года. Именно в Соборном Уложении впервые появились специальные статьи, характеризующие высокий статус государя и его резиденции. Устав Воинский подробно регламентировал условия караульной службы и утверждал неприкосновенность и ответственность часового на посту.

Обширна использованная мемуарная литература. Это записки и дневники иностранных дипломатических и торговых представителей, лиц, находившихся на русской службе: капитана Я. Маржерета, К. Буссова, Э. Гекмана, И. Массы, П. Петрея, А. Олеария, А. Роде, А. Мейерберга, Я. Рейтенфельса, Й. Корба, де ля Невилля, Ф. В. Берхгольца, Э. Миниха и др. Они представляют собой как бы взгляд со стороны, точку зрения европейцев не только на русскую историю, но и действительность, политическое устройство, экономическое состояние и менталитет русского народа. Иностранцы старались подробно описывать особенности придворной жизни, обстоятельства народных восстаний, дворцовых переворотов, активными участниками которых они подчас являлись. В их трудах содержатся ценные для нас сведения об охране русских государей. Отечественная мемуаристика открывается трудом Г. К. Котошихина, подробно описавшего порядки, придворный быт, политические события в России в период правления царя Алексея Михайловича, в том числе и порядок охраны этого государя. Записки Екатерины II, княгини Е. Р. Дашковой, А. В. Храповицкого, графа Е. Ф. Комаровского и других содержат сведения о придворной жизни XVIII века, дворцовых переворотах, нравах в придворной и гвардейской среде и выводят на общие вопросы отношения к охране государей и ее функционирования в разных ситуациях.

Довольно обширная историческая литература ценна, прежде всего, подробным описанием политической истории России в связи с борьбой различных придворных группировок за власть, что приводило к экстремальным ситуациям в форме восстаний и дворцовых переворотов. Чаще всего обстоятельства охраны монархов представлены, так сказать, в отраженном свете, но при этом приводятся важные сведения. Имеются в виду книги Н. Б. Голиковой о политических процессах при Петре I, Н. Ф. Демидовой, Л. Е. Морозовой и А. А. Преображенского о первых царях из династии Романовых, Н. И. Павленко по истории дворцовых переворотов в XVIII веке, Е. В. Анисимова о политической борьбе в России в середине XVIII века, А. М. Пескова о Павле I, П. Шильдера о Павле I и Александре I, М. В. Нечкиной о декабристах, В. Лапина о восстании в Семеновском полку и т. д. Следует выделить капитальный труд И. Е. Забелина о домашнем быте русских государей в XVI и XVII столетиях. Автор привлек огромный массив источников, и им приведены ценные сведения об организации охраны Московского Кремля и Теремного дворца.

Дореволюционная историография, посвященная проблемам становления и развития структур, отвечавших за личную безопасность первых лиц уже сложившейся Российской империи, крайне бедна. Самостоятельных трудов, отражающих комплексную историю царской охраны, нет. Это вполне объяснимо, поскольку данная проблема-

тика относилась к совершенно секретной информации и не подлежала разглашению. Изданные до 1917 года труды приурочивались к юбилейным датам отдельных воинских частей, входивших в охрану царя. Первой из таких работ стала монография С. И. Петина, изданная в 1899 году и посвященная истории Собственного конвоя[1]. Впоследствии автор довел историю Собственного конвоя до 1911 года[2]. В 1902 году вышла в свет юбилейная монография, посвященная истории 1-го Железнодорожного полка, отвечавшего за безопасность путешествий императора по железной дороге[3]. В 1909 году была издана история Собственного сводного пехотного полка[4]. В 1910 году появился капитальный труд по истории императорской гвардии, в нем вскользь затрагивались и вопросы, связанные с охраной первых лиц империи[5]. Завершает эту серию юбилейных работ монография Л. Гринева, посвященная истории Роты дворцовых гренадер[6]. Конечно, это подразделение выполняло в основном представительские функции, но в начале своей истории дворцовые гренадеры выполняли роль особой, доверенной охраны Николая I.

В это время выходили и немногочисленные пропагандистские издания, в которых косвенно упоминалось об армейских частях, несших охрану императорских резиденций. В их числе можно назвать брошюру командира роты 16-го стрелкового императора Александра III полка капитана Н. Э. Бреслера[7].

До 1917 года публикаций, посвященных собственно истории спецслужб Министерства императорского двора, по понятным причинам, не было. Лишь в 1906 и 1911 годах Дворцовая полиция подготовила исторические записки, сохранившиеся в архиве, но печатные труды не издавались. Это, видимо, обусловлено несколькими причинами, в том числе спецификой службы Дворцовой полиции, которая не располагала к широкому афишированию методов и приемов ее работы. Кроме того, для обычных исследователей архивы III Отделения и Министерства императорского двора были недоступны. Тем не менее и до 1917 года в литературе встречались упоминания о деятельности дворцовых спецслужб. В основном это небольшие статьи-воспоминания, посвященные биографиям царствующих особ, — А. И. Дворжицкого, В. Х. Кондараки и Н. К. Полевого[8].

В своих художественно-документальных воспоминаниях Б. В. Савинков[9] также касается деятельности дворцовых спецслужб, противостоявших революционерам наряду с Департаментом полиции МВД. Однако это только упоминания, где, как правило, лишь фиксировалось наличие дворцовых спецслужб, о которых крайне мало было известно широкой публике, но при этом не рассматривалась их история и не раскрывалась их структура.

Пожалуй, самым заметным явлением в дореволюционной историографии проблемы стал выход в свет двух монографий полковника А. И. Спиридовича, игравшего ключевую роль в деятельности дворцовых спецслужб на протяжении десяти лет. В монографии[10], посвященной террористической деятельности партии эсеров, Спиридович говорит и о работе своей службы, отвечавшей за безопасность царя вне территории императорских резиденций. В основу книги легли материалы лекций по истории революционных партий, прочитанных Спиридовичем на специальных курсах для жандармских офицеров.

После 1917 года тема, связанная с деятельностью Департамента полиции, стала одной из приоритетных. Также одной из главных тем стала судьба последней императорской семьи. На пересечении этих двух тем впервые в историографии проблемы отчетливо обозначилась деятельность дворцовых специализированных служб. Одной из первых работ, посвященных этой теме, была статья М. Цявловского[11], изданная летом 1917 года в журнале «Голос минувшего», специализировавшегося в то время на опубликовании различного компромата, связанного с жизнью царской семьи. В ней рассматривалась деятель-

ность Департамента полиции и дворцовых спецслужб по организации пребывания в Москве императора Николая II на юбилее Бородинской битвы и на открытии памятника Александру III в 1912 году. Статья была написана на основе архивных документов Департамента полиции и раскрывала характер оперативных мероприятий по «прикрытию» царя. Впервые в отечественной историографии шел предметный разговор о деятельности дворцовых спецслужб. Несмотря на обилие фактического материала и даже наличие цветной карты с расположением охраны на маршрутах проезда царя по городу, она освещала только один из эпизодов деятельности дворцовых спецслужб. В 1918 году в брошюре С. Г. Сватикова[12], посвященной Заграничной агентуре Департамента полиции, есть характерное упоминание о дворцовых спецслужбах. Либеральный историк, занимавшийся деятельностью Департамента полиции, сообщает, что Дворцовая полиция была создана только в 1906 году, ошибаясь по меньшей мере на 25 лет.

Во второй половине 1920-х годов в бывших пригородных императорских резиденциях открылись музейные экспозиции, посвященные повседневной жизни венценосной семьи. Важное место в экспозициях Царскосельского Александровского дворца и Петергофского Нижнего дворца занимали материалы, связанные с личной охраной последней императорской семьи. Пафос этих экспозиций сводился к утверждениям, что царь отгородился от народа многослойной системой охраны. По материалам экспозиций был создан ряд монографий. Единственная монография, специально посвященная охране, издана в 1926 году[13]. В. И. Яковлев, хранитель Детскосельских дворцов-музеев (бывший Царскосельский дворец), начинает рассказ с истории охраны в XVIII веке, но при этом основывается на перечисленных выше юбилейных изданиях. Однако как только он доходит до периода царствования Николая II, его монография насыщается необычайно важным материалом. Из текста книги становится ясно, что автор пользовался не только доступными ему в 1926 году документами, но и личными воспоминаниями. Ряд приведенных им фактов отличается широким диапазоном: от расстановки охраны внутри Александровского дворца до подробностей организации повседневной службы этой охраны. Видимо, автор монографии, работая до 1917 года во дворце, постоянно сталкивался со службой охраны царя. Эти факты делают его книгу весьма достоверной. При этом монография практически не введена в научный оборот до настоящего времени.

В монографиях А. В. Шеманского[14] (три из них написаны в соавторстве с С. Гейченко) рассказывается об охране Нижней дачи в Петергофе. Развернутая затем специальная экспозиция была посвящена подготовке ряда покушений на Николая II. В конце 1920-х годов именно в Петергофе была организована музейная экспозиция «Императорский поезд»[15]. Туда были перегнаны два вагона из бывшего императорского состава. В их числе и вагон-салон, в котором 2 марта 1917 года Николай II подписал отречение от престола. В этих монографиях интересны приложения, в которых приводятся архивные документы. Эти материалы используются современными исследователями[16].

В научной литературе, изданной во второй половине 1920-х годов и посвященной императорской фамилии, о деятельности дворцовых спецслужб, как правило, упоминалось только в контексте биографий русских императоров. Так, в монографии А. В. Попова мимоходом говорится об организации охраны царя во время его пребывания в Ливадии[17].

В 1930-х годах тема охраны первых лиц страны попадает в число запретных. Все материалы по этой теме засекречиваются. Строгости были связаны с тем, что при совершенствовании организации охраны И. В. Сталина использовались многие наработки царской охраны.

Тем временем эмигранты продолжали разрабатывать проблему. Самые значимые работы написаны начальни-

ком «подвижной охраны» Николая II генералом А. И. Спиридовичем (с 1909 по 1915 год — полковник). Он издал мемуары, посвященные своей жизни до 1906 года[18], и биографическую монографию, охватывающую период Первой мировой войны[19]. В различных эмигрантских газетах бывший жандармский генерал публиковал статьи, где упоминал о своей службе по охране императора[20]. Исследователи справедливо называют его «плодовитейшим автором из числа бывших чинов охраны»[21]. На французском языке им опубликованы две монографии[22], которые до настоящего времени являются ценным источником по истории последнего десятилетия царской России. В 1939 году в Германии издана его монография о Г. Распутине. В ней он также затрагивал проблему охраны первых лиц страны[23]. Одной из последних работ эмигрантов стала изданная в 1961 году в США книга офицера Собственного конвоя Н. Галушкина, посвященная истории этой охранной структуры[24].

В советской исторической литературе 1970–1980-х годов, рассматривающей историю революционного движения, о деятельности дворцовых спецслужб только упоминалось. Больше всего фактического материала по теме, связанной с деятельностью дворцовых спецслужб, содержалось в научной литературе, освещающей террористическую деятельность «Народной воли». Среди авторов, касавшихся в советский период проблемы террора, следует упомянуть Б. П. Козьмина, Э. С. Виленскую, Ш. М. Левина, Б. С. Итенберга, М. Г. Седова, С. С. Волка, Н. М. Пирумову, Е. Л. Рудницкую, В. А. Твардовскую, Н. А. Троицкого. Так, описание подготовки покушения С. Халтурина на Александра II в Зимнем дворце в феврале 1880 года заставляло авторов обращаться к теме организации охраны царской семьи. Однако по-прежнему это были только разрозненные эпизоды и упоминания[25], не создававшие целостной картины деятельности дворцовых спецслужб, противостоящих террору.

Как одну из самых важных работ в контексте рассматриваемой проблемы можно назвать монографию И. В. Оржеховского[26], изданную в 1982 году. В книге, посвященной деятельности III Отделения, в одном из разделов, на основании неопубликованных архивных источников, подробно рассказывается о создании и деятельности Охранной стражи, главной задачей которой была физическая охрана императора Александра II. Это единственная работа советского периода, в которой подробно реконструировалась история одного из подразделений дворцовых спецслужб.

В начале 1990-х годов начали выходить работы, посвященные как деятельности дореволюционных правоохранительных структур, так и политических партий, исповедовавших террор как главное средство достижения программных целей.

Появились работы, описывающие структуру и деятельность Министерства внутренних дел и его важнейшей составляющей — Департамента полиции. В их ряду были монографии, анализирующие деятельность правоохранительных структур[27], обобщающие работы, где рассматривалось развитие правоохранительных органов России в целом[28]. Начали издаваться монографии о деятельности российской военной разведки и контрразведки[29]. Появились статьи, в которых уточнялись обстоятельства, связанные с покушениями на Александра II[30]. Наиболее информативна в рамках рассматриваемой темы монография В. С. Брачева[31], посвященная работе Заграничной агентуры Департамента полиции, которая пыталась отслеживать деятельность потенциальных террористов, работая, как это принято говорить сегодня, на опережение. Для нас важны также сюжеты, связанные с операциями «прикрытия» визитов членов императорской фамилии и царской семьи в Европу. В этих случаях Заграничная агентура тесно сотрудничала с дворцовыми спецслужбами.

Отдельные фрагменты, связанные с деятельностью особых дворцовых подразделений, содержатся в монографии З. И. Перегудовой[32]. Разделы, посвященные органи-

зации и деятельности регистрационных бюро, обеспечению безопасности поездок царя, использованию «сотрудников» в агентурной практике охранки, непосредственно затрагивают интересующую нас тему. Однако эти сюжеты связаны только с началом XX века и обходят молчанием 1860–1880-е годы, когда шел процесс становления дворцовых спецслужб. В монографии кадрового офицера КГБ — ФСБ С. Галвазина[33] сделана довольно удачная попытка показать начало процесса образования Дворцовой полиции, однако он относит это к 1866 году. На самом деле начало ее образования приходится на декабрь 1861 года, а в 1866 году была создана Охранная стража, подведомственная III Отделению. В брошюре Г. Нечаева, посвященной императорской яхте «Штандарт», упоминается не только о ее вооружении, но и об организации ее охраны[34].

В 1990-х годах из печати вышли многочисленные труды о деятельности революционных партий, о которых в советский период было принято отзываться только в критическом ключе. Больше всего монографий об истории партии социалистов-революционеров, главной мишенью террористической деятельности которой на протяжении длительного времени был Николай II[35]. Об эсерах-максималистах писал Д. Б. Павлов, о партии эсеров — М. И. Леонова, К. Н. Морозов, Р. А. Городницкий, об анархистах — В. В. Кривенький. Начали издаваться монографии, посвященные терроризму как политическому явлению, во многом определявшему особенности политической жизни России во второй половине XIX — начале XX века[36]. В работах О. В. Будницкого и Л. Г. Прайсмана затрагиваются проблемы, связанные с подготовкой цареубийства и деятельностью дворцовых спецслужб.

Характерной особенностью постсоветского периода было появление для наших читателей трудов, изданных за границей России в разное время. Так, был опубликован труд известного русского историка С. П. Мельгунова[37], изданный в 1920-х годах в эмиграции. В этой книге подробно рассматривается внутриполитическая ситуация накануне Февральской революции в России. Для нас представляет интерес его классификация вариантов «дворцовых заговоров» 1915–1917 годов. В этом контексте он упоминает и о деятельности Дворцовой полиции. В 2003 году была опубликована монография Т. Туоми[38], посвященная отдыху русских императоров в Финляндии. Книга основана на финских архивных источниках, не введенных ранее в научный оборот. Текст монографии дополняется малоизвестными фотографиями из архивов США, Финляндии и личных коллекций. Содержание этой монографии гораздо шире ее названия — «Императоры на отдыхе в Финляндии». В книге не только воссозданы по дням все визиты русских императоров, но и подробно рассмотрены меры охраны, связанные с их пребыванием на территории Финляндии. Это одна из немногих книг, где показана деятельность дворцовых спецслужб на протяжении длительного отрезка времени.

Таким образом, научная литература по рассматриваемой теме сводится в основном к немногочисленным упоминаниям о существовании дворцовых спецслужб. В этой литературе нет более или менее связного изложения истории этих спецслужб, анализа их реформ, реконструкции наиболее значимых оперативных акций, перечисления основных персоналий, связанных с их деятельностью. Поэтому задачей настоящей работы является восполнение этих сюжетов, выпадавших ранее из поля зрения исследователей.

Поскольку историографическая база рассматриваемой темы крайне бедна, то огромное значение для настоящего исследования имел отбор источников.

Нормативных актов, определяющих деятельность дворцовых спецслужб, крайне мало. Это законы и штаты Роты дворцовых гренадер[39], которая по характеру своей службы была связана с обеспечением безопасности царствующих особ, но, будучи по своей сути красочной

декорацией, не могла решать серьезных антитеррористических задач в 1860–1880-е годы. Кроме этого, два закона, в которых речь идет о безопасности царской семьи, были приняты в начале 1880-го, после взрыва, учиненного С. Халтуриным в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года[40]. Такая скудность законодательной базы обусловлена спецификой деятельности дворцовых спецслужб.

Значительный прогресс в изучении данной темы был достигнут с выходом в свет коллективного труда «История государственной охраны России: Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917» (М., 2006). Источниковая база этой книги основана на архивных фондах четырех архивохранилищ. Основной массив архивных документов хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В целом это фонды, содержащие сведения о деятельности Министерства императорского двора: фонд 469 (Придворная Его Императорского Величества контора), фонд 472 (Канцелярия Министерства императорского двора), фонд 474 (Управление Собственным Его Величества дворцом — Аничковым), фонд 475 (Петербургское дворцовое управление), фонд 479 (Придворная медицинская часть), фонд 508 (Дворцовая полиция Министерства императорского двора), фонд 536 (Главное дворцовое управление), фонд 919 (личный фонд графов Воронцовых-Дашковых), фонд 1614 (личный фонд графов Адлербергов). При этом бóльшая часть вводимых в научный оборот архивных документов использовалась впервые.

Среди архивных документов обнаружен и введен в научный оборот «Обзор истории и штаты Дворцовой полиции за период с 1861 по 1911 г.»[41]. В августе 1906 года торжественно отмечалось 25-летие Дворцовой полиции. Был учрежден специальный юбилейный знак для ветеранов этой службы. Но, видимо, несколько позже начальник Дворцовой полиции полковник Б. А. Герарди и его коллега по службе полковник А. И. Спиридович выяснили, что эта дата сомнительна и начало организации Дворцовой полиции относится к декабрю 1861 года, следовательно, в 1911 году можно было бы отпраздновать 50-летие Дворцовой полиции. Предположительно, именно к этой дате собирались архивные материалы по истории дворцовых спецслужб, которые готовились к изданию. Однако этого не произошло. Возможно, сыграл свою роль недавно отмеченный «ошибочный юбилей», а возможно, в условиях продолжавшей существовать угрозы покушений на царя решили не афишировать историю дворцовых спецслужб, в которой внимательный читатель мог найти и оперативную информацию.

Из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) были использованы фонды Московского губернского жандармского управления (Ф. 58), Московского охранного отделения (Ф. 63), Управления Дворцового коменданта Министерства императорского двора (Ф. 97), Департамента полиции Министерства внутренних дел (Ф. 102), Петербургского охранного отделения (Ф. 111) и личный фонд Александра III (Ф. 677), при котором, собственно, и сформировалась система дворцовых спецслужб.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) хранится неопубликованная рукопись В. С. Кривенко[42], который, занимая должность начальника Канцелярии министра императорского двора и уделов с 1 января 1886 по 6 мая 1897 года, фактически являлся правой рукой министра императорского двора. В этих воспоминаниях, наряду с характеристиками министров, приводится ряд важных фактов, связанных с деятельностью дворцовых спецслужб.

В Рукописном отделе Российской государственной библиотеки (РО РГБ) в фонде министра императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова (Ф. 58) хранятся многочисленные записки и донесения, связанные с обеспечением безопасности императорской семьи[43]. Таким образом, именно архивные материалы стали основным источником данной работы по истории становления

и развития дворцовых спецслужб. К архивным источникам примыкают опубликованные эпистолярные материалы. Прежде всего, это письма К. П. Победоносцева[44], оказавшего решающее влияние на формирование внутриполитического курса правительства Александра III в 1880-х годах.

В монографии «История государственной охраны России» широко использован корпус документов, связанных с именем А. И. Спиридовича. Эти материалы существенно дополняют представления о деятельности дворцовых спецслужб. Примечателен рапорт Спиридовича[45] с объяснениями относительно убийства П. А. Столыпина. К этому документу примыкают и показания Спиридовича, данные после Февральской революции, в апреле 1917 года[46]. В 1915–1917 годах им были написаны две монографии, посвященные деятельности главных противников самодержавия — партии эсеров и социал-демократов. Эти книги читал Николай II, а весь тираж закупил Департамент полиции для распространения в качестве учебного пособия в своем ведомстве. Надо заметить, что в 1920-х годах интерес к Спиридовичу в СССР был достаточно велик: издавали письма к нему[47], анализировали его работы об истории революционного движения. В конце 1920-х годов в СССР издали его воспоминания[48], в которых он описал свою жизнь до 1905 года. Во время Первой мировой войны Спиридович вел дневник, который лег в основу другой его книги, охватывающей период с 1914 по 1917 год[49].

Важнейшей частью источниковой базы названного исследования послужила мемуарная литература. Но мемуаров, где их автор описывает непосредственно охрану императорской фамилии, практически нет. Только в одном источнике — «Дневнике посла» Мориса Палеолога[50] — дается развернутая характеристика дворцовым спецслужбам в 1914–1915 годах. В большинстве мемуарных изданий о должностных лицах, обеспечивавших охрану императора, только упоминается[51].

Значимый мемуарный источник составляют воспоминания лиц, служивших в Министерстве императорского двора. Это, прежде всего, труды последнего дворцового коменданта В. Н. Воейкова (1913–1917). При этом авторами было использовано первое издание мемуаров, вышедшее в Финляндии в 1936 году[52]. Как исходящий от лица, непосредственно отвечавшего за безопасность царской семьи, его рассказ о деятельности дворцовых спецслужб, о конкретных ситуациях, в которых эти службы играли ключевую роль, трудно переоценить. К воспоминаниям Воейкова примыкают мемуары А. А. Мосолова, начальника Канцелярии Министерства императорского двора с 1900 по 1917 год[53].

Третий блок мемуарных источников связан с воспоминаниями крупных чиновников Министерства внутренних дел. Воспоминания обер-полицмейстера Петербурга А. И. Дворжицкого[54] содержат информацию об организации охраны Александра II в последние дни его жизни. В мемуарах директора Департамента полиции А. В. Герасимова[55] описывается, каким образом Департамент полиции использовал своих «сотрудников» в деле обеспечения безопасности царской семьи и свои контакты с дворцовыми спецслужбами. Он подробно рассказывает о совместной операции Департамента полиции и службы А. И. Спиридовича по ликвидации группы лейтенанта Никитенко в 1907 году, готовившей покушение на Николая II. В мемуарах заместителей министра внутренних дел В. Ф. Джунковского[56] и П. Г. Курлова[57] раскрываются разные подходы этих чиновников к организации охраны императора.

Четвертый блок мемуарных источников связан с воспоминаниями высокопоставленных сановников Александра II, Александра III и Николая II. В их воспоминаниях и дневниках о дворцовых спецслужбах упоминается, как правило, мимоходом. Но эти замечания в совокупности существенно дополняют официальные документы. Кроме того, многие дневники велись на протяжении десятиле-

тий[58], и собранная в них информация и даже слухи также важны для познания интересующей нас темы.

Пятый блок мемуарных источников — воспоминания и дневники самих императоров[59], великих князей[60] и людей, принадлежавших к их непосредственному окружению[61].

Дополняет блок опубликованных источников справочная литература, издававшаяся в разное время. Прежде всего, это справочник «Списки чинам Министерства императорского двора» за разные годы. Справочник выходил с 1859 по 1914 год, и в нем публиковались списки классных чинов Дворцовой полиции, которые дают объективную картину офицерского состава этой дворцовой спецслужбы. При этом о спецслужбе А. И. Спиридовича, созданной в 1906 году, вообще не упоминалось, хотя она была «подведомственна дворцовому коменданту». Видимо, делалось это из оперативных соображений.

После Февральской революции 1917 года допрашивались царские министры. В изданной стенограмме[62] приведены материалы допросов дворцового коменданта В. Н. Воейкова, генерала А. И. Спиридовича, генерала А. В. Герасимова, лично отвечавших за организацию безопасности царя.

Следует также упомянуть привлеченные в ходе исследования ведомственные инструкции по охране императорской фамилии, хотя сохранились они в незначительном количестве. В их числе разработанная Спиридовичем «Инструкция чинам Отряда Секретной Охраны, по охране Их Императорских Величеств...»[63]. В 1990-х годах издан сборник документов по истории терроризма в России под редакцией О. В. Будницкого[64].

Естественно, что материалы книги «История государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917» и документы, введенные ею в научный оборот, широко использованы при подготовке данного издания.

Об истории Московского Кремля, его святынях и памятниках существует обширная историография[65], есть ставшие классическими исследования по средневековой повседневной истории Кремля[66], но его история в XX веке до недавнего времени в исторической литературе освещалась фрагментарно. В центре внимания тех, кто обращался к советской истории Кремля, находилась судьба утраченных памятников[67]. Сюжеты, связанные с повседневной жизнью Кремля, под которой понимается широкий круг вопросов: внутренний уклад, организация охраны, обеспечение безопасности руководства государства, которое не только работало, но и проживало на территории Кремля, практически не затрагивались. Такая ситуация — следствие объективных причин. Деятельность спецслужб, к числу которых относятся и органы государственной охраны, не только в нашей стране, но и во всем мире охраняется от разглашения и только по прошествии времени может быть приоткрыта. Следовательно, источники находились под грифом «совершенно секретно» и за редким исключением были недоступны для исследователей. В советской историографии, подвергавшейся значительному идеологическому и политическому прессингу, многие темы подпадали под категорию запретных или полузапретных, а к таковым, естественно, относилось все, связанное с «кремлевской жизнью».

Середина 1980-х годов ознаменовалась началом процессов демократизации общественно-политической жизни. На протяжении 1990-х годов кардинально расширилась проблематика исторических исследований, в научный оборот был введен обширный пласт новых источников, существенно изменилась методология и утвердилось многообразие концептуальных подходов. Оборотной стороной этих процессов стало появление лавины псевдонаучных работ, авторы которых, вольно обращаясь с историческими фактами и источниками, вырывая события из исторического контекста, тенденциозно их подбирая и трактуя, создают искаженную картину прошлого в угоду сиюминутным поли-

тическим и корпоративным интересам. Проблематика, связанная с историей органов госбезопасности, в наибольшей степени испытала перипетии этих лет. История спецслужб стала представляться исключительно негативно, как чреда кровавых преступлений и беззаконий, в которой не было ничего не только героического, но вообще достойного упоминания. К сожалению, советская история госохраны и Московского Кремля также не избежала внимания со стороны подобных «историков» и публицистов, работающих в жанре исторической беллетристики. Яркий пример такого подхода представляет книга П. С. Дерябина[68]. Она построена на ложных сенсациях, разоблачениях и якобы имевшихся у автора, покинувшего СССР еще в 1970-е годы, материалах и информации ограниченного доступа, но при этом не содержит ни единой ссылки на какой-либо источник, который хотя бы косвенно подтверждал достоверность излагаемых сведений.

Несмотря на эти негативные тенденции, именно с 1990-х годов разработка истории отечественных спецслужб вышла на качественно новый уровень и заняла свою нишу в исследовательском пространстве[69].

Собственная история госохраны на протяжении этих лет, по сравнению с темой органов госбезопасности в целом, получила более скромное развитие. В частности, в учебном пособии В. В. Коровина по истории становления и развития отечественной системы госбезопасности органы государственной охраны лишь кратко упомянуты. Их деятельность в период Великой Отечественной войны не получила даже самой общей характеристики[70].

Одну из первых попыток обращения к истории госохраны предприняли И. Б. Линдер и С. А. Чуркин[71]. Авторы на основе значительного объема опубликованного документального материала, воспоминаний и литературы, посвященной специальным службам, поставили своей целью показать историю развития «специальных подразделений России» с древнейших времен, при этом особенно выделяется проблема обеспечения безопасности руководства государства. Авторы проделали значительную работу по обобщению всего массива имеющегося материала, включив некоторые архивные документы (преимущественно по дореволюционной части). Отдельная глава посвящена организации охраны в советский период. Поскольку основным источником данного раздела стала мемуарная литература, то многие оценки и выводы требуют критического отношения и подтверждения другими источниками. Несомненной заслугой авторов является попытка сравнения двух систем охраны — советской и германской.

Первые исследования, посвященные истории органов государственной охраны России и затрагивающие проблемы внутренней жизни Московского Кремля советской эпохи, основанные на широком комплексе исторических источников, главными из которых стали архивные документы, появились лишь в начале нынешнего века.

Поводом к обращению к данной проблематике послужил 125-летний юбилей органов государственной охраны, который в 2006 году отметила Федеральная служба охраны Российской Федерации[72]. Этому событию предшествовала многолетняя работа по выявлению, сбору, систематизации и анализу обширного архивного материала и других источников.

Следующим шагом стала разработка отдельных крупных направлений деятельности подразделений государственной охраны. В 2006 году был выпущен информационно-публицистический сборник «Кремль-9», посвященный истории Гаража № 1 — подразделения государственной охраны, отвечающего за транспортное обслуживание руководителей государства и за безопасность передвижения первых лиц. В следующем году в свет вышла монография, повествующая об истории Гаража с императорских времен до наших дней. Свое развитие тема получила в книге, выпущенной в 2011 году[74].

К 90-летнему юбилею комендатуры Московского Кремля была подготовлена обширная работа «Москов-

ский Кремль — цитадель России»[75], в которой на материалах 13 государственных и ведомственных архивов и в общей сложности 30 фондов, помимо уже опубликованных источников, впервые прослеживается деятельность комендатуры Московского Кремля с момента ее образования в 1918 году вплоть до сегодняшнего дня. Авторы поставили перед собой задачу всесторонне раскрыть историю комендатуры Московского Кремля и показать многоплановость ее деятельности по охране как кремлевского ансамбля, так и решения комплекса вопросов по обеспечению безопасной деятельности высших органов государственной власти и руководства государства. Отдельные аспекты деятельности комендатуры Московского Кремля в военное время также нашли отражение в этом издании.

В издании, посвященном 160-летию со дня окончания строительства и освящения Большого Кремлевского дворца, одного из самых узнаваемых кремлевских памятников, впервые на основе документальных источников раскрываются охранные и организационные мероприятия во дворце, в том числе в период Великой Отечественной войны, приводятся неизвестные факты бомбардировок дворца в начальный период войны[76].

Весомый вклад в разработку отдельных направлений истории Кремля и подразделений государственной охраны внесла книга «Президентский полк. История и современность»[77]. Была также проведена значительная, хотя и не полная работа по установлению человеческих потерь в подразделениях государственной охраны в военные годы[78].

Сегодня на Президентский полк возложена задача охраны и защиты Московского Кремля. История этого славного подразделения нашла свое отражение в посвященном юбилею полка монументальном издании[79], вышедшем в свет в 2011 году.

В последнее десятилетие появились исследования и в такой сфере государственной безопасности, как специальная связь. Применительно к теме данной книги нельзя обойти вниманием особенности создания органов управления правительственной связью Ставки Верховного главнокомандования, развитие фронтовых сетей правительственной связи в ходе военных операций Красной армии на различных этапах войны, формирование войск правительственной связи ОГПУ — НКВД, отвечавших за безопасность связи руководства государства[80].

Некоторые сюжеты рассматриваемой темы, в частности история неудавшегося теракта у Лобного места на Красной площади в 1942 году, отдельные аспекты деятельности подразделений госохраны, такие как обеспечение безопасности на международных конференциях стран — участниц антигитлеровской коалиции, уже получили развитие в ряде статей, опубликованных в последние годы[81].

В целом, тема госохраны и повседневной жизни Московского Кремля XX века только начинает исследоваться. Основная трудность здесь заключается в сложности выявления источников. Работа основывается на опубликованных и неопубликованных материалах. Последние составили документы архива Президента Российской Федерации (АПРФ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), в части уже рассекреченных.

Существенным вкладом в исследование деятельности органов государственной охраны в годы Великой Отечественной войны стала книга[82], вышедшая в 2010 году. Использованные в ней материалы многообразны: законодательные и нормативные акты, делопроизводственная документация, следственные материалы лиц, привлеченных к ответственности за террористическую деятельность в отношении руководителей Советского государства (С. Т. Дмитриева, П. И. Таврина и Л. Я. Шиловой), мемуарная литература.

Постановления и распоряжения Президиума Верховного Совета, Совета народных комиссаров, Политбюро ЦК

ВКП(б), Государственного комитета обороны определяли правовое положение органов госбезопасности и место подразделений государственной охраны в этой системе.

Важное значение имели акты НКВД СССР — НКГБ СССР, начальников 1-го отдела НКВД СССР — 6-го Управления НКГБ СССР, Управления коменданта Московского Кремля НКВД — НКГБ СССР, приказы, в которых отразились реорганизации и прочие изменения, которые претерпели подразделения государственной охраны в исследуемый период.

Документы, касающиеся истории Кремля в военные годы, также содержатся в уже опубликованных материалах, рассекречивание которых активно осуществляется с начала 1990-х годов[83]. Большой объем архивного материала, непосредственно касающегося исследуемой темы, опубликован в сборнике «Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов государственной безопасности СССР и Центрального архива ФСБ России»[84], в журнале «Исторический архив», например, связанного с проведением и обеспечением безопасности Ялтинской конференции 1945 году[85] и др.

К числу новых источников, использованных в книге «Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны», относится книга регистрации заказа пропусков в Кремль (ноябрь 1941 — март 1942), в том числе и на прием к Верховному главнокомандующему, сохранившаяся в документах Управления коменданта Московского Кремля. В настоящее время широко известны опубликованные как в журнальном варианте, так и в виде отдельного издания тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным[86]. Эти записи вели дежурные секретари, учитывая посетителей и время приема в сталинском кабинете. Однако их нельзя рассматривать как единственный и полный источник, поскольку фиксация посетителей велась не только в этих тетрадях и прием посетителей Сталиным проводился не только в кабинете, но и в других помещениях Московского Кремля. Вследствие этого, книга регистрации пропусков комендатуры Кремля дополняет тетради (журналы) посещений сталинского кабинета и существенно уточняет ряд принципиальных вопросов, в частности место пребывания главы государства в самые критические дни первого периода войны, о количестве проведенных совещаний и их персональном составе и т. д.

Неожиданные стороны истории Московского Кремля военной поры отразились в мемуарной литературе. Несмотря на субъективность данного жанра, в некоторых случаях мемуары являются практически единственным источником информации, поскольку смогли зафиксировать такие детали, которые априори не могли отразиться в официальных документах.

Отдельную группу представляют опубликованные мемуары ветеранов органов госбезопасности и госоохраны П. А. Судоплатова, Н. С. Власика, М. С. Докучаева, С. С. Королёва, А. Н. Бучина, Д. Н. Шадрина[87]. В них содержатся ценные сведения о повседневной работе сотрудников госохраны, жизни охраняемых лиц в период Великой Отечественной войны, личное отношение к происходившим событиям, взгляд изнутри. Небезынтересны эти мемуары и тем, что те из авторов, кто писал и публиковал свои воспоминания, начиная в 1990-х годов, имели возможность вводить частично или полностью в свои мемуары имевшуюся в их распоряжении ранее закрытую информацию, к которой они имели доступ в силу своей служебной деятельности.

В работе использовались материалы и неопубликованных еще воспоминаний ветеранов госохраны: начальника личной охраны Г. К. Жукова — подполковника Н. Х. Бедова; генерал-майора С. Ф. Кузьмичёва — заместителя подразделения личной охраны И. В. Сталина; подполковника Г. А. Эгнатошвили — начальника личной охраны Н. М. Шверника; капитана Я. А. Чернявского — офицера личной охраны И. В. Сталина.

В то же время приходится отметить, что степень достоверности приводившихся в мемуарной литературе све-

дений очень разная. Характерным примером можно считать серию публикаций А. Т. Рыбина[88]. Несмотря на то что сам автор в своих записках настойчиво говорит о своей принадлежности к непосредственной охране высшего руководства государства в 1930–1950-е годы, его самая высокая должность — начальник специальной зоны Большого театра. По роду своих обязанностей он занимался организационной работой при обеспечении мероприятий с участием первых лиц, но не более того. Основными источниками для А. Т. Рыбина стали рассказы других сотрудников госохраны, многие из которых действительно работали в непосредственной охране советского руководства. Оценить корректность их воспроизведения достаточно проблематично. В то же время их нельзя полностью игнорировать, поскольку некоторые содержащие в них сведения, хотя и не подтвержденные автором, дают направление поиска исследователям, поскольку косвенно или напрямую подтверждаются другими источниками.

Отдельный пласт мемуарной литературы представляют воспоминания государственных деятелей той поры, в которых также есть сведения о сотрудниках охраны и некоторые интересные оценки и комментарии[89]. В этом отношении особенно ценны воспоминания премьер-министра Великобритании У. Черчилля, который за время войны трижды посетил СССР и имел возможность наблюдать деятельность советских органов безопасности. Некоторыми из своих впечатлений он поделился на страницах своих книг. В воспоминаниях маршалов Великой Отечественной войны Г. К. Жукова, А. М. Василевского, С. М. Штеменко, А. И. Еременко также нашли отражение некоторые аспекты деятельности госохраны[90]. Отдельную группу мемуарной литературы представляют воспоминания об И. В. Сталине и его семье, в которых содержатся сведения о периоде Великой Отечественной войны[91].

Несомненный научный интерес представляет и учебное пособие «История органов государственной охраны и подразделений специальной связи» под редакцией В. Д. Тарасова, опубликованное Голицынским пограничным институтом ФСБ России в 2010 году. Коллектив авторов впервые предпринял попытку создания комплексного исторического обзора формирования и деятельности подразделений отечественных спецслужб, обеспечивающих безопасность высших должностных лиц страны и работу специальной правительственной связи[92].

Существенную помощь в работе над книгой оказали справочные издания, раскрывающие структуру отечественных органов государственной безопасности и содержащие сведения о руководителях подразделений[93].

Авторский коллектив Энциклопедии государственной охраны уверен, что настоящее многотомное издание, первый том которого находится в ваших руках, даст еще один импульс дальнейшему научному изучению и осмыслению истории органов государственной охраны и специальной связи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Петин С. И.* Собственный Его Императорского Величества конвой. СПб., 1899.

[2] *Петин С. И.* Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811–1911. СПб., 1911.

[3] *Леонтьев И. А.* История 1-го Железнодорожного полка. СПб., 1902.

[4] Сводно-гвардейский батальон, а ныне Собственный Его Императорского Величества пехотный полк, на страже царского трона. СПб., 1909.

[5] Императорская гвардия. СПб., 1910.

[6] *Гринев Л.* История Роты дворцовых гренадер. СПб., 1912.

[7] *Бреслер Н. Э.* 24 октября 1909 г. в Ливадии: Испытание Государем Императором полного походного солдатского снаряжения. Одесса, 1912.

[8] Покушение на жизнь императора Николая Павловича в Познани в 1843 г. // Русская старина. 1880. Т. 28. № 5; *Дворжицкий А. И.* Первое марта 1881 г. // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995; *Полевой Н. К.* Император Александр III в Беловеже // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001; *Кондараки В. Х.* Жизнь императора Александра II на южном берегу Крыма // Русская старина. 1915. Сентябрь.

[9] *Савинков Б.* Воспоминания террориста. Л., 1990.

[10] *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Пг., 1918.

[11] *Цявловский М.* Николай II в Москве в 1912 г. // Голос минувшего. 1917. № 5–6.

[12] *Сватиков С. Г.* Русский политический сыск за границей. Ростов н/Д., 1918.

[13] *Яковлев В. И.* Охрана царской резиденции. Л., 1926.

[14] *Шеманский А., Гейченко С.* Петергофский Нижний дворец (бывшая дача Николая II). Л., 1929; *Шеманский А., Гейченко С.* Коттедж. Дача Николая I в Петергофе. Л., 1930; *Шеманский А.* Коттедж в Александрии (дача Николая I). Л., 1935; *Шеманский А.* Нижний дворец. Дача Николая II. Л., 1935; *Шеманский А. В.* Александрия. Петергоф. Л., 1936.

[15] *Шеманский А., Гейченко С.* Последние Романовы в Петергофе. Путеводитель по Нижней даче и вагонам. Л., 1937.

[16] *Иванова Т. К., Логунова Е. П.* Николай II и его семья в Петергофе. Петергоф, 2002.

[17] *Попов А. В.* Романовы на южном берегу Крыма. Симферополь, 1930.

[18] *Спиридович А. И.* При царском режиме // Архив русской революции. Берлин. 1924. Т. 15; *Спиридович А.* Записки жандарма. Харьков, 1929.

[19] *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Т. 1–3. Нью-Йорк, 1960–1962.

[20] *Спиридович А. И.* Начало Распутина // Иллюстрированная Россия. 1932. № 15.

[21] *Дейли Дж.* Вступительная статья к публикации: *Спиридович А. И.* Охрана и антисемитизм в дореволюционной России // Вопросы истории. 2003. № 6.

[22] *Spiridovich A.* Les dernieres annees de la cour de Tsarskoe Selo. T. 1–2. Paris, 1928. *Spiridovich A.* Histoire du terrorisme Russe. 1886–1917. Paris, 1930.

[23] *General Spiridowitsch.* Rasputin. Stuttgart. 1939.

[24] *Галушкин Н.* Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811–1861. Сан-Франциско, 1961.

[25] *Тихомиров Л. А.* Пребывание Халтурина в Зимнем дворце // «Народная Воля» и «Черный передел». Л., 1989.

[26] *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982.

[27] *Рууд Ч., Степанов С. А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993; Оккультные силы России // Под ред. Б. А. Старкова. СПб., 1998.

[28] *Воронцов С. А.* Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации: История и современность. М., 1999.

[29] *Кравцев И. Н.* Тайные службы империи. М., 1999.

[30] *Ерошкин П. Н.* Выстрел у Летнего сада // Вопросы истории. 1993. № 7; *Персианов И. А.* «Спаситель» императора: О. И. Комиссаров-Костромской // Из глубины времен. 1997. Вып. 8.

[31] *Брачев В. С.* Заграничная агентура Департамента полиции. 1883–1917. СПб., 2001.

[32] *Перегудова З. И.* Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000.

[33] *Галвазин С.* Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001.

[34] *Нечаев Г.* Судьба императорской яхты «Штандарт». М., 2000.

[35] *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; *Сергеев В. Д.* Пропагандист с динамитом. Вятка, 1998.

[36] *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000; *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.

[37] *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту: Заговоры перед революцией 1917 г. М., 2003.

[38] *Туоми Т.* Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб., 2003.

[39] ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 2. № 1436. 2 октября 1827 г. Об учреждении Роты дворцовых гренадер.

[40] ПСЗРИ. 2-е изд. Т. LV. Отд. 1. № 60815 // О штате чинов охраны императорских дворцов с Канцеляриею; ПСЗРИ. 2-е изд. Т. LV. Отд. 1. № 60816 // Об усилении Санкт-Петербургской городской полиции.

[41] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404 // Обзор истории и штаты Дворцовой полиции за период с 1861 по 1911 г.

[42] РО РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.

[43] РО РНБ. Ф. 58. П. 50 (раздел 2). Д. 5 // Докладная записка Полянского с донесениями Майна о готовящихся покушениях нигилистов. 1881 г.; Ф. 58. П. 50 (раздел 2). Д. 6 // Письма Орнадского к Воронцову-Дашкову о свидании для сообщения своих планов по охране жизни царя. 1881 г.; Ф. 58. П. 50 (раздел 2). Д. 15 // Донесения агентов о тайных наблюдениях за офицерами, внушавшими подозрения своим поведением. 1882 г.

[44] Первые недели царствования Александра III. Письма К. П. Победоносцева из Санкт-Петербурга в Москву к Е. Ф. Тютчевой // Русский архив. 1907. Кн. 5–8.; Письма К. П. Победоносцева к Александру III // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

[45] *Спиридович А. И.* Рапорт состоящего в распоряжении дворцового коменданта полковника Отдельного корпуса жандармов Спиридовича с объяснениями по предметам расследования сенатора Трусевича. 17 апреля 1912 г. СПб., 1912.

[46] Показания А. И. Спиридовича 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т.III. Л., 1925.

[47] Письма Медникова Спиридовичу // Красный архив. Т. 4 (17). М., 1926.

[48] *Спиридович А.* Записки жандарма. Харьков, 1929.

[49] *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Т. 1–3. Нью-Йорк, 1960–1962.

[50] *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003.

[51] *Гиппиус З. Н.* Живые лица. Прага, 1925.

[52] *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II. Гельсингфорс, 1936.

[53] *Мосолов А.* При дворе императора. Рига, 1936.

[54] *Дворжицкий А. И.* Первое марта 1881 г. // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.

[55] *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985.

[56] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 1–2. М., 1997.

[57] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М., 2002.

[58] *Богданович А. В.* Дневник // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995; *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. I–II. М., 1960; *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. М., 1996; *Милютин Д. А.* Дневник // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995; *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1891–1892. М., 1934; *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1911–1919. М., 1991; *Вельяминов Н. А.* Воспоминания об Александре III // Российский архив. Вып. 5. М., 1994; *Рейн Г. Е.* Из пережитого: 1907–1918. Берлин, 1935.

[59] Дневники Николая II. М., 1991; Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1915. Т. III. М, 1925; Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917. Т. V. М., 1927.

[60] *Александр Михайлович.* Великий князь. Книга воспоминаний. М., 1991; *К. Р.* Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998; *Гавриил Константинович.* Великий князь. В Мраморном дворце. Нью-Йорк, 1955; Дневник бывшего князя Андрея Владимировича. Л., 1925; *Кирилл Владимирович.* Великий князь. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996.

[61] *Вырубова А.* Страницы из моей жизни. Берлин, 1923; *Вырубова А. А.* Неопубликованные воспоминания // Николай II. Воспоминания, дневники. СПб., 1994; *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 2001.

[62] Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. III. Л., 1925.

[63] Инструкция чинам Отряда секретной охраны, по охране Их Императорских Величеств во время высочайших путешествий и пребываний вне мест постоянных резиденций. СПб., 1913.

[64] История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996.

[65] Московский Кремль: Указатель литературы (1723–1987). Ч. I. Московский кремль с древнейших времен до наших дней. М., 1989; Ч. II. Московский Кремль — уникальное собрание памятников истории и культуры. М., 1998.

[66] *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990; *Бартенев С. П.* Московский Кремль в старину и теперь. Т. 1–2. М., 1912–1916.

[67] См., напр.: *Козлов В. Ф.* Трагедия монастырей: год 1929 // Московский журнал. 1991. № 1; *Козлов В. Ф.* Хроника разрешений. Год 1928-й // Архитектура и строительство Москвы. 1990. № 12; *Костюкова Т. Н., Зайцев А. С., Аронзон М. Э., Шилобреев А. В.* Комплексные инженерные изыскания при поисках склепа великого князя Сергея Александровича в Московском Кремле // Разведка и охрана недр. 1996. С. 54–58; *Тутова Т. А.* Директор Оружейной палаты Д. Д. Иванов и борьба за сохранение музейных ценностей в 1922–1929 гг. // Сокровищница России. М., 2002; Кремль неизвестный-известный. М., 2006; *Михайлов К. П.* Уничтоженный Кремль. М., 2007; и др.

[68] *Дерябин П.* Стражи Кремля. От «охранки» до 9-го Управления КГБ. М., 2000.

[69] Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 1–4. М., 2006–2008; Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М.; Великий Новгород, 1999; Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века — 1922 г. М., 1999; Исторические чтения на Лубянке. 1999 год. Отечественные спецслужбы в 1920–1930-х гг. М., 2000; Исторические чтения на Лубянке. 2001 год. Отечественные спецслужбы в послевоенные годы. 1945–1953 гг. М., 2002; Материалы Исторических чтений на Лубянке. 1997–2000 гг. Российские спецслужбы. История и современность. М., 2003; Исторические чтения на Лубянке. 2002 год. М.; Великий Новгород, 2003; Исторические чтения на Лубянке: 1997–2007. М., 2008; Государственная безопасность России: история и современность.

М., 2004; «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003; Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 2001; Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. М., 2006; Лубянка: Из истории отечественной контрразведки. М., 2007.

[70] *Коровин В. В.* История отечественных органов безопасности. М., 1998. С. 55.

[71] *Линдер И. Б., Чуркин С. А.* История специальных служб России. X–XX вв. М., 2004.

[72] История Государственной охраны России. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917 гг. М., 2006. Государственная охрана России. 1881–2006: Каталог выставки. Исторические очерки. М., 2006; Кремль-9. 2006. № 11. Спецвыпуск, посвященный 125-летию органов государственной охраны.

[73] Главный гараж России. От Собственного Его Императорского Величества гаража до Гаража особого назначения. 1907–2007. М., 2007.

[74] Гараж Особого назначения. 90 лет на службе Отечеству. 1921–2011. М., 2011.

[75] Московский Кремль — цитадель России. М., 2008.

[76] Большой Кремлевский дворец. М., 2009.

[77] Президентский полк: История и современность. М., 2006; (2-е изд.) М., 2008.

[78] Кремлевцы на боевом посту: Книга памяти. 1918–2000 гг. М., 1999; (2-е. изд.) М., 2000.

[79] Полк специального назначения. М., 2011.

[80] *Павлов В. В., Астрахан В. И., Чернега В. Г., Чернявский Б. Г.* Правительственная электросвязь в истории России. Ч 1. 1917–1945. М., 2001; *Корнев Ю. П., Валдаев С. А., Астрахан В. И., Орличеня В. В., Павлов В. В., Троянов С. В., Чернега В. Г.* Специальная связь в системе государственного управления России: история и современность. М., 2006.

[81] См., напр.: *Жиляев В.* Теракт на Лобном месте. Кремль в годы Великой Отечественной войны // Родина. 2008. № 9. С. 90–95; *Он же.* Кто покушался на Микояна // Российская газета, 24 сентября 2008; История формирования подразделений государственной охраны Советской России // Кремль-9. 2006. № 11. С. 24–33; *Жирнов Е.* Горничных представить к наградам // Коммерсантъ-Власть. 18 июля 2000; *Черушев Н. С.* Коменданты Кремля в лабиринтах власти. М., 2005; и др.

[82] Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. М., 2010.

[83] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1995; Т. 2. Кн. 1–2. М., 2000; Т. 3. Кн. 1–2. М., 2003. Лубянка. Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1991. М., 2003; Лубянка Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. М., 2006; Чекисты на защите столицы: Документы и материалы об участии сотрудников Московского управления госбезопасности в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой: Сб. М., 2001; Москва военная: 1941–1945. Архивные документы и материалы. М., 1995; Москва прифронтовая: 1941–1942. Архивные документы и материалы. М., 2001; Москва послевоенная: 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000; Правительственная связь СССР. Сб. документов. М., 1997; *Невежин В. А.* Застольные речи Сталина: Документы и материалы. СПб., 2003; Иосиф Сталин в объятиях семьи: Из личного архива. Сб. документов / Сост.: Мурин Ю. Г. / Родина: Edition Q (Берлин, Чикаго, Токио, Москва), 1993; и др.

[84] Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов государственной безопасности СССР и Центрального архива ФСБ России. М., 2002.

[85] Исторический архив. 1993. № 5.

[86] На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008.

[87] *Докучаев М. С.* Москва. Кремль. Охрана. М., 1994; *Бучин А. Н.* 170 000 километров с Г. К. Жуковым: Беседы шофера полководца с историком Яковлевым Н. Н. М., 1994; *Логинов В. М.* Тени Сталина: Генерал Власик и его соратники. М., 2000; Воспоминания Д. Н. Шадрина // Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000; *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль: 1930–1950 годы. М., 2005; *Королёв С. С.* Наша великая эпоха: Воспоминания ветерана-кремлевца. М., 2007.

[88] *Рыбин А. Т.* Со Сталиным четверть века (записки телохранителя); Сталин и органы ОГПУ (записки телохранителя); Рядом со Сталиным в Большом театре (записки военного коменданта); Сталин и Жуков; Сталин на фронте (записки телохранителя); Сталин в Сталинграде (записки телохранителя); Сталин в октябре 1941 г. (записки телохранителя). М., 1995–1996.

[89] *Черчилль У.* Вторая мировая война: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2003; *Джилас М.* Беседы со Сталиным. М., 2002; *Каганович Л.* Памятные записки. М., 2003.

[90] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 1–2. М., 1970; *Еременко А. И.* Годы возмездия: 1943–1945 гг. М., 1985; *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1984; *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1975.

[91] *Лобанов М.* Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 2002, 2008; *Аллилуев В.* Аллилуевы — Сталин: хроника одной семьи. М., 2002; *Джугашвили-Сталина Г.* Внучка вождя. Дед, отец, Ма и другие. Биографическая повесть. М., 2003; *Джугашвили-Сталина Г.* Тайна семьи вождя. М., 2007.

[92] История органов государственной охраны и подразделений специальной связи: Учеб. пособие / Под. ред. В. Д. Тарасова. Голицино, 2010.

[93] Лубянка. Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1991. М., 2003; Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления. 1923–1991. Историко-биографический справочник. М., 1999; *Кокурин А. И., Петров Н. В.* Кто руководил НКВД (1934–1941): Справочник. М., 1999; *Петров И. В.* Кто руководил органами госбезопасности: 1941–1954. М., 2010.

История органов государственной охраны

Раздел первый

глава 1

ОХРАНА ГОСУДАРЯ

ДО XVIII ВЕКА

Институт государственной охраны высших должностных лиц страны — неотъемлемая часть системы обеспечения безопасности государства. История государственной охраны своими корнями уходит в глубь веков, в период формирования российской государственности. Социальное расслоение, появление первых элит и, как следствие, возникновение острых общественных противоречий — все это способствовало зарождению и развитию структур по охране высших сановников государства.

Многовековой опыт истории человечества свидетельствует о том, что охрана государственных и политических лидеров страны — важнейшая функция государства, его правоохранительных органов. Порой гибель одного человека — руководителя государства — приводила целые страны и народы в состояние смуты и хаоса. Именно поэтому на всем протяжении истории Российского государства задачи обеспечения безопасности первых лиц страны находились в разряде особой важности.

Образ первого лица государства, который звался впоследствии «великим государем», созидался постепенно, шаг за шагом, под влиянием новых жизненных начал, в процессе становления и эволюции российской государственности. Первоначально великий государь, при всей высоте своего положения, ничуть не удалялся от народных корней.

План Москвы.
Гравюра из «Описания путешествия в Москву и Персию» А. Олеария. 1656 г.

Если «господином» в древности называли князя и вообще самое почетное и высшее лицо, то «государем» — преимущественно только лицо самовластительное и самодержавное. Значение такого государя приобрел, как известно, государь московский. Великий государь московский с распространением своего политического могущества, приобретя титулы царя и самодержца, на деле оставался все тем же государем, то есть это был помещик с царственными нормами жизни, отражавшими величие его сана.

Обязанности по охране как самого князя (великого князя Киевского и иных князей из рода Рюриковичей), так и мест его пребывания возлагались на княжескую дружину — постоянный отряд приближенных к князю вооруженных людей.

Первоначально в дружине доминировал норманнский этнический элемент. Дружина состояла из старших и младших дружинников.

Старшими дружинниками («передние, лепшие мужи») были мужи или бояре. Они относились к руководящему составу и являлись наиболее влиятельными членами дружины. В дальнейшем они стали княжескими советниками — думцами. Старшие дружинники, будучи думцами князя, занимали высшие места в дворцовом и областном управлении; служили княжескими тиунами (княжеские или боярские слуги, управлявшие хозяйством), конюшими, подъездными и посадниками (наместниками в главных городах), назначались на должности тысяцких.

Младшая дружина — гридь (гридьба — особый отряд княжеской дружины), отроки — главная, постоянная военная сила князя. Дружина охраняла место пребывания своего господина, государя и сопровождала его в походах и передвижениях. Придворные слуги также входили в ее состав и занимали при княжеском дворе низшие должности ключников, конюхов, управляли менее важными и богатыми волостями.

В период Киевской Руси было полное господство дружинного склада высшего класса. Подвижные вольные дружины бояр и отроков-воинов, не связанных с землей, но сильных нравственной связью с князем и своими соратниками, вполне соответствовали характеру киевских князей-воителей.

В XII веке складывается новый порядок. Князья изменяют свое отношение к земле и начинают закреплять отдельные уделы. Соответственно с этим изменяется и характер их дружин. С оседлостью княжеских бояр-дружинников исчезает прежняя дружина — тесное товарищество. Князь теперь имел дело уже не с дружиной, как с одним целым, а с отдельными слугами. В большей степени дружинники князя превратились в княжеских бояр и слуг. Теперь великий государь чествовал и берег только верных, прямых (непосредственных) своих слуг.

В удельный период в деле охраны князя начинает приобретать важное значение его двор, состоявший из дворовых слуг и дворовых людей.

Дворовые слуги, или «слуги под дворским», — независимые лица, подчиненные дворецкому. Они владели имениями, пожалованными им из дворцовых земель князя не в безусловную собственность (в отличие от вольных слуг), а на период службы. Этих земель они лишались, когда переходили на службу к другому князю.

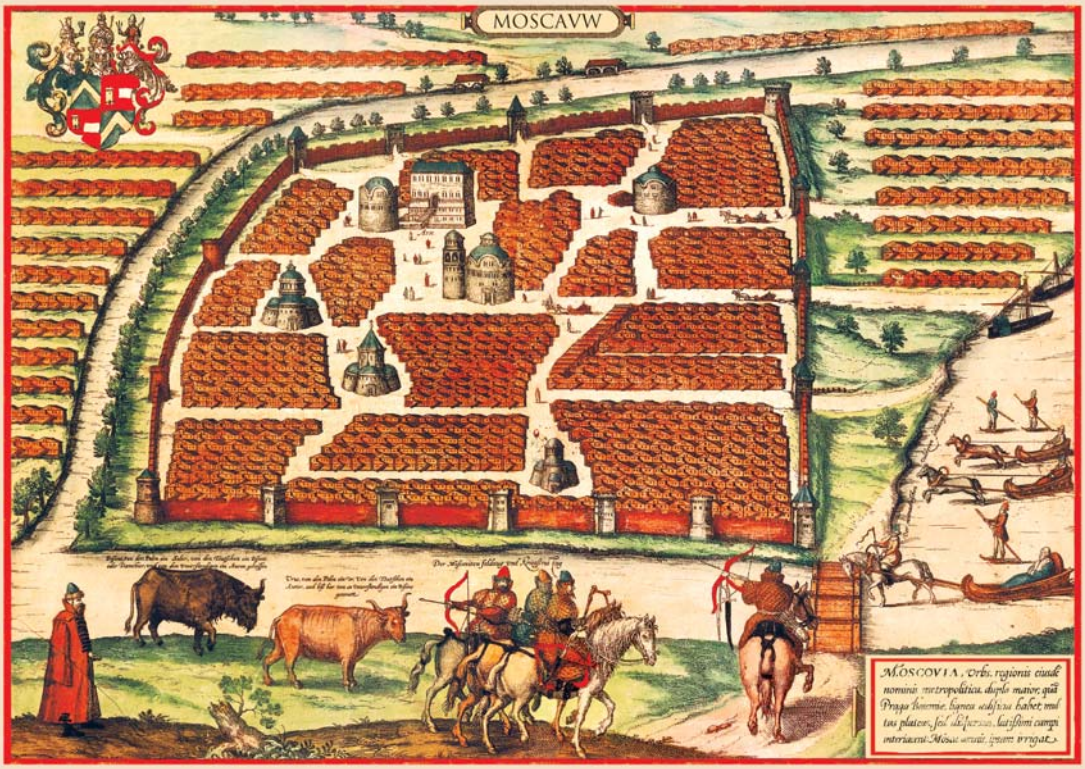
Дворовые люди, или дворяне, были зависимыми дворовыми людьми, жившими при князе для обеспечения его личных потребностей (услуг) или особых поручений. Большинство из них было несвободно. Дворовыми людьми в удельный период стали называться княжеские холопы и сблизившаяся с ними часть младших дружинников, отроков и детских, живших во дворе князя. Они исполняли различные обязанности по дворцовому управлению, служили ключниками, тиунами, казначеями, посельскими ключниками — сельскими приказчиками, дьяками. В военное время, подобно боярам и слугам, дворяне превращались в воинов, составляя вместе с дворовыми слугами особый отряд приближенных к князю людей.

В этот период начинают обособляться отдельные ведомства дворцового управления и постепенно вырабатывается сложная система администрации, унаследованная и развитая далее в Московском государстве.

Одной из виднейших должностей являлась должность дворского, или дворецкого. Дворский заведовал двором и дворцовым ведомством князя. Главному дворецкому, заведовавшему дворцом князя в стольном городе, подчинены были дворские, заведовавшие дворцами князей в провинциальных городах.

Некоторые статьи дворцового хозяйства были выделены в особые ведомства: сокольничий, конюший, ловчий, чашничий, стольничий.

Вознаграждением бояр за их гражданскую службу было пожалование кормлений, или путей, как они назывались в удельный период. Должностным лицам предоставлялось обращать в свою пользу часть собираемых ими торговых, судебных пошлин и других княжеских доходов. Отсюда все бояре, управители-кормленщики, назывались путными боярами.



План Кремля.
Гравюра из «Записок» С. Герберштейна. XVI в.

С конца XV века постепенно формировался и к середине XVII столетия окончательно оформился особый статус государя, требовавший охраны самодержца. При Василии III (1479–1533) в Москве были уже пищальники — телохранители великого князя, вооруженные пищалями (ружьями).

Служба бояр и вообще сановников была напряженнее, чем служба домовых людей. Они были обязаны служить до последней физической возможности, каждый день рано утром являться во дворец, опоздание всегда влекло за собой гнев и немилость государя. Без разрешения государя они не смели выехать из Москвы хотя бы на один день даже в ближайшие свои пригородные села и деревни.

«Да не токмо для гулянья своего отпрашиваются, — пишет подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин[1], — но когда приключится им которого дня друг у друга быти в гостях, на свадьбе, или на крестинах, или на именинах, и они отпрашиваются по таком уж обычаю».

Наиболее ранние письменные источники, содержавшие непосредственные сведения о великокняжеской и царской охране в Российском государстве, относятся к периоду правления царя Ивана IV (Грозного). В частности, в приговоре Боярской думы (август 1555 года) фигурирует решение о наделении землей рядом с Московским Кремлем двух тысяч дворцовых стрельцов. Их постоянное присутствие вблизи царского дворца аргументировалось необходимостью охраны царских особ.

В период опричнины Иван Грозный для своей охраны создал корпус опричной стражи. Отбор опричников-телохранителей из князей, бояр, дворян и детей боярских царь производил лично. Каждый опричник отрекался от своих родных и обязывался служить только царю, за что наделялся имением и землей. Опричники носили черную одежду, к седлу прикрепляли собачью голову и метлу. Тщательно отобранные опричники совмещали обязанности

личных телохранителей с функциями политической полиции. После отмены опричнины для своей охраны и охраны Московского Кремля цари вновь вернулись к системе рынд и стрелецкой стражи.

Вотчинно-господарский тип московских князей обозначился даже в самом устройстве стольного города Москвы и его сердца — Кремля. В сущности, это была помещичья усадьба, обширный двор, стоявший среди деревень и слобод, которые почти все имели какое-либо служебное назначение в хозяйстве вотчинника, в потребностях его дома и домашнего обихода. Целые улицы и слободы существовали как домовые дворовые службы. В 1565 году Иван Грозный построил Опричный двор — дворец между современными улицами Моховой, Воздвиженкой, Романовым переулком. Из таких слобод и улиц состояла почти вся западная часть города, именно та часть, которую отделял для своих опричников царь Иван Васильевич, — все улицы от Москвы-реки до Никитской. Некоторые иностранцы, бывавшие в Москве в XVI и XVII веках, вовсе не ошибались, когда весь Кремль, обнесенный каменной стеной, принимали за царский дворец. Действительно, первой основой Кремля, а стало быть всей Москвы, был княжеский двор или в самое древнее время — княжий стан.

Самый план Москвы (похожий на паутину), центростремительная направленность ее построек, расположение улиц и переулков, из которых одни, как радиусы, бегут к центру — Кремлю, а другие постоянно огибают этот центр, может наглядно свидетельствовать, куда тянулись нити жизни города.

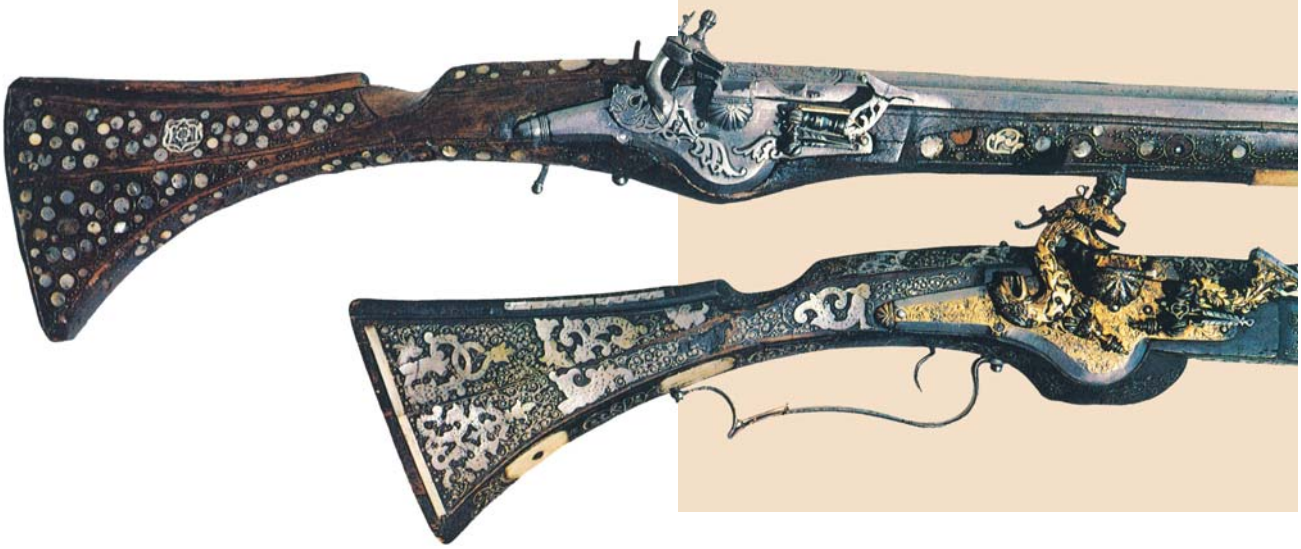
В XVII веке, как и в более раннее время, не существовало профессиональной службы охраны. Однако необходимость усиления безопасности обусловила создание вокруг Кремля оборонного пояса с поселениями обслуживающего люда.

Вокруг Кремля и Китай-города располагались стрелецкие слободы: слобода Стременного стрелецкого полка — на нынешней Новоманежной площади и другая слобода — на современной Лубянской площади. Стрелецкие слободы были и на углу современных Волхонки и Рождественки, а также на месте Лубянского сквера, у Ильинских ворот, в Замоскворечье и других местах города в пределах современного Садового кольца.

В Русском государстве XVI — начала XVIII века стрельцами были служилые люди, то есть находившиеся на государственной службе. Стрельцы составляли постоянное войско, пехоту. Получали жалованье деньгами, хлебом, иногда даже землей.

Между современными Тверской и Малой Дмитровкой находилась слобода «воротников» — сторожей при воротах Кремля и Китай-города (ныне Воротниковский переулок).

Древнейшее заселение Кремля сосредотачивалось у Боровицких ворот, на бору, на высоком берегу речки Неглинной и Москвы-реки. Здесь подле реки находилось Остожье с обширными лугами под Новодевичьим монастырем, где паслись табуны государевых лошадей и на



Пищали.
XVII в.

Рассвет над Кремлем.
Художник А. М. Васнецов

Остоженном дворе заготовлялось в стогах сено на зиму. Здесь же в Земляном городе (Белый царев город) были запасные государевы конюшни и слобода Конюшенная с населением конюшенных служителей.

Улица Поварская с переулками — Столовым, Хлебным, Скатертным и другими — населена была приспешниками и служителями царского стола.

Слобода Воронцово, окруженная лесом и полями, издревле была загородной государевой дачей.

Князья, как потом и цари, занимали всегда верхние ярусы дворца, который в XVI и XVII веках назывался «верхом»; выражение «у государя наверху» — значило то же, что «во дворце». В нижних этажах древних княжеских хором, под клетями (подклетами), жили или временно размещались княжеские слуги и все лица, составлявшие княжеский двор и называвшиеся поэтому дворянами, в том числе и охрана (караул). В больших княжеских хоромах обширные сени соединяли комнату с «повалушей», или «повалышей», которая всегда ставилась особняком от жилых хором, с передней их стороны. Это был обширный летний, холодный покой, соответствовавший древней гридне, а впоследствии «столовой», то есть парадной комнате, в которой устраивали праздники и давали пиры, принимали гостей. При входе в эту парадную комнату обязательно ставили посты караула.

Охранялись также и княжеские хозяйственные дворовые постройки. Великокняжеская казна (серебряные и золотые сосуды, дорогие меха, ткани и тому подобные предметы) по весьма древнему обычаю хранилась большей частью в споях и подвалах, или подклетах, каменных церквей. Так, из летописей известно, что казна великого князя Ивана Васильевича хранилась прежде в церкви Рождества Богородицы и Лазаря, а казна великой княгини Софьи Фоминичны — под церковью Иоанна Предтечи на Бору, у Боровицких ворот. Эти места были под особо строгим контролем охраны.

Есть сведения об охране Коломенского дворца, загородной резиденции великих князей. С восточной стороны дворца, где стояли передние хоромы государевы, в нижнем этаже размещались подклеты для кладовых и стрелецких караулов, находившихся один у крыльца, под передними комнатами, другой у ворот, под столовой (к северной стороне). С западной стороны дворца размещены были хоромы царевен. Нижний этаж этих хором служил для помещения дворовых людей и стрелецких караулов.

ВНУТРЕННЯЯ ОХРАНА ГОСУДАРЕВА ДВОРА И ВРЕМЕННОЙ СТАВКИ

Функции охраны дворца, временной ставки и лично государя лежали на различных придворных и иных служителях и являлись фактически дополнением к их основным обязанностям. Когда говорится о дворце, то имеется в виду, прежде всего, Теремной дворец в Кремле, построенный в 1630-е годы для царя Михаила Федоровича и сохранившийся до нашего времени. Полный штат придворных чинов обслуживал Теремной дворец в Кремле. Русские государи в XVII веке посещали также свои загородные дворцы в селах Преображенском, Коломенском и Измайлове, ездили на богомолье в монастыри (в основном в Троице-Сергиев). В поездках царей сопровождала лишь часть придворных. Остальные оставались в резиденции.

Теремной дворец условно можно разделить на две половины: на государевы покои, личные царские апартаменты, куда допускался только строго ограниченный круг придворных, а также лично вызванные царем сановные лица, и на различные палаты и комнаты, где царь выполнял свои государственные функции вместе с Боярской думой и иными чинами.

По обязанностям придворной службы в государевых покоях, очевидно, дольше всех находился постельничий. Котошихин писал, что постельничий «ведает его (царя. — *Ред.*) царскую постелю и спит с ним в одном покою вместе». Постельничий имел весьма высокий статус в государственной иерархии — приравнивался к окольничему (второй ранг в Боярской думе после боярина). Значимость постельничего подкреплялась тем, что он носил малую государственную печать «для скорых и тайных... царских дел». В подчинении у постельничего состояли спальники, «которые спят у царя в комнате посуточно, по переменам, человека по четыре». В их обязанности входила также помощь государю при облачении в царское платье. В спальники назначались отпрыски «думных фамилий», пользовавшихся особым царским доверием. Для них обычно была уготована блестящая государственная или придворная карьера.

Приемом пищи царя ведал кравчий. Он лично подавал яства государю. На торжественных приемах и пирах блюда и напитки присутствующим разносили стольники (всего в 1660-х годах их насчитывалось 500 человек). Существовала особая группа «комнатных» стольников, которые имели право входить в личные царские покои. Известны также чашники, разносившие чаши с вином.

Другая категория служилых дворян — стряпчие: «Как царю бывает выход в церковь, или поход на потехи, или в палату, в Думу и для обедов, и в то время несут перед ним скипетр, а в церкви держат шапку и платок, а в походах возят панцирь, саблю и саадак» (их было более 800). Более двух тысяч человек насчитывали жильцы, которые «для

Белый рында

Крестовая, или Соборная, комната в Теремном дворце

походу и для всякого дела спят на царском дворе человек по 40 и больше». Стольники, стряпчие и жильцы, входившие в московские чины, помимо придворных обязанностей выполняли различные службы: в войсках, в гражданской администрации, посылались в города на воеводство и т. д. Общее управление Государевым двором возлагалось на дворецкого, одного из бояр, ведавшего Приказом Большого дворца. Ему подчинялся штат придворных служителей, и он, естественно, отвечал и за безопасность государя. Пища и напитки для царского стола проверялись не один раз: вначале их пробовал повар в присутствии дворецкого, затем дворецкий и ключник, и только после этого их забирали стольники и передавали кравчему.

Царским конюшенным двором заведовал в XVII веке ясельничий. Он отвечал за содержание царских лошадей, карет и саней. В его подчинении были приказчики и конюхи (всего несколько сотен человек), среди которых выделялись стременные конюхи. «Как царь ходит в поход или ездит по монастырям и по церквам, и они ездят и ходят за ним с плетью, и принимают из-под царя и держат лошади, и подводят, и ходят подле стремени и около саней и карет»[2].

Практически ежедневно «пред царскими очами» предстояли члены Боярской думы — бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки. В XVII веке их насчитывалось несколько десятков человек. Царь участвовал вместе с ними в обсуждении и решении важнейших государственных дел. Без приглашения стольники, стряпчие, жильцы и более мелкие чины не могли войти во дворец. Они толпились

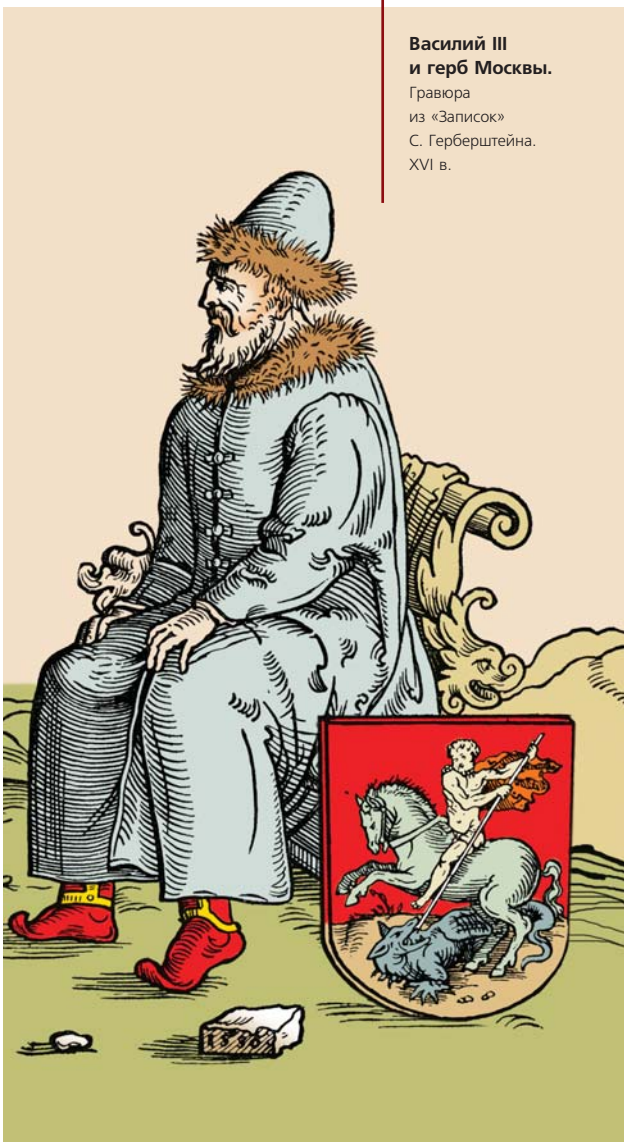
на Постельном крыльце или Боярской площадке (между Дворцом и Грановитой палатой). «Вверх», то есть во внутренние покои дворца, могли входить члены Боярской думы. При этом они были обязаны ожидать царского выхода в особой комнате — «Передней».

Придворные врачи и аптекари отвечали за здоровье государя. Они нанимались из западноевропейцев. По мере надобности их также вызывали во дворец. Медики подчинялись одному из бояр, ведавшему Аптекарским приказом.

Все перечисленные думные, придворные и московские чины, помимо основных своих обязанностей, принимали участие в охране государя: постельничий, спальники и комнатные стольники оберегали его во внутренних покоях; дворецкий следил за тем, чтобы пища и напитки не были отравлены, а также чтобы дворцовая прислуга проявляла бдительность; кравчий, стольники и чашники отвечали за безопасность во время трапезы и пиров; стряпчие охраняли царя при его выходах из внутренних покоев в другие помещения дворца и за его пределы; жильцы просто дежурили во дворце и составляли как бы резерв внутренней охраны; ясельничий и стременные конюхи следили за безопасностью государя во время посадки на лошадь и спешивания, посадки в карету или сани и высадки у дворцового крыльца и в пути; думные чины во время совещаний и заседаний Боярской думы не могли не обращать внимания на безопасность мероприятий.

Видная роль отводилась оруженосцам московских великих князей и царей — рындам (появились во времена правления Ивана III). Во время торжественных приемов иностранных послов они стояли по обе стороны царского трона, облаченные в парадную одежду, вооруженные серебряными топориками. На других церемониях каждый рында был вооружен бердышом. Рындами назначались самые рослые и широкоплечие знатные юноши — из стольников и стряпчих. Жалованья они не получали, служили ради чести, а к праздникам получали царские подарки, в том числе традиционные «именинные пироги». Была выстроена четкая иерархия: главный рында, у каждого рынды — свои подрынды, «податня». При выезде царя к войскам рынды непосредственно выполняли обязанности телохранителей-оруженосцев: в их ведении было царское военное облачение. Царский эскорт был экипирован подобающе: рынды носили роскошные турецкие кафтаны, отороченные горностаем, остроносые сапоги и высокие шапки. На груди сверкали две длинные золотые цепи.

Как видим, царский дворец ежедневно, даже в обычные будние дни, был наводнен более чем сотней лиц, так или иначе вовлеченных в охрану государя. Надо прибавить и множество простых слуг: тех, кто убирал помещение, топил печи, готовил пищу, одежду и т. д. Их всех, разумеется, инструктировали на предмет охраны здоровья и жизни государя и за ними устанавливался строгий контроль. В расписании придворных чинов XVII века мы не находим начальника внутренней охраны. Но, вероятно, его функции в Кремлевском дворце и временной ставке выполнял дворецкий.



Василий III и герб Москвы. Гравюра из «Записок» С. Герберштейна. XVI в.

ВНЕШНЯЯ ОХРАНА ГОСУДАРЕВА ДВОРА И ВРЕМЕННОЙ СТАВКИ

Внешнюю охрану государева двора и временной резиденции несли московские стрельцы. Стрельцы как вид войска (пехота, вооруженная огнестрельным оружием — мушкетом, по-русски «ручной пищалью») были созданы в XVI веке. В XVII веке они делились на московских (расквартированных в столице) и городовых. В течение XVII века численность московских стрельцов быстро росла: с 8–10 тысяч в начале века до 22 тысяч к 1681 году. Они делились на приказы во главе со старшим офицерством: головами и полуголовами. Младшими офицерами являлись сотники. Все офицеры были дворянами. Унтер-офицерский состав набирался из старослужащих стрельцов — это пятидесятники и десятники. В первой половине XVII века московские стрелецкие приказы состояли из 500 человек каждый. Только привилегированный Стременной приказ, единственный, несший конную службу у «царского стремени», насчитывал тысячу человек. Во второй половине XVII века численность обычных московских стрелецких приказов постепенно доводилась до тысячи человек. Стрелецкие офицеры получили общеармейские звания: головы стали полковниками, полуголовы — полуполковниками, а сотники — капитанами. Сами приказы назывались теперь полками (их к 1681 году стало около 20). Каждый стрелецкий полк (приказ) был одет в кафтаны определенного цвета. Только цвет кафтанов Стременного полка был всегда постоянным — ярко-красным. Полки (приказы) получали названия по фамилиям их полковников (голов). Эти названия вошли в топонимику Москвы. Так, Сухаревка была названа по расквартированному в этом месте стрелецкому полку полковника Сухарева.

Теремной дворец.
Художник А. М. Васнецов

Московские стрельцы проживали в городе слободами. У них были семьи и хозяйство. Стрельцы получали из казны годовое жалованье 3–5 рублей, а также рожь и овес (или ячмень) до 72 пудов. Им время от времени выдавалось сукно на кафтаны. Стрелецкие офицеры-дворяне располагали поместьями и денежным жалованьем в 10–16 рублей в год. Денежное и хлебное жалованье стрельцов было недостаточным для содержания семьи, поэтому им разрешалось во внеслужебное время заниматься ремеслом, промыслами и торговлей.

Стрелец был вооружен огнестрельным и холодным оружием. В течение XVII века использовались как архаичные мушкеты с фитильным запалом, так и более новые — с колесцовым и ударно-кремневым замками. Мушкет с фитильным запалом был более тяжелым, кроме того, в состоянии готовности к выстрелу в руке необходимо было держать тлеющий фитиль. При всех этих неудобствах фитильный запал был зачастую надежнее, особенно в сырую погоду, когда колесцовые и ударно-кремневые системы давали осечку. Только в конце XVII века, с усовершенствованием ударно-кремневого ружья, оно прочно вытеснило все другие системы. Из холодного оружия использовались сабли и бердыши. Бердыш с лезвием в форме полумесяца на конце служил также подставкой к мушкету при стрельбе. Офицеры вооружались саблями, пистолетами и протазанами (на двухметровом древке фигурный наконечник для нанесения колющих ударов).

Основной обязанностью московских стрельцов была караульная служба по охране государева двора и временной резиденции, а также Москвы. Но в военное время по 3–4 полка, попеременно, обязательно принимали участие в боевых действиях.

Государев двор, как уже отмечалось, занимал лишь часть Московского Кремля. Он располагался в пространстве между Троицкой, Тайницкой и Боровицкой башнями. Причем в XVII веке дошедшие до нашего времени крем-

Знамена стрелецких полков.
Рисунок из альбома Э. Пальмквиста.
Фрагмент. 1674 г.

левские стены были хотя и основными, но не единственными. За ними шла еще стена, огораживающая собственно государев двор. Она повторяла очертания основной стены от Тайницкой к Боровицкой и Троицкой башням и пересекала поперек внутреннее пространство Кремля по линии: Троицкая башня — Грановитая палата — Благовещенский собор — Тайницкая башня.

Это был периметр внешней охраны государева двора в Кремле, которую несли московские стрельцы. Стрелецкий караул (он еще назывался «стенной караул», или «вахта») назначался на сутки. В нем насчитывалось около 500 человек. Основное караульное помещение находилось «в подклетах» под Грановитой палатой. Здесь у Красного крыльца дежурили 200–300 человек. Около 200 человек стояли у Красных, или Колымажных, ворот государева двора, которые выводили к Боровицкой башне. У Куретных ворот, выводивших к Троицкой башне, находились 10 человек, на Казенном дворе (его строение занимало промежуток между Архангельским и Благовещенским соборами) — 5 человек и на Денежном дворе (находился внутри государева двора) — также 5 человек. Могли специально выделять караулы к дворцовым лестницам: к Соборной (12 человек), Постельной (12 человек), Мовной (10 человек), а также к церкви Воскресения Лазаря (6 человек) и к «колодезю» (10 человек). Такова была первая линия внешней охраны государева двора. Вторая линия — это периметр основных кремлевских стен с башнями. Стрелецкие караулы стояли на всех проездных башнях: Спасской (30 человек), Никольской (20 человек), Троицкой (10 человек), Кутафьей (5 человек), Боровицкой (10 человек) и Тайницкой (10 человек). Стрельцы не только сидели в караульных помещениях, но обходили нарядами определенные им участки стен. Разумеется, все стрелецкие караулы выходили на службу в полном вооружении.

Главный стрелецкий караул у Красного крыльца вел ежедневные «дневальные записки», в которых отмечались царские выходы и выезды, посольские церемонии и прочие события, а также описывалось состояние погоды. Стрелецкие караулы возглавлялись полковниками (головами) соответствующих полков (приказов). А высшее руководство и определение общего порядка караульной службы осуществлялись одним из бояр — главой Стрелецкого приказа (государственного учреждения)[3]. Караулы по охране временной резиденции наряжались в соответствии с теми же принципами.

В XVII веке, в его начале и конце, при Лжедмитрии I и Петре I описанный общий порядок внешней охраны резиденции нарушался.

Лжедмитрий I.
Гравюра Ф. Снядецкого. XVII в.

Лжедмитрий I в обстановке гражданской войны смог добиться перевеса над войсками царя Бориса Годунова (их большая часть перешла на сторону самозванца). В июне 1605 года Лжедмитрий вступил в Москву и был провозглашен царем. Его свиту составляли преимущественно поляки и другие иностранцы. Он не доверял полностью русским стрельцам, продолжавшим нести «вахту» по охране Кремля и государева двора. Во главе 8 тысяч московских стрельцов был поставлен фаворит Лжедмитрия, бывший воевода царя Бориса Петр Басманов. В январе 1606 года Лжедмитрий образовал из живших в России иноземцев особый охранный отряд в 300 человек. Он состоял из трех рот (по 100 человек каждая): одной, вооруженной мушкетами (командовал француз капитан Яков Маржерет), и двух, вооруженных алебардами (командовали капитаны датчанин Матвей Кнутсон и шотландец Альберт Вандтман — Вандемон, по другим источникам его фамилия была Лантон). Помимо мушкетов и алебард иностранные наемники вооружались еще и шпагами, а офицеры — пистолетами. Поскольку одеты они были «в немецкое платье», то, вероятно, на службу они выходили в касках и кирасах, как это было тогда принято. Эта наемная охрана несла караульную службу во дворце посуточно, по 50 человек. Ни до Лжедмитрия, ни после охрана государя не поручалась иностранным наемным подразделениям[4].

Десятилетний Петр I в 1682 году был напуган стрелецким бунтом. Поэтому ни о каком доверии Петра к московским стрельцам говорить не приходится. Уже в 1683 году по его распоряжению из низших молодых слуг государева двора (конюхов, псарей и т. д.) формируются «потешные», будущие гвардейские Преображенский и Семеновский полки. Но все же стрелецкие караулы в 1680-е годы охраняли петровские резиденции. После 1689 года, когда было покончено с регентством царевны Софьи, караулы по охране постоянной и временных резиденций Петра занимали прежде всего преображенцы и семеновцы. В караулы заступали не только эти полки, но и другие, в частности полк генерала Франца Лефорта.

ПОРЯДОК ПОСЕЩЕНИЯ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ И ГОСУДАРЕВА ДВОРА

К XVI веку княжеский дворец в Москве приобретает особое значение, постепенно становясь священным и недоступным жилищем великого государя. В это время на все, окружающее государеву особу, легла печать величия и благоговения.

Народ, уверовавший в высокое призвание царя, чтил и все знаки его величия. Самый двор государев охранялся с особенным почетом, который по установившимся понятиям воздавали царскому местопребыванию. Нарушение чести государева двора даже преследовалось законом: в Соборном уложении (1649) царя Алексея Михайловича есть две главы, которые посвящены престижу царской власти и определению мер наказания за все помыслы и действия, наносившие урон как царю, так и царскому дворцу: «О Государьской чести и как его Государьское здоровье оберегать» и «О Государеве Дворе, чтоб на Государеве Дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было».

По обычаям старого времени нельзя было подъезжать близко не только к царскому крыльцу, но и вообще ко дворцу. Высшие сановники, бояре, окольничие, думные и ближние люди пользовались правом сходить с лошадей на расстоянии нескольких саженей от дворца. По словам

Котошихина, приезжая во дворец на лошадях верхами или в каретах и санях, они спешивались или выходили из экипажей, «не доезжая до двора и не близко крыльца». К самому крыльцу, а тем более на царский двор, они не смели ездить. Чины младших разрядов: стольники меньших родов, стряпчие, дворяне, жильцы, дьяки, подьячие — сходили с лошадей далеко от царского дворца, обыкновенно на площади, между Ивановской колокольней и Чудовым монастырем, и оттуда уже шли во дворец пешком в любую погоду. Из низших чиновников не все пользовались правом въезжать на лошадях даже в Кремль. По царскому указу Алексея Михайловича (1654) в Кремль можно было въезжать только старым первостатейным подьячим, и то не более трех человек из каждого приказа. Но и тем, кто въезжал в Кремль, назначено было останавливаться почти у самых ворот и оттуда идти пешком. Таким образом, самый подъезд к государеву двору соразмерялся с честью, или чином, каждого приезжавшего лица.

Государевы гости — иноземные послы и вообще знатные иностранцы — тоже выходили из экипажей на расстоянии нескольких саженей от крыльца, шагов за тридцать или за сорок (25–30 м), и очень редко — у обширного помоста, или рундука, устроенного перед лестницей.

Это был особый этикет, восходивший к древним обычаям и сохранившийся не только во дворце, но и в народе, особенно в высших его разрядах. Точно так же было невежливо младшему чиновнику или простолюдину въехать на двор боярина, а тем более подъехать к его крыльцу. По словам Котошихина, боярин, въехавший на царский двор, заключался в тюрьму или лишался даже чести, то есть боярского сана. Боярский холоп, проведший через царский двор лошадь боярина, хотя бы даже и по незнанию запрета, наказывался кнутом.

Итак, особенный почет (и инстинкт охраны), воздаваемый царскому величеству, требовал, чтобы ко дворцу подходили пешком, оставляя лошадей и экипажи на известном, дальнем или ближнем, расстоянии. «Воздаючи честь» местопребыванию государя, простой и малочиновный русский человек еще издали, завидя царское жилище, снимал шапку. Без шапки он и подходил ко дворцу, и проходил мимо него. Правом свободного входа во дворец пользовались только служилые и дворовые, то есть придворные чины; но и для тех, смотря по значению каждого, существовали известные границы. Бояре, окольничие, думные и ближние люди пользовались большими преимуществами: они могли входить даже «вверх», «в покоевые», или жилые, хоромы государя. Дьяки и подьячие, приходя во дворец с докладами, дожидались «начальных» людей на Постельном крыльце или в сенях перед Грановитой палатой. Другие младшие чиновники не смели входить даже на Постельное крыльцо. «Иным чинам, — говорит Котошихин, — и до тех мест ходить не велено, где бывают стольники и иные нарочитые люди».

Рядовой, сержант, офицер лейб-гвардии Преображенского полка.
1694–1700 гг.

Внутренние отделения дворца — Постельные хоромы царицы и государевых детей — были совершенно недоступны ни дворовым, ни служилым чинам, за исключением только боярынь и других знатных женщин, пользовавшихся правом приезда к царице. Даже и ближние бояре не осмеливались входить туда без особого приглашения. Для священников и вообще церковников, которые служили в верховых церквах, открывался вход в известное только время и по известным местам и переходам. Это распространилось и на священников, которые совершали службы в самих покоях государыни. Они должны были входить

во дворец тогда только, «как их спросят». На царицыну половину не смели входить даже те из придворных чинов и служителей, которые по должности должны были являться туда, например, с докладом о «кушанье» или с самим «кушаньем». В сенях они передавали доклады верховым боярыням и другим придворным женщинам; точно так же и еду вносили в сени или в особо для того предназначенные комнаты и сдавали боярыням на кормовой поставец. Когда сам государь посылал кого-либо к царице и детям спросить о здоровье или «для какого иного дела», то и в таком случае посланные, по словам Котошихина, «обсылались через боярынь, а сами не ходили без обсылки».

В 1684 году, вероятно, по случаю стрелецких смут, волновавших тогда Москву и обесчестивших перед тем даже царское жилище «буйным обыском», дан был царский указ, заключавший 12 статей, с расписанием, кому именно на какие подъезды и по каким лестницам и переходам дозволяется входить в разные отделения дворца.

Если случалось, что кто-нибудь забредет нечаянно и по незнанию на царский двор, особенно во внутренние постельные отделения, того хватали, допрашивали, а в сомнительных обстоятельствах подвергали даже пытке.

Все челобитчики, приходившие с просьбами на государево имя, стояли на площади перед Красным крыльцом и дожидались выхода думных дьяков, которые принимали здесь челобитные, чтобы отнести их к боярам в Думу.

Нельзя также было явиться во дворец с каким бы то ни было оружием, даже с тем, которое, по обычаю того времени, всегда носили при себе и которое составляло необходимую принадлежность костюма, например поясные ножи. В этом случае уже не было исключений ни для кого — ни для бояр, ни для государевых родственников. Даже и на царский двор нельзя было входить с оружием. Если бы кому случилось по простоте, без всякого умысла пройти через царский двор с саблею или с другим каким оружием, такой человек, если это открывалось, тотчас подвергался пытке и допросам.

Шествие Михаила Федоровича в Успенский собор на церемонию венчания на царство.
Из книги «Рисунки, принадлежащие к книге об избрании на престол Михаила Федоровича». 1856 г.

Бунт стрельцов. 1682 год.
Миниатюра из «Истории Петра Великого» П. Крекшина.
Список первой половины XVII в.

В те времена довольно часто случались повальные болезни, чего особенно страшился двор государев, заботливо себя оберегая. Однажды в феврале 1664 года, во время приема в Грановитой палате английского посла Чарлуса Говорта, один из жильцов, стоявших по обыкновению в сенях на Красном крыльце, внезапно упал от «падучей скорби» или, может быть, от дурноты. «А был на нем терлик объяринный зеленый, шапка объяринная золотная алый цвет, с соболем; кушак тафтяный красный, в руках протазан». Этот наряд, выдаваемый в подобных случаях с Казенного двора, должен был возвращаться в казну, на этот раз его оставили у сторожей в казенке из боязни, что болезнь может распространиться посредством заразы от платья.

Весьма строго запрещено было приходить во дворец, особенно на Постельное крыльцо, будучи больным или из домов, где кто-нибудь болел. 8 июня 1680 года (при царе Федоре Алексеевиче) последовал строжайший царский указ: стольникам, дворянам, стряпчим и жильцам, «которые, у кого из них или в их домах были боли огневою или лихорадкою и оспою или иными какими тяжкими болезнями», должны были давать знать о том в Разряд и на Постельное крыльцо не являться. А тому, кто нарушит это повеление, «за неостерегательство его государева здоровья» быть «в великой опале», а иным и «в наказании и в разорении», без всякого милосердия и пощады.

Преследовалось также и всякое непригожее, непристойное слово, произносимое в царском дворце. «Будет кто, — говорит Соборное уложение 1649 года, — при Царском Величестве, в его Государевом дворе и в его царских палатах, не опасаючи чести его Царского Величества, кого обесчестит словом, а тот, кого он обесчестит, учнет на него Государю бити челом о управе, и сыщится про то до прямa, что тот, на кого он бьет челом, его обесчестил: и по сыску за честь Государева двора того, кто на Государеве дворе кого обесчестит, посадите в тюрьму на 2 недели, чтоб, на то смотря, иным неповадно было впредь так делати. А кого он обесчестит, и тому указати на нем бесчестье».

ОХРАНА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ ПРИ ВЫЕЗДАХ И ПОХОДАХ

При выходе (выезде) государя с государева двора в Кремле или из временной резиденции его сопровождали от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Видимо, чем более дальним было путешествие, тем большей была численность свиты и охраны. В свиту государя входили отобранные для выхода или похода думные чины (бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки), придворные (постельничий, кравчий, ясельничий, спальники и стременные конюхи) и московские чины (стольники, стряпчие, жильцы и дворяне московские). Думные, придворные и московские чины, как и в резиденции, вовлекались в охрану государя. Стрельцы же выполняли только охранные функции. При дальних

Парадный выезд Ивана Грозного у стен Московского Кремля.
Художник Н. Е. Сверчков. 1875 г.

выездах из Москвы царя сопровождал конный Стременной стрелецкий полк (приказ) и, вероятно, какие-то подразделения пеших стрельцов. Выходы или выезды государя внутри города охранялись стрельцами (наряду со свитой), которые либо выстраивались рядами по обеим сторонам улиц, либо шли по обеим сторонам процессии.

Царская свита, по крайней мере часть ее, при всех выходах (выездах) была вооруженной. Стрельцы, сопровождавшие царскую процессию внутри города, наряжались из караула по охране государева двора. А. Олеарий и Г. Котошихин отмечают, что вместо мушкетов у них в руках были прутья (палки), которыми они разгоняли зевак, расчищая путь царю и свите. Имеются свидетельства иного рода: стрельцы в таких выходах могли быть вооружены мушкетами. При выездах на охоту к свите и охране прибавлялись ответственные за ее организацию: ловчий и подчиненные ему ловцы и псари, а также сокольничий и сокольники. Царская охотничья «потеха» была ведома боярином, возглавлявшим Приказ Большой казны. Он, как и указанные выше служители, в меру своей ответственности был вовлечен и в охранные мероприятия[5].

При Лжедмитрии I и Петре этот порядок изменялся. При выходах и выездах из резиденции Лжедмитрия охраняли его иностранные наемники, а также польские верховые и пешие воины. Но наряду с ними упоминаются и казаки (которые помогли самозванцу взойти на престол), и стрельцы[6].

В торжественных выходах в Москве или же из села Преображенского в Москву в 1690-е годы Петр I обычно шел впереди Преображенского полка, 1-й ротой которого он лично командовал. В шествиях принимал участие Семеновский полк и другие солдатские полки. Участвовать в процессии могли также и стрелецкие полки. При Петре I меняется соотношение между государем, его свитой и охраной. До него царь находился в центре процессии в плотном окружении. Петр же шел пешком в обычном офицерском мундире, смешавшись с солдатским строем. Причем его 1-я рота преображенцев не всегда возглавляла шествие[7].

Официальные выезды царской семьи проводились по установленному порядку — церемониалу. Очевидцы описывают их следующим образом. Один из чиновников персидского посольства (1600) рассказывает, что ему посчастливилось видеть царя и царицу, когда они пышно и торжественно выезжали из города, везя большую икону и колокол в дар одному монастырю, находившемуся недалеко от столицы.

Впереди следовал конный отряд числом в 50 человек, одетых в красные кафтаны. Они ехали по трое в ряд, имея луки и стрелы, сабли у пояса и секиры на бедре. Следом за этим отрядом вели царских коней, предназначенных для похода: 30 — для царя и наследника и 20 белых — для царицыных карет. Потом следовал крестный ход в сопровождении патриарха и высшего духовенства, вероятно, по случаю отправляемой в монастырь святыни. Затем шествовал сам царь, левой рукой он вел своего 12-летнего сына, а в правой держал шапку. Позади него шла царица, поддерживаемая с обеих сторон двумя пожилыми дамами. Ее сопровождали до 60 очень красивых женщин. На голове у них были белые шляпы с большими лентами кругом, унизанными жемчугом. «Мы никогда не видывали, что женщины в этой стране носили шляпы, кроме только этих дам». Вслед за ними ехали три огромные кареты; первая (царицына) была запряжена десятью прекрасными белыми лошадьми, по две в ряд; вторая — восемью, а третья — шестью, в том же порядке. Эти кареты все были роскошны и великолепны как внутри, так и снаружи. За ними ехали в каретах все вельможи.

Простые, не богомольные, выезды и походы совершались большей частью летом, когда царская чета выезжала в загородные дворцы. Осенью и зимой такие выезды предпринимались очень редко и, как правило, на какую-либо потеху. Так, в октябре 1674 года царь Алексей Михайлович со всем семейством выехал на житье в свое любимое село Преображенское, где в то время была устроена новая потеха — театр и поставлены комедийные действа «Юдифь», «Есфирь» и др.

Государь отправился туда торжественным шествием в одной карете с царевичем Федором и в сопровождении боярства и всякого походного чина. После него шла государыня-царица с царевичами и царевнами в следующем порядке: впереди ехал в своей карете царевич Иван Алексеевич; с ним сидел дядька князь Прозоровский, за каретою ехали царевичевы стольники и брат царицы Иван Кириллович Нарышкин. Затем следовала царица в колымаге в 12 возников (лошадей) цветных, с царицею сидели: «маленький царевич Петр, меньшие царевны, да мамы, да царицына мать и невестка». За колымагою по сторонам и позади шли царицыны стольники (пажи) да 40 человек дворян, а впереди их, по сторонам колымаги, бояре — отец царицы и приближенный царя Артамон Сергеевич Матвеев. Потом следовала колымага больших царевен, запряженная также в 12 возников цветных. С царевнами сидели дворовые боярыни, а впереди шел их дворецкий П. И. Матюшкин, около колымаги шли дворяне, 30 человек. Далее колымага меньших царевен, сидевших с верховыми боярынями; впереди шел их дворецкий Б. Г. Юшков, а около — 30 человек дворян; колымага была запряжена тоже в 12 возников цветных. За этим поездом ехали в колымагах верховые боярыни, казначеи, карлицы, постельницы; а всех шло 30 колымаг.

Царь Алексей Михайлович Тишайший.
Неизвестный художник. XVII в.

Весь царицын поезд охраняли стрельцы: впереди открывал шествие Стременной полк под начальством стрелецкого головы, а по сторонам около экипажей шли с ружьем стрельцы рядового полка.

Упомянутый выше А. С. Матвеев был одним из ярких государственных деятелей периода правления царя Алексея Михайловича. Человек разносторонне одаренный, Матвеев не только создал систему обеспечения безопасности и охраны царя, но и проявил свой талант в области обеспечения внешней политики России, проведения разведывательных и контрразведывательных мероприятий того времени. Он обосновал необходимость выделения в Стрелецком приказе военных, полицейских и охранных (дворцовых) функций. В официальных документах были поименованы «заботы» по охране царской особы и семьи, выделенные из других стрелецких дел.

Одной их самых значительных инициатив Матвеева стало включение в Соборное уложение 1649 года (действовало вплоть до проведения кодификации законов в 1832 году) положений о защите жизни, здоровья и достоинства царя, отражавших многие задачи и функции государственной охраны.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВСТРЕЧАХ И ПРЕБЫВАНИИ В МОСКВЕ ИНОСТРАННЫХ ПОСОЛЬСТВ

В XVI–XVII веках большое значение для царского двора имела организация встреч представителей иностранных государств — послов, посланников и других официальных лиц. При этом соблюдался установленный в России протокол, принимались необходимые меры по обеспечению безопасности.

Отмечается, что «на Москве того дни, в который будет встреча, на царской конюшне готовят лошади, на чем их, послов, принимать; да на дворе, где им стоять, готовят полаты, или избы, и корм и питье послом и их посолским дворяном и всякого чину людем, и конский корм и дрова, к их посолскому приезду все было готово. Да того ж дни, как послы будут в Москве, велять быти на встрече спалником, столником, стряпчим, дворяном Московским, дьяком, жилцом, гостем, подьячим, стремянным, задворным, стряпчим конюхом, дворовым людем, торговым людем посотенно, нарядясь по посолскому обычаю, у кого каких нарядов прилучилось; а в городе и на площади и до посолского двора испоставлены бывают стрелцы, по служивому обычаю.

А встретить послов и принять посылаетца столник, середнего роду, которые бывают в околничьих, а с ним дьяк; и встречают послов за Земляным городом, на поле. А в паказех столнику и дьяку пишется: как они съедутся с вели-

Венчание на царство царя Михаила Федоровича.
Миниатюра. 1672 г.

кими послы, и они б говорили речь, по наказу, наперед послов, а шапок бы наперед послов не снимали и с лошадей не ссадились. И как столник и дьяк послов встретят и речь по наказу изговорят, и скажут, что присланы под них, послов, царские лошади, на чем им ехать, с седлы и с наряды... А проводя их, послов, до посолского двора, где им стоять, поедут столник и дьяк к царю; а объявя о том царю, что послов приняли и проводили на посолский двор, и царь посылает спрашивать послов о здоровье их же, столника и дьяка, и велит сказати послом, что им велено быти у них, послов, в приставех.

А которого дни царь послом велит быти у себя на приезде, и в такое время в городе, у царского двора, и на площади, и в другом городе на площади ж, у рядов, до посолского двора, по обе стороны улицы, где ехать послом, поставлены стрелцы с знамены и с ружьем; и посылают под послов и под дворян с царские конюшни лошади, да стрельцов, которым нести королевские и посолские дары, да встречников, подъячих и конюхов, с которыми ехать послам в город... А как послы приезжают блиско царского дворца, и не доезжая двора, слазят с лошадей; и слезши с лошадей, послы и их дворяне шпаги с себя снимут и идут к царю в Верх без шпаг; а наперед послов идут з дарами стрелцы и посолские дворяне, мимо церкви, сенми, на крыльцо к той полате, где им быти у царя, и в полату входят потомуж; а перед полатою встречает послов думной дьяк да дьяк и спрашивает послов о здоровье, и идут в полату с послами вместе».

Иностранные послы и их свита, входя в приемную залу, также должны были снимать с себя оружие, хотя почти всегда это делалось против их желания. По западным понятиям, снять шпагу считалось бесчестием, и послы как благородные кавалеры вступались за свою честь и вели нередко бесполезные споры с боярами. В 1661 году во время приема шведских послов маршалу посольства, несмотря ни на какие его просьбы и убеждения, не позволили войти в приемную палату даже с серебряным жезлом. «А царь сидит в то время на своем месте, во всем своем царском одеянии; а по правую руку царя, на окне, поставлен на блюде стоянец, а по левую руку сидят бояре, поодаль. Да подле царя ж, по обе стороны, стоят рынды, четыре человека, наряжены в белое платье камчатое на горностаях, в шапках белых же высоких и в сапогах, а в руках держат по топору нарядному з золотом и с серебром; а бывает в тех рындах платье и топоры царское; а люди они первой и другой и третьей статьи родов боярские дети».

Некоторые отделения государева двора получили с того времени особое значение, соответственное торжествам и церемониям, для которых они исключительно предназначались.

Для торжественных действий и обрядов, происходивших в больших государевых палатах, первое место с конца XVI века отводилось Грановитой как самой обширной и более украшенной, в которой царь являлся в полном блеске древнего великолепия, столь изумлявшего иностранцев. В ней давались торжественные посольские аудиенции и устраивались государевы большие церемониальные столы: при венчании на царство, объявлении царевичей наследниками престола, поставлении патриархов, митрополитов и архиепископов, столы брачные, родинные, крестинные, праздничные и посольские. В ней происходили также великие Земские соборы и вообще совершались все важнейшие торжества. Чтобы царица и дети государя смогли видеть все происходящее в Грановитой палате, была устроена смотрильная палатка, тайник, сохранившийся до сих пор, хотя уже в совершенно ином виде. Он находится над Святыми сенями, у западной стены палаты, и «смотрильным» окном выходит прямо против того места, где искони стоит государев трон.

Случалось, впрочем весьма редко, что в Передней государь запросто принимал иноземных послов. Это была необычайная и величайшая честь, которой удостаивались немногие. В апреле 1662 года здесь таким образом были приняты цесарские посланники. При этом Мейерберг замечает, что «во внутренние покои царские они шли по лестнице и переходам, в коих по обеим сторонам стояла стража рядами в богатом вооружении, и все так убрано было обоями, что не видно было ни пола, ни стен, ни печей, ни потолка»[8].

«А как послы шли к Государю, и в то время стояли на Постельном крыльце дворцовых и розных приказов подьячих 20 человек, по обе стороны. А встретили их: за перегородою на рундуке — полковники и головы московских стрельцов, на верхнем Каменном крыльце — спальники... А на Красном крыльце стояли со свечами же стрельцы: у дверей по обе стороны 2 ч., против Золотой Полаты у дверей 2 ч., против церкви Благовещенья Богородицы 2 ч., в Благовещенской паперти 2 ч.»[9].

Остается упомянуть еще о значении Красного крыльца, которое было главным парадным входом во дворец. На него вели три лестницы: Благовещенская, Средняя и Золотая, или Красная, что у Грановитой палаты. На Красном крыльце во время посольских и других важных приемов происходила церемония встреч. По этому случаю

Гонцы.
Ранним утром в Кремле. Начало XVII века.
Художник А. М. Васнецов

все крыльцо наполнялось дворовыми и служилыми людьми младших разрядов, которые стояли здесь по обе стороны пути в богатейших одеждах, выдаваемых на это время из царской казны. Обыкновенно по лестнице и крыльцу стояли подьячии и боярские дети в «цветном и золотном платье», а в сенях и у дверей Приемной палаты — жильцы в бархатных и «объяринных терликах и в золотных шапках», с протазанами и алебардами в руках.

Для встреч и вообще для входа во дворец посторонним лицам назначены были только две лестницы: Благовещенская и Средняя. При посольских приемах послы христианских государств входили во дворец по Благовещенской лестнице, а послы и гонцы персидские, турецкие, татарские и вообще иноверцы — по Средней, потому что значение Благовещенской лестницы как соборной паперти не дозволяло входить по ней лицам, не исповедовавшим христианской веры.

Иногда гонцы и посланцы принимались прямо на крыльцах. Вероятно, это было самой низшей степенью почета, который должен был оказываться послу меньшего разряда. В 1657 году царь Алексей Михайлович принимал на Красном крыльце Павла Тетерю — малороссийского посла от гетмана Хмельницкого.

«А где бывают послы, и посланники, и гонцы, поставлены на посолских дворех, и на тех дворех, для посолской чести и оберегания, поставлена бывает вахта: у послов сотник, а с ним стрелцов по 100, по 200 человек или по 50, смотря по послом, сколко у кого людей; у посланников по 30 и по 20 человек, также смотря по людям; у гонцов по 12 и по 10 человек.

А случитца посолским дворяном и их людем в рядех чего купить, послом и себе, или пойдут для гулянья, и с ними, для обережения от Русских людей, ходят стрелцы, чтоб им кто не учинил какого бесчестья и задору.

А как бывают на Москве цесаря Римского послы, так же Полского и Аглинского, Датцкого королей, и Турские, и Перситцкие, и им бывает принимание и честь во всем против того же, что и Свейским послом; толко Цесарским послом и Полским, и Аглинским бывает перед Свейскими послами прибавка в естве и в питье, а посланником и гонцом всех тех вышеписанных государств, и курфистов, и князей, и графов бывает против того, как писано выше всего во всем».

Послам по окончании срока их пребывания в Москве готовили в дорогу еду и питье, подводы; в города по маршруту посылали грамоты о проезде высоких гостей; до границы делегацию сопровождал пристав (дворяник).

Порядок проводов высоких иностранных гостей устанавливался обратный порядку встречи.

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Жизнь и здоровье московского государя часто находились в опасности от козней тайных врагов. Об этом говорит весь дворовый уклад, получивший свое начало большей частью именно в то время, как стал он самодержцем всея Руси.

Чтобы оградить и защитить себя, государю необходимо было жить каждый час с великими предосторожностями, из своего дворца устроить крепость, самую неприступную и недоступную. Так и появились эти дворцовые порядки, обычаи и обряды, которые способствовали такому отдалению государевой особы от его подданных. Чтобы уберечь себя, необходимо было не только отдать весь домашний обиход в руки самых испытанных, верных и преданных людей, но также ежечасно подвергать испытанию их верность и преданность. Питье, как и пища, прежде чем дойдут до государя, постоянно испытывались всеми подающими на глазах принимающего. «А чашник, как поднесет

пить государю, сам отольет в ковш и выпьет, потом поднесет государю». То же самое происходило и со всеми лекарствами в случае государевой болезни.

Впервые подробные обозначения «лихих дел» встречаются в подкрестной (т. е. крестоцеловальной) записи Годунова. Они обозначены в ней следующим образом: «Так мне государем своим, царем и великим князем Борисом Федоровичем и. Р., и над царицею и великой княгинею Марьею, и над их детьми, над царевичем Федором и над царевною Оксиньею, в естве и в питье, ни в платье, ни в ином ни в чем лиха никакого не учинити и не испортити, и зелья лихого и коренья не давати; а кто мне учнет... давати или мне учнет кто говорити, чтоб мне над государем... и над царицею, и над их детьми, какое лихо кто похочет учинити или кто похочет портити, и мне того человека никако не слушати и зелья лихого и коренья у того человека не имати; да и людей своих с ведовством, да и со всяким лихим зельем, да и с кореньем не посылати, и ведунов и ведуний не добывати... на государьское... на всякое лихо; также государя... и его царицу... и их детей, на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не насылати и следу не выимати, ни которыми делы, ни которою хитростью; а как государь... и его царица... и их дети куды поедут или куды пойдут, и мне следу волшебством не выимати и всяким злым умышлением и волшебством не умышляти и не делати ни которыми делы... а кто такое ведовское дело похочет мыслити или делати, и яз то сведаю, и мне про то человека сказати государю... а у кого уведаю или со стороны услышу... кто про такое злое дело учнет думати и умышляти... или кто похочет государя... царицу... и их детей кореньем и лихим зельем и волшебством испортити, и мне того поймати и привести к государю... а не возмогу того поймати, и мне про того сказати государю... или его бояром, или ближнем людем, которому то слово донести до государя».

Походная аптечка Петра I.
Около 1713–1715 гг.

Известны также крестоцеловальные записи царей Михаила (1626) и Алексея (1653), в которых в общем изложении присяги сказано: «Государское здоровье во всем оберегати и никакого лиха не мыслити», но зато в особых приписках, по которым отдельно присягал каждый чин, указаны и особые подробности, какими обозначалась должность этого чина.

Кравчий присягал: «Ничем государя в естве и в питье не испортити, и зелья и коренья лихова ни в чем государю не дати, и со стороны никому дати не велети, и лиха никакого над государем никоторыми делы и никоторою хитростью не делати; а буде я услышу от кого или сведаю какое дурно или какое злое умышление или порчу на государя и мне про то сказати государю». Стольник: «Его, государя, ни в чем в естве и в питье не испортити и зелья и коренья лихово ни в чем не дати». Казначей: «Над государем, царицею и их детьми никакова лиха не учинити, и зелья и коренья лихова в платье и в иных ни в каких в их государевых чинех не положити». Постельничий: «В их государском платье, и в постелях, и в изголовьях, и в подушках, и в одеялах, и в иных во всяких государских чинах никакова дурна не учинити, и зелья, и коренья лихова ни в чем не положити». Ясельничий, стремянный конюх, конюшенный дьяк: «Зелья и коренья лихова в их государские седла, в узда, в войлоки, в рукавки, в плети... в возки, в сани, ни под место, ни в полсть в санную... и во всякий их государский в конюшенний и в конский наряд, и в гриву, и в хвост у аргамака, и у коня, и у мерина, и у иноходца, коренья не взяти и не положити — самому не положити и никому конюшенного чину и со стороны никому ж положити не велети, и никоторого зла и волшебства над государем... не учинити...»

Все эти клятвы служат для нас только слабым отражением того страха перед злом, которое гнездилось в московском дворце. Пустяшное дело, пустяшное слово тотчас являлось государственным преступлением, вызывая тщательные розыски, немилосердные пытки и всегда оканчивалось если не полной гибелью, то полным разорением виновных, ссылкой и подобными житейскими несчастьями. Государева особа охранялась не народной любовью, а ужасом доноса, розыска, пытки, ужасом знаменитого слова и дела (об этом ниже), которого настоящий смысл зародился именно в дворцовых покоях и оттуда уже широко распространился. Все это были неизбежные последствия той ожесточенной борьбы за власть, престол, высокое положение, которая велась в московском дворце со времени соединения всей земли в одно самодержавие.

Когда вопрос о неограниченной самостоятельности московского государя был решен окончательно, холопы-бояре определяли себе целью войти в особую близость к государю. Милость государя в таких обстоятельствах ставила человека на первое место и в управлении государством. И государством, как и самим государем, всегда управлял какой-либо один род, одна партия особенно близких к государю его домашних людей. Поэтому государева женитьба приобрела для всего двора, для всего правящего общества Москвы самый жизненный смысл.

Чаще всего московским государям приходилось выбирать себе невесту из подданных. Так, великий князь Иван Васильевич выбрал невесту для своего наследника, сына Василия, из тысячи пятисот девиц, вызванных на смотрины от помещиков или служилых людей всей страны.

Петр Великий.
Художник Н. Д. Дмитриев-Оренбургский. XIX в.

ДЕЛА ПО ФОРМУЛЕ «СЛОВО И ДЕЛО» И ГОСУДАРЕВА ОХРАНА

Формула «Слово и дело государево» возникла в XVII веке. Она упоминается в Соборном уложении 1649 года. Формула эта означала наличие государственного преступления. К нему относились в том числе «слова» и «дела», наносившие ущерб чести, достоинству и здоровью государя. Расследованием таких преступлений занимались на местах воеводы, а в Москве — Разрядный приказ, а также приказы Сыскных дел и Большого дворца. При царе Алексее Михайловиче был образован Приказ тайных дел (1654–1676), выполнявший отчасти функции политической полиции. Он контролировал деятельность всех центральных и местных правительственных органов и чиновников, вел следствия по важным политическим делам, управлял дворцовыми владениями. Подобные дела также были в его компетенции.

Во время правления Петра I дела о государственных преступлениях перешли в Преображенский приказ. В большинстве дел расследовались «непригожие речи», то есть словесные оскорбления государя. Но были и случаи высказывания намерений или прямой подготовки устранения Петра I. Поводов для недовольства этим государем

у боярско-дворянских и церковных кругов было предостаточно. Далеко не все одобряли начавшиеся с 1690-х годов преобразования.

Петр был первым русским государем европейского типа. В придворной жизни и в быту он отказался от русской традиции. Его часто можно было видеть идущим по московским улицам в сопровождении нескольких лиц и фактически без охраны. Петр I одевался в обычный офицерский мундир, и люди, не знавшие его в лицо, ни по каким признакам не могли бы отличить в нем государя. Царь запросто обедал с офицерами, купцами, мастеровыми, равно как и с вельможами, советниками и иностранными послами. Он мог выскочить из-за стола и побежать тушить пожар. В этих условиях заговорщики, задумавшие его убить, довольно легко могли бы найти подходящий случай. Такой заговор был раскрыт в 1697 году. Им руководили члены Боярской думы: окольничий Алексей Соковнин и думной дворянин Иван Цыклер. «Извет» (донос) на заговорщиков поступил от полуполковника Стременного полка Лариона Елизарьева. Исполнителями заговора должны были быть стрельцы. На допросе Цыклер признался, что «его, великого Государя, на пожаре или на Москве стрельцами ножами изрезать... велел», поскольку «ездит Государь один, и на пожаре бывает малолюдством, и около Посольского двора ездит одиночеством».

Московские стрельцы были ликвидированы как одна из частей стрелецкого войска в 1699 году после восстания четырех полков в 1698-м (несших службу вне столицы), разгромленных на реке Истре у Воскресенского монастыря правительственными силами[10].

Конец XVII века ознаменовался и другими изменениями. Петр I создал Преображенский приказ, ведавший делами о государственных преступлениях. Началась европеизация политической, общественной, культурной жизни и дворянского быта.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Г. К. Котошихин (1630–1667) в конце жизни жил в Швеции. По заказу шведского правительства составил сочинение о России.

[2] *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 23–29, 81–83; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. I. М., 1996. С. 97; *Демидова Н. Ф., Морозова Л. Р., Преображенский А. А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 65.

[3] Российский государственный архив древних актов (РГАДА, г. Москва). Ф. 27 (Приказ Тайных дел). Оп. I. Д. 102; *Котошихин Г.* Указ. соч. С. 30, 90–91; Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 172; *Епифанов П. П.* Войско // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. I. С. 236–237, 251–253; *Он же.* Оружие // Там же. С. 274, 283; *Паласиос-Фернандес Р.* Московские стрельцы. «Непременные войска» русского государства XVII века // Цейхгауз. Военно-исторический журнал. М., 1991. № 1; *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 249, 258–261; История Москвы с древнейших времен до наших дней. XII–XVII века. Том первый. М., 1997. С. 269; Утверждение династии. М., 1997. С. 46; О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 36–100, 111–113, 300–301; Хроники «Смутного времени». М., 1998. С. 53–54, 61, 64–65, 308.

[4] Россия начала XVII в. С. 198; Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 46; О начале войн и смут в Московии. С. 36–100, 111–113, 300–301; Хроники «Смутного времени». С. 53–54, 61, 64–65, 308.

[5] *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 31–32, 83–84, 91; *Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А.* Первые Романовы на российском престоле. С. 167; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 51–52; Россия начала XVII в. С.172; *Де ла Невилль.* Записки о Московии. М., 1996. С. 168; Утверждение династии. С. 299.

[6] Дневник Марины Мнишек. С. 46; О начале войн и смут в Московии. С. 109–110, 297, 304; Хроники «Смутного времени». С. 49–50, 57.

[7] Рождение империи. М., 1997. С. 113, 133–134, 277–278.

[8] *Мейерберг А., Калвуцкий Г. В.* Донесение императору Леопольду цесарских посланников // Русский зритель. 1828. № 5/6. С. 20, 22.

[9] Дворцовые разряды... Т. 3. С. 579; Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов (С. 440). (Дневальная записка Приказа тайных дел, в Государственном архиве Министерства иностранных дел.)

[10] *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 85–86; *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 14, 87–99, 104–105; Соборное Уложение. 1649 г. С. 21, 152–154; *Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А.* Первые Романовы на российском престоле. С. 119–120; История Москвы. С. 274; Рождение империи. С. 111, 192, 204, 302–304.

глава 2

ОХРАНА ИМПЕРАТОРА

В XVIII ВЕКЕ

ОХРАНА РЕЗИДЕНЦИИ ИМПЕРАТОРА

В XVIII веке продолжали действовать нормы Соборного уложения 1649 года. Действовали и статьи, защищавшие жизнь, здоровье и достоинство государя. Однако принимались новые законодательные акты, в которых эти вопросы конкретизировались применительно к новым условиям. Устав воинский 1716 года включал в себя артикулы (юридические нормы). В толковании к артикулу 20 сказано: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко Христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». Артикул 19 фактически повторял нормы главы второй Соборного уложения. Смертной казнью карались преступный умысел «полонить или убить, или учинить [государю] какое насильство», а также вооруженное выступление или «хулительные слова» по отношению к государю[1]. В 1721 году Петр I принял титул императора. В европейской иерархии монархических титулов он считался высшим. И Европа признала это высшее монархическое достоинство русских государей.

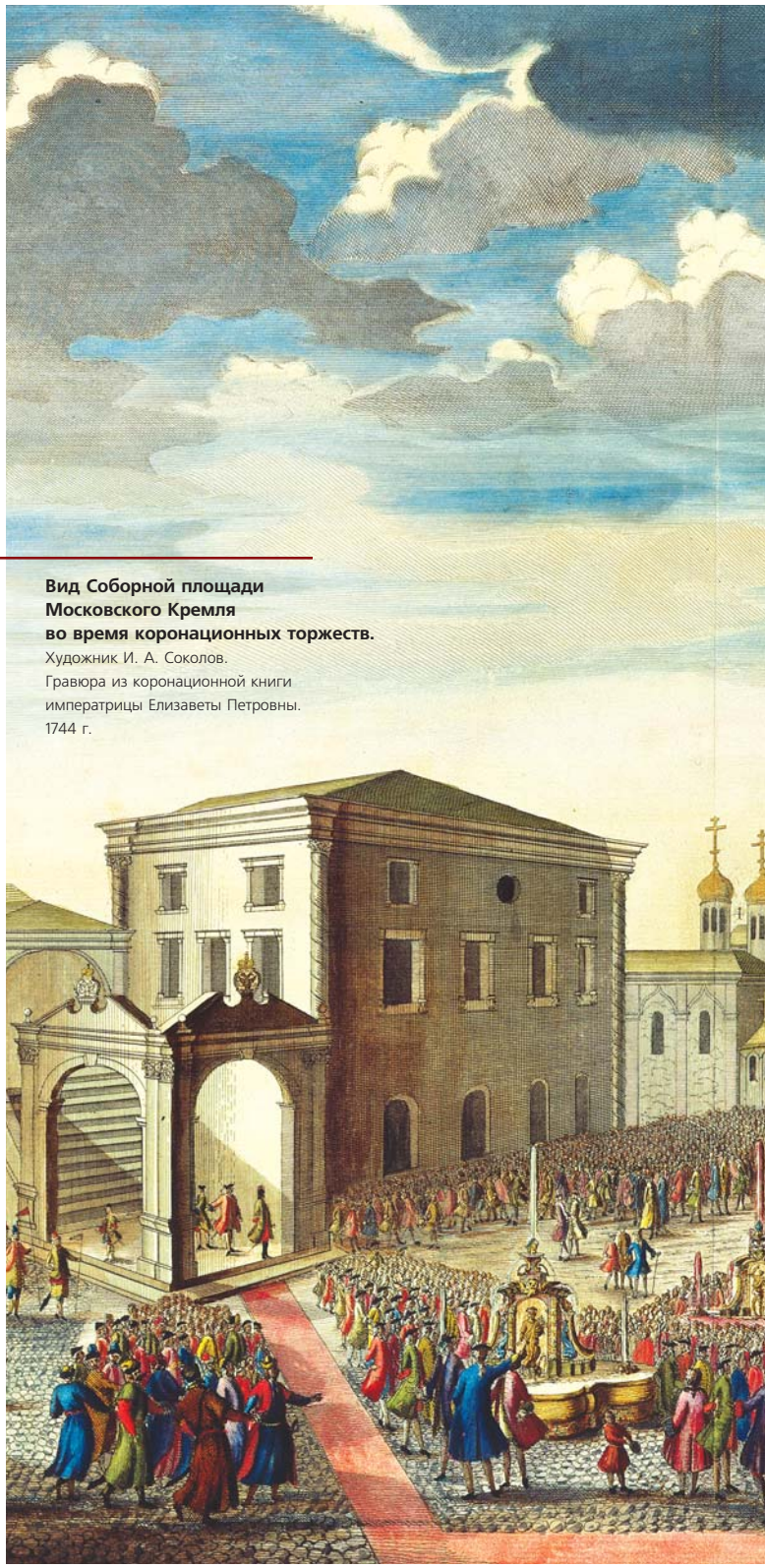
Начиная с Петра I русские императоры местом главной своей резиденции определяли Санкт-Петербург. В Москву приезжали на коронацию или же время от времени по другим государственным надобностям. В Петербурге стояли два императорских дворца: Зимний и Летний.

Действовали резиденции и в пригородах Северной столицы (Петергоф, Царское Село, Гатчина). Приезжая в Москву, государыни останавливались в Кремле, в Потешном дворце (императрицы Анна и Елизавета). Для Анны был также построен в Кремле особый деревянный дворец (Анненгоф), а для Елизаветы — Зимний, или Елизаветинский, дворец, в котором останавливалась и Екатерина II. Павел I проживал вне Кремля, в Петровском дворце.

Петр I ввел европейские традиции и европейский этикет в придворную жизнь. На немецкий манер стали называться придворные должности, но должностные обязанности во многом остались прежними, как и в XVII веке. В XVIII столетии, как и раньше, не было профессиональной службы охраны императора, и по-прежнему эти функции выполняли различные придворные чины и воинские подразделения.

Петр I выделялся среди всех государей XVIII века своей нелюбовью к пышным придворным церемониям и условностям придворной жизни. И в начале своего царствования (самостоятельно правил с 1689 года) он нередко путешествовал или передвигался по Москве в окружении немногих приближенных. Те же привычки он перенес и в Петербург. Особо приближенными к Петру лицами являлись денщики, которые сопровождали царя и находились с ним в одном помещении. Из денщиков впоследствии выходили крупные политические и военные деятели (генералиссимус светлейший князь А. Д. Меншиков, фельдмаршал граф А. Б. Бутурлин). Преемники Петра от такой категории слуг отказались.

В течение XVIII века менялись и соотношение между придворными чинами, и их ранги. Система придворной службы устоялась к 1780-м годам. Обер-гофмаршал ведал хозяйством двора и низшими придворными служителями (соответствовал дворецкому XVII века). Обер-гофмейстер отвечал за содержание «столов» — за питание государя, придворных и караульных офицеров. Обер-шталмейстер руководил конюшенной частью (соответствовал ясельничему XVII века). Обер-егермейстер устраивал императорскую охоту (как и ловчий XVII века). И, наконец, обер-камергер выполнял функции постельничего. Все эти придворные должности имели второй класс по Табели о рангах, то есть соответствовали чину генерала. Постоянно во внутренних дворцовых покоях по очереди дежурили обер-камергер и подчиненные ему 12 камергеров (аналог спальников и комнатных стольников XVII века), 12 камер-юнкеров, 12 камер-пажей и 48 пажей. Во дворце постоянно находились низшие служители — камердинеры, лакеи и прочие[2]. Медицинским обеспечением государей ведали лейб-медики.



Вид Соборной площади Московского Кремля во время коронационных торжеств.
Художник И. А. Соколов.
Гравюра из коронационной книги императрицы Елизаветы Петровны.
1744 г.

Дворцовые гренадеры: барабанщик и два офицера.
Художник Л. А. Белоусов.1830-е гг.

Уже при Петре I были введены должности генерал-адъютантов при монархе. В правление императрицы Анны, кроме них, появились флигель-адъютанты. Эти генералы и офицеры, сменяя друг друга, постоянно дежурили при высочайшей особе. При Павле I была образована Свита Его Императорского Величества, объединявшая всех генерал- и флигель-адъютантов. Всего при этом государе в Свиту были назначены 93 человека[3].

Высшие придворные чины, генерал- и флигель-адъютанты, лейб-медики, придворные кавалеры (камергеры, камер-юнкеры, гофмаршалы, гофмейстеры, шталмейстеры, егермейстеры) и придворные служители, помимо своих прямых обязанностей, несли ответственность за безопасность государя. Эти адъютанты и придворные всех рангов в ряде случаев проявляли недопустимую небрежность в том, что касалось как раз безопасности. Так, Екатерина II в своих записках сообщает, что однажды она и ее муж, цесаревич Петр (дело было при жизни императрицы Елизаветы), гостили вместе с императрицей в имении у графа Разумовского. Молодой чете и свите на ночлег был выделен небольшой двухэтажный деревянный дом. Утром приехавший гвардейский сержант и часовой обратили внимание на треск и обрушение стены. Их усилиями находившиеся в доме были разбужены и едва успели покинуть здание, как из-за осевшего фундамента оно начало рушиться. При этом были задавлены трое придворных служителей и 16 рабочих, находившихся в подвале. Поразительно, но никто из придворных и слуг заранее не удостоверился в безопасности помещения, предназначенного для ночлега наследника престола.

В 1756 году императрица Елизавета во время церковной службы в Царском Селе почувствовала себя плохо и вышла из церкви. Почти сразу же она потеряла сознание и упала. Никто из придворных Елизавету не сопровождал, и императрица какое-то время пролежала в окружении местных крестьян. Ее хватились не сразу, и случай этот едва не закончился трагически.

Дворцовые гренадеры: знаменосец и два офицера.
Художник Л. А. Белоусов. 1830-е гг.

В 1773 году цесаревич Павел нашел в поданном ему блюде множество осколков стекла. Он тут же побежал в покои матери, Екатерины II, и стал утверждать, что его хотели отравить. Екатерина была «чрезвычайно поражена этим подозрением, так же как и небрежностью прислуги, послужившей единственным поводом к этому».

Два подобных эпизода произошли и с Екатериной II. В 1793 году императрица, спускаясь с лестницы одна, упала. По счастливой случайности шум падения услышал ее камердинер и помог императрице. В другой раз, 5 ноября 1796 года, Екатерина пролежала около часа в своей «гардеробной» без сознания. Возможно, именно столь долгое отсутствие медицинской помощи привело к смерти императрицы на следующий день, 6 ноября. Екатерине II в эти годы было уже за шестьдесят, и удивительно, что ее непосредственное окружение целый час не знало толком, где она находится![4]

В XVIII веке необходимым элементом мужской дворянской одежды и свидетельством принадлежности к благородному сословию была шпага. Придворные чины и адъютанты являлись на службу и торжественные церемонии при шпагах, что ранее по старой русской традиции категорически запрещалось.

Караульную службу в резиденциях несли полки лейб-гвардии (Петр I упразднил должность рынды). В отличие от Московского Кремля, резиденции государей в Петербурге и его пригородах представляли собой чисто гражданские парадные дворцовые постройки. Они не были приспособлены для обороны при серьезном вооруженном нападении и тем более при осаде. Исключением являлся лишь построенный Павлом I Михайловский замок, который был окружен рвом, имел подъемные мосты и создавался с учетом требований фортификации.

При Петре I было два пехотных гвардейских полка: Преображенский и Семеновский (соответственно четырех- и трехбатальонные). В 1730 году императрица Анна учредила еще два: пехотный Измайловский (трехбатальонный) и Конногвардейский (пятиэскадронный). И общая численность гвардии составила 9,5 тысячи человек. Лишь в самом конце столетия Павел I сформировал конные Кавалергардский, лейб-гвардии Гусарский и Казачий полки (на базе Придворных команд), а также гвардейский Егерский и гвардейский Артиллерийский батальоны. Гвардейские пехотные полки по своей численности в 1,5–2 раза превосходили армейские полки. При Петре I преображенцы и семеновцы храбро сражались в Северной войне. Но позже гвардия к боевым действиям практически не привлекалась, за исключением участия в русско-турецкой войне в 1737–1739 годах по одному батальону от пехотных полков и трех эскадронов Конногвардейского полка.

Помимо лейб-гвардии охрану резиденций Петра III и их с Екатериной II сына, цесаревича Павла, несли иные подразделения. Петр, еще будучи наследником, получил разрешение императрицы Елизаветы переправить в Россию отряд голштинского войска (он был Голштинским герцогом). Когда Петр стал императором, голштинский отряд составил 1,5 тысячи человек. Цесаревич Павел с согласия матери — Екатерины II, сформировал в Гатчине (в своей резиденции) особый отряд, постепенно выросший до 2,4 тысячи пехоты, кавалерии и артиллерии. Но, в отличие от голштинцев его отца, гатчинские солдаты были русскими и со вступлением Павла на престол влились в гвардейские полки. Помимо постоянных воинских «экзерциций» на прусский манер Петр III и цесаревич Павел использовали своих голштинцев и гатчинцев в караульной службе в резиденции.

Знамя лейб-гвардии Преображенского полка

В 1724 году берет начало история особого подразделения — почетного караула кавалергардов. Впервые оно было сформировано Петром I для участия в церемонии коронации его жены Екатерины в числе 60 человек, отобранных из армейских офицеров. Сразу по окончании торжеств рота была распущена, однако практика временного создания кавалергардии для проведения отдельных тор-

жественных церемоний сохранялась до конца XVIII века. В качестве постоянного армейского подразделения Кавалергардский полк был образован в 1800 году при Павле I. Он вошел в состав гвардии и просуществовал до 1917 года.

При Елизавете Петровне из 1-й гренадерской роты Преображенского полка была сформирована лейб-кампания, которая помогла Елизавете взойти на престол и участвовала в ее охране. В силу этого лейб-кампания пользовалась целым рядом важных привилегий (жаловалось потомственное дворянство) и со смертью царицы Петром III была распущена.

Социальный состав и уровень боевой подготовки гвардейцев и других подразделений, принимавших участие в охране государей, не был одинаков в течение столетия. При Петре I преображенцы и семеновцы по своим боевым качествам составляли элиту армии. Кроме того, Петр проводил линию на то, чтобы в этих полках и офицерами, и рядовыми служили дворяне. Он рассматривал свою лейб-гвардию в качестве школы, которую должны были пройти все «благородные», прежде чем им присваивался первый офицерский чин. При преемниках Петра I — Екатерине I и Петре II — гвардейские полки состояли почти исключительно из дворян. Это положение изменилось в правление императрицы Анны. Ее немецкое окружение (прежде всего фаворит Бирон) обоснованно не доверяло русским дворянам-гвардейцам. Поэтому в 1730 году и были созданы два новых полка (Измайловский и Конногвардейский), в которых большая часть офицеров и унтер-офицеров набира-

Рядовые и обер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка на лошади.
Художники Л. А. Белоусов и Кондукин. 1830-е гг.

Флейтист, барабанщик и унтер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка.
Художники Л. А. Белоусов и Кондукин. 1830-е гг.

лась из иностранцев и прибалтийских немцев. К 1740 году поменялся социальный состав лейб-гвардии: теперь большинство рядовых происходило из простых сословий, и в дальнейшем дворяне стали занимать только офицерские посты. Лейб-гвардия, не принимавшая регулярного участия в боях после Петра I, по уровню боевой подготовки уступала «обстрелянным» армейским частям. Избалованные сытой и спокойной жизнью при Екатерине II, гвардейцы (в особенности офицеры) были как громом поражены жесткими мерами Павла I по укреплению дисциплины.

Отношение к голштинцам Петра III и гатчинцам цесаревича Павла было пренебрежительным. Голштинцы, набранные, как отмечали современники, из беглых немецких рабочих, подмастерьев и солдат-дезертиров, не считались серьезной боевой частью во время переворота 1762 года, когда на престол взошла Екатерина II. Гатчинцы, приспособленные к вахтпарадам, были плохо встречены в гвардейских полках. Граф Е. Ф. Комаровский в своих записках отмечает, что гатчинские офицеры «не только были без всякого воспитания, но многие из них самого развратного поведения; некоторые даже ходили по кабакам, так что гвардейские наши солдаты гнушались быть у них под командою»[5].

Общие правила ведения караульной службы сформулированы Уставом воинским 1716 года. Были предусмотрены караульные дома и кордегардии (караульные помещения) в охраняемых объектах. Старшим караульным начальником являлся капитан, заступающий в караул вместе

Унтер-офицер лейб-гвардии Конной артиллерии.
Художник Л. А. Белоусов.
1830-е гг.

Флейтист, рядовой и унтер-офицер лейб-гвардии Гренадерского полка.
Художник Л. А. Белоусов.
1830-е гг.

со своей ротой. Ему подчинялись караульные начальники из младших офицеров и унтер-офицеров. Устав (артикул 62) определяет высокий статус часового на карауле, который «на своем посте, яко самовластная особа». Он не подчинялся ничьим приказаниям, пока не сменялся непосредственным караульным начальником. Артикулы 44–46 гласят: «Всяк долженствует часового почитать... Ежели кто дважды окликан будет с угрожением, а ответа часовому не учинит, а часовой по нему выстрелит, [то часовой] от всякого наказания свободен». Не выполнивший команду часового офицер лишался чина, а рядовой подвергался телесному наказанию. Нападающий с оружием на караул или на часового приговаривался к расстрелу. К несению караульной службы требования были столь же строги. Так, артикул 41 предусматривал расстрел за сон, пьянство на посту и самовольный уход с поста для рядового и офицера. Устав предписывал проводить разводы караулов, проверки несения службы часовыми. В караул заступали согласно письменному приказу. Причем назывался «пароль» — слово, являвшееся пропуском через посты. Каждый караульный начальник имел подробное расписание вверенных его караулу постов. Общее руководство караульной службой в полку входило в служебные обязанности майора[6]. В XVIII веке часовой на посту был вооружен кремневым ружьем со штыком. У пехотинцев имелась еще полусабля, а у кавалеристов — сабля или палаш.

Каковы же особенности караульной службы гвардейцев по охране императорских резиденций? В суточный караул по охране Главной резиденции (Зимнего дворца, например) ежедневно наряжалось до 500 человек, то есть батальон. Но известны случаи, когда охрану резиденции несла рота. При чрезвычайных обстоятельствах караулы могли удваиваться. В отличие от XVII века, когда стрелецкий караул нес только внешнюю охрану резиденции и не размещался внутри дворца, в XVIII столетии вооруженные гвардейцы занимали посты и во внутренних дворцовых помещениях. Мемуарист, офицер Измайловского полка В. А. Нащокин, отмечал, что с правления императрицы Анны «караульную команду начали майоры водить, а до сего не важивали, а ходити одни капитаны». Государи-мужчины (Петр III, Павел I) постоянно присутствовали на разводах караулов и принимали рапорты караульных начальников.

Не только государи, но и государыни лично знали гвардейских офицеров (старших в особенности). Существовал обычай приема государем офицеров гвардейских полков в их полковые праздники. Только императоры и императрицы являлись шефами и полковниками всех полков гвардии. Все служебные перемещения в них утверждались государями. Лишь Павел I в 1796 году назначил полковниками гвардейских Семеновского, Измайловского и Конного полков своих сыновей Александра, Константина и Николая. Чином подполковника гвардии жаловались высшие военачальники (так, А. В. Суворов, будучи фельдмаршалом, являлся также подполковником Преображенского полка). Реально полками гвардии командовали майоры, чин этот считался весьма высоким. По свидетельству А. В. Храповицкого, Екатерина II отказалась его дать неизвестному ей протеже всесильного Г. А. Потемкина, сказав: «Как быть тому майором гвардии, кого в глаза не знаю?» В конце XVIII века майоры гвардии имели обычно еще и чин армейского генерал-майора[7].

Достаточно подробно известно о караульной службе гвардии при Павле I. Этот государь отличался большой подозрительностью и ожидал вероятного дворцового переворота (что, как известно, и случилось). Уже сразу после кончины Екатерины II Павел, пребывая в Зимнем дворце, заметно усилил меры безопасности. Тем, кому была знакома безмятежная дворцовая жизнь в екатерининские времена, теперь эта резиденция напоминала казарму из-за всюду расставленных часовых и сновавших туда и сюда офицеров. Вообще же Павел I любил внешнюю сторону армейской жизни: не пропускал разводов и вахтпарадов, лично следил за соблюдением формы одежды, правильностью воинских «экзерциций» и строго взыскивал за малейшее нарушение. С годами мнительность императора усилилась, и он 1 февраля 1801 года спешно переселился в только что отстроенный Михайловский замок (напоминающий, как уже отмечалось, крепостное сооружение), не обращая внимания на страшную сырость в помещении, делавшую его неприспособленным для нормальной жизни. В Михайловском замке было три основных караула. Во внутреннем дворе — «большая кордегардия», в которой стояла рота одного из гвардейских полков по очереди. На первом этаже дворца, в овальной комнате, у парадной лестницы дежурили 30 человек во главе с офицером, наряжаемые только от Преображенского полка, шефом которого был сам император. И рядом с императорскими покоями, в караульной комнате, постоянно находился один из взводов Конногвардейского полка под командой офицера. Во дворце также были определены посты, занимаемые часовыми из этих караулов. Кроме того, в императорской библиотеке дежурили камер-гусары, и для них рядом была предусмотрена небольшая комната[8].

Триумфальный вход русских войск в Москву 21 декабря 1709 года после побед при Лесной и под Полтавой.
Гравюра А. Зубова. 1711 г.

ОХРАНА ИМПЕРАТОРА ВНЕ РЕЗИДЕНЦИИ

В императорских выходах и выездах из резиденции государей сопровождали адъютанты, придворные (высшие чины, кавалеры и прислуга), специально для этого выделенные. С полным напряжением действовала шталмейстерская часть (обслуживала верховых и упряжных лошадей, кареты, сани), а при выездах на охоту — егермейстерская часть. При этом шталмейстеры и конюхи, егермейстеры, егери и псари вместе с участвовавшими в мероприятиях адъютантами и придворными вовлекались и в охранные мероприятия. При выходах и выездах привлекались также подразделения гвардии. Петр I, как уже отмечалось, часто пренебрегавший должной охраной, все же в торжественных церемониях и дальних путешествиях брал с собой гвардейские полки (в особенности преображенцев). Поскольку конной гвардии при нем не было, на лошадей сажались солдаты-преображенцы, когда это было необходимо. При нем использовались для охраны торжественных шествий и армейские драгуны. Петр, в отличие от государей XVII века, лично руководил военными действиями. Он нередко находился в боевых порядках русских войск и подвергался смертельной опасности (известно, что во время Полтавского сражения пули пробили шляпу Петра I и седло его лошади). В боевой обстановке царя охраняли его свита (генералы, офицеры, денщики), а также преображенцы[9].

На организации охраны государей в условиях длительных путешествий (в особенности по маршруту Петербург — Москва) следует остановиться отдельно. Подобные путешествия организовывал кабинет (особый орган при

монархе). Он формировал императорский поезд (из карет, подвод, саней), ассигновывал для этого средства, направлял в соответствующие органы распоряжения о выделении обывательских лошадей и подвод. Намечались пункты остановок в пути (на питание, отдых, ночлег). На тракте Петербург — Москва делали шесть-семь остановок (в Вышнем Волочке, Твери, Клину и на ямских станциях). На каждой остановке меняли лошадей для придворных карет (саней) и подводы для перевозки поклажи. Бывало, что в царском поезде использовали до 500 обывательских лошадей и свыше 500 запряженных лошадьми подвод. При путешествиях на более короткие расстояния императорский поезд был не таким большим. Обычно с государем ехали адъютанты, высшие придворные чины, придворные кавалеры и служители, придворные дамы и женская прислуга, а также охрана (с императрицей Анной в 1732 году — 14 кавалергардов и 10 гвардейцев-ездовых, с императрицей Елизаветой в 1742 году — 30 лейб-кампанцев и 12 гвардейцев-ездовых и т. д.).

В правление Екатерины II были созданы немногочисленные команды (казачья, гусарская), получившие название Придворных. Они выполняли функции конвоя при императорских выездах и путешествиях. Во время поездок в Москву на коронационные торжества императорский поезд сопровождали полки гвардии. При всех путешествиях для охраны выделялся конный конвой не только из конной гвардии, но и из армейских драгунских полков. В места остановок наряжались особые команды как из гвардейских, так и из армейских пехотных полков. Там, где были императорские путевые дворцы и предусматривался длительный отдых, питание и ночлег, такие команды возглавлял офицер, и в его подчинении могло быть до нескольких десятков солдат. Офицеру вручали подробную инструкцию, в соответствии с которой он осматривал путевой дворец на предмет его пригодности и безопасности для августейшего посещения и выявлял случаи инфекционных болезней у местного населения. К домам, где обнаруживались подобные больные, выставлялись посты, а их обитателям запрещалось покидать свои подворья. В остановочные пункты, где нужно было лишь заменить лошадей и подводы, отправляли обычно унтер-офицера с несколькими рядовыми. Везде, где стояли подобные команды, их командир следил за тем, чтобы к прибытию императорского поезда было в наличии необходимое число сменных лошадей и подвод. В момент приезда поезда команда выполняла обязанности караула. По прибытии государя в город или населенный пункт его встречали также расквартированные там армейские части и местные гарнизонные подразделения. По пути следования поезд встречали, выстроившись по обеим сторонам дороги, расквартированные поблизости армейские полки. Накануне проезда императора местные губернские власти обязаны были привести в порядок дороги, мосты, паромные переправы. Сами губернаторы со свитой приветствовали монархов у границ своих губерний и сопровождали их до границ соседних губерний. Все эти мероприятия обеспечивали охрану и безопасность монаршего путешествия[10].

Екатерина Великая демонстративно окружала себя охранниками из числа крымских татар во время поездки по Новороссии и Тавриде. Этот жест с уважением был пересказан в Европе: императрица показывала мощь растущего государства. Позже отменными охранниками считались представители покоренных народов Северного Кавказа. Слухи о такой службе заставляли горделивых горцев смириться с властью российского монарха.

В ноябре 1774 года, по предложению князя Г. А. Потемкина-Таврического, войсковым атаманом А. И. Иловайским были составлены Донская и Чугуевская команды из казаков знатнейших фамилий. Каждая команда состояла из 65 человек и была командирована в Москву для торжеств по случаю празднования мира при Кучук-Кайнарджи. По прибытии в Москву эти команды совместно с выбранным из гусарских полков лейб-эскадроном образовали Собственный конвой императрицы Екатерины II.

Охраняли донские казаки и императора Павла, который произвел А. И. Иловайского в генералы от кавалерии. Алексей Иванович получил этот чин первым из донских казаков не только благодаря «конвойным» заслугам, но во многом и за безукоризненную охрану государя. Казаки из поколения в поколение передавали премудрости и секреты конвойной службы. Продолжалась эта традиция вплоть до воцарения Николая Павловича.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. 5. № 3006. С. 325; *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. М., 1957. С. 25.

[2] РГАДА. Ф. 14 (Придворное ведомство). Оп. I. Д. 29, 258. Л. 230–233 об.; ПСЗ. Т. 24. № 17754; Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. М., 1902. Ч. 1. С. 36; *Павленко Н. И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1984. С. 21–23; *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. I. Государев Двор, или Дворец. М., 1990. С. 118,

125–129; Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990. С. 41; *Бантыш-Каменский Д. М.* Биография российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Ч. 1–2. С. 74, 262; *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена Российской империи. Л., 1991. С. 159–176; *Беспятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 145–146, 158.

[3] Записки графа Е. Ф. Комаровского. С. 29; *Шепелев Л. Е.* Указ. соч. С. 107–109.

[4] Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 62–64; Памятные записки А. В. Храповицкого, стас-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990. С. 283; *Павленко Н. И.* Страсти у трона. История дворцовых переворотов. М., 1996. С. 203; *Шильдер Н.* Император Павел Первый. М., 1996. С. 99–100; *Песков А. М.* Павел I. М., 1999. С. 355.

[5] *Дашкова Е.* Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 32; *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 25, 42; Записки графа Е. Ф. Комаровского. С. 37–38, 61; Записки императрицы Екатерины II. С. 170–171, 174; *Таланов А. И.* Кавалергарды // Военно-исторический журнал. 1991. № 1; *Он же.* Конная гвардия // Там же. 1991. № 12; *Шильдер Н.* Император Павел Первый. С. 188–189, 229; *Павленко Н. И.* Страсти у трона... С. 228; *Беспятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. С. 61, 249; Империя после Петра. 1725–1765. М., 1998. С. 235, 243, 247–257; Перевороты и войны. М., 1997. С. 36–37, 251, 363; *Песков А. М.* Павел I. С. 317, 319, 322, 353.

[6] ПСЗ. Т. 5. С. 286–289, 297–298, 309, 332–334, 444, 450.

[7] Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. Ч. 3. С. 17; Ч. 4. С. 34–37, 125; *Дашкова Е.* Указ. соч. С. 26; Записки графа Е. Ф. Комаровского. С. 298, 35, 45; Записки императрицы Екатерины II. С. 275; Памятные записки А. В. Храповицкого. С. 189, 271; *Павленко Н. И.* Страсти у трона... С. 187, 204; *Шильдер Н.* Император Павел Первый. С. 229, 271; *Беспятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. С. 244, 268–269, 317, 320; *Песков А. М.* Павел I. С. 60.

[8] Записки графа Е. Ф. Комаровского. С. 47; *Шильдер Н.* Император Павел Первый. С. 276–277, 432, 435, 438, 443, 467–468, 532–533; *Песков А. М.* Павел I. С. 49–50.

[9] Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. Ч. 1. С. 43; Ч. 2. С. 244; Записки графа Е. Ф. Комаровского. С. 41; Перевороты и войны. М., 1997. С. 372–373.

[10] РГАДА. Ф. 14. Оп. I. Д. 63; Д. 80. Ч. 1–2; Д. 81. Ч. 1–2; Д. 106; Д. 247; Д. 255; Д. 257; Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. Ч. 2. С. 13–14; Ч. 3. С. 34; Записки графа Е. Ф. Комаровского. С. 9, 41; Империя после Петра I. 1725—1765. М., 1998. С. 233–234; Казачьи войска. Хроника. М., 1992. С. 554–555.

ГЛАВА 3

ОХРАНА ВЫСОЧАЙШИХ ОСОБ И ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1801–1881 ГОДАХ

ОХРАНА ИМПЕРАТОРА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

В царствование Александра I выработанные в XVIII веке принципы охраны не менялись. По-прежнему в охранных мероприятиях принимали участие придворные кавалеры и прислуга. При Александре дальнейшее развитие получила Свита Его Императорского Величества: в генерал- и флигель-адъютанты назначено 176 человек. Среди генерал-адъютантов были и наиболее приближенные к императору люди, друзья детства и юности.

Александр I продолжил начинания отца, Павла I, по увеличению гвардии. К уже имеющимся гвардейским полкам были добавлены: Егерский (сформирован из егерского батальона), Литовский, Московский, Гренадерский, Павловский, Финляндский, Волынский пехотные полки, Кирасирский, Конногренадерский, два Уланских, Драгунский, Гродненский гусарский конные полки, Гвардейский флотский экипаж, Саперный батальон, полевой жандармский эскадрон и три артиллерийские бригады. Именно при Александре I русская гвардия составила отдельный Гвардейский корпус. С 1805 года она активно участвовала в боевых действиях и особенно отличилась в кампаниях 1812–1814 годов.

Государевы резиденции охранялись гвардейскими караулами, как и прежде. В Зимнем дворце на главную дворцовую гауптвахту (караульное помещение) на сутки заступала

Александр I.
Литография В. Долле. 1840 г.

одна из гвардейских рот. Гвардейские караулы ставились и в близлежащих правительственных зданиях (например, в Сенате).

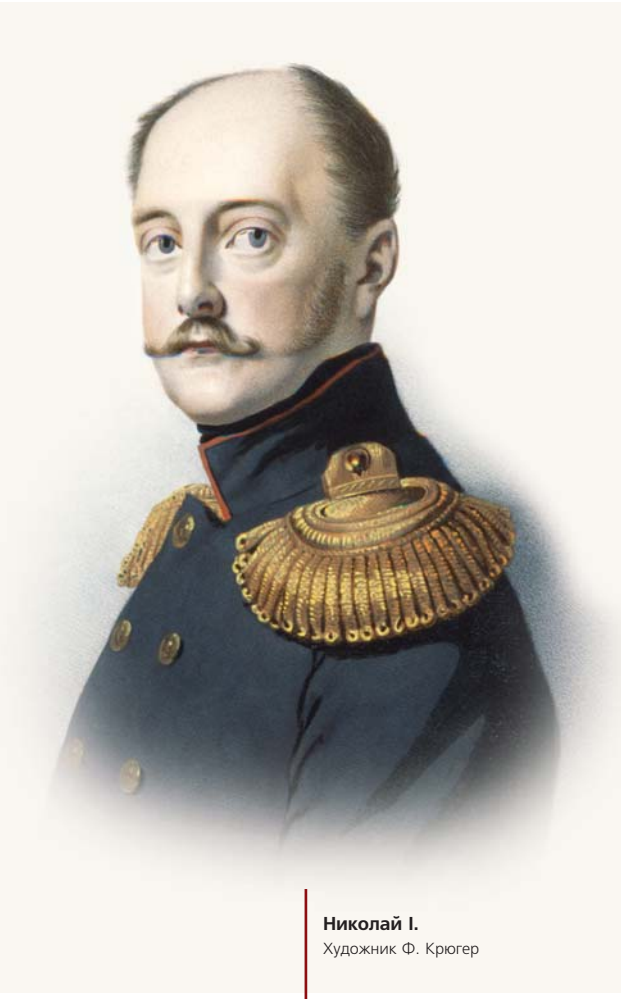
Александр I ввел в обычай регулярные пешие прогулки в Петербурге в сопровождении нескольких лиц (адъютантов, лакеев) либо даже в одиночестве. Царь чаще всего гулял в Летнем саду, по набережной Невы и по Невскому проспекту. При поездках, в том числе и дальних, он не брал с собой большой свиты и охраны. По Петербургу и пригородам часто ездил в открытой коляске в сопровождении кучера и лакея и без всякой охраны. В путешествия по стране Александр брал с собой нескольких генерал- и флигель-адъютантов, лейб-медика и около 20 человек прислуги. За границу император отправлялся с тем же числом сопровождающих с добавлением нескольких чинов Министерства иностранных дел. Конный конвой при всех поездках был невелик. Обычно его составляли казаки. Во время военных действий в 1813–1814 годах обязанности императорского конвоя выполнял лейб-гвардии Казачий полк. За границей Александра I охраняли также соответствующие службы и воинские части посещаемых им государств. Даже когда императору сообщали в ходе зарубежной поездки, что на него готовится покушение, он демонстративно пренебрегал какими-либо мерами предосторожности, по вечерам гулял один «во фраке». Но и дома, в России, у Александра I была твердая уверенность в том, что простые русские люди не причинят ему вреда. Он запросто общался с народом, мог войти в любой дом, даже в крестьянскую избу. Уверенность императора подкреплялась искренними проявлениями восторга, которые он привычно встречал, как только появлялся на людях. В период своего царствования Александр I исколесил всю страну вдоль и поперек и умер в 1825 году в Таганроге, не в столице.

Во время страшного петербургского наводнения 1824 года император лично на шлюпке посетил наиболее пострадавшие городские районы, подвергая себя серьезной опасности. Но еще большим опасностям (как и его великий предшественник Петр I) Александр I подвергал себя в периоды боевых действий, нередко находясь рядом с передовыми частями. Охрана государя при этом далеко не всегда была на высоте. Особенно это видно в ходе неудачного Аустерлицкого сражения 1805 года. Очевидцы свидетельствуют, что императорская свита «потеряла» Александра, рассеявшись на поле боя. Государь вынужден был отступать с бегущими от неприятеля войсками в сопровождении лейб-медика, берейтора, конюха и двух конвойных казаков. Александр долго ехал верхом, поскольку экипажи были потеряны. На ночлег он расположился в крестьянской избе. Но и позже, во время заграничной кампании 1813 года, царь подчас находился на волосок от смерти: во время сражения под Дрезденом разорвавшееся ядро убило рядом стоявшего генерала, а под Лейпцигом конвой гвардейских казаков вступил в бой с французскими кирасирами в пятнадцати шагах от Александра I.

Победа в Отечественной войне 1812 года и успешные Заграничные походы 1813–1814 годов оказали огромное влияние на все русское общество. Эти события сказались и на состоянии гвардии. Александра I с его отцом Павлом I и дедом Петром III при всех отличиях ха-

рактеров сближала страсть к «фрунтовой механике», пристрастие к прусской военной муштре. После Заграничных походов он, его братья великие князья Николай и Михаил и некоторые приближенные генералы, олицетворением которых в общественном мнении был А. А. Аракчеев, стали утверждать, что в гвардейских частях упала дисциплина, недостает ревностного отношения к службе. Винили за это гвардейских офицеров, отмечая их либерализм и привычку обсуждать приказы начальства. Действительно, в гвардии к солдатам не применялись телесные наказания и в частях нередко устанавливались доверительные отношения между нижними чинами и офицерами. Кроме того, Александр I был прекрасно осведомлен о существовании тайных обществ (будущих декабристов), едва ли не основная часть членов которых служила офицерами в гвардии.

Царь и аракчеевцы решили «подтянуть» гвардию путем возврата к «палочной» муштре и придирчивой взыскательности времен павловского царствования. В гвардейские полки назначались новые командиры, начался возврат к забытым было телесным наказаниям солдат, мучительным приготовлениям к парадам и караулам, а то и к прямым издевательствам по отношению к нижним чинам. Результат не замедлил сказаться: были отмечены ропот, демарши оскорбленных офицеров и даже открыто проявляемое недовольство целых гвардейских частей. Особенно показателен в этом смысле 1820 год. То все офицеры Измайловского полка подали рапорта об отставке (усилиями командования дело было замято), то целая рота Павловского полка обвинила ротного командира в присвоении солдатских денег (ввиду открывшихся злоупотреблений его перевели «в армию»). Самым громким событием этого года явилось выступление Семеновского полка в ответ на издевательства нового командира, полковника Шварца. Вначале 1-я гренадерская рота (считавшаяся «государевой») построилась без команды и потребовала убрать Шварца, а затем ее поддержал и весь полк. Солдаты не брали оружия, не совершали проступков, они просто стояли на своем, несмотря ни на какие уговоры офицеров, полкового и корпусного начальства. Явное сочувствие семеновцам проявляли и солдаты других полков гвардии. В итоге старый Семеновский полк расформировали и тут же создали новый. Шварца отстранили от командования. Александр I и его окружение были потрясены «семеновской историей». Царь считал, что это дело рук гвардейских офицеров — членов тайных обществ. Но следствие показало, что причина коренится в восстановленной в правах жестокой муштре и издевательствах над человеческим достоинством солдата. Так или иначе, Александр I столкнулся с фактом пассивного неповиновения одной из самых старых частей своей гвардии.



Николай I.
Художник Ф. Крюгер

Восстание декабристов 14 декабря 1825 года сопровождалось беспрецедентным выступлением одной части гвардии против другой. Такого факта ни до, ни после не было. Декабристы пришли к выводу о необходимости военного мятежа ради достижения своих целей. Они намеревались либо арестовать императора Александра на маневрах, либо открыто выступить в момент его смерти. В декабристских кругах обсуждались идеи ареста царской фамилии и даже цареубийства, но реально, как показали события, к этим мерам декабристы оказались не готовы. Внезапная смерть Александра I в Таганроге побудила декабристов

Медальон с пятью казненными декабристами.
С титульного листа альманаха «Полярная звезда»

к выступлению. Весомую лепту в это внесли и сами власти. Вначале была организована присяга Константину как новому императору. Затем, когда окончательно выяснилось, что он не желает занимать престол (об этом уже давно было известно узкому кругу лиц), на 14 декабря была назначена «переприсяга» Николаю. Большую опасность столь легкомысленного отношения к присяге понимали многие. В частности, великий князь Михаил имел прямой разговор об этом с Николаем (будущим императором). «Переприсяга» вызвала сомнения не только у солдат, но и у офицеров гвардии. Так, некоторые офицеры 1-й Гвардейской артиллерийской бригады, прежде чем присягать Николаю, требовали свидания с великим князем Михаилом, чтобы он подтвердил отказ Константина от престола. Акт присяги был приостановлен, поскольку позиция офицеров повлияла на солдат. И только приезд в казармы Михаила снял все противоречия.

Декабристы воспользовались недоумением в среде гвардейцев, уговаривали солдат не присягать вновь. Вопреки сопротивлению генералов и старших офицеров (которые были убиты или ранены), они вывели на Сенатскую площадь Гвардейский флотский экипаж, большую часть Гренадерского и часть Московского полков (всего около 3 тысяч человек). Причем солдаты сами говорили, что они уже присягали Константину и второй раз присягать не будут. В ответ на настойчивые уговоры иные требовали, чтобы сам Константин к ним приехал и освободил их от присяги (великий князь Константин в это время находился в Варшаве в качестве наместника в Царстве Польском). И все же большинство гвардейцев присягнуло Николаю. Нерешительность декабристов, отсутствие четкой организации привели к тому, что «стояние» на Сенатской площади окончилось расстрелом мятежных каре из орудий гвардейской артиллерии (предшествовавшая ему атака конной гвардии результата не дала). Восстание было подавлено. Так кровавым путем был преодолен трагический раскол среди нижних чинов гвардии — государевой охраны, в котором вся вина простых солдат-гвардейцев состояла в их серьезном отношении к присяге монарху. Раскол же в среде гвардейского офицерства был более глубоким, идейным — на сторонников самодержавия и его противников (в лице декабристов), стремившихся к установлению конституционного строя. Преодолеть этот раскол было труднее. У арестованных декабристов оказалось немало сочувствующих[1].

III ОТДЕЛЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ

Прообразом специальных служб в области государственной безопасности Российской империи стало III Отделение в составе Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

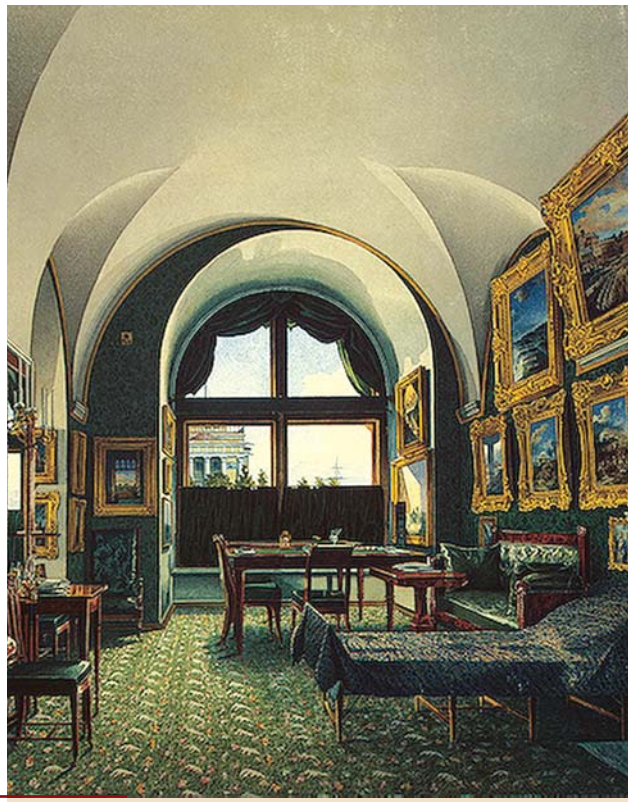
В конце января 1826 года Бенкендорф обратился к Николаю I с запиской о необходимости создания специальной политической полиции. 25 июня 1826 года император подписал указ об организации Отдельного корпуса жандармов, 3 июля 1826 года — указ о преобразовании Особой канцелярии Министерства внутренних дел в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Создание этих структур означало переход от политического розыска к системе политического контроля в Российской империи.

Новые структуры формировались не на пустом месте. До 1826 года в составе Министерства внутренних дел действовала Особая канцелярия под руководством М. Я. фон Фока. В записке от 14 июля 1826 года фон Фок предлагал разделить формирующуюся структуру на четыре экспедиции. Задачей одной из них фон Фок видел предупреждение «злоумышлений против особы Государя Императора». Поэтому III Отделение, охраняя «безопасность престола», в первую очередь должно было охранять безопасность царя и его окружения.

Необходимо подчеркнуть, что собственно III Отделение являюсь структурой аналитической, главной задачей которой были сбор и обобщение информации. Но поначалу в нем сохранялась агентурная сеть, созданная еще фон Фоком. Это были не рядовые агенты. В их число входили, например, статский советник Нефедьев, коллежский советник Бландов, писатель и драматург С. И. Висковатов[2].

Особое внимание сотрудники III Отделения обращали на армию и гвардию, поскольку именно военные на протяжении XVIII — начала XIX века были главными организаторами заговоров и цареубийств.

Со временем III Отделение постепенно отказалось от оперативной работы, поскольку при его создании таковая не предусматривалась, да и штат ее сотрудников был очень небольшим. По данным Ч. Рууд и С. Степанова, первоначально в него входили 16 человек, к концу царствования Николая I — 40 человек, в 1880 году — 72 человека[3]. По данным М. В. Сидоровой, общее число сотрудников III Отделения на момент его основания было невелико — 27 человек. На момент упразднения III Отделения в 1880 году число сотрудников составляло всего 58 человек[4]. III Отделение неоднократно подвергалось реорганизациям. Так, в 1839 году, после объединения должностей начальника штаба Корпуса жандармов и управляющего III Отделением в лице Л. В. Дубельта, была создана единая структура, просуществовавшая до 1880 года.



Малый кабинет Николая I

В 1860-х годах в Российской империи резко осложнилась внутриполитическая ситуация. Перед III Отделением были поставлены новые задачи, помимо сбора информации и ее аналитического осмысления. Главная из них — борьба с революционным движением.

К числу мер по охране императорской фамилии в начале 1860-х годов можно отнести и то, что начальнику III Отделения и шефу жандармов В. А. Долгорукову и петербургскому военному генерал-губернатору А. А. Суворову было поручено неослабное наблюдение за всеми отправляющимися по железной дороге в Царское Село, где была резиденция Александра II, а полиции Царского Села — наблюдение за всеми приезжающими.

Но это были меры, носящие традиционный характер. Время требовало принципиальных изменений. После покушения бывшего студента Д. Каракозова на императора Александра II в апреле 1866 года и отставки в связи с этим Долгорукова III Отделение было лишено полицейских функций по инициативе нового министра внутренних дел Петра Андреевича Шувалова. Его главной задачей стало «наблюдение за обществом». Однако эти реформы имели и свои негативные для государства последствия: либеральная интеллигенция, формировавшая общественное мнение в России, с большой симпатией относилась к тираноборческим настроениям революционеров, поэтому дела арестованных революционеров зачастую «разваливались» либеральными судами. В 1871 году III Отделению были возвращены полицейские функции, которые позволяли активно влиять на следственные и судебные процессы.

Немаловажным фактором было и увеличение финансирования всех структур, боровшихся с революционным движением в России. Бюджет Охранной стражи III Отделения составил 52 тысячс рублей в год. В июле 1866 года были выделены дополнительные ассигнования на «усиление заграничной агентуры» в размере 19 тысяч рублей. На содержание «секретного отделения» при петербургском обер-полицмейстере выделялось 29 тысяч рублей в год. Эти меры дали определенные результаты. Современникам П. А. Шувалов запомнился как человек, при котором на императора не было совершено ни одного покушения.

Таким образом, в 1826 году была создана структура, которая пользовалась в 1820–1850-х годах значительным влиянием в обществе. Фактически III Отделение стало фундаментом для создания в России профессиональных спецслужб. Однако оно «не успевало» за развитием революционного движения в России и в конце 1870-х — начале 1880-х годов утратило инициативу в противостоянии политическому террору народовольцев. Именно это и стало причиной ликвидации III Отделения в 1880 году.

Если III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии занималось сбором оперативной информации и ее анализом, то Отдельный корпус жандармов был создан для непосредственной оперативной работы по обеспечению государственной безопасности в границах Российской империи.

Впервые жандармы в России появились еще при Александре I в русской армии. В июне 1815 года в каждом кавалерийском полку была создана жандармская команда для борьбы с мародерством и другими воинскими преступлениями. К 1826 году жандармов насчитывалось более 4000 человек[5], в 1880-м — 6808 человек. За 55 лет штаты жандармского корпуса выросли всего только на 60 процентов[6]. В 1826–1827 годах они были сведены в единую структуру — Отдельный корпус жандармов. Оперативная работа по всей империи потребовала разделения страны на семь округов, в которых создавались структуры тайной полиции. Тогда же сложились жесткие требования для комплектования кадрового состава Корпуса жандармов, которые сохранялись до начала XX века. Для перевода в элитный Корпус жандармов от армейских и гвардейских офицеров требовалось быть не моложе 25 лет, потомственным дворянином, окончить военное или юнкерское училище по первому разряду, как правило, исповедовать православие[7], не иметь долгов и быть в строю не менее 6 лет[8].

Постепенно сложилась и процедура перехода в жандармские офицеры из армии. В марте 1830 года армейских офицеров, переходящих в Корпус жандармов, начали подвергать специальным «испытаниям», но речь еще не шла об экзаменах. Кандидаты прикомандировывались на 2–4 месяца в штаб Корпуса, где сослуживцы оценивали их «умения и способности», нравственные качества и степень образованности.

Собственно «экзаменационные испытания» при зачислении в Корпус были введены позже. Выдержавшие предварительные экзамены при штабе Корпуса заносились в кандидатский список, по мере появления вакансий их вызывали в Петербург на 4-месячные курсы, после которых был еще выпускной экзамен. И только затем прошедшие через это сито высочайшим указом зачислялись в Отдельный корпус жандармов. О строгом отборе в жандармский корпус свидетельствуют следующие данные: в 1871 году подали прошение о переводе в Корпус жандармов 142 армейских офицера, к занятиям на курсах допустили только шесть человек[9].

Для жандармских офицеров действовал особый порядок чинопроизводства, что позволяло при удаче быстро сделать карьеру. Конкуренция среди желающих попасть на эту службу была столь велика, что, по свидетельству А. И. Спиридовича, и в конце 1890-х годов без протекции попасть на жандармские курсы было невозможно. В общественном сознании до конца 1880-х годов жандармская служба считалась вполне достойной. Только на рубеже 1880–1890-х годов систематическими усилиями либеральной интеллигенции в общественном сознании начал формироваться образ жандарма-«сатрапа», что, безусловно, затрудняло работу офицеров Отдельного корпуса жандармов.

Одной из главных задач III Отделения и Отдельного корпуса жандармов было обеспечение личной безопасности Николая I. Но обладание неограниченной властью было столь органично, а харизма царя такова, что Николай I один мог поставить на колени мятежную толпу на Сенной площади во время вспышки эпидемии холеры в 1831 году в Петербурге. Адмирал А. И. Шестаков писал об этой черте характера Николая Павловича: «Смелость, которая валила на колени безумные толпы, озаряла его сиянием власти, не допускавшим мысли непокорности, отбросившая самое злодейство. Ничья рука не могла подняться на человека, носившего в себе убеждение неуязвимости. Страх в его глазах был для простых смертных, а не для помазанника, над которым блюла сверхъестественная охрана»[10]. Царь это осознавал, поэтому после перестройки Зимнего дворца в 1838–1839 годах ночные посты у личных покоев императора, введенные еще при Александре I, были им отменены[11].

По свидетельствам современников, Николай I, как и его старший брат Александр I[12], позволял себе одинокие прогулки по Дворцовой набережной и Летнему саду в простой шинели, раскланиваясь со встречающимися знакомыми. Подданные могли часто видеть императора без всякой охраны. Даже находясь в Зимнем дворце, он сознательно демонстрировал случайным прохожим свою занятость. Один из мемуаристов пишет, что «в зимние дни, в

Николай I среди конных гвардейцев.
Художник К. К. Пиратский. 1847 г.

семь часов утра, проходившие по набережной мимо Зимнего дворца могли видеть Государя, сидящего в кабинете за письменным столом»[13]. Он часто посещал модные в то время великосветские маскарады. Трудно сказать, сопровождала ли царя его негласная охрана постоянно и каков был ее состав. Однако в воспоминаниях современников проскальзывают сведения, указывающие на то, что негласная охрана была.

На улице Николай Павлович мог завязать непринужденный разговор со знакомыми ему лично людьми. Но это могло закончиться для его собеседника плачевно. Так, после разговора с актером-комиком французской труппы Верне тот попал в полицейский участок за «приставание» к императору, так как, «плохо владея русским языком, *он не смог объясниться* с полицейским (курсив наш. — *Ред.*). И только позднее, когда все выяснилось, его выпустили с извинениями»[14]. Можно предположить, что «полицейские» немедленно выясняли личность собеседников императора, если они не были им известны.

По воспоминаниям писательницы А. Я. Панаевой, император любил бывать в театре на сцене, но при этом «никто не ходил, *везде стояли чиновники, наблюдая* (курсив наш. — *Ред.*), чтобы кто-нибудь по нечаянности не выскочил на сцену... наконец, Государю надоела эта гробовая тишина за кулисами и на сцене, и он отдал приказ, чтобы никогда не стеснялись в его присутствии, и все делали бы свое дело. Надо было видеть, как суетились чиновники, чтобы, например, плотники, таща кулису, не задели Государя, как все артистки расхаживали по сцене в надежде, что их осчастливит Государь своим вниманием»[15]. Этими «чиновниками» могли быть представители театральной администрации, но можно и предположить, что «чиновниками» были жандармские офицеры, отвечавшие за личную безопасность царя. Возможно, это были специальные чиновники «по особым поручениям» III Отделения, которые могли негласно сопровождать императора.

Во множестве мемуарных свидетельств есть только немногочисленные косвенные упоминания о личной охране, поэтому о ее существовании можно говорить гипотетически. Но это не означает, что за все 30 лет правления Николая I не было реальных угроз его жизни. В первой половине 1830-х годов, после жесткого подавления русскими войсками восстания в Польше, эта угроза сделалась весьма ощутимой. Собираясь на маневры в Калиш в 1835 году и предполагая возможность покушений со стороны поляков, Николай Павлович даже оставил для наследника нечто вроде завещания[16]. В июне 1833 года стало известно, что во Франции, в Авиньоне, бежавшими польскими повстанцами было решено убить Николая I. Вскоре в Вильне был арестован Марцелий Шиманский, вернувшийся тайно из Франции, у него были изъяты яд и кинжал. В 1830-х годах в секретной переписке петергофского дворцового управления с чинами Отдельного корпуса жандармов проходили по ориентировке несколько поляков, которых рассматривали как лиц, способных совершить покушение на царя[17].

К попытке покушения (вероятно, заранее не планируемого) на императора можно отнести и эпизод, произошедший в 1843 году в Познани. В сентябре того года Николай I выехал из Берлина в Варшаву через Познань. 7 сентября вечером он подъехал к Познани, но местные начальствующие лица попросили объехать город стороной, поскольку через него двигалась большая похоронная процессия. Царь согласился, но одна из отставших колясок Военно-походной канцелярии не знала о решении царя и поехала через город. «При следовании по главной улице

Выезд Николая I
около Чудова монастыря.
Художник П. А. Герасимов. Середина XIX в.

на углу маленького переулка произведены были выстрелы. Пули, в числе десять, пробили кузов коляски, и три из них остались в вате шинели»[18] одного из чиновников.

Проблемы личной безопасности Николая I были предметом обсуждения при заграничных путешествиях императора. Так, в 1844 году, накануне визита Николая I в Великобританию, состоялись консультации по этому вопросу между заинтересованными сторонами. В результате граф Нессельроде писал российскому послу в Лондоне: «Император нисколько не противится мерам предосторожности, принять которые сочли бы нужным английские министры... император ничего не хочет знать о них, ни видеть их. Ему было бы слишком неприятно ходить окруженным беспрерывно предосторожностями»[19]. Этими словами фактически излагалась позиция Николая I по отношению к своей личной охране. Он прекрасно понимал ее важность и необходимость и был согласен с ее существованием, но при одном условии: чтобы ее не замечали не только другие, но и он сам. Император был убежден, что слишком назойливая охрана, бесконечно демонстрирующая свое усердие, только подрывает престиж императорской власти в России.

Угрозы покушения на жизнь императора Николая I остались только угрозами, и язва политического терроризма, которая уже начала разъедать политическую жизнь Европы, не затронула Россию в период его царствования. При Николае I у спецслужб, обеспечивавших личную охрану царя, работы было немного. Собственно, в этот отрезок времени III Отделение и нельзя назвать спецслужбой в современном значении этого термина. Военная охрана носила в основном демонстрационный характер.

МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Руководящая роль по обеспечению безопасности императора в этот период отводилась Министерству императорского двора (создано в 1826 году), которое представляло собой ведомство, обслуживавшее нужды императорской фамилии и осуществлявшее ряд дипломатических, культурных и других функций. К функциям министерства относилась организация охраны российских монархов и всей императорской фамилии, заведование полицией в Царском Селе, Петергофе, Гатчине, Павловске и Ораниенбауме.

Среди министров императорской России министры императорского двора занимали особое положение, пользуясь подчеркнутым доверием и подчас личной дружбой императоров. Министры императорского двора могли весьма эффективно влиять на политику, но, как правило, они сознательно устранялись от общегосударственных проблем.

Принципиально важным было и то, что министр императорского двора находился вне контроля Сената и других высших органов власти, подчиняясь исключительно императору. Предметы его деятельности касались царствующего дома, некоторых изящных искусств и не носили общегосударственного характера. Министр императорского двора с 22 августа 1826 по 30 августа 1852 года и с 24 ноября 1856 по 1917 год являлся одновременно и министром уделов («особо отделенных имений и доходов», предназначенных для императорской фамилии)[20].

За более чем 90 лет существования Министерства императорского двора во главе этого ведомства сменилось только пять министров:

князь П. М. Волконский с 22 августа 1826
по 27 августа 1852 года (26 лет);
граф В. Ф. Адлерберг с 30 августа 1852
по 17 апреля 1870 года (18 лет);
граф А. В. Адлерберг с 17 апреля 1870
по 17 августа 1881 года (11 лет);
князь И. И. Воронцов-Дашков с 17 августа 1881
по 6 мая 1897 года (16 лет);
барон В. Б. Фредерикс с 6 мая 1897
по 8 марта 1917 года (20 лет).

После падения самодержавия комиссаром Временного правительства над бывшим Министерством императорского двора и уделов был назначен Ф. А. Головин (8 марта — 4 декабря 1917 года).

В состав Министерства императорского двора входили различные учреждения, часть из которых прямо или косвенно принимала участие в обеспечении безопасности первых лиц государства.

Придворная конюшенная часть (16 марта 1733 — 26 января 1918 года) ведала обеспечением двора лошадьми и всеми вопросами транспорта. С 12 июня 1912 года управляющему Придворной конюшенной частью был подчинен Собственный Его Императорского Величества гараж.

Егеря Управления императорской охотой (22 декабря 1796 — 14 апреля 1917 года) фактически выполняли роль телохранителей императоров, отвечая за их безопасность во время охоты. Александр II, Александр III и Николай II были страстными охотниками.

В Канцелярия (22 августа 1826 — 24 апреля 1888 года; 15 мая 1897 — 15 января 1918 года) сосредоточивались все административные дела по министерству. Одно из подразделений Канцелярии — 1-я экспедиция (1826–1839), 1-е отделение (1839–1867), 1-е делопроизводство (1867–1882) — ведало делами Роты дворцовых гренадер.

Придворная медицинская часть (1 января 1843 — 15 июня 1918 года) была учреждена для медицинского обслуживания императора и его семьи.

Главное дворцовое управление (17 января 1882 — 15 июня 1891 года) заведовало хозяйственной частью императорского двора и Собственным Его Императорского Величества арсеналом.

Гофмаршальская часть (15 июня 1891 — 15 января 1918 года) в числе прочего занималась комплектованием штатов комнатной прислуги и придворнослужителей; надзором за их деятельностью; назначением придворнослужителей с кухней, буфетом, провизией и винами в отправляемый за границу поезд; составлением маршрутов поездок; заготовкой и хранением продуктов для членов императорской фамилии.

Петербургское (Петроградское) дворцовое управление (15 июня 1891 — 26 января 1918 года) — надзор за политической благонадежностью служащих.

Управление Дворцового коменданта Министерства императорского двора (4 сентября 1905 — 11 июля 1917 года) было создано для надзора за безопасностью императорских резиденций и охраны царя во время его поездок по стране. Ему предшествовал ряд учреждений.

В сентябре 1881 года учреждена должность главнозаведующего охраной императорских резиденций (главного начальника охраны Его Императорского Величества), ко-

П. М. Волконский

И. И. Воронцов-Дашков

А. В. Адлерберг

торому были подчинены Дворцовая полицейская команда, Секретная часть и Железнодорожная инспекция (военная инспекция железных дорог), а также гвардейский пехотный отряд почетного конвоя.

В мае 1894 года главный начальник охраны стал называться дежурным при Его Императорском Величестве генералом. В марте 1896-го дежурный генерал переименован в дворцового коменданта. В сентябре 1905 года утверждено «Положение о дворцовом коменданте», в соответствии с которым подведомственные ему учреждения и службы образовали Управление дворцового коменданта[21]. В октябре 1905 года дворцовый комендант, ранее находившийся «вне какого-либо ведомства», подчинен непосредственно министру императорского двора.

В апреле 1906 года дворцовому коменданту подчинены городская полиция в дворцовых городах, охранные дворцовые команды и исполнявшие полицейские обязанности служительские команды в районе дворцовых управлений, при Зимнем и Собственном (Аничковом) дворцах, полицмейстеры императорских санкт-петербургских и московских (на время пребывания императора в Москве) театров. Одновременно начальники дворцовых управлений, управляющий городом Павловском и начальник Собственного дворца по делам полицейского характера и вопросам «охранения порядка и безопасности» подчинены дворцовому коменданту.

С 1906 года к Управлению дворцового коменданта прикомандирована от санкт-петербургского градоначальства Охранная агентура.

Упразднено Управление дворцового коменданта 11 июля 1917 года постановлением Временного правительства.

В структуру дворцовой охраны входили следующие подразделения.

Канцелярия главного начальника охраны — с 1881 до мая 1894 года, когда она была преобразована в Канцелярию дежурного генерала (до марта 1896 года), а затем в Канцелярию дворцового коменданта (до 11 июня 1917 года).

Дворцовая полицейская команда создана в августе 1881 года. В сентябре 1884 года она была объединена с Секретным отделом (создан в августе 1881 года) в ведении начальника Секретной части, при этом переименованного в начальника Дворцовой полиции. Возникшее таким образом учреждение получило наименование Дворцовой полиции, которая и просуществовала до 11 июня 1917 года.

Железнодорожная инспекция была учреждена 11 августа 1881 года для охраны железнодорожных путей во время следования императорских поездов во главе с военным инспектором, которому был подчинен 1-й Железнодорожный батальон. 6 апреля 1882 года заведование технической частью возложено на командированного Министерством путей сообщения представителя. 15 июня 1890 года утвержден штат Инспекции императорских поездов, по техническим вопросам подведомственной МПС, а по всем прочим — подчиненной главному начальнику охраны (с 1896-го — дежурному генералу, с 1906-го — дворцовому коменданту).

Дворцовому коменданту были подчинены в строевом, инспекторском и дисциплинарном отношении:

на правах начальника дивизий — Собственный конвой (28 марта 1906 — 17 февраля 1907 года, с 17 февраля 1907 года — только в отношении несения охранной службы);

на правах командира корпуса — Сводный пехотный полк (22 августа 1907 — 1917 год); 1-й Железнодорожный батальон, с 1914 года — полк (13 марта 1910 — 1917 год).

В период войны 1914–1917 годов сформированы и подчинены дворцовому коменданту Отдельная батарея для воздушной охраны императорских резиденций, Отдельная батарея для охраны императорской Ставки, Авиационный дивизион.

Канцелярия главного начальника охраны (с 1894-го — Канцелярия дежурного генерала, с 1896-го — Канцелярия дворцового коменданта):

— осуществляла общее наблюдение за безопасностью императорских резиденций;

— производила надзор за безопасностью пути во время путешествий императора;

— вела личную переписку главного начальника охраны (с 1894-го — дежурного генерала, с 1896-го — дворцового коменданта) и передавала его распоряжения;

— вела дела по личному составу.

Дворцовая полицейская команда, Дворцовая полиция ведали полицейским надзором за императорскими резиденциями. Секретный отдел, Дворцовая полиция занимались охраной императора и предупреждением покушений на него и членов императорской фамилии. Железнодорожная инспекция, Инспекция императорских поездов ведали технической частью и организацией поездок императорских поездов (в т. ч. составляли маршруты следования и определяли подвижной состав).

ГЛАВНАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ КВАРТИРА

Главная императорская квартира[22] — особое учреждение Военного министерства, состоявшее при царе для принятия его личных приказаний и исполнения специальных обязанностей. В Главную императорскую квартиру входили командующий, его помощник, все генерал-адъютанты, генералы, при особе Его Величества состоявшие, комендант Главной императорской квартиры, штаб-офицер для поручений в звании флигель-адъютанта и лейб-медик императора. К Главной императорской квартире принадлежали ее Канцелярия (следовала за государем во время его путешествий) и Собственный Его Императорского Величества конвой.

Противостояние органов государственной власти и террористов в конце 1870-х — начале 1880-х годов затронуло практически все государственные учреждения России, в том числе и Главную императорскую квартиру.

Главная императорская квартира в ряде случаев оказывала содействие охранительным органам в борьбе с террористами, участвовала в организации охраны императора, играя при этом не главную, а, скорее, вспомогательную роль.

После покушения на шефа жандармов генерал-адъютанта А. Р. Дрентельна Александр II повелел наряжать от Собственного конвоя казаков для патрулирования набережной Невы, о чем командующий Главной императорской квартирой генерал-адъютант А. В. Адлерберг уведомил шефа жандармов 13 марта 1879 года[23]. После взрыва свитского поезда 19 ноября 1879 года, сопровождавшего царский, товарищ министра внутренних дел генерал-майор П. А. Черевин обратился к делопроизводителю Военно-походной канцелярии, состоявшей при Главной императорской квартире, генерал-адъютанту А. М. Салтыкову, предлагая для обеспечения безопасности следования императора по железным дорогам снабдить всю прислугу императорского поезда особыми билетами от Главной императорской квартиры, удостоверяющими принадлежность к составу прислуги. 11 июля 1880 года Салтыков сообщил Черевину, что командующий Главной императорской квартирой нашел полезной предлагаемую меру.

Уже после гибели Александра II, когда Александр III переехал для безопасности в Гатчину, начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерал-адъютант фон Розенбах уведомил 30 марта 1881 года командующего Главной императорской квартирой генерал-адъютанта Н. В. Воейкова, что Собственный конвой во

время исполнения конвойной и охранной службы в Гатчине приказано подчинить петербургскому коменданту генерал-майору Адельсону.

Лица из состава Главной императорской квартиры подвергались опасности и непосредственно сталкивались с террористами во время покушений. В поезде, взорванном 19 ноября 1879 года вместо царского, наряду с прислугой, полицейскими и другими находились чины Военно-походной канцелярии и казаки конвоя[24]. Во время покушения 1 марта 1881 года был убит казак лейб-гвардии Кавказского Терского эскадрона Собственного конвоя Малеичев, вдове которого 2 июня 1881 года была назначена пенсия. Ранее были жалованы пенсии другим казакам, сопровождавшим 1 марта Александра II. 1 марта 1881 года отличились прикомандированный к конвою юнкер А. Коитов и казак конвоя Ф. Иничкин, содействовавшие задержанию неизвестного человека, навлекшего своим поведением на себя подозрение, за что были награждены серебряными медалями. Сопровождавшие Александра II 1 марта 1881 года казаки конвоя получили награды от князя Черногорского Николая I.

Александр II (последний прижизненный портрет).
Художник П. И. Антонов

Горцы Собственного Е. И. В. конвоя.
Литография по оригиналу А. И. Геббенса.
После 1861 г.

Черкесска повседневная лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона.
1840 г.

Он пожаловал шести казакам серебряные медали «За храбрость», на принятие и ношение которых 12 октября 1881 года последовало разрешение Александра III.

Что же касается свиты императора, то лица, носившие свитские звания и входившие в состав Главной императорской квартиры, оказывали влияние на события, связанные с кризисом 1879–1881 годов, занимая ответственные посты в государственном аппарате. Можно назвать генерал-адъютанта графа М. Т. Лорис-Меликова, назначенного 12 февраля 1880 года главным начальником Верховной распорядительной комиссии, учрежденной для «борьбы с крамолой», а 6 августа 1880 года ставшего министром внутренних дел, а также генерал-адъютанта графа И. И. Воронцова-Дашкова, назначенного в марте 1881 года начальником охраны императора и организовавшего тайное общество «Священная дружина», которое должно было охранять императора и выявлять «крамолу».

СОБСТВЕННЫЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЙ

На протяжении всего XIX века костяк охраны русских монархов составляли казаки. Начало создания Собственного конвоя восходит ко временам Екатерины II, которая в 1775 году приказала сформировать военную команду для ее личной охраны. В 1796 году эта команда была преобразована в Гусарско-казачий полк, состоявший из трех донских эскадронов. Но фактически история Собственного конвоя начинается 18 мая 1811 года, именно эта дата стоит на предписании военного министра № 1314 Херсонскому военному губернатору генерал-лейтенанту де Ришелье о выборе в число гвардии сотни конных казаков от войска Черноморского. Так была образована лейб-гвардии Черноморская казачья сотня[25]. 25 апреля 1813 года сотня была переименована в лейб-гвардии Черноморский эскадрон. Это формирование составляло личную охрану императора Александра I во время Заграничных походов русской армии в 1813–1814 годах[26]. Принципиально важным является то, что конвой был первым специальным воинским подразделением, предназначенным для охраны императора и членов его семьи.

При Николае I в 1828 году учреждается Собственный Его Императорского Величества конвой и в его состав вводится вновь образованный лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Командовал им ротмистр Султан-Азамат-Гирей, потомок крымских ханов. Характерно, что горская кавалерия находилась в ведении шефа жандармов и командующего Главной императорской квартирой А. Х. Бенкендорфа. Для ответственной службы в конвое горцев предварительно обучали в Дворянском полку, поскольку все они происходили из знатных кавказских родов. В связи с тем, что горцы были мусульманами, правила для их обучения составил лично Бенкендорф с учетом особенностей ментальности и вероисповедания горцев. Например, предписывалось не кормить их свининой и ветчиной; не допускать насмешек дворян и стараться, чтобы они дружили с горцами, а главное, «наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет веры горцев ничего худого не говорили и не советовали переменять ее».

Согласно штатам 1830 года в полуэскадроне полагалось иметь пять офицеров, девять юнкеров и 40 оруженосцев. Горские всадники играли двоякую роль: им доверялась почетная служба в личной охране императора; во время визитов в Россию владетельных особ из европейских

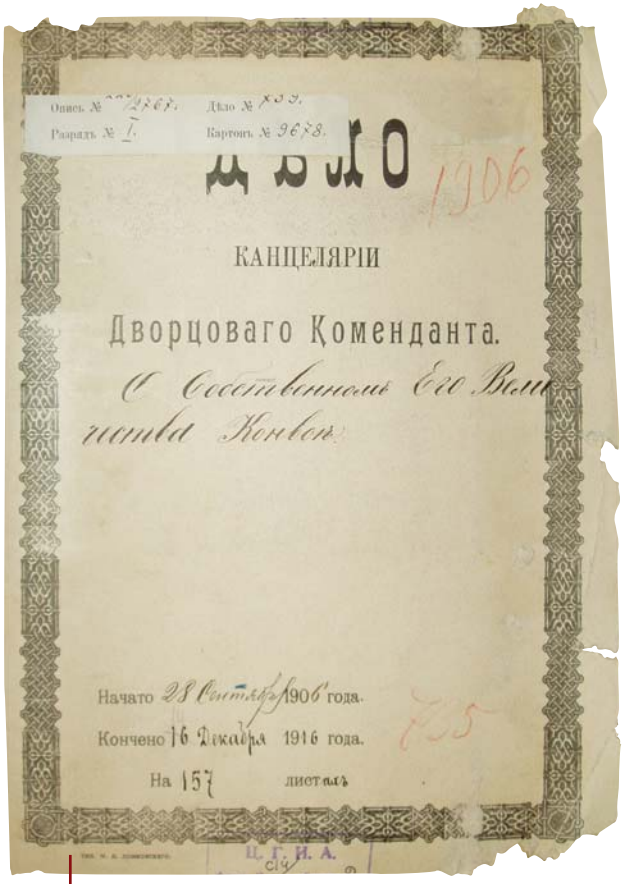
стран горцы с их средневековым вооружением воспринимались как элемент «русской экзотики». В то же время они были своеобразными заложниками в условиях непрекращавшейся войны на Кавказе. В силу этого последнего обстоятельства горцев старались держать на некотором расстоянии от царя. При наборе горцев в конвой обращалось внимание на степень влиятельности и богатство рода. Предпочтение отдавалась кумыкам, кабардинцам, осетинам, ногайцам и лезгинам.

В 1830-х годах конвой был развернут до трех сотен: линейных терских казаков (с 12 октября 1832 года), лезгин (с 1836 года), азербайджанцев (с 1839 года). В 1857 году в конвое появилась команда грузин. На линейных терских казаков была возложена ответственная задача постоянной личной охраны Николая I. По штату в ней полагалось: два офицера, четыре урядника и 24 казака, форму и вооружение казакам установили такие же, как и лейб-гвардии Кавказско-горскому полуэскадрону. В марте 1833 года состав команды увеличили вдвое и разделили его на две смены: одна находилась в течение трех лет на службе в Петербурге, а другая — на льготах, то есть в своих станицах.

Казаки сопровождали царя в поездках, их использовали для караульной службы. Одной из любимых резиденций Николая I был Петергоф, в котором для императорской семьи был построен «Коттедж», а разбитый вокруг него парк назван именем жены царя — «Александрия», или Александрийский парк. В 1832 году команда линейных казаков конвоя патрулировала петергофские парки, где располагалась императорская летняя резиденция. К 1833 году сложился уже определенный порядок службы, появились четко зафиксированные посты: «у домика» на берегу Финского залива по пути в «Александрию», у Монплезира, у павильона Марли, четвертый пост нес суточный наряд в «Александрии», «на вести». Во время прогулок императора казаки заранее расставлялись по маршруту его следования.

В середине 1830-х годов сформировалась новая традиция, сохранявшаяся до 1917 года. Из состава терской казачьей сотни конвоя начали набирать личных телохранителей царя. В 1836 году из состава конвоя для службы при дворе был впервые взят комнатный «камер-казак», им стал урядник Подсвиров. Именно он положил начало традиции существования телохранителей при особе царя.

Казаки Собственного Е. И. В. конвоя.
Литография по оригиналу А. И. Геббенса.
После 1861 г.


Опись № 1267. Дѣло № 139.
Разрядъ № I. Картонъ № 9678.

ДѢЛО

1906

КАНЦЕЛЯРІИ

Дворцоваго Коменданта.

О Собственномъ Его Вели
чества Конвоѣ

Начато 28 Сентября 1906 года.

Кончено 16 Декабря 1916 года.

На 157 листахъ

Ц. Г. И. А.

Дело
«О Собственном Его Величества конвое»

Резиденции Николая I охранялись также караулами гвардейских постов. Для охраны императорской резиденции в Петергофе были постоянно расквартированы два гвардейских полка. Когда царя в Петергофе не было, охрану парка «Александрия» несли семь постоянных постов, по два рядовых на каждый пост[27]. Во время отдыха царя в «Коттедже» армейская охрана парка усиливалась чинами жандармерии. По воспоминаниям современника, «ни один смертный не был пропускаем через ворота парка «Александрия», если этот смертный не сидел в придворном экипаже»[28].

К середине 1840-х годов первый этап формирования императорской охраны закончился. До 1845 года порядок несения службы конвоя определялся краткими должностными инструкциями. В мае 1845 года А. Х. Бенкендорф представил царю дополнения к кратким правилам строевой службы для иррегулярного войска в части, касающейся Собственного конвоя. Николай I лично вносил правки в эти документы. Правилами определялись состав конвоя, штат каждого его подразделения, порядок организации и несения службы при проведении мероприятий с участием царя. В 1845 году для конвоя были сооружены казармы в Царском Селе.

Совершенно иным образом несли службу казаки конвоя в период правления Александра II. 19 февраля 1861 года Александр II подписал судьбоносный для России манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. И именно в феврале 1861 года были предприняты первые шаги по усилению непосредственной охраны императора.

В начале февраля 1861 года лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион был соединен с лейб-гвардии линейным казачьим эскадроном Собственного конвоя. В результате численность Собственного конвоя была доведена до 500 человек, две трети которых — кубанские, одна треть — терские казаки. Наряду с другими воинскими формированиями казаки несли караульную службу в Зимнем дворце. В это тревожное время караул казаков конвоя в составе одного взвода находился в Фельдмаршальской зале, выставлялся пост у кабинета царя (офицер, унтер-офицер и два казака) и два казака занимали пост на ночь у спальни царя. Во время придворных балов в подъезд царя «для снятия пальто» назначались семь казаков.

Немаловажной особенностью сложившейся ситуации было то, что Александр II лично и весьма обеспокоенно начал заниматься вопросами собственной безопасности. Так, по его указанию с 20 декабря 1861 года «в зале с портретом кн. Волконского» были размещены 23 казака конвоя на период с 12 часов ночи и до 9 часов утра. Всего в Зимнем дворце в 1860-х годах казаки ежесуточно, наряду с гвардейскими частями, занимали пять постов. Конвойцы периодически сопровождали царя во время его выездов в Петербурге и постоянно присутствовали во время его прогулок в загородных резиденциях и в Крыму.

В мае 1863 года, после упразднения Крымско-татарского эскадрона, в состав конвоя вошла Команда лейб-гвардии крымских татар.

Практика заложничества отчасти сохранилась и в 1860-х годах. Так, в составе горского подразделения конвоя служил сын плененного Шамиля, на протяжении десятилетий боровшегося с русскими войсками на Кавказе. 21 августа 1860 года Шамиль написал министру императорского двора из Калуги благодарственное письмо: «Когда до нас дошла весть, что Великий Государь Император велел принять сына нашего Мухаммеда-Шефи в военную службу в Собственный Его Величества конвой и даже оказал ему милость пожалованием офицерского чина, мы несказанно обрадовались этому...»

Наградной знак за службу в конвое Александра III

Медали за службу в конвое Александра II и Александра III

С октября 1867 года казачьи эскадроны конвоя начали комплектоваться самостоятельно. Постепенно сложилась традиция пополнения Собственного конвоя, которая сохранялась вплоть до 1914 года. Попасть в конвой было непросто. Для выбора кандидатов в Собственный конвой командированные офицеры объезжали казачьи терские и кубанские станицы, предварительно опросив казаков конвоя, знают ли они достойных кандидатов из своей станицы. Казаки-конвойцы в письмах спрашивали об этом стариков-гвардейцев и отцов. Атаман и старики представляли молодых казаков, готовых к действительной службе. Станица выносила решение. Списки выбранных из всех станиц отправлялись в Войсковой штаб. Для «гвардейского роста» требовалось 2 аршина 8 вершков, или 180 сантиметров; для отличных джигитов, танцоров и песенников делалось исключение. Казаки проходили строевую и медицинскую комиссию. Ветеринарный врач осматривал лошадей. Для службы в конвое лошади отражались рослые, исправные и гнедой масти, на светло-серых лошадях сидели командиры и трубачи. Трубачи следовали непосредственно за государем на прекрасных арабских кровей конях, которых покупали у коннозаводчика Коцева в Кабарде. При смене конвоя через четыре года царь давал знаки «За службу в моем Конвое».

Поскольку среди казаков конвоя было много старообрядцев, то на присяге Александру II присутствовали два священника, в том числе старообрядческий. После молитвы адъютант конвоя объявлял казакам о тех подвигах, за которые жаловался Георгиевский крест, и о наказаниях, которые налагались на воинские чины за проступки. Затем священники громко и медленно читали текст воинской присяги, установленной еще Петром I. Вслед за священником молодые казаки поднимали правую руку для крестного знамения, повторяя текст.

При отборе в конвой принимались во внимание не только внешние данные, но и такие качества, как сообразительность, грамотность, умение ладить с окружающими. За малейшую провинность следовало неотвратимое наказание. Самое позорное из них — отчисление из конвоя (сразу же отправлялась телеграмма в штаб войска, и о случившемся знала не только родная станица, но и вся округа). Кроме того, казак лишался ощутимых льгот, предоставляемых после окончания примерной службы. Случаи увольнения были очень редки. В течение нескольких лет в состав конвоя не принимали казаков из станицы провинившегося.

Во второй половине 1870-х годов казаки Собственного конвоя стали постоянно сопровождать императора Александра II: сначала в загородных резиденциях во время прогулок, а с 1879 года — и во время поездок по Петербургу. Великие князья в этот период еще вели привычный образ жизни, и уплотнившееся кольцо охраны вокруг царя воспринималось ими как разрушение привычного образа царя в глазах народа. Вот одна из характерных, весьма горьких дневниковых записей лета 1877 года, сделанная молодым великим князем Константином Константиновичем: «После завтрака поехал в Царское. Встретил Государя и Императрицу в коляске; на козлах казак, спереди, с боков и сзади казаки верхом, в некотором расстоянии... в дрожках. Признаюсь, больно смотреть, как Царь пленником должен ездить, — и где же? В самой России»[29].

Собственный конвой нес основную нагрузку по охране царя не только в императорских резиденциях, но и вне их.

После событий марта 1881 года задачи Собственного конвоя оставались прежними: несение караульной службы по охране императорской резиденции, сопровождение кортежей императора, по-прежнему из числа казаков конвоя набирались личные телохранители царя.

В 1880-х годах служба по охране императорских резиденций была напряженной. В это время главной резиденцией монарха стала Гатчина. Многочисленные посты от конвоя охраняли личные покои императора внутри Гатчинского дворца, все входы в Арсенальный корпус дворца, несли караульную службу по охране обширной территории Гатчинского парка, окружавшего дворец.

Казакам-конвойцам приходилось нести караульную службу через день. Пожалуй, только те, кто нес ответственную службу в таком режиме, могут понять, насколько изматывающей она была. Большие моральные нагрузки привели к тому, что, несмотря на довольно приличное денежное довольствие и ряд льгот, резко убавилось число желающих остаться на сверхсрочной службе. По этой же причине не удавалось организовать нормальные занятия в учебной команде. В результате стал резко ощущаться дефицит в унтер-офицерах, подготовленных для службы в конвое.

В связи с возникшими проблемами в мае 1890 года было утверждено положение, устранившее многие недостатки в организации службы и повседневной жизни Собственного конвоя. Прежде всего, был увеличен его штат. Эскадроны переименованы в сотни, всем чинам присваивались казачьи воинские звания. Немаловажным новшеством было изменение национального состава конвоя. В 1891 году «с целью уменьшения расходов» было ликвидировано последнее национальное формирование — Команда лейб-гвардии крымских татар. С этого времени личный состав конвоя комплектовался только из терских и кубанских казаков.

Команда крымских татар имела свою историю в составе Собственного конвоя. Еще в 1820-х годах при Николае I в составе Гвардейского корпуса был образован лейб-гвардии Крымско-татарский эскадрон. Однако в ходе выселения татар из Крыма в 1860–1861 годах возникла проблема комплектования этого эскадрона. В 1863 году именным указом Александра II предписывалось с 1 мая 1864-го эскадрон ликвидировать, но при этом выбрать из него трех офицеров и 21 нижнего чина, причислив их в Собственный конвой с именованием «Команда лейб-гвардии крымских татар Собственного Его Величества конвоя». Эта команда была разделена на три смены по восемь человек: одна служила в Петербурге в составе лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона вместе с кубанцами и терцами, а две смены (два офицера и 14 нижних чинов) находились на льготе в Крыму, по очереди сменяясь через каждые три года. По выслуге 12-летнего срока службы людьми бывшего крымско-татарского эскадрона эта команда комплектовалась до 1880 года из «охотников», то есть добровольцев крымских татар по выбору офицера смены. С 1880 года в конвой Его Величества поступали люди из крымского дивизиона по выбору командира дивизиона и офицера смены. Форма одежды команды была почти такая же, что и в бывшем лейб-гвардии Крымско-татарском эскадроне, только мундиры длиннее, рукава шире и на груди по пять газырей, вместо киверов — татарские шапки из черной смушки; вооружение составляли кавказское ружье, шашка, кинжал и пистолет.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов две льготные команды лейб-гвардии крымских татар Собственного конвоя вместе с льготными эскадронами находились в действующей армии за Дунаем, при Главной квартире императора Александра II. Татары участвовали при взятии Горного Дубняка, Лович и Плевны. Из 14 человек нижних чинов пятеро удостоились знаков отличия Военного ордена, два офицера за военные отличия были произведены в следующие чины и награждены орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», а также удостоились подарка из рук Александра II — именной шашки кавказского образца в серебряной оправе.

В октябре 1878 года 17-копеечный сбор с татар Крыма на содержание Команды лейб-гвардии крымских татар Собственного конвоя был отменен Государственным советом, а остаток с капитала (более 400 тысяч рублей) передан в смету Военного министерства сверх бюджета.

Рукавицы, кинжал, патронница, натруска и кремниевый пистолет горского взвода конвоя.
Середина XIX в.

В мае 1890 года Команда лейб-гвардии крымских татар, состоявшая при Кавказском казачьем эскадроне Собственного Его Императорского Величества конвоя, была исключена из его состава, и ее 26-летняя служба в составе Собственного конвоя окончилась.

С 1890 года Собственный конвой пополнялся офицерами переводом их из строевых частей Кавказских казачьих войск после обязательной, не менее чем двухлетней в них службы. В Кубанские сотни переводились офицеры только Кубанского казачьего войска, а в Терские — из Терского войска. Назначение в конвой считалось высочайшей наградой. Во внимание обязательно брался образовательный ценз. В конвой, как правило, брали тех офицеров, которые оканчивали военные или юнкерские училища по высшим разрядам.

Нижними чинами Собственный конвой комплектовался из служащих в пределах своих войск или проживавших в них на льготе казаков. С 1899 года непосредственным подбором людей занимались специальные офицеры, командированные в Терские и Кубанские казачьи войска на год. При отправлении в Петербург казаки должны были иметь собственное обмундирование, годного к строю рослого коня любой масти (кроме вороного и пегого), седло и конский убор кавказского образца, шашку и кинжал. По прибытии в конвой они получали остальное положенное обмундирование и снаряжение за счет казны[30].

В августе 1914 года, в условиях войны, нагрузка на личный состав конвоя резко возросла. Увеличилось число караулов, была усилена служба конных постов вокруг ограды Александровского дворца в Царском Селе. Теперь ежедневно в наряд заступали в полном составе сразу две сотни: одна в Царском Селе и одна в Петрограде, по охране вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Две другие меняли их на следующий день. Кроме постоянной службы при дворе конвойцам приходилось часто бывать с Николаем II в различных поездках. С сентября 1914 года царь регулярно выезжал в Ставку, в действующую армию, на заводы. Его сопровождала, помимо ординарца-телохранителя вахмистра Пилипенко, команда в составе одного офицера и до взвода казаков.

Посол Франции М. Палеолог писал о конвое в годы войны: «Генерал Воейков имеет под своим подчинением полк казацкого эскорта, состоящего из четырех эскадронов, численностью 650 чел. Полком командует генерал граф Александр Граббе. В этот полк подбираются казаки со

Мундиры цесаревича Алексея, в том числе мундир Собственного конвоя

Наградной знак за службу в конвое Николая II

всей империи, обладающие наиболее крепким здоровьем и наиболее решительным характером. В их обязанность входит наблюдение, патрулирование и эскортирование вне дворца. Их можно видеть, когда они день и ночь галопируют с интервалом в пятьдесят метров на дороге, окружающей парк Царского Села»[31].

После того как в августе 1915 года Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, несколько сотен Собственного конвоя были переброшены в Ставку, которая располагалась в Могилёве. Офицеры конвоя расквартировались в гостинице «Париж», а казаки — в городских казармах. Конвойцы несли в основном внутреннюю охрану резиденции царя. В те дни, когда выставлялся караул от конвоя, в окрестности города дополнительно высылалось восемь конных постов. Службу они несли круглосуточную. Внешнюю охрану и охрану Ставки в целом несли Сводный пехотный полк и Дворцовая полиция. Город и его ближайшие окрестности были буквально наводнены войсками и полицией. Ежедневно на различные посты по охране Ставки заступало свыше 1500 человек. В 20 верстах от Могилёва проходила еще одна линия охраны.

Георгиевское юбилейное знамя лейб-гвардии Семеновского полка

Часть личного состава Собственного конвоя была направлена в действующую армию. Необходимо подчеркнуть, что именно Собственный конвой оставался с Николаем II до самого конца в марте 1917 года. Когда в последних числах февраля 1917 года в Ставку поступили известия о беспорядках в Петрограде и царь решил ехать в Царское Село, для его непосредственной охраны командир конвоя назначил в литерный поезд «А» сотника Шведова, одного урядника и двух казаков от 1-й Кубанской сотни и в поезд «Б» — команду из 14 казаков 4-й Терской сотни под командой хорунжего Лаврова.

2 марта 1917 года Николай II подписал текст отречения от престола. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютант Алексеев немедленно издал приказ № 344, меняющий подчиненность конвоя. Первый пункт приказа гласил: «Находящийся в ведении Командующего Императорской Главной Квартиры Собственный Его Величества Конвой включить в состав штаба Верховного Главнокомандующего и переименовать в Конвой Верховного Главнокомандующего». Это было наглядным свидетельством того, что новая власть серьезно опасалась непредсказуемых действий личного состава конвоя. Из всего личного состава конвоя с царем (уже бывшим) в столицу было позволено ехать только его ординарцу-телохранителю вахмистру Пилипенко[32].

РОТА ДВОРЦОВЫХ ГРЕНАДЕР

Когда восстание декабристов было подавлено, а власть Николая I признана легитимной, вопросы личной охраны царя отошли на второй план. Однако тревога царя за свою жизнь некоторое время сохранялась. Как писал М. А. Бестужев в своих «Записках», Николай Павлович «вскоре после 14-го составил дворцовую роту для охранения его особы более надежною стражею».

2 октября 1827 года Николай Павлович подписал указ об учреждении Роты дворцовых гренадер. В ее состав входили чины лейб-гвардии, которые в войне 1812 года «оказали свое мужество». Уточнялось, что «в роту поступают добровольно отличнейшие из гвардейских отставных чинов... из одних тех людей, кои бывали в походах против неприятеля», а также что «никто в роту не определяется без Высочайшего повеления». Все первые офицеры роты имели ордена Св. Георгия за Бородино, 69 человек нижних чинов имели знаки отличия Военного ордена Св. Георгия и 84 человека — знак отличия ордена Св. Анны за 20-летнюю беспорочную службу[33].

Для отставников зачисление в роту означало пожизненное содержание от Министерства императорского двора. Главной задачей личного состава роты было

Дворцовый гренадер

обеспечение «полицейского надзора во Дворцах, где будет мое (царя. — *Ред.*) пребывание». Гренадеры несли караульную службу в Зимнем дворце у покоев императорской семьи. В 1851 году у покоев императорской семьи число постов дворцовых гренадеров было увеличено с семи до десяти. В праздники дворцовые гренадеры составляли почетный караул и занимали посты «в особо назначенных местах», в будние дни — 36 постоянных постов. «Никакой другой строевой службы»[34] они не имели. Подчинялась Рота дворцовых гренадер непосредственно министру императорского двора. Кроме командного состава роты ее костяк составляли 100 гренадер[35]. Уже в 1830-х годах за ротой прочно закрепилось название «Золотая рота», поскольку мундиры не только офицеров, но и рядовых были обильно украшены золотым шитьем.

О том, что Рота дворцовых гренадер не была только караульно-парадным подразделением, свидетельствует периодическое перевооружение ее современным оружием. Постоянное присутствие во дворце лично преданных Николаю I закаленных ветеранов гвардии отчасти решало проблему личной безопасности царя, но в целом эти меры уходили корнями в XVIII век, методы непосредственной охраны царя еще оставались традиционными. В Зимнем дворце несла службу Рота дворцовых гренадер, ежедневно сменялись караулы гвардейских полков, а во время царских выездов самодержца сопровождал Собственный конвой. Не стоит забывать и императорскую гвардию, чьи казармы располагались в непосредственной близости от Зимнего дворца. Так, один из батальонов Преображенского полка квартировался в казармах на Миллионной улице и в случае тревоги мог через несколько минут прибыть во дворец.

Поскольку отмена крепостного права в 1861 году затрагивала материальные интересы дворянства, то были предприняты меры по усилению охраны Зимнего дворца. Призраки дворцовых переворотов еще были живы в его стенах. Поэтому армейской охране — гвардейским караулам и Роте дворцовых гренадер — предписывалось соблюдать «должную осторожность».

Но время требовало создания иных формирований для обеспечения безопасности императорской фамилии. За несколько лет после смерти Николая I Россия значительно изменилась в целом, это отразилось и на частных проблемах охраны. Рота дворцовых гренадер, которая создавалась как парадно-боевая единица, стремительно утрачивала свою реальную боеспособность и все больше превращалась в караульно-парадную часть. И хотя в ноябре 1857 года штаты Роты дворцовых гренадер были пересмотрены в сторону увеличения[36], в условиях нарождавшегося политического терроризма ее реальная полезность в деле физической защиты императорской семьи неуклонно падала. Последний раз «Золотая рота» дворцовых гренадер рассматривалась как реальная боевая единица в 1862 году, когда 20 января получила приказ министра императорского двора о том, чтобы в случае тревоги «все чины роты поспешали во Дворец, в малую Фельдмаршальскую залу, с оружием и боевыми патронами»[37]. Общественно-политическая напряженность в это время давала основание для тревоги за безопасность императорской фамилии.

С начала 1880-х годов Рота дворцовых гренадер окончательно превратилась в парадную часть ветеранов и термин «Золотая рота» постепенно стал символом по-

луинвалидной команды, занимающей посты в караульных будках. По новому штату 1883 года численность Роты дворцовых гренадер была несколько сокращена, однако это подразделение сохранялось вплоть до 1917 года, принимая участие во всех торжественно-парадных мероприятиях. В 1905 году было принято новое положение о Роте дворцовых гренадер[38]. Наряду с традиционными пунктами был установлен возрастной ценз для кандидатов на службу в «Золотую роту» — не моложе 45 и не старше 65 лет[39]. Преимущество при зачислении отдавалось лицам, служившим в Почетном конвое при Александре II в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 годов[40].

Князь П. М. Волконский и «Золотая рота»

ДВОРЦОВАЯ ГОРОДОВАЯ СТРАЖА

Вторая половина 1850-х годов была временем знаковых изменений в России. С одной стороны, правительство встало на путь либеральных реформ, когда император Александр II публично заявил о том, что крепостное право лучше отменить «сверху», чем дожидаться его отмены «снизу». С другой стороны, это было время распространения радикальных идей, прежде всего в студенческой среде. Немаловажной частью радикальных революционных взглядов была идея цареубийства.

В этих условиях среди близких к царю лиц начало вызревать понимание того, что традиционные меры охраны изжили себя. В 1860 году генерал-адъютант Николай Павлович Игнатьев, опытный разведчик-дипломат, направил записку на высочайшее имя, предлагая по-новому выстроить систему личной охраны царя. Она была отвергнута императором, считавшим, что традиционных мер для обеспечения его безопасности вполне достаточно. Однако отмена крепостного права и события осени 1861 года в Петербурге, связанные со студенческими волнениями и поджогами, изменили позицию Александра II. В конце 1861 года по высочайшему повелению военному министру, шефу жандармов, петербургскому военному губернатору, командиру и начальнику штаба Гвардейского корпуса было предложено выработать план мер по охране императорской фамилии и по Главному караулу Зимнего дворца.

В результате деятельности созданной комиссии был составлен документ, согласно которому при Зимнем дворце формировалась особая команда «городовых стражей», ее задачей было «денно и нощно» наблюдать за входами в Зимний дворец и нести наружную охрану[41]. Охране подлежали все восемь подъездов дворца: подъезд Его Величества, Ее Величества, Комендантский, Министерский, Иорданский, Государственного совета, Комитета министров, Наследника. Наряды «городовых стражей» устанавливались в Летнем и Александровском садах во время прогулок императора. Команда «городовых стражей» была немногочисленной — всего 30 человек (из расчета по три смены на каждый подъезд и шесть человек в запасе). Эта инструкция по докладу министра императорского двора графа Адлерберга была высочайше утверждена 8 декабря 1861 года.

Официальное название «городовая стража» было вскоре вытеснено более подходящим наименованием — Дворцовая городовая стража, или Дворцовая стража, — которое и закрепилось впоследствии. Фактически в первой половине 1860-х годов обязанности Дворцовой стражи не выходили за рамки обычной караульной службы.

Подбору личного состава дворцовых стражей уделялось особое внимание. Команда формировалась из лучших городовых унтер-офицеров, фельдфебелей и околоточных надзирателей Петербургской полиции, а также из отставных гвардейских унтер-офицеров. Военный губернатор Петербурга генерал-адъютант граф А. А. Суворов лично руководил подбором людей. В своем циркуляре он требовал «выбрать для сей цели людей испытанной нравственности, заслуженных отборных и представить мне для осмотра». Страж должен быть православным, холостым, крепко-

го телосложения и хорошего здоровья, благообразной наружности и совершенной благонадежности. Стражам было определено весьма высокое жалованье — 411 рублей в год. Они носили обычную форму надзирателей Петербургской полиции. Однако изначально в эту новую структуру была заложена двойственность подчинения. По материальной части (жалованье, жилье, обмундирование) Дворцовая стража подчинялась Министерству императорского двора, а по службе (проверка несения службы) — приставу 1-й Адмиралтейской части. Кадровые вопросы решались петербургским обер-полицмейстером.

Личный состав Дворцовой стражи был закреплен не за конкретной императорской резиденцией, а только за той резиденцией, в которой находился на данный момент Александр II. Эта практика была официально утверждена весной 1862 года. С переездом двора в Царское Село команда дворцовых городовых стражей, отвечавшая за личную безопасность царя, была переведена вслед за царем в эту резиденцию. Затем эта же команда переехала вслед за двором в Петергоф. В августе 1862 года команда дворцовых городовых впервые сопровождала Александра II в Новгород, на торжества по случаю открытия памятника «Тысячелетие России», посвященного летописному «призванию варягов» во главе с князем Рюриком в Новгородскую землю в 862 году. Дворцовые городовые несли наружное наблюдение вокруг здания, в котором остановился царь. Таким образом, возник еще один прецедент, когда Дворцовая стража начала сопровождать царя в его поездках по стране, неся караульную службу в любом местопребывании Александра II.

Несколько позже самостоятельные команды Дворцовой стражи начали формироваться в каждой из императорских резиденций. Так, в Гатчине команда дворцовых городовых была образована в 1872 году в составе 12 человек[42].

Весной 1862 года высочайшим указом Дворцовая стража была подчинена флигель-адъютанту полковнику Александру Михайловичу Рылееву. В Петербурге ему подчинили приставов 1-й Адмиралтейской части. Была ликвидирована двойственность подчинения.

Опасность осознавалась, меры по охране принимались, однако царь и его близкие старались вести привычный образ жизни, предполагавший определенную публичность. Живший в то лето в Царском Селе князь В. П. Мещерский отмечал, что особых мер по охране царской семьи заметно не было. Царь не отгораживался от подданных, он гулял со своими детьми по парку, как и все те, кто хотел «лишний раз встретить Их Величества, а к колоннаде, у которой выходили они для прогулки, собирались люди с прошениями». После завтрака император опять гулял, сопровождаемый только одним рейнкнехтом[43].

К 1863 году подразделения, обеспечивавшие личную охрану царя, оформились в некую структуру. Служба охраны царя, в которую входили казаки Собственного конвоя, гвардейские караулы в императорских резиденциях, Рота дворцовых гренадер и Дворцовая стража, вплоть до февраля 1880 года подчинялась коменданту Главной императорской квартиры (с 1864 по 1881 год) полковнику А. М. Рылееву. Он, в свою очередь, подчинялся министру императорского двора графу А. В. Адлербергу, но при чрезвычайных обстоятельствах Рылеев имел право личного доклада императору. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов полковник Рылеев возглавлял охрану царя в районе боевых действий, за что и получил звание генерал-адъютанта.

Караул лейб-гвардии Конного полка в Зимнем дворце.
Художник Э. Гау. 1866 г.

«ОХРАНИТЕЛЬНАЯ» КОМАНДА III ОТДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ

Непосредственным поводом к формированию 2 мая 1866 года специальной «охранительной» (негласной) команды III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии стало первое покушение на императора Александра II, совершенное в апреле 1866 года. Это событие показало, что, несмотря на усилия многочисленных ведомств, эффективность существовавших охранных структур оказалась на деле невысокой. В архивных материалах за 1861–1863 годы явно просматривается растерянность власти, столкнувшейся с тем, что хорошо знала Европа со времен Французской революции 1789 года. Ужас перед народом, «толпой», которая может двинуться на Зимний дворец, чтобы «истреблять живущих там», заставил немедленно заняться созданием соответствующих структур, отвечающих за безопасность императорской фамилии, и выработать инструкции, в которых четко прописывалось, как должен действовать караул в случае, если толпа ворвется в Зимний дворец.

Надо признать, что обеспокоенность власти была вполне обоснованной. В первой половине 1860-х годов участниками революционного движения был пройден путь от инфантильных разговоров о цареубийстве до реальных попыток его совершения. И пройден был очень быстро. Впервые планы цареубийства начали принимать конкретные очертания в организации Н. А. Ишутина — И. А. Худякова. В начале 1866 года была создана новая организация Н. А. Ишутина с характерным названием «Ад». Одной из ее целей было «систематическое цареубийство». Наслушавшись разговоров о цареубийстве, бывший студент Д. В. Каракозов 4 апреля 1866 года стрелял в императора Александра II, когда тот после обеденной прогулки по Летнему саду садился в коляску. Каракозов промахнулся, но этот выстрел положил начало эпохе политического террора в России.

В воспоминаниях князь В. П. Мещерский писал, что «стоять около коляски при выходе Государя дозволялось всякому: были тут обычный жандарм, обычный полицейский городовой и обычный сторож сада. Все они, при приближении Государя становясь во фронт, стояли к нему лицом и спиною, увы, к той кучке, где был злоумышленник Каракозов»[44].

По официальной версии, спас Александра II крестьянин Костромской губернии Осип Иванович Комиссаров, который толкнул Каракозова в руку, и пуля того пролетела над головой императора. Участник работы следственной комиссии П. А. Черевин утверждал в воспоминаниях, что, скорее всего, это было искреннее, но крайне выгодное, с точки зрения монархической пропаганды, заблуждение. Сам Каракозов во время допросов настойчиво утверждал, что ему никто не мешал стрелять и не толкал его руки. Неудачу своего выстрела он приписывал только собственной торопливости[45]. А торопливость эта была вызвана криком сторожа Летнего сада, который увидел руку с пистолетом, направленным в сторону царя. Но, как это обычно бывает, Комиссаров получил от царя 50 тысяч рублей и потомственное дворянство, а безымянный сторож Летнего сада только 20 копеек «на чай».

В обвинительном акте упоминалось, что Каракозова задержали унтер-офицер команды дворцовых городовых стражей Степан Заболотин и унтер-офицер жандармского эскадрона Лукьян Слесарчук. Они схватили Каракозова, когда тот бежал к Прачечному мосту. Охранники отобрали у него двуствольный пистолет, один из стволов которого оставался заряженным. Каракозов был немедленно доставлен в III Отделение. При обыске у него изъяли пузырек с синильной кислотой, два грана стрихнина в порошке и восемь порошков морфия[46]. После покушения Александр II лично отправился в III Отделение и передал начальнику штаба Корпуса жандармов генералу Н. В. Мезенцову пистолет Каракозова.

С 4 по 11 апреля 1866 года к Каракозову применялись жесткие методы следствия. По свидетельству П. А. Черевина, террориста держали на хлебе и воде, допрашивали по 12–15 часов подряд, при этом «не позволялось не то чтобы сесть, но даже прислоняться к стене. Ночью будили по три раза в час», заговаривали с ним на польском языке, предполагая связь покушавшегося с поляками[47].

В ходе следствия были вскрыты очевидные недостатки в организации охраны царя. Так, подтвердилось, что чины Дворцовой стражи, присутствовавшие в Летнем саду, смотрели на царя, а не на толпу, от которой они должны были охранять императора. Эти профессиональные и психологические «проколы» нарождавшейся дворцовой спецслужбы показывали, какой путь предстоит пройти ей для полноценной профессиональной деятельности по охране первых лиц государства.

Это покушение не могло не сказаться на характере царя. Современники свидетельствовали, что «Государь был действительно постоянно в нервическом раздражении, тревожном положении, казался крайне грустным и пере-

Пешие и конные офицеры лейб-гвардии Гусарского полка.
Художник Ф. Крюгер

пуганным и внушал соболезнование»[48]. Впечатление, произведенное на общество этим событием, было двояким. Радикальная молодежь увидела, что царя «можно убить». Но и возмущение общества попыткой цареубийства было столь велико, что либерал Н. А. Некрасов написал стихотворение, в котором прославлял спасшегося императора.

Несостоявшееся покушение на царя повлияло на персональный состав силовых ведомств, связанных с организацией охраны Александра II. Шеф жандармов В. А. Долгоруков 8 апреля 1866 года подал в отставку. В мемуарах отмечается, что он заявил: «Пусть вся Россия знает, что я уволен за неумение охранять моего Государя»[49]. 4 мая 1866 года было принято решение о ликвидации петербургского генерал-губернаторства, и князь А. А. Суворов был уволен от должности. После его ухода столичную полицию возглавил Федор Федорович Трепов, жесткий, умный и решительный человек, имевший опыт работы генерал-полицмейстера в Царстве Польском.

После отставки Долгорукова к руководству III Отделением пришел Петр Андреевич Шувалов. Он восемь лет (до 1874 года) возглавлял политическую полицию империи. Этот энергичный и честолюбивый вельможа пользовался значительным влиянием при дворе, его «спокойствие и самообладание давали ему то, что так редко приходится встречать в наших государственных людях, — уменье слушать и задавать вопросы, а это на посту шефа жандармов, очевидно, было главное»[50].

Прежде всего ему необходимо было обеспечить должную охрану императора. Создание этой «умной полиции», или «Шуваловской охраны», имело свою историю[51]. Дворцовые стражи, несшие преимущественно постовую службу, казаки конвоя, бывшие, скорее, пышным антуражем охраны, не могли противостоять новым террористическим методам борьбы революционеров.

По инициативе нового петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова предполагалось создать специальный отряд «охранительной полиции», главной задачей которого было обеспечение личной безопасности императора. Уже в конце апреля 1866 года Шувалов представил на рас-

смотрение императора всеподданнейший доклад, в котором обосновывал настоятельную необходимость «учреждения особой команды, исключительной целью которой должно быть постоянное наблюдение во всех местах пребывания Вашего Величества»[52].

2 мая 1866 года Александр II утвердил проект и штаты[53] подразделения. Уже 4 мая Шувалов отчитался перед царем о создании костяка «Охранительной команды». Первым командиром этого спецподразделения стал надворный советник Н. Е. Шляхтин, служивший прежде в Москве полицейским приставом. Его помощниками были назначены капитан жандармерии Н. М. Прусак, бывший начальник Ревельской жандармской команды, и поручик А. И. Поляков из варшавской полиции.

Принципиально важным было привлечение на службу секретных агентов. Ими стали мещанин И. Кожухов (агент III Отделения с 1857 года), отставной губернский секретарь Новицкий и рижский гражданин Кильвейн. Нижних чинов набрали сначала 20 человек, но к концу мая Охранная стража III Отделения (так стали называть эту службу) была полностью укомплектована «нижними чинами»[54]. Один из мемуаристов упоминал, что уже летом 1866 года, во время отдыха царя в подмосковном имении Ильинском, Александра II серьезно рассердило то, что он впервые увидел «переодетых агентов Шуваловской охраны везде, где Государь гулял... Но граф Шувалов, взявшись за свое дело серьезно, не смутился этим впечатлением Государя и завел действительно умную полицию»[55].

Градоначальник Ф. Ф. Трепов лично составил «Положение об Охранной страже» и инструкцию для ее чинов, где с бюрократической дотошностью в тридцати параграфах регламентировались порядок несения охранной службы, правила поведения стражников при организации наружного наблюдения. Формулировались даже примерные ответы на вопросы об императорской фамилии вплоть до «особо вежливого, но непреклонного отношения к дамам при их желании приблизиться к Императору». Указывалось, что Охранная стража «пребывает постоянно там, где изволит присутствовать Государь Император или члены императорской фамилии». Так, «в садах, где Августейшие особы изволят прогуливаться», стражники обязаны заблаговременно осматривать «аллеи и места, по которым обыкновенно прогулка бывает», и «обращать внимание на то, не скрывается ли кто-нибудь в клумбах, кустах или за деревьями и постройками». «При отсутствии публики» полагалось «держаться на значительном расстоянии, дабы не обращать на себя внимание», а в случае «появления публики» необходимо задержать лиц, которые, «пробираясь сквозь толпу, стараются приблизиться к Высочайшим особам с подозрительными намерениями», а также «лиц, заметно переодетых в платье крестьянское или другое, не сообразное с их наружностью и, очевидно, одетое с какой-нибудь предубедительной целью».

В мае 1866 года всем сотрудникам Охранной стражи выдали пронумерованные удостоверения, в которых указывалось, что «предъявитель сего состоит при III Отделении». Сотрудники спецслужбы охраняли царя в штатском платье, на которое выделялись специальные средства (по 100 рублей в год на гражданскую одежду для каждого сотрудника), и лишь «в особых случаях» малая часть охраны могла быть «наряжена» в форменную одежду. В инструкции подчеркивалось, что стражники «должны держать себя так, чтобы на них не было обращено внимание общества». Они не должны никому сообщать о своих обязанностях, «когда им необходимо содействие наружной полиции, они предъявляют только свои особые билеты, которые отнюдь не передают никому под страхом самой строгой ответственности»[56].

Инструкция была добротной, но Шувалов как опытный царедворец счел, что в ней «слишком много говорится об опасности для жизни Государя, чего желательно избегнуть»[57]. В июне 1866 года Трепов представил на рассмотрение шефа жандармов второй вариант инструкции, который после доработки в III Отделении Шувалов утвердил в октябре 1866 года.

Кабинет Александра II

Вновь созданное подразделение должно было действовать в глубокой тайне, а его сотрудники давали подписку «о неразглашении». Им предписывалось «зорко следить за собирающейся около Высочайших особ публикою и стараться удалить всякого рода причины, могущие послужить поводом к какого бы то ни было рода беспорядкам в присутствии Императорской фамилии, наипаче же всего охранять всюду драгоценнейшую жизнь Его Императорского Величества».

Принципиально важным был вопрос, кто будет непосредственно курировать деятельность новой спецслужбы. Автором и проработчиком идеи ее организации был обер-полицмейстер Санкт-Петербурга Ф. Ф. Трепов. По его замыслу, Охранная стража должна была состоять «под главным ведением» III Отделения, но в «непосредственном распоряжении» Санкт-Петербургского обер-полицмейстера. Фактически Трепов создавал эту службу «под себя». Однако Шувалов не допустил, чтобы служба, главной задачей которой было обеспечение физической безопасности императора, находилась вне сферы его влияния. Поэтому он полностью взял под свой контроль решение всех вопросов, связанных с организацией и деятельностью Охранной стражи, отстранив с июля 1866 года Трепова от какого-либо участия в ее руководстве.

Охранная стража формировалась как специализированная служба с особым неофициальным статусом и не была оформлена в законодательном порядке. Начальник Охранной стражи подчинялся непосредственно управляющему III Отделением. Поэтому о ее деятельности было мало известно даже ее «смежникам» из Дворцовой полицейской команды. Однако слухи о новой службе моментально расползлись в высшем обществе. Уже в мае 1866 года, как вспоминал один из современников, «при отъездах Государя со станции царскосельской железной дороги начали появляться какие-то лица, обращавшие своими манерами на себя внимание. Мне сказали, что это приставленные III Отделением канцелярии Государя телохранители. Эти господа должны были быть никем не замечены, а их узнали на другой день по их назначении»[58].

В период становления Охранной стражи неизбежно возникали кадровые проблемы, поскольку личный состав ее подбирался в спешке и назначения в престижное подразделение не обходились без протекции. Начальник Охранной стражи Ф. Ф. Гаазе мог многое себе позволить, поскольку был зятем крупного чиновника III Отделения. Он мог быть грубым с подчиненными офицерами, халатно относиться к своим обязанностям, пить во время службы, присваивать денежные средства подчиненных. Только после покушения на Александра II 2 апреля 1879 года Ф. Ф. Гаазе высочайшим повелением от 11 апреля был «уволен от службы, согласно прошению по болезни». Новым начальником Охранной стражи назначен Карл Кох, пришедший в специализированную службу в 1876 году.

Е. М. Юрьевская

Столь конфликтные отношения в небольшом подразделении, конечно, не шли на пользу делу. Периодически происходили даже «возмущения» нижних чинов действиями своих офицеров. Осенью 1868 года по приказанию П. А. Шувалова было произведено негласное служебное расследование, выявившее множество проблем внутри Охранной стражи.

Все это приводило к тому, что личный состав нижних чинов был постоянно в недокомплекте. Это было связано не только с межличностными отношениями офицеров и нижних чинов: все-таки все они были старыми служаками, видевшими на своем веку всякое. Это было связано с высокими требованиями, которые предъявлялись при наборе нижних чинов, и тяжелыми условиями службы.

Чины Охранной стражи должны были вести круглосуточное «наружное наблюдение» в местах пребывания императора для обеспечения его «безопасности и спокойствия». Постоянные посты Охранной стражи находились не только у Зимнего дворца, но и у Аничкова дворца, в котором жил наследник. Служба была тяжелой, а материальное обеспечение не самым щедрым. Стражники получали по 75 рублей в месяц, наградные на Пасху от 15 до 75 рублей и на Рождество — до 100 рублей. Во время поездок, если повезет, могли получить наградные деньги и подарки. Стражники часто увольнялись со службы по причине расстроенного здоровья: ревматизм, туберкулез, нервные расстройства, хроническая простуда были обычным делом. Поэтому вплоть до 1881 года Охранная стража почти никогда не была укомплектована нижними чинами.

К 1875 году сменилось около 80 процентов всего ее личного состава. Многие были уволены по состоянию здоровья, не получив никакой пенсии за свою ответственную службу. Пенсия назначалась только в виде исключения. Такое положение не способствовало добросовестному несению службы. В записке начальника Охранной стражи от 8 октября 1878 года отмечалось, что «из всех чинов Охранной стражи, уволенных от службы, получает пенсию один унтер-офицер Слесарчук по 5 руб. в месяц, и то по Высочайшему повелению за поимку Каракозова на набережной у Летнего сада 4 апреля 1866 г.».

Стражники, кроме постоянного сопровождения императора и несения постовой службы в местах его постоянного пребывания, выполняли при необходимости самые разные обязанности, и даже весьма щекотливого свойства, особенно если возникали ситуации, задевавшие престиж императорской фамилии. Например, в мае 1880 года, после смерти императрицы Марии Александровны, два стражника были назначены на постоянное дежурство для охраны дома княгини Е. М. Долгорукой, многолетней любовницы Александра II, впоследствии ставшей его супругой, от которой на момент смерти жены он имел троих детей. В делопроизводстве III Отделения сохранилось множество агентурных донесений о том, как проводили время наследник и другие члены царской семьи.

III Отделение использовало стражников и для борьбы с рабочим движением. Осенью 1878 года во время стачки рабочих на Кренгольмской мануфактуре десять унтер-офицеров Охранной стражи были направлены в рабочие окраины Петербурга для наблюдения за настроениями рабочих.

При всей секретности охранных служб утечка информации все же происходила. Летом 1878 года в «Листке «Земли и воли» № 5 была опубликована первая и единственная информация об Охранной страже III Отделения. В этом нелегальном издании сообщалось, что «это тайное общество, число членов которого в настоящее время свыше 1 тыс. человек, находится под непосредственным начальством императора и содержится в такой тайне, что подробности его организации до сих пор еще не вполне раскрыты»[59].

Период с 1866 по 1879 год был временем вызревания идей взаимной борьбы. Будущие террористы в ходе безуспешных «хождений в народ» «дозревали» до идей систематического террора. Охрана царя тешила себя арестами сотен нигилистов.

Таким образом, именно Охранная стража III Отделения стала первым подразделением, задачи которого соответствовали целям специализированной службы, занятой охраной первых лиц страны. Дворцовая стража, также занимавшаяся наружной охраной царя, выполняла скорее задачи постовой (караульной) службы. Между ними сложилось определенное разграничение задач. Дворцовая стража охраняла царя в местах его постоянного пребывания — в Зимнем дворце и пригородных резиденциях. Охранная стража занималась скрытым сопровождением царя при его поездках вне резиденций. Стражники III Отделения занимались наблюдением в деревнях и селах близ царских резиденций. Оба подразделения формально были подчинены коменданту Главной императорской квартиры полковнику Рылееву, однако реально они подчинялись своим командирам. Координация их действий оставляла желать лучшего.

ДЕПАРТАМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИЦИИ

После ликвидации в августе 1880 года III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии на его основе была создана новая структура — Департамент государственной полиции (6 августа 1880 — 18 февраля 1883 года), затем переименованный в Департамент полиции (18 февраля 1883 — 10 марта 1917 года) Министерства внутренних дел.

Наряду с обеспечением внутренней политической стабильности Российской империи, директору Департамента полиции также вменялось в обязанность обеспе-

чивать охрану царя и других высокопоставленных лиц. Для этого в структуре Третьего делопроизводства Департамента полиции был образован Особый отдел. В декабре 1883 года в Департаменте полиции была создана Охранная агентура, которая в оперативном отношении подчинялась петербургскому градоначальнику. В состав Охранной агентуры входили «постовые» и «местные» охранники, отвечавшие за безопасность проездов императора и наследника по столице. «Постовые» должны были предотвращать возможные покушения путем «личного наблюдения в районе своего поста». «Местные» агенты, набираемые из околоточных надзирателей, должны были следить за всеми подозрительными личностями в своем районе[60].

Кроме политической полиции была реорганизована и структура Отдельного корпуса жандармов. Создали многоуровневую систему противостояния политическому террору. Первый уровень включал губернские жандармские управления, занимавшиеся наблюдением, политическим сыском, дознанием и расследованием на подконтрольных им территориях полосы отчуждения вдоль железных дорог. Второй уровень — железнодорожные полицейские управления, несшие службу в полосе отчуждения железных дорог, по которым проходили маршруты императорских поездов. Третий уровень был связан с организацией охранных отделений в Петербурге (с 1866 года), Москве (с 1880 года) и Варшаве (с 1900 года), которые входили в состав градоначальств. Они занимались исключительно политическим розыском.

Руководство этими ведомствами (Отдельным корпусом жандармов и Департаментом полиции) возглавил министр внутренних дел. Таким образом, в 1880-х годах параллельно действовали три структуры, работавшие на обеспечение безопасности императорской фамилии: Отдельный корпус жандармов, Департамент полиции и подразделения, подчиненные Главному начальнику охраны императора — П. А. Черевину.

Однако после смерти Александра III (1894) в стране стали быстрыми темпами нарастать кризисные явления. При этом вступивший на престол Николай II принципиально отказывался пойти по пути политической модернизации Российской империи. Такая позиция привела к противостоянию общества и власти в начале 1900-х годов, что проявилось в новом всплеске революционного террора.

Покушения боевой организации партии социалистов-революционеров на высших сановников Российской империи в 1901–1904 годах показали, что система, сложившаяся в предшествующие десятилетия, нуждается в коренном пересмотре. В полной мере это относилось и к организации личной охраны царя. Однако в начале 1900-х годов Николай II еще не был главной целью эсеровских террористов. В этот период эсеры исходили из необходимости приближения «текущей боевой работы», то есть террора, к массам. Спустя годы один из лидеров партии эсеров В. М. Чернов вспоминал, что «в согласии с ЦК партии от террористических ударов пока изъемлется глава верховной власти — сам царь»[61].

С начала 1900-х годов террор стал кошмаром властей. Даже первые лица охранных структур признавали свое бессилие перед лицом эсеровского терроризма. Глава Департамента полиции генерал Леонид Александрович Ратаев, курировавший Е. Ф. Азефа[62], признавал, что «еще не было случая, чтобы охрана спасла кого-нибудь от смерти. На глазах этой охраны, так сказать, под самым ее носом, у самых ворот Департамента полиции министра обкладывали и травили, как дикого зверя»[63]. Генерал А. В. Герасимов, возглавлявший с 1905 по 1909 год Петербургское охранное отделение, признавал: «Мне ничего иного не оставалось, как сказать находящимся под угрозой террора высоким особам: «Террористы замышляют против вашей жизни. Они нам неизвестны. Мы не можем ничего против них предпринять. Мы можем вам только одно рекомендовать: если вам дорога собственная жизнь, не покидайте своих жилищ»[64].

Надо отметить, что эсеры не только учли опыт народовольцев, но и выработали новые, более эффективные и неожиданные для Департамента полиции приемы борьбы с самодержавием. Свои главные организационные структуры они расположили в провинциальных городах, где система политического сыска была весьма слаба. Лица, возглавлявшие спецслужбы империи, стали осознавать, что привычные методы борьбы с террором устарели и нужно вырабатывать новые. Поэтому в начале 1900-х годов в недрах имперских спецслужб приступили к подготовке их реформирования.

Товарищ министра внутренних дел П. Н. Дурново (в Департаменте полиции служил с 1881 по 1884 год) начал проводить кардинальные изменения в структурах департамента. С осени 1902 года в главных провинциальных городах были учреждены разыскные пункты, переименованные затем в охранные отделения. В основе политического розыска лежали деятельность агентуры, наружное наблюдение и перлюстрация частной корреспонденции.

Вице-директор Департамента полиции П. И. Рачковский (в центре)

К этим методам можно добавить и «выбивание» показаний из арестованных революционеров. Эпизодически практиковавшийся ранее шпионаж в революционной среде был введен в систему и получил название института сотрудников. В Департаменте полиции был реорганизован Особый отдел (создан в 1898 году) для координации всей разыскной политической работы в границах империи. Возглавил Особый отдел Департамента полиции полковник С. В. Зубатов, лучший практик и новатор разыскного дела того времени. Система, основанная на деятельности охранных отделений Департамента полиции, составляла первый и самый серьезный барьер на пути террористов к цареубийству.

С конца 1890-х годов в Московском охранном отделении под командованием Зубатова сложился костяк талантливых жандармских офицеров с высоким уровнем профессионализма, которые впоследствии играли ключевые роли в организации личной охраны Николая II.

Из числа офицеров, прошедших разыскную школу в Московском охранном отделении, можно назвать подполковника Сазонова, который позднее возглавил Петербургское охранное отделение. Ротмистр Ратко стал начальником Московского охранного отделения, а затем руководил аналитическим отделом в структурах, подведомственных Дворцовому коменданту. Ротмистр Петерсен возглавил Варшавское охранное отделение, ротмистр Б. А. Герарди — Дворцовую полицию, охранявшую императорские резиденции. А. И. Спиридович, выученик тоже полицейской школы полковника Зубатова, с 1906 года возглавил отряд «подвижной охраны», обеспечивавший безопасность Николая II вне императорских резиденций.

Департамент полиции с начала 1900-х годов уделял особое внимание борьбе с революционным терроризмом, направленным против первых лиц империи. А Московское охранное отделение стало своеобразной кузницей кадров для дворцовых подразделений охраны, что в немалой степени помогало координации их действий.

РУССКАЯ ОХРАННАЯ АГЕНТУРА ЗА ГРАНИЦЕЙ

Использование негласных сотрудников за границей в XIX веке считалось обычной практикой среди европейских государств. К этому времени заграничная агентура российских спецслужб уже имела свою немалую историю. После польского восстания 1830 года III Отделение предприняло первые попытки создания постоянных резидентур в Европе. С 1832 года командировки чиновников III Отделения в Европу для сбора разведывательной информации стали регулярными. Но серьезной разведывательной сети еще не было. К 1877 году III Отделение имело только около 15 постоянных агентов в Европе. Однако этим были заложены основы российской разведки с контрразведывательными задачами.

После 1881 года характер использования негласной агентуры отчасти меняется. Наряду с разведывательными и контрразведывательными задачами, негласная агентура начала использоваться для организации прикрытия зарубежных визитов российских самодержцев и контроля за деятельностью террористов. С этой целью была сформирована Заграничная агентура, которая находилась в ведении Департамента полиции.

Фундаментом для создания Заграничной агентуры стали «наработки» «Священной дружины» (о ней см. далее. — *Ред.*). Уже современники отмечали, что деятельность «Священной дружины» («Святой дружины») носила дилетантский характер и эту организацию мало кто принимал всерьез. Однако «Священной дружине» удалось оставить после себя значительное наследство — создание за-

граничных резидентур[65], начало которым было положено прежде всего в европейских центрах революционной эмиграции — в Париже (с отделениями в Лондоне, Брюсселе и Женеве), Вене (с отделениями в Берне, Лейпциге и вдоль русско-австрийской границы — Волочиск, Броды, Сосновцы) и Берлине.

Заграничная агентура в мае 1883 года была введена в структуры Департамента полиции, в составе которого и пребывала вплоть до Февральской революции 1917 года[66]. В разное время ею руководили: в 1881 — начале 1882 года — П. В. Корвин-Круковский, с 1882 по 1902 год — П. И. Рачковский, с 1902 по 1906 год — Л. А. Ратаев, с 1906 по 1909 год — А. М. Гартинг, с 1909 по 1917 год — А. А. Красильников.

Заграничная агентура Департамента полиции, кроме выявления потенциальных террористов в среде революционных эмигрантов, занималась также охраной членов императорской семьи при посещении ими Европы. Самый известный руководитель Заграничной агентуры П. И. Рачковский начал привлекать в сотрудники иностранцев-профессионалов. Так, агентом наружного наблюдения стал Генри Бинт — владелец частного разыскного бюро «Бинт и Самбэн». Он начал сотрудничать с российскими спецслужбами еще в 1883-м, и это сотрудничество продолжалось вплоть до 1917 года. Под «крышей» этого частного сыскного агентства скрывалось ядро резидентуры Рачковского и его преемников.

Рачковский лично сопровождал императора, контролируя деятельность своих агентов. Мемуарист, описывая поездку Николая II в 1896 года по Австрии, Франции и Германии, говорит, что Рачковский «был главною скрытою пружиною всего заграничного путешествия Государя; вся забота о безопасности Его Величества и вся ответственность лежала исключительно на его плечах... все меры, которые принимались для охраны Государя правительствами тех стран, которые посещал Его Величество, принимались по его указанию и исходили от него. Он безотлучно совершил все путешествие вместе с нами, хотя никто из нас, кроме генерала Гессе, в распоряжении которого он числился, его не знал и не видел, и только в Дармштадте, где он частным человеком жил в гостинице недалеко от дворца, мне пришлось с ним столкнуться и ближе его узнать»[67]. Император лично благодарил Рачковского за службу и наградил его орденом Св. Владимира 4-й степени.

В то время за границей Николай II еще позволял себе экспромты, совершая прогулки инкогнито. Так, в 1900 году в Германии царь вместе с женой поехал в купе первого класса обычного поезда во Франкфурт. Рачковский на вопрос, не беспокоит ли его неожиданная поездка царя, отвечал, что если бы об этой поездке было известно заранее... тогда бы он принял меры предосторожности, а «в данном случае нет никаких оснований для беспокойства»[68].

О размахе деятельности сыскного агентства, контролируемого Рачковским, говорит то, что Генри Бинт привлек около 50 человек наружного наблюдения. Сам он занимал должность старшего наблюдательного агента Заграничной агентуры. Его деятельность неоднократно отмечалась Дворцовой полицией. 10 ноября 1900 года из канцелярии вдовствующей императрицы Марии Федоровны ему была передана золотая булавка. Его деятельность не была секретом для

П. П. Гессе в кабинете в Зимнем дворце.
1904 г.

Великий князь Михаил Александрович

французских спецслужб. В январе 1902 года распоряжением президента Франции он был награжден орденом Почетного легиона. В феврале 1904-го указом Николая II Г. Бинту был пожалован орден Станислава 3-й степени. В 1910 году во время поездки Николая II во Фридберг Бинту была поручена внешняя охрана императора[69].

Охрана высоких особ была делом не только хлопотным, деликатным и ответственным, но и выгодным. Сотрудники Заграничной агентуры, успешно «прикрывавшие» царя либо его близких, получали наградные, чины и ордена. Так, в 1893 году Аркадий Гекельман охранял Александра III в тихом Копенгагене, получив за это большие подъемные, «царский подарок» и орден Данеборга с золотой медалью. Взлет его карьеры пришелся на 1889 год, когда он под именем Ландезена организовал в Париже, с ведома Рачковского, мастерскую по изготовлению бомб для покушения на Александра III. Все вошедшие в это дело революционеры были арестованы французской полицией и после громкого суда над ними приговорены к различным срокам каторжных работ. Это событие ускорило политическое сближение России и Франции. Позднее он же сопровождал императора в Швецию и Норвегию на охоту, также получив за это наградные. В апреле 1894 года его командировали в Кобург для охраны наследника цесаревича Николая Александровича, который отправился туда свататься к Алисе Гессенской, будущей русской императрице Александре Федоровне. Агент получил 1000 рублей подъемных и ценный подарок. В 1896 году Гекельман, превратившись в инженера Аркадия Михайловича Гартинга, охранял младшего брата Николая II — великого князя Георгия Александровича на вилле Turbi на юге Франции, около Ниццы. Вскоре в Братиславе он «прикрывал» встречу Николая II с кайзером Вильгельмом II. Гартинг сопровождал царя в Париж, затем в Лондон, получив там орден Виктории, в Дармштадт, где был удостоен ордена Эрнеста. Сотрудник Заграничной агентуры в чине действительного статского советника занял должность начальника Берлинской агентуры под крылом Рачковского[70].

С 1906 года в европейских командировках начали принимать участие и филеры дворцовой охраны, входившие в отряд А. И. Спиридовича. Так, в марте 1914 года руководитель Заграничной агентуры А. А. Красильников докладывал директору Департамента полиции, что «предъявление агентам Дворцовой Агентуры проживающих за границей революционеров представляется в настоящее время более трудным, чем это было в предшествующие годы. В Париже Бурцев ныне проявляет усиленную деятельность, стараясь выслеживать ведущееся наблюдение и установить наблюдательных агентов, для чего сподвижники его Леруа и др. специально обходят улицы кварталов, где проживают эмигранты»[71].

Начиная с 1909 года люди Спиридовича сопровождали всех особ императорской фамилии в их поездках за границу. Летом 1910 года в Наугейм, где лечилась императрица Александра Федоровна, откомандировали 20 агентов дворцовой охраны. Во время итальянского визита Николая II агентов было меньше, поскольку на этом настояла принимающая сторона. При свидании Николая II с членами румынской королевской фамилии в 1914 году в Констанце число агентов по настоянию румынского правительства довели до 30 человек. Чины дворцовой полиции во время заграничных командировок действовали в тесном контакте с местными службами безопасности и даже формально передавались в распоряжение полиции данного государства[72].

Создатель Заграничной резидентуры Рачковский «прикрывал» знакомство царской семьи с французским экстрасенсом Филиппом. Встреча Филиппа с царской семьей состоялась в сентябре 1901 года во время визита Николая II во Францию. Агенту Мануйлову поручили встретить француза у входа во дворец и «слегка проэкзаменовать». С первой же встречи Филипп сумел заворожить монархов, которые попросили его обосноваться в России. Его поселили близ дворца, и раз или два в неделю он проводил в присутствии царской семьи сеансы гипноза, занимался пророчеством, опытами воплощения и черной магии. Он предсказал императрице рождение сына. Когда влияние Филиппа начало приобретать политическое значение, Рачковский собрал на него досье, в котором представил его шарлатаном и авантюристом.

О степени влияния шарлатана на императорскую чету и мотивах смещения Рачковского свидетельствует переписка между императрицей Александрой Федоровной и великой княгиней Милицей Николаевной. Милица Николаевна писала императрице: «Рачковский. Небо определенно требует отставки...» Поскольку «небо определенно требовало отставки» Рачковского, то Александра Федоровна предприняла необходимые шаги и уже вскоре сообщала своей подруге: «Вот приказание Н[ики] на бумаге, которую вы читали. «Желаю, чтобы вы приняли серьезные меры к прекращению сношений Р[ачковского] с французскою полициею навсегда. Уверен, что вы исполните мое приказание быстро и точно»[73]. В результате Филипп сохранил привязанность царской четы, а Рачковский лишился своего поста[74].

Заграничная агентура использовалась полковником Спиридовичем и для решения деликатных проблем, затрагивавших престиж императорской фамилии. Осенью 1910 года Г. Бинта привлекли для слежки за младшим братом Николая II — великим князем Михаилом Александровичем, когда тот собирался заключить морганатический брак с Наталией Сергеевной Вульферт. П. А. Столыпин докладывал В. Б. Фредериксу: «Бинт — самый опытный агент, владеет французским, немецким и английским языком. Он снабжен вполне достаточной суммой. Бинт учредит под видом богатого коммерсанта безотлучное наблюдение за путешественниками»[75]. Тогда свадьбу удалось предотвратить.

В 1913 году великий князь Михаил Александрович все-таки женился на Н.С. Вульферт. Вдовствующая императрица Мария Федоровна всячески противилась этому шагу сына, используя для этого даже дворцовые спецслужбы.

Вульферт, в девичестве Шереметевская, дочь московского адвоката, в 1902 году вышла замуж за московского актера Мамонтова, в 1905 году разведясь с ним, во второй раз вышла замуж за гвардейского ротмистра Вульферта, служившего в лейб-гвардии Кирасирском полку («синих кирасир»). Полком командовал великий князь Михаил Александрович. Наталия Вульферт стала его любовницей. Она развелась с Вульфертом и вскоре родила великому князю ребенка. Весной 1913 года они выехали из России. Чины Дворцовой полиции и Заграничная агентура были подняты на ноги, чтобы не допустить венчания великого князя. В мае 1913 года любовники поселились в Берхтесгадене, на границе Верхней Баварии и Тироля. Великому князю удалось обмануть плотное кольцо негласной охраны: он вскользь упомянул о своем намерении выехать в Ниццу, туда и были брошены все агенты. Но сам великий князь выехал в Вену, куда раньше отправился его доверенный. В Вене была православная церковь, устроенная сербским правительством для своих подданных. Настоятель этой церкви за тысячу крон тайно обвенчал высокую чету[76].

Таким образом, в деятельности Заграничной агентуры были успехи и провалы, но в целом она работала вполне успешно и стала необходимым звеном в обеспечении безопасности заграничных вояжей членов императорской семьи.

За двадцать лет (1861–1881) дворцовые спецслужбы претерпели серьезную эволюцию, носившую многогранный характер. Во-первых, произошли изменения в психологии охраняемых. Если в начале правления Александра II постоянная личная охрана воспринималась как вынужденное и отчасти постыдное дело, то в конце его правления череда покушений привела к кардинальному пересмотру точки зрения на дворцовую спецслужбу. К ней начали относиться как к необходимой и очень важной части повседневной жизни первых лиц государства. Во-вторых, дворцовая спецслужба перестала восприниматься первыми лицами империи как некая второстепенная структура. Наметилась тенденция к сосредоточению всех подразделений, ведавших охраной императорской семьи, под единым руководством. В-третьих, обычная войсковая охрана (армейские и гвардейские воинские

части, дворцовые гренадеры) все в большей степени становилась антуражем пышных дворцовых церемоний, но не действенным средством физической защиты императора. В-четвертых, подразделения государственной охраны перешли от примитивных методов «осмотра кустов» на маршрутах царских прогулок к оперативной работе на участках особой ответственности. Однако большая часть этих изменений пришлась на последний год жизни императора Александра II. Эти позитивные тенденции, в силу сложных внутриполитических и дворцовых «раскладов», не были подкреплены должной политической волей первых лиц империи, что и привело к трагическому финалу 1 марта 1881 года.

Эта воля была проявлена Александром III, когда 14 августа 1881 года он утвердил «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Этот документ предусматривал объявление местности пребывания императора в положении усиленной или чрезвычайной охраны, а также предоставление властям чрезвычайных обязанностей, усиление ответственности граждан и возможность административной высылки на время действия усиленной или чрезвычайной охраны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 133; Т. II. С. 65–66, 139–142, 181; СПб., 1898. Т. IV С. 47–48, 60-63, 110, 124, 147; *Нечкина М. В.* Декабристы. М., 1982. С.12–13, 21–25, 33, 51, 58–59, 108–117; Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990. С. 71, 138, 142–146; *Лапин В.* Семеновская история. Л., 1991. С. 91–93, 96–135; *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 109; *Давыдов М. А.* Оппозиция Его Величества. М., 1994. С. 141–144; 14 декабря 1825 года и его истолкователи (Герцен и Огарев против барона Корфа). М., 1994. С. 86–89, 96-103, 111–114, 264–296, 326–338, 360–385–388; *Сахаров А. Н.* Александр I. М., 1998. С. 234, 246–247.

[2] *Лазарев В. И.* Из истории становления специальных средств отечественных спецслужб // Исторические чтения на Лубянке: Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX в. — 1922 г. М., 1999. С. 32.

[3] *Рууд Ч., Степанов С. А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 44.

[4] *Сидорова М. В.* Штаты III Отделения Собственной Его Величества Канцелярии // Из глубины времен. Вып. 4. СПб., 1995. С. 3–6.

[5] *Брачев В. С.* Заграничная агентура Департамента полиции. 1883–1917. СПб., 2001. С. 5.

[6] *Измозик В.* Политический розыск ведет Третье отделение (1826–1880) // Жандармы России. СПб., 2002. С. 251.

[7] Дополнительную проверку при зачислении в Корпус проходили поляки. В Корпус жандармов не допускались евреи, «хотя бы и крещеные». Эти ограничения не распространялись на штат Департамента полиции МВД.

[8] *Спиридович А.* Записки жандарма. Харьков, 1929. С. 30.

[9] *Измозик В.* Политический розыск ведет Третье отделение // Там же. С. 251.

[10] Цит. по: *Выскочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 592.

[11] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 19 // О принятии мер предосторожности по Зимнему дворцу. 1861–1881.

[12] У Александра I существовал так называемый императорский круг, по которому в любую погоду прогуливался император без свиты и без какой бы то ни было охраны. Маршрут «императорского круга» проходил по Дворцовой набережной от Зимнего дворца до Прачечного моста, набережной Фонтанки до Аничкова моста и по Невскому проспекту до Зимнего дворца. Об этом маршруте было прекрасно известно всем петербуржцам.

[13] *Пашкова Т. Л.* Зимний дворец конца 1830-х — начала 1840-х годов и образ жизни императорской семьи // Архитектура Петербурга. Материалы исследований. Ч. 2. СПб., 1992. С. 127.

[14] *Выскочков Л. В.* Император Николай I. С. 515.

[15] *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания. М., 1956. С. 39.

[16] *Выскочков Л. В.* Император Николай I. С. 584.

[17] *Шеманский А. В.* Александрия. Петергоф. Л., 1936. С. 115.

[18] Покушение на жизнь императора Николая Павловича в Познани в 1843 г. // Русская старина. 1880. Т. 28. № 5. С. 138.

[19] Цит. по: *Яковлев В. И.* Охрана царской резиденции. Л., 1926. С. 16.

[20] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 3: Центральные государственные учреждения. СПб., 2002. С. 147.

[21] Фактически существовало с 1881 года. Штат утвержден 31 декабря 1887 года.

[22] В разное время она именовалась «Главная императорская квартира» и «Императорская главная квартира».

[23] РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1374. Л. 1.

[24] Столетие Военного министерства. Т. 2. Кн. 4. СПб., 1914. С. 761–762.

[25] По штату Черноморская сотня включала в себя 1 штаб-офицера, 3 обер-офицеров, 14 урядников, 100 казаков. Всего 118 человек. Лошадей строевых — 114, столько же подъемных.

[26] ПСЗРИ. 1-е изд. Т. XXXII. № 25375. 25 апреля 1813 // О содержании Черноморской сотни во всем на положении Лейб-казачьего полка.

[27] *Шеманский А.* Александрия. Петергоф. С. 110.

[28] Цит. по: *Шеманский А., Гейченко С.* Коттедж. Дача Николая I в Петергофе. Л., 1930. С. 12.

[29] *К. Р.* Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 62.

[30] *Плотников Н.Д.* Собственный Его Императорского Величества конвой // Военно-исторический журнал. 1991. № 5.

[31] *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 213.

[32] В истории братоубийственной Гражданской войны личный состав Собственного конвоя не оставил заметного следа. Бóльшая часть офицеров конвоя сражалась, конечно, на стороне Белого движения. В эмиграции Собственный Его Императорского Величества конвой просуществовал как боевое подразделение до 1941 года. Надо признать, что в 1941 году остатки личного состава конвоя прибыли из Болгарии на формирование Русского охранного корпуса в Белград, т. е. пошли на сотрудничество с противником России — гитлеровской Германией. На этом, собственно, и закончилась история конвоя.

[33] *Гринев Л.* История Роты дворцовых гренадер. СПб., 1912. С. 15.

[34] ПСЗРИ. 2-е изд. Т. 2. №1436. 2 октября 1827 г. Об учреждении Роты дворцовых гренадер.

[35] 1 капитан, 3 поручика, 1 фельдфебель, 10 унтер-офицеров, 50 гренадер 1-й статьи, 50 гренадер 2-й статьи, 2 барабанщика. Всего в роте 117 человек.

[36] Рота дворцовых гренадер по штату на 27 ноября 1857 года: 1 штаб-офицер, 7 обер-офицеров, 16 унтер-офицеров, 6 музыкантов, 142 гренадера, 2 писаря и 1 письмоводитель. Всего 175 человек. Из их числа выделялась часть, несшая службу в Московском Кремле: 1 обер-офицер, 3 унтер-офицера, 1 музыкант, 30 гренадер. Всего 35 человек.

[37] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

[38] ПСЗРИ. 3-е изд. Т. XXV. Отделение II. № 27104 (1905 г.) // Положение о Роте дворцовых гренадер.

[39] Там же. Т. XXVII. № 29191 (1907 г.).

[40] Там же. № 29214 (1907 г.).

[41] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 10 // Обзор истории и штаты Дворцовой полиции за период с 1861 по 1911 г.

[42] Там же. Д. 67. Л. 21.

[43] *Мещерский*. Воспоминания. М., 2001. С. 117.

[44] Там же. С. 230.

[45] Записки П. А. Черевина. Кострома, 1918. С. 4.

[46] История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996. С. 34.

[47] Записки П. А. Черевина. С. 5.

[48] Александр Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 25.

[49] *Мещерский*. Воспоминания. С. 236.

[50] Там же. С. 252.

[51] Впервые в историографии вопроса на основании архивных материалов об этой структуре написал И. В. Оржеховский в монографии «Самодержавие против революционной России», изданной в 1982 году.

[52] Цит. по: *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 135.

[53] Штаты 1866 года Охранительной команды III Отделения: 1 начальник (200 рублей ежемесячного жалованья), 2 помощника (по 100 рублей), 6 секретных агентов «из лиц всякого состояния» (по 75 рублей), 80 стражников «из нижних чинов» (по 30 рублей). Всего 89 человек.

[54] Из 80 человек — 25 вахмистров из Варшавской городской полиции, 3 человека из Рижской городской полиции, 30 унтер-офицеров из жандармских команд Варшавы и Северо-Западных округов, 16 унтер-офицеров из Варшавского жандармского дивизиона и только 6 человек из Дворцовой полицейской команды.

[55] *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. С. 247.

[56] Цит. по: *Галвазин С.* Охранные структуры Российской империи. Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001. С. 99–100.

[57] Цит. по: *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. С. 137.

[58] *Дельвиг А. И.* Мои воспоминания. Т. III. М., 1913. С. 379–380.

[59] *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России. С. 147.

[60] Из Положения об охранной агентуре // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX вв.). Сборник документов. М., 2001. С. 112.

[61] *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. Мн., 2004. С. 157.

[62] Один из основателей и лидеров партии эсеров, ее боевой организации. С 1893 года — секретный сотрудник Департамента полиции.

[63] *Прайсман Л. Г.* Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.С. 55.

[64] *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 145.

[65] Даже в специальной литературе подчас встречаются некоторые неточности. Так, в монографии Н. А. Кудрявцева утверждается, что «Вопрос о создании собственной постоянной зарубежной агентуры был впервые поставлен Департаментом полиции после убийства Александра II 1 марта 1881 г.».

[66] *Брачев В. С.* Заграничная агентура Департамента полиции. 1883–1917. СПб., 2001. С. 6.

[67] *Мамантов В. И.* На государевой службе. Воспоминания. Таллин, 1926. С. 87.

[68] Там же. С. 156.

[69] *Кравцев И. Н.* Тайные службы империи. М., 1999. С. 64–65.

[70] *Агафонов В. К.* Парижские тайны царской охранки. М., 2004. С. 58.

[71] *Сватиков С. Г.* Русский политический сыск за границей. Ростов н/Д, 1918. С. 74.

[72] *Агафонов В. К.* Парижские тайны царской охранки. С. 130.

[73] *Шеманский А., Гейченко С.* Последние Романовы в Петергофе. Путеводитель по Нижней даче и вагонам. Л., 1937. С. 92.

[74] *Палеолог М.* Дневник посла. С. 179–181.

[75] *Ганелин Р. Ш.* Великий князь Михаил Александрович и Николай II // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 226.

[76] *Палеолог М.* Дневник посла. С. 443.

глава 4

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ОХРАНЫ

В 1881–1917 ГОДАХ

СОЗДАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ РОССИИ

События, связанные с убийством Александра II, стали водоразделом в организации и деятельности служб государственной охраны Российской империи. Проблема обеспечения полной безопасности Александра III стала одной из важнейших государственных задач. Уже в мае 1881 года появились первые проекты по организации личной безопасности императора. Граф И. И. Воронцов-Дашков, возглавлявший с марта по август 1881 года охрану Александра III, представил царю всеподданнейший доклад «О постановке Собственной Его Величества Охраны», основные идеи которого были сформулированы жандармскими офицерами — генералом П. А. Черевиным и подполковником Е. Н. Ширинкиным. Они исходили из того, что «опыт прежних лет показал всю неудовлетворительность и недостаточность прежде существовавшей системы охраны». По их мнению, главные недостатки охраны сводились к ее малочисленности и отсутствию единого центра в ее организации. Они подчеркивали, что агентурная служба была сосредоточена в руках III Отделения, а команды дворцовых городовых подчинялись Министерству императорского двора. Они настаивали на том, чтобы во главе царской охраны стояло только одно лицо. Саму службу охраны они предлагали разделить на две части — явную охрану, несшую службу в форме на постах, и агентурную.

П. А. Черевин

13 мая 1881 года высочайшим указом генерал-адъютанту И. И. Воронцову-Дашкову было поручено выработать проекты организации специализированных служб, отвечающих за безопасность царя и его семьи. Уже к 3 июня того года были составлены проекты штатов ряда охранных структур. К лету 1881 года начала формироваться новая концепция системы безопасности.

Во-первых, вся служба охраны подчинялась «Главному Начальнику Охраны Его Императорского Величества, назначаемому высочайшим указом Правительствующему Сенату». Главный начальник охраны непосредственно подчинялся только императору и имел право личного доклада. Все ведомства и учреждения империи должны были немедленно исполнять требования Главного начальника охраны. Сведения о замышляемых посягательствах, собранные различными агентами, также должны были ему немедленно сообщаться[1].

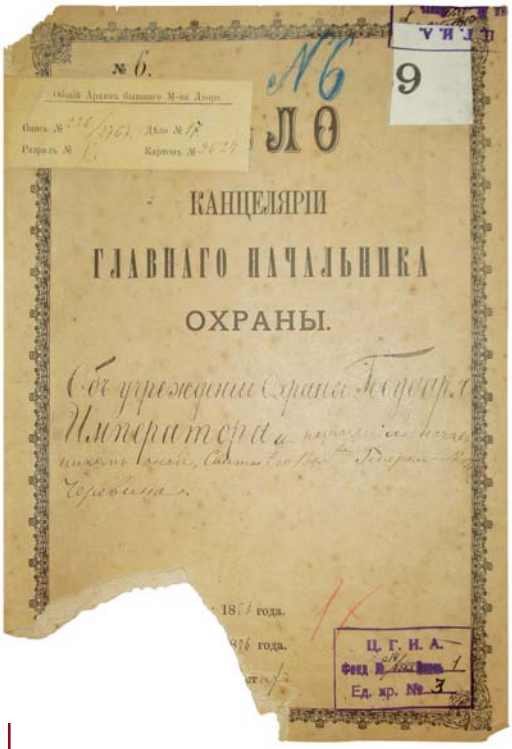
Во-вторых, наряду с сохранявшимся Собственным конвоем предлагалось сформировать особую воинскую охранную команду, или гвардейский пехотный отряд, для выполнения функций непосредственного сопровождения царя. За прецедент была взята воинская команда, охранявшая Александра II во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

В-третьих, предлагалось организовать инспекцию железных дорог. В ее основу были положены штаты Железнодорожного батальона, образованного в 1876 году[2]. Эти батальоны в середине 1870-х годов создавались на базе саперных бригад. Главной задачей батальона было обеспечение безопасности поездок царя по железным дорогам.

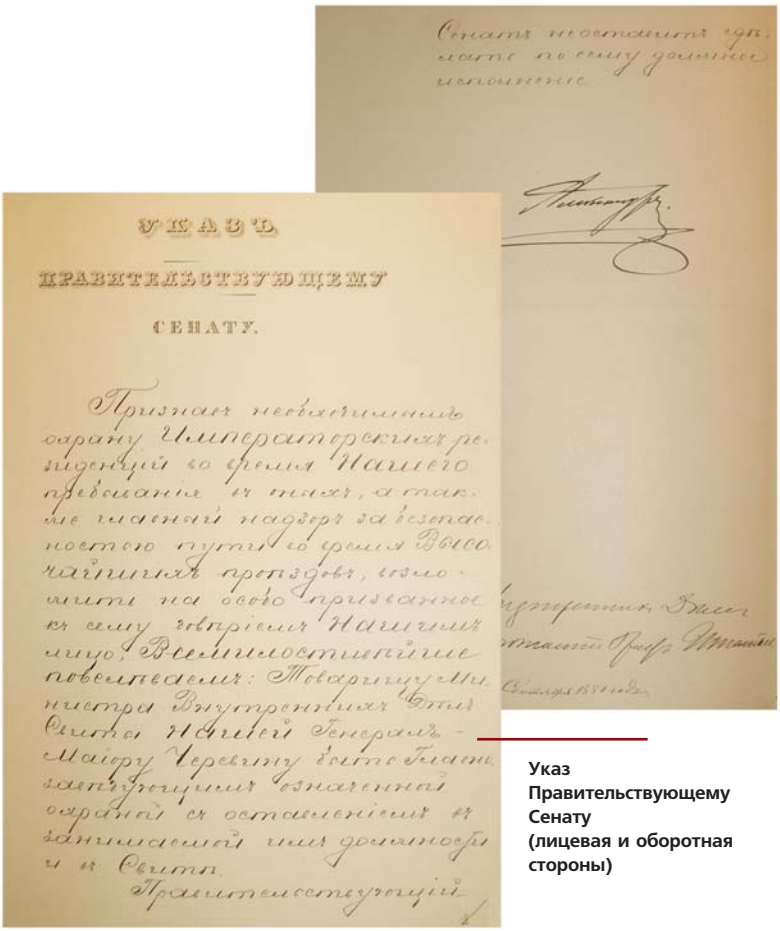
В-четвертых, Дворцовая полицейская команда увеличивалась с 42 до 102 человек[3], и в ее составе создавалась фактически независимая структура — Секретная часть.

В июле 1881 года штаты новых подразделений охраны были представлены на утверждение Александру III. Воронцов-Дашков пояснил, обосновывая необходимость назначения начальника личной охраны императора высочайшим указом: «Личность Главного начальника и степень его власти должны быть известны... иначе его требования могут остаться без исполнения»[4], да и конфиденциальный указ мог вызвать ненужные толки. Воронцов-Дашков доказывал также необходимость большого расширения агентурной части охраны и предоставления ей значительной самостоятельности: «Не решаясь взять на свою совесть ответственность, уверениями, что стражники Секретной части во всех случаях вне дворца могут охранить Особу Вашего Величества, я все-таки полагаю, что в общей цепи организации охраны они составляют необходимое звено, с упразднением которого явится заметный пробел». По мнению генерал-адъютанта, секретные агенты, не отличающиеся внешне от прочей публики, должны были дополнить надзор наружной полиции. Предполагалось, что секретные агенты, одетые в штатское (партикулярное) платье, должны держать под постоянным наблюдением два-три первых ряда публики, окружавшей царя. Для комплектации личного состава секретной агентуры надо «набирать людей, близко знакомых с наружностью революционеров, уже привлекавшихся... знать в лицо положительно всех лиц, состоящих или имеющих приезд ко Двору, а также большую часть высокопоставленных особ».

Инициатором расширения функций Секретной части Дворцовой полиции выступил подполковник Евгений Никифорович Ширинкин. В своей записке «Об охранной Его Величества страже» (май 1881 года) он подчеркивал, что ранее «стражники совершенно были чужды сыскного дела. Они только случайно имели сведения о лицах разыскиваемых, в редких случаях видели фотокарточки государственных преступников и потому в действительности могли лишь исполнять службу подвижных городовых». Констатируя слабость


№ 6.
Общий Архивъ бывшаго М-ва Двора
Опись № 326/1767. Дѣло № 17
Разрядъ № 1. Картонъ № 3627
№6
9
ЛО
КАНЦЕЛЯРІИ
ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА
ОХРАНЫ.
Объ учрежденіи Охраны Государя Императора и назначеніи начальникомъ оной Свиты Его Императорскаго Величества Генералъ-Майора Черевина.
1881 года.
1876 года.
Ц. Г. И. А.
Фонд № 1
Ед. хр. № 7

Дело «Об учреждении охраны Государя Императора и назначении начальником оной Свиты Е. И. В. генерал-майора Черевина»


Сенатъ постановилъ сдѣлать по сему должное исполненіе.
УКАЗЪ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ
СЕНАТУ.
Признавъ необходимымъ охрану Императорскихъ резиденцій во время Нашего пребыванія въ нихъ, а также личный надзоръ за безопасностью пути во время Высочайшихъ проѣздовъ, возложить на особо предназначенное къ сему повѣреніемъ Нашимъ лицо, Всемилостивѣйше повелѣваемъ: Товарищу Министра Внутреннихъ Дѣлъ Графу Нашему Генералъ-Майору Черевину быть главнозаѣдающимъ означенной охраной съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности и въ Свитѣ.
Правительствующій

Указ Правительствующему Сенату (лицевая и оборотная стороны)

агентурной охраны царя, он предлагал резко увеличить ей жалованье, поскольку «привлечение в охранную стражу полезных сыскных агентов не могло быть достигнуто при неимоверно ничтожных окладах содержания, а без агентов-сыщиков охранная стража не достигнет цели»[5].

Для кардинального изменения ситуации подполковник Ширинкин предлагал увеличить число охранной стражи до 70 человек и разделить этот состав на два отряда. Первый отряд должен выполнять агентурные сыскные обязанности в местах высочайшего присутствия, собирая сведения обо всех живущих и приезжающих в резиденцию и окрестности. Второй — заниматься непосредственной личной охраной царя, вести открытое наружное наблюдение, отслеживая лиц, «разыскиваемых, обвиняющихся и обвиненных по политическим целям, поднадзорных и подозреваемых». На всех этих лиц должны были быть фотографии. Оклады «сыскарям» надо увеличить до 80 рублей в месяц, «наблюдателям» — до 60 рублей. Набирать в охранную стражу надо людей, которые бы по внешнему виду не походили на агентов и «изображали бы собой публику, и которых бы не знала, по возможности, даже полиция».

Для эффективности охраны Ширинкин предлагал «раскинуть» «сыскарей» по дворцовым резиденциям и окрестностям небольшими группами по два — четыре человека. «Наблюдатели» должны были нести службу на ключевых постах, используя метод «цепного хождения» на путях возможного следования царя (это когда агентура передвигается постепенно на всем протяжении один за другим на близком расстоянии от царя)[6].

Ширинкин предлагал также ввести градацию должностей секретной агентуры. Должность старшего секретного агента предполагала возможность самостоятельной деятельности. Старших не должно было быть более десяти человек, и им надлежало быть способными играть роль дачников или путешественников. Эта должность должна

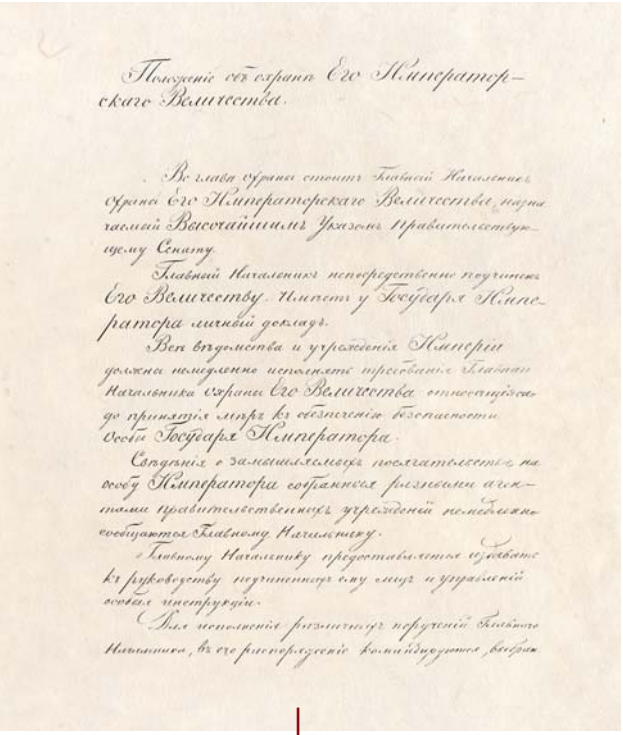
была соответственно оплачиваться — от 100 до 250 рублей в месяц. Младшие секретные агенты выполняли вспомогательные функции под видом прислуги, дворников, посыльных, наемной прислуги (швейцаров и лакеев). Для сбора информации можно было привлекать прислугу гостиниц и ресторанов и даже слуг «в частных домах». Секретной агентуре необходимо было располагать своими извозчиками, несколькими хорошими верховыми лошадьми. Вооружить секретных агентов предполагалось револьверами и кастетами, но оговаривалось, что их применение возможно только в исключительных случаях. При этом агентам категорически запрещалось «раскрываться» в конкретных ситуациях и происшествиях — они должны были играть частных лиц, защищающих государя.

После выяснения всех нюансов Александр III согласился с доводами И. И. Воронцова-Дашкова. 11 августа 1881 года проекты штатов охранных структур были утверждены в рамках «Положения об охране Его Величества». 3 сентября 1881 года именным указом состоялось назначение генерал-майора Свиты Его Величества Петра Александровича Черевина на должность Главного начальника охраны. Тогда же, в сентябре, был отправлен в отставку заведующий Зимним дворцом генерал-майор Дельсаль. 1 октября 1881 года новым начальником Дворцовой полиции был назначен полковник Зиновьев, к которому перешли все функции полицмейстера Зимнего дворца по охране царских резиденций и царя, находящегося в них[7].

В результате этих принципиальных решений ключевую роль в охране императора стали играть новые люди. Так, начальник Секретной части Охраны Его Императорского Величества подполковник Ширинкин начал службу в офицерских чинах с 1862 года. Чин подполковника он получил 30 августа 1880 года. В должности начальника Секретной части — фактически с 28 марта 1881 года[8].

Непосредственный начальник Ширинкина полковник Петр Васильевич Зиновьев родился в 1835 году, происходил из дворян Костромской губернии. Начал служить в офицерских чинах с мая 1855-го, участвовал в обороне Севастополя. Свою карьеру строил по полицейской части. В августе 1878 года стал приставом 1-й Адмиралтейской части, на территории которой располагался императорский Зимний дворец. Собственно придворная его карьера началась в апреле 1879 года. В его формулярном списке упоминается о «Всемилостивейшей награде за самопожертвование, выказанное 2 апреля 1879 года при угрожавшей опасности жизни Священной особы Государя Императора». Видимо, он находился на Дворцовой площади и принял участие в спасении императора, когда революционер-террорист Соловьев успел несколько раз выстрелить в Александра II. Уже 17 апреля 1879 года Зиновьев был произведен в подполковники, в июле 1879-го на воспитание трех сыновей ему было выдано денежное пособие в размере 300 рублей ежегодно на восемь лет. Кроме этого, германский император Вильгельм I пожаловал ему орден Прусской короны 4-го класса в июле 1880 года. В октябре 1880 года он был назначен начальником Полицейского резерва[9].

Ключевым элементом в структуре Дворцовой стражи стала реорганизованная в самостоятельную структуру Секретная часть. Официально с 11 июня 1881 года ее возглавил подполковник Отдельного корпуса жандармов Е. Н. Ширинкин, который на годы стал правой рукой П. А. Черевина. Его предложения, высказанные в мае 1881 года, в целом были приняты. Однако вместо первоначально предлагавшихся 70 человек общее число сотрудников Секретной части было установлено в 28 человек[10], но жалованье им выплачивалось на порядок выше. Из них оперативных работников насчи-


Положеніе объ охранѣ Его Императорскаго Величества.

Во главѣ охраны стоитъ Главный Начальникъ Охраны Его Императорскаго Величества, назначаемый Высочайшимъ Указомъ Правительствующему Сенату.

Главный Начальникъ непосредственно получаетъ Его Величеству. Имѣетъ у Государя Императора личный докладъ.

Всѣ вѣдомства и учрежденія Имперіи должны немедленно исполнять требованіе Главнаго Начальника Охраны Его Величества относительно принятія мѣръ къ обезпеченію безопасности Особы Государя Императора.

Сведѣнія о замышляемомъ покушеніи на особу Императора собранныя разными агентами правительственныхъ учрежденій немедленно сообщаются Главному Начальнику.

Главному Начальнику предоставляется назначать къ руководству подчиненныхъ ему лицъ и управленій особыя инструкціи.

Для исполненія различныхъ порученій Главнаго Начальника, въ его распоряженіе формируются, выбран

Положение об охране Его Императорского Величества.
1881 г.

тывалось 25 человек, в том числе 15 стражников, чья задача сводилась к «фактическому охранению царя». Стражники набирались из гвардейских отставников, но были и отставной поручик, и отставной майор. Десять агентов вели скрытое наблюдение за публикой, приближавшейся к царю, и выявляли «посягательства на Его Особу». В их числе были выпускник Технологического института Ловицкий с окладом в 302 рубля в месяц (жалованье ординарного профессора императорского университета в это время составляло 3 тысячи рублей в год) и не имеющий чина Павиланис с окладом в 80 рублей. Во время пребывания Александра III в Петербурге агенты несли службу стражников, их же специальные обязанности переходили к агентам, состоявшим в ведении Департамента полиции и градоначальника.

К осени 1881 года организационное становление новых охранных структур, главной задачей которых было обеспечение безопасности царя от террористических актов, завершилось. С этого времени дело охраны получило совершенно отдельное и самостоятельное значение. Начальник охраны П. А. Черевин, пользовавшийся личным доверием Александра III и императрицы Марии Федоровны, быстро превратился в одну из главных фигур при новом дворе. Личное подчинение царю, право личного доклада у царя, безусловная преданность, отсутствие определенных границ его деятельности, требование ко всем ведомствам и учреждениям империи немедленно выполнять его распоряжения и сообщать ему всю информацию о возможных покушениях — все это делало его влияние весьма значительным. Под его непосредственным началом в 1881 году находились: Сводно-гвардейская рота, Дворцовая полицейская команда под началом полковника Зиновьева, включавшая Секретную часть во главе с подполковником Ширинкиным, и Железнодорожная инспекция во главе с полковником Л. Альбертовым. Собственный конвой и Дворцовая рота замыкались на министра императорского двора.

Поскольку Черевин выполнял секретарские и представительские функции, сопровождая царя, то постепенно каждодневная черновая работа по охране сосредоточилась в руках подполковника Ширинкина. Усиление влияния подполковника Ширинкина привело к тому, что 8 сентября 1884 года по представлению Черевина высочайшим повелением должность начальника Дворцовой полицейской команды была упразднена и полковника Зиновьева уволили (23 сентября 1884 года). Должности начальников Секретной части и Дворцовой полицейской команды были объединены и возложены на начальника Секретной части Ширинкина (уже полковника) с наименованием его начальником Дворцовой полиции[11]. Отдельная агентурная команда от Департамента полиции также была подчинена полковнику Ширинкину. Эта агентурная команда ведала регистрацией лиц, приезжавших в царские резиденции вне черты дворцовых зданий, и называлась «Охранная агентура, подведомственная Дворцовому коменданту». Все нити охраны сосредоточились в руках полковника Ширинкина.

Мемуаристы подтверждают, что Ширинкин являлся «фактическим руководителем» охраны. В 1894 году ему было «лет 50. Общительный, энергичный и проницательный, он был предан своему делу и служил идейно, так как располагал независимыми материальными средствами[12] и получаемым содержанием не интересовался. К нам, офицерам, Ширинкин относился с тою несколько покровительственною любезностью, которая свойственна лицам, твердо стоящим на высоком посту. Он часто приглашал нас к себе на обед или поиграть в карты и был хлебосольным и радушным хозяином»[13]. Надо добавить, что, радушно угощая офицеров армейской охраны, Ширинкин не забывал о своих обязанностях, пытаясь вербовать армейских офицеров.

Именно он вместе с П. А. Черевиным и И. И. Воронцовым-Дашковым превратили Дворцовую полицию в настоящую спецслужбу, и Е. Н. Ширинкин успешно руководил ею на протяжении 20 лет (до 1905 года).

СОБСТВЕННЫЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА СВОДНЫЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

Трагические события 1 марта 1881 года повлекли за собой создание новых органов государственной охраны, прежде всего для усиления охраны императорских резиденций. В их числе был и Собственный Его Императорского Величества сводный пехотный полк. Сначала это подразделение было создано в ротном составе.

Спустя всего несколько дней после убийства Александра II, по образцу почетного конвоя, охранявшего его во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, была сформирована Сводно-гвардейская рота. 22 марта ее уже выстроили у Аничкова дворца для смотра, на котором присутствовали, кроме царя (Александра III) и царицы, наследник Николай Александрович (будущий Николай II) и его брат Георгий Александрович. 23 марта на нее была возложена почти целиком охрана помещений в этом дворце.

17 ноября 1883 года рота была развернута в Сводно-гвардейский батальон, который 5 сентября 1907 года преобразован в Собственный Его Императорского Величества Сводный пехотный полк. 23 марта 1881 года стало днем основания этого подразделения.

Французский посол в России М. Палеолог пишет: «...Собственный полк Его Величества в составе четырех батальонов численностью в 5000 человек[14]; командиром полка являлся генерал Ресин. Набранные с особой тщательностью из всех гвардейских корпусов и имеющие потрясающий вид в своих простых мундирах, эти отборные пехотинцы обеспечивают охрану дворцовых ворот»[15].

Сводный полк — это военная организация специального назначения, пополнявшаяся отборными солдатами и лучшими, в смысле политической благонадежности, офицерами, причем представителями не только гвардейских частей и флота, но и армейских. Задачей этого подразделения было изыскание и проведение в жизнь всех способов охраны царского местопребывания: наблюдение не только за помещениями дворца и районом царских прогулок, но и за дворцовой прислугой, за проживавшими во дворце и всеми приходившими в него. В эту воинскую часть попадали солдаты только после тщательной проверки их прошлого. В 1907 году, в связи с развертыванием батальона в полк, петербургский губернатор предписывал (совершенно секретно) исправникам и полицмейстерам «с особым вниманием относиться к выполнению отдельных требований начальников губернских жандармских управлений и охранных отделений по делам специально предварительного обследования благонадежности предположенных к откомандированию в Сводный полк нижних чинов за все время до принятия их в военную службу».

В Александровском дворце Царского Села был установлен караул. В разное время караул несли лейб-гвардии Гусарский и лейб-гвардии Кирасирский полки, а также батальоны: 1-й и 2-й стрелковые и 4-й стрелковый императорской фамилии, кроме того, офицерская артиллерийская школа, до образования которой существовали образцовые конная и пешая батареи. В небольшой уездный город было стянуто и постоянно увеличивалось значительное количество войск. Войска эти пользовались существенными преимуществами перед армейскими частями, и, конечно, их содержание обходилось стране значительно дороже. В 1907 году министром внутренних дел, по соглашению с военным министром, был установлен «такой порядок, чтобы лица призывного возраста, намеченные уездными по воинской повинности присутствиями к зачислению в указанные воинские части (войска гвардии и 1-й Железнодорожный батальон. — *Ред.*), поступали туда лишь по предварительном засвидетельствовании их благонадежности местною жандармскою и наружною полицией».

Первое время командир Сводно-гвардейской роты подчинялся трем лицам: гофмаршалу двора генерал-адъютанту Зиновьеву, заведующему конторой детей Александра III генерал-лейтенанту Васильковскому и петербургскому коменданту генерал-лейтенанту Адельсону.

С переездом двора в Гатчину Сводно-гвардейская рота перешла в единоличное ведение главного начальника охраны царя, ему же были подчинены Собственный конвой, 1-й железнодорожный батальон и Дворцовая полиция. Положение об охране царя и штаты были утверждены 11 августа 1881 года.

18 марта 1881 года был назначен командир формирующегося подразделения лейб-гвардии Егерского полка флигель-адъютант полковник И. В. Богаевский, который и начал работу по организации охраны. Тогда же, в 1881 году, были впервые установлены так называемые пропускные посты, когда нашли необходимым ввести усиленное наблюдение за Арсенальным каре Гатчинского дворца, где располагались апартаменты царской семьи. Основной обязанностью этих постов было знать в лицо всех, допускавшихся во дворец.

В Петергофе, неся часть охраны дачи «Александрия», нижние чины Сводной роты в том же году принимали участие в практических упражнениях наследника по стрельбе и строю. Николай Александрович многих из них знал не только в лицо, но и по фамилии. Чины этой же роты несли тогда и охрану местности, где проводились упражнения. Эта военная часть всегда, до последних дней своего существования, пользовалась большими преимуществами перед другими и особым расположением последнего императора.

От личного состава этого специального подразделения требовались постоянное напряжение, сметливость, память, образцовое знание службы и умение быстро и толково отвечать на вопросы. Чины Сводного полка, находившиеся в карауле и на постах, снабжались особой инструкцией, основным положением которой было не пропускать через линию постов не известных часовым лиц. Из состава этой части выделялись особые присмотрщики и дневальные, обязанность которых заключалась в обходе и осмотре дворцовых помещений. Вообще охрана воинскими чинами с их суровой дисциплиной, а Сводного полка в особенности, считалась более действенной, чем всякая другая.

Сначала Николай II, приезжая в Царское Село, сравнительно свободно гулял по Александровскому и даже по Екатерининскому и Баболовскому паркам и ездил по городу. Семья же его совершала прогулки в экипажах и в окрестности города, заезжая в некоторые деревни. В 1905 году Александровский дворец Царского Села (царская семья переехала туда осенью 1904-го) превратился в постоянную резиденцию Николая II. Тогда же для Сводного полка были построены казармы неподалеку от дворца. В напряженный период 1905–1907 годов возглавлявшие дворцовую охрану лица не раз предупреждали царя о необходимости быть осторожнее ввиду возможных на него покушений. Хотя сам Николай II, как свидетельствовал П. В. Петров, преподаватель наследника, смерти не боялся и говорил, что верующий в Бога человек и не должен ее бояться.

Охрана в Царском Селе была организована тщательно, до мельчайших подробностей. Она оставалась комбинированной: охрану несли Дворцовая полиция, Собственный конвой, Царскосельский гарнизон и Сводный полк.

На 1-й подъезд дворца обычно приезжали начальствовавшие по Дворцовому управлению лица, о которых тотчас же сообщалось на пропускной пост. На время пребывания двора в Царском Селе пост охраны из подвала дворца перемещался в кухонный флигель на площадку при спуске в тоннель, а пост с 1-го подъезда переносился на 2-й, исключительно Собственный. Таким образом, если принять во внимание, что у ворот кухни стоял еще городовой, то каждый, попадавший во дворец указанным путем, проходил через тройную цепь охраны.

В Екатерининском дворце пост внутренней охраны устанавливался на подъезде гауптвахты, через который только и пропускались рабочие. Чины Сводного полка вели «шнуровую книгу» и сопровождали рабочих к месту работы с соблюдением всех установленных правил.

Охрану Александровского дворца обеспечивали 11 постов внутри него. Среди них были «особо ответственные» посты, как, например, пост № 1 — в подвале дворца при спуске в тоннель. Все проходившие через него посторонние рабочие записывались в постовую книгу, первый раз должны были являться с паспортом, с которого снималась копия и направлялась в паспортную контору для наведения справок по месту выдачи паспорта о благонадежности его владельца. В книгу заносилось также точное время прихода и

Чтение грамоты о пожаловании знамени Собственному Е. И. В. сводному пехотному полку.
Петергоф. Манеж. 1908 г.

ухода, при входе и выходе всех обыскивали. В ней отмечалось, к кому и куда направлялся пришедший и имя сопровождавшего. Низшие служащие, пользовавшиеся только этим входом, должны были иметь при себе служебные фотографические карточки, заверенные Дворцовой полицией; карточки имели и рабочие местных дворцовых мастерских. Такие карточки должны были иметь и все артисты казенных театров, не исключая знаменитостей, а равно и весь их технический и служебный персонал. Если по наведении справки о том или ином служащем или рабочем оказывалось, что не он сам, а даже его отдаленные родственники были когда-либо причастны к революционному движению, такой служащий или рабочий немедленно увольнялся.

Пропускной пункт располагал алфавитным списком всех служащих с указанием номеров фотографических карточек. Здесь дежурили семь присмотрщиков, которые выходили на звонки внутренних постов и докладывали обо всем дежурному офицеру. Последний в любой момент знал, где находилась царская семья, а также (через них же) знал поименно всех прибывавших во дворец и уезжавших из него. Наружные постовые у парковой ограды также сообщали по телефону о времени и месте пребывания царя в парке. В случае приезда кого-либо во дворец по срочному делу и при необходимости сообщить о нем царю дежурный офицер ехал на велосипеде в парк и докладывал императору о прибывшем.

Все выходы царя, царицы и их детей отмечались швейцаром или дежурным унтер-офицером и передавались в гофмаршальскую часть для занесения в журнал-дневник. На 1-м подъезде записывались в книгу и упаковывались все вещи, выносившиеся из дворца.

В Собственном коридоре, при входе в Палисандровую гостиную, справа у двери дежурил камердинер царицы и принимал всю ее корреспонденцию. Здесь же, но немного дальше, в часы обедов, завтраков и прогулок царских неотлучно находился арап; он открывал дверь при царском выходе и закрывал ее при возвращении; тот же арап из библиотечной залы, примыкающей к коридору, вел наблюдение в момент возвращения Николая II с прогулки.

В дни и часы приемов дежурили скороходы.

Был специальный пост, который не разрешал проходить на детскую половину; имелся пост, наблюдавший за всеми, уже известными ему лицами, проходившими в гардероб царя, и т. д. Посты выставлялись у угловой гостиной, у библиотеки, в Полукруглом зале. Во время богослужения выставлялся добавочный пост у двери из Красной столовой в дворцовую церковь.

На 3-м подъезде выставлялся пост во время приезда представлявшихся.

На 4-м подъезде был унтер-офицерский пост. Здесь велась книга для записи лиц, прибывавших к фрейлинам и командиру Сводного полка. В эту книгу заносилась фамилия прибывшего, часы его прихода и ухода, а также фамилия сопровождавшего присмотрщика. Прибывшее лицо обыкновенно «передавалось» присмотрщиком непосредственно командиру, фрейлине или прислуге. Когда посетитель уходил, то принимавший сопровождал его до поста или вызывал для этого присмотрщика.

Ходить внутри дворца посторонним лицам без сопровождавшего категорически не допускалось. На каждом посту, помимо телефона, на столике лежали инструкция и список лиц, подлежавших пропуску.

Был еще наружный пост (№ 11), особый — у царского балкона, против угловой гостиной, с южной стороны, унтер-офицерский, ответственный, дневной; в 7 часов вечера его заменяли двумя ночными, из которых один наблюдал за тропинкой от угла к флигелю кухни, а второй стоял под окнами спальни.

На 2-й подъезд (в вестибюль) в часы, когда царская семья ложилась спать, переводился на ночь казачий караул. От него выставлялись ночные посты с ружьями. Днем караульные находились в подвале в своем караульном помещении.

От местного гарнизона выставлялись четыре поста снаружи, которые, имея мало общего с собственной царской охраной, однако ее усиливали.

При Александре III, поскольку он в Царском Селе не жил, был только один пост у Полукруглого зала.

Александровский парк охранялся особыми наружными постами, рядовыми и ефрейторскими, выставлявшимися от Сводного полка вокруг парковой ограды с наружной стороны. Посты эти усиливались разъездами казаков конвоя и дежурными чинами Дворцовой полиции. В случае каких-либо затруднений все часовые Сводного полка обязывались обращаться по телефону к дежурному офицеру, а также сообщать ему о прохождении мимо своих постов членов царской семьи.

Часовой Сводного полка и дворцовый городовой разрешали проход в парк служащим и должностным лицам лишь через особо установленные на то ворота. Все пропускаемые в парк должны были иметь на руках личные фотографические карточки, заверенные в канцелярии дворцового коменданта. В обязанности конвойцев входило наблюдение за тем, чтобы кто-либо не проник в парк через

ограду. Они часто сопровождали прохожих и проезжих от одного поста до другого. Иногда же ночью, очнувшись от дремоты и увидев пешехода, летели до него галопом, пугая припозднившегося жителя Царского Села.

Решетка парка, когда Николай II приехал в Царское Село, была только по Дворцовой улице, от Лихачевских (Фермских) ворот до Малого каприза. Она состояла из ряда невысоких квадратного сеченья прутьев, законченных литыми еловыми шишками и не представлявших серьезной преграды. Летом 1905 года в отсутствие царя была поставлена вокруг всего Александровского парка ограда протяжением до пяти верст, окрашенная в зеленый цвет. Однако местные жители, сокращая путь через парк, не раз перелезали ее. В 1909 году дворцовым начальством решено было нарастить всю зеленую ограду. Наращивание было исполнено по проекту саперного офицера, служившего тогда в Сводном полку. Второй ярус состоял из звеньев железных уголков, связанных в рамку и заплетенных зигзагообразно колючей проволокой, с рядом заостренных пик по верхней части рамы. Звенья были укреплены посредством трубок, служивших продолжением колонок нижней решетки. Тогда же ограду окрасили в белый цвет, чтобы на ее фоне лучше было видно проходивших мимо людей. На мостах, соприкасавшихся с оградой, кроме обычного барьера, установили по краям, обращенным к парку, высокие решетки; под мостами, над уровнем воды, их подвешивали.

Николай II, якобы под впечатлением карикатур на него в заграничных журналах, изображавших его в клетке, а также шутливых высказываний родственников, приказал убрать верхний ярус, что и было исполнено в продолжение одной ночи.

Главные ворота с калитками против Малой улицы сделаны в 1898 году по одобренному царем рисунку архитектора С. А. Данини. Фонари поставлены по указанию царя же и взяты с других рисунков зодчего.

Нумерация постов (их было 18) вокруг Александровского парка начинается от Кузьминского шоссе (продолжение улицы Дворцовой) по направлению к ферме.

Пост № 1 — у ворот-калитки против 1-го подъезда дворца; здесь проезда и прохода не было, пропускались лишь свои полковые офицеры. Между первым и вторым постами, на закруглении решетки, был казачий разъезд или верховой казак.

Пост № 2 — у ворот против Федоровского городка; здесь же стоял дворцовый городовой. Через эти ворота пропускалась только царская семья; ими пользовались при выездах в павильон Собственной железнодорожной ветки и в Федоровский собор на богослужение. Между вторым и третьим постами — казачий разъезд.

Пост № 3 — у ворот против Ратной палаты; стоял и дворцовый городовой. Пропускались должностные лица, жившие в парке, и их семейства. Тут же допускались в парк садовники и рабочие, но лишь в сопровождении присмотрщиков из нижних чинов полка, по расчету шесть на одного. Между постами третьим и пятым, до добавочного поста — один казачий разъезд.

Пост № 4 — у ворот птичника возле фермы; дежурил и дворцовый городовой. Порядок пропуска тот же, что и на предыдущем.

Добавочный пост выставлялся между постами четвертым и пятым на углу, при повороте дорожки на станцию Александровскую, для наблюдения за местностью между ними; часовой ходил параллельно решетке, следя, чтобы через решетку никто не проник. Для удобства наблюдения были проложены дополнительные дорожки прямого направления.

В часы прогулок Николая II по парку выставлялись еще два поста, так как излюбленная царем тропинка проходила в этом месте почти возле ограды.

Между добавочным постом и Фотографическим павильоном — казачий разъезд.

Пост № 5 — у ворот Фотографического павильона; стоял и дворцовый городовой; этот пост служил, особенно до постройки Собственной ветки, для проезда царской семьи, когда она пользовалась для поездок по железной дороге станцией Александровской Варшавской линии.

Пост № 6 — у Готической караулки, против Баболовского парка (Красносельские ворота); стоял и городовой; пропускались жившие в парке и их семьи по особым удостоверениям, а также рабочие, но последние — с присмотрщиками.

Следующие ворота, против Баболовского же парка, были всегда закрыты, и пост возле них поэтому отсутствовал.

При проходе лиц, которым полагалось отдавать честь, часовой становился в глубь парка, оставляя перед собой дорожку и решетку, очевидно, для того чтобы ни на минуту не терять из поля зрения охраняемый участок.

На отдельных постах солдаты полка несли службу совместно с дворцовыми городовыми и казаками конвоя.

Пост № 7 — у калитки, против мостика через канавку в Баболовском парке, ефрейторский или рядовой. Ключ нахо-

Солдаты Собственного Е. И. В. сводного пехотного полка у казармы в «Александрии».
Петергоф. 1909 г.

дился у часового; пропускались во время прогулок царские дочери и фрейлины, бывавшие часто в Баболовском парке. Никакие другие лица правом прохода не пользовались.

Между шестым и седьмым постами в часы царских прогулок (от 2 до 5 часов пополудни) выставлялся дополнительный пост. Посты ставились и около теплиц вдоль решетки парка, и на углах, образуемых парковой оградой, и на мостиках, и у калиток. Пост на Китайском мосту производил так называемый роспуск рабочих. Здесь старший садовник к 8 часам утра собирал своих рабочих для уборки парка. Из них только мальчики (в числе 8–10 человек на каждый из трех участков Александровского парка) могли работать без присмотрщиков по расчистке дорожек от снега, уборке мусора и прополке травы летом. Из их числа преимущественно и пополнялись кадры рабочих.

К этому времени дежурный фельдфебель Сводного полка приводил присмотрщиков из нижних чинов в числе, сообщенном накануне садовником. Дворцовый городовой записывал всех присмотрщиков в свою пропускную книгу, а фельдфебель — в свою; потом рабочих группировали в расчете 5–6 человек на одного присмотрщика. Часовой Сводного полка каждого рабочего обыскивал, нет ли у него огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или даже письменных просьб на имя царя. В 11 часов, по окончании работ, присмотрщик мог выводить рабочих в какие угодно ворота, но сам должен был возвратиться к фельдфебелю с рапортом об окончании работ для соответствующей отметки в книге. Иногда рабочие вводились в парк днем, от 2 до 5 часов, тем же порядком.

Все прибывавшие во дворец пропускались почти исключительно через главные ворота. Великие князья могли пользоваться и другими воротами, поскольку их знали в лицо, но в случае сомнения могли задержать, тотчас сообщив об этом дежурному офицеру. О всех приездах должностных лиц, а также обо всех представлявшихся сведения давались заранее.

Солдаты Собственного Е. И. В. сводного пехотного полка в казарме.
Царское Село. 1912 г.

Охрана организовывалась несколько иначе, когда царская семья приезжала в Федоровский собор на богослужение. От Сводного полка посты выставлялись: первый — посреди собора, второй — с внутренней стороны у общего западного входа, ближайшего к южному фасаду, третий — снаружи, у входа с северной стороны в Пещерный храм. Четвертый пост был у входа — для духовенства, нижних чинов Сводного и Железнодорожного полков и конвоя, а также для некоторых приглашенных.

Во время императорского посещения богомольцы могли войти в храм только по специальным билетам.

Царские путешествия в финляндские шхеры[16] обходились без чинов Сводного полка, но при поездках в Крым, Скерневицы и Беловежскую Пущу из состава полка выделялись несколько человек для личной охраны царя и его семьи. Они занимали лишь внутренние посты в помещениях, все же остальные, наружные, выполняли воинские части местных гарнизонов.

Каждый раз перед приездом царской семьи в Царское Село (когда оно еще не стало постоянной царской резиденцией) производился самый тщательный осмотр дворца, Александровского парка и всех находящихся в нем сооружений. Осматривались дренажные трубы, при этом по ним пролезал капитан 2 ранга Ланг с двумя матросами из особой подвальной команды Сводно-гвардейского батальона, после чего решетки выходных к пруду отверстий запирались на замок и запечатывались.

Особая подвальная команда за полчаса перед общим обходом парка осматривала парковые здания. Нижний чин команды, обследовав порученное ему помещение и проверив всех живших в нем по списку, оставался у дверей этого здания до прибытия паркового дозора.

Если при осмотре жилых сторожевых домиков в парке обнаруживали не обозначенное в списке лицо, оно немедленно удалялось в сопровождении вооруженного нижнего чина за ограду парка. Осмотр Александровского

Молебен в Собственном Е. И. В. сводном пехотном полку.
С.-Петербург. 1908 г.

парка начинался со стороны Дворцовой улицы и ее продолжения — Подкапризовой дороги. В цепь выстраивались от 150 до 200 человек и проходили по всему парку дважды. Сейчас же выставлялись, начиная от исходного положения цепи, сторожевые посты вокруг решетки и у всех ворот парка. В обычных же ежедневных обходах принимали участие 25–30 человек, и тогда первый осмотр проводили в 6 часов утра и второй — в 12 часов дня.

Зимой цепь двигалась по расчищенным дорожкам и зорко следила за тем, чтобы не было на снегу свежих посторонних следов. Летом обращали внимание на кустарники, сучья деревьев, копны скошенного сена — словом, на все, что могло бы скрыть человека. Такой осмотр обычно занимал полчаса.

Для повседневного дежурства команды нижних чинов располагались в караульном помещении подвала Александровского дворца (рядом с пропускным постом), в Арсенале и небольшом деревянном домике-караулке (ныне уже не существующем) возле Фотографического павильона.

В дни царских приездов в Екатерининский дворец, связанных обычно с парадными обедами или торжественными приемами, за час-два до самого прибытия осматривали чердаки, подвалы и все помещения дворца дворцовой охраной. Но этим осмотром дело не ограничивалось. Прибывали чины Сводного полка и снова делали обход, устанавливая свои посты. Словом, все входы, через которые можно было бы проникнуть во дворец, где находился царь, ими бдительно охранялись.

На время пребывания царя во дворце ключи от всех запертых дверей находились у чинов Сводного полка.

Дежурная комната офицеров занимала часть подвала Александровского дворца, расположенную непосредственно под спальней царя и царицы, и была соединена с нею и кабинетом царя звонковой сетью. В спальне кнопка была на ночном столике, в кабинете (рядом с приемной) — на письменном столе. В этом же дворце в кабинете Александра III кнопка была на полу под письменным столом для ноги.

По тревожному звонку дежурный офицер и половина караула должны были выстроиться в коридоре первого этажа, между спальней и кабинетом, и тут же идти в то помещение, откуда последовал звонок. Случаи такой тре-

воги бывали, но лишь как результат простого недоразумения: как-то раз позвонила Анастасия ради детской шалости и второй — царица, положив случайно книгу на кнопку в спальне. Офицер вошел к ним в том и другом случае; его поблагодарили за беспокойство.

Дежурили обычно два офицера: один — по дворцу и второй — по наружным постам. Их дежурное помещение было связано телефонами со всеми наружными постами ограды и с дворцовой телефонной станцией. В случае приема в Екатерининском дворце туда назначался особый офицер.

В Царском Селе для офицеров и нижних чинов полка, а также для Собственного конвоя, Железнодорожного полка, Дворцовой полиции и других чинов охраны устраивалась в две смены в придворном манеже рождественская елка в присутствии царской семьи и многих придворных. В зале-галерее Екатерининского дворца царь христосовался со всей охраной на Пасху. Там же прощался, когда нижние чины уходили в запас. Во всех этих случаях все одаривались подарками.

С 27 октября 1908 года по понедельникам, средам и пятницам фельдфебель 1-й роты Сводного полка А. Курбатов доставлял в особых судках царю и наследнику пробу солдатской пищи. В остальные три дня недели приносили пробу конвойцы.

При Александре II на площади Екатерининского дворца в его присутствии устраивался по воскресеньям развод караула с церемонией.

При Александре III таких разводов не было, очевидно, после трагического инцидента — убийства Александра II во время его возвращения с развода из Михайловского манежа. Не было их и при Николае II.

Разводы караулов с церемонией, как видно из камер-фурьерских журналов и других исторических документов, больше других занимали Петра III и Павла I — отца и сына.

За более чем 35 лет существования этого воинского подразделения специального назначения сменились семь его командиров:

полковник Иван Венедиктович Богаевский
(18 марта 1881 — 8 октября 1883 года);

полковник Герман Германович Стенбок
(26 октября 1883 — 3 июля 1884 года);

полковник Петр Павлович Гессе
(4 июля 1884 — 22 ноября 1888 года);

В. А. Комаров

полковник Сергей Сергеевич Озеров
(23 ноября 1888 — 10 марта 1900 года);

генерал-майор Александр Николаевич Порецкий
(3 октября 1900 — 7 августа 1904 года);

полковник Владимир Александрович Комаров
(8 августа 1904 — 29 августа 1914 года);

генерал Алексей Алексеевич Ресин
(30 августа 1914 — 8 марта 1917 года).

8 марта 1917 года Временное правительство объявило об аресте царской семьи. В 4 часа дня с постов сняли солдат Сводного пехотного полка и конвойцев, заменив их часовыми запасных батальонов. С этого момента охранные функции Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка закончились.

СОБСТВЕННЫЙ ТРАНСПОРТ ИМПЕРАТОРА

1-й Железнодорожный полк и охрана царских поездов.
В 1870-е годы с ростом железнодорожной сети в России основным транспортом для поездок по стране российских императоров стали поезда. Эти поезда необходимо было содержать и обслуживать, а железнодорожные пути и путевое хозяйство на трассах прохождения императорского поезда контролировать. Именно в конце 1870-х годов были усилены меры безопасности при поездках царя по железным дорогам. Вся информация о его передвижениях была засекречена. Начали формировать два состава — царский поезд и свитский. Оба состава были совершенно одинаковыми. Их пускали то в одной последовательности, то в другой, чтобы скрыть, в каком именно поезде едет император. Появилась необходимость в особом подразделении, которым и стал созданный приказом по Военному ведомству 11 ноября 1876 года Военно-дорожный батальон.

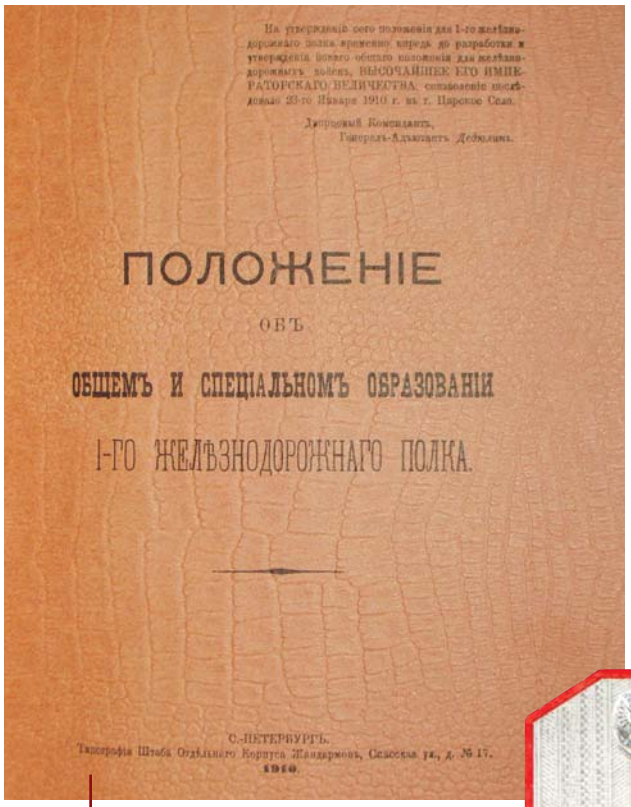
Командиром 1-го Железнодорожного батальона (так он стал называться с мая 1879 года) был подполковник Леонид Маркович Альбертов. В офицерских чинах службу начал в марте 1854 года (в 19 лет). Участвовал в Крымской войне 1853–1855 годов, в боевых операциях на Кавказе, русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Неоднократно награждался боевыми орденами: Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Анны 3-й степени с мечами, Св. Станислава 2-й степени с мечами. Во время русско-турецкой войны, в 1877 году, получил чин подполковника и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами.

11 августа 1881 года была образована Военная инспекция железных дорог во главе с военным инспектором (Л. М. Альбертовым), которому был подчинен 1-й Железнодорожный батальон.

В конце 1881 года Альбертов внес предложение, совершенно перестроившее систему охраны на железных дорогах, а именно: стягивать войска к полотну железной дороги во время следования императорского поезда с таким расчетом, чтобы под их контролем находилась буквально каждая сажень железнодорожного пути. Главной целью столь жесткой системы охраны было предотвращение минирования железнодорожного полотна, к чему неоднократно прибегали народовольцы в 1879 году. Начальник канцелярии Министерства императорского двора В. С. Кривенко упоминал, что поначалу ему это предложение показалось «фарсом, но... альбертовский проект был одобрен, проведен в жизнь и осуществлялся вплоть до революции. При каждой поездке царя требовалось большое напряжение целых военных округов для охраны»[17]. Хотя проект Альбертова (к этому времени уже полковника) и приняли, но его полномочия существенно урезали. По докладу П. А. Черевина высочайшим указом от 6 апреля 1882 года должность военного инспектора железных дорог ликвидировалась. Полковник Альбертов стал заведующим только охраной железнодорожных путей и подвижного состава. Техническая часть выделялась в особую структуру и подчинялась прикомандированному от Министерства путей сообщения инженеру. Заведование личным составом прислуги и надзор за внутренним порядком императорского поезда поручили начальнику Секретной части Дворцовой полиции подполковнику Е. Н. Ширинкину.

Впервые новую методу охраны царя на железных дорогах опробовали во время визита Александра III в Москву на Промышленную выставку в 1882 году. Новые правила охраны были регламентированы специальной инструкцией[18] с грифом «Не подлежит оглашению», подписанной министром внутренних дел графом Дм. Толстым и утвержденной Александром III 20 августа 1882 года. Железнодорожная жандармерия должна была жестко контролировать все население и работы вдоль полотна железных дорог. Для обеспечения безопасности «экстренных поездов чрезвычайной важности» ввели специальные пропуска («билеты») разных цветов. Такая практика контроля железнодорожного персонала через использование «билетов разных цветов» сохранялась до 1917 года. Так, в сентябре 1912 года, перед возвращением императорской семьи из Спалы в Царское Село, начальник Дворцовой полиции Б. А. Герарди сообщал инспектору императорских поездов, что требуются «73 билета красного цвета на замену ранее выданных таких же билетов желтого цвета чинам, обслуживающим императорские поезда». Кроме того, инструкцией предусматривалось, что за 10 минут до прохождения поезда всякое движение на переездах прекращалось, к полотну железной дороги запрещалось приближаться ближе, чем «на 100 саженей в обе стороны». Войска, несшие охрану, подчинялись жандармским офицерам. Вдоль Николаевской железной дороги сконцентрировали около 30 тысяч солдат.

В апреле 1883 года появились три инструкции, определявшие порядок охраны царских поездов. Первая — для чинов жандармских полицейских управлений. В ней уточнялись действия охраны при прохождении императорско-


На утвержденіе сего положенія для 1-го желѣзнодорожнаго полка временно впредь до разработки и утвержденія новаго общаго положенія для желѣзнодорожныхъ войскъ, ВЫСОЧАЙШЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволеніе послѣдовало 23-го Января 1910 г. въ г. Царское Село.

Дворцовый Комендантъ,
Генералъ-Адъютантъ Дедюлинъ.

ПОЛОЖЕНІЕ
ОБЪ
ОБЩЕМЪ И СПЕЦІАЛЬНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ
1-ГО ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО ПОЛКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Штаба Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ, Сергіевская ул., д. № 17.
1910.

Положение об общем и специальном образовании 1-го железнодорожного полка

Погон офицера Собственного Е. И. В. 1-го железнодорожного полка

го поезда[19], устанавливалось дополнительное жалованье жандармским унтер-офицерам при выполнении обязанностей по охране императорского поезда.

Вторая высочайше одобренная инструкция — чинам общей полиции — вменяла в их обязанность работать с населением прилегающих территорий, обращая внимание на всех «вновь прибывших» в населенные пункты, расположенные близ железных дорог. В инструкции предлагалось учитывать возможность «устройства подкопов, снятия рельс, укладывания каких-либо снарядов» на железнодорожное полотно и предотвращать таковые. Регламентировался также порядок привлечения местного населения для охраны полотна железной дороги, подбор жителей «по политической благонадежности лежит на ответственности общей полиции». Местным жителям так же, как и полиции, предписывалось обращать особое внимание на «леса и овраги» вдоль полотна и выставлять там особые посты. Также в зоне внимания должны были находиться ямы, рытвины, следы свежих земляных работ, канавы и трубы, проходящие под железнодорожным полотном. Однако местное население для охраны железнодорожного полотна использовалось редко.

Третья высочайше утвержденная в апреле 1883 года инструкция была обращена к войскам. В ней подчеркивалось, что охрана железнодорожного пути возлагается прежде всего на войска — пехоту и кавалерию. Устанавливалась норма плотности войск — «на каждую версту протяжения дороги приходилось в среднем не более как по 10 человек нижних чинов». В случае нападения на пост или открытого сопротивления солдатам предписывалось «отражать силу силою, причем употребляется в дело оружие без ответственности за последствия». За эту службу солдатам полагалось «провианта и приварочных денег по 15 коп. на каждого человека в сутки».

В апреле 1885 года было составлено «Дополнение к инструкции войскам, вызванным для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности». Войска, стянутые для охраны железнодорожных путей, должны были занимать три основных положения. Сначала их стягивали на станции железных дорог. Затем небольшими частями распределяли вдоль линии на важных пунктах для патрулирования промежутков между ними. Накануне прохождения царского поезда войска занимали линию постами и часовыми на расстоянии прямой видимости, «причем на линию выставляются все без исключения нижние чины, присланные на дорогу для охраны пути»[20]. Всем, несущим охрану, категорически предписывалось во время прохождения царского поезда смотреть не на поезд, а по обеим сторонам железнодорожного полотна.

Для охраны царского поезда в пригородах Петербурга привлекались гвардейские части, в которых служили молодые великие князья. Они, наряду с другими офицерами, несли службу по охране железнодорожного полотна. При этом никаких особых проявлений недовольства, судя по дневниковым записям, они себе не позволяли. Убийство Александра II заставило все поколения великих князей принимать дело охраны императора всерьез.

Императорский поезд

Чины Собственного Е. И. В. конвоя у императорского поезда

Раздражение гвардейцев вызывали обычная армейская бестолковщина и стремление к перестраховке: «Нам было велено оставаться *в третьем положении* (курсив наш. — *Ред.*), пока не придет приказание снять посты. Время шло да шло, а приказание не приходило... Все мы одинаково злились на начальство, у которого не хватает храбрости взять на себя решение снять посты, раз поезда чрезвычайной важности прошли благополучно. Людей заставляют стоять бессменно и бесцельно на постах только из боязни ответственности и тем, по-моему, подрывают и взгляд на дисциплину, и на добросовестное исполнение часовыми их обязанностей»[21].

Эти три инструкции действовали вплоть до июля 1891 года, когда высочайше была утверждена новая инструкция по охране императорских железнодорожных поездов при высочайших путешествиях, которая стала обязательной для жандармов, общей полиции и войск. Она объединяла наиболее важные положения предыдущих инструкций. Но в примечаниях отражены и новые требования. Например, в примечании к §3 указывалось, что постоянная охрана железных дорог к ближайшим от Петербурга высочайшим резиденциям возлагается на 1-й железнодорожный батальон, непосредственно подчинявшийся начальнику охраны царя генералу Черевину. Выполнение некоторых из примечаний требовало солидной технической оснащенности. Так, в примечании к §18 требовалось «тщательно исследовать» у железнодорожных мостов «дно реки». Вероятно, привлекали водолазов для осмотра дна десятков рек, которые пересекал царский поезд. В примечании к §24 предписывалось снабжать членов делегаций, представляющихся царю на остановках, соответствующими билетами-пропусками. Если же такие пропуска не успевали изготовить, то ответственность за публику, допускавшуюся для встречи с царем, возлагалась на местных губернаторов.

Последняя инструкция по охране императорских поездов была высочайше утверждена 15 июля 1896 года. Фактически она повторяла инструкцию 1891 года, поскольку от всех, охраняющих железнодорожное полотно, по-прежнему требовалось «по получении телеграммы Дворцового коменданта: стать в третье положение — барьеры должны быть заперты, после чего, безусловно, воспрещается не только переход или переезд через железные дороги где бы то ни было, но и приближение к пути и переездам ближе указанного расстояния, которое в открытой местности должно быть не менее 100 сажен».

После начала правления Николая II, когда постоянной загородной резиденцией царя стал Александровский дворец Царского Села, там начала возникать инфраструктура 1-го железнодорожного батальона. В 1895 году для приема императорских поездов, прибывавших в Большое Кузьмино через станцию Александровская, построили станцию Царский павильон, от которой до резиденции Николая II в Александровском дворце было всего около километра. В 1899 году начались работы по сооружению специальной императорской ветки железной дороги от Императорского павильона Витебского вокзала до Царского Села. «Собственная» железная дорога шла параллельно основной ветке, но после Средней Рогатки (в районе п. Шушары) от-

клонялась вправо, в направлении села Большое Кузьмино. Там построили специальный вокзал, вокруг которого располагались казармы и служебные помещения 1-го железнодорожного батальона. От вокзала до Александровского дворца проложили шоссе. Железнодорожное движение на этой ветке началось в 1902 году. По ней в Царское Село отправлялись члены императорской фамилии и представители иностранных держав. К этому времени парк императорских железнодорожных составов достиг пяти единиц.

К 1903 году на Собственной императорской станции в Царском Селе построили вокзал с платформой (длина 200 м, в том числе крытая — 100 м), две казармы 1-го железнодорожного батальона со вспомогательными службами, паровозный поворотный круг диаметром 20 м, сторожевые и стрелочные будки, железнодорожные пути с четырьмя стрелочными переводами.

В связи с увеличением парка императорских поездов и объема работ по их техническому обслуживанию и ремонту в 1908 году был разработан проект реконструкции всей станции. Ее расширили, к ней проложили еще две шоссейные дороги: Липовая аллея от Александровского дворца и дорога вдоль железнодорожных путей в Царское Село (в настоящее время Академическая улица). Дорога Большое Кузьмино — Александровская пересекалась семью железнодорожными путями. Усовершенствовали поворотный паровозный круг, число стрелочных переводов достигло 21, расширили и количественно увеличили казармы, вспомогательные сооружения, появились новые платформы.

В 1909 году Железнодорожный батальон развернули до численности полка. Железнодорожным полком сначала командовал генерал-майор В. А. Василевский, а затем генерал-майор С. А. Цабель. При дворцовом коменданте Дедюлине Железнодорожный полк состоял из двух батальонов. При дворцовом коменданте Воейкове полк развернули до 6-батальонного состава.

В 1912 году рядом со старым фундаментом сгоревшей в январе 1911 года станции соорудили новый Императорский павильон, или Царский вокзал. Он был выстроен в столь любимом Николаем II «неорусском» стиле, что и постройки Федоровского городка, Ратной палаты и казарм Собственного конвоя.

До 1917 года безопасность российских железных дорог обеспечивала система железнодорожных жандармских полицейских управлений, подчиненная Департаменту полиции Министерства внутренних дел. Каждая станция и относящийся к ней отрезок пути находились под контролем специального унтер-офицера этой железнодорожной жандармерии.

Станционный жандарм следил также за исправностью путей, сохранностью пломб на вагонах, правильностью составления грузовой документации, оформлял протоколы о проверке груза при его выгрузке, а также на доставленных к нему безбилетников, контролировал, чтобы поездная бригада во время работы была трезвой и т. д. Он обеспечивал бесперебойное функционирование вверенного ему железнодорожного участка.

Поставляемые в императорский поезд дрова станционный жандарм обязан был осмотреть: террористы могли высверлить в бревне или полене отверстия, заложив туда динамитные патроны. У «проверенных» дров унтер-офицер обязан был поставить часового. Если при прохождении императорского поезда на путях вдруг появился бы какой-нибудь «самодвижущийся аппарат», то военные должны были подбросить под него заранее приготовленные шпалы, обстрелять его головную часть, в которой могла находиться взрывчатка.

Собственная Императорская станция в Царском Селе

В годы первой русской революции режимные меры, связанные с поездками по железной дороге, ужесточались: это касалось, прежде всего, обеспечения секретности подготовки таких поездок.

М. Палеолог отмечал: «В дополнение к... кавалерийским и пехотным контингентам генерал Воейков имеет в своем распоряжении специальное подразделение — Железнодорожный полк Его Величества численностью в

В. Н. Воейков

1000 человек... Этот полк... обеспечивает эксплуатацию императорских поездов во время поездок монархов по стране и наблюдение за состоянием железнодорожных путей. Этот полк выполняет важнейшую задачу, поскольку идея «взорвать царский поезд» является одной из тех, что завладели умами русских анархистов. Совсем недавно одному из них удалось укрыться под вагоном с бомбой в кармане».

Таким образом, начиная с 1882 года последовательно вводились жесткие, трудоемкие, но достаточно эффективные меры, позволившие сделать путешествия императорской семьи по железным дорогам безопасными. Покушения осени 1879 года на Александра II так и остались единственными реализованными попытками подрыва императорского поезда.

В начале 1914 года в систему охраны царя на железных дорогах было внесено важное новшество. Началась работа межведомственной комиссии под председательством В. Ф. Джунковского по пересмотру порядка охраны железнодорожных путей и императорского поезда. Комиссия выработала новую систему охраны, отказавшись от привлечения воинских частей. Непосредственная охрана возлагалась на Корпус жандармов, которому были подчинены воинские части, вызывавшиеся только по мере необходимости. Инструкция по охране железнодорожного пути в упрощенном виде вступила в силу в феврале 1914 года. Как это ни странно, она вызвала бурю возмущения в военных кругах, где за прошедшие 35 лет выработалась определенная привычка к традиционной системе охраны императорского поезда. Армия рассматривала новую инструкцию как обидное устранение ее от дела охраны царя[22].

Собственный Его Императорского Величества гараж. 1907–1917 годы.

Автомобили появились в повседневной жизни царской семьи благодаря флигель-адъютанту князю Владимиру Николаевичу Орлову, который в 1903 году впервые подъехал к Александровскому дворцу Царского Села на своей машине. Для царя знакомство с подобными техническими новинками началось еще летом 1895 года, когда в Петергофе ему показали «паровой велосипед». Им оказался французский паровой мотоцикл фирмы «Millet», выпущенный в 1893 году.

В начале XX века автомобили быстро входили в повседневную жизнь состоятельных людей России. Так, Николай II записал в дневнике 12 мая 1904 года: «В среду, к обеду, приезжал в Царское Село Миша[23] из лагеря[24] на автомобиле». В этой фразе царь впервые использовал термин «автомобиль», до этого, как правило, он употреблял термин «мотор». Из окружения Николая II первыми в 1901–1902 годах приобрели автомобили (французские «Серполе») министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс и великий князь Дмитрий Константинович. Во время поездок царской семьи в Германию они начали совершать регулярные прогулки по пригородам Наугейма на автомобиле брата императрицы гессенского герцога Эрнеста.

Постоянные поездки на автомобилях российский монарх начал только с 1905 года. Николай II настороженно воспринял эту новую технику, но после пробной поездки усадил в автомобиль и императрицу Александру Федоровну. Новинка настолько понравилась царю, что он совершал поездки на автомобиле практически каждый день. Князь Орлов, не желая подвергать жизнь царя опасности, сам садился за руль, превращаясь в императрского шофера. Он записал в своем дневнике весной 1905 года: «Государь полюбил автомобиль и решил приобрести себе тоже несколько штук»[25]. Аристократический бомонд Петербурга немедленно отреагировал на эту новость слуха-

ми. Так, близкая ко двору генеральша А. В. Богданович записала в дневнике 16 августа 1906 года: «Фаворит же теперь кн. Орлов, который ежедневно катает царскую чету в своем автомобиле. Это единственное теперь их увлечение и развлечение»[26].

Вопрос о приобретении автомобилей был согласован с министром императорского двора Фредериксом. За приобретение автомобилей для царского гаража отвечал князь Орлов.

Первые автомобили, закупленные Орловым, появились в Александровском дворце Царского Села в конце 1905 года. Это были французские и немецкие автомобили. Во Франции приобрели представительский лимузин (фаэтон) фирмы «Delaunnay-Belleville». Его использовали для поездок по пригородам и Петербургу. Для дальних поездок было несколько быстроходных автомобилей фирмы «Mercedes» модификации «16–40». Если автомобиль «Delaunnay-Belleville» поражал роскошью, то автомобили «Mercedes» уже тогда считались одними из самых быстроходных (85 миль в час). Именно эти машины положили начало автомобильному парку императорского гаража.

К концу 1906 года в гараже было уже шесть автомобилей, которые обошлись казне в 100 тысяч рублей. С этого времени затраты на оборудование гаража и закупку автомобилей постоянно росли.

Императорский гараж «в виде опыта» создали в Царском Селе и Петергофе в 1905 году, а в 1906-м он приобрел официальный статус.

Парк автомобилей постоянно увеличивался, и возникла необходимость решать кадровые проблемы. Князь Орлов выступил инициатором открытия Императорской школы шоферов. Он же подобрал личного шофера Николаю II, им стал француз с безупречными рекомендациями — 25-летний Адольф Кегресс.

В 1908 году царь потратил на гараж 69 700 рублей; в 1909-м — 65 000; в 1910-м — 33 000. Самые значительные затраты пришлись на 1911 год — 96 681 рубль. К 1911–1912 годам сумма затрат стабилизировалась на уровне 58 600 рублей. По самым скромным подсчетам, с 1905 по 1912 год на приобретение автомобилей и оборудование императорских гаражей Министерством императорского двора было потрачено около 550 тысяч рублей. На эти средства не только приобретались автомобили, но и строились новые помещения для них. Гаражи появились в Царском Селе, Петергофе, Зимнем и Аничковом дворцах в Петербурге, Гатчине, Ливадии.

В феврале 1907 года руководителем гаража (автомобильной части) назначили князя Орлова. К 1910 году императорский гараж насчитывал 21 автомобиль различных модификаций. Среди них — пять открытых автомобилей-ландо, предназначенных лично для Николая II и его семьи. Император предпочитал именно открытые автомобили, это объясняется не «вкусовым», а политическим выбором: он считал, что царь должен быть виден народу, хотя охрана многократно убеждала его передвигаться по городу в закрытом автомобиле.

Николай II любил роскошные французские автомобили фирмы «Delaunnay-Belleville», выпустившей свой первый автомобиль в 1904 году. Цилиндрическая форма его капота напоминала о корнях компании, которая до этого занималась изготовлением котлов для локомотивов.

К 1907 году высочайшее качество лимузинов «Delaunnay-Belleville» сделали их популярными в аристократической среде европейских монархических дворов. В 1909 году по заказу российского императорского двора фирма изготовила специальную версию автомобиля. Она была обозначена как «Delaunnay-Belleville —70 S. M. T». Сокращение S. M. T. — от французского Sa Majesté le Tsar (Его Величество Царь). Мощные и надежные автомобили весом в 4 тонны с двигателем в 70 л. с. (объем двигателя 11,5 л., 6 цилиндров) были способны развивать скорость до 100 км в час.

Управление царским автомобилем осложнялось тем, что вместо обычных трех педалей их было девять: две педали для левого и правого тормозов, «горный тормоз, или упор», акселератор, усиленная подача масла в мотор, пневматический свисток. Кроме того, имелись рычаги пускового устройства, пневмодомкрата, подкачки шин. Вся эта система работала на сжатом воздухе, поступавшем от специальных баллонов. Запускался автомобиль также сжатым воздухом. Машина могла бесшумно трогаться с места и проехать только на запасе сжатого воздуха несколько километров. По сравнению с образцами той же фирмы, закупленными в 1906 году, это были более совершенные модели. Так, на них использовалась не цепная передача от двигателя к колесам, а карданная.

Естественно, заказы русского императорского двора были престижны для «Delaunnay-Belleville», поэтому автомобили «S. M. T.» изготавливались очень тщательно и с максимальной роскошью.

В Царскосельском гараже, кроме личных автомобилей императора, стояли еще десять автомобилей для его свиты. Среди них — три немецких автомобиля «Mercedes»

(модификация «16–40»), три французских автомобиля фирм «Delaunnay-Belleville», «Panhard-Levassor», «Serex» и один английский автомобиль. В гараже имелись и отечественные автомобили фирм «Lessner» и «Руссо-Балт», последние были самыми роскошными отечественными автомобилями. На пробке радиатора «Руссо-Балт» завод имел право устанавливать фигурку двуглавого орла — символа Российской империи. Все эти «свитские» автомобили приобретены за период с 1906 по 1910 год.

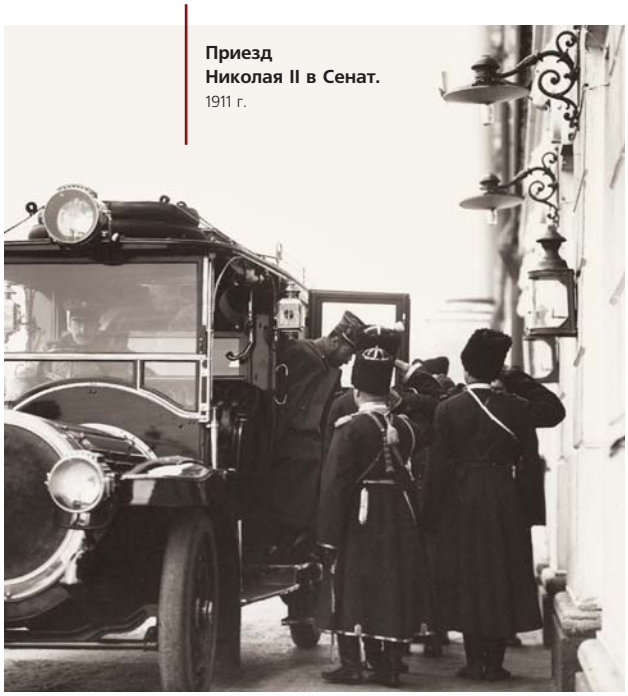
Поскольку со временем поездки начали предприниматься на большие расстояния, а императора по протоколу сопровождало множество лиц, то наряду с обычными автомобилями приобрели четыре грузовика-трейлера с кроватями. За казенный счет покупались автомобили и для должностных лиц. Так, в распоряжении дворцового коменданта было два автомобиля «Mercedes». В 1910 году ежегодное содержание Собственного гаража обходилось Министерству императорского двора в 126 тысяч рублей.

Для обслуживания этой техники в гараже работал 21 водитель (по одному водителю на каждый автомобиль). К 1910 году автомобили прочно вошли в повседневную жизнь императорской семьи. К ним быстро привыкли, хотя поначалу при их использовании возникали недоразумения, автомобильные «катастрофы» того времени. Вид механических «чудовищ» на дорогах приводил в неистовство лошадей и коров, которые становились неуправляемыми. Подчас император лично компенсировал пострадавшим испорченный товар из перевернутых телег или распоряжался об отправке в больницу пострадавших[27].

Гараж продолжал развиваться. В 1911–1912 годах для него приобрели еще 14 современных автомобилей различного класса: четыре открытых автомобиля-ландо, пять фаэтонов и два автобуса. В гараже появился гоночный четырехцилиндровый «Mercedes», приобретенный в 1910 году, скорее всего, для нужд личной охраны царя, сопровождавшей его во всех поездках. В 1913 году даже девятилетнему цесаревичу Алексею подарили крохотный двухместный автомобиль «Bebe Peugeot»[28].

В июне 1912 года Собственный Его Императорского Величества гараж подчинили управляющему Придворной конюшенной частью фон А. А. Гринвальду[29]. Это был

Царский автомобиль «Руссо-Балт» на лыжах



Приезд Николая II в Сенат.
1911 г.

А. Кегресс за рулем императорского автомобиля.
Царское Село

компромисс с В. Н. Орловым. С одной стороны, «лошадник» Гринвальд не вмешивался в дела гаража, и Орлов продолжал оставаться его неофициальным руководителем. С другой стороны, формальное подчинение гаража конюшенной части давало право на финансовый контроль за деятельностью гаража со стороны Министерства императорского двора.

Повседневная жизнь императорского гаража порождала множество проблем. Прежде всего, это оказались кадровые проблемы, связанные с поиском квалифицированных водителей и грамотных техников по обслуживанию автомобилей. В то время никакого автомобильного сервиса, естественно, не было, и от водителей требовалось не только умение прекрасно водить машину, быть в состоянии определить характер и место неисправности, но и исправить ее. Эти задачи решала Императорская школа шоферов.

Использование автомобилей в повседневной жизни императорской семьи заставило внести серьезные изменения в систему «подвижной охраны» царя. Традиционная лошадь и автомобиль не всегда «уживались» друг с другом. Например, на охрану автомобильной дороги от Спалы до Скерневиц протяжением по шоссе в 59 верст выделялись три жандармских и пять полицейских офицеров, 38 конных стражников, три эскадрона кавалерии, сотня казаков, а также 224 пеших стражника.

Чинам подвижных отрядов охранной агентуры в период «высочайшего проследования» вменялось в обязанность «соединять отдельно идущие подводы в обозы» и «удалять их шагов на 25 в сторону от дороги (перекрестка), заставляя возниц держать лошадей под уздцы». В особых случаях требовалось «обставить» пугливых лошадей особыми ограждениями. К шоферам и пассажирам задержанных охраной автомобилей предъявлялось требование «оставить места сидений и стать в стороне от машин также шагах в 25 от дороги». Из-за пугливости лошадей пришлось отказаться от конных нарядов, предназначенных для контроля участков дороги. Вместо них стали использовать агентов-велосипедистов.

С увеличением числа автомобилей в столице появились первые нормативные документы, определявшие порядок действий полиции и охраны при обеспечении высочайших проездов. В таких случаях на перекрестках улиц дежурили офицеры и околоточные надзиратели, а постовую службу дополнительно усиливали городовыми. При приближении к перекрестку высочайшего экипажа («мотора») заблаговременно останавливали всякое движение; переход и переезд через улицы ни в коем случае не допускались. «Остановка движения, — говорила инструкция чинам охраны, — производится поднятием городовым трости по сигналу старших чинов в тот момент, когда

высочайший экипаж («мотор») будет виден». Однако оговаривалось, что «слишком ранняя остановка движения не должна допускаться во избежание скопления экипажей и публики».

На трассах проезда охраняемых лиц агенты охраны должны были тщательно осматривать все овраги, канавы, мосты и т. п., находившиеся на расстоянии до ста саженей от пути следования высочайших особ. Однако технический прогресс вносил свои изменения, требуя не только визуального осмотра трассы, но и квалифицированного инспектирования технических сооружений, особенно мостов. В Инструкции чинам отряда подвижной агентуры за 1914 год (§ 59) отмечается: «Заметив какую-либо опасную для проследования неисправность в дороге, агент, если может, устраняет ее, если выполнить того не может, дает знать ближайшему чину общей полиции, обходному и начальнику участка, сам же становится у места порчи, дабы при приближении экипажа с охраняемым лицом указать, где объехать испорченное место, или даже, если понадобится, остановить экипаж».

Для введения террористов в заблуждение стали использовать различные конспиративные приемы. В документе, подписанном 10 марта 1910 года товарищем министра внутренних дел генералом П. Г. Курловым, говорится: «Номера на автомобилях менять возможно чаще, шоферы обязаны разнообразить одежду и головные уборы». Охране премьера П. А. Столыпина, чью безопасность обеспечивало специальное подразделение МВД, например, предписывалось, чтобы «автомобиль подавался не так, как это принято теперь, за 5 минут до отъезда, а разновременно. Необходимо иногда ставить автомобиль у подъезда без надобности в поездке и выезжать в город пустому автомобилю».

В обязанности дворцового коменданта входила проверка политической и нравственной благонадежности лиц, поступающих на службу в императорский гараж. Проверку проходили все служащие гаража — от заведующего технической частью и шоферов императора до мыльщиков и маляров.

Службы, занимавшиеся обеспечением личной безопасности императора, требовали от водителей максимального внимания при перевозке членов императорской фамилии. Царь, как уже отмечалось, предпочитал открытые лимузины, поэтому водители должны были быть готовы к решительным действиям для спасения пассажиров при возможном покушении. Сама вероятность такого покушения после революционных событий 1905–1907 годов рассматривалась как вполне реальная. Однажды учитель французского языка П. Жильяр и цесаревич Алексей

Николай II у автомобиля.
Царское Село.

попали в одну из первых пробок в Петербурге. Поскольку они ехали в открытом автомобиле, прохожие, узнав цесаревича, мгновенно окружили автомобиль, который с трудом выбрался из толпы.

Шоферов в России в то время было немного. Квалифицированный водитель из Царскосельского гаража мог легко устроиться к любому титулованному хозяину на большое жалованье. Поэтому их старались удержать на службе в Министерстве двора высоким жалованьем, включавшим так называемые столовые и квартирные деньги.

Были и другие проблемы в жизни Собственного гаража. Одна из них касалась формы водителей и механиков. В императорской России форма традиционно играла очень важную роль. Поскольку в недрах Министерства императорского двора нарождалась новая структура с определенным штатом, то ее сотрудников необходимо было одеть.

Осенью 1906 года князь Орлов представил свой вариант образца униформы для водителей на рассмотрение императрице Александре Федоровне, которая высказала пожелание, чтобы она была скромной, не привлекающей лишнего внимания, и предложила свой вариант, который в итоге и приняли: обычная лакейская ливрея с позолотой, высоким воротником, серебряными и золотыми шнурами. Такая униформа придавала водителям гаража вид обычной дворцовой прислуги. Считая себя рабочей аристократией, водители и механики оскорбились. Они гордились своей квалификацией, высокой ответственностью и редкой по тем временам профессией. Форма в военном стиле, как они считали, больше подходила для их профессии. Руководители механического и экономического отделов гаража, а также водители (6 человек), механики (7 человек), мойщики (9 человек) отрицательно отнеслись к предлагаемой им униформе. Однако в октябре 1907 года ее утвердили для работников «Личного Гаража Его Императорского Величества»[30], но уже в 1910 году, когда составлялось Положение об императорском гараже, был принят новый вариант униформы для его работников. Министр императорского двора Фредерикс лично подписал записку об «Униформе рабочих Личного гаража Его Величества». За ее основу взяли форму военного чиновника. Шоферы, возившие императора и его ближайшее окружение, имели повседневную униформу из шерстяной диагонали цвета хаки. Парадная униформа отличалась от повседневной золотым шнуром вокруг отложного воротника с гербом на петлицах. Из диагонали шили брюки и форменное кепи с императорской короной. Униформу дополняли высокие кожаные ботинки на шнуровке, черные парадные ботинки, длинные перчатки-краги и рукавицы на меховой подкладке. Зимнее и осеннее пальто также шили из диагонали цвета хаки с золотыми петлицами на бобровом воротнике. В комплект формы входили водонепроницаемый летний плащ цвета хаки, кашемировый жакет цвета хаки с золотым шнуром, гербом и красной подкладкой, галифе из кашемировой ткани цвета хаки, кашемировое кепи с короной. Диагоналевая ткань зимнего пальто была подбита овчиной. Воротник пальто тоже был из овчины.

Офицер Собственного Е. И. В. полка у императорского автомобиля.
Царское Село. До 1914 г.

Униформа водителей грузовиков была серого цвета (китель, галифе и кепи), к ней полагались черные высокие ботинки, перчатки-краги, рукавицы на меховой подкладке. На пальто с меховой подкладкой пристегивался бобровый воротник, на голову надевалась черная овчинная папаха. Серая тужурка была отделана красным шнуром. Для рабочих гаража форма шилась из ткани синего цвета. Окончательно вопросы, связанные с организацией, управлением и формой, были решены к 1914 году с принятием последнего Положения об управлении Собственным Его Величества гаражом и штата управления[31]. К этому времени по штату в гараже работало всего 80 человек[32].

Николай II
у автомобиля «Delaunay-Belleville» в Ставке

Но жизнь постоянно подбрасывала новые проблемы. Так как автомобили необходимо было возить вслед за императором и по железной дороге, то сначала для этого использовались обычные открытые платформы. В феврале 1914 года приняли решение о строительстве специальных вагонов-гаражей для перевозки императорских автомобилей. Были изготовлены два четырехосных вагона, каждый длиной 20 метров. Закрытый гараж вмещал пять автомобилей, подсобные помещения для ремонта, запчастей и горючего. Вагон-гараж прицеплялся к хвосту императорского состава. Автомобили выезжали из него по специальным металлическим съездам в торце вагона. Работу над этим заказом резко ускорили со вступлением России 19 июля (1 августа по н. с.) 1914 года в мировую войну. С сентября 1914 года Николай II регулярно выезжал на фронт. Вагон-гараж перегнали в Царское Село в марте 1915 года и в августе подписали акт его приемки. В августе 1915 года Николай II принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, и его поездки по фронтам стали постоянными. В это время императорским гаражом заведовал В. Шоффер[33]. Личным водителем императора по-прежнему оставался А. Кегресс.

Гараж императора продолжал увеличиваться и в годы войны, но не за счет роскошных автомобилей, а тех, которые могли понадобиться в условиях войны. Так, зимой 1915–1916 годов для царя был разработан автомобиль-сани. Одну из двух изготовленных машин передали полковнику А. И. Спиридовичу. К началу 1916 года в императорском гараже находилось 56 автомобилей. Среди них было 9 личных автомобилей Николая II, 19 автомобилей для свиты, 3 фельдъегерских автомобиля, 15 хозяйственных и 10 автомобилей для придворных[34].

Оснащались различными транспортными средствами и подразделения государственной охраны. У них был собственный гараж. В 1917 году в распоряжении дворцовых городовых и агентов Дворцовой полиции находилось до 200 велосипедов, до 25 мотоциклов, несколько автомобилей. Для хранения этой техники был устроен специальный гараж, находившийся на Магазейной улице в Царском Селе.

ДВОРЦОВАЯ ПОЛИЦИЯ

Фундамент Дворцовой полиции был заложен в декабре 1861 года с образованием особой Дворцовой городовой стражи. Это были отдельные комендатуры по охране зданий и территорий императорских дворцов. Позднее эти комендатуры объединили в структуру под названием Дворцовая полицейская команда. В 1881 году в ходе реформы подразделений государственной охраны произошли изменения и в этой структуре. В результате был увеличен штат Дворцовой стражи (так стало называться это подразделение), создана ее Секретная часть, и в сентябре 1884-го, после очередной реорганизации, образована Дворцовая полиция во главе с полковником Е. Н. Ширинкиным.

Подразделение Дворцовой полиции при Александре III быстро встало на ноги. Вся информация, связанная с возможностью покушений на императора, стекалась именно в Дворцовую полицию. Так, многочисленные доброжелатели охотно делились реальной или вымышленной информацией о подготовке новых покушений. В архивных фондах хранится много писем «о готовящихся покушениях нигилистов»[35], о планах «по охране жизни царя» [36], донесения агентов «о тайных наблюдениях за офицерами, внушавшими подозрения своим поведением»[37], и т. д. Все эти письма передавались для проверки руководителю охраны Александра III П. А. Черевину, но фактически ими занимался начальник Дворцовой полиции полковник Ширинкин.

В 1880–1890-х годах Дворцовая полиция не только охраняла императорские резиденции, но и в случае необходимости сопровождала императора и лиц, близких ко двору. Так, во время поездки императрицы Марии Федоровны в 1894 году в Абас-Туман к больному сыну, великому князю Георгию Александровичу, приглашенного для консультаций профессора Г. А. Захарьина сопровождал агент Дворцовой полиции Лащенко.

Александр III воспринимал охрану как неизбежное зло. После того как ситуацию в стране удалось стабилизировать, внешние признаки охраны постарались свести к минимуму. В любимой резиденции царя Гатчине вся охрана носила скрытый характер. Один из мемуаристов вспоминал, что во время ночных рыбалок на гатчинском озере императора сопровождала «особая охрана, обычно в составе 20 человек. Команда эта всегда вверялась, как правило, унтер-офицеру — камердинеру, причем только он один имел право идти за лодкой по берегу, солдаты же, входившие в состав команды, обязаны были, не показываясь, следовать за императором, скрываясь в кустах»[38]. Генерал Н. А. Епанчин также свидетельствовал, что «Александр III терпеть не мог охраны, и в Гатчине, а также и в других местах его пребывания охранники должны были тщательно скрываться от царя»[39].

Это подтверждается и эпизодом, приведенным в «Истории Дворцовой полиции»: «Однажды у Его Величества во время прогулки с семьей в Гатчинском парке не оказалось спичек для закуривания папиросы. Момент — и царь громко проговорил: «Спички будут, Неделин здесь». И действительно, в эту минуту Неделин как бы вырос из земли, поспешно предстал перед Александром III, отчетливо произнеся: «Что прикажете, Ваше Императорское Величество?» Государь взял у него спички, высказав свое «Спасибо». Он охранял государя, никогда не показываясь на глаза»[40].

Начальник почт и телеграфа города Гродно Н. К. Полевой писал, что осенью 1894 года в Беловеже, где в последний раз охотился Александр III, для охраны «не было никаких войск; вызван только из Варшавы стоящий там кубанский конвой... Охрана ограничивалась Дворцовой полицией. У входа в парк стояли нижние чины этой полиции и наблюдали за входящими в парк... Только на ночь, около 10 часов вечера, вокруг дворца по парку выставлялись часовые от конвоя. На рассвете караул этот убирался. Я несколько раз говорил с гродненским губернатором Д. Н. Батюшковым об этой слабой охране; он объяснил мне, что это делается по личному распоряжению Государя, который не выносит зрелища окружающих его караулов... Оставить дворец и пущу без охраны было невозможно, ее устроили невидимо. Во всяком случае, мы, жившие в Беловеже, не видели охраны, не чувствовали ее, и все пребывание Государя прошло мирно, спокойно»[41].

Действительно, охраны было немного. В августе 1894 года в Беловеж больного императора сопровождало всего 35 человек охраны[42]. При этом заранее собрали оперативную информацию обо всех рабочих и прислуге, привлекавшихся для обслуживания дворца. По месту жительства направлялись запросы о степени их политической благонадежности. Прислуге, прошедшей проверку, выдавались номерные удостоверения.

Дворцовым подразделениям охраны удалось добротно поставить охрану царя во время массовых и публичных мероприятий. Так, во время ежегодных приемов (26 ноября) георгиевских кавалеров в Зимнем дворце императора сопровождала плотная охрана. В 1884 году на приеме присутствовало более тысячи георгиевских кавалеров — стол был накрыт на 1600 человек. Это была элита армии и опора

трона, однако Александра III охраняли 17 офицеров Охранной стражи, три офицера — на пропускных пунктах, 16 полицейских офицеров и четыре «чина Секретной части»[43]. Охрану царя обеспечивали внутри дворца 48 человек, не считая гвардейского караула на дворцовой гауптвахте.

Будучи одним из ключевых подразделений государственной охраны, Дворцовая полиция подвергалась периодическим реорганизациям. 10 мая 1894 года утвердили новые штаты. Повысили жалованье дворцовых городовых. Численность Дворцовой полиции увеличили до 129 человек[44]. Во главе ее по-прежнему стоял полковник Ширинкин. Он получал 4777 рублей в год и относился к V классу по должности. На новую должность помощника начальника Дворцовой полиции назначили коллежского советника Знамеровского, фактически исполнявшего эти обязанности с 1884 года. Вся служба полковника Ширинкина обходилась казне в 101 тысячу рублей в год.

Сразу после смерти Александра III (20 октября 1894 года) Дворцовой полиции пришлось заняться обеспечением безопасности молодого императора Николая II на многолюдных процессиях во время похорон. В Ливадии предстояло открыть доступ к телу Александра III для всех желающих проститься с ним, но при этом не причинять неудобств «проверкой и наблюдением». Мемуарист пишет, что полковник «Ширинкин мастерски наладил наблюдение, которое начиналось от ближайших к городу ворот и далее шло до самого гроба. Словом, всюду существовало бдительное око «штатских»[45]. Видимо, охрана была действительно поставлена хорошо, поскольку никто из других современников и словом не упоминает о ней. Правда, тогда вряд ли у кого-либо, шедшего ко гробу умершего царя, могла возникнуть мысль о покушении на молодого императора. Но профессиональные обязанности требовали от дворцовой охраны обеспечения безопасности нового императора при любой ситуации.

В период с октября 1894 по февраль 1896 года Черевин оставался начальником царской охраны лишь номинально. Эту должность Николай II сохранял за ним отчасти как синекуру в дань уважения к верному соратнику своего отца. Все реальные нити охраны были по-прежнему сосредоточены в руках его заместителя полковника Е. Н. Ширинкина.

Поскольку царская семья много времени проводила в Царском Селе, то в 1900 году по проекту архитектора А. Р. Баха на углу Колпинской улицы (ныне улица Пушкина) и Оранжерейной улицы возвели здание Дворцовой полиции, в котором располагались квартиры ее чинов. Примечательно, что, когда в Царском Селе начались работы по сооружению городской канализации, именно в этом здании устроили пробные очистные сооружения. Это массивное четырехэтажное здание с железными декоративными решетками на окнах и ледником сохранилось и по сей день.

До начала 1900-х годов порядок несения службы Дворцовой полиции практически не менялся. Дворцовая полиция действовала в рамках привычных схем. Из оперативных мероприятий этого периода можно упомянуть сбор сведений в марте 1903 года о детях-студентах дворцовой прислуги, проживавших в домах дворцового ведомства. Совершенно очевидно: Дворцовая полиция опасалась, что они могут сыграть роль если не террористов, то информаторов для революционеров[46].

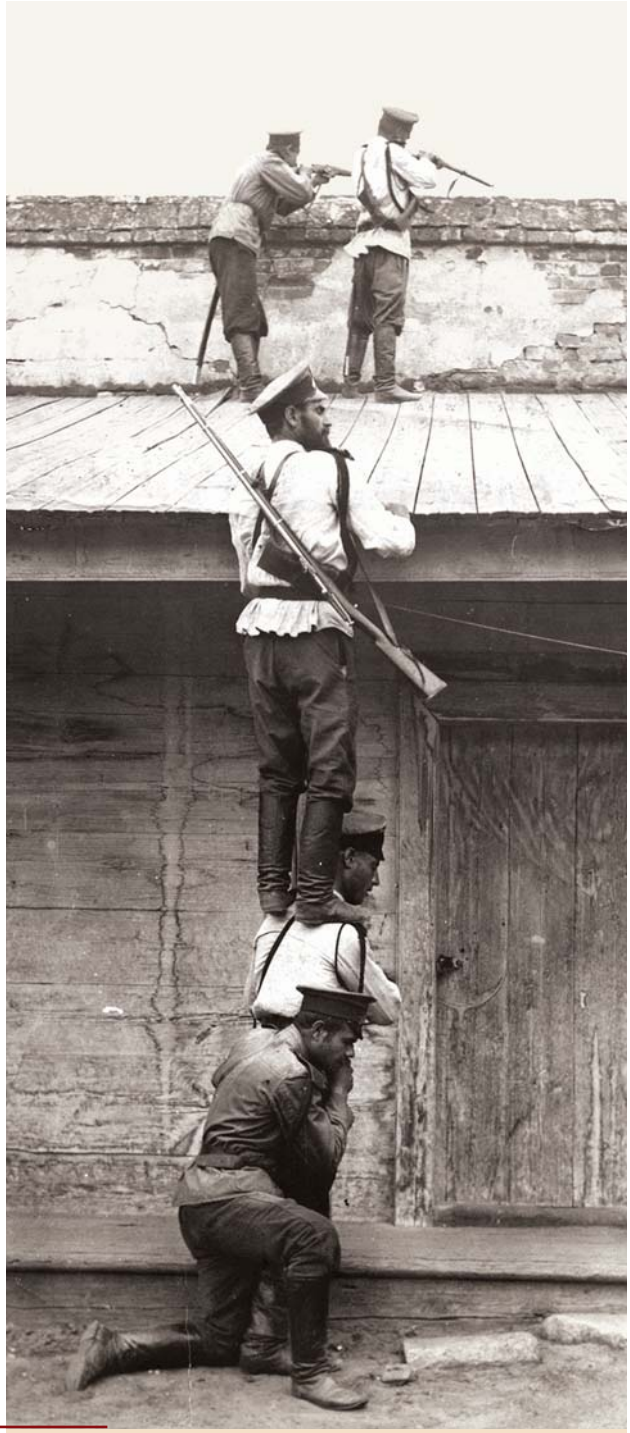
Привычный порядок работы время от времени нарушался просчетами дворцовых полицейских служб. В качестве характерного примера можно привести эпизод лета 1904 года. В стране нарастала волна революционного террора. К этому времени боевая организация партии эсеров уже в полный голос заявила о себе. 15 июля 1904 года эсеры убили министра внутренних дел В. К. Плеве. Однажды июльской белой ночью крестьянин Архипов без определенного места жительства подошел со стороны Дворцовой площади к ограде сада Зимнего дворца, выждал, пока городовой удалится в сторону Дворцового моста, и перемахнул через двухметровую решетку сада. В этом тщательно охраняемом саду он незамеченным провел два дня и две ночи: днем отлеживался в кустах, ночью гулял по дорожкам царского сада. Оголодав, пролез через открытую форточку во дворец, в квартиру княгини Голицыной, пробыл там около часа и, взяв «по мелочи» из вещей, вылез обратно в сад. Архипов, дождавшись, пока городовой отойдет от ограды, тем же путем благополучно удалился из охраняемого сада. Самым удивительным было то, что через три дня он добровольно явился и сдался дворцовой охране. Когда Архипов дал свои показания, все были шокированы и сначала не поверили ему, считая, что «трудно допустить возможность укрыться человеку в негустых сравнительно кустах, при таком большом числе работавших в саду людей (в саду работали 9 человек. — *Ред.*)»[47]. Однако Архипов показал место, где он перелез через ограду, и место, где отлеживался в кустах, пока садовники работали в саду. Объяснил он свой поступок тем, что собирался якобы лично просить царя «об отправлении его добровольцем в действующую армию». Случай был из ряда вон, но дело замяли и ограничились тем, что добавили еще один пост охраны около Иорданского подъезда.

Однако после того как о себе громко заявила боевая организации партии эсеров, Дворцовая полиция вступила в период реорганизаций. В сентябре 1904-го прошла первая с 1895 года информация о подготовке покушения на Николая II. Примечательно, что исходила она от сотрудника Департамента полиции Е. Ф. Азефа. В письме он сообщал заведующему Заграничной агентурой Департамента полиции Л. А. Ратаеву, что от В. М. Чернова и Б. В. Савинкова он узнал: «теперь стоит Государь на очереди»[48]. Эта информация положила начало целой череде подобных сообщений, исходивших из разных источников. Хотя до февраля 1907 года Николай II и не являлся целью номер один для эсеров, но лавры Гриневицкого привлекали очень многих. Да и террором занимались не только эсеры.

Начало первой русской революции заставило срочно перейти к реформам в подразделениях, связанных с охраной царя. Реформы начались на уровне руководства Дворцовой полиции. В мае 1905 года генерал-майор Е. Н. Ширинкин, с 1884-го возглавлявший это подразделение, был назначен помощником по полицейской части наместника Его Величества на Кавказе И. И. Воронцова-Дашкова. Начальником Дворцовой полиции 1 мая 1905 года назначили жандармского подполковника Б. А. Герарди. Его вводил в курс дел помощник начальника Дворцовой полиции, один из старейших ее сотрудников, коллежский советник Николай Александрович Александров, бывший в дворцовых спецслужбах еще при Александре II с июля 1880 года.

Новые штаты сотрудников Дворцовой полиции (206 человек) были высочайше утверждены 11 октября 1905 года и вступили в силу с 1 января 1906-го. Однако революция развивалась, и это привело к дальнейшему увеличению штатов Дворцовой полиции и появлению новых лиц. По инициативе Дворцового коменданта Д. Ф. Трепова в 1906 году штаты Дворцовой полиции вновь увеличили[49]. В результате общая численность Дворцовой полиции достигла 239 человек. Произошли некоторые изменения и в терминологии: «дворцовые стражники» стали именоваться «полицейскими надзирателями», а «агенты» — «чиновниками для поручений»[50]. Возросло число агентов («чиновников для поручений»), занимавшихся прослушиванием телефонных разговоров на дворцовой телефонной станции[51].

В августе 1906 года Дворцовая полиция отметила свой 25-летний юбилей[52]. Для лиц, связанных с охраной царя, был введен особый нагрудный знак. Знак сотрудника Дворцовой полиции представлял собой неполный лавровый венок, в середине которого на гладком поле нахо-



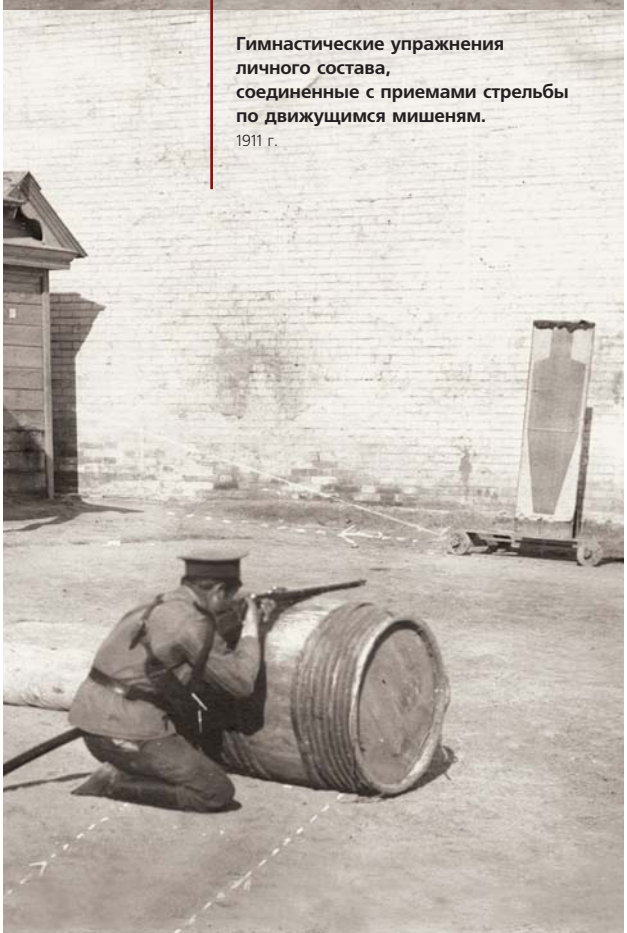
Гимнастические упражнения личного состава, соединенные с приемами стрельбы.
1911 г.

дились три рельефных профиля — Александра II, Александра III и Николая II. Рамка, окружающая это поле, была увенчана императорской короной, под которой шла синяя эмалевая лента, обвивающая с двух сторон лавровый венок с надписью «За верность». По сторонам венка были выбиты годы — «1881–1906». Золотой знак предназначался для генералов, офицеров и гражданских чиновников в штаб-офицерских чинах. Серебряный — для обер-офицерских чинов и бронзовый — для писарей, городовых и пр. Знак носили при всех формах одежды. Форма дворцового городового включала в себя однобортный, черного сукна мундир, сшитый в талию со стоячим воротником, с красными клапанами и нашитыми поверх галунными серебряными петлицами. Канты красные. Штаны серо-зеленого сукна без канта, заправлявшиеся в сапоги. Фуражка с козырьком черная с красным кантом, кокарда офицерского образца. Высокие сапоги. Пальто офицерского образца с черными петлицами и красным кантом. Погоны были черные с красным кантом, посередине погон — серебряный галун. В зимнее время допускался к пальто барашковый воротник. Даже у агентов Дворцовой полиции была своя форма. Они носили егерского типа тужурку верблюжьего цвета с зелеными кручеными жгутом погонами и поясом. Вооружены они были кинжалом и браунингом.

В юбилейных отчетах подчеркивались особые условия несения службы: дежурства на постах по 7–9 часов в сутки, а в особые дни по 10–11 часов; необходимость знать в лицо всех, живущих при дворе и в дворцовых зданиях. Принцип комплектования личного состава Дворцовой полиции оставался с 1860-х годов неизменным. Охранников (полицейских надзирателей) по-прежнему набирали из отставных фельдфебелей, унтер-офицеров и вахмистров гвардии и всех родов войск. Ходатайства о зачислении в Дворцовую полицию принимались только лично. Состав агентуры (чиновников для особых поручений) Дворцовой полиции качественно изменился: значительно увеличилась доля отставных офицеров, вплоть до полковников[53], и вообще лиц, имевших высшее образование.

Если основываться на данных, приведенных в «Списке чинов Министерства императорского двора» на 1907 год, то можно составить коллективный портрет классного чиновника Дворцовой полиции.

Руководящий состав Дворцовой полиции представлял собой гармоничный баланс молодости и опыта. Начальнику Дворцовой полиции Герарди на момент занятия должности (1 мая 1905 года) исполнилось 35 лет. К этому време-



Гимнастические упражнения личного состава, соединенные с приемами стрельбы по движущимся мишеням.
1911 г.

ни он уже 17 лет прослужил в офицерских чинах. Молод, энергичен и опытен, получал высокое для полковника жалованье — 8696 рублей и занимал казенную квартиру. Значительную часть его жалованья составляли так называемые добавочные выплаты (3696 рублей) за особые условия несения службы. Его заместитель Александров стоял у истоков спецслужбы. К 1907 году из своих 55 лет в структурах Дворцовой полиции он прослужил 27 лет (с 13 июля 1880 года). Умел хорошо ладить с теми, кого охранял.

Старший «офицерский» состав Дворцовой полиции состоял из трех человек. Все они были опытными чиновниками, имеющими VIII класс по должности. Начинали службу в Охранной страже III Отделения еще при Александре II (1878, 1880 и 1 марта 1881 года). Соответственно, по возрасту они уже мало подходили для оперативной работы (61, 54 и 48 лет). Их жалованье не было высоким. Либо 1600 рублей в год и казенная квартира, либо 2100 рублей, в том числе «квартирные» деньги.

Младший «офицерский» состав насчитывал пять человек. Двое из них начинали службу при Александре II (с 1880 года). Все они числились гражданскими чиновниками, относящимися по должности к IX классу. Самому старшему из них было 56 лет, а самому младшему — 48 лет. Жалованье составляло либо 1600 рублей, либо 1200 рублей и казенная квартира.

Руководителей подразделений — полицейских надзирателей насчитывалось 35 человек. По должности они относились к X и XII классам. Самому пожилому из них было 66 лет, а самому молодому — 30 лет. Жалованье полицейских надзирателей составляло от 1000 рублей в год с казенной квартирой до 1400 рублей у ветеранов. Более молодых сотрудников оплачивали скромнее — от 750 рублей с квартирой до 1050 рублей. По вероисповеданию среди чинов Дворцовой полиции абсолютно преобладали православные. Из 47 человек классных чиновников и офицеров Дворцовой полиции было только три лютеранина и два католика.

Агенты Дворцовой полиции имели право на чин и носили форму Министерства императорского двора, но на их петлицах и фуражках короны были серебряные, а не золотые.

Рядовой состав, не имевший классных чинов, не был упомянут в справочнике. Надо отметить, что царские телохранители, как их называли, были, безусловно, отменного здоровья. В документах есть сведения об определенной специальной подготовке. Судя по документам, в структурах Дворцовой полиции велись занятия по стрельбе, организа-

Д. Ф. Трепов

ции несения службы на объектах, задержанию нарушителей. Все тонкости оперативной службы постигались также через личный опыт и «из рук в руки» от ветеранов к молодым сотрудникам.

Главное содержание повседневной службы Дворцовой полиции сводилось к обеспечению безопасности Николая II и его семьи. До нас дошли поденные отчеты стражников Дворцовой полиции, по которым можно представить эту повседневность. В них подробно фиксировались все перемещения царственных особ и их контакты. Свод этих отчетов официально назывался «Дневники выездов Их Императорских Величеств», которые существенно дополняют корпус мемуарно-дневниковой литературы.

К 1910 году сложились определенные традиции, связанные с охраной царской семьи в черте императорских резиденций. Во-первых, расположение постов дворцовых городовых было таково, что все члены царской семьи, выходя из личных покоев, находились постоянно в поле зрения охраны. Во-вторых, во время прогулок царя или царицы охрана как бы передавала их с рук на руки по постам. Все контакты царской четы отслеживались, обращалось внимание и на самые обычные поступки. В-третьих, в конце дня все посты должны были представлять начальнику Дворцовой полиции рапорты, в которых поминутно фиксировалось все замеченное дворцовыми городовыми. В результате начальник Дворцовой полиции оказывался полностью осведомленным обо всех событиях прошедшего дня. К концу года эти отчеты сшивались в отдельный том и передавались в архив.

Повседневное присутствие дворцовой охраны делало возможным установление личных отношений между ее представителями и некоторыми членами царской семьи. А. Вырубова вспоминала, что у великих княжон было много крестников в семьях чинов Дворцовой полиции и в семьях офицеров прибрежной охраны в Ливадии[54]. Последней крестницей императрицы Александры Федоровны стала дочь В. Х. Невдахова, заместителя Спиридовича, родившаяся в Царском Селе в декабре 1915 года[55]. Эти неформальные связи только укрепляли систему охраны и были неотъемлемой частью взаимоотношений семьи самодержца со своим окружением.

Убийство П. А. Столыпина заставило пересмотреть свою деятельность и службы Дворцовой полиции, хотя этот пересмотр носил преимущественно теоретический характер. Сначала был проведен «обмен опытом» между чинами Дворцовой полиции по вопросу «О необходимых мерах борьбы с преступниками в различной обстановке». Дворцовые городовые писали сочинения — «письменные работы», пытаясь осмыслить личный опыт в этом деле. Так, рассматривая вопрос о задержании преступника на улице, подчеркивали, что надо «напасть внезапно, схватить его одновременно и крепко врасплох за обе руки»[56]. Говоря о методике обезоруживания, кто-то подчеркивал моральный фактор: «необходимо иметь полное присутствие храбрости и сообразительности и отсутствие трусости», — а кто-то обращал внимание на техническую сторону вопроса: «делаю быстрый поворот к нему и наношу сильный ошеломляющий удар кастетом или чем-либо другим, ничуть не заботясь о своей персоне, хотя бы вместе с преступником пришлось взлететь на воздух» или «имея при себе нюхательный табак, засыпать им глаза... можно быстро и с осторожностью, если даже бомба находится в пальто, расстегнуть его и взять таковую». Кто-то вспоминал эпизоды службы: «4 февраля 1912 года в Царском Селе был обезо-

ружен 28-летний бывший студент Киевского университета» или «1 февраля 1912 года в Царском Селе у Лебедя был арестован человек с револьвером: я попросил спичку и, в то время, как он ее доставал...»[57].

В Дворцовую полицию продолжали почти непрерывным потоком поступать сообщения о намерениях различных революционных организаций совершить цареубийство. Так, в конце 1911 — начале 1912 года шла переписка о намерениях сибирской (иркутской) автономной группы партии социалистов-революционеров совершить цареубийство. Самыми тревожными оказались сведения о том, что иркутские боевики «имеют сообщника в лице некоего инженера при дворце» и «какого-то проводника Высочайших поездов». Поэтому полиция немедленно запросила у дворцового коменданта списки «инженеров и техников, обслуживающих Высочайшие проезды»[58].

Эти материалы легли в основу проекта циркуляра, в котором констатировалось, что «современные террористические акты производятся в большинстве случаев при посредстве метательных снарядов (бомб), адских машин и в редких случаях огнестрельного оружия». В документе подчеркивалось, что конкретных ситуаций может возникнуть множество и вопрос о мерах против террористов циркулярно решить нельзя, однако главное — «не допустить совершиться злодеянию, для чего надлежит задержать преступника и быстро его обыскать»; заступая в наряд, чинам Дворцовой полиции надо хорошо знать местность; стараться взять преступника живым, «обращая внимание на все закоулки костюма, где может быть спрятан яд»; «забывая чувство самосохранения и помня лишь присягу, каждый чин Дворцовой полиции при задержании преступника с бомбой должен действовать таким образом, чтобы при несчастии взрыва не было бы напрасных жертв из лиц непричастных»[59]. На последний пункт стоит обратить особое внимание, поскольку террористы, как правило[60], жертвы среди «лиц непричастных» в расчет не принимали.

М. Палеолог оценивал состояние Дворцовой полиции в 1915 году следующим образом: «Полиция императорского двора, находящаяся под началом генерала жандармерии Герарди, насчитывает в своем составе 250 полицейских офицеров и в определенной степени дублирует работу охранников и часовых, выставленных у дворцовых ворот и у дворцовых зданий. Эта полиция следит за входами и выходами дворца, надзирает над слугами, торговцами, рабочими, садовниками, визитерами и т. д. Она наблюдает и берет на заметку все, что происходит в среде окружения монархов. Она шпионит, подслушивает, допытывается обо всем и проникает во все. Выполняя поставленную перед ней задачу, она никогда не делает ни малейших исключений. В связи с этим я могу привести личное свидетельство. Каждый раз, когда меня принимал император в Царском Селе и Петергофе (и во всех этих случаях я облачался в полный мундир посла и ехал в дворцовой карете в сопровождении церемониймейстера), я должен был пройти обычную процедуру. Полицейский офицер, дежуривший у главных дворцовых ворот, просовывал голову внутрь кареты и получал от моего слуги форменный пропуск. Однажды я выразил Евреинову, главе протокольного отдела императорского двора, свое удивление по поводу подобного формализма и его строгости. Он ответил мне: «О! Господин посол, мы не можем обойтись без особых мер предосторожности... Не забывайте, что в конце царствования Александра II нигилисты взорвали столовый зал в Зимнем дворце, всего в нескольких метрах от спальной комнаты, в которой лежала умиравшая императрица Мария!.. В нынешнее время наши революционеры не менее дерзки и изобретательны на выдумки. Они уже пытались семь или восемь раз убить Николая II»[61].

ОСОБЫЙ ОТРЯД ОХРАНЫ (ОТРЯД А. И. СПИРИДОВИЧА)

Порядок и традиции охраны императоров вне территории императорских резиденций сложились еще в первой половине XIX века. Существование такой охраны было само собой разумеющимся. Исторически первым подразделением, занимавшимся такой охраной, стал Собственный конвой. С 1866 года эти же задачи также решала и Охранная стража III Отделения, на базе которой в сентябре 1881 года была создана отдельная агентурная команда Дворцовой полиции (Секретная часть). Однако в условиях первой русской революции, когда царь оказался фактически изолированным в своих пригородных резиденциях, возникла необходимость создания нового подразделения, подчиненного дворцовому коменданту, которое бы занималось только охраной царя вне императорских резиденций.

По инициативе дворцового коменданта Д. Ф. Трепова в январе 1906 года был создан Особый отряд охраны для обеспечения физической безопасности царя при выездах за территорию дворцовых резиденций. Создателем этого отряда стал А. И. Спиридович. Это был незаурядный человек,

сумевший без всякой поддержки сделать блестящую карьеру. Его известность стала результатом сознательного воздействия самого генерала на мнение общества. Коллеги по службе отзывались о нем в целом положительно. Так, начальник Московского охранного отделения П. П. Заварзин называл его «талантливым офицером»[62]. Очень показательна характеристика, данная Спиридовичу генералом В. Ф. Джунковским, который считал его «выдающимся по уму и знанию офицером, хотя и не особенно твердым в нравственном отношении. Он отлично знал дело охраны и розыска и был человеком огромной работоспособности, умел руководить людьми. Его надо было только уметь держать в руках, и тогда он был незаменимым работником (в течение 2,5 лет моей службы в должности товарища министра по заведованию полицией). И эту совместную работу с ним я вспоминаю всегда с хорошим чувством, я очень ценил его безукоризненную работу при всех многочисленных Высочайших путешествиях в течение 1913–1915 годов, во время которых он, будучи непосредственно подчинен Дворцовому коменданту и находясь в то же время в моем распоряжении, держал себя с большим тактом, так что ни разу у нас не произошло ни одного недоразумения»[63].

Конечно, встречаются и критические оценки, ставящие под сомнение профессионализм Спиридовича. Так, генерал Е. К. Климович на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (19 марта 1917 года) заявил: «Лично я не высоко расценивал его... большого карьериста, стремящегося к созданию чего-либо не для пользы дела, а для личного блага»[64].

В советский период генерала Спиридовича оценивали исключительно негативно, как царского «сатрапа». Так, в 1920-х годах историк П. Е. Щеголев характеризовал его как «жандарма до мозга костей, хладнокровного провокатора, фанфаронистого «историка»[65]. В 1930–1970-е годы имя Спиридовича эпизодически упоминалось в сугубо специальных исследованиях. Интерес к его литературному наследию возродился только с конца 1980-х годов, когда начали исследоваться темы, выпадавшие ранее из круга интересов историков.

В 1906 году отряд насчитывал 275 человек нижних чинов, набранных в основном из отставников различных гвардейских полков, при четырех офицерах и подчинялся лично дворцовому коменданту. Спиридович держал своих подчиненных в «ежовых рукавицах», что поначалу даже приводило к конфликтам, когда агенты и полицейские его команды обращались с жалобой «на его притеснения»[66].

Надо подчеркнуть, что Спиридович отвечал за охрану царя только вне императорских резиденций на трассах проезда. Считать, что он являлся руководителем всей личной охраны царя, было бы большим преувеличением. Другое дело, что его имя стало самым известным из всех, кто занимался охраной императора, поэтому у многих, не вникавших в тонкости взаимоотношений различных подразделений, подведомственных Дворцовому коменданту, возникала завышенная оценка роли Спиридовича в охране царя.

Правда, нельзя и утверждать, что он был рядовым руководителем одного из подразделений государственной охраны. Обаяние, личный шарм, ум и ловкость позволили ему занять прочное место при царском дворе, опутанном бесчисленными интригами. В качестве примера «придворной ловкости» Спиридовича можно привести тот факт, что именно им было сделано множество известных фотографий императорской семьи. Для этого он специально изучил фотографическое искусство и в результате стал почти официальным «фотографом» императорского семейства, которое вело крайне замкнутую жизнь.

Степень служебного влияния Спиридовича была обусловлена скорее личностными особенностями самих дворцовых комендантов. Так, Д. Ф. Трепов, который знал Спиридовича еще «зеленым» жандармским офицером в Москве, жестко строил свои отношения с подчиненным. Дворцовый комендант В. А. Дедюлин полностью полагался на профессионализм Спиридовича. Поэтому на период с октября 1906 по сентябрь 1911 года и пришлось время наибольшего его влияния как «полного хозяина в деле охраны»[67].

При Дворцовом коменданте В. Н. Воейкове Спиридович, хотя и сохранил за собой свою должность, прежним влиянием уже не пользовался. Воейков, высоко ценя деловитость и исполнительность полковника, поставил, однако, его в рамки чисто служебных взаимоотношений. Одним словом, говорить о влиянии А. И. Спиридовича как о постоянном факторе не приходится.

Спиридович был добросовестным служакой. К числу его безусловных заслуг можно, во-первых, отнести четкую работу на трассах проезда Николая II. Это была весьма сложная задача. Протокольные поездки обставлялись согласно служебным инструкциям. Возникали проблемы и со спонтанными поездками царя, которых было немало. Спиридовичу пришлось даже наладить свою сеть информаторов среди дворцовой прислуги, узнававшей о намерениях царя раньше влиятельных лиц. Получив сведения о предполагавшейся поездке, Спиридович успевал

высылать на маршрут своих людей. Приходилось учитывать, что царь терпеть не мог явную охрану и раздражался, заметив ее.

Сохранившаяся докладная записка иллюстрирует служебную повседневность «заведующего охранной агентурой»: «24 июня 1907 года. Петергоф. Его Превосходительству господину Дворцовому коменданту. Ходатайствую перед Вашим Превосходительством о том, дабы при проезде Их Императорских Величеств на освящение Уланской церкви моторы свернули бы с Красносельского шоссе к месту церкви не у Владимировки, а, проехав ее версты две, в пункте, отмеченном на карте зеленым крестом. От зеленого креста идет прямая, кратчайшая, удобная для моторов дорога к мызе; деревни Кауккузин и Кттузи, через которые она пролегает, заняты уланами; охрана удобна. Путь же к мызе от Владимировки через Николово (Дмитриево) крайне неудобен и завтра особенно потому, что в Дмитриеве также освящение церкви, народу скопилось порядочно и народ ждет, что царь и туда приедет. У зеленого креста на повороте стоять будет ротмистр Шепель. Подполковник Спиридович»[68].

Во-вторых, отряд «подвижной охраны» Спиридовича сопровождал царя и во всех его плаваниях в финские шхеры. Как правило, для людей Спиридовича выделялся корабль сопровождения «Азия».

В-третьих, Спиридович наладил контакты с Заграничной агентурой Департамента полиции. Для «личного знакомства» с потенциальными террористами он с 1906 года периодически командировал своих людей в Европу. За годы его службы в Царском Селе 10–12 сотрудников побывали в Европе[70].

В-четвертых, Спиридович по указанию дворцового коменданта ввел жесткий контроль над всеми приезжавшими в императорские резиденции. При его участии в Царском Селе в 1906 году было создано Регистрационное бюро, в котором работали лучшие агенты из его отряда наружного наблюдения. Работа Регистрационного бюро предполагала обязательную встречу в течение 24 часов с одним из сотрудников бюро любого человека, приезжавшего в царскую резиденцию или окружавшие ее населенные пункты, чтобы подтвердить свою личность. Тех, кто этого не делал, брали под жесткое наблюдение. В ведение Регистрационного бюро также входило фиксирование имени каждого, кто обращался к царю или только подходил к нему. Если это оказывался человек неизвестный, отмечались его характерные черты, чтобы можно было установить личность. Агенты Регистрационного бюро получили право на самостоятельный политический сыск.

В качестве примера деятельности Регистрационного бюро можно привести эпизод, связанный с первыми появлениями Г. Распутина около царских дворцов: «Посты моего (Спиридовича. — *Ред.*) отряда занимали и весь тот район. Крестьянин в голубой рубашке и высоких сапогах с пристальным взглядом, к тому же не из местных жителей, обратил на себя внимание подчиненных мне людей. За ним поприсмотрели. После церкви он отправлялся обычно в один из великокняжеских дворцов: или на Знаменку, или на Сергиевскую. Навели справки, выяснили личность, и так как ничего подозрительного, с точки зрения физической охраны, не оказалось, то «голубую рубашку» оставили в покое»[71].

Агенты из отряда Спиридовича особое внимание уделяли всем, прибывавшим на Царскосельский вокзал. По инструкции они должны были тщательно отслеживать все контакты подозрительных и незнакомых людей, приезжавших в царскую резиденцию: «...при встречах с неизвестною личностью неупустительно следовать за нею до места или дома, где представится возможность узнать как фамилию, так и место жительства, после чего передать его местному участковому агенту»[72].

Спиридович принимал непосредственное участие в оперативной разработке эсеровских террористических групп, готовивших покушение на Николая II. Наибольшую известность получила операция с его участием по ликвидации террористической группы лейтенанта Никитенко в 1907 году. Спиридович, будучи грамотным оперативником, не торопился с арестами, стараясь выйти на ключевые фигуры террористов. Он жестко контролировал все контакты казака Собственного конвоя Ратимова с эсерами, считая, что царю ничто не угрожает. В начале 1907 года это дело было передано в руки Департамента полиции, который и произвел аресты террористов. В результате этой операции троих террористов казнили.

По всем путям, связывающим отдельные резиденции в пригородах Петербурга, располагались агентурные базы, наблюдавшие за безопасностью царских проездов из одной резиденции в другую. Базы контролировал сам Спиридович, и они были снабжены специальной телефонной сетью.

Склонность Спиридовича к анализу успехов и поражений охранки привела к тому, что он одним из первых стал заниматься историей революционного движения в России. Стремясь получить максимум сведений о своих противниках и собирая нелегальную литературу, он составил библиотеку в четыре-пять тысяч томов, посвященную революционному движению в России. Один из авторов, видимо, лично знавший А. И. Спиридовича, писал:

«Из всех охранников знал хорошо освободительное движение России, понимал создавшееся положение и предвидел революцию один Спиридович... Этот жандарм понимал, что развитые агенты более полезны делу сыска. Он стремился поднять уровень их знаний, для чего составил при своем управлении значительную библиотеку»[73].

Результатом его изысканий стал курс лекций по истории российского революционного движения, прочитанный им на специальных курсах для офицеров Отдельного корпуса жандармов в Петербурге в 1910–1911 годах. Впоследствии этот лекционный материал лег в основу двух монографий, посвященных социал-демократам (РСДРП) и эсерам (ПСР).

Это были весьма добротные работы (с использованием документов, многие из которых утрачены по самым разным причинам), реконструировавшие реальную картину создания и деятельности этих революционных партий. Обе книги были изданы «для служебного пользования», отнюдь не являясь пропагандистскими изданиями. Жандармам требовалась совершенно объективная оценка деятельности их противников. И эта оценка Спиридовичем была дана. О научном уровне этих изданий говорит то, что монография А. И. Спиридовича, посвященная РСДРП, впервые с 1918 года (второе издание) переиздана в 2004-м как одно из серьезных исследований по истории революционного движения России.

О научных интересах Спиридовича был осведомлен и Николай II. В 1914 году жандарм лично преподнес Николаю II монографию, посвященную истории РСДРП. В январе 1916 года он подарил царю книгу «Партия социалистов-революционеров и ее предшественники». Для царя она была безусловно интересна, поскольку именно он на протяжении многих лет являлся одной из главных целей эсеровских террористов. Принимая вторую монографию, Николай II заметил, что он будет читать подаренную книгу, которая станет для него «настольной»[74].

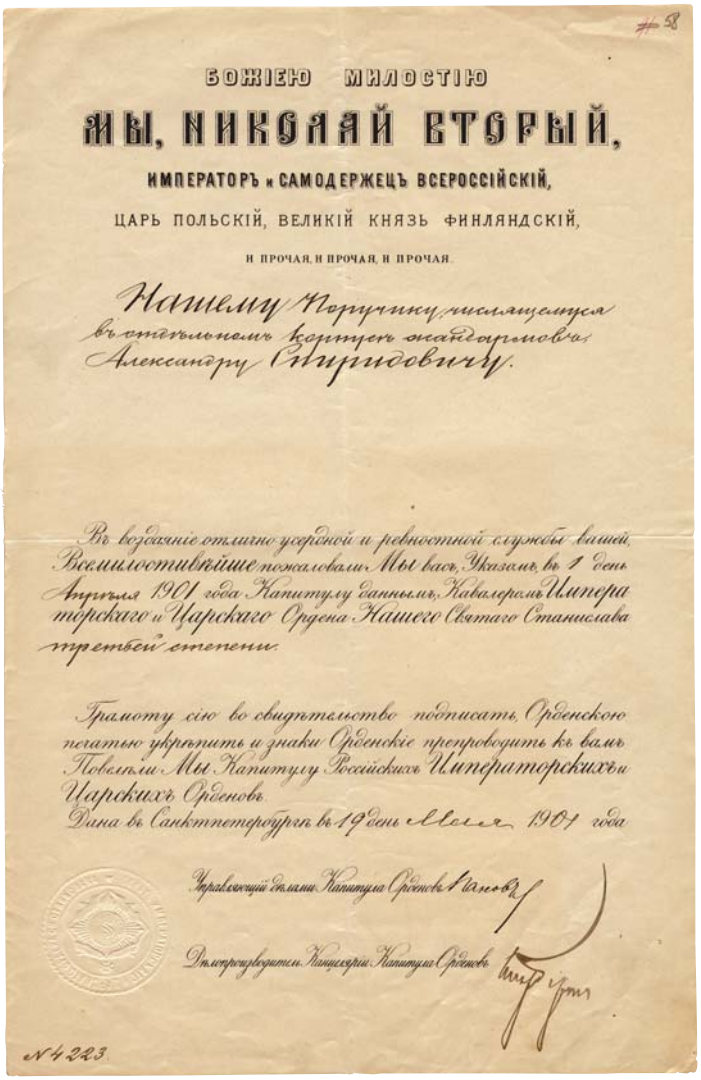
Служба Спиридовича не была безоблачной. В пронизанной интригами атмосфере высочайшего двора ему приходилось маневрировать между различными придворными группировками. С одной стороны, Николай II симпатизировал Спиридовичу, которому удалось создать действительно эффективную службу сопровождения поездок императора. Император оценил его служебное рвение, присвоив Спиридовичу в 1909 году чин полковника. С другой стороны, императрица Александра Федоровна не симпатизировала Спиридовичу, как, впрочем, и всем руководителям охраны. Она считала, что их навязчивая служба является скорее слежкой за ней, чем собственно охраной.

Спиридович сумел поладить с влиятельным кружком Вырубовой — Распутина, обеспечивая им охрану. С марта 1916 года посыпались анонимные угрозы в адрес фрейлины А. А. Вырубовой, посредницы между Распутиным и императорской семьей. По просьбе императрицы Спиридович взял на себя обеспечение безопасности ее подруги. Он проконсультировал Вырубову «в смысле техники», советуя ей «быть настороже, не гулять в парках общего пользования», установил постоянную охрану около ее дома в Царском Селе, поскольку «он посещается иногда Их Величествами». Постоянная охрана Вырубовой предоставлялась и при поездке в Евпаторию.

События 1 сентября 1911 года едва не прервали карьеру полковника Спиридовича. В этот день в здании киевского оперного театра был убит премьер-министр П. А. Столыпин. Формально Спиридович не отвечал за охрану оперного театра, в котором произошла трагедия, его делом были трассы проезда. Спиридович прекрасно знал город, в котором он проработал три года, фактически начав здесь свою карьеру. Но при этом мало кто сомневался, что полковник остался в стороне от организации службы охраны в театре.

Царь после выстрелов «сотрудника» Киевского охранного отделения Д. Богрова вошел в ложу и лично видел тяжелораненого Столыпина и избиение Богрова. Увиденное произвело на него тяжелое впечатление. Естественно, как один из ключевых офицеров охраны, Спиридович попал под следствие. Но у него были формальные оправдания и влиятельные заступники. Сам он всячески подчеркивал, что на него возлагалась только физическая защита царя, без выполнения каких-либо разыскных функций, и о том, что Богров находится в театре, он «узнал лишь в тот момент, когда, подбежав к нему после выстрелов, замахнулся на него саблей»[75]. За Спиридовича вступился начальник Военно-походной канцелярии генерал В. Н. Орлов, который был в то время близок к царю. Спиридович впоследствии с благодарностью вспоминал о том, что князь симпатизировал его службе и ценил ее и после убийства Столыпина имел мужество заступиться за него перед императором[76]. В результате Спиридович остался на своем посту. После этого трагического эпизода он буквально «землю рыл» во время организации посещений Николая II Москвы в августе 1912 года (100-летие Бородинской битвы) и летом 1913 года (300-летие династии Романовых). О служебном рвении полковника упоминает В. Ф. Джунковский.

Летом 1914 года началась Первая мировая война. Спиридович сопровождал Николая II во всех поездках в



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Нашему Поручику, числящемуся въ отдѣльномъ корпусѣ жандармовъ Александру Спиридовичу.

Въ воздаяніе отлично усердной и ревностной службы вашей, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ, Указомъ, въ 1 день Апрѣля 1901 года Капитулу данными, Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Святаго Станислава третьей степени.

Грамоту сію во свидѣтельство подписать, Орденскою печатью укрѣпить и знаки Орденскіе препроводить къ вамъ Повелѣли Мы. Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Дана въ Санктпетербургѣ въ 19 день Мая 1901 года

Управляющій делами Капитула Орденовъ Ванновъ

Делопроизводитель Канцеляріи Капитула Орденовъ

№ 4223.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ Полиціи.

По Особому Отдѣлу.

30 Декабря 190 г.

№ 16872

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Предъявитель сего Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ Подполковникъ Спиридовичъ командированъ въ разныя мѣстности для исполненія особаго моего порученія.

Предлагаю мѣстнымъ губернскимъ, полицейскимъ, жандармскимъ и почтово-телеграфнымъ начальствамъ оказывать Подполковнику Спиридовичу необходимое ему содѣйствіе въ исполненіи означеннаго выше порученія путемъ доставленія ему всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и справокъ, и выполненія требованій, касающихся осмотровъ, обысковъ, выемокъ, арестовъ и другихъ слѣдственныхъ дѣйствій.

Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ

Директоръ

Документы из личного дела А. И. Спиридовича

Ставку. В мае 1915 года он получил чин генерал-майора. С производством в генералы он вышел из состава Корпуса жандармов и был зачислен по армейской пехоте, оставаясь при занимаемой должности в распоряжении дворцового коменданта.

В августе 1916 года Николай II назначил Спиридовича новым градоначальником Ялты и командиром Ялтинского гарнизона. Под его охраной находились императорские резиденции, включая Ливадию, Ореанду и Массандру. 20 февраля 1917 года его вызвали в Петроград для доклада императору, но он не был принят. Ему приказали ждать императора, который 22 февраля убыл в Ставку. В день отречения Николая II, 2 марта 1917 года, Спиридовича арестовали по личному приказу А. Ф. Керенского и поместили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, где он и находился в течение шести месяцев. За это время его несколько раз допрашивали, пытаясь получить у него компромат на императорскую семью. 2 октября 1917 года Спиридович был освобожден, по его утверждению — «случайно», и после Октябрьской революции вынужден скрываться. В январе 1918 года его арестовали уже большевики, однако вскоре выпустили. В течение лета 1918 года он находился в Петрограде, но в дни красного террора, узнав, что его под № 19 большевики занесли в расстрельный список, Спиридович и его вторая жена с детьми сумели бежать из Петрограда и выехать за границу. В Париже он оказался только в 1920 году.

А. И. Спиридович (первый слева) с группой офицеров у канцелярии штаба Отдельного корпуса жандармов.
Не позднее 1915 г.

Живя в Париже, Спиридович стал историком и написал несколько книг. Одна из них была посвящена истории политического терроризма в России и организации охраны Николая II в Царском Селе. После Второй мировой войны Спиридович, как и многие белоэмигранты, перебрался в США, где и умер в 1952 году. Сейчас его архив хранится в библиотеке Йельского университета.

Посол Франции в России М. Палеолог писал о подразделении Спиридовича в 1915 году: «У «личной полиции» Его Императорского Величества еще более широкие функции. Этот орган является как бы филиалом могущественной Охраны, но он целиком и полностью подчиняется коменданту императорских дворцов. Его возглавляет генерал жандармерии Спиридович, имеющий под своим командованием 300 полицейских офицеров, которые все прошли стажировку в рядах судебной или политической полиции. Основная задача генерала Спиридовича заключается в том, чтобы обеспечивать личную безопасность монархов, когда они находятся вне своего дворца. Начиная с той минуты, когда царь или царица покидают дворец, генерал Спиридович отвечает за их жизнь. Это особенно тяжкий труд, поскольку Николай II, будучи убежденным фаталистом, благоговейно уверен, «что он не умрет, пока не пробьет час, назначенный Богом», и поэтому разрешает для своей личной безопасности проведение только хорошо замаскированных мер предосторожности и в особенности не терпит явного проявления активности полицейских офицеров, ответственных за его безопасность. Для того чтобы эффективно и хорошо выполнять свою работу, «личная полиция» обязана досконально знать организацию, замыслы, действия, планируемые заговоры, всю дерзкую, беспрестанную и тайную деятельность подрывных элементов. В связи с этим генерал Спиридович обеспечивается всей информацией, получаемой Департаментом полиции и Охраной. Чрезвычайная важность его обязанностей также дает ему право посещать в любое время все без исключения административные департаменты и получать от них любую информацию, которую он посчитает для себя нужной. Таким образом, шеф «личной полиции» способен обеспечить своего непосредственного начальника, коменданта императорских дворцов, грозным оружием для политического и общественного шпионажа»[77].

Таким образом, посол дружественной державы весьма квалифицированно проанализировал состояние служб, ответственных за личную безопасность царя и его семьи. Этот анализ еще раз подтверждает тот факт, что сохранить жизнь Николаю II в условиях революционного подъема удавалось только благодаря огромным усилиям всех спецслужб империи, насчитывавших тысячи людей.

ОХРАНА ИМПЕРАТОРСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ

Императорские резиденции по определению во все времена подлежали усиленной охране. Но при этом порядок их охраны менялся в соответствии с политическими реалиями своего времени. Каждая из императорских резиденций имела свои особенности, поэтому охрана «ставилась» индивидуально, с учетом всех особенностей объекта.

Организация охраны Зимнего дворца.
На протяжении всей его истории Зимний дворец охраняли караулы гвардейских частей Петербургского гарнизона. Во дворце изначально предусматривалось помещение, в котором размещалась Главная гауптвахта. Во внутреннем дворе дворца ежедневно проходили разводы караулов. У русских императоров долго сохранялась традиция почти ежедневных визитов в караульное помещение Зимнего дворца.

В 1861 году в связи с осложнением внутриполитической ситуации в стране внутреннюю охрану Зимнего дворца усилили. Распределение постов по охране Зимнего дворца на декабрь 1861 года было следующим: Главные ворота охранялись двумя постами. На первом (нижнем) этаже Зимнего дворца находились три поста: в коридоре с правой и левой стороны ворот — два поста; в Кухонном коридоре — один пост. На втором (среднем) этаже выставлялось девять постов: в Фельдмаршальском зале — 1; в Коридоре министра императорского двора — 1; в Портретной галерее — 1; в Галерее петербургских видов — 1; перед Комендантской лестницей — 1; в Передней августейших детей — 1; в коридоре перед камер-юнгферской Ее Величества — 1; перед лестницей телеграфа — 1; в Темном коридоре — 1. На третьем (верхнем) этаже постов не было. Таким образом, в Зимнем дворце было всего 14 постов, которые несла только Рота дворцовых гренадер. В ее обязанности входило не пропускать посторонних лиц во дворец, осматривать вещи, расспрашивать неизвестных и сопровождать их к дежурным.

Для вновь созданного подразделения — «дворцовой городовой стражи» — составили расписание постов и инструкцию, согласно которой стражники, заметив какую-либо группу людей, должны были предложить «первоначально таковому сборищу разойтись или удалиться», в случае ослушания немедленно сообщить об этом коменданту Зимнего дворца, а если «сборище» попытается проникнуть во дворец — «противиться сему с помощью патрулей».

В январе 1862 года составлены «Дополнительные правила об охранении порядка по Зимнему дворцу». Из текста «Правил» следует, что в конце 1861 — начале 1862 года вариант штурма дворца «толпой» рассматривался властями как вполне реальный: «При получении известий... о намерении толпы сторонних людей ворваться во Дворец, один из взводов Главного караула поспешает к тому подъезду... и препятствует дальнейшему вторжению толпы, а в случае опоздания следует за оную для овладения ею»[78]. Ситуация была столь нервной, что когда с крыши Зимнего дворца с грохотом рухнул пласт снега, во дворце решили, что начался его штурм.

Самая сложная проблема — установить надежный контроль за потоком лиц, ежедневно приходивших в Зимний дворец. С 15 января 1862 года «в целях предосторожности впуска посторонних людей во Дворец» высочайшим повелением был установлен режим работы подъездов: подъезды Его Величества, Комендантский, министра императорского двора были открыты с 8 утра и до 24 часов ночи; подъезд императрицы — до возвращения во дворец всех высочайших особ; остальные подъезды, например, Посольский, Иорданский, держались запертыми[79].

Однако, несмотря на все караулы и посты охраны, периодически срабатывал «человеческий фактор», приводивший к серьезным промахам в действиях подразделений охраны. Даже ужесточив паспортный режим для всей челяди, проживавшей в Зимнем дворце в 1860–1870-х годах, не удалось решить проблему жесткого контроля за посещением дворца посторонними. Хотя нельзя сказать, что в этом отношении ничего не предпринималось. Так, было строжайше запрещено принимать на жительство родственников без разрешения начальства. Попытались «разгрузить»

Церемония развода пеших караулов на парадном дворе гауптвахты

Зимний дворец и от многочисленных детей придворнослужителей, которые уже не имели отношения ко двору. Например, с прачкой Зимнего дворца Анной Григорьевой жили шесть ее детей в возрасте от 5 до 29 лет. Проверялись все лица, приходившие на кухню, предписывалось без вида на жительство на кухню никого не пускать и т. д.[80] Но вследствие огромного потока людей, которые ежедневно проходили через хозяйственные помещения Зимнего дворца, фактически все оставалось по-прежнему.

Эта ситуация сохранялась вплоть до 1880 года. Революционер-рабочий С. Халтурин невысоко оценивал систему охраны Зимнего дворца. По дошедшим до нас рассказам, он «удивлен был беспорядком в управлении... Дворцовые товарищи Халтурина устраивали у себя пирушки, на которые свободно приходили, без контроля и надзора, десятки их знакомых. В то время как с парадных подъездов во дворец не было доступа самым высокопоставленным персонам, черные ходы во всякое время дня и ночи были открыты для всякого трактирного знакомца самого последнего дворцового служителя»[81].

О том, что охрана императорской фамилии оставляла желать много лучшего, наглядно свидетельствует эпизод, произошедший в Зимнем дворце в декабре 1868 года. Как следует из рапорта, около 10 часов вечера дежурный гоффурьер остановил на половине императрицы неизвестного человека, который впоследствии назвался профессором русской словесности Иосифом Николаевичем Шиллем. Неизвестного немедленно задержали. Вскоре выяснилось, что Шилль пытался войти в подъезд Ее Величества, заявляя, что вызван ко двору для чтения стихов императрице по случаю рождественской елки, но дворцовый страж, узнав, что приема нет, его не впустил. Тогда Шилль отправился к Главным воротам, через которые и был пропущен во дворец. Заблудившись в его бесконечных коридорах, Шилль попросил встретившегося истопника показать, как пройти на половину императрицы, тот отвел его к дежурному лакею, а затем к гоф-фурьеру, который и задержал незнакомца[82].

Скандал вышел громкий. В результате расследования было объявлено, что Шилль — умалишенный и никакой не профессор. Была образована очередная комиссия по охране. Она заседала с января по март 1869 года, выработав очередную инструкцию. Главным нововведением стало увеличение постов у Главных ворот, «через которые ежедневно проходит более 500 чел.». Ввели особые бляхи, которые челядь должна была носить во дворце постоянно. Лица, не имевшие их, немедленно задерживались.

Служащие внутренней охраны императорского дворца

Однако всех мер оказалось недостаточно, что наглядно показал взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года, подготовленный и осуществленный С. Халтуриным. Для охраны царских резиденций создали новое подразделение — «Охрану Императорского Зимнего и загородных дворцов». Возглавил его 22 марта 1880 года жандармский полковник Михаил Иванович Федоров[83]. Ему подчинялись все подразделения охраны, отвечавшие за безопасность Зимнего дворца.

Полковник Федоров озаботился прежде всего тем, чтобы исключить возможность проникновения террористов в среду дворцовой прислуги. Были немедленно изготовлены фотографии всего вольнонаемного персонала. В апреле 1880 года он затребовал от дворцовых структур списки служителей и проживающих в Зимнем дворце, особенно вольнонаемных[84]. Параллельно стали подбирать «агентуру» в среде придворной челяди. Началась жесткая проверка на политическую благонадежность. При этом со службы безжалостно увольняли любого нарушителя дисциплины[85]. Федоров потребовал лично представлять ему «для расспросов» всех принимаемых на работу во дворец. Для наведения порядка во дворце он подчинил непосредственно себе значительную часть дворцовой прислуги, начав со швейцаров. Всю служительскую команду (111 человек) разделили на хозяйственную и охранную.

Полковник Федоров потребовал от коменданта Зимнего дворца генерал-майора Дельсаля допускать вольнонаемных мастеров для работ во внутренние помещения дворца только под присмотром унтер-офицеров его службы. Эту проблему пытались решить неоднократно, но, как правило, повседневная жизнь превращала все грозные инструкции в пустую формальность. Федоров попытался переломить сложившееся положение: он составил новый документ «О наблюдении за рабочими людьми во время производства ими работ в Зимнем дворце». Вводимые им правила были беспрецедентны. Вход рабочих во дворец разрешался только через Главные ворота или через ворота Черного дворика. Каждый раз все рабочие подлежали «тщательному осмотру» надзирателями и дворцовой стражей «непременно в присутствии дежурных офицеров от дворцовой стражи». Паспорта рабочих тщательно проверялись через систему запросов по месту регистрации и «посредством агентуры». Подрядчик распиской ручался за политическую благонадежность поденных рабочих. В каждом помещении, где велись работы, должен был находиться надзиратель из службы Федорова при двух дворцовых стражах. Дежурных офицеров инструктировал лично Федоров, наставляя, на что именно им следует обращать внимание при наблюдении за рабочими. Тщательному осмотру подлежали завтраки и обеды, которые рабочим во дворец приносили их родственники. О любом факте отступления от заведенного порядка Федоров требовал составлять протокол[86].

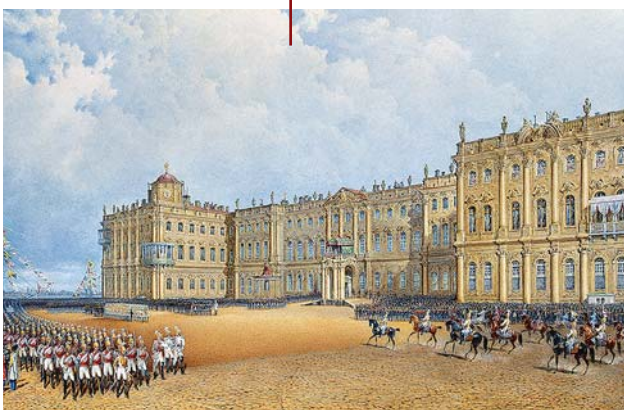
Дежурный чиновник ежедневно докладывал Федорову обо всем, что происходило во дворце за время дежурства. Прислугу обязали ежедневно осматривать во дворце «мебель, рояли, вазы, картины, камины, вытяжки и нагревательные трубы» в поисках новых бомб. При проведении балов Федоров требовал заранее предоставлять ему списки приглашаемой прислуги для ее проверки. Приказом от 4 апреля 1880 года Федоров отменил дежурную охрану в верхних этажах Зимнего дворца, но при этом усилил охрану Главных ворот дворца. Всю приходящую в помещения дворца прислугу снабдили «именными билетами» за подписью Федорова с печатью его службы.

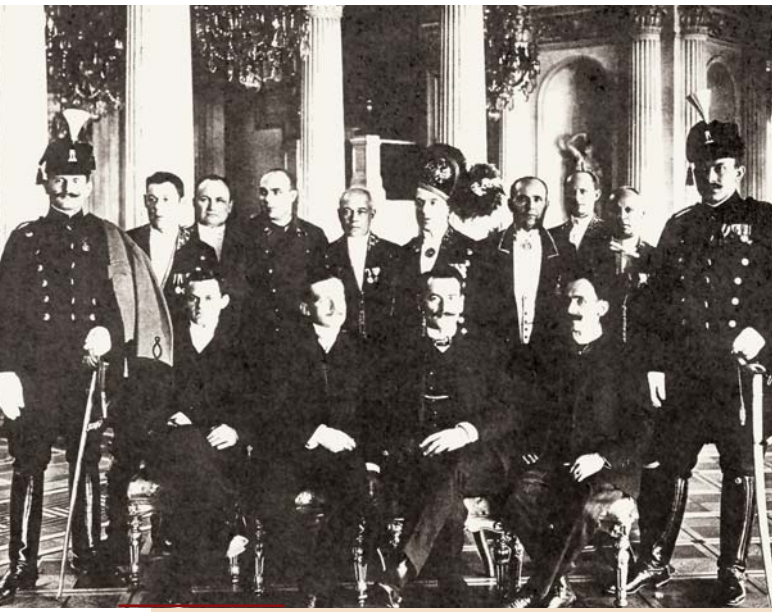
Император же охранялся «и по вертикали, и по горизонтали». Если он завтракал, то в соседних помещениях находилась охрана. Особое внимание уделялось охране помещений над и под комнатами, где в данный момент мог находиться император. Перемещения императора по дворцу сопровождались параллельным перемещением охраны. Во всех императорских резиденциях установили железные двери в подвалы и на чердаки. Все эти новшества получили одобрение министра императорского двора Адлерберга.

Полковник М. И. Федоров обживался во дворце прочно и надолго. Ему отвели квартиру № 43 во Фрейлинском коридоре. 12 апреля 1880 года к нему из Пскова переехали жена и шестеро детей. В мае 1880 года он получил звание генерал-майора. Но уже 22 июля 1880 года его четырехмесячная карьера рухнула. Должность заведующего охраной Зимнего дворца высочайшим указом упразднили[87]. В архивных документах нет прямых указаний на причины столь резких кадровых изменений. Видимо, его отставка стала результатом подспудной борьбы придворных группировок. Можно предположить, что активная деятельность Федорова начала задевать многих

Императорский Зимний дворец.
Вид с Невы

Парадное прохождение войск по Дворцовой площади





Слуги, охрана, чиновники в Павильонном зале

влиятельных лиц, от многолетнего заведующего Зимним дворцом генерал-майора Дельсаля до окружения цесаревича. В архиве сохранились дела, из которых видно, сколько повседневных недоразумений возникало в жизни дворца в условиях усиленной охраны. Возможно, к его отставке приложили руку и коллеги по Корпусу жандармов. Для П. А. Черевина было совершенно невыгодно укрепление во дворце энергичного провинциального жандармского полковника.

Вместо должности заведующего охраной Зимнего дворца ввели должность полицмейстера императорского Зимнего дворца, которую занял армейский подполковник Константин Михайлович Струков. На него возлагались те же обязанности, «кои лежали на заведующем охраною, за исключением охраны загородных дворцов». Сохранялось финансирование, уцелели и все структуры, созданные Федоровым. Но при этом Охранную стражу передали из Департамента государственной полиции в распоряжение петербургского градоначальника и подчинили начальнику Секретного отделения[88]. На смену профессионалу — жандармскому полковнику пришел дилетант, храбрый офицер, но незнакомый с особенностями повседневной деятельности спецслужб. Подполковник Струков принял дела и вступил в должность с 23 августа 1880 года.

На момент занятия должности подполковнику Струкову исполнилось 33 года. Происходил он из семьи музыканта императорских театров. Окончил Константиновский межевой институт со званием межевого инженера. В 1866 году в 19 лет перешел на военную службу, выйдя в 3-й пехотный Нарвский полк. Там командовал ротой, а с декабря 1877 года — батальоном. Во время русско-турецкой войны участвовал в штурме крепости. «Ранен и контужен не был». О его храбрости говорят награды, полученные в этой кампании: орден Св. Анны 2-й степени с мечами; орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом; орден Св. Станислава 2-й степени с мечами. В феврале 1879 года его произвели в майоры, в сентябре 1879-го — в подполковники[89]. Став летом 1880 года полицмейстером Зимнего дворца, в апреле 1881-го он получил звание полковника. На основании архивных документов трудно сказать, кто «толкал» простого армейского подполковника Струкова в его непродолжительной придворной карьере.

О каких-либо новых мерах по охране дворца, принятых по его инициативе, неизвестно. Вероятнее всего, продолжали осуществляться инициативы Федорова. В ноябре 1880 года Зимний дворец обследовала специальная комиссия петербургского градоначальника. Результаты обследования доложили министру императорского двора. Это примечательный и симптоматичный шаг. Прежде городскую полицию к охране императорского дворца не подпускали и близко.

Осматривались в первую очередь подвалы и чердаки. Проверка состояния охраны дворца подтвердила добросовестность генерала Федорова. Комиссия констатировала, что чердаки «чистые, заперты наглухо и охраняются ружейными часовыми». На чердак оставили только один вход, который охраняли вооруженный часовой и надзиратель дворцовой команды. На крыше дворца находились два постоянных поста: один часовой охранял участок крыши над императорскими покоями, а другой — у соединения Зимнего дворца с другими зданиями. На крыше располагался также постоянный пожарный пост.

Сомнения комиссии вызвали стеклянные световые потолки, которые можно было пробить тяжелой бомбой. Поэтому предлагалось каждый из просветов оградить железной решеткой, покрашенной в белый цвет. Предлагалось вооружить часовых на крыше и увеличить их число. А также установить на крыше в двух местах металлические решетки из остроконечных пик «с целью изолировать крышу над императорскими покоями».

Комиссия обращала внимание на вытяжные трубы, которые выходили на чердак и крышу дворца. По мнению комиссии, в них можно бросить бомбу либо спуститься террористу во внутренние помещения дворца. Поэтому предлагалось заварить выходы вентиляционных шахт металлическими решетками, заменив ими деревянные[90].

Тщательно осмотрев подвалы, обнаружили пустоты под Малой церковью. Пол немедленно вскрыли, но ничего подозрительного не нашли. Комиссия предложила заменить замки в подвалах и особо прочные установить под личными покоями императорской семьи. Предлагалось усилить контроль за приемом топлива, особенно угля, поскольку террористы легко могли замаскировать бомбу под кусок угля. В приступе подозрительности комиссия предложила обследовать «всю внутренность Дворца», не будучи уверенной, что «столяр Батышков (Халтурин) нигде не запрятал каких-либо опасных материалов»[91].

После гибели Александра II меры по охране императорских резиденций стали еще более жесткими. Именно после 1881 года в целом удалось успешно решить проблему организации жесткого пропускного режима в дворцовые здания, контроля за дворцовыми помещениями и персоналом. Чины Дворцовой полиции совершали ежедневные обязательные обходы всех помещений дворцов. Повседневная жизнь дворцов, требовавшая присутствия огромного числа людей, постоянно сталкивалась с интересами охраны. Так, в феврале 1885 года заведующий комнатным имуществом провел через пост на Конюшенной лестнице Зимнего дворца рабочего-позолотчика, но надсмотрщик за рабочими, унтер-офицер охранной команды, удалил его из Зимнего дворца, заметив, что у рабочего нет бляхи установленного образца. Возникший скандал был разрешен в интересах охраны[92]. Расположение личных покоев императорской семьи во всех дворцах, включая Зимний, засекретили. Личные покои императора Александра III в нежилом Зимнем дворце также были отнесены к категории секретных объектов. В перечне комнатного имущества императора они именовались «секретными комнатами, выходящими на Неву»[93].

Зимний дворец при Александре III постепенно утратил функции жилого дворца императорской фамилии и использовался преимущественно для различных парадных церемоний. Поэтому с 1884 года, с разрешения министра императорского двора Воронцова-Дашкова и обер-гофмаршала высочайшего двора Нарышкина, к осмотру личных покоев императора Александра II и императрицы Марии Александровны начали допускать иностранных и отечественных «туристов» (в официальных документах упоминается именно этот термин. — *Ред.*). Особенно много туристов приезжало из Англии и Северной Америки[94]. В экскурсиях по дворцу их в обязательном порядке сопровождали сотрудники дворцовой охраны.

При Николае II Зимний дворец на девять лет (с весны 1895 по весну 1904 года) вновь стал жилой императорской резиденцией. С осени 1894 до весны 1895 года в Зимнем дворце шли масштабные ремонтные работы по оборудованию личных покоев для двух молодых семей — Николая II и его младшей сестры Ксении Александровны.

К этим работам привлекались десятки поставщиков императорского двора. Чтобы не расширять круг лиц, занятых неквалифицированной работой в императорской резиденции, использовали нижних чинов лейб-гвардии Преображенского полка, свободных от службы. Преображенцев привлекали и при строительных работах по подготовке высочайших балов. Эта работа им оплачивалась[95]. Появление такой практики также связано с обеспечением безопасности царя: охрана не желала без особой на то нужды допускать в жилые покои царя посторонних «работных людей».

Охрану Зимнего дворца усилили в 1895 году. Часть Сводно-гвардейского батальона перевели в дворцовый комплекс. П. А. Черевин лично просил командира Преображенского полка великого князя Константина Константиновича выделить помещения в казарме Преображенского полка на Миллионной улице для размещения части Сводно-гвардейского батальона. Но великий князь отказал, поскольку эту просьбу офицеры-преображенцы восприняли как покушение на их двухвековое право на охрану царской фамилии. Великий князь записал в дневнике: «Я только тут спохватился, что наше соседство с Зимним дворцом есть двухвековая льгота 1-го батальона преображенцев и что этой льготой мы ни с кем не должны делиться»[96]. Впрочем, ведомство Дворцового коменданта нашло возможность разместить в Зимнем дворце части Сводно-гвардейского батальона, а его офицерам предоставить три «холостые» квартиры по Комендантскому коридору дворца[97].

Организация охраны Аничкова дворца.

В 1875 году по охране Аничкова дворца составили новую инструкцию, в которой особое внимание обращалось на предотвращение проникновения во дворец посторонних лиц и появления во дворце и рядом с ним каких-либо «вред-

Охрана у парадных ворот резиденции императора.
Царское Село. 1910-е гг.

ных предметов»[98]. В июне 1880 года к наследнику приставили пять стражников, поскольку была получена информация, что народовольцы планируют его похищение. Почти полгода вокруг Аничкова дворца велось усиленное круглосуточное наблюдение. Оно было снято по настоятельному требованию наследника, заявившего, что ему «достаточно охраны находившихся при нем казаков».

Холодеющее тело Александра II еще лежало в царском кабинете Зимнего дворца, когда перед дворцом выстроилась вызванная по тревоге сотня донцов Атаманского полка, шефом которого был цесаревич Александр Александрович. Через некоторое время на площадь подошли преображенцы в шинелях и боевой амуниции. Наконец, из дворца вышел новый император Александр III. Он сел в открытые парные сани вместе с супругой Марией Федоровной и в сопровождении кубанцев из Собственного конвоя и взвода атаманцев направился по Невскому проспекту к себе домой — в Аничков дворец.

Через некоторое время в системе охраны царя произошли демонстративные перемены. Так, казачий конвой вокруг царского экипажа отменили, и только на козлах кареты Александра III ездил конвойный урядник[99]. Этот шаг отметили многие современники, и публичная демонстрация уверенности в себе молодого императора сразу же укрепила его репутацию.

Однако Александр III был первым русским императором, безоговорочно признавшим необходимость развитой системы государственной охраны. Если Александр II считал охрану делом вынужденным и даже отчасти позорным, то его сын придавал ей исключительное значение. Для этого были все основания. Даже после цареубийства народовольцы пытались продолжить охоту, но уже на нового царя. Вера Фигнер подчеркивала: «Комитет в своих изданиях неоднократно заявлял, что цареубийство будет производиться систематически»[100]. Она же предлагала сохранить на два-три дня сырный магазин на Малой Садовой, из подвала которого шел подкоп, рассчитывая, что «новый император, живший с императрицей в Аничковом дворце», поедет по той же Малой Садовой, и, если это произойдет, «взорвать мину, предназначенную для Александра II». После 1 марта Софья Перовская «только и думала о подготовке к новому покушению на цареубийство. Она наводила справки, отыскивала прачек и модисток, обслуживавших население дворцов, собирала повсюду указания на лиц, имеющих возможность при тех или иных условиях встречаться с царствующими особами (например, на празднике георгиевских кавалеров). Она лично делала наблюдения над выездами царя из Аничкова дворца, пока не была арестована вблизи него»[101].

После гибели Александра II от рук революционеров и обнаружения подкопа на Малой Садовой улице общество и власть явно преувеличивали возможности террористов. Весьма информированный обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал в Москву 15 марта 1881 года: «Перед Зимним дворцом, против Салтыкова выезда, роют по распоряжению Баранова канаву, при этом успели перерезать 17 проволок от мины!»[102] А. Ф. Аксакова в дневниковой записи за 20 марта 1881 года упоминала о неприглядном виде царских резиденций: «Дворцы Зимний и Аничков окружены канавами, около которых расхаживают патрули. Это производятся раскопки в поисках мин, которые, как предполагают, проложены около дворцов, хотя о реальности этих мин ходят только смутные и противоречивые слухи»[103]. Министр внутренних дел П. А. Валуев упоминал в дневнике 25 марта 1881 года, что «окапываются дворцы; запрещается ходить по их панелям».

Слух о перерезанной проволоке около Зимнего дворца имел под собой почву. Во время «окапывания» Зимнего дворца действительно наткнулись на проволоку в изоляции, которая шла от Адмиралтейства к Зимнему дворцу. Сгоряча решили, что это электрический кабель к мине, за-

ложенный под северо-западным ризалитом Зимнего дворца, в котором жила императорская семья. Однако вскоре выяснилось, что это остатки старого телеграфного кабеля, проложенного еще во времена Николая I[104].

Петербург тогда будоражили самые разные слухи. В их числе и слух о том, что минная галерея под Зимний дворец была пробита и из Мраморного дворца. Надо заметить, что после каждого покушения на Александра II в обществе циркулировали слухи о причастности к покушению младшего брата царя — великого князя Константина Николаевича и его жены Константинихи. Поэтому в поисках мифической галереи окопали и Мраморный дворец[105].

О том, что власти в 1880-х годах признавали реальную возможность новых покушений, свидетельствует выделение специального помещения в подвале Аничкова дворца «для минеров», в задачу которых входила борьба с возможными подкопами под дворец[106]. Об этом же пишет и П. А. Кропоткин: «Тем временем подземная галерея, снабженная автоматическими электрическими приборами, чтобы революционеры не смогли подобраться, рылась вокруг Аничкова дворца, где Александр III жил до восшествия на престол»[107].

В первые же дни правления Александра III в организации охраны императора начались серьезные изменения. При Александре II Сводная рота подчинялась трем лицам: гофмаршалу двора генерал-адъютанту Зиновьеву, заведующему конторой августейших детей генерал-лейтенанту Васильковскому и петербургскому коменданту генерал-лейтенанту Адельсону. Теперь при Александре III Сводная рота перешла в подчинение к его личному другу — графу И. И. Воронцову-Дашкову (а после его назначения на должность министра императорского двора была переподчинена начальнику царской охраны П. А. Черевину). Прежде всего усилили военную охрану. 1 марта 1881 года к Аничкову дворцу срочно перебросили батальон лейб-гвардии Павловского полка. Караулы павловцев, заняв все входы и выходы из Аничкова дворца, охраняли царя на протяжении 20 дней. В эти дни было принято решение сформировать воинское подразделение, главной и единственной задачей которого стала бы личная охрана императора. Уже 22 марта 1881 года Сводная рота, состоящая из отборных пехотинцев, выстроилась для смотра перед Аничковым дворцом. На этом смотре присутствовала вся семья императора. Гвардейцам доверили охранять внутренние комнаты царского дворца. 17 ноября 1883 года роту развернули в Сводный гвардейский батальон.

Организация охраны Гатчинского дворца.

В ситуации политической нестабильности и угрозы покушения Александр III принял решение уехать из Петербурга в Гатчину. Надолго. Это было личное решение императора. Поэтому заседание Комитета министров, разработавшее новый политический курс, проходило уже в Гатчине, куда царь со всей семьей перебрался 27 марта 1881 года.

Это как будто простое решение не имело, однако, прецедентов. Общество восприняло его весьма неоднозначно. Сановники, «отлученные» от двора, остались недовольны и считали дни царского пребывания в Гатчине. В народе начали распространяться самые нелепые слухи. Победоносцев писал царю 4 мая 1881 года: «Постоянное, безвыездное пребывание Ваше в Гатчине возбуждает в народе множество слухов самых невероятных... правда ли, что Государя уже нет на свете и что это скрывают»[108]. Распространялись нелепицы и среди столичного бомонда (апрель 1881 года): «Рассказывают, что на днях Государю устроили ванну в Гатчине, но он, к счастью, не сел, — прежде смерили градусы. Обнаружилось, что там яд»[109].

С 1881 года охрану гатчинской резиденции несли кирасиры лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества[110] полка («синие кирасиры»), казаки Собственного конвоя, Сводная гвардейская рота, 1-й железнодорожный батальон и Дворцовая полиция. Арсенальное каре Гатчинского дворца, в котором жила царская семья, охранялось особо. Внутри жилых помещений охрану несли казаки Собственного конвоя. Ежедневно на посты заступало по 34 казака, охранявшие приемную, спальню царской четы и их детей[111]. Для усиления конвоя в декабре 1881 года сформировали еще один Терский эскадрон. Тогда же расформировали Кавказский эскадрон. На всех входах во дворец установили так называемые пропускные посты, их занимали нижние чины Сводной роты, в чьи обязанности входило знать в лицо всех, допускающихся во дворец.

Именно в 1881 году были заложены такие традиции обеспечения безопасности императорских резиденций, когда различные подразделения государственной охраны подстраховывали и контролировали друг друга.

В августе 1881 года произошли важные кадровые изменения в окружении Александра III. Прежде всего, 17 августа был уволен от должности «по расстроенному здоровью» министр императорского двора граф Александр Владимирович Адлерберг-второй. Будучи личным другом императора Александра II, он занимал пост министра двора на протяжении 11 лет (с 17 апреля 1870 года). Эту долж-

ность принял И. И. Воронцов-Дашков, передав свои обязанности по организации охраны императора П. А. Черевину.

Александр III постоянно подчеркивал важность службы охраны. Во время дворцовых праздников офицеры подразделений, входящих в царскую охрану, приглашались к царскому столу. Так, 6 декабря 1881 года в Гатчинском дворце состоялся завтрак на 150 персон по случаю тезоименитства наследника цесаревича Николая Александровича. На этот завтрак были приглашены офицеры Сводной роты, Собственного конвоя. С 6 декабря 1882 года праздник проводился уже не только по случаю тезоименитства наследника, но и по случаю праздника Роты дворцовых гренадер. Его проводили в Аничковом дворце и на нем присутствовали также офицеры 1-го железнодорожного батальона. Устраивались в Гатчинском дворце торжественные завтраки и для нижних чинов охраны. 4 октября 1884 года состоялись завтрак по случаю праздника Кубанского эскадрона Собственного конвоя и обед для нижних чинов эскадрона. Фактически эти два дня — 4 октября и 6 декабря — стали ежегодными праздниками дворцовой охраны, когда офицеры и нижние чины встречались за одним столом с членами императорской семьи[112].

При налаживании охраны бывали и досадные промахи, переусердствования. Так, генерал Н. А. Епанчин упоминал, что сначала были закрыты калитки всех частных дач, выходившие в Приоратский парк. Но позже император приказал восстановить прежний порядок его посещения.

В Гатчине впервые в деле охраны начали активно применять технические средства, установив телефонную связь между всеми постами и караульным помещением во дворце. К 1884 году проложили телефонную линию между Петербургом и Гатчиной. Но, пожалуй, самым заметным новшеством стало использование электрического освещения.

По свидетельству видного чиновника Министерства императорского двора В. С. Кривенко, самое деятельное участие в электрификации Гатчинского дворца (в 1881–1882 годах) и его телефонизации принял начальник Секретной части Дворцовой стражи подполковник Е. Н. Ширинкин. Мемуарист отмечал, что «эти новинки по тому времени очень занимали царскую семью»[113], но жандармского подполковника они интересовали в первую очередь с точки зрения организации эффективной службы охраны.

Летом 1881 года гофмаршал императорского двора генерал-адъютант В. В. Зиновьев обратился к управляющему Морским министерством с просьбой оказать содействие по устройству электрического освещения вокруг Гатчинского дворца. В Гатчину немедленно были присланы специалисты из отряда минеров Балтийского флота — капитан 1 ранга Верховский и командир отряда лейтенант Смирнов. Сам факт привлечения специального отряда морских минеров свидетельствует о беспрецедентности принятых мер безопасности. Работы по электрификации парка начались уже в июле 1881 года. Места для установки электрических фонарей определяли лично министр императорского двора И. И. Воронцов-Дашков, главный начальник охраны генерал-майор П. А. Черевин и гофмаршал императорского двора генерал-адъютант В. В. Зиновьев. Освещение — 16 фонарей со свечами Яблочкова — начало действовать с 25 сентября 1881 года, что существенно облегчало дворцовой охране патрулирование обширной парковой территории. Для обслуживания электрических фонарей к Сводной роте прикомандировали 12 моряков-специалистов[114].

История электрификации Гатчинского дворца имела довольно необычное продолжение. Охрана, всячески демонстрируя свое рвение и, видимо, опасаясь каких-либо нежелательных воздействий нового освещения на здоровье императора, сначала, в октябре 1883 года, установила электрические лампочки (25 штук) на квартире начальника царской охраны генерал-майора Черевина. 29 декабря 1883 года его квартиру посетил Александр III. Найдя освещение комфортным, а своего телохранителя в полном здравии, император распорядился установить электрические лампочки в своем рабочем кабинете Гатчинского дворца.

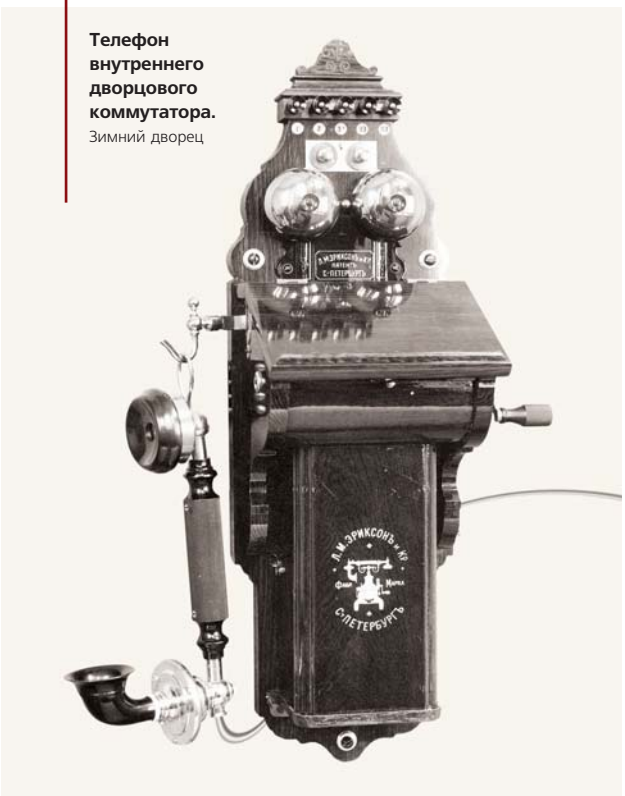
Во весь период пребывания императорского двора в Гатчине Александр III и его семья очень спокойно там себя чувствовали, считая Гатчину своим домом. Это спокойствие и благополучие было таково, что в 1886 году дворцовое ведомство дало разрешение на строительство пассажирской станции Балтийской железной дороги всего лишь в 200 метрах от Гатчинского дворца[115].

Деятельность подразделений охраны была мало заметна со стороны. Даже у весьма осведомленных лиц создавалось впечатление, что главным элементом охраны является изоляция императора в Гатчине. Так, посол Германии в России Г.-Л. фон Швейниц писал в январе 1882 года: «Я думаю, что люди, ответственные за охрану Императора, боятся грозящей ему опасности и стремятся защитить от нее и его, и прежде всего себя; по-человечески их поведение понятно, но, конечно, оно далеко от героического. Вероятно, они рассчитывают на то, что в России ничто не продолжается долго, периоды пожаров и заговоров сменяются затишьем, и точно так же будет и с нигилистами; наверное, в этом есть доля истины»[116].

Организация охраны Ливадии.

С 1862 года южный берег Крыма стал постоянным местом отдыха императорской четы. Больная императрица Мария Александровна всегда неохотно уезжала из России, поэтому пребывание в Крыму было воспринято и ею, и придворными медиками как разумный компромисс. Александру II пребывание в Крыму тоже шло на пользу. Он совершал длительные прогулки пешком, купался в море, ездил по окрестным дачам в Ореанду, Кореиз, Алупку и Гурзуф.

В 1860-е годы охрана в Крыму еще продолжала носить традиционно-патриархальный характер. Во время путешествия императрицы Марии Александровны в Ливадию в 1863 году ее сопровождали 45 казаков Собственного конвоя. В самой Ливадии к ним присоединились 11 человек рядовых 13-го стрелкового батальона, которые несли караульную службу у дворца, и шесть человек Симферопольской жандармской команды. Таким образом, императрицу в Крыму охраняли 62 человека[117]. В августе 1867 года на тезоименитство Александра II в Ливадию допустили всех желающих присутствовать местных жителей без каких-либо ограничений и проверок[118].



Телефон внутреннего дворцового коммутатора.
Зимний дворец

Первые электрические фонари в императорских резиденциях.
Гатчина

Однако уже в следующем, 1868 году ситуация изменилась. Охрана царя разработала специальный план особых мер. При въезде в Ливадию появились сторожевые будки. Вокруг резиденции соорудили столбы с гербами — для обозначения границ охраняемой зоны. Дорогу для проезжающих отодвинули от охраняемой царской резиденции, проложив ее заново. В Ливадии возвели казармы для воинских частей, охранявших резиденцию. Казачьи разъезды постоянными патрулями контролировали прилегающие к Ливадии дороги. В Ялте на летнее время увеличили число жандармов. Из города и его окрестностей выселели всех политически неблагонадежных. Для всех подразделений, охранявших царскую резиденцию, установили единые «тревожные» сигналы — с помощью полицейских свистков. Все торговые балаганы были выведены из резиденции. У всех входов и выходов поставили вооруженную охрану. Мемуарист упоминал и об «агентах тайной полиции», несших службу в Ливадии.

В. А. Дедюлин

Однако, по свидетельству современников, никому не воспрещалось ездить в Ливадию на консультации к лейб-медикам и придворным сановникам. Можно было без каких-либо затруднений получить разрешение на осмотр царского имения[119]. Отдыхавшие в Ялте по-прежнему могли увидеть царя, гулявшего в сопровождении одного-двух казаков конвоя.

С наступлением зимы резиденции охранялись обычными сторожами и немногочисленной постоянной прислугой. Ситуация изменилась в конце 1870-х годов. Систематические покушения на Александра II вынудили усилить охрану летних императорских резиденций в Крыму армейскими частями. Великий князь Александр Александрович отмечал в дневнике в ноябре 1880 года, что во время отдыха Александра II в Ливадии резиденция сначала охранялась ротой Эриванского полка, затем ее сменила рота Кабардинского полка. Весь период пребывания царя в Ливадии она охранялась ротой Виленского полка[120]. Осенью 1880 года после отъезда из Ливадии императора часть бывшей при царе армейской охраны оставили в резиденции для постоянного несения службы. Возглавил службу охраны в Ливадии поручик 52-го Виленского полка Иванов. Охрана была немногочисленной. В ее состав входили несколько армейских и жандармских унтер-офицеров. Им вменялось наблюдение за мастеровыми и рабочими во время строительных и хозяйственных работ[121].

После смерти в Ливадии в 1894 году Александра III резиденция не опустела. Молодой император Николай II любил ее с детства и продолжал регулярно там отдыхать.

Южный берег Крыма для удобства организации охраны царской семьи был выделен из Таврической губернии в особую административную единицу. Ее возглавлял градоначальник Ялты генерал И. А. Думбадзе. Поскольку Ялту и ее окрестности объявили «режимной» зоной, то Думбадзе считал себя вправе проводить жесткую паспортную политику, буквально «просеивая» курортников, приезжавших на отдых. Полицейская охрана царской резиденции содержалась на средства Министерства внутренних дел, и только для Думбадзе из средств Министерства императорского двора выплачивали особое, «добавочное содержание».

Поскольку император с 1904 по 1909 год (в годы революционных потрясений) не посещал Ливадию, то возобновление его поездок в Крым оказалось для охраны серьезным испытанием. Система охраны в Крыму была изменена. Накануне поездки, в июле 1909 года, дворцовый комендант В. А. Дедюлин положил на стол министра императорского двора В. Б. Фредерикса новое «Положение об охране Имений Его Величества «Ливадия» и «Ореанда». По этому «Положению», вокруг императорских имений формировалась сложная система охраны. Первое кольцо охраны представляли казаки Собственного конвоя, которые несли охрану в самом дворце, чины Дворцовой полиции и нижние чины Сводного полка, охранявшие входы в Ливадийский дворец и территорию парка. «Вся внутренняя охрана названных имений, караулы и ворота обслуживаются исключительно Дворцовой полицией, Собственным Его Величества конвоем и Собственным Его Величества сводным пехотным полком»[122] — многочисленная квалифицированная и боеспособная группировка, насчитывавшая 632 человека[123].

Для высших чинов охраны в Ливадии выделили особый дом. В 1909 году в нем проживали: начальник Дворцовой полиции полковник Герарди, заведующий охранной агентурой полковник Спиридович, офицер для особых поручений при дворцовом коменданте (начальник аналити-

ческого отдела) полковник Ратко и князь Туманов, начинавший работать еще с генералом Ширинкиным. Это были ключевые фигуры в деле организации охраны царя.

Наружная охрана императорских резиденций возлагалась на армейские части. В их число входили пехотные полки — Виленский и 16-й стрелковый. Им отводилась внешняя полоса охраны: по восточной границе Ливадии от Ливадийских ворот, у Севастопольского шоссе до берега моря и по западной границе Ореанды, вдоль имения княгини Долгоруковой. Надо заметить, что 16-й Стрелковый полк, расквартированный в Одессе, нес службу по охране Ливадии с 1880-х годов, поскольку в его составе была так называемая Государева рота, в списках которой числился сам Александр III[124]. Крымский конный полк решал задачу патрулирования разъездами прилегающих дорог: Севастопольское шоссе, Ореанда, Кореиз до Ялты; дорога Ореанда — Эрислик через Ай-Никольскую поляну; Маякское шоссе от Маякских ворот до Мисхора; Ялта с окрестностями. Пограничная стража охраняла берег моря: от Ялты до границы Ливадии и от западной границы Ореанды до Ай-Тодора (морская охрана появилась в Ливадии в первой половине 1880-х годов, при Александре III). Это было второе кольцо охраны.

Третье кольцо охраны формировалось силами Таврического охранного отделения, которое, используя агентурную сеть среди местного населения, контролировало отдыхающих в Ялте и других курортных городах. Во время пребывания императорской семьи в Ливадии к Таврическому охранному отделению для усиления прикомандировывались жандармские офицеры из других регионов России.

При выездах императора из Ливадийского дворца к обеспечению безопасности подключалась группа сотрудников полковника Спиридовича.

«Для всех» был запрещен транзитный проезд через императорские резиденции. Местным жителям и отдыхающим вдоль побережья предназначалась исключительно новая дорога, в глубине полуострова, сворачивать с этой дороги в глубь Ореанды запрещалось.

Во время поездки царя в 1909 году по железной дороге в Крым наряду с традиционными мерами безопасности были также внесены некоторые новшества. Так, традиционно «Собственный» поезд царя и свитский поезд периодически менялись местами на трассе движения. В качества «новинки» в эшелон свитского поезда были подцеплены «вагон Его Величества», в котором ехал только псаломщик Зверев. В «вагоне Ее Величества» ехали две комнатные девушки, а в «вагоне наследника» — два писаря[125].

Эта схема охраны сохранялась до весны 1914 года, когда император посетил Ливадию в последний раз. После 1909 года для организации охраны привлекались и дополнительные части. Например, весной 1912 года в окрестности Ливадии стянули Крымский конный полк, 7-ю роту 16-го стрелкового полка, военную команду гребцов, 7-ю и 8-ю роты Сводного полка, Собственный конвой и даже команду солдат-подметальщиков числом 60 человек[126].

Перед последним приездом Николая II в Ливадию по приказу дворцового коменданта от 26 февраля 1914 года провели поголовную проверку политической благонадежности всех ливадийских рабочих, составили список служащих с указанием, через какие посты они могут проходить. Дворцовая полиция даже разметила на маршруты все дорожки в Ливадии, и охрана, стоящая на постах, точно знала, кто из служащих мог пользоваться какой дорожкой. Рабочие на подводах передвигались по охраняемой территории только в сопровождении казаков конвоя.

Таким образом, в Ливадии сформировали трехслойную цепь охраны императорской резиденции, куда входили Дворцовая полиция, Собственный конвой, роты Сводного полка, дворцовая филерская служба полковника Спиридовича, армейские части и пограничная стража, расквартированные на юге России, а также жандармские офицеры и агентура Таврического охранного отделения.

Организация охраны
Александровского дворца в Царском Селе.

Осень 1904 года Николай II по традиции проводил в своей загородной резиденции — Александровском дворце Царского Села. К этому времени в жизни семьи Николая II изменилось многое. Подрастали четыре дочери. В июле 1904 года родился долгожданный наследник — цесаревич Алексей. Почти сразу выяснилось, что он болен неизлечимой болезнью — гемофилией. Этот диагноз сразу же отнесли к разряду государственных тайн, даже ближайшие родственники царя не были осведомлены. Сохранить эту тайну легче было вдали от Петербурга. Также в условиях назревавшей революции личную безопасность царской семьи проще обеспечивать именно в пригородных резиденциях, которые в это время начали превращаться в фактически закрытые города. Для Николая II движение и физические нагрузки были жизненной потребностью, а большой парк Александровского дворца давал ему возможность безопасно совершать ежедневные прогулки. Все эти соображения привели к тому, что Николай II

в 1904 году не вернулся в Зимний дворец, оставшись на зиму в Александровском дворце Царского Села. А на следующий год в стране уже полыхала революция, и из соображений безопасности Николай II так и остался в Александровском дворце Царского Села, который с 1905 года превратился в постоянную резиденцию императора. Этот статус Александровский дворец сохранял вплоть до марта 1917 года.

Всем подразделениям государственной охраны пришлось проделать огромную работу, чтобы превратить Александровский дворец в надежную и безопасную резиденцию. Ее пришлось вести в условиях политической нестабильности. В начале 1905 года Россия вошла в полосу революционных потрясений. 9 января 1905 года в Петербурге войска расстреляли рабочих, шедших к царю в Зимний дворец. Это событие резко изменило отношение народа к императору. Возникла реальная угроза его личной безопасности. Поэтому уже 11 января 1905 года дворцовый комендант приказал сосредоточить войска Царскосельского гарнизона «по направлению возможного прохода стачечников». Дороги из Петербурга в Царское Село заняли войска[127].

Среди первоочередных мер по созданию системы охраны Александровского дворца стало увеличение числа постов наружной охраны около Большого Царскосельского и Александровского дворцов. В 1906 году около этих дворцов было 10 суточных постов (40 человек); 8 дневных постов (с 7 часов утра до 7 часов вечера) у ограды Александровского парка (16 человек). Все наружные посты и агентурная служба в дворцовых городах подчинялись дворцовому коменданту.

Для более эффективного несения охраны обширного Александровского парка в 1906 году неподалеку от Александровского дворца в деревне Александровка организовали питомник охранных собак. Для несения этой службы в Дворцовую полицию привлекали служащих Петергофской охоты, имевших навыки обращения с собаками[128]. Как правило, собак использовали для охраны дворцовых парков в ночное время. Эта практика сохранялась вплоть до 1917 года. (Собак из питомника вывозили в свое время и для охраны Ливадийского парка.)

Как это ни покажется странным сегодня, но только в 1906 году, в условиях революции, городовых Дворцовой полиции, несших наружную охрану, вооружили револьверами[129], до этого у них были только драгунские сабли офицерского образца.

Охрана периметра Александровского парка оказалась достаточно сложна, поскольку надо было не только расставить посты вдоль значительной по протяженности ограды Александровского парка, но при этом сохранить у обитателей дворца некую иллюзию свободы. Посты охраны имели свои уровни ответственности: «особо ответственный», «унтер-офицерский» и т. д. Охрану несли чины нескольких подразделений: Дворцовой полиции, Сводного полка, Собственного конвоя и гвардейских полков Царскосельского гарнизона. От местного гарнизона выставлялось четыре наружных поста: у 1-го подъезда, у колоннады, у 4-го подъезда и у Полукруглого зала.

В июне 1900 года сформировали местного назначения дворцовую охрану из 15 унтер-офицеров сверхсрочников гвардейских полков при одном офицере. Сначала они носили военную форму, но затем их переодели в дворцовую форму — мундир в талию со сборками сзади, с красным воротником при золотых петлицах с черными гербами, красными обшлагами, поперечными золотыми галунами, украшенными черными орлами и красным кушаком. По службе они подчинялись дворцовому коменданту, но содержание получали от Царскосельского дворцового управления. Они несли службу, когда резиденцией императорского двора был еще Зимний дворец. Когда двор покидал осенью Царское Село, они занимали пять круглосуточных постов: пропускной в подвале и на всех четырех подъездах. После переезда семьи Николая II в Царское Село за ними были сохранены только два поста — пропускной в подвале (пост № 1 Сводного полка) и на Собственном 1-м подъезде. Их задачей стало наблюдение за рабочими. Они вели параллельную с чинами Сводного полка «шнуровую книгу» и сопровождали рабочих к месту работы с соблюдением всех установленных правил.

Чины Сводного полка несли круглосуточную караульную службу по периметру ограды Александровского парка на 26 постоянных и трех временных постах. На девяти наиболее важных постах солдат Сводного полка усиливали дворцовыми городовыми. Каждый пост имел свой номер, нумерация постов несет на себе следы совершенствования караульной службы. Так, изначально постоянных постов было меньше, но по мере роста террористической угрозы их число увеличивалось, новые посты шли под особой нумерацией, называясь «дополнительными», и могли быть как суточными, так и дневными. Пять казачьих разъездов прикрывали ограду дворца со стороны станции Александровки и села Большое Кузьмино. На время прогулки царя охрана парка усиливалась тремя дополнительными постами.

Кроме этих постов, были ненумерованные наружные посты, службу на которых несли только дворцовые городовые. Такой пост располагался у ворот Кухонного флигеля. Главные ворота также охранялись только двумя дворцовыми городовыми. В часы прогулок Николая II по парку этот пост усиливался старшим околоточным надзирателем, который должен был знать всех дворцовых городовых по фамилии и в лицо. Дворцовые городовые охраняли 1, 2 и 4-й подъезды дворца.

Был организован порядок регулярных «зачисток» парка. Осмотр Александровского парка начинался от Дворцовой улицы и Подкапризовой дороги. Если этот осмотр проводился накануне возвращения двора в Царское Село, то в нем участвовало от 150 до 200 человек. Солдаты Сводного полка проходили по парку тесной цепью дважды. Тщательно осматривалась дренажная система парка. Во время пребывания двора в Царском Селе осмотры парка проводили ежедневно в 6 часов утра нарядом из 25–30 человек. Иногда парк осматривали повторно в 12 часов дня. Интервал между солдатами был в 25 шагов. Им вменялось в обязанность внимательно осматривать все места, где мог бы укрыться человек: кусты, ямы, ветви деревьев, копны сена. Зимой внимательно отслеживались следы на снегу. Осмотр парка занимал примерно 30 минут.

Параллельно с внешней охраной была налажена внутренняя охрана дворца. Караул от Сводного полка располагался в подвале Александровского дворца. Караульную комнату дежурных офицеров, памятуя о взрыве, устроенном С. Халтуриным, специально расположили под императорской спальней.

В подвальной дежурной комнате находились два офицера: один отвечал за внутреннюю охрану, другой — за наружные посты. Все посты, как внутренние, так и наружные, были оборудованы звонками или телефонами. В подвале Александровского дворца для охраны выделили шесть обширных помещений[130].

Внутренние посты во дворце несли чины Сводного полка и Собственного конвоя. Подробные инструкции для каждого поста оговаривали все тонкости несения службы, вплоть до сектора обзора. Только внутренних круглосуточных постов от Сводного полка в Александровском дворце выставлялось девять при одном дополнительном, одном временном и двух дневных постах (из них один наружный, особый). Эти посты усиливались тремя ночными казачьими постами и двумя особыми наружными постами от Сводного полка. Внутри дворца царя охраняло 13 постов, ночью их число увеличивалось до 14.

Силами Дворцовой полиции обеспечивались 12 дневных постов (с 9 часов утра до 5 часов вечера) на углах улиц, выходивших к охраняемым паркам. Подъезд дворцового коменданта в Певческом переулке охранялся круглосуточным постом. В результате Дворцовая полиция контролировала периметр не только Александровского, но и Екатерининского парка. Кроме дворцовых городовых и Сводного полка за дворцами присматривали еще и чины специальной Садовой роты, которая насчитывала 40 человек. Чины Садовой роты имели особую полувоенную форму: длинный касторовый сюртук, на рукавах и воротнике которых были золотые галуны с черными орлами. Они занимали три поста в Александровском парке и 11 постов в Екатерининском парке.

Был выработан порядок сопровождения и охраны членов царской семьи во время прогулок по ближайшим окрестностям. Так, после того как дежурный камердинер требовал лошадей для прогулки, об этом немедленно сообщалось по телефону в дом дворцовых городовых на углу Оранжерейной и Колпинской улиц, и все свободные от нарядов городовые немедленно занимали посты по предполагавшемуся маршруту прогулки царственных особ. При этом дежурный дворцовой телефонной станции прослушивал все телефонные разговоры, пытаясь определить маршрут прогулки. Если ему это удавалось, то он немедленно докладывал об этом в канцелярию дворцового коменданта. Следом за дворцовыми городовыми на маршрут прогулки выдвигались агенты Дворцовой полиции. Они уточняли маршрут прогулки, наводя справки по пути следования через городовых, стоявших на постах, или по телефону в канцелярии дворцового коменданта. Если императрица Александра Федоровна и А. Вырубова выезжали в Павловск, то там через самое короткое время появлялись агенты из команды Спиридовича. Если кто-либо из царской семьи заговаривал с кем-либо на улице, то охрана немедленно осведомлялась о фамилии и положении собеседников и о поводе к разговору.

Особенно тщательно контролировались все передвижения Николая II вне Александровского дворца, но в пределах Царскосельской резиденции. Так, во время его прогулок по Александровскому парку выставлялись дополнительно два поста. Часовые на постах обязаны были немедленно, как только мимо них проследует император, сообщать дежурному офицеру о времени и месте прохождения царя в парке. Если к Николаю II приезжал кто-либо из сановников по срочному делу, то дежурный офицер ехал на велосипеде к царю в парк, всегда точно зная, где он находится.

Конные казачьи разъезды Собственного конвоя во время прогулок царя прочесывали по всем направлениям Баболовский и Отдельный парки. При поездках царя по железной дороге посты дворцовых городовых выставлялись от решетки Александровского парка до царского железнодорожного павильона, вдоль шоссе. При поездках царя в части Царскосельского гарнизона выставлялся только один пост дворцового городового к зданию, в котором находился Николай II. Само здание снаружи и изнутри охранялось личным составом самого военного подразделения.

Постоянно совершенствовались инструкции по контролю за публикой. Так, в обязанность охране вменялось ограждать членов царской семьи от передачи каких-либо прошений. Это было связано с обеспечением безопасности первого лица. Тех, кто прорывался через охрану, задерживали и отправляли на допрос либо к дворцовому коменданту, либо в Секретное отделение санкт-петербургского градоначальника. Охрана обращала особое внимание и задерживала тех, кто не снимал головного убора при царских проездах. Задерживали также всех, кто фотографировал виды Царского Села без специального разрешения. Подлежали задержанию и выяснению те, кто приезжал в Царское Село «без надлежащего вида на жительство». Для постоянного контроля за публикой дворцовым городовым вменялось в обязанность стоять спиной к царю.

Была разработана процедура охраны Большого Екатерининского дворца Царского Села во время официальных церемоний. За несколько часов до начала официальных мероприятий дворцовые городовые тщательно осматривали весь дворец от чердака до подвалов. После этого чины Сводного полка в полном объеме повторяли тщательный осмотр дворца, дублируя и проверяя коллег, выставляли вокруг дворца девять постов. Особенно тщательно прикрывался церковный подъезд Екатерининского дворца, через который во дворец проходил царь.

Постепенно вокруг Александровского дворца складывалась своя инфраструктура. Весьма заметное место в ней занимал комплекс зданий, получивших название Федоровского городка. В облике зданий Федоровского городка, расположенного поблизости от Александровского дворца, нашли отражения вкусовые пристрастия Николая II, впитанные им с детства. Этот архитектурный стиль именовался «неорусским», поскольку его основные стилевые доминанты ориентировались на лучшие образцы зодчества Московской Руси XVI–XVII веков. В числе этих построек оказались и здания, предназначенные для подразделений охраны. Федоровский Государев собор считался полковым храмом Сводного пехотного полка и Собственного конвоя и был приходом семьи императора.

В 1895–1896 годах в районе Египетских ворот на Кузьминской улице Царского Села (сейчас Академический проспект) для Сводного полка построили деревянные казармы. И уже тогда поднимался вопрос о строительстве для подразделений охраны собственной церкви, его разрешили только в начале 1909 года.

Строительство собора рядом с новой постоянной императорской резиденцией было вызвано целым рядом причин. Во-первых, Николай II, императрица Александра Федоровна и их дети были искренне и глубоко религиозными людьми. Во-вторых, с 1904 года в одном из залов Александровского дворца находилась походная церковь, где каждое утро молилась царская семья. Но это было светское помещение, только приспособленное для религиозных отправлений. Это не устраивало царскую семью. В-третьих, регулярное посещение других храмов Царского Села не рекомендовалось дворцовой охраной по соображениям безопасности. В-четвертых, императорская семья всегда внимательно относилась к нуждам своей охраны, у которой не оказалось своей постоянной церкви. Видимо, весь этот комплекс причин способствовал принятию решения о возведении храма близ Александровского дворца, который фактически стал домовой церковью семьи Николая II. Однако складывается впечатление, что именно соображения безопасности окончательно решили этот вопрос.

Не останавливаясь на декоративном убранстве храма, хотелось бы обратить внимание на ряд планировочных особенностей Федоровского собора, которые, возможно, были продиктованы заботой о максимальной безопасности царской семьи.

В храме, вмещавшем до тысячи человек, имелось несколько входов, размещенных с разных сторон здания и предназначенных для разных категорий прихожан. Царская семья, духовенство, офицеры, солдаты и частные лица входили в храм раздельно. Каждый из потоков молящихся проходил через «свои» двери. При этом люди сразу же попадали к тем местам в храме, которые предназначались именно для них. С южной стороны находился вход для офицеров и чинов конвоя. С этой же стороны имелся отдельный вход для августейшей семьи в подвальный этаж, в Пещерный храм. Всего для царской семьи предусмотрели два входа: один с южной стороны (описанный выше), другой, ведущий в верхний храм: в юго-восточном углу здания,

оформленный в виде каменного крыльца с шатровым синим верхом, завершенным золоченым орлом, который как бы отдыхает на скипетре (точная копия орла в Патриаршей палате Кремлевского дворца). Над входом — иконы святого благоверного князя Александра Невского, Марии Магдалины, святой царицы Александры. Внутренняя лестница этого входа ведет в небольшую прихожую, откуда можно пройти прямо на ту часть, которая предназначалась для царской семьи. От прихожей была отделена молельня императрицы Александры Федоровны. Специальная лестница соединяла молельню императрицы при алтаре Федоровского собора с молельней при Пещерном храме.

Поскольку царская семья регулярно посещала Федоровский собор, была выработана схема расположения постов поблизости и внутри собора при высочайших его посещениях. От Собственного конвоя выставлялось два поста. Первый у царского (Собственного) подъезда собора — почетный пост из двух казаков-конвойцев и разводящего урядника. Ктитор собора, полковник лейб-гвардии Семеновского полка полковник Ломан, встречал царя и провожал в собор через царский подъезд, в котором находился пост от Сводного полка. Второй — внутри собора — уряднический пост, находившийся за царским местом (у ступеней правого бокового входа на клирос, ведущих в личные комнаты). Его обязанностью было никого не пропускать в комнаты из собора, кроме дворцового коменданта и лиц по его указанию. От Сводного полка выставлялось еще четыре поста. Первый — посреди собора, недалеко от выручки ктитора. Второй — с внутренней стороны у общего западного входа, ближайшего к южному фасаду. Третий — снаружи у входа с северной стороны в Пещерный храм. Четвертый — у входа для духовенства, нижних чинов конвоя, Сводного и Железнодорожного полков. От Дворцовой полиции в Федоровском соборе выставлялись еще три одиночных поста. На пути царя от охраняемой территории Александровского парка до Федоровского собора и на всей близлежащей территории (казармы Сводного полка и Собственного конвоя) дежурили агенты Дворцовой полиции. Императорская семья входила в храм через боковую дверь на правый клирос. Дворцовый комендант следовал за нею и занимал место около клироса, впереди команд казаков и нижних чинов, стоявших во всю ширину собора, отделяя царскую семью от «профильтрованной» публики. Николай II и наследник стояли в соборе на виду у публики, большая колонна скрывала места государыни и великих княжон. Простые миряне допускались в собор только по пригласительным билетам, выдачу которых контролировала дворцовая охрана.

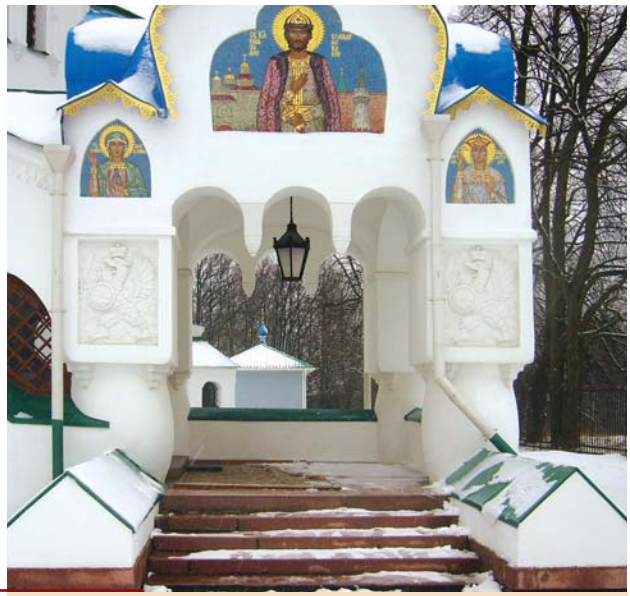
Чины Собственного Е. И. В. конвоя после молебна у Федоровского собора.
Царское Село

Таким образом, безопасность Николая II при посещении Федоровского собора обеспечивалась тремя подразделениями — Собственным конвоем, Сводным полком и Дворцовой полицией. Они выставляли девять постоянных постов, не считая агентов, находившихся поблизости. Тем не менее совершенству в этом вопросе не было предела, и летом 1916 года для проработки вопросов охраны царя в Федоровском соборе была образована специальная комиссия. В ее состав вошли: командир Сводного полка генерал-майор Ресин, представитель управления дворцового коменданта Суслов, полковник Собственного конвоя Перепеловский, ктитор Федоровского собора полковник Ломан, начальник Дворцовой полиции полковник Герарди и его помощник действительный статский советник Александров.

В заключение можно констатировать, что за короткое время (1904–1905) была организована надежная система охраны новой постоянной императорской резиденции — Александровского дворца в Царском Селе. В основу охраны был положен принцип многослойного прикрытия царской семьи различными охранными структурами.

Дворцовый комендант В. Н. Воейков в планах на 1917 год собирался заменить кровельную крышу Александровского дворца «блиндированной». Была начата инженерная проработка этого проекта придворным архитектором С. А. Данини. В проектах новой бронированной кровли намечалось устройство особого спуска над карнизом, который не позволил бы сброшенной с аэроплана бомбе упасть возле стен дворца и при взрыве убить кого-либо. Воейков вынашивал планы окружить дворец рвом с такими откосами, которые могли бы отражать осколки взрывающихся бомб в стороны, противоположные наружным стенам Александровского дворца[131]. Все вышеперечисленное говорит о том, что воздушная бомбардировка в 1916 году рассматривалась дворцовой охраной как вполне реальный сценарий развития событий.

Во время войны парк Александровского дворца полностью закрыли для публики. До переезда царской семьи в Александровский дворец его можно было посещать для осмотра по билетам, выдаваемым Дворцовым управлением. С 1905 года посещение посторонними Александровского парка прекратили, но во время отсутствия двора парк вплоть до 1911 года можно было осматривать, за исключением той его части, которая выходила к самому дворцу. В 1912–1913 годах парк можно было посещать только по билетам. С 1914 по 1917 год парк закрыли для всех без исключений[132].



Восстановленное крыльцо Федоровского собора.
Современный вид

БЕЗОПАСНОСТЬ КОРОНАЦИОННЫХ, ПРАЗДНИЧНЫХ И ДРУГИХ МЕРОПРИЯТИЙ

Важнейшей частью формирующегося монархического «сценария власти» были коронационные торжества в Москве. Именно коронационные торжества, традиции которых заложил первый русский царь Иван IV в 1547 году, придавали монарху окончательную легитимность в глазах народа, превращая его в помазанника Божьего. По традиции центром коронационных торжеств был Московский Кремль, в Успенском соборе которого и проходило венчание на царство.

Наряду с парадной стороной венчания на царство существовала и организационная сторона этого грандиозного действа. Эти торжества должны были проходить гладко и четко по разработанному сценарию. В этом сценарии важное место занимали мероприятия, связанные с обеспечением охраны прежде всего главных действующих лиц — императорской четы и ее окружения. Каждая из коронаций XIX века имела свои особенности.

Коронация 1856 года.
Подготовка к коронации Александра II в 1856 году прошла в кратчайшие сроки, так как страна была ослаблена проигранной Крымской войной (1853–1856) и фактически находилась на грани экономического кризиса. Несмотря на финансовые проблемы, церемонию провели пышно и торжественно, являя миру могущество России. Государственные расходы свели до минимума, а необходимые материальные ресурсы собирали со всех концов страны. Общая сумма расходов на коронацию составила 5 322 252 рубля 91 копейку[133].

С точки зрения государственной охраны, коронационные торжества прошли весьма спокойно[134], поскольку еще не рассыпался твердый порядок, сформированный за три десятилетия правления Николая I. Судя по документам, серьезных опасений, связанных с возможностью какого-либо покушения на Александра II, не было. Поэтому задачи подразделений государственной охраны в целом носили демонстрационный характер. И всадники Собственного конвоя были просто ярким, экзотическим элементом в красочной церемонии коронации.

О парадной стороне участия Собственного конвоя в коронации свидетельствует переписка командования конвоя с командиром Сестрорецкого оружейного завода. В январе 1856 года командование конвоя обратилось на Сестрорецкий завод с просьбой об изготовлении

образцов новых ружей и пистолетов. Ружье должно было быть «со стволом, как у мусульманских ружей», 6-линейного калибра, прицел дугообразно-выдвижной, ствол с прямоугольно-равномерными нарезами и местом для посадки штыка. Пистолеты требовались одного с ружьями калибра. В начале апреля требуемые образцы были изготовлены и пристреляны: ружья на 150–1000 шагов, пистолеты на 20–200 шагов. 5 мая эти образцы утвердил лично Александр II. По ним Тульскому оружейному заводу заказали для изготовления 251 ружье и 258 пистолетов. В заказе подчеркивалось, что оружие должно быть изготовлено «во всех отношениях самым тщательнейшим образом»[135], и установлен срок — 20 августа 1856 года со сдачей оружия в Москве, непосредственно перед коронацией. Естественно, оружие было «изготовлено на славу». Например, «головки» пистолетов выполнили из слоновой кости. Заказанную партию сдали в Москве 15 августа 1856 года. Но для нас во всей этой истории важно то, что конвойцы участвовали в коронации фактически с незнакомым оружием, поскольку только при сдаче им показали, как обращаться со сложным прицелом конструкции француза Минье.

Коронация 1883 года.

Общеполитическая ситуация к этому времени была совершенно иной. После трагической гибели Александра II власть стала перед выбором своего образа, в рамках которого удастся стабилизировать общество. Опасаясь новых попыток покушений на императора, правительство поддержало инициативу по организации «Священной дружины», намеревавшейся оказывать всяческое содействие (тайное и добровольное) делу охраны жизни Александра III. Эта тайная организация создавалась по инициативе графа И. И. Воронцова-Дашкова и генерала Р. А. Фадеева, но автором идеи был тогда еще мало кому известный С. Ю. Витте, родственник Фадеева[136].

Главной целью этой тайной добровольной организации стала борьба с террористами, поскольку официальные структуры, отвечавшие за безопасность царской семьи, продемонстрировали в трагический день 1 марта свою полную несостоятельность. Такие влиятельные царедворцы, как граф И. И. Воронцов-Дашков, адъютант великого князя Владимира Александровича, граф П. П. Шувалов и другие собирались «прикрыть царя своими телами» в случае опасности. Всех постоянных членов «Священной дружины» разбили на «пятерки». Сам Витте числился главным по Киевскому району — «братом» под № 113[137]. Основной задачей постоянных членов стала организация агентурной работы. Отделения «Священной дружины» были созданы в 30 городах России.

В ведении Центрального комитета «Священной дружины» находилось созданное в октябре 1881 года общество «Добровольная охрана» для «наружной охраны священной особы Государя Императора... путем привлечения к этому делу в качестве добровольцев масс местных обывателей»[138]. Эта структура создавалась для использования ее членов во время массовых мероприятий, в том числе и коронации. Эти «массы» должны были заполнять первые ряды обывателей на маршрутах проезда императора и вдоль линий железных дорог.

К организации структур «Священной дружины» в обществе и даже в ближайшем окружении императора относились по-разному. Известно ядовитое замечание М. Е. Салтыкова-Щедрина: «взволнованные лоботрясы» (рассказы «Письма к тетеньке» и «Союз недремлющих лоботрясов»). Впоследствии и Витте также крайне негативно отзывался об этой затее. Но самым весомым было мнение об этой организации всесильного обер-прокурора Синода Победоносцева. После конфликта с руководством ставшей весьма влиятельной «Священной дружины» он направил Александру III 23 ноября 1882 года письмо, в котором предостерег царя от усиливавшегося влияния «Дружины»: «Время страшное, и враг не дремлет, а теперь, озираясь вокруг, я убеждаюсь все больше и больше, что, как бы ни была велика опасность Вашему Величеству от злодеев-заговорщиков, еще серьезнее опасность от дружины»[139]. В результате буквально через несколько дней — 26 ноября 1882 года — последовало распоряжение Александра III о роспуске «Дружины». К этому времени она насчитывала 729 постоянных членов и 14 672 добровольных охранника[140]. Примечательно, что, хотя саму «Священную дружину» ликвидировали в конце 1882 года, ее структура — «Добровольная охрана» — существовала вплоть до начала 1900-х годов.

Во время коронации Александра III в мае 1883 года были задействованы все подразделения государственной охраны, переброшенные из Петербурга в Москву. Были разработаны правила по контролю присутствующих на торжествах. Для того чтобы общество получило необходимую информацию «о новом образе власти», на коронацию допускались корреспонденты «благонадежных» изданий по разрешению министра внутренних дел. Для обеспечения безопасности монарха на трассах его проезда в Москве привлекли 14 915 членов «Добровольной охраны». Значительную их часть составляли московские старообрядцы.

Особое внимание уделялось организации «народного праздника» на Ходынском поле (он был рассчитан на 400 тысяч человек). Несмотря на огромное число людей, пришедших на Ходынку, серьезных инцидентов не возникло. (Только во время раздачи коронационных жетонов была давка.) Если народ сбивался в толпы слишком плотно, их рассеивали наряды полиции и оркестры, маршировавшие сквозь толпу[141].

Коронационные торжества прошли в традиционных правилах. Сановная публика, правда, отмечала, что если на коронации 1856 года войск и полиции не было заметно, то на коронации 1883 года бросалась в глаза многочисленная охрана. Коронационная процессия открывалась Собственным конвоем. Толпу, придвигавшуюся слишком близко к императору, разгоняли казачьи отряды. Но в целом публика, помнившая трагическую гибель Александра II, с пониманием отнеслась к повышенным мерам безопасности. Торжества прошли без инцидентов. Сумма затрат на коронацию составила 6 400 000 рублей.

Благополучно прошедшие коронационные торжества показали дееспособность государевой охраны.

Коронация 1896 года.

Начало нового царствования сопровождалось возрождением в молодежной среде идеи цареубийства. Толчком к этому стала подготовка к коронации Николая II, которая была намечена на май 1896 года. Готовились к этому событию как подразделения государственной охраны, отвечавшие за безопасность царя, так и студенческая молодежь, мечтавшая о лаврах революционеров-мучеников — Желябова и Перовской.

Конкретные формы подготовка к террористическому акту приобрела в кружке московских студентов во главе с Иваном Распутиным. Они планировали закидать торжественную процессию бомбами либо с одной из колоколен, либо из окон. Студенты оборудовали лабораторию по кустарному изготовлению динамита. Уже в апреле 1895 года они провели в окрестностях Москвы боевые испытания бомб, но 4 мая 1895 года Московское охранное отделение арестовало всю террористическою группу (35 человек).

Парадный въезд Алексадра II в Московский Кремль.
1856 г.

Коронация императора Александра III и императрицы Марии Федоровны.
Успенский собор Московского Кремля. 1883 г.

Заметную роль в этой полицейской акции сыграл руководитель филерской службы Московского охранного отделения Евстратий Павлович Медников. Родившись в крестьянской семье, он прошел путь от рядового филера до руководителя филерской службы Москвы и Петербурга, выслужив потомственное дворянство. Еще в 1883 году за удачную организацию службы наблюдения во время коронации Александра III ему пожаловали медаль для ношения в петлице на Александровской ленте. После успешного завершения коронации Николая II он получил золотой перстень с бриллиантом за активное участие в обеспечении безопасности царя[142]. Именно его служба организовала еще в январе 1895 года непрерывное наблюдение за студентами-террористами, которое позволило нейтрализовать их попытку нового цареубийства.

Участники террористического кружка Ивана Распутина отделались относительно легко. Молодой император не хотел омрачать начало своего царствования казнями. По высочайшему соизволению 14 февраля 1896 года дело разрешили в административном порядке. Распутин был подвергнут одиночному заключению на 5 лет с последующей высылкой на 10 лет в Якутию. Остальные участники террористического кружка получили более мягкие приговоры.

Готовилась к коронации и Дворцовая полиция. Все руководители этой спецслужбы уже обеспечивали безопасность коронации Александра III в 1883 году, когда ситуация в стране была значительно более тревожной. Поскольку в основу коронационных торжеств был положен принцип прецедента, то и мероприятия по обеспечению безопасности Николая II фактически копировали мероприятия 1883 года.

Начальник царской охраны П. А. Черевин в декабре 1895 года лично посетил Москву, чтобы окончательно решить все организационные вопросы. Он провел совещание с местными властями, принял участие в осмотре зданий, задействованных в коронации, утвердил положение о форме и порядке раздачи специальных билетов на трибуны[143].

Из Петербурга в Москву чины Дворцовой полиции выехали почти в полном составе[144]. К Дворцовой полиции были прикомандированы жандармские и полицейские офицеры с нижними чинами[145]. Всего 208 человек. (В 1883 году число сотрудников Дворцовой полиции составляло 210 человек.)

Уже 15 апреля в Москву прибыли первые сотрудники Дворцовой полиции. Они еще раз тщательно проверили все здания, так или иначе связанные с торжествами, распределили городовых по дворцам и постам в Кремле, проверили водопровод и канализацию.

Обязанности Дворцовой полиции во время коронации были весьма многочисленны и ответственны. Она контролировала в Москве выдачу билетов на торжества и их проверку. Это была трудоемкая, хотя и отработанная на предыдущих торжествах процедура. Всего насчитывалось восемь категорий билетов разных цветов и размеров, каждая категория распадалась на подвиды билетов. Например, категория билетов для «входа и проезда в Кремль» включала в себя также восемь различных подвидов. Главный из подвидов — «для повсеместного пропуска в Кремль» — представлял собой кожаную красную книжечку размером 9 на 6,5 см с золотым тиснением «Пропуск везде». Внутри указывались номер билета и фамилия владельца. Подписан он был дворцовым комендантом и московским обер-полицмейстером.

Их выдавал лично дворцовый комендант Гессе. Всего к коронации изготовили 120 экземпляров таких билетов, но выдали только 44. Каждый билет обошелся казне в 84 рубля. Были билеты и дороже: билет для прохода через Троицкие ворота (бристольский картон белого цвета четырехугольной формы с закругленными углами, с золотым тиснением, размером 14 на 9,5 см) обошелся казне в 245 рублей за штуку.

При проверке билетов рядом с дворцовыми городовыми стояли представители различных ведомств, опознавая в лицо своих коллег, проходивших через определенные подъезды. Рядом с ними находились и полицейские офицеры. За весь период коронации было роздано и проверено около 6 тысяч билетов различных цветов, размеров и форм.

Дворцовая полиция отвечала за проверку вольнонаемного персонала, привлекаемого на коронацию. Всей вольнонаемной прислуге выдавались специальные пропуска с фотографиями, подписанные генералом Ширинкиным.

Дворцовая полиция отвечала за благонадежность и лояльность многочисленных художников (47 российских и 11 иностранных), фотографов (64 российских и 3 иностранных) и представителей прессы (30 из Петербурга, 28 из Москвы, 39 из провинции и 94 иностранца).

Дворцовая полиция следила за налаживанием специальной телефонной сети и контролировала все телефонные переговоры.

Чины Дворцовой полиции несли постовую службу: в Кремле установили 35 постов, в Александровском дворце (в Нескучном), в одной из московских резиденций царя, постоянно находился заместитель генерала Ширинкина — Знамеровский с пятью агентами и 42 городовыми на 14 постах.

Официально коронационные торжества в Москве окончились 26 мая. В этот день Николай II отбыл в подмосковное село Ильинское, принадлежавшее генерал-губернатору Москвы великому князю Сергею Александровичу. Царь пробыл там до 16 июня, отдыхая в кругу родственников. Но и там генерал Ширинкин с тремя агентами охранял царя. Он последним покинул Москву 22 июня.

Кроме Дворцовой полиции в Москву прибыли два элитных воинских формирования, обеспечивавших безопасность императорской фамилии. Четырьмя эшелонами прибыл Собственный конвой императора, насчитывавший 579 человек. Он также нес постовую службу во дворцах. Только дважды за весь период коронации Собственный конвой в полном составе передавался в распоряжение дворцового коменданта Гессе «для полицейской службы»: 14 мая — в день коронации и 18 мая — в день Ходынской катастрофы, когда при раздаче «царских подарков» 1300 человек были покалечены и 1389 человек погибли в давке. В этот день все три сотни терских и кубанских казаков срочно стянули в конном строю к Петровскому дворцу, в котором по приезде остановился царь. Видимо, Гессе опасался каких-либо эксцессов и поэтому решил перестраховаться, вызвав к дворцу Собственный конвой.

В Москву прибыл Сводный гвардейский батальон численностью 495 человек, который также нес караульную службу. В Кремлевском дворце было организовано 37 круглосуточных постов, в Александровском дворце — 37 постов, в Петровском дворце — 21 пост.

Небезынтересно, как коронационные торжества оказались отражены в дневнике Николая II. Но прежде надо отметить, что вопросы охраны тогда очень мало заботили молодого императора. Присутствие охраны и принимаемые ею меры были привычным фоном, на который он не обращал особого внимания. Поэтому сведений о мерах безопасности в дневнике практически нет. В день прибытия в Москву, 6 мая, Николай II упомянул, что его на платформе встретило семейство «и почетный караул Уланского Ее В. полка. Оттуда в сопровождении всех кавалерийских офицеров доехали до Петровского. На дворе стоял поч. кар. Лейб-Екатеринославского полка». Понятно, что почетные караулы имели весьма косвенное отношение к охране. Собственно акт коронации состоялся 14 мая, и царь записал: «Все это произошло в Успенском соборе, хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь!!!» Примечательно, что коронационную процессию, как в 1856 и 1883 годах, открывали казаки Собственного конвоя. Следом за ними шла рота гвардейских казаков[146].

Только 18 мая, когда произошла катастрофа на Ходынке, царь отметил: «До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки наперла на постройки, и тут произошла страшная давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!! Я об этом узнал в 10 1/2 ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12 1/2 завтракали и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствование при этом печальном «народном празднике». Собственно, там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и «Славься».

Вечером этого же дня императорская чета отправилась на бал во французское посольство: «Поехали на бал к Montebello[147]. Было очень красиво устроено, но жара стоя-

Охрана парадного проезда императора

ла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч.». Это была ошибка императора, которая ему дорого стоила. Не сама давка на Ходынке, а именно эта поездка на бал в день народной трагедии положила начало формированию образа «кровавого» царя. И хотя в последующие дни царская семья неоднократно посещала больницы и жертвовала крупные суммы пострадавшим[148], в сознании людей Николай II так и остался развлекающимся на балу в то время, как с Ходынки убирали трупы раздавленных.

Таким образом, обеспечением безопасности императорской семьи занимались 1282 человека, прибывших из Петербурга в Москву. Были привлечены и вся московская полиция, и ее блестящая филерская служба. По примеру проведения коронации 1883 года из московских обывателей создали многотысячную «Добровольную охрану», которая заполняла первые ряды публики на маршрутах проездов царя по улицам Москвы. Казне организация охраны только по ведомству Дворцовой полиции обошлась чуть более 73 тысяч рублей. Общая сумма затрат на проведение коронации составила 6 971 328 рублей 24 копейки.

Во время коронации вся полнота ответственности за безопасность молодого императора лежала на генерал-губернаторе Москвы великом князе Сергее Александровиче. О том, какое значение имела для него эта проблема, писал в дневнике великий князь Константин Константинович: «Главной его заботой было оградить Государя от всевозможных опасностей, все остальное, даже гибель около 2000 челов., представляется ему не столь важным после того, что Государь благополучно прожил в Москве все

3 недели коронационных торжеств»[149]. По слухам, зафиксированным современниками, обер-полицмейстер Москвы полковник А. А. Власовский, близкий ко двору великого князя Сергея Александровича, «созвал московских воров и предложил им, чтобы они следили, чтобы в карманах не было револьверов, за что красть им разрешалось вволю»[150]. Великий князь и московская полиция считали оправданными любые методы, если они обеспечивали спокойное проведение коронации.

Вскоре после коронации императора в революционном движении страны появились новые имена. В журнале «Народоволец», издававшемся в Лондоне, В. Л. Бурцев призывал молодежь России «подражать прославленным попыткам убийства Александра II». Это подстрекательство к цареубийству стоило ему восемнадцати месяцев принудительных работ в Англии.

Призывы Бурцева упали на подготовленную почву. Выстрел бывшего студента П. В. Карповича в министра народного просвещения Н. П. Боголепова 14 февраля 1901 года открыл новую страницу революционного террора — эсеровского. По свидетельству жандармского полковника А. И. Спиридовича, выступление боевой организации партии эсеров «захватило правительство как бы врасплох»[151]. Вскоре, 2 апреля 1902 года, эсеровский террорист С. В. Балмашев убил министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Спиридович признавал, что «впечатление, произведенное в рядах правительства выстрелом Балмашева, было потрясающе. Власти в полном смысле слова не знали, что, как, откуда и почему».

Торжества в Сарове в 1903 году.

Отношение Николая II к охране сформировалось под влиянием ряда факторов. Во-первых, будучи 12-летним мальчиком, он прекрасно помнил смерть своего деда — Александра II — в залитом кровью кабинете императора в Зимнем дворце. Во-вторых, он вырос в окружении плотной охраны, и ее присутствие было для него естественным и привычным. 22 марта 1881 года он стоял на ступенях Аничкова дворца, когда его отец проводил смотр Сводной роты. Унтер-офицеры роты учили его стрелять и привили ему любовь к армейской службе. Весной 1889 года, когда цесаревич Николай Александрович вступил в командование ротой Преображенского полка, были приняты меры по охране наследника. Во время традиционных учений в Красном Селе у барака цесаревича выставлялись часовые от Преображенского полка. Там же находились командированные от Департамента полиции агенты в гражданской одежде[152].

К армейской охране Николай II также относился очень внимательно. Это было частью его профессии. Так, осенью 1901 года леса вокруг Спалы во время отдыха царской семьи охраняли эскадроны 15-го драгунского Александрийского полка. Полк, поэскадронно расквартированный вокруг лесного массива в деревнях, прикрывал все дороги. От эскадронов на дорогах размещались посты по шесть — восемь человек, они были связаны конными разъездами. Николай II подчеркнуто внимательно относился к офицерам и нижним чинам полка, периодически общаясь с ними. Перед отъездом он счел необходимым провести высочайший смотр полка, поблагодарив всех за службу[153].

Царь серьезно относился к любой тревожной информации Департамента полиции, однако иной раз стремился вырваться из-под опеки полицейской охраны, особенно во время восторженных встреч в провинции. Ликование толпы разрушало в нем представление о том, что вся страна желает его смерти. Эти экспромты царя подчас ставили охрану в очень трудное положение.

Характерным примером отношения царя к охране является его поездка в Саров в июле 1903 года на поклонение мощам канонизированного Серафима Саровского. В эти дни в Сарове скопилось от 150 до 200 тысяч паломников, которые жаждали видеть своего царя. В Сарове были приняты стандартные, отработанные меры для его охраны, использовавшиеся во время многолюдных официальных мероприятий. Для поддержания порядка среди огромных людских масс в Саров стянули дополнительные силы полиции и части регулярной армии. Общее число полицейских составило около полутора тысяч человек, из их числа создали временное подразделение — Саровскую полицию. Из армейских подразделений под Саров передислоцировались 11-й гренадерский Фанагорийский великого князя Димитрия Павловича полк и 1-й Донской казачий генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского полк.

Во время проезда семьи Николая II и его многочисленной свиты от Петергофа до Арзамаса[154] использовалось стандартное оцепление полотна железной дороги по всему маршруту. В оцеплении участвовали около 15 тысяч солдат.

Поезд Николая II остановился, не доходя до платформы арзамасского городского вокзала, для него была сооружена специальная платформа, на которой царский поезд торжественно встретили нижегородский губернатор и представители различных сословий Нижегородской

губернии. Здесь же к царю присоединились министр внутренних дел Плеве и министр путей сообщения Хилков.

От Арзамаса до Сарова Николаю II предстояло проехать 60 верст в открытой коляске. Дорога и экипажи свиты охранялись казаками Собственного конвоя.

Большинство стоявших в толпе по обе стороны дороги были не местными жителями, а членами «Добровольной охраны», завербованными в различных уездах Нижегородской губернии. Таких «добровольцев» набралось около 40 тысяч. Их привлекли бесплатным проездом до Сарова и возможностью посмотреть на царя вблизи. Участники «охраны» прошли соответствующую проверку и, по сути дела, «несли полицейскую службу в партикулярном платье».

При продвижении царской семьи через толпу проход для нее и свиты удерживали солдаты, взявшись за руки. Во время одного из проходов сквозь восторженную толпу царь, не предупредив никого, внезапно прошел через цепь солдат и направился в общей массе в гору. По воспоминаниям А. Мосолова, «Его Величество двигался медленно, повторяя толпе «Посторонитесь, братцы». Государя пропускали вперед, но толпа немедленно опять сгущалась за ним, только В. Ф. фон-дер-Лауниц и я удержались за царем. Мужики стали размахивать руками и кричать: «Не напирайте». Я предложил встать на наши с Лауницем скрещенные руки, тогда его будет видно издали, царь не согласился. В это время толпа навалилась спереди, и он невольно сел на наши руки. Затем мы подняли его на плечи». Давка была такая, что министр императорского двора В. Б. Фредерикс упал, и «кто-то из толпы наступил ему на лицо и раздавил стекла очков, которые и врезались ему в щеки». Весь мундир министра был в крови и разорван[155]. Надо заметить, что это был последний экспромт Николая II подобного рода.

Как писала близко знавшая Николая II баронесса С. К. Бухсгевден: «Он никогда не боялся покушений. Не боялся за свою жизнь, не был трусливым, и даже восставал против элементарных мер безопасности»[156]. Для Николая II характерна трезвая оценка степени угрозы его личной безопасности. Летом 1906 года он оставался в Петергофе и принимал доклады министров в Монплезире, в то время как в Кронштадте шло подавление восстания матросов Балтийского флота и стекла дворца дребезжали от ружейной и артиллерийской стрельбы. Однако он учитывал неизбежный риск своей публичной «профессии». Во время встреч с народом Николай II старался избегать закрытых экипажей, понимая, что люди должны видеть своего царя. Со временем эта трезвость в оценках степени личного риска переросла в религиозный фатализм. Судя по воспоминаниям современников, Николай II «смерти не боялся и говорил, что верующий в Бога человек и не должен ее бояться»[157].

При этом царь стремился сохранить для себя и своей семьи иллюзию свободы. Когда в 1905 году охрана попыталась увеличить число сопровождающих царя во время его верховых прогулок, Николай II сказал своему министру В. Б. Фредериксу: «Я могу брать также и целый эскадрон со мной, но вся прелесть моей прогулки пропадет»[158].

Мемуаристы явно преувеличивают неприятие Николаем II «элементарных мер безопасности». Он очень серьезно относился к этим вопросам, и система охраны, унаследованная им от отца, совершенствовалась только с его ведома. Царь хотел, чтобы эта охрана, оставаясь максимально эффективной, не была заметна ни для него, ни для окружающих.

Торжества в Полтаве в 1909 году.

В условиях революции 1905–1907 годов контакты царя с народом свелись к минимуму из соображений безопасности. Только после относительной внутриполитической стабилизации и фактического распада политических партий, делавших ставку на террор, старая практика возобновилась.

Николай II неплохо представлял себе те силы, которые боролись за свержение самодержавия в России. Источников информации у него было достаточно. По сложившемуся правилу, дважды в месяц Департамент полиции представлял царю подготовленные в единственном экземпляре всеподданнейшие заметки о наиболее важных делах, расследуемых ею. По свидетельству мемуаристов, царь читал их «с большим интересом и собственноручно делал пометки»[159]. Если полиция конфисковывала прокламации или революционные брошюры, они обязательно прилагались к этим докладам. По пометкам царя Департамент полиции всегда точно знал, какие дела привлекли наибольшее внимание императора.

Правда, выводы царя, сделанные из представленной информации, подчас расходились с выводами его ближайших соратников. Весной 1909 года, когда начиналось планирование поездки Николая II в Полтаву на торжества, посвященные 200-летию Полтавского сражения (27 июня 1709 года) в ходе Северной войны (1700–1721), П. А. Столыпин, докладывая царю о программе торжеств, сказал: «Ваше Величество, по мнению генерала Герасимова, Вам во время этой поездки никакой опасности не грозит. Он считает, что революция вообще подавлена и что Вы мо-

В. К. фон Плеве

жете теперь свободно ездить, куда хотите»[160]. Потом Столыпин с горечью вспоминал ответ царя: «Я не понимаю, о какой революции вы говорите. У нас, правда, были беспорядки, но это не революция... Да и беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые. Если бы у меня в те годы было несколько таких людей, как полковник Думбадзе, все пошло бы по-иному»[161].

За обеспечение безопасности царя со стороны Департамента полиции в 1909 году отвечал товарищ (заместитель) министра внутренних дел генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов, который одновременно возглавлял Отдельный корпус жандармов. Сам П. А. Столыпин как министр внутренних дел противился назначению Курлова на эту должность, но вынужден был уступить после того, как императрица Александра Федоровна во время одной из аудиенций сказала ему: «Только тогда, когда во главе политической полиции станет Курлов, я перестану бояться за жизнь Государя»[162]. Столь жесткая позиция императрицы объяснялась тем, что Курлов фактически был ставленником так называемого распутинского кружка. Императрица уже в 1909 году старалась выдвигать своих людей на ключевые посты в империи. Столыпин же планировал назначить на эту должность начальника Петербургского охранного отделения генерала А. В. Герасимова, с которым он вместе работал с 1905 по 1909 год.

Свою деятельность П. Г. Курлов начал с демонтажа «разыскной системы» М. И. Трусевича (директора Департамента полиции в 1906–1909 годах), в основе которой лежал приоритет внутренней агентуры с ее проникновением в террористические формирования и созданием оперативных позиций в руководящих центрах антиправительственных партий и движений[163].

Курловская концепция охраны императора основывалась на том, что все нити организации охраны первого лица сосредотачивались в руках одного человека. Будучи министром внутренних дел, Столыпин добился высочайшего повеления о возложении на генерала Курлова высшего наблюдения за охраной с подчинением ему в этом отношении всех должностных лиц, к какому бы министерству они ни принадлежали. В свою очередь, Курлов в деле охраны царя непосредственно подчинялся дворцовому коменданту генерал-адъютанту В. А. Дедюлину, а через него — министру императорского двора В. Б. Фредериксу. Дворцовый комендант как лицо ответственное за обеспечение безопасности царя прикомандировал к Курлову в качестве своего представителя начальника «подвижной охраны» царя полковника А. И. Спиридовича.

Впервые эту систему охраны отработали на праздновании 200-летия Полтавы летом 1909 года. Идея сосредоточения руководства охраны в руках одного лица была не нова. Еще в начале 1880-х годов ее реализовали в ходе реорганизации личной охраны Александра III. Но при этом весьма существенно, что начальник охраны Александра III генерал П. А. Черевин был личным другом императора и пользовался его полным доверием, чего нельзя было сказать о генерале П. Г. Курлове[164].

При подготовке поездки царя в Полтаву представителю дворцовой охраны полковнику Спиридовичу поручили разработать положение об особом Регистрационном бюро при Полтавском охранном отделении. Это положение Курлов утвердил 31 мая 1909 года[165]. Деятельность этого Регистрационного бюро весьма высоко оценили высшие чины полиции. Поэтому аналогичные регистрационные бюро создали во всех местах постоянного и временного пребывания царской семьи — Риге, Варшаве, Киеве и

Чернигове, в местах отдыха царя и его близких — Ялте, Севастополе, Спале и даже на островах Финляндии, где отдыхала царская семья.

Руководителям подразделений охраны вновь пришлось столкнуться с нежеланием царя быть отгороженным от народа плотной цепью агентов полиции и солдат. Он считал, что реальная опасность может ему грозить в крупных столичных городах, но никак не в провинции, со стороны простых людей.

Когда царь в 1909 году собирался посетить корабли Черноморского флота, где были еще памятны события, связанные с броненосцем «Потемкиным», Курлов настаивал, по соглашению с главным командиром Черноморского флота, чтобы с некоторых кораблей списали матросов, заподозренных в принадлежности к революционным партиям. Генерал Курлов «упросил Столыпина доложить об этом Государю, вместе с... верноподданнейшей просьбой быть осторожнее при посещении отдельных судов и исключить из своего объезда некоторые из кораблей», но «Государь в резкой форме отверг эту просьбу и в течение нескольких дней посетил все суда без исключения»[166].

В 1909 году еще сохранялась очень непростая обстановка в деле государственной охраны. На имя директора Департамента полиции Н. П. Зуева, заместителя министра внутренних дел П. Г. Курлова и начальника Дворцовой полиции Б. А. Герарди шли многочисленные анонимные письма, поступала оперативная информация о готовящихся покушениях. Вся эта информация отрабатывалась самым тщательным образом.

В мае Курлову сообщали, что эсеры-максималисты выработали два варианта покушения на царя — на железной дороге при проезде от Петербурга до Полтавы и во время объезда царем войск и приема депутаций в Полтаве[167].

В июне поступила информация из Финляндии о том, что в Стокгольме сложился кружок русских эмигрантов, который начал подготовку к покушению на царя «посредством бомбы или ручного оружия», сообщалось также и о возможном покушении в Петергофе «при посредстве своих сотрудников из числа будто бы чинов Дворцовой охраны»[168].

Однако Николай II, как и намечалось, посетил Полтаву и принял участие во всех массовых торжествах. Впервые после 1903 года он непосредственно встречался с народом. И этот народ восторженно приветствовал своего царя, что стало для Николая II главным и приятным результатом поездки.

В целом за организацию охраны царя в Полтаве (жандармерия, полиция, армия) отвечал заместитель министра внутренних дел генерал Курлов. Отряд «подвижной охраны» полковника Спиридовича обеспечивал «физическую» охрану царя на трассах проезда. Начальник Киевского охранного отделения подполковник Кулябко в 1909 году в Полтаве являлся начальником Временного охранного отделения и организовывал деятельность Регистрационного бюро.

Надо заметить, что Кулябко не только учился вместе со Спиридовичем, но и был женат на его сестре. Совершенно очевидно, что влиятельный родственник ему протежировал. Во время визита царя в 1910 году в Ригу подполковника Кулябко назначили начальником Временного охранного отделения в Риге. Таким образом, в 1909 году в Полтаве судьба впервые свела вместе П. Г. Курлова, А. И. Спиридовича и Н. Н. Кулябко. Именно они стали главными героями киевской трагедии в 1911 году.

Торжества в Киеве в 1911 году.

После успешной поездки в Полтаву Николай II начал ездить по стране. Возобновились визиты в Ливадию по железной дороге. От подразделений государственной охраны эти поездки требовали привычного напряжения всех сил и профессионализма.

В сентябре 1909 года начальнику Дворцовой полиции полковнику А. Б. Герарди сообщали, что «известный Вам революционер Савинков со своей дружиной... уже около трех недель находится в пределах России, подготовляя террористический акт на Его Величество и премьер-министра»[169]. Писали о покушениях и явные безумцы. Например, некая Евдокия Штиглиц в августе 1909 года сообщала, что «уже два года подводится тоннель под дворец царя, осталось работы не более как на два месяца». Она обещала помочь найти тоннель, но при этом упоминала, что «больна и плохо видит»[170].

Охрана, поставленная полковником Б. А. Герарди, работала весьма продуктивно. Архивные дела наполнены доносами на казаков Собственного конвоя и дворцовую челядь. Контакты придворных по возможности отслеживались дворцовой агентурой. Например, когда придворный фотограф Ган в Крыму познакомился с молодой девушкой, то Дворцовая полиция немедленно негласно запросила сведения о степени ее благонадежности[171].

Но в системе охраны, организованной генералом П. Г. Курловым, оставались и спорные моменты. Они касались методов использования «сотрудников», которые ранее

принимали участие в революционном движении. «Сотрудниками» называли «революционеров», негласно работавших на Департамент полиции. Сами же революционеры называли «сотрудников» провокаторами. Полковник Спиридович считал, что таких «сотрудников» ни в коем случае нельзя допускать в места высочайшего пребывания. По его мнению, охрана царя могла возлагаться только на «верных Государю запасных нижних чинов, не имевших никакого общения с революционерами»[172]. Основываясь на этом убеждении, он и комплектовал личный состав своей агентуры. Когда зимой 1910 года ему стало известно, что среди охраны, назначенной Петербургским охранным отделением для сопровождения царского автомобиля, находится «сотрудник» — вчерашний революционер, он потребовал немедленного его увольнения[173]. В результате появился секретный циркуляр, категорически запрещавший доступ «сотрудников» в места высочайшего присутствия[174].

Однако генерал Курлов считал допустимым использовать при охране царя вчерашних революционеров, но под жестким контролем опытных жандармских офицеров. Такие взгляды имели широкое распространение в среде чинов Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции. В своих мемуарах Курлов рассказал, что в декабре 1909 года, перед предполагавшейся остановкой царя в Москве, он разрешил «сотруднику» (под присмотром нескольких опытных офицеров) быть на маршруте царского проезда, поскольку тот мог узнать кого-либо из своих бывших сподвижников, замышляющих покушение. Санкцию на подобное использование «сотрудника» он получил лично от П. А. Столыпина[175].

«Новаторства» Курлова подкреплялись деятельностью хорошо зарекомендовавших себя регистрационных бюро. В начале 1910 года начальник Московского охранного отделения П. П. Заварзин обобщил сведения, связанные с деятельностью Московского регистрационного бюро, которое в течение 1910 года использовалось дважды и проработало последовательно примерно по 20 дней. За это время удалось зарегистрировать 71 291 человека, собрать 5800 справок, установить 666 политически «скомпрометированных» лиц. Он считал результаты деятельности бюро «прекрасными». Штаты регистрационных бюро были весьма незначительными. Так, в Петербургском регистрационном бюро, которому уделялось особое внимание в силу его столичного статуса, работали всего 42 человека, из них оперативников только 35 человек[176]. Для этих сотрудников разработали «Временную инструкцию чинам Регистрационного бюро», а также специальную подробнейшую методическую «разработку», детально регламентировавшую действия работников бюро при проверке паспортов. В мае 1910 года циркуляр Министерства внутренних дел инициировал создание временных регистрационных бюро «в местах временного пребывания Высочайшего двора»[177].

Благодаря усилиям спецслужб и силовых структур жизнь императорской семьи постепенно входила в обычное русло. В январе 1910 года царь возобновил посещение военно-учебных заведений, начав с Первого кадетского корпуса. По воспоминаниям великого князя Константина Константиновича, «шесть лет прошло с тех пор, как Он в последний раз приезжал в мои заведения: в смутные годы приездов в Петербург по возможности избегали»[178]. Тем не менее и в 1910 году сведения о планируемых покушениях продолжали поступать безостановочно. В апреле была получена информация о прибытии в Петербург некоего «финляндца» для подготовки террористического акта. Поэтому немедленно усилили меры безопасности «при Высочайших проездах»[179].

В 1907 году Собственный Его Величества сводный пехотный батальон развернули до численности полка. 1-й железнодорожный батальон в 1909 году также превратили в полк. Весь обслуживающий персонал, от поездной прислуги до машинистов императорских поездов и рабочих железнодорожных мастерских, комплектовался из нижних чинов этого полка.

Споры о концепции развития спецслужб и тактике охраны высочайших лиц разрешила трагедия, произошедшая в Киеве в 1911 году. Одним из самых значительных провалов личной охраны царя, почти сопоставимым с убийством Александра II, стала смерть председателя Совета министров П. А. Столыпина от рук террориста 1 сентября 1911 года. Серьезность ситуации усугублялась тем, что Столыпин был убит почти на глазах царя, следовательно, существовала реальная угроза и для жизни монарха.

На весну 1911 года планировалась большая поездка Николая II по югу России с посещением Белгорода, Киева, Чернигова, Овруча, а затем — два месяца отдыха в Крыму. Визит в Киев предполагался на конец августа — начало сентября. В организации охраны использовалась схема генерала Курлова, когда ответственность за жизнь императора целиком ложилась на столичную охрану. В стране, где еще недавно бушевала революция и продолжались террористические акты, вопрос о безопасности царя был настолько серьезен, что местные губернаторы с облегчением уступали эту ответственность центру. Так было в Полтаве, надеялись, что так будет и в Киеве.

Посмертное фото П. А. Столыпина.
С.-Петербург

Подготовка царского визита в Киев сопровождалась беспрецедентными мерами охраны. На пути следования царского поезда из Петергофа в Киев только на первых 389 верстах железной дороги царя охраняли 4135 рядовых[180]. Киев — большой город с пестрым населением — значительно отличался с точки зрения организации охраны от тихой, провинциальной Полтавы. Поэтому в середине августа его посетили заместитель министра внутренних дел генерал Курлов и начальник Отряда секретной охраны полковник Спиридович.

Казалось, что никаких разногласий между Курловым, Спиридовичем и Кулябкой воздвигнуть не может. Все они были профессионалами. Курлов высоко ценил Спиридовича, называя его «выдающимся знатоком политического розыска», и подчеркивал, что совместная работа полковника Спиридовича с начальником Киевского охранного отделения подполковником Кулябко, «ввиду близкого свойства между этими должностными лицами, не допускала предположения о каких бы то ни было трениях»[181]. Кроме этого, Спиридович прекрасно знал Киев, поскольку сам три года возглавлял Киевское охранное отделение.

Отряд секретной охраны под командованием Спиридовича имел задачу обеспечить безопасность следования царя и его дочерей по городу. Сам отряд «являл собой вид чисто физической, наружной охраны, но лишь одетой (в городе) в статское платье» в надежде, что не будет бросаться в глаза публике. Отряд включал несколько сотен человек при большом числе офицеров[182].

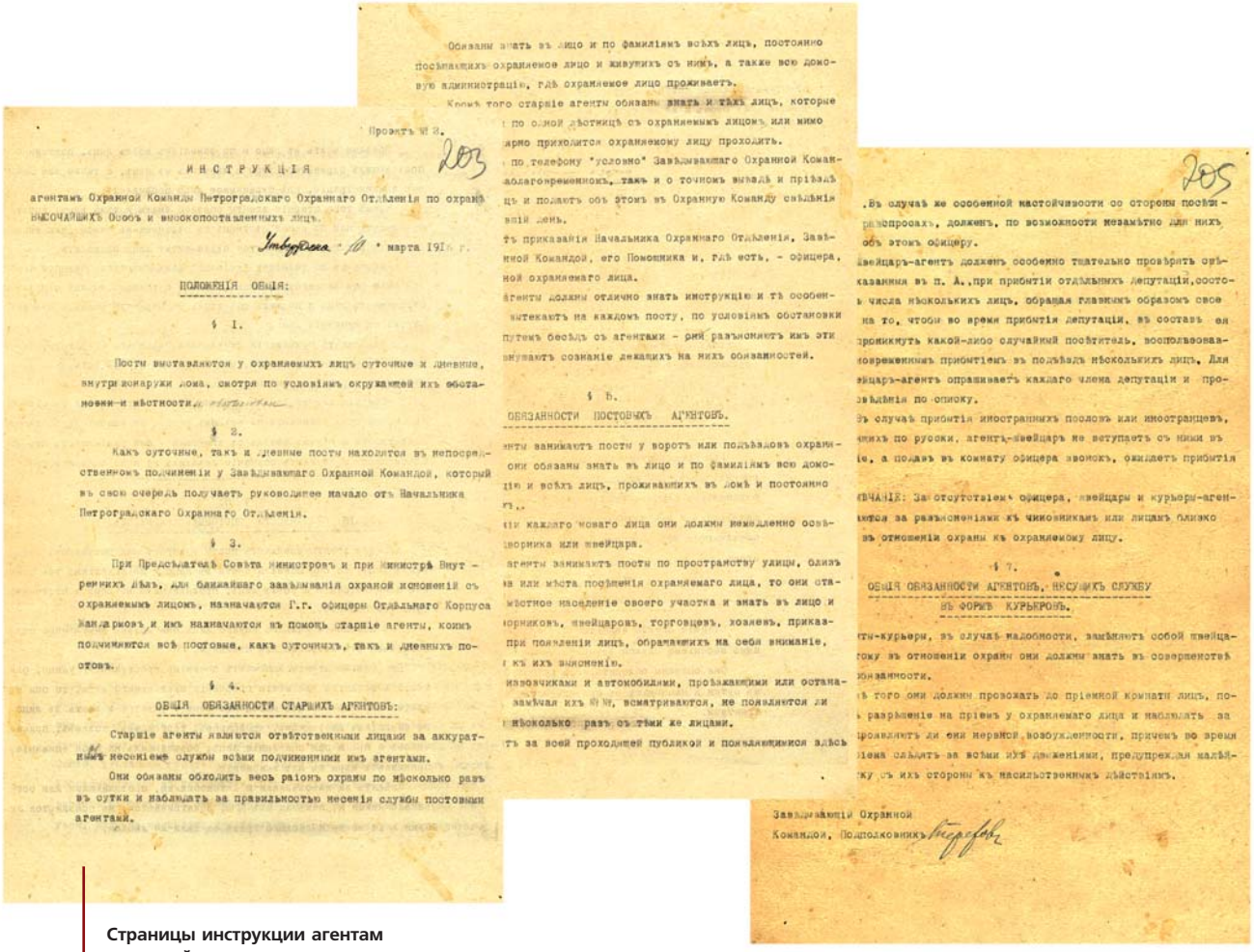
Впоследствии Спиридович описывал схему организации охраны царя в Киеве таким образом. Маршруты следования Николая II по городу были разделены на секторы, каждый сектор — на секции, а те — на посты. Охрана, занимавшая посты, тщательно исследовала в каждом районе все дома. Проверялись и «политические взгляды» их обитателей. Городской театр скрупулезно исследовали от подвалов до крыши. Поскольку для организации столь масштабной охраны местных сил не хватало, то опытных агентов-полицейских и жандармских чиновников привлекали не только из Царского Села, но также и из Петербурга, Москвы и Варшавы[183].

Один из очевидцев событий, профессор Г. Е. Рейн, писал: в одном частном письме сообщалось, что для проверки документов подозрительных лиц останавливали даже на улицах. Это было не типично для того времени. Всего, по некоторым данным, в охране царя участвовали до 2 тысяч человек[184]. Такой размах щедро финансировался. Всего на организацию охраны царя в 1911 году Министерство финансов отпустило 300 тысяч рублей[185].

Дворцовый комендант генерал Дедюлин фактически не вмешивался в дела организации охраны, полностью доверившись полковнику Спиридовичу как «прекрасно осведомленному в деле розыска офицеру»[186]. Отряд полковника Спиридовича включал опытнейших профессионалов розыска. В него входили не только люди из дворцовой охраны, но и чины специального филерского отряда Петербургского охранного отделения. Отряд разбили на десятки, десятки соединили в команды, во главе которых стояли опытные офицеры[187].

Царя, прибывшего со старшими дочерьми, народ встретил с воодушевлением. На Николая II эта встреча произвела большое впечатление. Поэтому он приказал дворцовому коменданту Дедюлину передать генералу Курлову уменьшить явную охрану[188]. Последний пытался возражать, указывая на то, что вокруг царя может возникнуть давка, если толпа увидит отсутствие охраны. Ему с трудом удалось отстоять охрану, но пришлось убрать конных жандармов. Вскоре произошло то, о чем говорил Курлов. Толпа окружила царя, и генералу Курлову с ближайшей свитой пришлось пробивать ему дорогу в толпе, «которую почти нельзя было удержать»[189]. Но при этом опасений о возможном покушении у генерала не возникало. Царя надо было «спасать» от энтузиазма киевлян.

На маршруте проезда царя по городу, где уже вновь собрались встречающие, Курлов распорядился снять охрану и дал ложную информацию о том, что царь, задерживаясь на



Проектъ № 2.

203

ИНСТРУКЦІЯ

агентамъ Охранной Команды Петроградскаго Охраннаго Отдѣленія по охранѣ ВЫСОЧАЙШИХ Особъ и высокопоставленныхъ лицъ.

марта 191

ПОЛОЖЕНІЯ ОБЩІЯ:

§ I.

Посты выставляются у охраняемыхъ лицъ суточные и дневные, внутри и снаружи дома, смотря по условіямъ окружающей ихъ обстановки и мѣстности.

§ 2.

Какъ суточные, такъ и дневные посты находятся въ непосредственномъ подчиненіи у Завѣдывающаго Охранной Командой, который въ свою очередь получаетъ руководящее начало отъ Начальника Петроградскаго Охраннаго Отдѣленія.

§ 3.

При Предсѣдателѣ Совѣта Министровъ и при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, для ближайшаго завѣдыванія охраной исполненія съ охраняемымъ лицомъ, назначаются Г.г. офицеры Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ и имъ назначаются въ помощь старшіе агенты, коимъ подчиняются всѣ постовые, какъ суточныхъ, такъ и дневныхъ постовъ.

§ 4.

ОБЩІЯ ОБЯЗАННОСТИ СТАРШИХЪ АГЕНТОВЪ:

Старшіе агенты являются отвѣтственными лицами за аккуратнымъ несеніемъ службы всѣми подчиненными имъ агентами.

Они обязаны обходить весь раіонъ охраны по нѣсколько разъ въ сутки и наблюдать за правильностью несенія службы постовыми агентами.

Обязаны знать въ лицо и по фамиліямъ всѣхъ лицъ, постоянно посѣщающихъ охраняемое лицо и живущихъ съ нимъ, а также всю домовую администрацію, гдѣ охраняемое лицо проживаетъ.

Кромѣ того старшіе агенты обязаны знать и такъ лицъ, которые по одной дѣятельности съ охраняемымъ лицомъ или мимо дома приходятся охраняемому лицу проходить.

по телефону "условно" Завѣдывающаго Охранной Командой одновременно, такъ и о точномъ выѣздѣ и пріѣздѣ лицъ и подаютъ объ этомъ въ Охранную Команду свѣдѣнія каждый день.

тъ приказанія Начальника Охраннаго Отдѣленія, Завѣдывающей Командой, его Помощника и, гдѣ есть, - офицера, охраняемаго лица.

агенты должны отлично знать инструкцію и тѣ особенности, вытекающія на каждомъ посту, по условіямъ обстановки путемъ бесѣдъ съ агентами - они разъясняютъ имъ эти внушаютъ сознаніе важности ихъ на нихъ обязанностей.

§ 5.

ОБЯЗАННОСТИ ПОСТОВЫХЪ АГЕНТОВЪ.

агенты занимаютъ посты у воротъ или подъѣздовъ охраняемыхъ они обязаны знать въ лицо и по фамиліямъ всю домовую администрацію и всѣхъ лицъ, проживающихъ въ домѣ и постоянно

при каждаго новаго лица они должны немедленно освѣдомить дворника или швейцара.

агенты занимаютъ посты по проспекту улицы, близъ дома или мѣста посѣщенія охраняемаго лица, то они отмѣчаютъ постоянное населеніе своего участка и знать въ лицо и дворниковъ, швейцаровъ, торговцевъ, хозяевъ, приказ при появленіи лицъ, обращающихъ на себя вниманіе, къ ихъ выясненію.

извозчиками и автомобилями, проѣзжающими или останавливающимися ихъ номеръ, всматриваются, не появляются ли нѣсколько разъ съ тѣми же лицами.

тъ за всей проходящей публикой и появляющимися здѣсь

205

.Въ случаѣ же особенной настойчивости со стороны посѣтителей-разспросовъ, долженъ, по возможности незамѣтно для нихъ объ этомъ офицеру.

швейцаръ-агентъ долженъ особенно тщательно провѣрить сказанныя въ п. А. при прибытіи отдѣльныхъ депутацій, состоящихъ числа нѣсколькихъ лицъ, обращая главнымъ образомъ свое на то, чтобы во время прибытія депутаціи, въ составъ ея проникнуть какой-либо случайный посѣтитель, воспользовавшись одновременнымъ прибытіемъ въ подъѣздъ нѣсколькихъ лицъ. Для швейцаръ-агентъ опрашиваетъ каждаго члена депутаціи и проводящаго по списку.

Въ случаѣ прибытія иностранныхъ пословъ или иностранцевъ, не говорящихъ по русски, агентъ-швейцаръ не вступаетъ съ ними въ ніе, а подавъ въ комнату офицера звонокъ, ожидаетъ прибытія

ЗАМѢЧАНІЕ: За отсутствіемъ офицера, швейцары и курьеры-агенты обязываются за разъясненіями къ чиновникамъ или лицамъ близко въ отношеніи охраны къ охраняемому лицу.

§ 7.

ОБЩІЯ ОБЯЗАННОСТИ АГЕНТОВЪ, НЕСУЩИХЪ СЛУЖБУ ВЪ ФОРМѢ КУРЬЕРОВЪ.

ты-курьеры, въ случаѣ надобности, замѣняютъ собой швейцаровъ въ отношеніи охраны они должны знать въ совершенствѣ обязанности.

въ того они должны провожать до пріемной комнаты лицъ, по разрѣшенію на пріемъ у охраняемаго лица и наблюдать за проявляютъ ли они нервной возбужденности, причемъ во время ніе обращать за всѣми ихъ движеніями, предупреждая малѣйшую ку съ ихъ стороны къ насильственнымъ дѣйствіямъ.

Завѣдывающій Охранной Командой, Подполковникъ

Страницы инструкции агентам охранной команды Петроградского охранного отделения

учениях, приедет в город только под утро. Толпа разошлась, и после этого спокойно проследовал царь. Курлов и Спиридович предварительно лично проезжали по всем городским маршрутам, проверяя охрану. Судя по всему, каких-либо покушений на царя из толпы они не опасались. Главной задачей считалось уберечь царя от возможной давки и не допустить в ней человеческих жертв. Учитывая столь бурную встречу со стороны киевлян, царю предложили передвигаться по городу не в открытой коляске, а в автомобиле. Но Николай II на это предложение ответил категорическим отказом и приказал подавать ему открытую коляску.

Беспрецедентными были меры охраны и при передвижении царя вне Киева. На протяжении 43 км, вдоль дороги из Киева в Овруч, через каждые 5 метров в шахматном порядке расставили солдат и конную стражу. В самом Киеве из монархистов вновь была сформирована «Добровольная охрана»[190].

К этому времени все лица, ответственные за охрану царя, уже располагали информацией «сотрудника» Д. Г. Богрова о том, что на П. А. Столыпина готовится покушение. Премьер отнесся к этой информации скептически. В свою очередь, подполковник Н. Н. Кулябко, полковник А. И. Спиридович и генерал П. Г. Курлов считали, что «все под контролем», поскольку покушавшиеся должны были поселиться на квартире именно этого «сотрудника» Киевского охранного отделения. Никому из них не пришло в голову, что Богров может разыграть свою карту.

Либеральная пресса запустила в обращение общественности версию о том, что убийство Столыпина было совместной операцией Департамента полиции (Курлова) и спецслужб Министерства императорского двора (Спиридовича).

Естественно, лица, отвечавшие за охрану первых лиц империи, должны были понести наказание. Для выяснения степени их вины организовали специальную комиссию во главе с бывшим директором Департамента полиции сенатором М. И. Трусевичем. Преемник Столыпина В. Н. Коковцов также был заинтересован в отставке Курлова и Спиридовича.

Конечно, Курлов, Кулябко и Спиридович проявили преступную халатность. Формально доля ответственности Спиридовича была несколько меньше, поскольку розыск в его обязанности «не входил и входить не мог», ибо он ведал «исключительно секретною охраною Их Императорских Величеств и Их Августейших Детей»[191]. Во время следствия по делу об убийстве Столыпина он жестко придерживался именно этой версии. Курлов и Кулябко подтвердили версию Спиридовича. Формально он был прав, но при этом все хорошо понимали, что Спиридович, конечно, не оставался в стороне от решений по «сотруднику» Богрову.

Сам Курлов впоследствии вспоминал, что «смерть Столыпина была результатом нарушения выработанной мной системы розыска»[192]. В. Ф. Джунковский оценивал эти заявления как попытку Курлова «выгородить себя»[193]. При этом Джунковский высказывал предположение, что Кулябко и Спиридович, «контролируя ситуацию», задумали «схватить прибывших террористов, о которых им заявил Богров, на месте предполагаемого преступления, решив, что так будет эффектнее». Вряд ли можно согласиться с этим предположением. Спиридович и Курлов были опытными и добросовестными служаками, а такой «эффектный арест» сопряжен со значительным риском. Видимо, они просто переоценили силы.

Трусевич в ходе следствия выявил ряд серьезных недоработок служб охраны. Во-первых, было установлено, что Богров еще до театра дважды появлялся в толпе, в непосредственной близости от Столыпина. Во-вторых, следствие установило: генерал Курлов был осведомлен о том, что в помещении театра присутствует «сотрудник» охранного отделения, в то время как все должностные лица прекрасно знали об инструкции, категорически запрещавшей присутствие «сотрудников» в местах высочайшего пребывания[194]. В-третьих, следствию стало известно, что полковник Спиридович вызвал в Киев одного из своих «сотрудников», члена РСДРП. Официально целью его приезда служила совместная работа над книгой Спиридовича, посвященной РСДРП. По словам одного из крупных чинов комиссии Трусевича, занимавшегося этим вопросом, «предполагалось, что он («сотрудник». — *Ред.*) должен был иметь наблюдение, нет ли там кого-нибудь из с.-д. или вообще лиц с преступным прошлым. Наблюдательные, так сказать, функции. Но когда я его спросил, он сказал, что его, собственно, вызвал Спиридович, писавший в то время историю с.-д. партии, в связи с этим делом: а кстати, говорит, побудьте здесь, погуляйте, посмотрите»[195].

Для тех, кто занимался следствием по этому делу, стало очевидно, что Спиридович, Кулябко и Курлов нарушили должностные инструкции по использованию «сотрудников» в местах высочайшего присутствия. Но прямых улик не было.

Первой рухнула карьера подполковника Н. Н. Кулябко. Затем 14 октября 1911 года последовал высочайший приказ об увольнении П. Г. Курлова от должности заместителя министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов. Полковника Спиридовича не отстранили от должности начальника царской охраны: за него заступился сам император. Но он также находился под следствием, давая показания комиссии сенатора Трусевича[196]. 20 марта 1912 года в 1-м департаменте Государственного совета рассматривалось дело о генерале Курлове, статском советнике Веригине[197], полковнике Спиридовиче и подполковнике Кулябко. В результате на высочайшее заключение отправили представление о предании всех названных должностных лиц суду по обвинению в превышении власти и бездействии, повлекших за собой убийство председателя Совета министров. Кроме этого, отмечалось, что допуск в театр Богрова создал «непосредственную опасность для Священной особы Его Императорского Величества и Августейшей Его Семьи».

Итоги следствия, представленные на высочайшее рассмотрение, долго пролежали у царя на столе. Только в октябре 1912 года в резиденции царя в Спале у Николая II произошел разговор с преемником П. А. Столыпина — В. Н. Коковцовым. Надо заметить, что царь в это время едва не потерял сына, которого медики уже признали безнадежным. Как писал в мемуарах Коковцов, после окончания доклада царь сказал ему, что он хотел бы ознаменовать исцеление цесаревича каким-нибудь «добрым делом» и поэтому решил прекратить дело по обвинению генералов Курлова, Кулябки, Веригина и Спиридовича в халатности, приведшей к убийству П. А. Столыпина. Он добавил: «Не сердитесь на меня, мне очень больно, если я огорчаю Вас, но я так счастлив, что мой сын спасен, что мне кажется, что все должны радоваться кругом меня, и я должен сделать как можно больше добра... Вас же прошу, Владимир Николаевич, объяснить в Совете министров, чем я руководствовался, и не судить меня»[198]. В ре-

зультате на представленных документах комиссии сенатора Трусевича 5 января 1913 года появилась резолюция царя: «Дело генерала Курлова, полковника Спиридовича и статского советника Веригина оставить без всяких для них последствий»[199]. Расследование продолжалось полтора года.

В своих мемуарах коллеги обвиняемых неоднократно высказывали свою точку зрения по «киевскому делу». Так, например, генерал А. В. Герасимов считал, что «прямые обвинения в том, что именно они прямо или косвенно организовали это убийство», совершенно нелепы, поскольку «ни малейшего намека на правильность такого обвинения никогда никем найдено не было». Он признавал, что «их вина была очень велика... Они совершили такое количество ошибок, за которые их с полным основанием можно было предать суду». Главной ошибкой Герасимов считал допуск Богрова в театр и его там бесконтрольное пребывание: «Дать ему билет в театр и оставить его там без строгого наблюдения можно было, только не зная элементарных правил работы с секретными сотрудниками». Герасимов вполне допускал, что Богрова предполагали арестовать на глазах Николая II: «Все это они сделали, рассчитывая на награды, которые посыпятся на них после предотвращения цареубийства. В то время уже не было секретом, что они уже распределяли между собой награды»[200].

Был Богров террористом-одиночкой или за его спиной стояли какие-то силы — этот вопрос до сих пор служит предметом дискуссий. Однако в одном из наиболее обстоятельных исследований высказывается мнение, что террористический акт был совершен в индивидуальном порядке. И что если можно назвать заговором убийство Столыпина, то это был, образно говоря, заговор всей системы политического розыска, помноженный на непрофессионализм и некомпетентность отдельных должностных лиц[201].

Торжества 1912 года.

После событий 1 сентября 1911 года постановка охраны первых лиц страны подверглась серьезной ревизии. Когда ключевые фигуры, отвечавшие за безопасность царя, оказались под следствием, немедленно начали выдвигаться новые люди.

Департамент полиции и подразделения государственной охраны, прежде полностью отодвигавшие местные власти от вопросов организации охраны Николая II, теперь определенным образом ограничивали свою ответственность за его безопасность. Наглядным примером этого стала организация охраны императора во время его краткого визита в Москву в середине декабря 1911 года, когда безопасность его следования по железной дороге лично контролировал губернатор Москвы В. Ф. Джунковский, который «по-новому» организовал охрану царя при его визите в Сергиев Посад. Джунковский подчеркивал, что «в смысле охраны... не допустил никакого вмешательства со стороны Департамента полиции, заручившись для сего согласием министра внутренних дел А. А. Макарова и взяв на себя всю ответственность»[202]. Конечно, Департамент полиции эту ответственность охотно на него и переложил. Представителя Департамента полиции вице-директора Виссарионова Джунковский не отпускал «от себя ни на шаг». В провинциальный городок стянули (по возможности незаметно) агентуру и полицию. За неблагонадежными установили только наблюдение, но при этом их ни в чем не ограничивали. Собственно, Джунковский реализовал главное желание царя: охрана нужна, но не должна стоять стеной между царем и народом. В этом был риск, однако Джунковский был готов рискнуть своей карьерой.

Надежды Джунковского оправдались: по итогам визита царь выразил благодарность губернатору Москвы, поскольку «наконец он увидел народ, а не одну полицию»[203]. Фактически это означало, что дело охраны царя передавалось на места, а система охраны П. Г. Курлова упразднялась.

Попутно была предпринята попытка ликвидировать регистрационные бюро. Однако здравый смысл восторжествовал, и в октябре 1911 года появился специальный циркуляр Департамента полиции о необходимости создания регистрационных бюро в местах временного пребывания высочайшего двора. Регистрационные бюро просуществовали в Москве и Петербурге до 1917 года.

Все эти новшества предстояло реализовать на практике в 1912 году, поскольку предполагалось, что в течение лета Николай II совершит две поездки в древнюю столицу. В мае должно было состояться открытие памятника Александру III, а в августе отмечалось 100-летие Бородинского сражения. Соответственно, руководство мероприятиями по организации охраны Николая II возлагалось на местные органы безопасности и персонально на В. Ф. Джунковского.

Как он писал впоследствии: «По новой выработанной инструкции хозяином в деле охраны являлась местная власть, коей подчинялись все органы охраны не только местной жандармской власти, но и чины охраны Управления дворцового коменданта, поступавшие в распоряжение губернатора или градоначальника с момента вступления в наряд, причем количество их, инструкции им и чинам Кор-

пуса жандармов и все наряды утверждались заранее губернатором или градоначальником. При этом все решительно билеты для входа на торжества в присутствии Государя выдавались исключительно за подписью и ответственностью губернатора или градоначальника. От такой системы получалась цельность. Роль министерства сводилась к утверждению всех представлений и предположений местной власти по охране. Я несколько раз ездил в Петербург... по делам охраны... встречал с их стороны не только полное сочувствие всем моим предположениям и распоряжениям, но и предупредительность»[204]. Предложения Джунковского были поддержаны министром императорского двора Фредериксом и дворцовым комендантом Дедюлиным.

Однако при дворе обеспокоились данными о возможном террористическом акте. Великий князь Николай Николаевич вызвал к себе крупного полицейского чиновника С. П. Белецкого и потребовал от него гарантий, что «безопасность Государя вполне обеспечена». Белецкий такие гарантии дал только частично, заявив, что «первая поездка будет, безусловно, безопасна и даст возможность царю сблизиться с народом»[205].

Сведений о готовящихся терактах поступало множество. Они шли из разных источников. В конце мая 1912 года был разослан «совершенно секретный» циркуляр Департамента полиции «в связи с усилением деятельности ПСР (партии социалистов-революционеров. — *Ред.*)». Этот документ обобщал сведения агентуры по подготовке цареубийства, начиная с 1909 года. В циркуляре констатировалось, что террористы стремятся «применить какой-либо неизвестный Охране способ злодейства, воспользовавшись, с одной стороны, современным развитием техники (аэропланы, автомобили, моторные лодки и проч.), с другой — близостью Государя Императора к войскам во время маневров, смотров и парадов, причем в партийных кругах намечена тенденция, подыскивая исполнителей, остановиться на лицах, не имеющих боевого прошлого, и направлять их для выполнения того или иного акта единолично или самое большее — вдвоем»[206]. Исходя из этого предписывалось «не оставлять без надлежащей разработки никаких указаний из этой области».

Задолго до визита царя в Москву, в январе 1912 года, была создана Комиссия по выработке мер охраны во время празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны в г. Москве и Московской губернии. В ее состав вошли все лица, так или иначе отвечавшие за личную безопасность царя: московский губернатор Джунковский, полковник Спиридович, начальник Московского охранного отделения полковник Заварзин и другие. Уже в феврале были приняты меры к усилению оперативной работы, началось формирование «Добровольной охраны», с членами которой предполагалось провести занятия по оперативным приемам охраны. Намеревались также обследовать все подземные и наземные коммуникации на планируемых маршрутах проезда царя. Собирались командировать в Москву из Петербурга и других городов «за месяц» до царского визита 46 жандармских офицеров и до 400 филеров. Бюджет охраны был определен в 276 тысяч рублей. Однако филеров направили «всего» 250 человек, а бюджет урезали до 124 734 рублей[207].

Также было организовано Регистрационное бюро для проверки паспортов, личности и благонадежности всех лиц, прописывавшихся в Москве накануне приезда царя (было проверено 31 542 паспорта, из них выявлено фальшивых шесть паспортов). Охрана после киевских событий не пренебрегала ничем.

Весьма активно действовала «Добровольная охрана». В 1912 году в ее рядах официально были зарегистрированы 31 500 человек. Их «работа» оплачивалась. Им выдавались особые билеты (на обороте билета указывались персональные данные охранника)[208], именно их ставили в первые два-три ряда москвичей, приветствовавших царя. Была издана специальная Инструкция для организации народной добровольной охраны. На перекрестках число «добровольных охранников» увеличивалось до трех-четырех рядов. Этими мерами предполагалось «отсекать» неблагонадежную публику на маршрутах следования царя[209].

В деле была и секретная охрана полковника А. И. Спиридовича, которой предписывалось обращать внимание на анархистов, членов революционных организаций, психически больных, фанатиков из иноверцев, вообще так называемых неудачников, из среды которых могли появиться террористы[210].

Люди Спиридовича, получив от Московского жандармского управления информацию о неблагонадежных лицах, организовывали свое контрнаблюдение на предполагавшихся царских маршрутах. В Москве полковник Спиридович возглавил Сводный отряд, в который наряду с его людьми (175 человек) была включена Охранная команда Петербургского охранного отделения (75 человек), филеры из числа командированных (150 человек) и специально обученные городовые (100 человек). Всего же число только охранников разных категорий составило 717 человек[211].

История Сводного отряда восходит к 1894 году, когда был организован отряд филеров при Московском охранном отделении. В декабре 1910 года создали Центральный филерский отряд при Петербургском охранном отделении. В его состав входили 28 человек. Его главной задачей стала организация «охраны Императорских Величеств во время путешествий и пребывания вне постоянных резиденций и выработка практическим путем приемов наружного наблюдения, отвечающих современному моменту и тактике революционеров»[212]. Усиление политического террора привело к тому, что задача охраны царя выдвинулась для этой структуры на первый план.

Сохранилась и была опубликована оперативная карта расстановки секретной охраны полковника Спиридовича на одном из маршрутов царя. От большого Кремлевского дворца царю предстояло доехать до памятника Александру III, находившемуся около храма Христа Спасителя, а затем проследовать до Лицея имени Александра III. На этом маршруте распологалось 43 поста секретной охраны, сконцентрированных на перекрестках и около 17 домов, в которых были выявлены «неблагонадежные элементы». На охрану «августейших детей», если они следовали отдельно от родителей, выделялось шесть охранников из отряда Спиридовича. В театрах сотрудники Сводного отряда (филеры) должны были одеваться во фраки или смокинги, чтобы не выделяться из прочей публики.

Второй визит в Москву, в августе 1912 года, также прошел благополучно. Для охраны царя была использована схема, задействованная в мае 1912 года. Поскольку основные торжества проходили на Бородинском поле, то для царского поезда построили особую, временную железнодорожную ветку (2 версты) от станции Бородино к Бородинскому полю и соорудили особую платформу с павильоном для стоянки императорских поездов.

В. Ф. Джунковский, верный своей концепции охраны, распорядился допускать беспрепятственно народ ко всем путям следования Николая II. Но при этом вновь работала «Добровольная охрана». Волостных старшин и «представителей крестьян» насчитывалось до 5 тысяч человек, и именно они образовывали живую стену по всем трассам проезда царя. Железнодорожный маршрут императора от Царского Села до Бородинского поля охранялся не только в полосе отчуждения, но и в «трехверстной полосе по обеим сторонам железной дороги вне полосы отчуждения»[213].

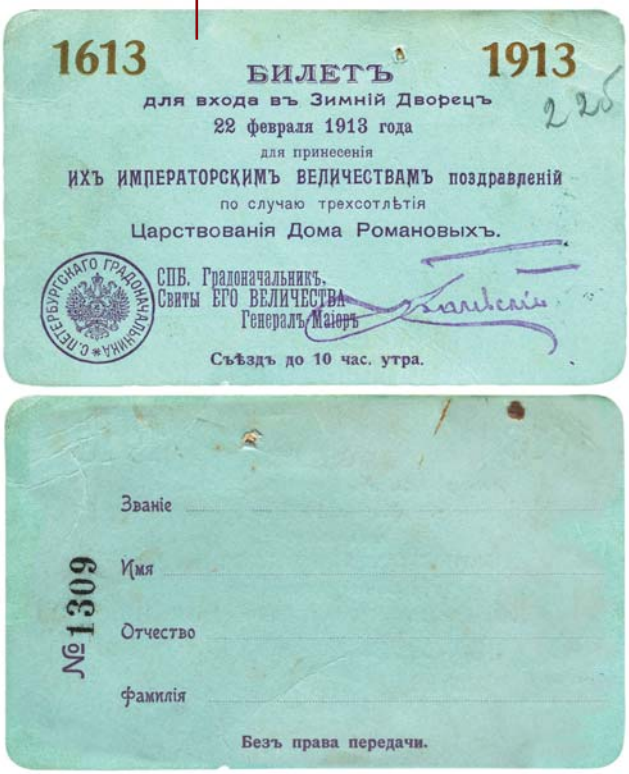
Из подразделений государственной охраны в Бородинских торжествах принимали участие отряд А. И. Спиридовича, Собственный конвой и Рота дворцовых гренадер.

В ходе августовского визита были и некоторые изменения. В мае 1912 года площадь перед Красным крыльцом была полупустой, поскольку градоначальник переусердствовал с «фильтрацией» народа. Тогда это вызвало неудовольствие царя. В августе 1912 года вся дворцовая площадка и прилегающая к ней Царская площадь были заполнены толпой народа: «Экипаж Их Величеств медленно следовал среди толп народа, окружавшего его вплотную и восторженно приветствовавшего Государя. Это было действительно полное единение и общение царя с народом»[214].

В целом августовские торжества 1912 года закончились благополучно. В. Ф. Джунковский, подчеркивая успешность своей деятельности по охране царя, отмечал, что Николай II передвигался по Москве в открытой коляске или автомобиле и «ехал тихо».

Правда, не обошлось и без ложки дегтя. Во время военного парада, когда Николай II объезжал войска, из рядов 2-го Софийского пехотного императора Александра III полка неожиданно для всех с винтовкой вышел рядовой Бахурин и быстрыми шагами направился к царю, держа в

Билет для входа в Зимний дворец на торжества по случаю празднования 300-летия династии Романовых.
Лицевая и оборотная стороны


1613 БИЛЕТЪ 1913
для входа въ Зимній Дворецъ
22 февраля 1913 года
для принесенія
ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ поздравленій
по случаю трехсотлѣтія
Царствованія Дома Романовыхъ.
С.Петербургскаго Градоначальника
СПБ. Градоначальникъ,
Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Генералъ Маіоръ
Съѣздъ до 10 час. утра.
№ 1309
Званіе
Имя
Отчество
Фамилія
Безъ права передачи.

руке прошение. Как выяснилось впоследствии, он просил освободить его от военной службы в силу семейного положения. Рядового пытались остановить военный министр и дежурный генерал-адъютант, но он все же проскочил к царю, где был остановлен великим князем Николаем Михайловичем. Это был скандал. Николай II промолчал, но после парада все должностные лица получили «по заслугам».

Рядового Бахурина судили по законам военного времени, поскольку, с точки зрения военных законов, его поступок был вопиющим[215]. Суд приговорил его к лишению воинского звания и ссылке на каторжные работы. Приговор был передан Николаю II, который распорядился о полном помиловании солдата[216].

Успешная деятельность В. Ф. Джунковского по охране царя во время многолюдных мероприятий и в маленьких городках, и в древней столице подготовила его карьерный взлет в начале 1913 года. Он был назначен товарищем министра внутренних дел, одновременно возглавив Отдельный корпус жандармов.

300-летие династии Романовых.

В конце 1912 года (с 27 ноября по 11 декабря) было созвано Особое совещание из представителей политического розыска. Одной из центральных тем, рассматривавшихся на нем, стал вопрос, связанный с охраной «Высочайших особ» в период празднования 300-летия дома Романовых в феврале 1913 года[217]. На совещании присутствовали около 30 человек, представлявших различные спецслужбы. Дворцовые подразделения государственной охраны представлял полковник А. И. Спиридович. На совещании предполагалось разработать положения об обязанностях начальников отдельных подразделений государственной охраны, обязанностях общей полиции по охране царя, обязанностях губернаторов, начальников охранных отделений в городах пребывания царя, начальников жандармских управлений. Назрел вопрос о разграничении ве́дения.

Однако конкретных решений на совещании приняли очень немного. Во-первых, было разработано «Положение о повторных курсах» — для повышения знаний в области розыска офицеров Корпуса жандармов. Курсы занимали 2–3 месяца, и именно для них Спиридович начал писать свою первую книгу по истории партии социалистов-революционеров. Во-вторых, была утверждена инструкция, определявшая деятельность отряда Спиридовича — Инструкция отряда подвижной охраны при поездках государя. Ее впервые опробовала служба Спиридовича во время празднования 300-летия дома Романовых[218].

После этого совещания произошли важные изменения среди лиц, отвечавших за безопасность царя. Во-первых, влияние полковника А. И. Спиридовича, игравшего заметную роль в охране царя с 1906 года, значительно ослабло, хотя он и сохранил свою должность. Убийство П. А. Столыпина легло на репутацию полковника несмываемым пятном. По словам С. П. Белецкого, Спиридович, «хотя и был оставлен в занимаемой им должности, тем не менее доминирующей роли, как это было раньше во время Высочайших проездов, не играл; порядок охраны был видоизменен в том смысле, что центральным лицом в подготовительных по охране распоряжениях являлся губернатор или градоначальник». Во-вторых, в январе 1913 года новым командиром Отдельного корпуса жандармов и товарищем министра внутренних дел был назначен Владимир Федорович Джунковский. Он курировал всю политическую полицию империи, отвечая и за безопасность императорской семьи. Он был человеком старшей сестры императрицы — великой княгини Елизаветы Федоровны, пытавшейся уменьшить влияние Г. Е. Распутина при дворе. На протяжении 13 лет Джунковский занимал должность адъютанта мужа великой княгини — великого князя Сергея Александровича. Серьезным испытанием для него должны были стать масштабные мероприятия по юбилейным торжествам, связанным с 300-летием правления дома Романовых.

При организации этого юбилея было учтено желание Николая II распространить географию торжеств на провинциальные города, в которых в 1611–1612 годах формировалось Второе земское ополчение. После проведения торжеств в Москве царь желал еще раз продемонстрировать всему миру то, что Россия успешно преодолела политический кризис 1905–1907 годов, еще раз явить миру единение царя и народа.

Основные торжества планировались в феврале 1913 года в столице империи. Естественно, была разработана программа торжеств и расписаны все необходимые меры охраны первых лиц. В. Ф. Джунковский, который только несколько дней занимал новую должность, не вмешивался в ее составление. Однако, познакомившись с ней, он «был изумлен огромным количеством нарядов полиции, а еще более войск». По его мнению, город превращался «в военный лагерь»[219]. Тем не менее он не стал ничего менять.

19 февраля Николай II переехал из Царского Села со своей семьей в Зимний дворец, в котором он не жил с 1904 года.

21 февраля войска выстроились шпалерами по Невскому проспекту от Зимнего дворца до Казанского собора, в котором только приглашенных лиц насчитывалось до

Г. И. Трубецкой

4 тысяч человек. Торжественная процессия началась в 12 часов. Джунковский описывал ее следующим образом: «Удивительно красивую картину представлял царский поезд: сотня Собственного Его Величества конвоя в своих красных черкесках, с ружьями на бедре. За сотней — Государь с наследником в открытой коляске, рядом с коляской верхом командир конвоя князь Трубецкой. Затем Государыни императрицы Мария Федоровна и Александра Федоровна в парадной карете с высокими козлами, запряженной четверкой белых, без отметин лошадей в русской упряжи с форейтором и двумя камер-казаками на запятках. Августейшие дочери Государя великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны в четырехместной карете, запряженной парой лошадей в русской упряжи, и затем другая сотня Собственного Его Величества конвоя»[220] . В этот день обращали на себя внимание публики только пустые балконы и глухие ставни на окнах домов по Невскому проспекту, мимо которых проходил блестящий кортеж.

В Петербурге торжества прошли благополучно. Но в начале марта 1913 года поступило известие из Греции об убийстве короля эллинов Георга, который приходился родным братом вдовствующей императрице Марие Федоровне. Король был убит выстрелом из пистолета, произведенным почти в упор во время обычной прогулки в сопровождении адъютанта.

В это же время агентура Департамента полиции сообщила о возможных террористических актах. Так, в конце апреля 1913 года поступила информация, что группа террористов, прибывших из-за границы, планирует цареубийство во время торжеств в Костроме. По плану террористов, они якобы должны составлять «духовную процессию». Кострому выбрали для покушения в связи с тем, что «охрана Государя там будет налетная, которая не будет в состоянии выяснить всех лиц», принимающих участие в официальных многотысячных торжествах. Эти сведения немедленно проверили и сделали вывод об их недостоверности[221].

С марта 1913 года началась подготовка к поездке Николая II по провинциальным городам, намечавшейся на май. Предполагалось посещение императором Владимира, Суздаля, Боголюбово, Нижнего Новгорода, Костромы, Ярославля и Москвы. Ключевую роль в организации охраны во время этого путешествия играл В. Ф. Джунковский. 10 марта его принял Николай II, которому он изложил свои соображения по организации охраны. За основу был взят порядок, реализованный во время московских торжеств летом 1912 года. Затем Джунковский в сопровождении вице-директора Департамента полиции Виссарионова и представителя дворцового коменданта А. И. Спиридовича выехал в Кострому.

Джунковский подчеркивал в воспоминаниях, что Спиридовича командировали в эту поездку по его просьбе как «выдающегося по уму и знанию офицера»[222]. Результатом этой командировки стали окончательное утверждение программы поездки Николая II и выработка мер по его охране. В целом они повторяли мероприятия 1912 года, но с учетом местной географии: 1) охрана пути по Волге с обследованием береговой полосы; 2) усиленная охрана в Костроме и Ипатьевском монастыре; 3) устройство регистрационных бюро в местах высочайших посещений. Одной из забот Джунковского в этой командировке было стремление удержать местное начальство от излишнего, показного рвения.

5 апреля в Петербурге состоялось совещание у министра внутренних дел по вопросу организации мер, связанных с путешествием царской семьи по Волге, движение по которой в это время года было весьма оживленным. Наряду

с крупными чиновниками в этом совещании приняли участие флаг-капитан генерал-адъютант К. Д. Нилов и старший штаб-офицер походного штаба флаг-капитана Н. П. Саблин. В числе мер охраны предлагалось: 1) произвести неоднократное траление ходовой полосы на ширине «не менее 50 сажень» одиннадцатью водолазными кранами; 2) увеличить число бакенов и организовать их вооруженную охрану (таких постов от Нижнего Новгорода до Ярославля должно быть более 200); 3) составить график остановки движения всех видов судов по Волге при приближении пароходов с императорской семьей в режиме «за три дня», «за 12 часов», «за 4 часа». Флаг-капитан Нилов выступил с идеей запретить за три дня до высочайшего проезда движение частных моторных лодок, он же «пролоббировал» просьбу волжских судопромышленников устроить в Нижнем Новгороде специальную пристань с шатром для приема царем этих же судопромышленников. С предложением согласились на условиях осмотра водолазами прилегающих к пристани мест.

С 1 по 6 мая Джунковский вновь посетил волжские города с последней проверкой. Отъезд Николая II намечался на 15 мая.

До Нижнего Новгорода царская семья добиралась по железной дороге, затем перешла на пароход «Межень». Поездка оказалась тяжелой для всех. Бесконечные многолюдные мероприятия смог выдержать только Николай II. Императрица Александра Федоровна слегла. Цесаревич Алексей тоже редко показывался на людях, девятилетнего мальчика к народу обыкновенно выносил на руках камер-казак Николая II вахмистр Пилипенко.

На обратном пути в Москве в торжественных массовых мероприятиях принял участие Собственный конвой. По словам Джунковского, «Государь остался в восторге от того, что везде он непосредственно соприкасался с народом, что все проходило спокойно, гладко...»[223] В целом торжества прошли благополучно. Николай II в очередной раз убедился в любви и преданности своих подданных. И если бы ему тогда сказали, что через три с половиной года эти же люди будут приветствовать падение монархии в России, он бы в это не поверил. Тревожным знаком, отчасти предсказывающим такое будущее, было присутствие Распутина (вопреки распоряжению Джунковского, но по приказанию императрицы) в Ипатьевском соборе и при закладке памятника в Костроме. «На других торжествах его больше видно не было, и на пароходе «Межень» он тоже, к счастью, не появлялся»[224]. Это были последние крупные торжества, проведенные в Российской империи.

ОХРАНА ИМПЕРАТОРА ВО ВРЕМЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ВИЗИТОВ

Русские императоры регулярно посещали Европу: официально, к родственникам, на лечение и отдых. Наведывались туда и великие князья. Русская аристократия успешно осваивала Лазурный берег и казино в Монако. Во Франции даже появился термин «сезон а ля рюсс», или «бояр рюсс». Хотя Европа была Европой, но и там случалось по-всякому. Так, во время официального визита во Францию в 1867 году на Всемирную промышленную выставку на Александра II было совершено покушение. В Булонском лесу в него стрелял российский подданный поляк Березовский — «за Польшу». Маршрут проезда охранялся французской гвардией, вероятно, в толпе были и агенты французской полиции, но это не помешало Березовскому выскочить на трассу и трижды выстрелить в коляску, в которой находились Александр II и Наполеон III. После этого эпизода все визиты Александра II сопровождала Охранная стража III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Обычно Министерство иностранных дел России связывало Охранную стражу III Отделения с коллегами за границей. Летом 1868 года Александра II сопровождали начальник Охранной стражи и три стражника. При подборе кадров для сопровождения царя за границу использовали досье — «секретные кондуиты», которые вел начальник Охранной стражи на всех своих подчиненных. Накануне поездки начальник стражи должен был представить на рассмотрение шефа Корпуса жандармов Шувалова подробный план оперативных мероприятий на время поездки, который обычно включал в себя: численность и персональный состав стражников, сопровождавших царя; план осмотра местности и сбор сведений обо всех подозрительных лицах; план встречи и сопровождения царя до его резиденции; порядок охраны императорской семьи, остававшейся в Петербурге; состав кадрового резерва.

В целом в Европе было спокойно — русские монархи и великие князья могли инкогнито вести жизнь частных людей. Во время официальных визитов Александр II использовал фактор наличия или отсутствия охраны в дипломатических целях. Так, при поездке в Финляндию, входившую в состав Российской империи, но обладавшую широкой автономией, в июле 1876 года император обошелся без охраны — этот жест был высоко оценен финнами[225].

С организацией Заграничной агентуры Департамента полиции к охране императора и членов его семьи стали подключать агентов этого подразделения, как правило, иностранных граждан, находившихся на жалованье у российских резидентов. На протяжении 1880–1890-х годов во время визитов Александра III и Николая II не было зафиксировано ни одного эпизода, который мог бы поставить под угрозу их жизнь. В этот период сложилась система тесных контактов российских и европейских подразделений охраны.

Первая русская революция прервала практику регулярных заграничных визитов Николая II. После длительного перерыва, осенью 1909 года, император нанес официальный визит в Италию. Маршрут царя пролегал через Германию, Францию, минуя Швейцарию, в Италию, по которой до цели путешествия — замка Ракониджи — предстояло проехать не более 200 верст. Царь следовал в собственном поезде, локомотивы предоставляли страны, через которые он проезжал, но обслуживали их свои машинисты. Во время этого визита российские спецслужбы тесно контактировали со спецслужбами Германии, Франции и Италии.

Поездка считалась опасной, поскольку итальянские анархисты громогласно угрожали взорвать русского монарха. Императора сопровождал полковник А. И. Спиридович со своими людьми. Во время заграничных поездок не только перенимался оперативный опыт европейских спецслужб, но и велась активная агентурная разработка потенциальных террористов, находившихся за границей. Для этого полковник Спиридович периодически командировал своих людей в Европу.

Документов, освещающих организацию охраны российских императоров во время заграничных визитов, немного. Поэтому особый интерес представляют воспоминания В. Ф. Джунковского, организовывавшего визит Николая II в мае 1913 года в Германию.

Николай II ехал в Берлин на свадьбу дочери императора Вильгельма принцессы Виктории-Луизы Прусской. Первым шагом в организации этой поездки стало обращение российского посла в Берлине к Джунковскому с просьбой приехать «для личных переговоров относительно мер по охране Государя»[226]. Прибыв в Берлин, Джунковский 23 апреля осмотрел помещение посольства и расположение комнат и выяснил, что стена столовой, в которой предполагался завтрак с участием Николая II, примыкала к стене гостиницы. Поэтому приняли решение забронировать все гостиничные номера, примыкавшие к этой стене. В этот же день Джунковский нанес визит начальнику Берлинской полиции фон Ягову и предложил ему «некоторое количество агентов наружного наблюдения, несущих службу за границей, которые знают в лицо русских террористов». Фон Ягов заявил, что «у них не имеется никаких опасений», но «излишняя осторожность не мешает», и принял предложение «с благодарностью»[227]. Из Берлина Джунковский выехал в Париж, где встретился с руководителем Заграничной агентуры А. А. Красильниковым, согласовав с ним выделение агентов наружного наблюдения плюс к двум, находившимся в Берлине. Собственно, тем и завершилась предварительная подготовка визита Николая II в Берлин.

8 мая, за сутки до его начала, генерал Джунковский снова прибыл в столицу Германии. На вокзале его встретил Красильников, который со своими агентами уже поступил в распоряжение фон Ягова. Он отчитался о работе агентов и об организации охраны посольства. Предполагалось, что Николай II приедет в Берлин в собственном поезде и пробудет в столице Германии три дня (9–11 мая).

В этот же день в Берлин прибыл и английский король Георг. Генерал обратил внимание на организацию охраны английского короля. Его поразило то, что в двух шагах позади коляски английского монарха в составе блестящего кортежа ехали «два велосипедиста в дорожных костюмах». Джунковскому объяснили, что это «телохранители короля английского», но он «нашел это некрасивым и излишним». Этот эпизод показал, что в России снобизм и стремление следовать пышным дворцовым ритуалам преобладали над здоровым практицизмом, свойственным английским спецслужбам. Человек, отвечавший за безопасность российского императора, оперировал понятиями «красиво» — «некрасиво» в деле организации государственной охраны!

ОХРАНА ВЫСОКИХ ИНОСТРАННЫХ ГОСТЕЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Особенности обеспечения безопасности и охраны высокопоставленных иностранных гостей в России во многом обусловливались дипломатическим протоколом, то есть совокупностью общепринятых правил, традиций и условностей, соблюдаемых правительствами в международном общении. Первая попытка систематизации и законодательного оформления норм протокола в России предприняли в 1774 году, при Екатерине II, а в 1827 году, при Николае I, эти нормы дополнили и развили в «Высочайше утвержденных этикетах при Императорском российском дворе».

Должностным лицам государственной охраны (дворцовому коменданту) и Министерства императорского двора в своей работе приходилось учитывать эти особенности. Характер визита в Россию (официальный, рабочий, конфиденциальный), сроки его проведения, программа пребывания, место размещения главы иностранного государства, выделение транспортных средств (Придворной конюшенной части и позже Собственного Его Императорского Величества гаража), а также многое другое определяли действия подразделений государственной охраны при обеспечении безопасности монарших особ и высокопоставленных лиц зарубежных стран.

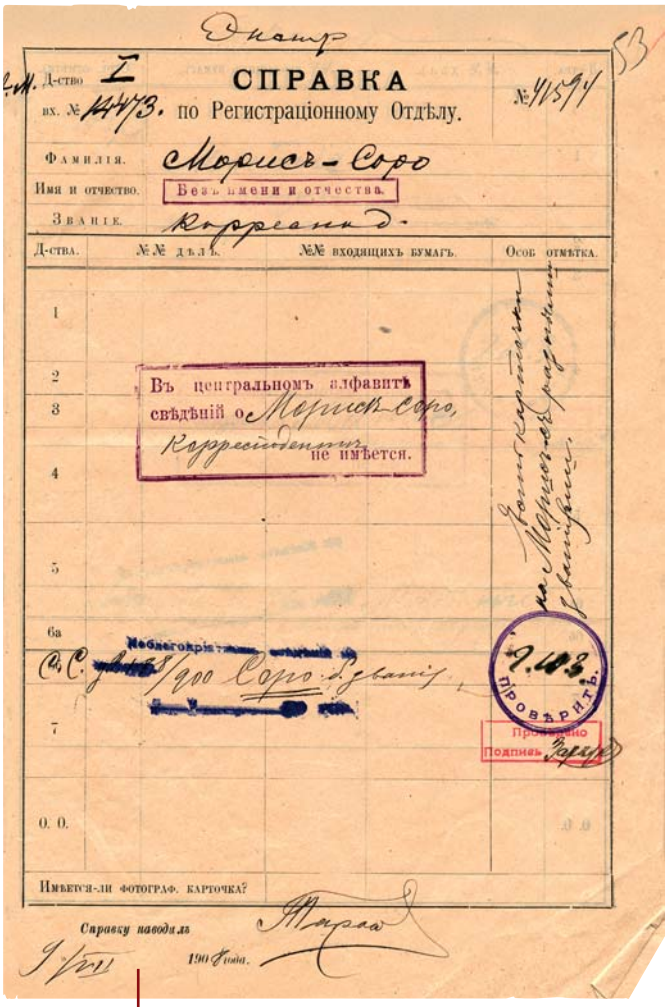
Летом 1914 года, перед самым началом мировой войны, состоялся четырехдневный визит президента Французской Республики Раймона Пуанкаре в Российскую империю. От его успеха зависело многое. Высочайше была утверждена программа визита. Во всех деталях она много раз согласовывалась.

В понедельник 7 июля в час дня император Николай II прибыл на малый Кронштадтский рейд на своей яхте «Александрия». К этому времени к Кронштадту подошла французская эскадра, и на рейде встал на якорь броненосец «Франция». «В продолжение нескольких минут рейд оглашается громким шумом: выстрелы из пушек эскадры и сухопутных батарей, «ура» судовых команд, «Марсельеза» в ответ на русский гимн, восклицания тысяч зрителей, приплывших из Петербурга на яхтах и прочих прогулочных судах»[228].

«Президент Франции переходит на катере с броненосца на яхту «Александрия», император дает команду направиться в Петергоф. Высокого гостя размещают в Большом Петергофском дворце. На площадке перед фрейлинскими домами выстроены войска местного гарнизона. На Петергофской военной пристани, у главного подъезда дворца, а в последующие дни здесь и на других посещаемых объектах выставляются почетные караулы»[229].

Задача дворцового коменданта и его подчиненных заключалась не только в проверке благонадежности состава караулов и войск на парадах и построениях. Они тщательно следили, нет ли боеприпасов у военнослужащих. Это касалось и проведения салютов. У всех был в памяти выстрел картечью в январе 1905 года во время водоосвящения на Неве.

Для обеспечения личной безопасности президента Франции при его поездках по Петербургу и его окрестностям было выделено два взвода из Собственного Его Императорского Величества конвоя. «Наши экипажи крупной рысью едут вдоль Невы, сопровождаемые гвардейскими казаками, ярко-красные мундиры которых сверкают на солнце... Сазонов (министр иностранных дел России. — *Ред.*) сказал мне (послу Франции в России М. Палеологу. — *Ред.*), смеясь: «Гвардейские казаки назначены для сопровождения президента. Вы увидите, какое они представят красивое зрелище. Это великолепные и страшные молодцы... В своих красных мундирах эти казаки, бородатые и косматые, действительно наводят ужас»[230].


Экспр.

Д-ство I СПРАВКА № 41594

вх. № 14473. по Регистраціонному Отдѣлу.

Фамилія. Морисъ-Соро

Имя и отчество. Безъ имени и отчества.

Званіе. Корреспондентъ

Д-ства.	№№ дѣлъ.	№№ входящихъ бумагъ.	Особ отмѣтка.
1			
2			
3			
4			
5			
6а			
7			
О. О.			

Въ центральномъ алфавитѣ свѣдѣній о Морисъ-Соро, Корреспондентѣ не имѣется.

Имѣется-ли фотограф. карточка?

Справку наводилъ

1914 года.

Справка Регистрационного отдела о проверке корреспондента

Особую сложность для обеспечения безопасности гостей представляли мероприятия в Петербурге, так как в них принимало участие множество людей. Это, прежде всего, прием французов — жителей Петербурга и всей

России, открытие французской больницы и аптеки на 14-й линии Васильевского острова, прием в здании Городской думы, где состоялся праздник в честь офицеров французской эскадры. На эти и другие мероприятия, предусмотренные программой пребывания высокого гостя, использовались практически все имеющиеся в распоряжении дворцового коменданта резервы из различных подразделений, на многих постах были представители Министерства внутренних дел.

Как всегда, большую сложность вызвали подготовка, последующая проверка списков и выдача приглашений на торжества, проводимые в связи с визитом французского президента. Там не должны были оказаться посторонние, нежелательные и неблагонадежные лица. Пропускной режим, особенно в Зимнем дворце, соблюдался четко. Все возникающие проблемы, а их оказалось много из-за большого числа желающих быть очевидцами, решались на месте с особым тактом. Атмосфера некоторой напряженности неизменно присутствует во время любого визита на высшем уровне: опоздания отдельных лиц, желание перегруппироваться по своему усмотрению и оказаться ближе к президенту или императору. Охрана этих на первый взгляд несложных церемоний требует максимального внимания. Специальные разрешения выдавались как российским, так и французским представителям прессы на производство фотографических съемок в местах проведения протокольных мероприятий.

Для поездок гостя по пригородам Петербурга (Петергофа, Царского Села, Павловска) выделили несколько автомобилей из Собственного Его Императорского Величества гаража. Переезд из Петергофа в Красное Село состоялся на Императорском поезде. При этом задействовали личный состав 1-го железнодорожного полка. Собственный конвой почти в полном составе обеспечивал безопасность на маневрах, показательных парадах и построениях. На некоторых мероприятиях войсковые подразделения были без оружия.

Визиты иностранных государственных деятелей (императоров, королей, президентов) всегда являются одной из высших форм двустороннего сотрудничества и свидетельствуют об определенном качестве политических, экономических, военных и иных отношений государств — участников встречи. При этом подразделения государственной охраны обеспечивают подчеркнуто высокий, почетный уровень не только встречи и проводов гостя, но и всех без исключения мероприятий, предусмотренных программой пребывания.

ОХРАНА ИМПЕРАТОРА В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Все российские монархи на протяжении XIX столетия и в начале XX века в те или иные периоды своей жизни оказывались в районе боевых действий. Как правило, возникала парадоксальная ситуация: жизнь царя следовало сохранить в любом случае, но в то же время надо было дать ему возможность проявить себя храбрым солдатом. Конечно, монархи за личное участие в боевых действиях свои Георгиевские кресты получали, но их охране эти награды обходились очень дорого.

Охрана Николая I.

В 1814 году великому князю Николаю Павловичу шел 18-й год. Он страстно хотел оказаться в составе русской армии, завершавшей разгром Наполеона в Европе. Но его старший брат Александр I и мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, позволили ему прибыть в Париж только после окончания боевых действий. Во время скоротечной русско-турецкой войны (1828–1829) Николай Павлович присутствовал при осаде крепости в Силистре. К этому времени он уже стал императором, поэтому его визит в район боевых действий носил инспекторский характер. Охранял царя Собственный конвой.

Охрана Александра II.

Когда у Николая I подрос сын-цесаревич, его в сопровождении сотни Собственного конвоя отправили на Кавказ. Во время одной из экспедиций наследник принял участие в конной атаке против горцев. Как писали в отчете, «его не смогли удержать». Конечно, казаки конвоя, прикрыв наследника своими телами, не дали ему участвовать в кавалерийской рубке. Из всех своих многочисленных наград он предпочитал носить именно «Георгия», полученного им на Кавказе.

Когда началась очередная русско-турецкая военная кампания (1877–1878), император высказал намерение отправиться в действующую армию. Военные понимали, что присутствие Александра II стеснит в действиях его младшего брата — главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и его штаб. Близкие и охрана опасались за жизнь императора. Однако Александр II не только сам поехал в район боевых действий, но отправил на войну и своих сыновей. Старшему, великому князю Александру Александровичу, он доверил командование Рущукским отрядом на Дунайском театре боевых действий. Младший брат цесаревича, Владимир Александрович, также побывал на войне.

В районе боевых действий Александр II пробыл полгода. Ему было 59 лет. Он инспектировал госпитали, принимал смотры. Старался не вмешиваться в работу штаба великого князя Николая Николаевича. Во время осады Плевны Александр II несколько раз оказывался в районе действенного огня артиллерии. Не желая «терять лица», он оставался под огнем. В этом случае охрана была бессильна уберечь его от шрапнели. Но Бог миловал.

Охрану императора, кроме Собственного конвоя, нес сводный пехотный отряд, образованный в 1877 году по инициативе коменданта Главной императорской квартиры генерал-адъютанта Рылеева. Хотя конвой занимался только охраной императора, тем не менее казакам удалось принять участие в лихой кавалерийской атаке «под Ловчей», которая вписана в историю конвоя.

Охрана Александра III.

Александра III современники назвали «Миротворцем». За все 13 лет (1881–1894) его правления Россия не вела войн. Авторитет России и ее влияние на европейскую политику были велики. Всю внешнюю политику император ориентировал на жесткое отстаивание национальных интересов России. Его заявление о том, что у России только два союзника — ее армия и ее флот, стали внешнеполитической программой его правления.

В районе боевых действий Александр III находился во время русско-турецкой войны (1877–1878). Будучи цесаревичем, он командовал Рущукским отрядом, казачьи подразделения которого и обеспечивали охрану цесаревича. Он пробыл на войне всю кампанию, почти год. Под его началом было два корпуса, около 75 тысяч человек. Примечательно, что кавалерией в его корпусе командовал граф И. И. Воронцов-Дашков, который впоследствии, с марта по август 1881 года, возглавлял охрану Александра III, а затем стал министром императорского двора. Хотя Рущукский отряд находился в стороне от района главных боевых действий, но и там случались атаки и отступления, рекогносцировки и контратаки. Цесаревич бывал под пулями. Судя по воспоминаниям, на войне Александр III проявил себя достойно. Именно там у него сложился круг лиц, на которых он опирался на протяжении всего своего царствования. Его участие в войне отмечено тремя наградами: в сентябре 1877 года он получил орден Св. Владимира с мечами, в конце ноября пожалован кавалером ордена Св. Георгия 2-й степени, а в феврале 1878 года — украшенной бриллиантами золотой саблей с надписью «За отличное командование»[231].

Охрана Николая II.

Летом 1914 года началась Первая мировая война. Она неизбежно меняла стратегию охраны первого лица России. В сентябре 1914 года Николай II впервые отправился на фронт. Надо заметить, что вопрос о выработке мер безопасности императора в случае начала войны обсуждался на секретном заседании у генерал-лейтенанта А. А. Мосолова еще 7 ноября 1912 года, в период Балканского кризиса. Открывая заседание, генерал Мосолов сообщил об уведомлении военного министра царем, что в случае начала войны он примет на себя верховное командование действующей армией. Поэтому министр императорского двора приказал дворцовому коменданту выработать меры по обеспечению безопасности царя в Ставке. За основу были взяты меры охраны, принимавшиеся при поездке Александра II в действующую армию в 1877 году. Предварительно наметили список сопровождающих. Когда угроза вступления России в Балканскую войну миновала, этот вопрос больше не поднимался.

Вновь к нему вернулись накануне мировой войны. Николай II вновь сообщил теперь уже министру императорского двора о своем намерении возглавить армию. В. Б. Фредерикс назначил В. Н. Воейкова комендантом Главной императорской квартиры сверх обязанностей дворцового коменданта. Через некоторое время вопрос о Верховном главнокомандующем отпал (Николая II убедили в нецелесообразности его намерения), но необходимость выработать порядок охраны при возможных поездках царя на фронт осталась. Для перевозки только свиты, по подсчетам В. Н. Воейкова, «требовалось 13 поездов двойной тяги». После непродолжительных совещаний решили ограничиться двумя поездами. Полковник А. И. Спиридович разработал инструкцию, по которой в императорском поезде «литера А» должны находиться начальник «подвижной охраны» (сам Спиридович), его помощник и 25 человек младших чинов в форме[232]. То, что охрану царя одели в военную форму, было новшеством, поскольку все нижние чины охраны числились в запасе. Но в условиях войны служба чинов охраны особым высочайшим повелением приравнивалась к действительной. К началу войны в списках отряда Спиридовича числились 197 человек[233].

Летом 1914 года, буквально за месяц до начала войны, дворцовый комендант Воейков поднял вопрос о строительстве новых бронированных вагонов для императорского поезда. В письме от 27 июня 1914 года с грифом «Совершенно секретно. Лично» к министру путей сообщения С. В. Рухлову Воейков мотивировал это совершенствованием техни-

А. А. Мосолов

ки террора и возможностью «допущения нового вида попыток совершения покушений путем метания разрывных снарядов с летательных аппаратов»[234]. Он предлагал министру «безотлагательно выработать особый тип бронированных вагонов для включения таковых в качестве опочивален, салона и столовой для Августейшей семьи в состав Собственного Их Величеств поезда, причем вагоны эти, при минимальном по возможности весе, в то же время должны обладать наибольшей сопротивляемостью против разрушений, производимых взрывами»[235]. Скорее всего, В. Н. Воейков готовился к войне. Развитие конфликта вокруг Сербии неизбежно вело к крупномасштабной войне, которая для России в июле и началась.

Осенью 1914 года в Царском Селе организовали воздушную охрану царской резиденции, которой командовал артиллерийский полковник Мальцев. Отдельная зенитная батарея была развернута в четырех местах[236], прикрывая Александровский дворец от возможной атаки германских аэропланов. Зенитчики располагали прожекторами, сами зенитные орудия крепились на автомобилях, что позволяло быстро перебрасывать их в направлении возможной атаки бомбардировщиков. Зенитные орудия прикрывались пулеметной командой, позиции которой располагались на водонапорных башнях — Орловской, Певческой и Белой. Одну из позиций пулеметной команды установили на крыше церковного дома в селе Большое Кузьмино. Все позиции оснастили вращающимися площадками с укрепленными на них пулеметами[237].

Тогда же, осенью, началось проектирование бронированных вагонов. Предполагалось, что в первую очередь строительства войдут три вагона — опочивальня, детский вагон для цесаревича и столовая. Вагоны должны были быть цельнометаллическими с двухслойной броней (с использованием хромоникелевой стали): первый броневой лист толщиной в 6 мм и второй — в 3 мм с расстоянием между ними в 15–30 мм с наполнителем из пробки. Сроки строительства первой очереди определялись в три года: первый год — проектирование и два года — строительство.

После Первой мировой войны стало известно, что германский генштаб, осведомленный о расписании движения императорского поезда в прифронтовой полосе, планировал операцию по авиационной атаке на царский поезд. Есть сведения, что такая атака состоялась в декабре 1915 года, но под бомбу попал свитский поезд. Однако к 1917 году бронированные вагоны построены не были, и Николай II посещал фронты в обычных вагонах.

20 сентября 1914 года императорский поезд впервые отправился на фронт. Для обеспечения режима безопасности дворцовый комендант Воейков никогда не ставил лиц свиты в курс поездок заранее, поэтому и получил прозвище «генерал Секрет».

Как это было принято со времен Александра II, Собственный Его Величества поезд (литерный А) периодически, по распоряжению дворцового коменданта, при движении менялся местами со свитским поездом (литерный Б).

В районе Ставки Верховного главнокомандующего царский поезд загоняли на особую ветку. В этом районе действовала своя система охраны, обеспечивавшаяся чинами Дворцовой полиции. По памятной записке от 22 июля 1914 года начальника Дворцовой полиции полковника Б. А. Герарди предполагалось для охраны императорской Ставки задействовать всего 71 человека, включая 40 дворцовых городовых и трех камердинеров императора. Охране предстояло обеспечивать пропускной режим, сопровождать и устанавливать личность прибывавших лиц, под-

держивать «порядок, тишину и благочиние» на территории Ставки, вести наблюдение «за населением Ставки», за незаконной продажей спиртного, прослушивать телефонные разговоры — список функций был весьма обширен.

Поскольку во время визитов в Ставку Николай II жил в своем поезде, то охраняли именно его, в три линии: первая — цепь часовых от Сводного пехотного полка, «живая изгородь», ночью число людей в «изгороди» увеличивалось; вторая — часовые от 1-го железнодорожного полка. Расстояние между линиями было не менее 100 шагов. Третья линия охраны — конные разъезды Собственного конвоя от сумерек до рассвета.

При передвижениях императора также предполагалось выстраивать тройную цепь охраны: казаков конвоя, конных городовых, сотрудников охранной агентуры. В районе Ставки установили посты по наблюдению за аэропланами[238].

№ 13

1626

ДѢЛО

КАНЦЕЛЯРІИ

Дворцоваго Коменданта.

О формированіи Отдѣльной батареи в обороны Царской Ставки и наличіи постовъ сей батареи.

Начато въ 13 Октября 1915 г.

Кончено 6 сентября 1916 г.

На 81 листахъ.

№13-1915 г.

№13-1915 г.

Дело «О формировании отдельной батареи для обороны царской Ставки»

Саму Ставку Верховного главнокомандующего (им с начала войны был великий князь Николай Николаевич) в Барановичах охранял лейб-гвардии Казачий полк. Для охраны «по существу» использовалась команда агентов от Петербургского охранного отделения во главе с ротмистром Басовым, подчинявшимся коменданту Ставки генерал-майору Саханскому. В само местечко Барановичи дополнительно командировали много чинов общей полиции.

В период войны Николай II довольно много ездил по стране. При поездках царя по разным городам начальник «подвижной охраны» полковник Спиридович выезжал туда заранее с нарядом охраны или высылал своих помощников. Он подчеркивал, что формально за безопасность царя отвечала местная администрация — губернаторы, как и требовала «схема В. Ф. Джунковского», но реальная работа по охране велась «по нашим инструкциям». Программы посещения тех или иных городов составлялись заранее и передавались дворцовому коменданту губернаторами. После утверждения программы царем начиналась подготовка маршрута охраной. Иногда в этом принимал участие и Джунковский.

Но в условиях войны возникали не предусмотренные никакими инструкциями ситуации, охране приходилось импровизировать на ходу. Одной из таких импровизаций стала организация охраны Николая II во время его визита в Галицию весной 1915 года. Когда Спиридович узнал об этой поездке, он «был поражен. Как Государь поедет во Львов, город, только что занятый у неприятеля, где мы ничего не знаем. Как же можно так рисковать? Да еще во время войны. Ведь это безумие»[239]. Специальным поездом 8 апреля 1915 года Спиридович срочно выехал во Львов. «Приняв во внимание, что на пути Государева проезда по городу хотя и будут выставлены все наличные в городе войска, но будет допущено и все население, которого никто не знает, я увидел, что мой небольшой отряд охраны, взятый из Ставки, потеряется, как песчинка... О серьезности охраны нашими силами... нечего было и думать. Я знал, что все эти шпалеры войск по пути проезда лишь красивая декорация... в толпе энергичный преступник всегда сумеет броситься через строй по направлению царского экипажа»[240].

Спиридович обратился к начальнику гарнизона с просьбой предоставить в его полное распоряжение 500 унтер-офицеров без винтовок. Он предполагал расставить их по маршруту с чинами охраны в форме из своего отряда. Спиридович несколько часов работал с немедленно собранными в казарме унтер-офицерами, распределяя их по офицерам и чинам охраны своего отряда, обучая и инструктируя. В результате все обошлось.

Во время войны кризисные процессы в обществе обострились. Начали распространяться антивоенные настроения. Либералы вели активную кампанию по дискредитации императорской семьи и прежде всего императрицы Александры Федоровны. Императорской семье надо было сохранить популярность. С этой целью на остановках императорского поезда к нему стали допускать публику. Эту инициативу проявил генерал В. Ф. Джунковский. Охрана в этих случаях возлагалась на железнодорожную жандармерию[241].

Была смягчена и система охраны при передвижении царя в автомобиле. В порядке вещей стали встречи Николая II с крестьянами во время случайных остановок. Полковник А. И. Спиридович описал одну из таких встреч, когда во время автомобильной прогулки царь остановился на завтрак. Через некоторое время подошли крестьяне. Спиридович вспоминал: «Мы, охрана, подпустили их насколько можно было близко, установили в порядке, и после завтрака Государь подошел к крестьянам». В конце встречи каждому из крестьян были подарены серебряные часы с цепочкой[242].

Во время войны происходили изменения и в Царском Селе. В феврале 1915 года увеличили жалованье сотрудникам Дворцовой полиции, уравняв их в этом с другими частями охраны, получившими «усиленное жалованье» с начала войны[243]. Летом 1915 года по представлению Б. А. Герарди на три человека увеличили состав дежурных полицейских надзирателей на дворцовой телефонной станции, поскольку действующие дежурные не успевали «контролировать некоторые разговоры»[244].

По данным на март 1916 года, в «Списке чинов государственной охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту», выполняли особые поручения 36 человек[245]. Большая часть этих людей только числилась в спецслужбе Спиридовича, но на деле решала совершенно другие задачи.

Некоторые из «выполнявших особые поручения», составляли личную агентурную сеть дворцового коменданта В. Н. Воейкова, которая, однако, носила откровенно дилетантский характер, агенты совмещали свою агентурную деятельность с распространением минеральной воды «Кувака» (по заданию своего шефа). Как свидетельствовал после Февральской революции сам Воейков, один из его агентов жил у него в доме на Каменном острове и «приглядывал» за вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Он «считал правильным возложить на него функции по наблюдению»[246]. Еще один агент Воейкова находился в Ставке Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в Барановичах, содержа там буфет и столовую для офицеров. Воейков объяснял создание такой личной сети информаторов тем, что «для осведомления мне полезно иметь лиц, которые бы ставили меня в курс дела: если бы я не имел никого, то был бы в чрезвычайном затруднении, мне пришлось бы всецело доверяться моим помощникам»[247].

Николай II во Львове.
1915 г.

В августе 1915 года, после многомесячного отступления русской армии, Ставку перенесли в Могилёв. Царские поезда отвели на отдельную ветку, проведенную в рощу, принадлежавшую частному лицу. Кругом поездов расположились части охраны. Наряду с казаками Собственного конвоя внутри оцепления находились посты людей А. И. Спиридовича[248]. Некоторое время император жил в поезде. Приняв на себя обязанности Верховного главнокомандующего, Николай II 27 августа 1915 года переехал в дом губернатора.

В это время гарнизон Ставки включал в себя Георгиевский батальон, одну сотню конвоя, которая несла внутренние караулы в губернаторском доме, где жил царь, одну роту Сводного полка, несколько команд Железнодорожного полка и противоаэропланную батарею.

После этих перемен Спиридович начал налаживать уже постоянную систему охраны царя в Ставке. Как и в дворцовых резиденциях, с момента выезда царя из дома ответственность за его безопасность целиком возлагалась на отряд генерала Спиридовича. Особенно внимательно приходилось работать, ожидая возвращения Николая II из поездок, когда публика собиралась толпой, желая видеть царя. Появились и некоторые новшества в техническом обеспечении спецслужбы. Так, зимой 1915–1916 годов для царя был разработан автомобиль-сани. Одну из двух машин передали службе Спиридовича.

За всю войну не возникало реальной угрозы для жизни царя. Только в марте 1916 года во время следования императорского поезда по Николаевской железной дороге на 140-й версте лопнул рельс. Императорский поезд вовремя остановил путевой сторож Павел Орлов. При этом дворцовый комендант Воейков лично убедился в том, как велика была опасность.

Тогда же, в апреле 1916 года, дворцовый комендант поставил перед Инспекцией императорских поездов новую задачу: срочное создание «особого поезда охраны Высочайших путешествий» — поезда прикрытия, его главной задачей было постоянное сопровождение императорского состава и оборона Ставки. Предполагалось, что в 35 вагонах и платформах «особого поезда» разместятся батарея артиллерийской обороны и авиационный отряд. По штатам батарея артиллерийской обороны включала пулеметную команду (16 человек) и четыре зенитных орудия, расположенных на пятитонных грузовиках. Артиллерии придавался автомобиль с прожектором и генератором, два мотоцикла с колясками для разведчиков, автомобиль с боеприпасами и автомобиль-кухня. Это подразделение было полностью моторизовано и включало 11 автомобилей. Всю технику обслуживали 79 человек.

Что касается авиационного отряда, то ясности по его структуре нет. В архивных документах указывается, что для этого подразделения выделялось в составе поезда на пять вагонов и платформ больше, чем артиллеристам[249]. О самолетах упоминалось только, что они заказаны во Франции. Видимо, их собирались транспортировать со снятыми крыльями, приводя в боевое положение при угрозе авиационной атаки на императорский поезд. В октябре 1916 года этот состав перегнали в Ставку в Могилёв, где началось его оборудование[250].

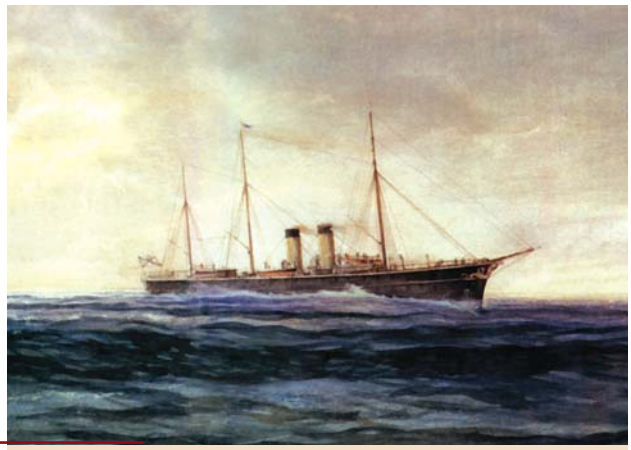
Вместе с тем известно, что в 1915 году в Царском Селе был сформирован авиационный отряд. Его личный состав размещался в деревянных казармах 1-го железнодорожного полка в селе Большое Кузьмино рядом с Царским павильоном Собственной железной дороги. Там же находилась и авиационная техника. В случае авиационной атаки на Царское Село аэропланам предстояло взлетать прямо с Кузьминского шоссе. В 1916 году предполагалось усилить авиационный отряд еще одним подразделением. У станции Средняя Рогатка, на 13-й версте Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги началось строительство аэродрома и служебных помещений для авиационного отряда, который намечали перевезти с Гатчинского аэродрома. Командовал этим отрядом подполковник Павленко.

МОРСКАЯ ОХРАНА

В системе охраны, сформированной для обеспечения безопасности Александра III, немаловажное место заняла служба морской охраны, созданная во второй половине 1881 года. Еще при Александре II в конце 1870-х годов царские яхты на море охранялись. При морском походе царя в спокойную Финляндию на яхте «Держава» безопасность ее обеспечивали небольшие паровые суда, которые стояли на якорях у отмелей на всем пути от Кронштадта до Выборга[251].

Морская охрана отвечала, во-первых, за прикрытие прибрежной линии императорских резиденций в Ливадии и Петергофе от возможного проникновения террористов — до 1881 года императорские резиденции охранялись только с суши; во-вторых, за конвоирование и охрану императорских яхт во время морских переходов и дипломатических визитов.

Персональная ответственность за личную безопасность императора во время морских путешествий возлагалась персонально на флаг-капитана. Это была новая долж-



Императорская яхта «Полярная звезда»

Императорская яхта «Штандарт»

Императорские яхты «Забава», «Славянка», «Королева Виктория»

ность в императорской свите, введенная осенью 1881 года. Именно на флаг-капитана возлагалась вся полнота ответственности за безопасность императора с того момента, когда последний поднимался на борт любого морского судна — будь то шлюпка или броненосец. Морская охрана не была постоянно действующей структурой. Корабли сопровождения имели переменный состав, и морская охрана формировалась в зависимости от целей и дальности морских походов императора. Постоянной была только должность самого флаг-капитана, именно он комплектовал требуемые для охраны морские суда, от крейсеров до миноносцев.

Первым флаг-капитаном Александра III стал контр-адмирал Владимир Григорьевич Басаргин. Он занимал эту должность с 1881 по 1893 год. Когда в 1890 году цесаревич Николай Александрович был отправлен в кругосветное путешествие, именно Басаргину император доверил командование эскадрой цесаревича.

С 1893 по 1905 год должность флаг-капитана занимал Николай Николаевич Ломен. В его послужном списке — командование в 1890–1891 годах фрегатом «Память Азова», на котором путешествовал цесаревич Николай Александрович. Затем Ломен командовал императорской яхтой «Полярная звезда». Именно он преподавал цесаревичу основы военно-морского дела. Судя по воспоминаниям современников, это был старый морской волк, несколько грубоватый, без всякого придворного лоска, но выглядевший вместе с тем как «милейший и добродушнейший» человек[252]. Вплоть до смерти Ломена в 1913 году Николай II регулярно принимал его в своих резиденциях, интересовался здоровьем. Новым флаг-капитаном стал Константин Дмитриевич Нилов, который занимал эту должность с 1905 по 1917 год.

В мемуарной литературе за К. Д. Ниловым закрепилась репутация «бравого алкоголика», резавшего «правду-матку» прямо в глаза императору. Отчасти это так и было. Но жизнь всегда намного сложнее расхожих схем. Нилов имел за плечами настоящие подвиги. Так, будучи мичманом, в 1877 году, во время русско-турецкой войны, он командовал тремя паровыми катерами на Дунае. На одном из них, катере «Шутка», под градом ружейно-пушечного огня он подошел к турецкой броненосной канонерской лодке «Подгорице», которой командовал английский офицер, и хладнокровно расстрелял его из револьвера. Впоследствии стало известно, что лишившаяся командира судовая команда оказалась полностью деморализованной и вышла из боя. «Бесстрашие моряков невообразимое, неимоверное и неслыханное», — писал в донесении Александру II главнокомандующий русской

армией великий князь Николай Николаевич (старший). За этот подвиг Александр II наградил отважного офицера орденом Св. Георгия 4-й степени. Тогда Нилову шел 21-й год. Впоследствии он длительное время являлся адъютантом великого князя Алексея Александровича, возглавлявшего русский военный флот. Его связи при дворе упрочились после женитьбы на М. Кочубей, фрейлине императрицы Марии Федоровны. С 1903 по 1905 год он был непосредственно связан с организацией морской охраны Петергофа, командуя отрядом обороны побережья Балтийского моря. Параллельно с этим возглавлял Гвардейский экипаж (с 1 января 1903 по 21 апреля 1908 года), из числа матросов которого комплектовались команды императорских яхт.

Мемуаристы, описывавшие окружение Николая II, непременно останавливались на колоритной фигуре Нилова. Один из них писал: «Его рыцарская порядочность и большой морской опыт обратили на него внимание Государя, и по окончании войны он получил назначение на очень почетный, хотя ответственный и беспокойный пост флаг-капитана Его Величества... Понятно, что при свойствах своей натуры Нилов не сделался «настоящим» придворным, а сохранил вполне свою самобытность. Наиболее яркой особенностью его характера была прямота и немного резковатая откровенность в суждениях, которую он не менял и в разговорах с Государем. Эти его качества, в связи с некоторой склонностью к самодурству, столь свойственной старым морякам, создали ему при Дворе репутацию «чудака» — человека, лишенного каких бы то ни было дипломатических способностей. В обществе же, где за последнее время перед войной считалось «гражданским подвигом» чернить все то, что окружало трон, о нем ходили уже положительные легенды; больше всего было рассказов об его «беспробудном» пьянстве и «спаивании» самого царя... что же касается Нилова, то ему сильно вредили рассказы старых его товарищей о различных эпизодах из времен их общей молодости, проведенной действительно бурно...» Флаг-капитана Нилова ценил не только Николай II, но и команда императорской яхты «Штандарт». По свидетельству бывшего юнги: «матросы его любили. Он был невероятно щедр и не скупился на чаевые»[253].

Степень его ответственности за безопасность императора была весьма значительной. А. И. Спиридович, уходя со своей должности, счел необходимым попрощаться с флаг-капитаном К. Д. Ниловым. Он подчеркивал, что они «пережили много тревожных часов... во время плавания за годы революции. Мало кто знал это. То касалось охраны».

Офицеры императорской яхты «Штандарт»

Наряду с флаг-капитаном персональную ответственность за безопасность императора на воде несли все капитаны кораблей сопровождения, службу которых координировал Нилов. Миноносцы постоянно плотным кольцом окружали «Штандарт», по ночам они своими прожекторами просвечивали всю акваторию, на которой находилась царская яхта.

Не только капитан яхты и Нилов несли эту тяжелую службу, ее тяготы испытывали и все офицеры «Штандарта». Один из мемуаристов, прослуживший на «Штандарте» более 10 лет, вспоминал: «Порой бывали... пренеприятные и тяжелые минуты. Хотя бы в смысле охраны. И ответственности. Адмирал Нилов устал и поговаривал об уходе со «Штандарта». Но замены не было»[254].

На капитанском мостике «Штандарта» сменилось несколько человек. Из них наиболее известен капитан Иван Иванович Чагин, блестящий профессионал и боевой моряк, принимавший участие в самом известном и трагическом сражении русского флота — в Цусимском сражении в мае 1905 года. Приняв командование над «двойником» «Штандарта» крейсером «Алмаз» в январе 1902 года, Чагин командовал им вплоть до лета 1905-го. За это время он получил вензеля флигель-адъютанта Свиты Его Императорского Величества (16 августа 1903 года) и регулярно дежурил в императорских резиденциях. Во время Цусимского сражения его «Алмаз» стал единственным (за исключением двух эсминцев) крупным кораблем эскадры, пришедшим во Владивосток. За этот поход и бой Чагин был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (18 сентября 1905 года). Сдав командование «Алмазом» в июне 1905-го, он принял под свою команду «Штандарт» 7 ноября того же года. В апреле 1906-го он получил чин капитана 1 ранга. В марте 1909 года И. И. Чагин стал контр-адмиралом с назначением в Свиту Его Императорского Величества. Чагин полностью посвящал себя службе. Он не имел недвижимости, был холост, получал жалованье около 6 тысяч рублей в год[255]. В октябре 1912 года он застрелился. Смерть его была трагической и непонятной. Поговаривали, что причиной этого поступка стала его связь с эсеровской террористкой. Однако Николай II распорядился похоронить И. И. Чагина со всеми положенными воинскими почестями. В. Ф. Джунковский вспоминал, что он «был очень сдержанный, отлично воспитанный, держался он всегда с большим достоинством и был очень приятен в общении... Чагин был, безусловно, глубоко порядочным человеком, не шел никогда на компромиссы со своей совестью, а такие люди, пользуясь своим влиянием при дворе, могли принести много пользы»[256].

Наиболее активно морская охрана действовала в акватории финляндских шхер. Это было связано с тем, что с начала 1880-х годов Финляндия стала одним из постоянных мест отдыха российских императоров. Кроме великолепной рыбалки и суровой северной природы, немаловажную роль сыграла политическая лояльность финнов к русскому царю. В 1885 году П. А. Черевин во время отдыха в Финляндии воскликнул: «Финляндия! Жить здесь прекрасно. Никаких бомбистов, никаких бандитов!»[257] Это были совершенно искренние слова, на островах финских шхер угроза встретить бомбистов была сведена к минимуму.

Морская охрана была достаточно плотной. В 1885 году царскую яхту сопровождали два торпедных катера, следившие за тем, чтобы ни одно судно не смело приблизиться к отдыхающим. После начала русификации Финляндии охрану Александра III усилили. Во время летней поездки 1888 года царь дошел до острова Койвисто на военном корабле и только потом перешел на яхту «Царевна»[258]. В этом путешествии его охрану обеспечивали восемь военных кораблей[259]. В июле 1889 года в состав царской эскадры во время отдыха входили: колесная яхта «Александра», вспомогательный корабль «Красная горка», яхта «Царевна», вспомогательное судно «Онега» и торпедная лодка «Нарва».

Николай II и Александра Федоровна на охоте.
Спала. 1897 г.

Еще одним средством обеспечения безопасности стало засекречивание имен членов команды царской яхты[260]. Посторонние не должны были знать, кто из офицеров служит на яхте. Маршруты и даты поездок тоже старались держать в секрете. Но это удавалось очень редко, поскольку в этих поездках царя сопровождало огромное число людей, через которых и происходила утечка информации. В 1894 году во время последнего июльского плавания царя в финские шхеры охрана впервые применила сознательную дезинформацию прессы о сроках его поездки на отдых. Официально было сообщено, что Александр III отправится на отдых на яхте «Полярная звезда» и посетит Хельсинки. Финны начали заранее готовиться к встрече, но царь отплыл на отдых на яхте «Царевна» и прошел вдалеке от Хельсинки[261].

Практику сознательной дезинформации возобновили в ходе революции 1905–1907 годов. Так, при плаваниях Николая II в финские шхеры в 1906-м впервые с 1894 года вновь использовали этот метод. В июле 1906 года появилось официальное сообщение, что царь прибыл на отдых в Финляндию, хотя реально это произошло только в сентябре. Данный прием потом повторялся постоянно. Меры охраны царя на отдыхе зависели как от ситуации в России в целом, так и от оперативной информации о действиях террористов. По мере стабилизации внутриполитической жизни страны меры охраны постепенно смягчались. Так, в июне 1908 года местным жителям разрешили свободно передвигаться на лодках мимо императорского рейда, а грузовым кораблям — проходить через охраняемую акваторию. Передвижение судов разрешалось и в ночное время[262]. А уже в августе 1908 года весь архипелаг строго охранялся, останавливали даже гребные лодки. Высадку на необитаемые острова полностью запретили с 12 до 17 часов. Пристрастие царя к одному месту отдыха начало всерьез беспокоить охрану, поскольку у террористов к этому времени оказались надежные сведения о местах царского отдыха. В конце августа 1908 года официально сообщили, что Николай II отправится на отдых на курорт Хапсулу в Эстонии. Но царь вновь отдыхал на своих любимых островах.

Немаловажным фактором, обеспечивавшим безопасность императорской семьи на море, были сами императорские яхты. На рубеже XIX–XX веков императорский двор располагал двумя яхтами морского класса. Первой из них стала «Полярная звезда». Вопрос о строительстве надежной яхты для Александра III впервые встал в 1881 году. Задачам безопасности плавания отдавался явный приоритет по сравнению с вопросами комфорта и роскоши. На Балтийском судостроительном заводе недостроенный воен-

Чины Свиты и охраны в кают-компании яхты «Штандарт»

ный крейсер решили переоборудовать в царскую яхту. Этим проектом хотели совместить броневую мощь крейсера и роскошь. «Полярную звезду» спустили на воду в 1888 году.

В конце царствования Александра III, когда политическая ситуация внутри России стабилизировалась, был поднят вопрос о строительстве новой яхты морского класса. На ней вопросы удобства царственных пассажиров стали уже приоритетными. Это обусловливалось тем, что за все время царствования Александра III не произошло ни одного инцидента на воде, который можно было бы квалифицировать как угрозу для жизни императора.

В начале 1890-х годов для Александра III на верфях Дании заложили новую, более комфортабельную яхту. «Штандарт» представлял собой уже именно императорскую яхту, а не гибрид крейсера и яхты. Поэтому вооружение, установленное на ней, было очень скромным по сравнению с яхтами европейских монархов. На верхней палубе «Штандарта» установили только восемь 47-миллиметровых скорострельных автоматических пушек системы Гочкиса и мощный прожектор. В открытой дореволюционной литературе подчеркивалось, что эти пушки применялись в основном для салютов и боевого значения не имели. Яхта, например, германского императора Вильгельма II «Hohenzollern» была вооружена тремя орудиями калибра 105 мм, двенадцатью скорострельными пушками, четырьмя пулеметами и имела три минных аппарата, то есть фактически была боевым кораблем.

Морская яхта «Штандарт» постоянно использовалась для официальных визитов. Ее по протоколу сопровождала целая эскадра, которая играла роль почетного конвоя. Примером таких операций по охране «Штандарта» может служить поход в августе 1901 года в Копенгаген, Данциг, Киль и Шербург, когда яхту прикрывал прославившийся в 1904 году крейсер «Варяг». Во время встречи Николая II и Вильгельма II императоры посетили «Варяг», осмотрели крейсер, обошли строй команды и благополучно отбыли под грохот императорского салюта.

В августе — сентябре 1905 года «Полярную звезду» в плавании по шхерам сопровождали минный крейсер «Украина» и четыре миноносца: «Войсковой», «Трухменец», «Эмир Бухарский» и «Финн». В шхерах конвой пополнился подводной лодкой «Лосось», которая «ныряла и обходила яхту». На обратном пути к конвою присоединился миноносец «Гремящий», который «обгонял нас и проходил несколько раз под носом яхты». В этом сентябрьском плавании морским конвоем последний раз командовал флаг-капитан Н. Н. Ломен.

Во время плавания в сентябре 1906 года на «Штандарте» в состав морской охраны входили минные крейсеры «Украина» и «Финн», а также три больших миноносца — «Видный», «Гремящий» и «Разведчик». Позже к «конвоирам» присоединились яхты «Царевна» и «Генерал-адмирал», а также судно сопровождения «Азия». Николай II отмечал в дневнике: «Верные конвоиры шли обычным строем кругом».

«Штандарт» был большим судном. Его длина составляла более 122 м, ширина — 15,4 м, осадка — 6,6 м. Запас угля позволял пройти 1400 миль без бункеровки. Максимальная скорость — 22 узла. Экипаж яхты насчитывал 370 человек матросов и офицеров. Конструкция яхты была просчитана на непотопляемость. «Штандарт» имел стальной корпус с двойным днищем. Водонепроницаемые переборки делили корпус на семь отсеков. Бункеры для угля были расположены по бортам и могли в случае катастрофы принимать забортную воду. На яхте были предусмотрены средства спасения — шлюпки, семь различных катеров, в том числе два царских паровых катера. Судно прекрасно оборудовали для комфортабельной повседневной жизни. К мерам безопасности можно отнести и то, что пищу для царя готовили в собственном камбузе[263].

Для семьи Николая II «Штандарт» стал любимым домом. Но море есть море, и для безопасности детей во время морских переходов к ним назначали телохранителей из числа матросов команды. В повседневном обиходе их называли дядьками. Для отобранных матросов это считалось большой честью. Не стесняя передвижений детей по яхте, они постоянно держали великих княжон и наследника Алексея в поле зрения. По утверждению мемуариста, охрана была весьма деликатной, и «княжны этой охраны вовсе не ощущали»[264]. Вплоть до лета 1914 года цесаревич постоянно летом носил матросскую форму, на бескозырке которой была надпись «Штандарт».

В революционный период 1905–1907 годов для обеспечения максимальной безопасности императорской семьи были приняты дополнительные меры и в морской охране. Наряду с привычной со времен Александра III дезинформацией о месте пребывания императора и сроках его прибытия на вооружение взяли и метод появления яхты — двойника «Штандарта». Этим двойником стал крейсер «Алмаз». В этой методике был использован опыт, применявшийся с конца 1870-х годов на железных дорогах (царский поезд и свитский поезд). Силуэт крейсера «Алмаз» был очень похож на силуэт «Штандарта». Конечно, моряка-профессионала внешняя похожесть судов не могла ввести в заблуждение, но

для досужей публики и неспециалистов в морском деле этот прием вполне годился. Почти одинаковый силуэт, три мачты, одинаковая длина корпуса и две трубы могли ввести террористов в заблуждение.

Крейсер «Алмаз», спущенный на воду в 1903 году, уже имел за плечами участие в Цусимском сражении (1905). В 1906 году судно перевели на Балтику и переквалифицировали в посыльное, то есть ему был придан новый статус, который имела и императорская яхта. В качестве двойника крейсер «Алмаз» использовали с 1906 по 1911 год — в то время, когда угроза террористического акта против Николая II была очень велика. По свидетельству бывшего юнги «Штандарта», в походах 1907–1909 годов крейсер «Алмаз» повсюду сопровождал яхту «Штандарт». Во время стоянок «Алмаз» старались ставить ближе к берегу, чтобы «террористы могли перепутать суда, имевшие одинаковые силуэты»[265]. Как упоминал мемуарист, в 1907 году поговаривали, что при входе в Кодкинскую бухту якобы была обнаружена плавучая мина. При этом на указанной для «Штандарта» стоянке красовался крейсер «Алмаз»[266].

Команду для «Штандарта» подбирали не менее тщательно, чем в остальные войска, занятые охраной императорской семьи. Это были рослые матросы с правильными славянскими чертами лица, безупречные с точки зрения благонадежности. Матросам «Штандарта», как и всей охране, Николай II уделял повышенное внимание, они даже были в числе подданных, с которыми христосовался император на Пасху. Однако в годы революции (1905–1907) режимные меры усилили и на императорской яхте. Команда яхты, включая офицеров, узнавала, куда и когда уходит «Штандарт» только после выхода в море. Поскольку события 1905 года дали примеры ненадежности флота, то за благонадежностью экипажа «Штандарта» внимательно наблюдала дворцовая спецслужба, которая, безусловно, имела в матросской среде свою агентуру. Накануне традиционного летнего плавания Николая II в 1906 году на «Штандарте» полностью сменили команду. Видимо, на то были серьезные причины.

Тем не менее эти меры не оградили команду яхты от революционной агитации. Более того, в 1907 году в боевую организацию партии социалистов-революционеров с яхты «Штандарт» поступило предложение устроить покушение на царя, указывалось, что на яхте есть люди (офицер, несколько матросов и кочегаров), готовые помочь в этом деле. Непосредственной подготовкой этого террористического акта занимался известный террорист П. Карпович. Один из ключевых руководителей партии эсеров М. А. Натансон скупо сообщал, что «дело не состоялось по непредвиденным обстоятельствам»[267]. При этом следует подчеркнуть, что об этом готовящемся цареубийстве полиция так и не узнала. Подобное же дело затевалось еще на одном корабле, но оно «расклеилось» в начальной стадии подготовки. Антиправительственные настроения приобрели такой размах, что втянули в сферу революционной пропаганды и многократно «просеянный» экипаж императорской яхты.

Начавшаяся революция 1905 года, восстание на броненосце «Потемкин», всероссийская забастовка в октябре заставили усилить не только морскую охрану императорской резиденции в Петергофе, но и просчитать возможность срочной эвакуации императорской семьи морем. По инициативе кайзера Вильгельма II из Мемеля в Финский залив вышли миноносцы на случай срочной эвакуации царской семьи из Петергофа в Германию или Англию. 20 октября 1905 года Николай II отметил в дневнике: «Морской агент Гинце прибыл с двумя герман. миноносцами из Мемеля с почтой посольства». Понятно, что «почта посольства» была только дипломатическим прикрытием возможной эвакуации царской семьи. На следующий день, 21 октября, русский царь лично принял командиров немецких миноносцев. 23 октября прибыла вторая пара германских миноносцев, оба командира которых также немедленно получили аудиенцию у Николая II. Можно утверждать, что с 20 по 26 октября 1905 года с командирами германских миноносцев детально прорабатывался план эвакуации царской семьи из России. Видимо, именно об этом плане шла речь и 27 ноября 1905 года, когда Николай II принимал в Нижнем дворце Петергофа своего флаг-капитана К. Д. Нилова.

Ближайшее окружение царя считало такую перспективу развития событий вполне вероятной. Так, обер-гофмаршал императорского двора, генерал-адъютант граф П. К. Бенкендорф писал: «Жаль, что у Их Величеств пятеро детей... так как если на днях придется покинуть Петергоф на корабле, чтобы искать пристанище за границей, то дети будут служить большим препятствием». О такой возможности говорил и друг юности Николая II князь Э. Э. Ухтомский, по словам которого самым счастливым исходом для царя в 1905 году будет считаться, «если он живым вместе с семьей успеет покинуть Россию»[268].

Эти заявления подтверждаются и тем, что на рейде Петергофа, у Нижнего дворца, где проживала в то время царская семья, постоянно находилась подводная лод-

ка «Ерш». Именно в октябре 1905 года (1 октября) Николай II пригласил командира подводной лодки «Ерш» капитана Огильви на обед в свою резиденцию. Перспектива развития событий, связанная со срочной эвакуацией из страны, совершенно не устраивала Николая II, поэтому он с некоторыми нотками раздражения отметил в дневнике (11 октября 1905 года), что подводная лодка «уже пятый месяц торчит против наших окон». Но именно в этот день Николай II вместе с императрицей Александрой Федоровной сочли необходимым лично посетить подводную лодку. Возможно, императрица во время этого визита прикидывала, как она будет размещать в ней своих детей.

В связи с революционными событиями в России кардинально изменился и характер отдыха царя. Выезжать поездом в Крым через охваченную волнениями страну стало слишком опасно. Поэтому новое место отдыха охрана нашла буквально на расстоянии дневного перехода на яхте от Петергофа. Это были финские шхеры. Царь поддержал этот выбор, тем более что еще в детстве с отцом он неоднократно бывал там. Если Александр III путешествовал по всему финскому архипелагу, то поездки Николая II, как правило, проходили до группы островов у селения Виролахти. Эти острова царь посетил впервые летом 1905 года. Тихие острова у Виролахти обеспечивали главное условие для спокойного отдыха царской семьи — безопасность. Примечательно, что когда Николай II покидал свою резиденцию в Царском Селе или Петергофе, то его рабочие кабинеты опечатывались. В отсутствие царя никто не имел права войти в его личные комнаты[269].

Поскольку царь с семьей отдыхал в финских шхерах ежегодно до лета 1914 года, то у охраны сложилась определенная схема обеспечения безопасности царя и выработались особые правила охраны применительно к данной местности. Задолго до прибытия царя представители Дворцовой полиции приезжали в Виролахти выяснить, нет ли здесь подозрительных лиц, что было нетрудно — на островах все чужаки на виду. С охраной прибывал врач, которого интересовали вопросы санитарного благополучия населения.

Для размещения охраны был выделен остров Питкянаси, построена жандармская телеграфная станция. На момент прибытия царской семьи ее безопасность обеспечивали от 50 до 200 человек[270] личной охраны и несколько тысяч матросов, находившихся как на царской яхте, так и на вспомогательных судах. В Финляндии в царскую охрану входили матросы, отряд «подвижной охраны» полковника Спиридовича и чины Дворцовой полиции.

Надо заметить, что эскадра Николая II была не в пример многочисленнее эскадры Александра III. Иногда его на отдыхе сопровождало до 20 военных кораблей различного класса. В полностью автономную флотилию входили угольная баржа, госпиталь, корабль-баня, судно-водовоз «Водолей». Вестовые корабли доставляли эскадре свежую провизию. Для поездок на охоту использовались два паровых катера («Бунчук» и «Петергоф») с малой осадкой. Несколько торпедных лодок постоянно утюжили прилегающие воды, а сторожевые корабли останавливали все суда, подходившие слишком близко к эскадре. В крайнем случае они могли открыть огонь на поражение. Для морских офицеров, принимавших участие в охране императора, учредили специальный знак «Морская охрана»[271]. В сентябре 1906 года в одном из писем Николай II перечислял состав сопровождавшей его на отдыхе эскадры: «С нами здесь «Украина» и «Финн», миноносцы «Видный», «Резвый» и «Гремящий», «Царевна», «Генерал-адмирал» и «Азия». Все они по ночам светят боевыми фонарями кругом яхты»[272].

Отряд «подвижной охраны» А. И. Спиридовича сопровождал царя во всех его плаваниях в финские шхеры. Поскольку Николай II симпатизировал энергичному полковнику, то, следуя традиции, периодически приглашал его на «Штандарт» на завтрак наравне с офицерами своей морской охраны[273].

Место стоянки эскадры оборудовали соответствующим образом: взорвали подводные мели, установили постоянные буи, разметили фарватеры, которые каждую весну тщательно проверялись. Современная морская граница между Россией и Финляндией сейчас проходит точно через эту стоянку.

Постепенно на островах, которые любила посещать императорская семья, формировалась своя инфраструктура. На острове Харппу для царского двора разбили парк с теннисными кортами (в 1912 году), каруселями и качелями. Со столицей наладили хорошую телеграфную связь, для этого в прибрежной деревушке обустроили телеграф. На архипелаге построили аэродром. Связной корабль ежедневно отправлялся в Петербург, между материком и архипелагом ежедневно курсировал финский почтовый пароход. Что бы ни случилось в империи, даже малозначительное, Николай II тотчас узнавал об этом.

На островах и материке к охране предъявлялось требование ее незаметности. Когда Николай II шел к виролахтинской церкви, охрана располагалась в специальных укрытиях. Царь знал об этой охране и, по преданию, иногда кидал в ее сторону золотые монеты. По инструкции деньги

Императорская семья на отдыхе в финских шхерах

можно было поднимать только после того, как царь удалялся[274]. При устройстве кортов учитывались требования безопасности: их расположили на берегу моря, от основной суши их отделяла обширная безлесная полоса нанесенного морем песка. Она хорошо просматривалась, и никто посторонний не мог незаметно приблизиться к царю[275].

Местных жителей, считавшихся вполне лояльными, старались не беспокоить. Их передвижения не ограничивались, но во время охоты императора острова полностью очищались от посторонних лиц. Местным жителям запрещалось на лодках приближаться к эскадре. Им также запрещалось ловить рыбу в районе стоянки эскадры, но за это они ежегодно получали от казны денежную компенсацию. Хорошо платили местным жителям и за дрова, и за продукты. Финнам, безусловно, было выгодно, что царь выбрал местом своего отдыха их архипелаг, и они не доставляли хлопот охране, но только тогда, когда придерживались ее требований. Зафиксирован эпизод, произошедший с одним из местных жителей, который хотел продать свои яблоки матросам «Штандарта». Когда его лодка приблизилась к сторожевой линии, раздался выстрел, сбивший с незадачливого торговца шляпу[276].

Для обеспечения охраны «Штандарта» действовали жесткие правила, не допускавшие приближения к царской яхте посторонних судов. Так, в 1907 году корабли охраны потопили финскую лайбу, которая, игнорируя звуковые сигналы, не меняла курса и шла прямо на «Штандарт». Предупредительный выстрел ее не остановил. Один из миноносцев охраны пошел на абордаж, но промахнулся и разрезал лайбу пополам. Команде миноносца удалось спасти пятерых финских рыбаков. Как выяснилось, финны хотели только поближе посмотреть на царскую яхту. По приказу царя за три недели им построили новую лайбу[277].

О том, что распоряжение стрелять на поражение было не пустой угрозой, свидетельствует эпизод, произошедший в июне 1909 года. Тогда царскую яхту «Штандарт» прикрывало пять военных кораблей. В один из дней к вечеру к стоянке императорской яхты стал приближаться груженный лесом английский корабль «Вудберн» с финским лоцманом на борту. Корабль собирался обогнуть «Штандарт» примерно в полукилометре, но торпедные лодки начали его оттеснять. Капитан «Вудберна» приказал дать задний ход, в результате чего нос корабля оказался повернутым точно на императорскую яхту. Сторожевые корабли немедленно открыли предупредительный огонь. Торпедная лодка «Эмир Бухарский» выстрелила гранатой, пробив борт грузового корабля. Взрывом был поврежден паропровод и ранен кочегар, работавший в машинном отделении. Торговый корабль был остановлен. После того как инцидент уладили, торпедная лодка доставила раненого в больницу. Капитан английского корабля немедленно телеграфировал об обстреле его судна. Начался нешуточный скандал. Английская пресса была в ярости. Этот инцидент с трудом удалось замять[278].

Для столь жестких мер у охраны имелись все основания, поскольку спецслужбы получили информацию о готовящейся атаке на «Штандарт» моторной лодки или корабля, груженного динамитом. В начале июня 1909 года Департаменту полиции стало известно, что в городе Таммерфорсе состоялся съезд представителей финского союза «Война» («Освободительный союз») и представителей Северного летучего отряда партии социалистов-революционеров. На съезде обсуждались планы эсеров, связанные с убийством царя. При этом представители финской партии высказали «согласие на допущение означенного злодеяния даже на территории Финляндии»[279], но от активного участия в со-

вершении покушения отказались, хотя признали возможным оказать эсерам материальную поддержку. Дворцовые спецслужбы предпочитали перестраховываться, однажды остановив торпедным катером даже моторную лодку одного финского доктора, который проплывал мимо эскадры по своим делам.

В районе приморских императорских резиденций морская охрана тесно сотрудничала с пограничной стражей, которой придавались катера для борьбы с контрабандистами. Команды этих судов прекрасно знали береговую линию и могли грамотно построить систему морской охраны побережья. Во время пребывания императорской семьи в Ливадии или Петергофе именно им вменялось в обязанность несение охранной службы побережья со стороны моря. Известно, что с 1909 года и в последующие годы с моря Ливадию охраняли миноносцы и катера под командованием капитана 1 ранга князя В. В. Трубецкого. В Ливадии размещался Ливадийский пост Ялтинского отряда 24-й Крымской бригады, который значительно усиливался во время отдыха императорской семьи. Восемь постов пограничной стражи охраняли не только Ливадию, но и близлежащие резиденции членов императорской фамилии[280].

В императорских армии и флоте было множество знаков и жетонов, отмечавших те или иные этапы служебной деятельности. Имелись свои знаки и в морской охране. 24 декабря 1901 года был учрежден нагрудный знак за усердную службу в морской охране. В его основе — фигурно сложенная золотая лента с косицами, на которой выполнена надпись выпуклыми буквами: «Морская охрана». Сверху лента увенчана большой золотой императорской короной. На ленту наложен серебряный оксидированный адмиралтейский якорь, на котором размещена серебряная Андреевская звезда. На звезде под орлом размещены скрещенные серебряные якоря. Для офицерского состава этот наградной знак изготавливали из золота, а для нижних чинов — из белого металла. Офицеры получали знак с высочайшего соизволения по ходатайству флаг-капитана Его Императорского Величества, а нижние чины — по решению флаг-капитана Его Императорского Величества по представлению заведующего загородными судами и Петергофской военной гаванью. При этом могли быть представлены только те нижние чины, которые пробыли в морской охране не менее трех кампаний. Свои памятные жетоны существовали и на императорских яхтах «Полярная звезда» и «Штандарт». Так, золотой жетон за 5-летнюю беспрерывную службу на императорской яхте «Штандарт» в июле 1911 года был пожалован флаг-капитану К. Д. Нилову.

На протяжении 35 лет морская охрана играла важную роль в обеспечении безопасности российских императоров, являясь обязательной составной частью системы их охраны. В течение всех этих лет не возникло ни одной серьезной ситуации, которая поставила бы под угрозу жизнь императора и его близких.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ИМПЕРАТОРА В ХОДЕ МЕДИЦИНСКОГО И БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Придворная медицинская часть традиционно входила в сферу внимания подразделений государственной охраны, поскольку ее деятельность была непосредственно связана с жизнью и здоровьем российских императоров. В России с ее традициями персонифицированной самодержавной власти эта медицинская составляющая особенно важна. Придворные медики входили в «ближний круг» общения с власть имущими, так как по роду своей деятельности они были посвящены в самые интимные тайны, связанные со здоровьем их высоких пациентов. Врачебная этика предполагает крайнюю немногословность в общении с окружающими именно по профессиональным вопросам. Кроме того, в этих структурах действовали особые инструкции, жестко регламентировавшие поведение врачей, круг их знакомств и т. д.[281]

Образование Придворной медицинской части.
Начало формирования медицинской службы при царском дворе относится к середине XVI столетия. В XVII веке был сформирован целый штат врачей, обслуживавших медицинские потребности царской семьи. В первой четверти XVIII века эти медики приобрели статус «лейб-медиков», состоящих на царской службе[282]. Однако все они обслуживали только лиц из непосредственного окружения царя. В конце XVIII века по мере разрастания императорского двора и постепенного повышения медицинских стандартов повседневной жизни аристократии начался процесс формирования Придворной медицинской части, главной задачей которой стало обслуживание медицинских потребностей царя и всего царского окружения. По инициативе царствующих лиц начали формировать сеть городовых госпиталей, которую впоследствии включили в структуру Придворной медицинской части.

В связи с увеличением и развитием придворных медицинских служб в декабре 1801 года была предпринята первая попытка регламентации их деятельности. Составили штат медицинских чинов, состоящих при высочайшем дворе. По этому штату предполагалось иметь 33 медика, ключевые роли играли четыре лейб-медика и четыре лейб-хирурга[283]. Тогда же при дворе учредили аптеку[284]. К 1818 году в круг медицинских придворных структур входило уже шесть больниц и госпиталей[285].

Начало регламентации деятельности медиков при дворе положено в 1818 году инструкцией, составленной лейб-медиком Александра I баронетом Я. В. Виллие. Впоследствии он стал первым управляющим Придворной медицинской частью и занимал этот пост с 1843 по 1854 год. В числе лейб-медиков значились (на 1837 год): Александр и Василий Крейтоны, Яков Лейтон, Иван Рюль, Яков Виллие, Эмилий Рейнгольд, Петр Линдестерм, Николай Арендт, Георгий Раух.

Формирование самостоятельного структурного подразделения — Придворной медицинской части Министерства императорского двора — завершилось к январю 1843 года с высочайшим утверждением «Положения о Придворной медицинской части». Это Положение действовало 45 лет, до 1888 года[286].

Бутыль-холодильник.
Первая четверть XIX в.

Сундук с ночным судном.
Первая четверть XVIII в.

Так выглядело штатное расписание Придворной медицинской части в 1843 году. Лейб-медики — пять человек, на момент создания Придворной медицинской части это Я. В. Виллие, Э. И. Рейнгольд, Н. Ф. Арендт, И. Раух, М. А. Маркус. Как правило, существовали должности и сверхштатных лейб-медиков. Все лейб-медики назначались и увольнялись высочайшими указами. Реальное влияние лейб-медика определялось в основном степенью его близости к императору.

Лейб-хирурги по традиции были наиболее близки к императорской семье. Известны из них Г. И. Гирш, лечивший Александра III и Николая II, и С. П. Федоров, лечащий врач цесаревича Алексея. В обязанности дежурных гоф-медиков входило состоять посменно при дворе. Главной обязанностью окружных гоф-медиков было оказание медицинской помощи придворным чинам, живущим на территории их округов. Особым подразделением Придворной медицинской части была Придворная аптека (12 человек)[287]. Таким образом, по «Положению» 1843 года весь штат Придворной медицинской части включал 59 штатных единиц.

Санитарная служба Придворной медицинской части. Одной из главных задач Придворной медицинской части было обеспечение благополучного санитарного состояния в местах пребывания высочайшего двора. Особое внимание уделялось контролю за качеством воды, поступающей в Зимний дворец. Это определялось тем, что в Петербурге эпидемии холеры были регулярными. В ноябре 1848 года по личному указанию Николая I был введен контроль за состоянием воды («посредством химического разложения»). Результат произведенных анализов показал отсутствие в воде свинца, меди и других вредных для здоровья примесей. Свинцовые резервуары и трубы водопровода Зимнего дворца предполагалось заменить на железные. Но, видимо, полная замена так и не была проведена, и свинцовые трубы и резервуары, установленные в Зимнем дворце в 1838 году, продолжали действовать. При этом проведение анализов воды, видимо, не носило постоянного характера, но вся система ее подачи чистилась еженедельно. В июле 1862 года 35 человек нижних чинов лейб-гвардии Измайловского полка внезапно заболели. В качестве главной причины массового заболевания рассматривалась версия о недоброкачественной невской воде. И хотя анализы не выявили никаких отклонений в ее составе, было принято решение о замене всех свинцовых труб, которые на то время уже отслужили 24 года, на железные[288].

Иногда необходимость провести химический анализ воды диктовалась соображениями безопасности. Так, после взрыва в Зимнем дворце в феврале 1880 года, организованного народовольцами, возникло опасение, что злоумышленники могли попытаться отравить воду, находящуюся в резервуарах Зимнего дворца. В связи с этим министр императорского двора направил в начале марта 1880 года распоряжение управляющему Придворной медицинской частью подвергнуть химическому анализу воду в главных баках Зимнего дворца и воздух в личных покоях императора и императрицы. Это распоряжение имело гриф «Секретно», и в нем подчеркивалось, что анализы должны проводиться не менее одного раза в неделю. Первый анализ воды взяли 8 марта 1880 года. Он показал, что в воде «не найдено никаких минеральных и органических ядов»[289]. На следующий день после смерти императрицы Марии Александровны (30 мая 1880 года) главный аптекарь Гросс запросил разрешение о прекращении анализов воды во дворце, но министр императорского двора резко заметил, что не видит причин прекращать, а считает полезным делать те же исследования и в Царском Селе[290].

Нагрудный знак военного врача

Ледовник-холодильник.
Начало XX в.

Особую актуальность проблема санитарного благополучия приобрела в конце XIX века в связи с общим ухудшением санитарного состояния Санкт-Петербурга. Качество питьевой воды оставалось отвратительным, и даже в царской семье регулярно болели различными инфекционными кишечными заболеваниями.

Чтобы избежать распространения инфекций при дворе, принимались различные профилактические меры. В июне 1867 года управляющий Придворной медицинской частью направил на имя министра императорского двора проект, в котором были изложены правила «предосторожности от заразительных болезней лицам, имеющим право или обязанности являться к Высочайшему Двору или к членам Августейшего Дома»[291]. В результате рассмотрения проекта изменили карантинные статьи, которые «должны быть обязательны для всех без исключения лиц». Проект получил высочайшее одобрение в ноябре 1867 года.

В 1865 году будущий император Александр III переболел брюшным тифом, а его сын, Николай II, в ноябре 1900 года едва не умер от этой же болезни в Ливадии. Поэтому перед Придворной медицинской частью в конце XIX века были строго обозначены санитарные задачи: предупреждать занесение заразных болезней в царскую семью; предупреждать развитие эпидемий в местах пребывания императорского двора; предупреждать заболевания служащих в различных подразделениях Министерства императорского двора; следить за санитарным устройством и содержанием зданий Министерства императорского двора, квартир служащих, а также за санитарным благоустройством дворцовых городов.

Организация санитарного надзора была довольно трудна, поскольку только в Петербурге в зданиях Министерства императорского двора проживало более 16 тысяч различных дворцовых чинов и более 5 тысяч детей. В Царском Селе в конце 1890-х годов проживало около 25 тысяч жителей, в Гатчине — около 15 тысяч и в Петергофе — 10 тысяч жителей. Необходимо учитывать, что в летние месяцы население этих городов значительно увеличивалось за счет дачников.

Возможность заражения через некачественную воду постоянно имелась в виду придворными медиками. Так, в декабре 1910 года в Зимнем дворце на всех водопроводных кранах установили «фильтры Беркефальда», автоматические кипятильники воды привели «в беспрерывное состояние», кухня была обеспечена фильтрованной и кипяченой водой «не только для питья»[292].

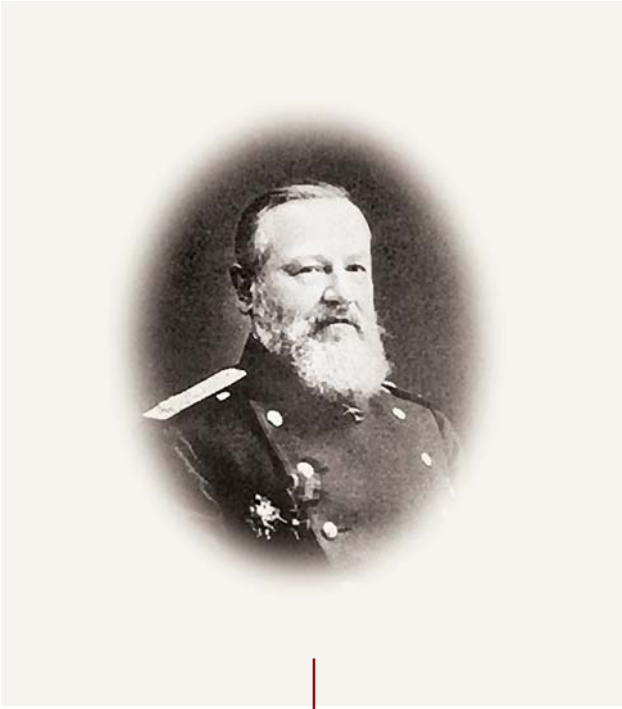
Проверке медицинского персонала уделялось самое серьезное внимание: учитывался не только квалификационный уровень кандидата, но и его анкетные данные, степень благонадежности. Существовала специальная процедура запросов, по которым проверялась благонадежность принимаемого на службу. Запрашивались первоначально четыре инстанции: Департамент полиции, С.-Петербургское губернское управление в Царскосельском и Петербургском уездах (или по другому месту жительства проверяемого), Отделение по охранению общественной безопасности порядка в Санкт-Петербурге, Петербургская сыскная полиция.

По сложившейся схеме инспектор Придворной медицинской части сообщал фамилии кандидатов на медицинские должности начальнику Дворцовой полиции, тот делал соответствующие запросы и затем сообщал результаты инспектору. Например, в марте 1908 года проверку проходила слушательница Самаритянских курсов, дочь статского советника Ксения Бенуа «на предмет допущения ее к предварительным занятиям в Царскосельском госпитале Дворцового ведомства». Среди стандартных вопросов о проверяемой были: «Действительно ли изображена на прилагаемой при сем фотографической карточке означенная Бенуа? О политической ее благонадежности и судимости ее, Бенуа, мужа, если она замужем, и где таковой проживает? О благонадежности и судимости родителей ее и мужа? Обращали ли ее родственники своим неблаговидным поведением внимание властей? Вообще заподозренных в чем-либо, с кем она имела общение, и о всех таких лицах? Какой национальности и какого вероисповедания Бенуа и ее муж? Действительно ли ей выдан означенный вид на жительство?»[293]

Если по каким-либо причинам человек уходил из Придворной медицинской части, а через некоторое время возвращался, проверка его повторялась в полном объеме. Если возникали какие-либо сомнения в благонадежности принимаемого лица, то круг запросов значительно расширялся. Например, в октябре 1908 года проверялась на благонадежность женщина-врач Л. Н. Красикова для допущения ее на практику в Царскосельский госпиталь. В связи с возникшими сомнениями были собраны сведения еще о восьми лицах из числа ее родственников, коллег по работе и знакомых[294]. Проверке подвергались даже лица, назначение которых в Придворную медицинскую часть протежировалось самой императрицей. Например, летом 1909 года проверке подвергли княжну В. И. Гедройц. Начальник Калужского губернского управления доносил начальнику Дворцовой полиции, что по агентурным сведениям «названная Гедройц во время проживания в Людинове вела знакомство с лицами, благонадежность коих скомпрометирована»[295].

Дворцовая полиция также занималась и не совсем свойственными ей делами, имеющими отношение к Придворной медицинской части. Например, после того как в мае 1907 года великая княжна Анастасия Николаевна заболела дифтеритом, начальник Дворцовой полиции Б. А. Герарди по распоряжению дворцового коменданта В. А. Дедюлина провел расследование, каким образом во дворец была занесена инфекция. Еще в апреле 1907 года Дедюлин издал приказ, по которому все служащие по Дворцовому ведомству, а также члены их семей по выписке из госпиталей и больниц должны быть осмотрены врачом Придворной медицинской части, без чего «такие лица не были допускаемы к исполнению служебных обязанностей»[296]. В ходе расследования опросили множество людей и установили, что «в первых числах мая в кв. № 5, находящейся под квартирой слесаря Тихомирова, заболело дифтеритом трое детей и две женщины»[297], а 18 мая слесарь Тихомиров находился в императорском поезде при следовании из Царского Села в Петергоф.

При проверке на благонадежность интересы службы безопасности и медицины нередко входили в противоречие. Например, при проверке на благонадежность в конце 1913 года врача М. Г. Данилевича было установлено, что в 1905-м он в Витебской губернии «посещал еврейские молельные дома, где будто бы в среде еврейской молодежи произносил агитационные речи»[298]. Кроме того, в мае 1905 года его арестовали при ликвидации местной организации партии социалистов-революционеров. Инспектор Придворной медицинской части профессор Н. А. Вельяминов пытался заступиться за врача и в письме к начальнику Дворцовой полиции Б. А. Герарди указывал, что знает Данилевича как «прекрасного врача, который был ему рекомендован весьма солидными авторитетами», что «факт этот имел место в то время, когда таких арестов было очень много», что врач предназначается им для заразного отделения Гатчинского госпиталя, «имеющего лишь крайне отдаленное отношение к Высочайшему Двору»[299]. Однако окончательный вердикт Дворцового коменданта В. Н. Воейкова гласил: «Своего согласия не даю».



Г. Е. Рейн

Врачи императоров.

Врачи Придворной медицинской части делились на две категории. К первой относились те, кто непосредственно занимался здоровьем императора, ко второй — все остальные. В первую группу медиков не обязательно входили именно лейб-медики. Например, в апреле 1851 года на службу в Придворную медицинскую часть сверх штата, по распоряжению Николая I, в качестве дантиста приняли английского подданного Якова Осиповича Мурфия. При приеме на службу он давал стандартную расписку, как и все медики, поступая на дворцовую службу: «Я, нижеподписавшийся, сим объявляю, что я ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри Империи, ни вне ее не принадлежу, и обязываюсь впредь оным не принадлежать и обязываюсь никаких сношений с ними не иметь. Мая 21 дня 1851 года James Muerphy»[300]. После начала Крымской войны в октябре 1853 года и объявления Англией войны России в марте 1854-го вспомнили, что придворный дантист-англичанин так и не принес присяги на верность России и является подданным страны, с которой Россия находится в состоянии войны. Дантиста привели к присяге в Исаакиевском соборе. Приняв ее, Мурфий подписал стандартный текст: «По сему листу присягал подданный Английской королевы Яков Осипович Мурфий». На современный взгляд — патриархальность! Дантист русского императора — англичанин, у которого после начала войны с Англией забыли взять присягу и сохранили в должности после начала войны. И все это в дни штурмов английскими войсками Севастополя и крейсирования английского флота в виду Кронштадта. Мурфий проработал придворным дантистом до 1883 года, то есть 32 года, и вышел на пенсию в чине титулярного советника.

Каждый из российских императоров имел «своего» врача. Медиков в окружении было много, но решающую роль играло мнение именно «своего», которому царь безоговорочно доверял. Бóльшая часть медиков, входивших в «ближний круг», были действительно квалифицированными специалистами.

На протяжении полутора десятков лет ближайшим к Николаю I врачом оставался М. М. Мандт, ординарный профессор хирургии Грейсвальденского университета. Судьбоносный перелом в его карьере произошел в 1835 году, когда он получил возможность сопровождать великую княгиню Елену Павловну в поездке на минеральные воды, а затем стал ее постоянным врачом. Однако вершины карьеры Мандт достиг, когда его пригласили для оказания медицинской помощи императрице Александре Федоровне. За оказанные императрице медицинские услуги в 1839 году Николай I сделал Мандта почетным лейб-медиком. Позже, 9 ноября 1840 года, высочайшим указом Правительствующему сенату специально для Мандта была введена новая должность — почетного лейб-медика и консультанта. В 1840 году по личному распоряжению Николая I Мандт получил чин действительного статского советника, соответствующий генеральскому чину. В бюрократической России николаевского времени все эти тонкие градации имели весьма существенное значение. Но во все времена особенностью России было то, что важнее всяких званий и должностей оказывалась реальная близость к первому лицу государства. Мандт жил в Зимнем дворце. Исследователи-врачи конца XIX века отмечали, что «Мандт был, несомненно, талантливый человек, с независимым и сильным характером... Н. И. Пирогов, познакомившийся с ним еще до его приезда в Россию и потом встречавшийся с ним в Петербурге, считает его недюжинным человеком, отмечая вместе с тем нелестные стороны его характера: тщеславие, карьеризм, несправедливую резкость в суждениях о других»[301].

После смерти Николая I в 1855 году и отъезда М. М. Мандта его преемником при дворе стал Ф. Я. Карелль. Будучи лечащим врачом императрицы Александры Федоровны, он выхаживал болезненную и хрупкую императрицу от чахотки. Как выяснилось после ее смерти, этот диагноз оказался ошибочным. Тем не менее он остался при дворе и принимал участие в лечении Александра II на протяжении 1860-х годов. В Придворной медицинской части он продолжал числиться вплоть до своей смерти в 1880 году.

Самым доверенным медиком Александра II и императрицы Марии Александровны являлся С. П. Боткин, звезда которого на медицинском небосклоне взошла именно в период правления Александра II. Медицинская репутация основоположника петербургской терапевтической школы С. П. Боткина общеизвестна. Началу его придворной карьеры способствовали несколько обстоятельств. Новые врачи входили в ближайшее окружение императора, как правило, по протекции влиятельных при дворе персон. Боткину симпатизировала дочь влиятельного военного министра Д. А. Милютина, которая состояла в свите императрицы Марии Александровны[302]. Его назначению способствовала и протекция ближайшей наперстницы императрицы — А. Н. Мальцовой, у которой он успешно лечил сына. По воспоминаниям друга детства Александра III, графа С. Д. Шереметева, появление Боткина при дворе стало заметным событием. Приход Боткина в придворную медицину укрепил положение русских врачей вообще. Шереметев подчеркивал, что Боткин был не только общепризнанным прекрасным диагностом, но еще и обаятельным и умным собеседником[303].

С 1870 года Боткин — почетный лейб-медик. В 1871 году ему поручили лечение серьезно заболевшей императрицы Марии Александровны. В 1872 году по рекомендации Боткина кардинально изменили систему отопления и вентиляции в Зимнем дворце «на половине Ея Величества и прилегающих помещениях»[304]. Боткин регулярно отчитывался перед министром императорского двора графом Адлербергом о малейших изменениях в состоянии здоровья императрицы. В октябре 1874 года он уехал из Петербурга, сопровождая императрицу сначала в Лондон, а затем в Италию, в Сан-Ремо. Оттуда в ноябре 1874 года писал Адлербергу практически ежедневно. 10 мая 1875 года Боткин был «пожалован в лейб-медики Двора Его Императорского Величества с назначением состоять при Ее Императорском Величестве Государыне Императрице с оставлением при занимаемых им ныне должностях»[305]. По должности Боткин получал: жалованье — 1430 рублей; столовые — 1430 рублей; квартирные — 1430 рублей.

После смерти императрицы, главной пациентки Боткина, 15 июля 1880 года Александр II повелел «сохранять все получаемое им (Боткиным. — *Ред.*) содержание и назначить пенсию в четыре тысячи рублей с производством таковой с 22 мая сего года, то есть со дня кончины Ее Императорского Величества»[306]. После гибели императора Александра II С. П. Боткин по мере ухудшения своего здоровья постепенно отошел на вторые роли, но его авторитет остался непоколебимым. Его смерть в 1889 году, уже при Александре III, стала тяжелой утратой и для царской семьи. Великий князь Константин Константинович 19 февраля 1891 года записал в дневнике, что «Императрица жаловалась на нездоровье, ей неизвестен ни один врач, к кому она могла бы обратиться с полным доверием после того, как не стало Боткина»[307].

Наиболее близким к императору Александру III врачом был Г. И. Гирш, военный хирург. Придворная его карьера началась в 1855 году после того, как он был прикомандирован к гофмаршалу князю Кочубею для сопровождения принца и принцессы Нидерландских. В том же году началась медицинская служба Гирша в различных лейб-гвардии полках: в Конном полку — ординатором, в лейб-гвардии Семеновском полку, лейб-гвардии Гренадерском, лейб-гвардии Московском. Он принимал участие в Крымской войне. С 7 мая по 1 августа 1855 года участвовал в обороне Севастополя. В 1863 году был в Польше при подавлении восстания, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Немалую роль в придворной карьере Гирша сыграл его дядя, лейб-медик Александра II Ф. Я. Карелль, по протекции которого в 1866 году он был прикомандирован к цесаревичу Александру Александровичу, с которым уже не расставался до самой его смерти. Официально статус доктора цесаревича был закреплен за ним по Министерству императорского двора 16 сентября 1866 года с оставлением его в Военном ведомстве. В 1875 году его пожаловали в лейб-хирурги. Во время русско-турецкой войны он сопровождал цесаревича Александра Александровича в качестве старшего врача Главной квартиры Рущукского отряда. После воцарения Александра III Гирша в 1883 году назначили лейб-хирургом Его Императорского Величества с зачислением на службу при Императорской главной квартире. После смерти Александра III он сохранил все свои звания и умер в 1907 году[308]. По свидетельству Вельяминова, Гирша в царской семье очень любили как человека доброго, покладистого, хорошего и терпеливого, но как с врачом с ним никто не считался. Сам император дал ему такую атте-

стацию: «Он знает, когда нужно позвать врача»[309]. Отзывы современников о Гирше в основном подчеркивают его замечательные человеческие качества и невысокую врачебную квалификацию.

В последние годы жизни Александр III приблизил к себе хирурга Н. А. Вельяминова (1855–1920), который в 1877 году окончил медицинский факультет Московского университета (среди его учителей был и Г. А. Захарьин), участвовал в пяти войнах. Вельяминов познакомился с Александром III, будучи консультантом-хирургом в Красносельском военном госпитале, во время летних лагерных сборов в 1886 году. Царь сам приблизил его к себе, так как имел возможность убедиться в преданности и безукоризненной честности этого человека. С санкции Александра III Вельяминова назначили инспектором Придворной медицинской части. В 1911–1912 годах (уже при Николае II) он стал начальником Военно-медицинской академии. В январе 1913 года был избран академиком. С. Ю. Витте в «Воспоминаниях» доброжелательно отозвался о деятельности Вельяминова: «Кроме Лейдена, который видел Его Величество не особенно часто, при императоре постоянно был лейб-медик, довольно известный хирург, Вельяминов, теперешний начальник Военно-медицинской академии. К этому Вельяминову император относился очень сочувственно. Вообще у Государя к некоторым лицам были особенные симпатии и привязанности, и большей частью в своих симпатиях и привязанностях он не ошибался. Так вот и к Вельяминову император Александр III питал это чувство особой привязанности. Вельяминов постоянно ходил к Государю в его помещение»[310].

Одним из самых влиятельных медиков в окружении Николая II стал известный хирург, профессор Военно-медицинской академии, лейб-медик С. П. Федоров. Его придворная карьера началась вскоре после рождения цесаревича Алексея Николаевича. В дневнике Николая II 30 июля 1904 года появилась запись о рождении наследника, а уже 8 сентября он писал: «Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины. Пришлось выписать Коровина и хирурга Федорова, около 7 часов они наложили повязку. Маленький был удивительно спокоен и весел! Как тяжело переживать такие минуты беспокойства»[311]. После того как царская семья узнала хирурга, и он оказался посвященным в самые интимные тайны жизни царской семьи, его начали приглашать и для лечения болезней других детей императорской четы. Поскольку при императорской семье постоянно находился ее семейный врач — лейб-медик Е. С. Боткин и ученик С. П. Федорова — врач В. Н. Деревенко, то самого профессора приглашали только в серьезных ситуациях. Одна из них сложилась в 1912 году во время отдыха царской семьи в Спале. К цесаревичу, получившему травму, из Петербурга срочно вызвали Федорова и лейб-педиатра Раухфуса. 4 октября они прибыли в Спалу. Царь 5 октября записал в дневнике: «Профессор Федоров вчера приехал. Слава Богу, сегодня он нашел известное улучшение»[312]. Позже, уже после того как состояние здоровья наследника стабилизировалось, в письме к матери, императрице Марии Федоровне, 20 октября он писал об этих днях: «Выписали сейчас же прекрасного хирурга Федорова, которого мы давно уже знаем и который специально изучал такого рода случаи»[313].

Федорову в процессе лечения наследника неоднократно приходилось сталкиваться с необъяснимым благотворным влиянием на его здоровье Г. Распутина. Современники не единожды в разное время слышали от него признание этого факта. Например, в мемуарах великой княгини Ольги Александровны неоднократно повторяется, что «самые знаменитые врачи того времени были вынуждены это признать. Профессор Федоров, самый знаменитый хирург, пациентом которого был Алексей, сам не раз говорил мне об этом. Однако все доктора терпеть не могли Распутина»[314].

Видимо, между Федоровым и Распутиным поначалу происходили какие-то трения на медицинской почве, поскольку «предмет заботы» был у них один и тот же. Но потом они достигли компромисса. Федоров лечил наследника своими методами, основанными на научных знаниях. Распутин лечил своими «методами». В конце 1912 года Федорова утвердили в звании лейб-хирурга. В приказе по Военно-медицинской академии от 8 декабря 1912 года отмечалось: «Высочайшим приказом по Министерству императорского двора от 6 декабря за № 34 пожалованы: ординарный профессор академии, совещательный член Медицинского совета и Военно-санитарного учебного комитета, почетный лейб-хирург, доктор медицины, статский советник Федоров — в лейб-хирурги с оставлением в занимаемых им должностях»[315]. Распутин же «получил» безграничное доверие императрицы, поскольку, по ее мнению, именно он спас цесаревича осенью 1912 года.

С сентября 1914 года профессор Федоров начал сопровождать царя в поездках по фронтам. А после того как Николай II летом 1915 года принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, Федоров уже неотлучно

находился при нем в Ставке в Могилёве. Впервые Николай II упоминает Федорова в дневнике военного времени 18 ноября 1914 года, перечисляя тех, кто сопровождал его в поездке на фронт: «Со мною едут: Бенкендорф, Нилов, Воейков, Орлов, Дрентельн, Дм. Шереметев, Саблин и Федоров»[316]. По приезде наследника в Ставку на Федорова ложится ответственность за состояние и его здоровья. Цесаревич пишет матери 4 ноября 1916 года: «Побаливает мышца на ноге. С. П. (Федоров. — *Ред.*) не позволяет ходить»[317].

Отношение к С. П. Федорову в Ставке было разным. Те, кто сталкивался с ним каждый день и близко его знал, единодушно оценивали Федорова как «очень умного человека», который стоит так же близко к царской семье, как и Боткин. Протопресвитер Шавельский называл его «самым умным и образованным»[318] среди окружения императора, но добавлял, что, к сожалению, его позиция по отношению к событиям, происходившим в стране и Ставке, определялась девизом: «Моя хата с краю». Те же, кто видел его только издали и наблюдал лишь внешнюю сторону событий, отзывались по-другому. Один из офицеров Ставки М. Лемке писал: «Федоров катается здесь как сыр в масле, ровно ничего не делает, получает массу, дамами весьма любим»[319].

Весьма настороженно относился к профессору полковник А. И. Спиридович. По его мнению, Федоров привнес в ближайшее окружение царя «чуждое начало», которое было связано с иным жизненным опытом и определенными политическими симпатиями профессора. Спиридович подчеркивает, что «лейб-хирург Федоров, женатый на москвичке из купеческой семьи, хорошо знал среду купечества и много говорил об этой силе, все более и более добивавшейся власти. Имена Рябушинских, Второвых, Гучковых и др. москвичей пересыпались в разговорах с Федоровым. Много там было неясного, недоговоренного, что уразумелось только потом»[320].

С. П. Федоров умело маневрировал, оставаясь «своим» для всех группировок свиты. Его уважала императрица, вместе с тем, по словам Спиридовича, он зарекомендовал себя и как либерал и «радовался повороту на общественность». Через него распространялись сведения о готовящемся заговоре великих князей с целью отстранения императора и заточения Александры Федоровны в монастырь. Спиридович писал: «Лейб-хирург Федоров лично рассказывал мне (и другим), что, придя однажды во дворец к больному наследнику, он увидел плачущую великую княжну Марию Николаевну (третья дочь царя. — *Ред.*), которая сказала ему, что «дядя Николаша (Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. — *Ред.*) хочет забрать «мамб» в монастырь». Сергею Петровичу пришлось утешать девочку». Спиридович как жандармский офицер доложил об этих слухах дворцовому коменданту[321].

Крепкое здоровье императора не создавало для Федорова особых проблем. Как писал император жене в июне 1915 года: «В знакомой речке выкупался с Долгоруковым, Федоровым и Саблиным»[322]. Императрица ценила то, что рядом с мужем находится человек из ее окружения. В марте 1916 года она прямо заявила царю, что «рада, что С. Петр. с тобой — предпочитаю его всем остальным твоим спутникам». При этом она подчеркивала, что Федоров установил тесные отношения и со «старыми» друзьями императрицы: «Н. П. (Н. П. Саблин. — *Ред.*) также подружился с Фед. только потому, что он так тебе предан»[323]. В ответе царь подтвердил, что отношения с Федоровым вышли за рамки отношений «больной — врач» и основываются на отношениях личной преданности последнего императорской семье. Таким образом, можно констатировать, что профессор Федоров, который появился в царском окружении в 1904 году, к весне 1916-го превратился в фактического представителя императрицы при царе, оказывая существенное влияние на процесс принятия политических решений. Однако ему удавалось сохранять в Ставке впечатление некоторой дистанцированности от императрицы.

К весне 1916 года влияние Федорова на царскую чету настолько возросло, что императрица лично начала заниматься вопросами создания специального «Института Федорова».

Федоров предвидел грядущие серьезные изменения. Когда Спиридович, оставив пост начальника негласной агентуры и уезжая к месту нового назначения в Ялту, прощался с профессором, тот уверял его, что он, Спиридович, скоро вернется в Петроград, «но как и почему, не объяснял, а только загадочно улыбался и говорил — увидите»[324]. Не исключено, что Федорову через А. И. Гучкова, богатого московского предпринимателя и одну из ключевых фигур думского политического бомонда, было известно о перспективах развития политической ситуации в стране гораздо больше, чем недавнему начальнику царской охраны.

Эпизод, связанный с отречением Николая II, поставивший точку в трехсотлетней истории династии Романовых и имевший серьезнейшие политические последствия, также связан с именем лейб-медика С. П. Федорова. Все мемуаристы отмечают значимость этого эпизода, в котором

мнение врача повлияло на события марта 1917 года. Именно по рекомендации С. П. Федорова Николай II переписал свое первое отречение в пользу цесаревича Алексея и отрекся в пользу своего младшего брата Михаила.

В важном акте финала династии Романовых лейб-хирург играл не пассивную роль, ожидая, когда царь его пригласит для консультаций о состоянии здоровья наследника. Он сам отправился в вагон царя и пытался воздействовать на принятие Николаем II важнейшего политического решения. И объективная информация, сообщенная им царю, о перспективах развития болезни цесаревича должна была подтолкнуть его либо к активным силовым действиям против революционного Петрограда, либо к отречению за сына в пользу Михаила Александровича.

Уже после отречения, в марте 1917 года, в Ставке, когда еще казалось, что не будет особых препятствий к выезду царя из страны, его лейб-медик рассматривал вариант сопровождения Николая II за границу. Генерал Д. Н. Дубенской писал, что когда они вечером 6 марта обсуждали перспективы дальнейшего развития событий с С. П. Федоровым и К. Д. Ниловым, профессор сказал: «А разрешат ли сопровождать Государя за границу? Если нет, то хоть бы до Мурмана пустили»[325].

Говоря о С. П. Федорове в этот период, можно констатировать, что его политическая роль в течение 1916–1917 годов осталась недостаточно оцененной в исторической литературе. Здесь мы видим не медика, который публично декларировал принцип «Моя хата с краю», а жесткого прагматичного политика. Эта прагматичность подтверждается поведением С. П. Федорова в марте 1917 года. В биографии С. П. Федорова, изданной в 1972 году, подчеркивается: «Известно, что С. П. Федоров буквально на второй день после падения царского режима пришел на кафедру и с большим подъемом прочитал лекцию, призывая слушателей с удвоенной энергией работать и творить по-новому»[326]. Можно добавить, что недостаточная политическая «гибкость», проявленная лейб-медиком Е. С. Боткиным, привела его к гибели вместе с царской семьей в 1918 году. Также «негибкого» лейб-хирурга В. Н. Деревенко, ученика С. П. Федорова, сопровождавшего царскую семью до Екатеринбурга, спас только случай, но тем не менее он погиб в лагере в 1936 году. После 1917 года судьба Федорова сложилась сравнительно благополучно, несмотря на два ареста в революционное время. После переезда в Москву он работал в Кремлевской больнице, унаследовавшей функции Придворной медицинской части по обслуживанию новой политической элиты. О своей деятельности в качестве лейб-медика он уже не стремился вспоминать, и в сборнике, вышедшем в 1933 году в ознаменование 40-летней научной, врачебной и педагогической деятельности профессора С. П. Федорова, ни словом не упоминается о его многолетней службе царской семье[327]. Умер С. П. Федоров в 1936 году.

Кухня.

С точки зрения государственной охраны, контроль за качеством питания был очень важен. Редко о ком из русских монархов XVI–XVIII веков не говорили, что его отравили. Поэтому в ведение служб, отвечавших за безопасность царей и императоров, кухня входила традиционно.

Однако в первой половине XIX века ситуация кардинальным образом изменилась. Эпоха дворцовых переворотов ушла в прошлое. Указ Павла I 1796 года «Об императорской фамилии» восстановил жесткую преемственность власти по мужской линии. Не менее важным было и то, что Павел I оставил после себя четырех сыновей. Поэтому к началу правления Николая I кухня утратила значение фактора риска и контролировалась, скорее, по традиции.

В Зимнем дворце (с конца XVIII века) действовало одновременно несколько кухонь, для каждого из живущих в нем членов императорской фамилии.

В Зимнем дворце постоянно и временно находились тысячи людей, поэтому кухни дворца занимали значительные площади в цокольном и первом этажах дворца. Самый большой кухонный комплекс Зимнего дворца — императорский — располагался в помещениях первого и полуподвального этажей, сгруппированных вокруг внутреннего дворика северо-восточного ризалита. До сих пор бытует старое название этого дворика — Кухонный. В прежние времена его нередко называли также Черным. Сейчас это современное название проезда между Зимним дворцом и Малым Эрмитажем. В подвале кухни хранились продукты, вода, уголь, дрова, там же находились жилые помещения. Названия помещений кухни отражали их функциональное предназначение: Пирожная, Мундкохская, или Собственная кухня Его Императорского Величества, Супермейстерская, Расходная кухня. Далее вдоль Расстрельевской галереи, под залами Военной галереи героев 1812 года, находились помещения для кухни императрицы Марии Федоровны (жена Павла I). Кухни и их повара переезжали из дворца во дворец вслед за своими хозяевами.

Со времен Павла I по штату (30 декабря 1796 года) предусматривалось три категории столов: «гофмаршальский», «обер-гофмейстрины» (для дам) и «начальника кавалергардских рот». Положением от 26 октября 1833 года столы для придворных и придворнослужителей подразделялись на шесть разрядов, а по последнему положению Николая I (от 15 марта 1852 года) — на пять. По положению, принятому при Павле I 30 декабря 1796 года, основная часть продуктов и напитков закупалась по подрядам от поставщиков на наиболее выгодных для двора условиях. Собственные придворные службы, основанные на ведении натурального хозяйства, были ликвидированы. Были упразднены также должности винокуров, медоставов, пивоваров, квасовников и т. д.[328]

Повара и весь обслуживающий персонал не входили в число лиц придворного ведомства, а нанимались на службу по контракту. Периодически этот порядок меняли. Кухня переводилась под жесткий контроль придворного ведомства, с поставщиками заключались долгосрочные контракты и т. д. Но это приводило только к росту злоупотреблений на кухне, в 1852 году от этого отказались окончательно[329]. На дворцовой кухне обучались поварскому искусству все желающие[330]. Вплоть до 1917 года кухни оставались независимым подразделением двора, подчиняясь метрдотелю. Таким образом, кухни были фактически отданы на откуп ведущим кулинарам столицы.

Компотница.
Вторая половина XVIII в.

Коробка для сахара.
Середина XVIII в.

В декабре 1826 года Николай I лично определил размеры денежных квот, отпускаемых на «пищевое довольствие» членов императорской фамилии и их окружения. На каждого из членов императорской семьи отпускалось по 25 рублей в сутки[331]. На детей также отпускалось по 25 рублей, но на эту сумму кормили и их воспитателей. На такую же сумму кормили гостей императорской семьи. Эта сумма по тем временам была значительной, и император мог требовать от метрдотеля, чтобы «кушанье было самое лучшее и без недостатка»[332]. Эта сумма включала в себя и спиртное. Хотя сам Николай I совершенно не пил спиртного, он не считал нужным ограничивать в этом отношении свое окружение. Так, из мундшенкской трем фрейлинам за 17 дней отпустили различных вин 36 бутылок, пива — 15 бутылок.

Со временем суммы на питание постепенно уменьшались за счет уменьшения числа блюд и ассортимента. По Положению от 26 октября 1833 года на питание сохранялись те же 25 рублей (одно блюдо на завтрак, четыре на обед в 15 часов и два на ужин в 20 часов). В 1834 году сократились суммы, отпускаемые на гостей за императорским столом. В 1841 году с 10 до 8 уменьшилось число «перемен» (т. е. блюд) «для высочайших столов»[333].

В целом прослеживалась тенденция к более экономному содержанию императорского двора, при этом внешняя сторона парадных обедов оставалась без изменений. В повседневной практике было обычным использование золотых подтарельников, на которые ставили фарфоровую посуду.

В архивных документах нет сведений, был ли установлен какой-то особый контроль над кухней и порядком приготовления блюд для императорского стола. Скорее, под наблюдением было санитарное состояние кухонь[334] и расходование отпущенных денежных средств. Отчасти к вопросам безопасности можно отнести изменения среди лиц, обслуживавших императорский стол. До правления Александра I за столом прислуживали камер-пажи. Их сменили официанты в перчатках, благонадежность которых, безусловно, проверяли. 30 августа 1856 года при коронации Александра II был введен новый придворный чин — обер-форшнейдер. В его обязанности входило сопровождать подносимые к царскому столу блюда под эскортом двух офицеров кавалергардского полка с обнаженными палашами, разделывать мясо и наполнять тарелки императорской четы[335].

Известны эпизоды, когда продукты, поставляемые к императорскому столу, проверялись методом «химического разложения». Осенью 1852 года придворный аптекарь Э. Лоренц сообщал управляющему Придворной медицинской частью Я. Виллие, что исследованные им продукты «совершенно без всякой для здоровья вредной примеси»[336]. Весной 1853 года, по личному указанию Николая I, во всех городских лавках, в которых продавались «пикули», взяли пробы для проведения химических анализов. Видимо, и здесь речь шла только о контроле за качеством продуктов[337].

В то время с консервами, которые только начали входить в повседневную жизнь, возникало много проблем. В 1863 году метрдотель Сегера сообщал из Ливадии, что «провизия в жестянках оказалась большею частью негодною к употреблению»[338]. В конце 1870-х годов, когда террористическая угроза, направленная против царя, возросла как никогда, химическое исследование продуктов проводилось как мера по обеспечению безопасности царской семьи. Так, в 1878 году было отдано распоряжение об «исследовании водки и конфет»[339].

Особое питание назначалось только по рекомендации врачей. В 1835 году по настоянию лейб-медиков цесаревичу составили специальное меню для завтраков и обедов[340]. Это было связано с тем, что наследника Александра Николаевича поднимали и кормили завтраком в 6 часов утра, а обедал он только в 16 часов. Медики сочли, что это слишком большой перерыв для «16-летнего желудка, имеющего питать юношу высокого роста». Поэтому наследника стали кормить еще в 11 часов вторым завтраком из двух блюд, приготовленных «обыкновенным простым способом». Для жены Николая I, императрицы Александры Федоровны, предусматривалось особое «диетное кушанье», обходившееся в 4 рубля 28 копеек серебром в день.

Императорский стол отличался от столов первых категорий только фруктами, десертом и винами. Свежие фрукты и виноград поступали из Ропшинских оранжерей. Поставляли фрукты и купцы: например, Елисеевы. Молочные продукты доставлялись с собственных Елагиноостровской и Царскосельской молочных ферм. Для сохранности молоко перевозили в обложенных льдом бутылках и хранили в леднике. Закупалось молоко и у других поставщиков.

На императорских кухнях, несмотря на санитарный контроль, периодически происходили скандалы, становившиеся предметом расследования со стороны министра императорского двора. Так, в 1847 году на императорский стол была подана форель «дурного качества»[341]. Иногда эти скандалы приобретали политический характер, поскольку бросали тень на императорскую фамилию. Так, в 1861 году имама Шамиля, два десятилетия ведшего войну против России, накормили в Красном Селе дурно приготовленным обедом[342].

При Александре III порядок поставок на императорскую кухню начал меняться. Был взят курс на удешевление содержания императорского двора. На смену иностранным винам и шампанским постепенно пришли отечественные. Запретили заказывать за границей обычные продукты — картофель, свинину и сало[343]. Вряд ли это имело отношение к безопасности, скорее, дело было в наведении порядка на кухне и элементарной экономии.

Одной из традиций императорского двора было получение ежегодных традиционных презентов. Например, от Уральского казачьего войска ежегодно весной поставлялись ко двору икра и рыба первого, «царского лова»[344]. Икру солили на месте и тут же отправляли поездом. Принимал «презент» по традиции сам царь. Казакам, привезшим икру, жаловались часы. Потом казаки шли с подношениями по высшим сановникам. Размер подношений зависел от ранга сановника или служащего. Так, начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал А. А. Мосолов получал по пуду икры и 5–6 рыб длиной с метр[345]. Главная кастелянша Аничкова дворца получала «большую жестяную банку паюсной икры»[346].

Для двора паюсную икру и сушеные фрукты закупали в Астраханской губернии. Бочонки сельдей поступали из Архангельска, Керчи, а также от Елисеевых («королевские сельди»). Крестьяне Архангельской и некоторых других губерний из года в год подносили в подарок императору стерлядь и белорыбицу, а приказные Тобольской казенной палаты — нельму. Мясо диких коз поступало из Митавы (Елгавы) от Курляндской казенной палаты (Министерство двора платило только за упаковку). Из Волынской губернии поставлялись трюфеля — единственные грибы, употреблявшиеся в аристократической кухне. После появления железной дороги некоторые хлебобулочные изделия стали заказывать в Москве. В 1852 году из Москвы привозили пирожки «Матильда».

Сохранились сведения и о гастрономических пристрастиях самодержцев. Так, Николай I очень любил соле-

ные огурцы. По ведомости 1840 года Николаю Павловичу ежедневно должны были подавать утром пять соленых огурцов. Он предпочитал простую пищу. Гречневую кашу часто подавали ему в горшочке. Не особенно любил он дорогие рыбные деликатесы. В последние годы жизни Николай Павлович предпочитал овощные блюда, суп из протертого картофеля и компот[347].

В период царствования Николая II все сложившиеся порядки сохранялись в полной мере. В Александровском дворце кухонные помещения располагались в отдельном здании и подвальном помещении дворца. Готовили для императорской семьи в Кухонном корпусе. От него для сообщения с дворцом построили специальный подземный туннель. В подвале дворца девять обширных помещений отвели для кухонь и буфетов. В «Собственном буфете Их Величеств» варили кофе, кипятили молоко, сливки и шоколад. В «Собственной «приспешной» кухне» готовили блюда, которые надлежало подавать на стол в горячем виде. Для этого на кухне имелись очаг, пирожная духовая печь, в которой на Масленицу пекли блины, котел для нагревания воды, вертел и устройство для приготовления шашлыков на березовых углях. Несколько буфетов и кухонь обслуживали свиту и прислугу[348].

На императорской яхте «Штандарт» также имелась прекрасно оборудованная отдельная царская кухня-камбуз. Кухонное оборудование на ней отвечало последнему слову техники того времени: электроплита, особая паровая хлебопекарня, электрожаровня с вертелом, отдельное помещение для хранения продуктов. Работали на этой кухне 25 человек поваров и их помощников. Прямых указаний на контроль за приготовлением пищи, подаваемой к императорскому столу, нет, но есть упоминания о том, что у Николая II было «собственное» спиртное, которое никому не предлагалось. Так, на своей яхте «Штандарт» он пил только сливовицу, которую ему присылали из Польши, из имения великого князя Николая Николаевича. Во время обеда перед царем стояла бутылка «Собственного Его Императорского Величества портвейна», из которой наливали только царю[349].

По традиции императоры снимали пробы из котла с солдатской пищей. В Александровский дворец такие «пробы» приносили ежедневно, по очереди от различных подразделений охраны. Естественно, по русской традиции, это были не простые пробы. По свидетельству мемуариста, для пробы все бралось «с общего котла, но с хитрецой. В серебряные царские судки добавлялись разные специи, все сдабривалось сметаной, подливой, и, безусловно, матросские щи выглядели уже первоклассно»[350].

Императрица Александра Федоровна питалась особо. И лучше. Дело в том, что большая часть горячих блюд, подававшихся к императорскому столу, были или разогреты на спиртовках, или доставлялись в особых паровых грелках. Естественно, эта «подогретость» значительно ухудшала их вкус. Министр императорского двора В. Б. Фредерикс безуспешно боролся с этим «кулинарным саботажем»[351]. Поскольку императрица часто болела и обедала у себя в комнатах, то для нее готовили отдельно, прямо в буфетной на спиртовках. В Ливадии на отдельном столе стоял сервиз Александры Федоровны с надписью «Сервиз императрицы». Сохранилась фотография, сделанная во время пикника в финских шхерах. На ней видно, что для императрицы также сервировался отдельный маленький столик.

Если царская семья находилась вне императорских резиденций, то кухня, сопровождавшая царя повсюду, пользовалась либо запасами, взятыми из дворцовых кладовых, либо все необходимые продукты доставлялись из ближайшей резиденции. Так, во время отдыха в финских шхерах свежие продукты привозились из Петергофа на миноносцах. Начальник императорских имений Массандра и Ливадия Н. Н. Качалов «рассказывал, какое огромное количество яиц, молока, сливок и масла требуется ежедневно для двора, а теперь для высылки в Севастополь, пока там царская семья будет находиться на рейде»[352].

На кухне существовали свои традиции. Так, например, со времен Николая I в обиход двора вошли калачи, которые ели горячими в подогретой салфетке. Для выпекания этих калачей на царскую кухню доставляли москворецкую воду цистернами[353].

Службы безопасности контролировали прежде всего персонал, занятый приготовлением блюд для императорского стола. Качество продуктов гарантировалось репутацией поставщиков, которых подбирали очень тщательно. В начале XX века постепенно сложилась практика самообеспечения продуктами из ферм, оранжерей и рыбных садков императорских резиденций. Каждая семья, входившая в состав императорской фамилии, имела свою кухню и свой кухонный персонал, который сопровождал ее при всех сезонных переездах по дворцам. Меню императорского стола по большей части определялось традициями, сложившимися при дворе.

Прачечная.

К бытовой стороне истории императорского дворца, имевшей отношение к государственной охране, можно отнести и порядок стирки царского белья. Так, еще в 1843 году было предписано стирать белье цесаревны Марии Александровны (жены Александра II) в паровой механической прачечной Зимнего дворца «отдельно»[354]. При Александре III сложился порядок стирки белья, который сохранялся вплоть до 1917 года. При перестройке Аничкова дворца в 1866 году в нем соорудили новую механическую прачечную, после этого царское белье стирали только в прачечной Аничкова дворца. Его доставляли в прачечную отовсюду, где бы ни находились члены императорской семьи. Везли из Царского Села, Гатчины, Ливадии, из-за границы, со «Штандарта»[355].

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ АКТАМ

Об эффективности сложившейся к середине 1880-х годов системы обеспечения безопасности императора и его ближайшего окружения говорит то, что во время царствования Александра III политический терроризм как явление утратил свою актуальность. За все 13 лет царствования была предпринята только одна попытка покушения на его жизнь студентами-террористами «Народной воли» в марте 1887 года, которая была предотвращена.

Однако, несмотря на все усилия подразделений государственной охраны, периодически возникали нештатные ситуации, создававшие реальную угрозу для жизни охраняемых лиц, к числу которых относился и цесаревич Николай Александрович. По традиции после окончания образования наследник отправлялся в поездку по России, чтобы увидеть страну, которой ему предстояло править. Александр III решил расширить образование своих детей и отправил цесаревича в кругосветное путешествие.

На экскурсиях при цесаревиче безотлучно находились три офицера из гвардейских полков, приставленные к нему в качестве телохранителей. При составлении программы визита в Японию принимающая сторона подчеркивала, что японский император берет обеспечение сохранности Николая «под свою личную ответственность».

Несмотря на это обстоятельство, жизнь двадцатитрехлетнего цесаревича в Японии едва не оборвалась. 29 апреля 1891 года во время посещения курорта Оцу, расположенного неподалеку от знаменитого в Японии озера Бива, полицейский, стоявший в оцеплении, внезапно подбежал к цесаревичу и дважды ударил его саблей по голове. Все описанное заняло мгновения и повергло всех в шок. Не растерялись только греческий принц Георг и двое рикш, которые везли цесаревича и Георга, они сумели оказать ему действенную помощь. Георг, догнав покушавшегося, ударил его тростью по голове, а один из рикш, схватив полицейского за ноги, повалил его на землю. Цесаревич получил серьезную рану головы, но опасности для его жизни не было.

Произошедшее стало серьезным дипломатическим скандалом. В Петербурге известие о покушении на наследника было получено в тот же день поздно вечером.

В дальнейшем сохранить жизнь уже императора Николая II в условиях революционного подъема удавалось только благодаря огромным усилиям всех спецслужб империи, в состав которых входили тысячи людей.

После смерти Александра III в стране стали быстрыми темпами нарастать кризисные явления. При этом вступивший на престол Николай II принципиально отказывался пойти по пути политической модернизации Российской империи. Такая позиция привела к противостоянию общества и власти в начале 1900-х годов, что проявилось в новом всплеске революционного террора.

Покушения боевой организации партии социалистов-революционеров на высших сановников Российской империи показали, что система, сложившаяся в предшествующие десятилетия, нуждалась в коренном пересмотре. В полной мере это относилось и к организации личной охраны царя. Однако в начале 1900-х годов Николай II еще не был главной целью эсеровских террористов. В этот период эсеры исходили из необходимости приближения террора к массам.

Надо отметить, что эсеры не только учли опыт народовольцев, но и выработали новые, более эффективные и неожиданные для Департамента полиции приемы борьбы с самодержавием. Свои главные организационные структуры они расположили в провинциальных городах, где система политического сыска была слабой. Лица, возглавлявшие спецслужбы империи, стали осознавать, что привычные методы борьбы с террором устарели и нужно вырабатывать новые. Поэтому в начале 1900-х годов в недрах имперских спецслужб приступили к подготовке их реформирования.

В этих целях с осени 1902 года в главных провинциальных городах были учреждены разыскные пункты, переименованные затем в охранные отделения. В основе политического розыска лежали деятельность агентуры, наружное

наблюдение и перлюстрация частной корреспонденции. Эпизодически практиковавшийся ранее шпионаж в революционной среде был введен в систему и получил название института сотрудников. В Департаменте полиции был реорганизован Особый отдел (создан в 1898 году) для координации всей разыскной политической работы в империи. Система, основанная на деятельности охранных отделений Департамента полиции, составляла первый и самый серьезный барьер на пути террористов к цареубийству.

Первой реакцией охраны Николая II на начало революции 1905 года стала полная изоляция царя и его семьи в пригородных резиденциях — Царском Селе и Петергофе. С этого времени все переезды между резиденциями преимущественно шли по железной дороге. Летом и осенью 1905 года охрану Петергофа значительно усилили, а вокруг ограды Александрийского парка установили освещение.

Манифест, подписанный царем 17 октября 1905 года и провозгласивший гражданские свободы и законодательную думу, не принес успокоения. Революция продолжалась. Охрана прорабатывала план эвакуации царской семьи морем.

В 1906 года периодически предпринимались попытки проникнуть на охраняемую территорию дворцовых городов. Летом один из боевиков поселился около Кадетского плаца в Петергофе, где обычно проходили царские смотры. Однако на следующий же день был арестован агентами Дворцовой полиции. Тем же летом один из членов боевой организации устроился в Царском Селе извозчиком, но, попав в поле зрения филеров, был арестован.

Царь изредка выезжал на охоту, чтобы не чувствовать себя окончательно запертым в своей летней резиденции. Учитывая ситуацию в стране, к охране привлекали и служащих императорской охоты. Некоторые из них находились с оружием в руках поблизости от царя, их благонадежность проверяли особенно тщательно.

Поскольку царь прекратил посещать Петербург и участвовать в публичных мероприятиях, эсеровские террористы начали прорабатывать варианты покушения на Николая II в его охраняемых резиденциях.

Первая масштабная попытка цареубийства начала готовиться в конце лета 1906 года. Эсерам удалось выйти на 26-летнего молодого человека В. Наумова, сына начальника дворцовой почтовой телеграфной конторы в Новом Петергофе. Молодой человек, проживая на территории дворцовой резиденции и будучи хорошо осведомлен о дворцовых порядках, поставлял боевикам сведения о распорядке дня в царских резиденциях. Сначала Наумова пытались использовать в качестве террориста. Намечалось, что он поступит в придворную капеллу, затем рано или поздно окажется рядом с царем и убьет его.

Наумов познакомился с одним из казаков царского конвоя, которому после недолгой обработки предложили убить дворцового коменданта генерала Д. Ф. Трепова. Казак испугался и доложил начальнику конвоя, тот немедленно поставил в известность Трепова, который вызвал полковника Спиридовича и приказал заняться этим делом. Спиридович, встретившись с казаком Ратимовым, распорядился продолжать контакты с Наумовым.

В январе 1907 года эсеры активизировались, решив, что казак созрел для теракта. Наумов предложил Ратимову убить царя либо ударом сабли, либо выстрелом из карабина. Но тот отказался. Тогда ему предложили встретиться с членами боевого отряда партии эсеров. Видимо, на этой встрече рассчитывали склонить казака к цареубийству. Полковник Спиридович, который держал все эти переговоры под контролем, немедленно доложил дворцовому коменданту о том, что операция перешла в активную фазу.

Когда подробности дела вышли за рамки одной секретной службы, было решено провести массовые аресты, которые начались в ночь на 1 апреля 1907 года. Всего были арестованы 18 человек.

Всплеск политического террора, тем более когда с февраля 1907 года главной мишенью эсеров стал Николай II, заставлял все государственные структуры предельно внимательно отслеживать любую информацию о подготовке цареубийства. Планов покушения на царя было много, но большинство из них замирало на стадии разработки, поскольку даже при их предварительном обсуждении выявлялись непреодолимые трудности.

В период первой русской революции 1905–1907 годов подразделения государственной охраны сумели обеспечить достаточно высокий уровень безопасности Николая II. Но и уровень террора против первых лиц страны в это время оказался таков, что Николай II был фактически заперт в своих резиденциях с 1905 по 1909 год.

К 1909 году спецслужбам империи удалось накопить значительный опыт борьбы с различными террористическими группами. Во многом эта работа строилась на вербовке и внедрении своих агентов в среду революционеров. Безусловной заслугой Департамента полиции стало то, что многолетним руководителем боевой организации партии социалистов-революционеров являлся платный агент Департамента полиции Е. Ф. Азеф.

Тем не менее потенциальная угроза покушения на Николая II привела к продолжению изоляции царя в его загородных резиденциях. Хотя в 1907–1908 годах были подавлены последние очаги революции, но правительство стало заложником небольшой кучки террористов и в первую очередь — боевой организации эсеров.

В 1909–1911 годах террористами планировались покушения на Николая II с помощью летательных аппаратов, сверхмалых подводных лодок. Но все планируемые преступления остались нереализованными в силу дороговизны проектов и успешной работы имперских спецслужб, в том числе и подразделений охраны.

К началу 1911 года террор как явление в политической жизни России практически перестал существовать, а в окружении императора все чаще стали подниматься разговоры о заговоре против царя.

Следствия над подозреваемыми в подготовке переворота велись крайне вяло. Вероятно, стремительно ухудшавшаяся внутриполитическая ситуация привела к тому, что ни у полиции, ни у охраны царя не было ни времени, ни возможностей противостоять надвигавшемуся кризису.

Вяло шла и переброска надежных частей с фронта. Так, вместо четырех гвардейских кавалерийских полков в Петроград был переброшен только батальон Гвардейского экипажа. Роковую роль в судьбе династии сыграло и то, что императорская гвардия, выпестованная на протяжении многих лет, полегла на полях Восточной Пруссии и Галиции. А набранное пополнение было уже тронуто революционной пропагандой.

История императорского (царского) периода государственной охраны завершилась с отречением Николая II. Созданная в этот период (1881–1917) система государственной охраны России, в основе которой лежал принцип многоступенчатости и распределения функций между различными специальными подразделениями, была достаточно эффективна. Вся деятельность координировалась единым центром, обеспечивавшим охрану императора и его семьи в резиденциях, во время путешествий, при проведении праздничных мероприятий, а затем и в условиях военного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 227. Л. 12 // Записки (черновики) И. И. Воронцова-Дашкова на имя Александра III по организации личной охраны. 1881–1885.

[2] По штатам 1876 года в состав Железнодорожного батальона входили: 25 штаб- и обер-офицеров; 990 строевых нижних чинов; 79 нестроевых нижних чинов; 18 инженеров и техников. Всего 1112 человек.

[3] Новые штаты Дворцовой полиции включали одного инспектора; двух околоточных надзирателей; 98 городовых и одного писаря. Всего 102 человека.

[4] РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 227. Л. 12.

[5] Там же. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37. Л. 3 // Дворцовая полиция. Материалы к сведению и руководству. Штаты. 1881–1916.

[6] Там же.

[7] Дворцовые городовые несли службу на десяти постах у Зимнего дворца и 22 постах у Аничкова дворца. Дворцовым городовым (98 человек) было увеличено жалованье до 660 рублей, околоточным надзирателям (2 человека) — старшему до 960 рублей и младшему до 720 рублей.

[8] РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 294. Л. 4 // Наградные листы охранной стражи. 1881.

[9] Там же. Л. 6.

[10] Штаты Секретной части Дворцовой полиции: начальник — полковник Ширинкин (жалованье 4777 рублей); помощник (2100 рублей); писарь (50 рублей); стражники по вольному найму: старшие — 5 человек (1200 рублей), младшие 10 человек (900 рублей); агенты по вольному найму: старшие — 3 человека (2400 рублей) и младшие — 7 человек (700 рублей).

[11] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 34.

[12] Он располагал доходами, которые приносило его имение Березовка в Богучарском уезде Воронежской губернии.

[13] *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры. Париж, 1930. С. 18.

[14] В предписании Министерства внутренних дел градона-чальникам обращалось внимание на то, что «нижние чины формируемого Сводного полка будут нести службу в Дворцовых помещениях и, по свойству своих обязанностей, могут получить доступ даже в Собственные покои». Поэтому начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений приписывалось собирать о нижних чинах «самые подробные и обстоятельные справки путем производства специального обследования по месту родины, приписки и последовательного проживания такого лица за все время до принятия его в военную служу с выяснением во всех подробностях также его родственных связей и сношений». См: Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.): Сб. документов. М., 2001. С. 272.

[15] По свидетельству С. П. Белецкого, нижних чинов, зачисляемых в этот полк, проверяли с особой тщательностью, при этом проверке подлежала не только политическая, но и нравственная благонадежность: «Это были отборные солдаты частей Петроградского гарнизона». (См.: Допрос С. П. Белецкого 15 мая 1917 г. // Падение царского режима. Т. III. Л., 1926. С. 329.)

[16] В этом случае за яхтой «Штандарт» следовал пароход «Азия» с отрядом до 150 человек агентов Спиридовича, которые при каждом сходе царской семьи на берег рассыпались по окрестностям.

[17] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 21 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.

[18] Инструкция чинам Жандармских полицейских управлений железных дорог для охраны экстренных поездов чрезвычайной важности и наблюдения за населением, проживающим на земле, отчужденной под железные дороги.

[19] § 20. «...Безусловно воспрещается не только переход или переезд через железную дорогу где бы то ни было, но и приближение к пути и переездам на уровне рельсов, ближе 100 сажен от пути, равно не допускается остановка и движение в путепроводах как для пешеходов, так равно и экипажей. Кроме сего, чины Жандармского полицейского управления делают распоряжения о прекращении движения судов и плотов под железнодорожными мостами в тех местах, где это будет признано ими необходимым».

[20] РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 227 // Записки (черновики) И. И. Воронцова-Дашкова на имя Александра III по организации личной охраны. 1881–1885.

[21] *К.Р.* Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 110.

[22] *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего Дворцового коменданта Государя Императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. С. 31.

[23] Младший брат царя.

[24] Красносельские лагеря, где каждое лето проходили маневры войск гвардейского корпуса.

[25] Из дневника кн. В. Орлова // Былое. 1919. № 14. С. 56.

[26] *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 395.

[27] РГИА. Ф. 472. Оп. 40. (194\2682). Д. 124. Л. 27 // Донесения дворцового коменданта и по вопросам охраны. 1899–1915.

[28] *Шугуров Л.* Гараж Его Императорского Величества // Обозреватель. 1994. № 3. С. 6.

[29] РГИА. Ф. 472. Оп. 50. Д. 1715. Л. 2, 3.

[30] Там же. Оп. 42. (497\2724). Д. 97. Л. 2–27 // О форме одежды служащим при гараже. 1908.

[31] Там же. Оп. 41. (509\2741). Д. 100 // Положение об управлении Собственным Его Величества гаражом и штат управления. 1914.

[32] В 1908 году штат гаража составлял 26 человек.

[33] РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 706. Л. 2 // Об оборудовании вагонов для «Гаража».

[34] *Шугуров Л.* Гараж Его Императорского Величества. С. 7.

[35] ОР РГБ. Ф. 58. П. 50 (раздел 2). Д. 5 // Докладная записка Полянского с донесениями Майна о готовящихся покушениях нигилистов. 1881.

[36] Там же. Д. 6 // Письма Орнадского к Воронцову-Дашкову о свидании для сообщения своих планов по охране жизни царя. 1881.

[37] Там же. Д. 15 // Донесения агентов о тайных наблюдениях за офицерами, внушавшими подозрения своим поведением. 1882.

[38] *Волков А.А.* Около царской семьи. М., 1993. С. 34.

[39] *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 167.

[40] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 53 // Обзор истории и штаты Дворцовой полиции за период с 1861 по 1911 г.

[41] *Полевой Н. К.* Император Александр III в Беловеже // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 243.

[42] Девять агентов, один околоточный, 22 городовых, три жандармских унтер-офицера.

[43] РГИА. Ф. 536. Оп. 1. Д. 308. Л. 45 // О выдаче денег камер-фурьеру Ингано на купленные предметы продовольствия и употребленные к столам Высочайшему и нижних чинов. 26 ноября по случаю Георгиевского праздника. 1884.

[44] Штаты Дворцовой полиции: начальник из чинов Отдельного корпуса жандармов; помощник; письмоводитель; стражники: старшие — 5 человек, младшие — 10; агенты: старшие — 3, младшие — 7; околоточные надзиратели: старший — 1, младший — 1; городовые старшего оклада — 26, среднего оклада — 34, младшего оклада — 38 человек и фельдшер. Всего 129 человек.

[45] *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры. С. 32.

[46] РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 1. Л. 20 // Переписка об охране дворцов. Справки и сведения о политической благонадежности служащих и по другим секретным вопросам. 1892–1916.

[47] Там же. Оп. 1. Д. 139. Л. 2–4 // О краже, совершенной крестьянином Архиповым в квартире светлейшей княгини Голицыной, в Зимнем дворце, а также по вопросу об охране Зимнего дворца. 1904.

[48] Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.): Сб. документов. М., 2001. С. 199.

[49] На службу в Дворцовую полицию были приняты: 1 штаб-офицер (полковник А. И. Спиридович), 12 сверхштатных городовых, 2 писца в канцелярию, число жандармских унтер-офицеров было увеличено с 12 до 30 человек. Всё увеличение составило 33 человека.

[50] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37. Л. 92 // Дворцовая полиция. К сведению и руководству. Штаты. 1881–1916.

[51] Там же. Л. 73.

[52] За точку отсчета был взят указ императора от 11 августа 1881 года. Через несколько лет, видимо, благодаря историческим изысканиям полковника Спиридовича, выяснилось, что начало истории дворцовых спецслужб восходит к декабрю 1861 года. В связи с этим начали собираться в дворцовых архивах исторические материалы, на основании которых предполагалось отметить в декабре 1911 года 50-летие дворцовых спецслужб. Однако этот проект так и не был реализован.

[53] ГАРФ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 135 // О службе в агентуре полковника Озеровского. 1915; ГАРФ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 5 // Об офицерах, служащих в агентуре. 1906.

[54] *Вырубова А. А.* Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 232.

[55] *Попова-Гардер А.* Проделки судьбы, или Непредвиденные повороты моей жизни: Воспоминания крестницы императрицы Александры Федоровны. М., 2001. С. 5.

[56] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1796. Л. 12 // Учебные письменные работы полицейских надзирателей и городовых Дворцовой полиции о необходимых мерах борьбы с преступниками в различной обстановке. 1912.

[57] Там же. Л. 13–16.

[58] Записка начальника Петербургского охранного отделения М. Ф. фон Котена директору Департамента полиции Н. П. Зуеву о разработке Сибирской автономной группы ПСР // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Сб. документов. М., 2001. С. 439.

[59] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1794. Л. 1 // Доклад о выработке циркуляра чинам Дворцовой полиции, с указаниями о действиях при задержании террористов.

[60] Пожалуй, только И. Каляев при покушении на великого князя Сергея Александровича отказался бросить в него бомбу, поскольку рядом с ним в коляске сидели дети.

[61] *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 215.

[62] *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 30.

[63] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания: В 2-х т. М., 1997. Т. 2. С. 163.

[64] Падение царского режима: Стенографические отчеты. Т. I. Л., 1924. С. 108.

[65] Там же. Т. III. Л., 1925. С. 2.

[66] РГИА. Ф. 472. Оп. 40. (194/2682). Д. 124. Л. 51–53 // Спиридович, полковник Отдельного корпуса жандармов. О жалобе агентов и полицейских надзирателей охранной агентуры на его притеснения. 1908.

[67] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 605.

[68] *Шеманский А., Гейченко С.* Последние Романовы в Петергофе. Путеводитель по Нижней даче и вагонам. Л., 1937. С. 89.

[69] Показания А. И. Спиридовича 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. III. Л., 1925. С. 56.

[70] *Вырубова А. А.* Неопубликованные воспоминания. С. 185.

[71] *Спиридович А. И.* Начало Распутина // Иллюстрированная Россия. 1932. № 15.

[72] Детское Село. Александровский дворец. Самообразовательная экскурсия. Л., 1927. С. 4.

[73] *Яковлев В. И.* Охрана царской резиденции. Л., 1926. С. 116.

[74] Спиридович и его «История революционного движения в России» // Красный архив. Т. 1 (26). М., 1928.

[75] Рапорт состоящего в распоряжении Дворцового коменданта полковника Отдельного корпуса жандармов Спиридовича с объяснениями по предметам расследования сенатора Трусевича. СПб., 1912. С. 7.

[76] *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Т. 1. Нью-Йорк, 1960. С. 175.

[77] *Палеолог М.* Дневник посла. С. 213–214.

[78] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1404. Л. 40 // Обзор истории и штаты Дворцовой полиции за период с 1861 по 1911 г.

[79] Там же. Д. 1. Л. 35.

[80] Там же. Ф. 469. Оп. 7. Д. 841. Л. 2 // О проверке паспортов всех посторонних лиц, проживающих в Зимнем дворце и принадлежащих к нему зданиях, подведомственных придворной конторе, и о непозволении проживать в казенных зданиях посторонним лицам без разрешения начальства. 1866.

[81] *Тихомиров Л. А.* Пребывание Халтурина в Зимнем дворце // «Народная Воля» и «Черный передел». Л., 1989. С. 34.

[82] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 128 // О принятии мер предосторожности по Зимнему дворцу и о командировании воинских чинов для охраны Императорских Особ в местах их пребывания. 1861–1881.

[83] Там же. Ф. 469. Оп. 11. Д. 201 // О назначении Корпуса жандармов полковника Федорова заведующим Охраною Императорского Зимнего дворца и загородных дворцов и о дальнейшей переписке по охране подполковника Струкова. 1880.

[84] Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1662. Л. 2 // Копия с инструкции заведующему Охраной Императорского Зимнего и загородных дворцов.

[85] Там же. Ф. 469. Оп. 7. Д. 1308. Л. 2 // Об исключении по неблагонадежности работников Высочайшего Двора Николая Горового и Сергея Яковлева из придворного ведомства для избрания рода жизни. 1880.

[86] Там же. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 98. Л. 2 // Отношения, рапорты и записки заведующего охраной Зимнего и загородных дворцов генерал-майора Федорова и петербургского градоначальника к министру императорского двора А. В. Адлербергу о мероприятиях по охране Зимнего, Царскосельского и других дворцов. 1880.

[87] Там же. Ф. 508. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 // Об упразднении должности заведующего охраною Императорских дворцов, с учреждением вместо оной должности полицмейстера Зимнего дворца и с назначением на таковую подполковника Струкова. 1880.

[88] Там же. Д. 37. Л. 3 // Дворцовая полиция. Материалы к сведению и руководству. Штаты. 1881–1916.

[89] Там же. Ф. 469. Оп. 11. Д. 205. Л. 2 // Об упразднении должности заведующего охраной Зимнего дворца и об учреждении должности полицмейстера Зимнего дворца и об определении на оную подполковника Струкова. 1880.

[90] Там же. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 98. Л. 5 // Отношения, рапорты и записки заведующего охраной Зимнего и загородных дворцов генерал-майора Федорова и петербургского градоначальника к министру императорского двора А. В. Адлербергу о мероприятиях по охране Зимнего, Царскосельского и других дворцов. 1880.

[91] Там же. Л. 8.

[92] Там же. Ф. 536. Оп. 1. Д. 64 // Касающиеся охраны Его Императорского Величества.

[93] Там же. Д. 880 // Опись комнатному имуществу, находящемуся в комнатах Государя Императора Александра Александровича. 1888.

[94] Там же. Д. 45. Л. 9 // О допущении разных лиц к осмотру Императорского Зимнего дворца. 1884.

[95] За один день работы команде из 20 человек преображенцев было уплачено 12 руб. (РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 298. Л. 2 // О расходах по случаю балов при Высочайшем дворе. 1894.)

[96] *К. Р.* Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 207.

[97] РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 50. Л. 1 // Об отводе особам и лицам помещений в Императорском Зимнем дворце. 1897.

[98] Там же. Ф. 474. Оп. 1. Д. 538. Л. 67 // Права и обязанности охранной команды Аничкова дворца и переписка о здании. 1879–1917.

[99] *Воейков В. Н.* Последние дни императора Александра II и воцарение императора Александра III // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 54. Тамбов, 1911. С. 101.

[100] *Фигнер В.* «Запечатленный труд» // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 122.

[101] Там же. С. 124.

[102] Первые недели царствования Александра III. Письма К. П. Победоносцева из Санкт-Петербурга в Москву к Е. Ф. Тютчевой // Русский архив. 1907. Кн. 5–8. С. 96.

[103] Цит. по: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996. С. 493.

[104] *Воейков В. Н.* Последние дни императора Александра II и воцарение императора Александра III. С. 118.

[105] *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. С. 148.

[106] РГИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 538. Л. 5 // Права и обязанности охранной команды Аничкова дворца и переписка о здании. 1879–1917.

[107] *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М., 1990. С. 410.

[108] Письма К. П. Победоносцева к Александру III // Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 138.

[109] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 650.

[110] Шефом полка была императрица Мария Федоровна.

[111] *Галушкин Н.* Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811–1961. Сан-Франциско, 1961. С. 86.

[112] Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего Государя Императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 138.

[113] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Ч. 1. Л. 23 // *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. 1876–1896.

[114] Обзор деятельности Министерства императорского двора и уделов за время царствования в Бозе почившего государя императора Александра III. 1881–1894. Ч. 1. СПб., 1901. С. 76.

[115] *Явушкин С. Ю.* Гатчина: императорская резиденция на рубеже XIX—XX вв. // Императорская Гатчина. Материалы научной конференции. СПб., 2003. С. 27.

[116] Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 178.

[117] РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Ч. 1. Д. 449. Л. 64 // О пребывании Государыни Императрицы в Ливадии и по возвращению оттуда в Петербург в 1863 г. 1863–1864.

[118] *Кондараки В. Х.* Жизнь императора Александра II на южном берегу Крыма // Русская старина. 1915. Сентябрь. С. 464.

[119] Там же. Октябрь. С. 74.

[120] ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 102.

[121] *Попов А. В.* Романовы на южном берегу Крыма. Симферополь, 1913. С. 44.

[122] РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 78. Ч. 1. Л. 6 // О высочайшем путешествии в 1909 г. в Ливадию. 1909.

[123] От Дворцовой полиции: начальник Дворцовой полиции, 2 помощника, заведующий дворцовыми телефонами, 44 чиновника и надзирателя, 115 городовых и жандармских унтер-офицеров. Всего 163 человека. От Конвоя: командир, штаб-офицер, 6 обер-офицеров для двух сотен, врач, 180 урядников и казаков. Всего 188 человек. От Сводного полка: командир, штаб-офицер, 9 обер-офицеров для трех рот, 270 нижних чинов. Всего 281 человек.

[124] *Заварзин П. П.* Жандармы и революционеры. Париж, 1930. С. 13.

[125] РГИА. Ф. 472. Оп. 45. Д. 78. Ч. 1. Л. 98 // О высочайшем путешествии в 1909 г. в Ливадию. 1909.

[126] *Попов А. В.* Романовы на южном берегу Крыма. С. 61.

[127] *Савицкая А. В.* Александровский дворец и парк в Пушкине. Л., 1937. С. 25.

[128] ГАРФ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 31 // О питомнике служебных собак агентуры. 1906.

[129] РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 170 // О вооружении револьверами унтер-офицеров Охранной команды Зимнего дворца. 1906.

[130] 1. Дежурная комната офицеров Сводного полка располагалась точно под спальней императорской семьи. 2. Пропускной пост Сводного полка у тоннеля. 3. Присмотрщик от Сводного полка для сопровождения всех приходящих во дворец через тоннель из Кухонного корпуса дворца. 4. Комната офицеров Собственного конвоя. 5. Караульное помещение Сводного полка. 6. Караульное помещение конвойцев. Для офицеров Сводного полка и Конвоя были устроены два особых туалета и собственный буфет.

[131] *Яковлев В. И.* Охрана царской резиденции. С. 83.

[132] Там же. С. 85.

[133] *Виноградова Н. Н.* Коронации в России второй половины XIX века как общественно-политическое явление. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Волгоград, 2004. С. 15.

[134] Московский военный генерал-губернатор А. А. Закревский указывал на опасность неорганизованной толпы, представив несколько докладов по организации народного праздника. Тем не менее во время праздника несколько павильонов с угощением было разбито толпой.

[135] ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 56. Д. 924. Л. 5 // О приготовлении образцов парадных ружей и пистолетов с принадлежностью для Соб-

ственного Его Императорского Величества конвоя и о приготовлении по оным на тульском заводе 251 ружья и 258 пистолетов.

[136] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Александр II и наследник накануне 1 марта 1881 г. // Александр II и его эпоха. К 114-летию со дня восшествия на престол. Тезисы докладов. СПб., 1995. С. 47.

[137] *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 22.

[138] Оккультные силы России // Под ред. Б. А. Старкова. СПб., 1998. С. 697.

[139] Там же. С. 698.

[140] *Перегудова З. И.* Департамент полиции и местные учреждения политического розыска (1880–1917) // Жандармы России. СПб., 2002. С. 281.

[141] *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 314.

[142] *Перегудова З. И.* Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000. С. 185.

[143] *Погожев В. П.* Очерк деятельности Министерства императорского двора по приготовлениям и устройству торжеств священного коронования в 1896 г. СПб., 1896. Т. 1. С. 236.

[144] В Москву выехали начальник Дворцовой полиции генерал-майор Н. Е. Ширинкин, его заместитель статский советник Знамеровский, старший агент коллежский асессор Александров, письмоводитель, писец, 27 агентов, два околоточных надзирателя, 97 городовых, 14 жандармских унтер-офицеров и фельдшер. Всего 146 человек.

[145] Два полицейских офицера, два околоточных надзирателя, 50 городовых из московской полиции, шесть агентов из Петербургской полиции. Всего 62 человека.

[146] *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 474.

[147] Монтебелло Луи-Густав — французский посол в России.

[148] 19 мая: «В 2 часа Аликс и я поехали в Старо-Екатерининскую больницу, где обошли все бараки и палатки, в которых лежали несчастные пострадавшие вчера». 20 мая: «В 3 часа поехал с Аликс в Мариинскую больницу, где осмотрели вторую по многочисленности группу раненых 18 мая. Тут было 3–4 тяжелых случая».

[149] *К. Р.* Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 240.

[150] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 211.

[151] *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Пг., 1918. С. 126.

[152] *Епанчин Н. А.* На службе трех императоров. С. 204.

[153] *Карцов В. А.* Александрийцы в Спале в 1901 г. // Военно-исторический сборник. 1961. № 19. Май. Париж. С. 15–17.

[154] Царский поезд выехал в Саров вечером 15 июля 1903 года со станции Новый Петергоф. Поезд шел в Арзамас через Москву, Рязань, Рузаевку, Шатки, т. к. современной железной дороги от Москвы на Арзамас, через Муром, в то время еще не существовало.

[155] *Мосолов А.* При дворе императора. Рига, 1936. С. 103.

[156] *Бухгевден С. К.* Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1957. Т. 57. С. 32.

[157] *Яковлев В. И.* Охрана царской резиденции. С. 39.

[158] Там же. С. 34.

[159] *Васильев А. Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 232.

[160] *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 293.

[161] Там же.

[162] Там же. С. 319.

[163] *Мерзляков В. В.* Об организации контрразведывательных органов России // Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века –1922 год. Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. М., 1999. С. 6.

[164] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М., 2002.С. 151.

[165] *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 130.

[166] Там же. С. 24.

[167] Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов. М., 2001. С. 335.

[168] Донесение начальника Финляндского жандармского управления К. К. Уттофа в Департамент полиции о новых данных, связанных с подготовкой покушения на Николая II // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов. М., 2001. С. 339.

[169] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 855. Л. 5 // Секретная переписка. Письма о готовящемся заговоре и покушении на императора.

[170] Там же. Л. 12.

[171] Там же. Л. 91.

[172] *Спиридович А. И.* Рапорт состоящего в распоряжении дворцового коменданта полковника Отдельного корпуса жандармов Спиридовича с объяснениями по предметам расследования сенатора Трусевича. 17 апреля 1912 г. СПб., 1912. С. 11.

[173] Там же. С. 10.

[174] *Рейн Г. Е.* Из пережитого. 1907–1918. Берлин, 1935. С. 133.

[175] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. С. 154.

[176] *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 132.

[177] Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.): Сб. документов. М., 2001. С. 377.

[178] *К. Р.* Великий князь Константин Романов. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 323.

[179] Письмо товарища министра внутренних дел П. Г. Курлова дворцовому коменданту В. А. Дедюлину в связи с подготовкой террористического акта «первостепенной важности» // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Сб. документов. М., 2001. С. 377.

[180] *Шеманский А., Гейченко С.* Последние Романовы в Петергофе. С. 16.

[181] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. С. 163.

[182] Рапорт состоящего в распоряжении дворцового коменданта полковника Отдельного корпуса жандармов Спиридовича с объяснениями по предметам расследования сенатора Трусевича. СПб., 1912. С. 1.

[183] *Spiridovitch A.* Les dernierees annees de la cour de Tsarskoie Selo. Paris, 1928. P. 67.

[184] Показания А. И. Спиридовича 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. III. Л., 1925. С. 40.

[185] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. С. 159.

[186] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 605.

[187] Показания А. И. Спиридовича 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. III. Л., 1925. С. 40.

[188] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. С. 165.

[189] Там же. С. 166.

[190] *Оржеховский И.* Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 101.

[191] *Спиридович А. И.* Рапорт состоящего в распоряжении дворцового коменданта полковника Отдельного корпуса жандармов... С. 7.

[192] *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. С. 157.

[193] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 607.

[194] Допрос М. И. Трусевича 4 мая 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. III. Л., 1925. С. 231.

[195] Допрос С. Е. Виссарионова 24 мая 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. III. Л., 1925. С. 475.

[196] Полковник А. И. Спиридович был не только жандармом, но и серьезным исследователем революционного движения. Его книги высоко оценивали В. Л. Бурцев и Николай II. Он оставил после себя несколько книг исследовательского и мемуарного характера. Свои мемуары «Воспоминания жандарма» он завершил событиями 1905 года, а другую работу мемуарного характера «Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг.» начал с 1914 года.

[197] М. Н. Веригин, доверенное лицо П. Г. Курлова, был членом комиссии по распределению спецпропусков на торжества в Киевский оперный театр 1 сентября 1911 года.

[198] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1911–1919. М., 1991. С. 166.

[199] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 638; *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. С. 159.

[200] *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. С. 328.

[201] *Рууд Ч. А., Степанов С. А.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.

[202] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 675.

[203] Там же. С. 678.

[204] Там же. С. 650.

[205] Допрос С. П. Белецкого 12 мая 1917 г. // Падение царского режима. Т. III. Л., 1926. С. 262.

[206] Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов. М., 2001. С. 451.

[207] *Цявловский М.* Николай II в Москве в 1912 г. // Голос минувшего. 1917. № 5–6. С. 280.

[208] ГАРФ. Ф.102. ОО. Оп.242. Д.121 — Д. Т. 1. Л. 123.

[209] *Цявловский М.* Николай II в Москве в 1912 г. С. 308.

[210] Инструкция чинам Отряда Секретной Охраны по охране Их Императорских Величеств во время высочайших путешествий и пребываний вне мест постоянных резиденций. СПб., 1913. С. 3.

[211] *Цявловский М.* Николай II в Москве в 1912 г. С. 308.

[212] *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 178.

[213] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 13.

[214] Там же. С. 41.

[215] 1. Подавать жалобы и прошения в строю нельзя. 2. Самовольно оставлять строй нельзя. 3. Оказал явное сопротивление требованиям начальства (военного министра).

[216] Там же. С. 45.

[217] *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 101.

[218] Показания А. И. Спиридовича 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. III. Л., 1925. С. 32.

[219] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 147.

[220] Там же. С. 149.

[221] Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов. М., 2001. С. 475.

[222] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 163.

[223] Там же. С. 215.

[224] Там же. С. 202.

[225] Там же.

[226] Там же. С. 182.

[227] Там же. С. 183.

[228] *Палеолог М.* Дневник посла. С. 14.

[229] ГАРФ. Ф. 111. Оп. 6. Д. 65.

[230] *Палеолог М.* Дневник посла. С. 16–17.

[231] *Чернуха В. Г.* Александр III // Александр III. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 18.

[232] Там же. С. 21.

[233] Показания А. И. Спиридовича 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. III. Л., 1925. С. 49.

[234] РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 707. Л. 3 // О материалах по проектированию вагонов специального назначения. 1914.

[235] Там же.

[236] Первый взвод был развернут на Гатчинском шоссе напротив Баболовского парка. Второй – в поле, между Баболовским дворцом и деревней Александровкой. Третий – за Новой деревней и радиостанцией. Четвертый – в поле за Александровским парком и фермой.

[237] *Яковлев В. И.* Охрана царской резиденции. С. 81.

[238] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 2301 // О царской Ставке. Перечень функций деятельности Дворцовой полиции.

[239] *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция (1914–1917). Т. 1. С. 115.

[240] Там же.

[241] Там же. С. 129.

[242] Там же. С 131.

[243] РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 37. Л. 158 об. // Дворцовая полиция. К сведению и руководству. Штаты. 1881–1816.

[244] Там же. Д. 2522. Л. 1 // Докладная записка чиновника для поручений о необходимости увеличения состава дежурных полицейских надзирателей на дворцовой телефонной станции.

[245] Три человека находились в распоряжении командира Собственного Его Императорского Величества конвоя, 14 — в распоряжении дворцового коменданта Воейкова, 4 — в распоряжении начальника Дворцовой полиции Герарди, 13 — в распоряжении министра императорского двора Фредерикса, 2 — в распоряжении самого Спиридовича. См.: Показания А. И. Спиридовича 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. III. Л., 1925. С. 49.

[246] Допрос В. Н. Воейкова // Падение царского режима. Стенографические отчеты. Т. III. Л., 1925. С. 81.

[247] Там же. С. 82.

[248] В мае 1915 года А. И. Спиридовичу присвоили чин генерал-майора. Он вышел из Корпуса жандармов и был зачислен по армейской пехоте, оставаясь при занимаемой должности в распоряжении дворцового коменданта.

[249] 16 платформ, два вагона 4-го класса и три крытых вагона.

[250] РГИА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 789. Л. 1–34 // О поезде по обороне Царской Ставки в 1916 г.

[251] *Туоми Т.* Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб., 2003. С. 45.

[252] *Мамантов В. И.* На государевой службе: Воспоминания. Таллин, 1926. С. 148.

[253] *Светлани Г., Капков С.* Товарищ Его Высочества. СПб., 2002. С. 96.

[254] Цит. по: *Нечаев Г.* Судьба императорской яхты «Штандарт». М., 2000. С. 56.

[255] Содержание на 1912 год: жалованье (2300 рублей) + столовые (2100 рублей) + за состояние в Свите Е. И. В. (792 рубля) + прибавочные (540 рублей).

[256] *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 73.

[257] *Туоми Т.* Императоры на отдыхе в Финляндии. С. 70.

[258] Яхта «Царевна» была куплена в Англии в 1870-х годах.

[259] *Туоми Т.* Императоры на отдыхе в Финляндии. С. 107.

[260] Там же. С. 70.

[261] Там же. С. 141.

[262] Там же. С. 197.

[263] *Нечаев Г.* Судьба императорской яхты «Штандарт». С. 18.

[264] *Светлани Г., Капков С.* Товарищ Его Высочества. С. 51.

[265] Там же. С. 49.

[266] Там же. С. 63.

[267] Цит. по: *Городницкий Р. А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 139.

[268] Цит. по: *Богданович А. В.* Три последних самодержца. С. 356.

[269] *Дуплицкий С.* Охрана царской семьи и революция 1917 г. Дневник русского офицера // Москва. 1997. № 3. С. 150.

[270] *Туоми Т.* Императоры на отдыхе в Финляндии. С. 159.

[271] Родина. 2000. № 11. С. 106.

[272] Цит. по: *Шеманский А., Гейченко С.* Последние Романовы в Петергофе. С. 15.

[273] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 462.

[274] *Туоми Т.* Императоры на отдыхе в Финляндии. С. 161.

[275] Там же.

[276] Там же. С. 239.

[277] *Светлани Г., Капков С.* Товарищ Его Высочества. С. 60.

[278] Там же. С. 209.

[279] Циркулярное письмо Департамента полиции начальнику С.-Петербургского охранного отделения С. Г. Карпову о проверке данных, связанных с подготовкой покушения на Николая II // Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.). Сборник документов. М., 2001. С. 337.

[280] *Боярский В., Карпов Г., Молотков А., Плеханов А.* Морской таможенной надзор и береговая служба (1893–1917) // Ветеран границы. 1996. № 3.

[281] См.: *Мошенцова П.* Тайны Кремлевской больницы. Записки хирурга. М., 1998.

[282] ПСЗРИ. 1 изд. Т. XI. 24 января 1722. № 385.

[283] Кроме этого, в штате состояли акушер, зубной лекарь и его помощник, три придворных доктора, шесть гоф-хирургов, три штаб-лекаря, восемь лекарских помощников, повивальная бабка и ее помощница.

[284] В ее штате состояли: главный аптекарь, младший аптекарь, два аптекарских помощника, два ученика и два служителя. (См.: РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 2072. Л. 69). На содержание этих медицинских структур ежегодно отпускалось 40 тыс. рублей. В 1809 г. на их содержание было прибавлено еще 10,5 тыс. рублей.

[285] Придворный госпиталь, Лазарет Конюшенного ведомства, Царскосельская городская больница, Гатчинский госпиталь, Петергофский дворцовый лазарет и Мариинский Павловский госпиталь.

[286] Придворно-медицинская часть в 1898 г. Отчет инспекции. СПб., 1899. С. 5.

[287] Старший аптекарь; младший аптекарь; два старших аптекарских помощника; четыре младших аптекарских помощника; четыре служителя.

[288] РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 355. Л. 1–29.

[289] Там же. Д. 2093. Л. 4.

[290] Там же. Л. 31.

[291] Там же. Ф. 472. Оп. 66. Д. 718. Л. 54.

[292] Там же. Ф. 475. Оп. 2. Д. 1. Л. 106.

[293] Там же. Ф. 508. Оп. 1. Д. 660. Л.38 об.

[294] Там же. Л. 227.

[295] Там же. Д. 2559. Л. 222.

[296] Там же. Д. 547. Л. 1.

[297] Там же. Л. 16.

[298] Там же. Д. 1906. Л. 172,176.

[299] Там же. Л. 178.

[300] Там же. Ф. 479. Оп.1. Д.494. Л.3.

[301] *Шмигельский М.* Исторический очерк кафедры госпитальной терапевтической клиники Императорской военно-медицинской академии (1840–1897). Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1897. С. 86.

[302] *Шереметев С.Д.* Мемуары. М., 2001. С. 117.

[303] Там же. С. 151–152.

[304] РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 174.

[305] Там же. Ф. 479. Оп. 1 (375\1694). Д. 383. Л. 50.

[306] Там же. Л. 52.

[307] *К. Р.* Великий князь Константин Константинович Романов. Дневники. Воспоминания. С. 164.

[308] РГИА. Ф. 479. Оп. 3. Д. 101. Л. 6–33; Ф. 479. Оп. 2. Д. 1316. Л. 27–34.

[309] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 199.

[310] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 450.

[311] Дневник Николая II. М., 1991. С. 228.

[312] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. М., 1998. С. 351.

[313] Там же. 352.

[314] *Воррес И.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 268.

[315] Известия Военно-медицинской академии. 1913. Т. 26. С. 115.

[316] Дневник Николая II. М., 1991. С. 498.

[317] *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. С. 476.

[318] *Шавельский.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. Нью-Йорк, 1954. С. 331.

[319] *Лемке М.* 250 дней в царской ставке. 25 сентября 1915 — 2 июля 1916 г. Пг., 1920. С. 273.

[320] *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. (1914–1917). Т. 1. С. 33.

[321] Там же. С. 161.

[322] Там же. С. 535.

[323] Там же. С. 109.

[324] Там же.

[325] Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных // Степанов И. В. Милосердия двери. М., 1999. С. 453.

[326] *Иванова А. Т.* Сергей Петрович Федоров. 1869–1936. М., 1972. С. 46.

[327] Советская хирургия. Т. V. Вып. 1. М.-Л., 1933.

[328] ПСЗ. 1 Собр. Т. 24. № 17700; *Волков Н. Е.* Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900. С. 81–85.

[329] РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Ч. 1. Д. 295 // Об уничтожении системы законтрактования припасов для кухни и о предоставлении метрдотелям права покупать все потребные припасы ими самими. 1852.

[330] Там же. Оп. 7. Д. 787 // О дозволении разным лицам обучаться на кухнях Высочайшего Двора поваренному искусству. 1860.

[331] Там же. Оп. 10. Д. 153. Л. 2 // Положение по кухне, в какую именно сумму приготовлять столы для Их Императорских Величеств и их Императорских Высочеств со свитою. 1826.

[332] Там же. Л. 4.

[333] Раньше обед: суп, пирожки, холодное, говядина с приправой или зеленью, соус из рыбы, соус из живности, зелень, жаркое («и к оному салат»), молочное или хлебное желе или крем. По новому Положению «по уменьшению суммы на столы и возвышению цен» предлагалось 8 перемен: суп, пирожки, говядина с приправой или зеленью, соус из рыбы, соус из живности, жаркое, молочное или хлебное желе или крем. На одно блюдо меньше стали подавать и на ужин. Раньше было три перемены: суп, холодное, соус из рыбы. С 1841 года суп, соус из рыбы или вместо него холодное из рыбы. Десерт, фрукты и вино подавались в комнаты только по запискам дежурных камер-фурьеров.

[334] РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 2441 // Об определении унтер-офицера Никифорова к смотрению за чистотою по кухням высочайшего двора. 1841.

[335] *Шепелев Л.* Императорский двор // Родина. 2003. № 1. С. 48.

[336] РГИА. Ф. 479. Оп. 2. Д. 197. Л. 1 // О химическом исследовании продуктов, употребляемых при дворе. 1852.

[337] Там же. Л. 3.

[338] Там же. Ф. 469. Оп. 1. Ч. 1. Д. 449. Л. 25 // О пребывании Государыни Императрицы в Ливадии и по возвращению оттуда в Петербург в 1863 г. 1863–1864.

[339] Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1580 // Об исследовании водки, конфет и пр. 1878.

[340] Там же. Ф. 469. Оп. 10 (ч. 1.). Д. 177. Л. 2 // По Высочайшему повелению об изготовлении для Государя наследника завтрака и обеда по настоянию гг. лейб-медиков. 1835.

[341] Там же. Д. 288 // По предложению гофмаршала. Относительно поданной на Высочайшие столы форелей дурного качества. 1847.

[342] Там же. Ч. 4. Д. 1735 // Относительно дурно приготовленного в Красном Селе для Шамиля обеда. 1861.

[343] Там же. Ф. 536. Оп. 1. Д. 314 // О воспрещении выписки из-за границы картофеля, свиного мяса, сала и пр. 1886.

[344] Там же. Д. 308 // Дело об икре и рыбе. 1884; РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 753 // О присланных от Уральского казачьего войска осетрах и икры. 1905.

[345] *Мосолов А.* При дворе императора. С. 199.

[346] *Ковалевский И. И.* Аничков дворец. Из воспоминаний о своей семье. // Русская мысль. Париж. 14 ноября 1974. № 3025.

[347] *Выскочков Л. В.* Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 435.

[348] Буфет камер-юнгфер и комнатных девушек. Буфет офицеров Сводного полка. Собачья кухня. Расхожий буфет или кафешенская. Гофмаршальская кухня. Столовая. Помещение для отпуска вина.

[349] *Малевинская М.* Августейшая яхта // Родина. 2000. № 11. С. 129.

[350] *Светлани Г., Капков С.* Товарищ Его Высочества. С. 50.

[351] *Мосолов А.* При дворе императора. С. 99.

[352] *Богданович А.* Три последних самодержца. С. 498.

[353] *Мосолов А.* При дворе императора. С. 198.

[354] РГИА. Ф. 469. Оп. 8. Д. 577 // О мытье белья Императорского величества государыни цесаревны отдельно. 1843.

[355] *Ковалевский И. И.* Аничков дворец. Из воспоминаний о своей семье // Русская мысль. Париж. 14 ноября 1974 г. № 3025.

глава 5

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА РОССИИ

Февральская революция 1917 года подвела итог 300-летнего правления династии Романовых и завершила историю охраны императорской фамилии.

26–27 февраля 1917 года в Петрограде начались беспорядки, переросшие в революцию. Даже среди охраны была уверенность в необходимости смены первых лиц страны. Разложение началось и в Ставке. При этом степень информированности о событиях в Петрограде была поразительно разной.

Дворцовый комендант В. Н. Воейков упоминал в мемуарах, что 26 февраля 1917 года утром его неприятно поразил начальник Дворцовой полиции полковник А. Б. Герарди: «Вместо доклада об имевшихся у него... сведениях он, страшно расстроенный, обратился с просьбою разрешить ему немедленно уехать в Царское Село, передав исполнение обязанностей своему помощнику Н. А. Гомзину... Герарди совершенно потерял голову»[1]. Тот факт, что Воейков отпустил из Ставки начальника Дворцовой полиции, свидетельствует о том, что он, судя по всему, совершенно не представлял себе обстановку в Петрограде. В свою очередь, Герарди, видимо, уже понимая ход развития событий, спешил дистанцироваться от своего начальника. Но уже к вечеру 26 февраля, после двух телеграмм полковника В. В. Ратко, ситуация в Петрограде начала для Воейкова проясняться.

27 февраля в Царском Селе было еще спокойно, хотя из Петрограда доходили смутные слухи. Однако к пяти часам вечера телефоны дворца, связывавшие его с Петроградом, были отключены.

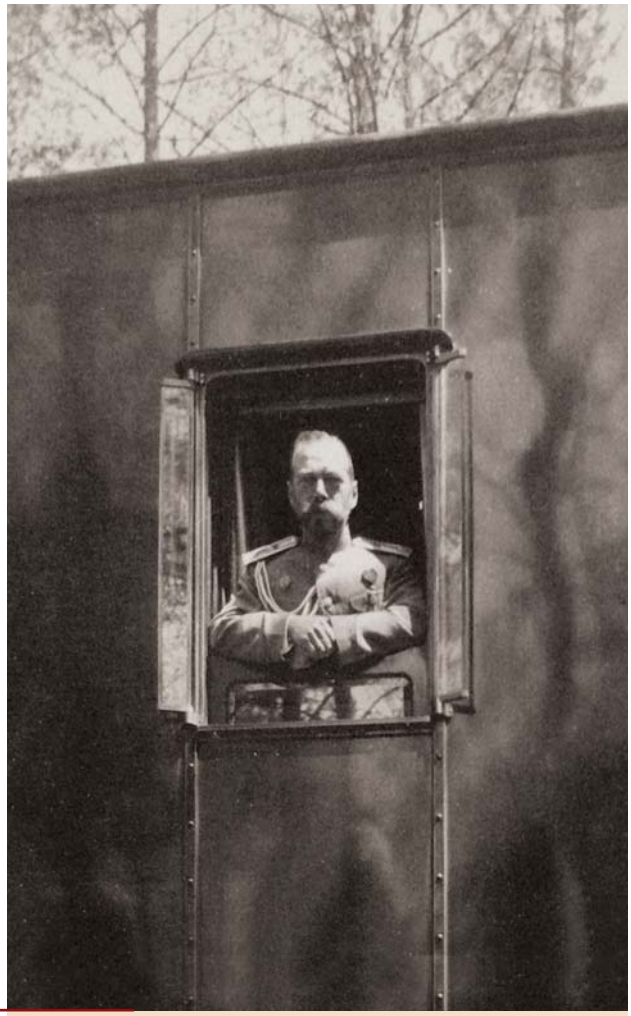
Ночью 28 февраля два царских литерных поезда были подготовлены к отъезду из Ставки в Царское Село. Николай II прибыл к своему вагону в 1 час 30 минут ночи. В литерном поезде «А» ехали император, министр императорского двора В. Б. Фредерикс, флаг-капитан К. Д. Нилов, дворцовый комендант В. Н. Воейков, исполнявший обязанности гофмаршала князь Долгоруков, флигель-адъютанты Шереметев и Мордвинов. В литерном поезде «Б» размещались историограф Дубенской, заведующий церемониальной частью барон Штакельберг, лейб-хирург С. П. Федоров, командир 1-го железнодорожного полка Цабель, начальник отряда негласной агентуры подполковник Невдахов, представитель Особого отдела подполковник Семенов, другие офицеры и чины охраны. По распоряжению Воейкова был усилен поездной караул поезда литеры «Б».

В 4 часа утра из Ставки отбыл поезд литеры «Б», а через час отбыл поезд литеры «А». По мере продвижения к Петрограду руководители подразделений охраны получали телеграммы о развитии событий в столице. Вечером (20 ч. 00 мин.) прошла информация о том, что Тосно захвачен «мятежниками» и по железной дороге был приказ направить царские литерные поезда в Петроград на Николаевский вокзал. Литерный «Б» шел впереди. После того как поезд вышел из Вышнего Волочка (21 ч. 52 мин.) офицеры охраны собрались в купе штаб-офицера при дворцовом коменданте Г. А. фон Таля для обсуждения ситуации. Фон Таль сформулировал ситуацию таким образом: «Раз попав в сферу действия мятежных войск, будет невозможно фактически оказать им сопротивление, а посему, принимая все это во внимание и что сейчас Государь император находится в трех, а возможно, в двух перегонах от мятежных войск, возможно ли двигаться дальше, не получив категорического приказания от дворцового коменданта?»[2] Прибыв в Бологое, офицеры решили передать дворцовому коменданту с офицером Железнодорожного полка следующее донесение: «По слухам, получено распоряжение направлять литерные поезда из Тосно на Петроград Николаевский. Если действительно переезд на Гатчину будет закрыт, решили остановить поезд в Тосно. Прошу передать в Малую Вишеру Ваше приказание, зашифровав его шифром Собственного Е. И. В. железнодорожного полка, имеющимся у подателя сего. Подполковник Таль».

В 22 часа 50 минут литерный «Б» остановился в Бологом. Офицеру 1-го железнодорожного полка был передан пакет для дворцового коменданта. Сами же офицеры охраны решили продвинуть свой состав до Малой Вишеры, последней остановки перед Тосно. Если же в Малой Вишере от Воейкова не будет ответа, поставить свой состав на запасной путь и ждать царский поезд литеры «А». В 1 час 55 минут литерный «Б» подошел к Малой Вишере. Офицеры охраны не знали, в чьих руках находится эта станция, поэтому, как вспоминал подполковник Таль, «я стоял на подножке своего вагона в амуниции, с расстегнутой кобурой револьвера. И за мной барон Нольде и 6 нижних чинов, при полной боевой, из поездного караула»[3].

Персонал станции Малая Вишера еще не принял новую власть и подчинился подполковнику Талю. Были немедленно выставлены посты на телеграфе и около телефона. Тогда же офицерами охраны был получен ответ от дворцового коменданта В. Н. Воейкова: «Комендант просил настоять на прибытии в Царское Село». Но выполнить этот приказ было уже невозможно. Более того, до офицеров дошли смутные слухи о движении революционных войск от Тосно к Малой Вишере. Немедленно выставили караулы, чтобы избежать внезапного нападения на литерные поезда. В этой ситуации подполковник Таль принял решение дождаться литерного «А» и лично доложить ситуацию дворцовому коменданту.

Вскоре прибыл и царский поезд. Когда подполковник Таль вошел в вагон дворцового коменданта, он был потрясен: «Служитель мне доложил, что все спят, и в поезде действительно полнейшая тишина, которая меня особенно поразила ввиду такой близости к опасности попасть в руки мятежных войск»[4]. Фон Таль доложил Воейкову ситуацию, после чего было принято решение ехать в Царское Село через Бологое — Дно. Дворцовый комендант сообщил о предполагаемом маршруте царю и получил на это разрешение. Об этом известили генерала фон Гротена, исполнявшего обязанности дворцового коменданта вместо Воейкова, находившегося в Ставке, отправив в Царское Село телеграмму. Тогда же было решено командировать поручика Железнодорожного полка Герляха в Петроград с тем, чтобы он явился к генералу Гротену с приказанием содействовать проходу литерных поездов через станцию Дно к Царскому Селу. Поезда развернули на поворотном круге, и они отправились обратно. Впереди шел литерный «А» (вышел из Малой Вишеры в 3 ч. 35 мин. ночи), за ним — литерный «Б» (отправился в 3 ч. 55 мин.).



Николай II в окне императорского поезда

Оказавшись в Царском Селе 28 февраля, начальник Дворцовой полиции полковник Герарди острил: «Не будет Николая, будет Михаил». Прошел слух о том, что вечером взорвут здание Дворцовой полиции. Жена полковника Герарди одной из первых оставила свою квартиру и упросила в госпитале приютить ее детей. Все офицеры, приехавшие из Петрограда, в этот день были в шубах поверх мундиров с царскими вензелями, поскольку в столице уже начались бесчинства солдат, срывавших погоны с офицеров. Еще в 19 часов в этот день в Царском Селе было все спокойно, и офицеры охраны с нижними чинами присутствовали в Федоровском соборе на службе.

Но уже в 9 часов вечера к дворцу по тревоге вызвали две роты Сводного полка, две сотни конвоя, роту Железнодорожного полка, батарею воздушной охраны (два зенитных орудия на машинах) и две роты Гвардейского экипажа из Александровки[5]. На это время дворец оцепили шесть рот пехоты и две роты конницы. Имелись еще небольшие команды — служба дворцовых телефонистов и «личная охрана Государыни и детей», то есть чины Дворцовой полиции. Командование обороной Александровского дворца, в котором находилась императрица с больными детьми, взял на себя генерал фон Гротен.

Ситуация накалялась. Со стороны казарм гвардейского стрелкового полка слышались выстрелы. Генерал фон Гротен распорядился выставить постоянные разъезды вдоль решетки дворца, развернуть орудия зенитной батареи и пулеметы Гвардейского экипажа вдоль улиц, ведущих к дворцу. Сводный полк разметил заставы в отдаленных углах дворца и парка. Командир полка генерал Ресин призвал солдат и офицеров «исполнить свой долг и защитить царскую семью от всех случайностей»[6]. В литературе Дворцовая полиция последний раз упоминается именно этим вечером: «Дворцовая полиция оставалась на местах»[7]. Начались незначительные стычки с восставшими стрелками запасных батальонов Царскосельского гарнизона. Свет во дворце был полностью погашен. Вскоре солдат увели с улицы. Мемуарист пишет, что во дворце перед ним «предстала необычная картина: коридоры и лестницы нижних этажей были полны сидевшими и лежавшими людьми со сваленной там и сям амуницией»[8]. Около 23 часов из своих комнат вышла императрица Александра Федоровна. Личный состав был построен, и императрица обошла строй солдат и казаков. Больше всего она опасалась, чтобы «только из-за нас не было крови». Она просила офицеров прийти к соглашению с восставшими во избежание кровопролития[9].

Поздно вечером начались переговоры генерала фон Гротена с представителями мятежных частей Царскосельского гарнизона. Удалось достичь соглашения о перемирии. Вечером полковник Герарди вступил в неофициальный контакт с лидерами Государственной думы, зондируя перспективы, связанные с дальнейшей судьбой императорской семьи.

Именно в этот день пресса сообщила читателям, что Собственный конвой перешел на сторону революции. Однако эти сведения не совсем точны. В Государственную думу доставили только одного урядника и нескольких казаков с солдатами из нестроевой команды, охранявших казармы Собственного конвоя на Шпалерной улице.

Чины Собственного Е. И. В. конвоя приветствуют царскую семью

29 февраля на рассвете охрана была поднята по тревоге: поступила информация, что тяжелая батарея Царскосельского гарнизона начинает обстрел дворца. Но вскоре выяснилось, что по дворцу был выпущен только один снаряд, который, пролетев над крышей, упал в саду, не разорвавшись. Один из стрелков Сводного полка был убит шальной пулей. Поначалу моральное разложение не затронуло императорскую охрану. По-прежнему проверялись посты на всех службах, охранялись телефонная станция и ферма. Но при этом дворец оставался в полной изоляции от внешнего мира. Постепенно в частях охраны началось брожение. По словам мемуариста, «их революционный пыл сдерживался главным образом присутствием казаков»[10]. Для пресечения разложения офицеры лично возглавили караулы и пошли в казармы.

В этот день генералы фон Гротен и Ресин предложили императрице взять больных детей и пробиваться на автомашинах в Ставку. Шансы на успешный прорыв были. Однако императрица отказалась от предложенного варианта, опасаясь за здоровье детей.

1 марта царский поезд в 7 часов утра прошел Бологое и направился на Старую Руссу. В провинции старая власть продолжала действовать. В том числе и подразделения охраны: «Все лица, долженствующие встречать, провожать и сопровождать императорские поезда, находились на своих местах, а соответственно с этим и охраняющие путь следования жандармы, полиция и воинские части. Таким образом, можно засвидетельствовать, что весь аппарат охраны действовал в полной исправности»[11].

На станцию Дно литерные поезда прибыли в 16 часов 45 минут. Дворцовый комендант В. Н. Воейков, переговорив с Петроградом и Ставкой, был в хорошем настроении: «Из помещения телеграфа вышел дворцовый комендант, был весел, острил...»[12] Тогда еще казалось, что достаточно пойти на уступки, дать «ответственное министерство», и все войдет в колею.

В Псков литерные поезда прибыли в 19 часов 35 минут. Там же находился поезд командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского. Генерал Рузский и генерал-квартирмейстер Ю. Н. Данилов немедленно были приглашены в царский поезд. Их встретил Николай II, который, коротко посвятив офицеров в перипетии своей поездки, заявил, что целью его движения является Царское Село. Он добавил также, что ждет в Псков Председателя Государственной думы Родзянко.

Около 21 часа вечера в Псков пришла телеграмма из Ставки от генерала Алексеева с просьбой о даровании «ответственного министерства» с М. В. Родзянко во главе во избежание анархии в стране, для продолжения войны. К телеграмме был приложен проект соответствующего манифеста.

Около 23 часов стало известно, что на сторону восставших перешел гарнизон города Луги и движение в сторону Царского Села стало окончательно невозможным. Среди руководства шли активные консультации. В результате в 23 часа 30 минут в Петроград была отправлена телеграмма за подписью Николая II о разрешении Председателю Государственной думы Родзянко составить «ответственный кабинет». Однако события к этому времени зашли слишком далеко.

В Царском Селе 1 марта ждали приезда царя. Около 4 часов утра охрана, как всегда, выставила посты на пути его приезда. Император не прибыл, всякая связь со Ставкой была прервана.

В 9 часов утра из Петрограда вернулась депутация от частей дворцовой охраны, которую принял один из лидеров Государственной думы А. И. Гучков. Он просил продолжать нести охрану императорской семьи, однако эта договоренность была неофициальной. А вопрос стоял очень остро: императрица не знала судьбы мужа и была прикована к Александровскому дворцу из-за больных детей. В Петроград был направлен флигель-адъютант полковник Линевич, который вновь получил заверения Председателя Государственной думы Родзянко, что охрана императорской семьи должна продолжать нести свою службу. Видимо, именно тогда императрица получила неофициальные гарантии новой власти на безопасный отъезд семьи в Англию к своим родственникам.

Постепенно процесс разложения в частях охраны становился необратимым. Рано утром 1 марта ушел батальон Гвардейского экипажа. Генерал фон Гротен отпустил его в село Кузьминское в казармы, но моряки ушли в Петроград. В казармы была отпущена и рота Железнодорожного полка. Она тоже больше не вернулась. Самые невероятные слухи множились, охрана дворца редела.

Фон Гротен пытался не допустить столкновения частей Царскосельского гарнизона и частей охраны Александровского дворца. Для этого он встретился с депутатами Государственной думы, прибывшими в Царское Село успокоить гарнизон. Гротен заявил, что его части, безусловно, будут защищать дворец: «Я боюсь, что может произойти нападение гарнизона на дворец. Мы, конечно, нападение отобьем, но это будет ужасно. Императрица одна. Дети государя больны»[13]. В результате договорились о взаимном ненападении.

К вечеру 1 марта у дворца оставались две роты Сводного полка, две сотни конвоя и взвод зенитной батареи. В тот же день вечером императрица Александра Федоровна, отчаявшись связаться с императором, передала два запечатанных письма офицерам конвоя с приказом любыми способами доставить их царю.

В ночь с 1 на 2 марта в Царское Село прибыл из Ставки генерал-адъютант Н. И. Иванов. В его распоряжении находились батальон георгиевских кавалеров, полурота Железнодорожного полка и рота Собственного Его Величества сводного пехотного полка. Они были направлены в Петроград для наведения порядка. Генерал прибыл во дворец и встретился с императрицей, а затем в 3 часа утра уехал к своим эшелонам. К этому времени стало понятно, что уже поздно решать «проблему» силовыми методами.

2 марта литерные поезда весь день простояли в Пскове. С утра велись активные переговоры по телеграфу со всеми заинтересованными сторонами. Вскоре выяснилось, что Родзянко по ряду причин приехать в Псков не сможет, что предложение о создании «ответственного министерства» опоздало и успокоить народные массы оно не может, что необходимо склонить Николая II к отречению от престола. Ставка также настаивала на отречении царя.

В течение дня в императорский поезд продолжали поступать сведения о положении дел в Петрограде. В частности, прошла информация о том, что Собственный конвой перешел на сторону восставших. Николай II, конечно, не знал подробностей, но сам факт возможности измены конвоя был воспринят им очень болезненно. Были получены известия о переходе великого князя Кирилла Владимировича на сторону Государственной думы. Пришла телеграмма из Ставки, в которой командующие фронтами (Кавказский фронт — великий князь Николай Николаевич, Юго-Западный фронт — генерал Брусилов, Западный фронт — генерал Эверт, Румынский фронт — генерал Са-

харов, Балтийский флот — вице-адмирал Непеин) высказывались за немедленное отречение царя. К ним присоединился и начальник штаба Ставки генерал Алексеев.

В 14 часов 30 минут генералы Рузский, Данилов и Савич вновь направились в императорский поезд. Рузский доложил царю о сложившейся ситуации и поддержал мнение командующих фронтами о необходимости отречения. После некоторых колебаний Николай II принял решение об отречении. Около 16 часов дня генералы вышли из императорского вагона.

Около 17 часов была получена телеграмма из Петрограда о том, что вскоре должна прибыть делегация — член Государственного совета А. И. Гучков и член Государственной думы В. В. Шульгин. Генерал Рузский принял решение не извещать никого об отречении царя.

В 21 час 32 минуты в Псков пришел поезд с депутатами Государственной думы. Подполковник фон Таль писал: «К великолепному Собственному поезду с членами охраны вокруг и парными часовыми, казаками Собственного Е. И. Конвоя, стоящими у входа в Собственный вагон, подошел состав, произведший своим видом необычайное впечатление»[14]. Локомотив был украшен гирляндами зелени и красными флагами, поэтому «все кругом совершенно остолбенели от изумления». Из переднего вагона выскочили несколько человек, которые стали раздавать листовки. Начала собираться толпа. Раздались крики «ура». Подполковник Невдахов, видя толпу около царского поезда, приказал ее рассеять. Однако флигель-адъютант Мордвинов передал Невдахову приказание царя никого не трогать и не разгонять. До вечера 2 марта 1917 года подразделения государственной охраны, отвечавшие за безопасность императора, безукоризненно выполняли свои обязанности.

А в это время в царском вагоне Николай II (в начале 12-го часа ночи) передал Гучкову и Шульгину текст подписанного им отречения от престола. Все документы были помечены 15 часами, то есть тем временем, когда Николай II принял решение об отречении от престола. В 23 часа 40 минут Шульгин и Гучков вышли из императорского вагона и около 3 часов ночи выехали обратно в Петроград.

2 марта в казармах поблизости от Александровского дворца в Царском Селе взбунтовалась рота Железнодорожного полка. Солдаты, убив двух офицеров, ушли в Петроград. Собственный Его Императорского Величества конвой в целом сохранил верность монаршей семье и остался. Казаки продолжали нести службу: решетка дворца охранялась усиленными постами и разъездами.

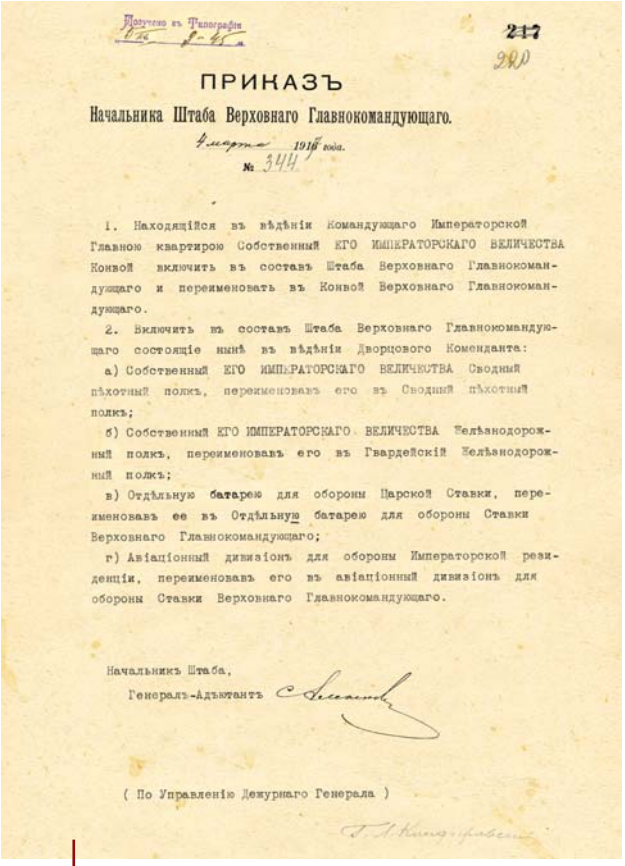
Утром генерал фон Гротен собрал офицеров и объявил им, что с санкции императрицы Александры Федоровны он вступает в официальный контакт с Государственной думой. Были подобраны представители от Сводного полка и конвоя. Они явились в Таврический дворец и выступили с речью с думской трибуны. Перемирие между царской охраной и восставшими частями было официально санкционировано Государственной думой.

С этого времени фактический контроль за ситуацией во дворце перешел к «комитетчикам». Начались аресты. Первыми были арестованы заместитель дворцового коменданта генерал фон Гротен и начальник Дворцовой полиции полковник Герарди. После этих арестов обязанности по охране Александровского дворца и царской семьи принял на себя командир Сводного полка генерал-майор Ресин. Все офицеры остались в Царском Селе, но императрица просила их уехать в Петроград.

Анна Вырубова писала в воспоминаниях: «Государыня — ужасающе худая — в белом переднике сестры милосердия смотрела, как последние имперские полки покидали дворец. Морская стража, офицеры «Штандарта», телохранители и др. уходили, чтобы присягнуть Временному правительству»[15].

Надо заметить, что мемуаристы по-разному передают историю последних дней императорской охраны. Безусловным фактом является то, что часть подразделений охраны перешла на сторону революции. Появление в Петрограде элитных воинских частей, составлявших охрану императора, поразило современников даже в те бурные дни. Временное правительство сделало все, чтобы всячески разрекламировать этот факт. Разногласия начинаются в оценках, когда и какая часть охраны нарушила свою присягу.

М. Палеолог записал тогда в дневнике: «Во главе свиты шли казаки, великолепные всадники, цвет казачества, надменная и привилегированная элита императорской гвардии. Затем прошел полк Его Величества. Священный легион, формируемый путем отбора из всех гвардейских частей и специально назначенный для охраны особ царя и царицы. Затем прошел еще железнодорожный полк Его Величества, которому вверено сопровождение императорских поездов и охрана царя и царицы в пути. Шествие замыкалось императорской дворцовой полицией: отборные телохранители, приставленные к внутренней охране императорских резиденций и принимающие участие в повседневной жизни, в интимной и семейной жизни их властелинов. И все, офицеры и солдаты, заявляли о своей преданности новой власти, которой они даже названия



Получено въ Типографіи

~~217~~

220

ПРИКАЗЪ

Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

4 марта 1917 года.

№ 344

1. Находящійся въ вѣдѣніи Командующаго Императорской Главною квартирою Собственный ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой включить въ составъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и переименовать въ Конвой Верховнаго Главнокомандующаго.

2. Включить въ составъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго состоящіе нынѣ въ вѣдѣніи Дворцового Коменданта:

а) Собственный ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Сводный пѣхотный полкъ, переименовавъ его въ Сводный пѣхотный полкъ;

б) Собственный ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Желѣзнодорожный полкъ, переименовавъ его въ Гвардейскій Желѣзнодорожный полкъ;

в) Отдѣльную батарею для обороны Царской Ставки, переименовавъ ее въ Отдѣльную батарею для обороны Ставки Верховнаго Главнокомандующаго;

г) Авіаціонный дивизіонъ для обороны Императорской резиденціи, переименовавъ его въ авіаціонный дивизіонъ для обороны Ставки Верховнаго Главнокомандующаго.

Начальникъ Штаба,

Генералъ-Адъютантъ

(По Управленію Дежурнаго Генерала)

Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеева о переименовании и переподчинении воинских частей императорской охраны

не знают, как будто они торопились устремиться к новому рабству. Во время сообщения об этом позорном эпизоде я думаю о честных швейцарцах, которые были перебиты на ступенях Тюильрийского дворца 10 августа 1792 года. Между тем Людовик XVI не был их национальным государем, и, приветствуя его, они не называли его «царь-батюшка»[16].

Конечно, Февральскую революцию 1917 года конвойцы встретили неоднозначно. Большинство из них, особенно офицерский состав, воспитанный в верноподданническом духе, отречение царя воспринял как катастрофу. Тем не менее 1 марта 1917 года есаул Караулов и 20 человек нестроевой команды конвоя перешли на сторону восставших. В прессе это было преподнесено как измена всего конвоя. Этому можно было поверить, поскольку к Таврическому дворцу 1 марта прибыл и великий князь Кирилл Владимирович с красным бантом на шинели во главе частей Гвардейского экипажа.

Но при этом надо иметь в виду, что Собственный конвой в 1917 году состоял из 28 офицеров и 670 урядников и казаков. Сотни конвоя в это время несли службу в Могилёве (в Ставке), Царском Селе и Киеве, где находились, соответственно, Николай II, императрица Александра Федоровна и вдовствующая императрица Мария Федоровна. Безусловно, раскол был, но, пожалуй, последней частью, сохранившей верность престолу, был Собственный конвой[17]. В мае — июне 1917 года Собственный конвой был расформирован.

Многие задумывались тогда над тем, почему личная охрана царя столь быстро перешла на сторону революции. Как правило, ответы сводились к мнению, что на «постоянной службе при Их Величествах эти люди видели слишком много такого, чего они не должны были бы видеть, они слишком много знают о Распутине...»[18]. Склонный к анализу Палеолог подчеркивал в дневнике в марте 1917 года, что «одно из самых характерных явлений революции, только что свергнувшей царизм, — это абсолютная пустота, мгновенно образовавшаяся вокруг находящихся в опасности царя и царицы. При первом же натиске народного восстания все гвардейские полки, в том числе и великолепные лейб-казаки, изменили своей присяге в верности. Ни один из великих князей тоже не поднялся на защиту священных особ царя и царицы; один из них не дождался даже отречения императора, чтобы предоставить свое войско в распоряжение мятежного правительства. Наконец, за несколькими исключениями, тем более заслуживающими уважения, произошло всеобщее бегство придворных, всех этих высших офицеров и сановников, которые в ослепительной пышности церемоний и шествий выступали в качестве прирожденных стражей трона и присяжных защитников императорского величества. А между тем долгом не только моральным, но военным, прямым долгом для многих из них было окружить царя и царицу в опасности, пожертвовать собой для их спасения или, по крайней мере, не покидать их в их великом несчастии»[19].

Фактически 2 марта 1917 года была поставлена точка в истории подразделений государственной охраны Российской империи. Официально охранять стало некого. Однако части продолжали оставаться около Александровского дворца.

3 марта казакам конвоя удалось достичь соглашения с восставшими о том, что вокруг дворца устанавливается нейтральная зона во избежание вооруженного столкновения. Тем не менее охране пришлось идти на компро-

мисс. По требованию восставших, от каждой части, несшей охрану дворца, следовало направить «депутатов» в Царскосельский совет. Это было сделано только после прямого на это согласия императрицы.

3 марта литерные поезда были весь день в пути и только около 23 часов прибыли в Ставку, в Могилёв. Во время проезда от Пскова до Могилёва жандармы и полиция повсюду были на своих местах, и только отсутствие воинских частей, которые должны были охранять железнодорожное полотно, показало, что ситуация в стране изменилась кардинальным образом. В Могилеве повсюду были красные флаги.

4 марта в Царском Селе стало точно известно об отречении Николая II. Александра Федоровна обратилась к охране с просьбой снять императорские вензеля. Это было сделано, но служба охраны продолжала идти установленным порядком.

Дни с 4 по 8 марта прошли без всяких изменений. Казаки и Сводный полк продолжали охранять Александровский дворец, в сотнях и ротах были выбраны «комитеты».

4 марта в Могилёве начались стихийные солдатские митинги. К этому времени уже было известно, что младший брат царя, великий князь Михаил Александрович отказался принять престол. Николай II понимал, что в охваченной революцией стране его положение весьма критическое. Видимо, уже тогда царем было принято решение об отъезде со всей семьей в Англию. По крайней мере Воейков предложил подполковнику Талю поехать в Англию: «Государь император и мы все едем в Англию». Подразделения охраны продолжали, однако, нести свою службу.

Вечером за ужином офицеры подразделений охраны обменялись мнениями по поводу произошедшего и своего будущего. Им уже было известно, как солдаты расправляются с офицерами в армейских подразделениях. По словам Таля, «чины охраны считали, что теперь с точки зрения службы тут все кончено: «Нужно ехать в армию, — говорили некоторые, — подальше, на Кавказский фронт».

5 марта в Могилёве началось разоружение жандармов. В этот день было принято решение об отъезде из Могилёва в Царское Село. При этом многим чинам свиты и охраны отказали в праве сопровождать императора. Дворцового коменданта Воейкова выслали в его пензенское имение. Флаг-капитан Нилов и подполковник Невдахов были оставлены в Ставке.

6 марта В. Н. Воейков был арестован в Вязьме и под конвоем доставлен в Петроград в Петропавловскую крепость. Подполковника фон Таля, который сопровождал

ПРИКАЗЪ
Верховнаго Главнокомандующаго.
"2" мая 1917 года.
№ 225

Расформировать Сводный пѣхотный полкъ.

Генералъ отъ-Кавалеріи

Приказ Верховного главнокомандующего М. В. Алексеева о расформировании Сводного пехотного полка

дворцового коменданта, едва не убили в Вязьме солдаты, и он спасся только чудом. Ему удалось добраться до Царского Села, где через несколько дней он был арестован «со всеми чинами охраны» и заключен в Петропавловскую крепость.

Временное правительство объявило об аресте царской семьи 8 марта. В этот день в Царское Село во дворец прибыл командующий войсками Петроградского округа генерал Л. Г. Корнилов. Он приказал построить офицеров Сводного полка и Собственного конвоя и огласил приказ Временного правительства об аресте императрицы Александры Федоровны, что предполагало прежде всего запрет покидать резиденцию. Мемуарист вспоминал, что во время чтения этого приказа «никто не шелохнулся. Все застыли, как мертвые, — так неожиданно и буднично все произошло»[20]. Императрица Александра Федоровна приказала Сводному полку и казакам 2-й Кубанской и 3-й Терской сотен сдать посты. Сдача постов произошла в 16 часов. Мемуарист упоминает, что перед этим Сводный полк

и конвой построились, и к ним вышла Александра Федоровна. «В кратком напутствии Государыня поблагодарила нас за службу и сказала, что всегда рада будет принять нас у себя в Англии. Вынесли полковое знамя и сменили часовых. Наша служба во дворце завершилась»[21].

Охрану Александровского дворца принял один из запасных стрелковых батальонов. На следующий день, 9 марта, около 12 часов дня в Царское Село прибыл бывший император, теперь уже просто Николай Романов. В его дневнике есть запись: «Вокруг парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики!»

В день сдачи постов Сводный полк был немедленно отправлен в Петроград. Затем переброшен в город Рогачев близ Ставки и там расформирован. Офицеры полка в память о совместной службе заказали стальные кольца, обвитые двумя золотыми нитями.

По постановлению Временного правительства от 8 апреля 1917 года служба охраны царя была упразднена вместе с Управлением дворцового коменданта[22].

На протяжении всего периода нахождения у власти Временного правительства обеспечение его безопасности, а также безопасности Временного комитета членов Государственной думы возлагалось на различные воинские части Петроградского гарнизона. Они осуществляли охрану Зимнего дворца и других правительственных зданий.

Что же касается транспортного и иного материального обслуживания, то, как известно, все имущество императорской фамилии было реквизировано и перешло в распоряжение Временного правительства. Постановлением от 9 марта 1917 года правительству была передана вся материальная часть «Собственного Его Императорского Величества гаража»[23]. Сначала он именовался «бывшим Императорским гаражом», затем в документах появилось наименование «Автомобильная база Временного правительства и Государственной думы»[24]. Официальное переименование бывшей Придворной конюшенной части и бывшего Собственного Его Императорского Величества гаража в Автомобильную и Конюшенную базу Временного правительства с приравниванием ее к учреждениям, работающим на оборону, состоялось менее чем за месяц до октябрьского переворота[25]. Министры Временного правительства пользовались также и бывшими императорскими поездами[26].

Как уже упоминалось, после падения самодержавия комиссаром Временного правительства над бывшим Министерством императорского двора и уделов был назначен Ф. А. Головин. Руководство деятельностью «бывшего Императорского гаража» осуществлял Объединенный транспортный отдел, а позднее — Автомобильный отдел при Временном правительстве.

А. Ф. Керенский.
Москва. Лето 1917 г.

По состоянию на 11 марта 1917 года в Автомобильной базе Временного правительства и Государственной думы формально значилось 56 автомобилей. В их числе 9 императорских, 19 свитских, 2 санитарных, 10 грузовых, 3 фельдъегерских, 4 частных автомобиля (один — А. Б. Фредерикса, другой — В. Н. Воейкова), 3 омнибуса и 6 автотранспортных единиц военного ведомства[27]. Большую часть гаража из Царского Села перевели в различные гаражи в Петрограде.

Одним из новых мест базирования гаража были обширные помещения, располагавшиеся на Конюшенной площади, дом 2, прежде занимаемые Придворной конюшенной частью Министерства Императорского двора. Здесь же находились мастерские, с которыми по оснащению мог потягаться не каждый российский механический завод. При этом в Петрограде, несмотря на мировую (тогда говорили «Великую») войну, продолжали работать склады запасных частей. Даже для «вражеских» «мерседесов» нужные детали быстро доставлялись через нейтральные страны. На Конюшенной площади размещалась и Конная база Временного правительства.

Совещание Военного министерства Второго коалиционного Временного правительства.
Петроград. Август 1917 г.

Помимо смены руководства, существенных кадровых изменений в «бывшем Императорском гараже» не произошло. Большую часть вакансий занимали «бывшие» придворные чиновники и рядовые сотрудники, и жизнь гаража текла своим чередом — выезды, поломки, ремонты. Впрочем, поломки случались не слишком часто. Персонал был квалифицированный, а материальная часть поддерживалась в хорошем состоянии. Кроме того, Автобазе Временного правительства достались по наследству автомобили лучших европейских марок.

При новой власти количество постоянно или эпизодически обслуживаемых транспортом лиц значительно расширилось. К первой категории относились министры, председатель и члены Государственной думы, ко второй — самые разные лица: от представителей иностранных миссий и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов до видных социалистов. Так, согласно списку от 5 апреля 1917 года автомобиль выделялся Г. В. Плеханову. Подобным же образом распределялись и экипажи Конюшенной базы Временного правительства.

В дальнейшем Временное правительство вынуждено было передать Петроградскому исполнительному комитету, а также Центральному исполнительному комитету часть автомобилей из своего гаража. Известно, что В. И. Ленин приезжал на императорском автомобиле в Царское Село, Таврический дворец, а также появлялся в других местах Петрограда.

Необходимо отметить, что на первом месте в планах Временного правительства стояло не автотранспортное обеспечение военных нужд, а обеспечение собственной работы и влияние через эту деятельность на своих политических союзников и противников. Формально «во главе Автомобильного отдела при Временном правительстве находился Совет из представителей Временного комитета Государственной думы, Совета рабочих и солдатских депутатов, ряда министерств и государственных учреждений, Союза шоферов и автомобильных техников, Петроградского автомобиль-клуба, городского самоуправления, военных ведомств, Российского Общества Красного Креста» и др.[28] На практике же деятельность Автомобильного отдела регулировалась Временным правительством в своих интересах.

На протяжении весны и лета 1917 года ситуация в России стремительно менялась. Если в марте Временное правительство пользовалось у населения огромным кредитом доверия, то уже к лету его утратило. Не были решены главные вопросы, которые волновали буквально всех. Крестьяне, страдавшие от малоземелья, получили только обещания, что этот вопрос будет решен Учредительным собранием, которое предполагалось собрать осенью 1917 года. Солдаты на фронте плохо представляли себе цели войны. Когда им обещали Босфор и Дарданеллы, они не понимали, почему должны умирать за проливы, расположенные неизвестно где. А Временное правительство провозгласило «войну до победного конца».

К исходу лета власть буквально «валялась на улице». В конце августа ее решили «подобрать» «правые». Главнокомандующий русской армией генерал Л. Г. Корнилов направил на Петроград войска с задачей «перевешать на фонарях всю революционную сволочь». Перед этой угрозой сплотились вчерашние враги — меньшевики, эсеры и большевики. Символично, что для охраны Зимнего дворца, в котором с 18 июля 1917 года находилась резиденция главы Временного правительства А. Ф. Керенского, из Кронштадта были вызваны матросы с крейсера «Аврора».

После подавления «корниловщины» началась стремительная «большевизация» Советов. Временное правительство, в свою очередь, предпринимало шаги, направленные на ослабление влияния большевиков. Однако ни Всероссийское демократическое совещание, ни создание Предпарламента, ни формирование нового кабинета министров не способствовали выходу страны из глубокого политического и социально-экономического кризиса. По Петрограду поползли слухи о готовящемся большевиками перевороте.

Когда 25 октября 1917 года стало ясно, что Временное правительство находится в полной изоляции, А. Ф. Керенский принял решение уехать из Петрограда[29]. Сам Керенский мотивировал свой отъезд стремлением привести в город верные правительству войска. В воспоминаниях он писал: «...переговорив с некоторыми оставшимися верными присяге офицерами Штаба, я решил прорваться через все большевистские заставы и лично встретить подходившие, как мы думали, войска»[30]. Однако исследователи этого периода справедливо отмечают: «Керенский уверяет, что покинул Петроград по решению правительства, но на момент принятия решения рядом с ним были только Коновалов и Кишкин. Они посоветовали ему поехать навстречу эшелонам. Для него это было благовидным предлогом»[31].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. С. 197.

[2] *Таль Г. А. фон.* Мемуары об отречении от престола российского государя императора Николая II, записанные в дни, предшествовавшие и последующие этому событию, штаб-офицером для особых поручений при дворцовом коменданте полковником фон Талем как бывшим комендантом императорского поезда в хронологической последовательности совершавшихся событий // Звезда. 2002. № 10. С. 183.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] По воспоминаниям С. Дулицкого, к охране Александровского дворца присоединился взвод лейб-гвардии Петроградского полка, отошедший из Петрограда в Царское Село. Однако вскоре взвод был отправлен командованием дворца в Петроград.

[6] *Дулицкий С.* Охрана царской семьи и революция 1917 г.: Дневник русского офицера. // Москва. 1997. № 3. С. 151.

[7] *Яковлев В. И.* Охрана царской резиденции. Л., 1926. С. 117.

[8] *Дулицкий С.* Охрана царской семьи и революция 1917 г. С. 152.

[9] *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 2001. С. 241.

[10] *Дулицкий С.* Охрана царской семьи и революция 1917 г. С. 153.

[11] *Таль Г. А. фон.* Мемуары об отречении от престола российского государя императора Николая II... С. 185.

[12] Там же.

[13] *Демидов И.* Царское Село 1 марта 1917 г. // Последние новости. Париж. 1927. 12 марта. № 2180.

[14] *Таль Г. А. фон.* Мемуары об отречении от престола российского государя императора Николая II... С. 186.

[15] *Вырубова А. А.* Неопубликованные воспоминания // Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 232.

[16] *Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 740–741.

[17] Часть конвойцев сопровождала императрицу Марию Федоровну до последних дней ее жизни. Вплоть до 13 октября 1928 года рядом с Марией Федоровной находился ее личный слуга казак Собственного конвоя Тимофей Ящик, прослуживший императрице около 20 лет. (См.: *Енсен Б.* Среди цареубийц. М., 2001. С. 204.)

[18] *Палеолог М.* Дневник посла. С. 741.

[19] Там же. С. 771.

[20] *Дулицкий С.* Охрана царской семьи и революция 1917 г. С. 154.

[22] Там же. С. 156.

[23] РГИА. Ф. 472. Оп. 58. (Доп. оп. 15). Д. 4.

[24] Там же. Ф. 475. Оп. 2. Д. 81.

[25] ГАРФ. Ф. 1907. Оп. 1. Д. 7. Л. 8; Ф. 6978. Оп. 1. Д. 805. Л. 22, 23, 25, 26; Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1632. Л. 9.

[26] После прихода к власти большевиков из императорских вагонов сформировали знаменитый поезд председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого. С конца 1920-х годов и до второй половины 1930-х годов в Петергофе в парке «Александрия», в рамках экспозиции, посвященной быту императорской семьи, экспонировались два царских вагона, в том числе вагон-салон, в котором 2 марта 1917 года Николай II подписал свое отречение от престола.

[27] ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 805. Л. 4–5.

[28] Там же. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 934. Л. 1–3.

[29] Обстоятельства отъезда А. Ф. Керенского известны из показаний адъютанта Управления заведующего автомобильной частью Петроградского военного округа Б. И. Книрша, данных военно-следственной комиссии Петроградского ВРК (См.: Прапорщик Б. И. Книрш. Об обстоятельствах бегства А. Ф. Керенского из Петрограда // Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 179–182).

[30] *Керенский А. Ф.* Гатчина. М., 1990. С. 12.

[31] *Басманов М. И., Герасименко Г. А., Гусев К. В.* Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996. С. 135.

глава 6

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1917–1941 ГОДАХ

С приходом к власти большевики, в свою очередь, столкнулись с необходимостью решения множества вопросов безопасности. Требовалось обеспечить надежную физическую охрану советского руководства и безопасность государственных органов власти и управления. Поскольку новое руководство провозгласило отказ от всего, что было связано с дореволюционным временем, это нашло отражение и в вопросах безопасности.

В первые дни в соответствии с директивами ЦК РСДРП(б) организация охраны правительственных учреждений и отдельных должностных лиц была возложена на Военно-революционный комитет. Охрану Смольного, где первоначально располагалось советское правительство, поручили солдатам пулеметного полка, матросам и рабо-`чим-красногвардейцам. У входа в приемную Председателя Совнаркома были поставлены двое часовых, для которых 27 октября 1917 года В. И. Ленин написал специальную инструкцию.

Первая инструкция для часового, стоящего у кабинета Совнаркома (часовых в ней называли «вестовыми»), имела всего несколько пунктов:

«1. Не пропускать никого, кроме народных комиссаров (если вестовой не знает их в лицо, то должен требовать билета, т. е. удостоверения от них).

Отряд вооруженной охраны у Смольного.
Октябрь 1917 г.

2. От всех остальных требовать, чтобы они на бумаге записали свое имя и в двух словах цель визита. Эту записку вестовой должен передать председателю и без его разрешения никого не пускать в комнату.

3. Когда в комнате никого нет, держать дверь приоткрытой, чтобы слышать телефонные звонки и приглашать кого-либо из секретарей к телефону.

4. Когда в комнате председателя кто-либо есть — держать дверь всегда закрытой»[1].

Руководителем комендатуры Смольного был назначен бывший матрос П. Д. Мальков.

19 ноября 1917 года Совнарком постановил «немедленно выписать в Петроград один латышский стрелковый полк»[2]. Для охраны советского правительства в ноябре в Латвии была сформирована Сводная рота латышских стрелков[3]. Каждый полк выделил по 40 стрелков и одному офицеру. 25 ноября в Петроград прибыл 6-й полк, а на другой день — Сводная рота. По воспоминаниям бывшего стрелка 6-го полка Э. Удриса, представители стрелков были приняты В. И. Лениным. Стрелкам Сводной роты была поручена внутренняя и внешняя охрана Смольного, советского правительства, кабинета В. И. Ленина. «Правда» 26 января 1918 года отметила, что благодаря бдительности латышской охраны удалось своевременно предотвратить попытку покушения на В. И. Ленина во время одной из его поездок по городу.

Посты стрелков Сводной роты и 6-го полка были выставлены также у Петроградского совета, казначейства, Таврического, Зимнего и Аничкова дворцов, Центральной телефонной станции, Народного комиссариата иностранных дел, редакций некоторых газет, ряда военных складов, на вокзалах и во многих других местах. Сводная рота Смольного была переименована в 1-й коммунистический отряд[4].

Сложная внутренняя и внешнеполитическая обстановка вынудила советское руководство начать формирование собственной системы государственной охраны, и здесь оказался востребованным опыт, накопленный в минувшее время. Осознание этого происходило постепенно, опиралось на собственную практику, возникавшую по мере реагирования на новые угрозы.

20 декабря 1917 года была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК (с августа 1918 года — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности — ВЧК).

Первое время охрана видных большевиков носила эпизодический характер. Даже Ленин часто посещал многолюдные митинги и демонстрации практически без сопровождения, и вся его охрана состояла из шофера и максимум пары чекистов. Во многом из-за такого

П. Д. Мальков

А. Я. Беленький (Хацкелевич)

отношения к безопасности течение первого после революции года жизнь Ленина неоднократно оказывалась под угрозой[5].

К концу 1917 года и в последующий период в России сложилась крайне напряженная обстановка. Гражданская война осложнялась выступлениями внутренней оппозиции, использованием тактики индивидуального террора против руководителей Советского государства. Все это поставило перед правительством Советской республики и, в первую очередь, перед руководством ВЧК вопрос о скорейшем создании специального подразделения, которое бы надежно осуществляло физическую охрану представителей высшего аппарата власти.

Эта функция была возложена на специальную группу охраны — оперативное отделение ВЧК при Президиуме ВЧК в составе 14 сотрудников. Сотрудники отделения под руководством А. Я. Беленького (с 1919 по 1924 год — начальник охраны Ленина), помимо выполнения охранных функций (обеспечение безопасности митингов и собраний), вели наружное наблюдение, а также боролись с бандитизмом и спекуляцией, как и все работники ВЧК. По инициативе Ленина сотрудники его личной охраны привлекались и к работе по борьбе с беспризорностью.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ — РЕЗИДЕНЦИИ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Крайне тревожная для существования советской власти политическая и военная ситуация подтолкнула Ленина в марте 1918 года к отъезду из Петрограда и переносу столицы в Москву. Резиденцией советского правительства стал Московский Кремль.

В отличие от Петрограда в Москве советская власть утвердилась с кровопролитными боями. Самые драматичные дни пришлись на 27 октября — 3 ноября 1917 года, когда развернулись уличные бои, а Кремль подвергся артобстрелу[6]. Приехавшее советское руководство застало свою новую резиденцию в плачевном состоянии. В ходе обстрела пострадали практически все кремлевские соборы, церкви, здания, стены и башни. После переезда новой власти предстояло решить множество проблем: от освобождения зданий и территории от прежних обитателей, налаживания хозяйственной жизни до обеспечения безопасности своей резиденции.

В Кремле не просто разместились высшие органы власти и управления — ВЦИК и Совнарком, а поселились на постоянное проживание высшее руководство государства, а также большое количество сотрудников аппаратов и обслуживающего персонала. Естественно, немедленно возникла необходимость организации охраны кремлевской территории и формирования системы безопасности высшего руководства. 12 марта 1918 года Я. А. Стрижак предписанием командующего войсками Московского военного округа (№ А/3725) был назначен комендантом Московского Кремля[7]. После прибытия в Москву П. Д. Малькова, задержавшегося в Петрограде по просьбе Г. Е. Зиновьева, согласно приказу №14 Революционного военного совета Республики (РВСР), он занял этот пост.

Охрану Кремля возложили на латышских стрелков: 1-й Коммунистический и 1-й Революционный отряды, которые охраняли Смольный в Петрограде. В то время эти латышские части назывались Сводным батальоном охраны Совета народных комиссаров и Автобоевым латышским отрядом[8]. Командирам этих двух отрядов (Лац и Берзин), которые стали помощниками назначенного коменданта Кремля П. Д. Малькова, вступившего в должность 26 марта 1918 года, поручили решение всех вопросов по обеспечению безопасности Кремля. 10 апреля 1918-го по распоря-

Я. А. Стрижак

Караул латышских стрелков.
Большой театр. 7 июля 1918 г.

жению Председателя Совнаркома В. И. Ленина они получили возможность произвести «осмотр подземных ходов Кремля»[9].

В марте — апреле 1918 года была проведена реорганизация старых латышских стрелковых полков в полки Красной армии[10]. В начале апреля 1-й Коммунистический отряд латышских красных стрелков, получил наименование 9-й Советский пролетарский полк, 1-й Революционный отряд отныне стал именоваться — 1-й Автобоевой отряд при ВЦИК. Кроме них к охране Арсенала в Московском Кремле, а также домов Советов с № 1 по № 4 и Большого театра вне территории Кремля привлекли караулы 1-го и 2-го Московских караульных полков при Московском окружном комиссариате по военным делам.

ВЦИК разработал для коменданта Кремля «Перечень проектируемых работ по устройству охраны и укреплению Кремля». Документ предписывал организовать «немедленное, правильное и точное распределение охраны в Кремле», строгое наблюдение на кремлевских стенах за окрестностями. Началось обустройство звонковой и телефонной сигнализации и связи, был устроен центральный боевой пост в башне Троицких ворот[11].

Первые несколько дней после приезда в Москву В. И. Ленин прожил в гостинице «Националь» (после революции получила название 1-й Дом Советов), откуда 19 марта 1918 года он переехал в третий Кавалерский корпус Московского Кремля. 28 марта он с женой Н. К. Крупской и сестрой М. И. Ульяновой занял квартиру на третьем этаже в бывшем здании Сената (корпус № 1), в котором расположились советское правительство и его аппарат, Малый Совнарком, Управление делами СНК и другие правительственные структуры. Рядом с залом заседания Совнаркома и квартирой В. И. Ленина был также расположен кабинет Председателя СНК. Именно здесь, в коридоре, соединяющем квартиру с кабинетом, был один из наиболее важных постов Московского Кремля (пост № 27 в корпусе № 1), на который первоначально заступили латышские стрелки.

Менее чем через три месяца латышским стрелкам пришлось на деле защищать «цитадель власти». К лету 1918 года обострение противоречий большевиков с партией левых эсеров привело к окончательному разрыву между ними. На V Всероссийском съезде Советов, открывшемся 4 июля в Большом театре, левые эсеры выступили против проводимой большевиками политики. Ситуация

достигла пика, когда 6 июля левый эсер Блюмкин убил германского посла Мирбаха. Это убийство послужило сигналом к мятежу, и Кремлю пришлось пережить немало тревожных часов.

Штаб эсеров находился в особняке Морозова в Большом Трехсвятительском переулке, совсем рядом с Кремлем. При первом же известии о начале мятежа по указанию В. И. Ленина была усилена охрана Кремля. 9-й латышский полк, составлявший гарнизон Кремля (925 стрелков), был приведен в боевую готовность, у всех четырех ворот Московского Кремля (Спасские, Боровицкие, Троицкие и Никольские) выставлены взводные посты, три роты с пулеметами поставлены на стены, а две оставались в резерве. Левоэсеровскую фракцию V съезда Советов (353 человека) арестовали латышские стрелки, охранявшие съезд[12].

Лидер фракции левых эсеров М. А. Спиридонова

Уже вечером 6 июля латышские стрелки 9-го полка заняли телефонную станцию, а в ночь на 7 июля вместе с отрядом интернационалистов под командованием Белы Куна участвовал во взятии телеграфа, где захватили бронемашину и много пленных. Ближе к полуночи 6 июля к подавлению левоэсеровского мятежа подключился и 1-й Автобоевой отряд ВЦИК.

К 2 часам ночи 7 июля части, выделенные для подавления левоэсеровского мятежа, были стянуты к храму Христа Спасителя и Страстной площади. В их составе было 720 штыков, 12 орудий, 4 броневика, 72 конных разведчика, пулеметная команда в 40 человек.

Наступление сил большевиков началось на рассвете 7 июля. Латышские стрелки, которыми командовал И. И. Вацетис, сомкнули кольцо вокруг штаба левых эсеров. В 11 часов утра артиллеристы легкого латышского артиллерийского дивизиона под командованием Э. Берзиня на руках подкатили орудия на 200 шагов от штаба мятежников и прямой наводкой разгромили его. Мятеж был полностью подавлен[13].

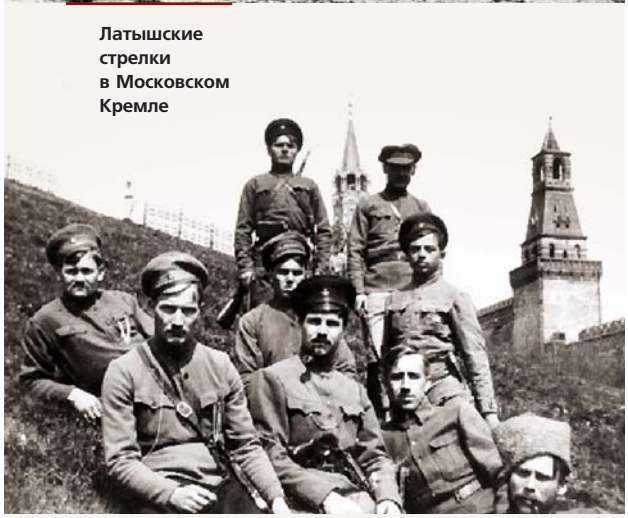
Организация надежной охраны Кремля требовала разрешения целого комплекса проблем: технического и военного оснащения, решения хозяйственных вопросов, привлечения надежных людей.

Как уже упоминалось, в соответствии с указаниями ВЦИКа о скорейшем усовершенствовании охраны Московского Кремля был проведен ряд работ.

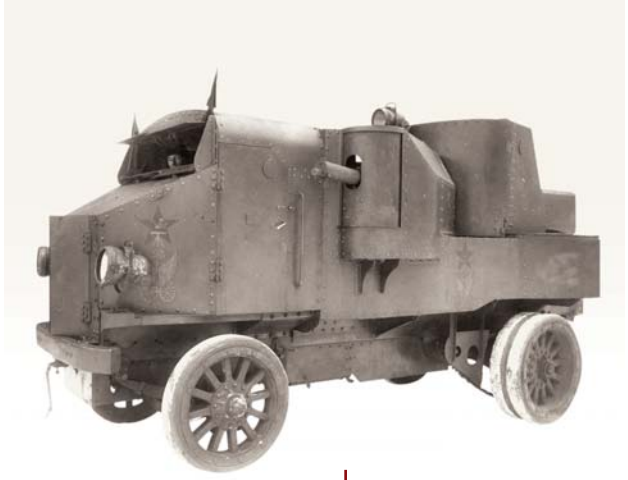
Оборону Кремля существенно укрепили установкой трех «противоаэропланных» орудий и размещением трех броневиков. Между находившимися в Кремле командами и отрядами распределили действия на случай объявления тревоги и других оперативных мероприятиях. По окончании десятидневных работ по устройству охраны и сигнализации по всей территории Кремля была введена постоянная караульная служба в соответствии с новыми служебными инструкциями. Для проверки системы охраны провели даже учебную ночную тревогу[14].

Коменданту Кремля предписывалось также «предпринять путем приобретения продовольственных припасов сконцентрирование продуктов для имения в распоряжении неприкосновенный запас провизии на всякие случайности. Существующую в настоящее время в Кремле хозяйственную комиссию по продовольствию упразднить»[15].

Но это были лишь самые первые шаги на пути создания системы охраны Кремля и организации безопасности высшего руководства страны. Возникали самые



Латышские стрелки в Московском Кремле



Броневик 1-го Автобоевого отряда ВЦИК

разнообразные трудности: от объективных (тяжелая экономическая ситуация и хозяйственное положение) до многочисленных субъективных причин. Не последнюю роль играло то, что отношения коменданта Московского Кремля П. Д. Малькова с руководством латышских красных стрелков были довольно натянутыми еще с декабря 1917 года, когда подразделения латышских стрелковых полков привлекли к охране Смольного. Так, 11 декабря ему была передана следующая выписка из протокола, состоявшегося в тот день заседания комитета латышских полков: «Ввиду того что часто требуется Вами экстренный выезд латышских стрелков на обыски и аресты, что нами охотно исполняется, но со стороны Автомобильного отдела явно видна задержка выезда (саботаж), которая выражается несвоевременным отпуском автомобиля, почему приходится часами ждать, что вредит делу, а также волнует стрелков, мы просим Вашего распоряжения, чтобы впредь такой задержки не было. В противном случае на выезды людей не дадим» (орфография оригинала)[16].

Трения не исчезли и после переезда в Москву. Один из таких эпизодов произошел сразу после приезда: «Не успел я толком побеседовать с товарищами, расспросить, как идут дела, не успел выяснить, как встретили и разместили прибывших со мной из Питера латышских стрелков, как они сами напомнили о себе. Дверь неожиданно распахнулась, и в комендатуру ввалилось человек десять-пятнадцать латышей. Все с винтовками... Оказалось, что, когда усталые после утомительного переезда из Петрограда и пешего марша по Москве, донельзя проголодавшиеся латышские стрелки прибыли в Кремль и обратились к Стрижаку (и. о. коменданта до Малькова. — *Ред.*) с просьбой накормить их, он отказался выдать предназначенные для них консервы, сославшись на кем-то не соблюденную формальность — не так оформленную ведомость. Всегда спокойные, выдержанные, но не терпевшие непорядка и несправедливости, латыши возмутились, тем более что их товарищи, прибывшие в Москву раньше, сообщили, что консервы у Стрижака есть. Латышские стрелки собрали тут же митинг и приняли решение: объявить Стрижака саботажником и как саботажника арестовать.

Говорили латыши спокойно, держались уверенно. Нет, по их мнению, они не анархисты, самоуправством не занимаются. Действуют согласно революционным законам: единогласное решение общего собрания — закон. Суть не в консервах, а в том, что Стрижак — саботажник, разговор с саботажниками короткий...

Разобравшись, наконец, в чем дело, я вызвал интенданта и велел ему немедленно выдать латышским стрелкам консервы, а латышей разнес на чем свет стоит. Хороша, говорю, законность, нечего сказать! Собрались, погалдели и на тебе — арестовать. Будто ни командования, ни советской власти, ни порядка нет. Самая настоящая анархия!»[17]

Ситуация разрешилась к осени 1918 года, когда присутствие латышских стрелков стало остро необходимым на фронте. Была достигнута следующая договоренность: «9-й полк, находящийся в Кремле, сейчас целесообразно из Кремля перевести в казармы Александровского училища, а вместо 9-го полка для несения караульной службы в Кремль перевести 2-й Латышский стрелковый советский полк, ныне находящийся в лагерях»[18]. С такой просьбой комиссар Латышской стрелковой дивизии К. Петерсон обратился к Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову.

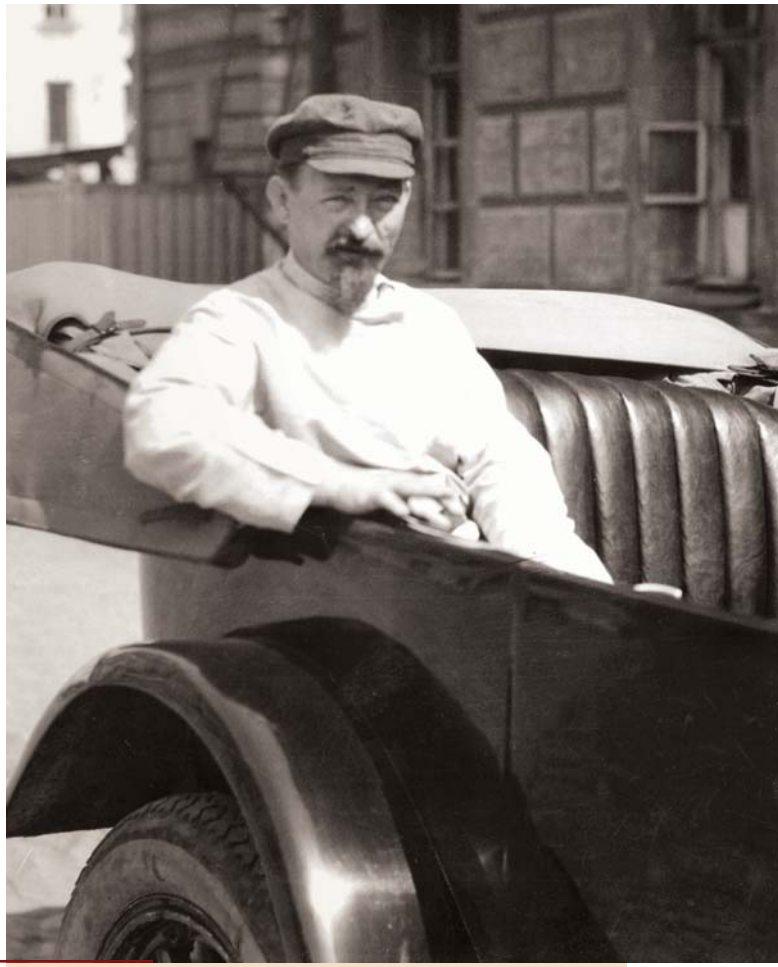
По словам Малькова, именно Свердлов предложил не менять один полк на другой, а заменить латышские подразделения на курсантов пулеметных курсов: «...курсанты будут и охрану Кремля нести, и учиться, вот и не заскучают. Кроме того, состав на курсах переменный — одни окончили, ушли, другие пришли, так что караульная служба никому не успеет набить оскомину»[19].

Первые подразделения латышских стрелков начали уходить на фронт в августе 1918 года, а их место в караулах и казармах Кремля постепенно заняли курсанты Московских пулеметных курсов.

К лету 1918 года Кремль стал одним из самых густонаселенных «районов» столицы. В это время в Московском Кремле постоянно проживало более 1100 человек, из которых 450 вселились после революции. Естественно, после приезда советского правительства из Кремля немедленно стали выселяться и уплотняться бывшие придворные служащие и священнослужители, взамен их вселялись «свои» люди. К концу 1920-го в Кремле уже было прописано более 2100 человек в 325 квартирах и помещениях[20].

Жители «Кремлевского холма» заняли все хоть сколько-нибудь пригодные для проживания помещения. Всего на территории Московского Кремля было 23 здания (с номерами корпусов) и большое количество построек без номеров.

Проживали в Константиновской, Тайницкой и других башнях, во всех кремлевских соборах и монастырях, при действующих церквях и даже в колокольне Ивана Великого. Даже в корпусе № 1, где разместились ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет, высший, распорядительный и законодательный орган государственной власти между съездами Советов, Совет народных комиссаров, правительство Советской России и на 3-м этаже которого проживал В. И. Ленин, 262 жильца занимали полуподвал. Количество советских служащих, ежедневно приходивших на его территорию, вместе с жителями Кремля доходило до 5 тысяч человек. Кроме ВЦИК и СНК здесь размещалось множество учреждений и организаций: Наркомюст, Казачий отдел, Наркомпрос, Комендантское управление, Автобоевой отряд ВЦИК, Особый гараж Совнаркома (впоследствии Гараж особого назначения), приемные ВЦИК и СНК, различные комиссии и т. д.[21]



Ф. Э. Дзержинский

В. И. Ленин и В. Д. Бонч-Бруевич.
1918 г.

П. Д. Мальков (в центре) с сотрудниками комендатуры Московского Кремля

Главной улицей в Кремле стала Дворцовая, или как ее переименовали большевики — Коммунистическая, на которой поселилось большинство новых руководителей. Если следовать по Дворцовой улице от Троицких ворот, то справа начинались дома, примыкающие к Потешному дворцу. На этой стороне в разные годы жили И. В. Сталин (1921–1937), А. И. Рыков (1924–1936), Ф. Э. Дзержинский, К. Е. Ворошилов, В. Р. Менжинский, А. Д. Цюрупа, А. В. Луначарский и др. С левой стороны улицы находился Кавалерский корпус, в котором проживали В. И. Ленин (март — июль 1918 года), Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин (1918–1919), В. Д. Бонч-Бруевич, М. И. Калинин, В. М. Молотов (1924–1956), Г. Е. Зиновьев, А. И. Микоян. За проходом под галереей Зимнего сада Большого Кремлевского дворца в Детской половине дворца находились квартиры Я. М. Свердлова, А. И. Рыкова (1919–1924), в последующем Л. М. Кагановича. Напротив Детской половины, рядом с Оружейной палатой, в Апартаментах БКД проживали А. И. Рыков и К. Е. Ворошилов (1925–1962). Кроме высших советских руководителей на территории Кремля проживали работники государственных учреждений, военнослужащие, а также шоферы и сотрудники гаражей и многие другие[22].

Постепенно на территории Кремля сложилась необходимая инфраструктура для обеспечения проживавших и работавших в нем: столовые, лазарет, амбулатория, аптека, баня, прачечная, ясли, два детских сада и проч. Однако чтобы этот сложный «организм» мог слаженно функционировать, необходимы были четкий внутренний порядок и система безопасности. В условиях острейшего экономического и хозяйственного кризисов, а главное жесточайшей гражданской войны это было непростой задачей.

КУРСАНТЫ НА ОХРАНЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Когда по мере обострения военной обстановки встал вопрос о замене латышских стрелков, прорабатывалось несколько вариантов. Еще в начале мая 1918 года, по представлению Л. Д. Троцкого, Президиум ВЦИК поручил будущему коменданту Московского Кремля Р. А. Петерсону подыскать помещения в Кремле для размещения Образцового Советского полка специального назначения при ВЦИК. В его положении говорилось, что «он организуется с целью создания опытных кадров опытных руково-

дителей и военных инструкторов по подготовке отрядов социалистической армии. При Советском полку организуются двухмесячные курсы. Слушатели курсов никакого денежного довольствия не получают и всецело находятся на денежном содержании ВЦИК. Караульная служба в Кремле членами Образцового Советского полка несется по утвержденному заранее плану, а все распоряжения начальника полка исполняются беспрекословно»[23]. В итоге это начинание не было реализовано, и военнослужащие Образцового Советского полка специального назначения при ВЦИК в Кремле так и не появились. Зато стал активно прорабатываться вариант возможного дислоцирования в Московском Кремле 1-х Московских Советских пулеметных курсов.

Курсанты 1-х и 2-х Московских Советских пулеметных курсов командного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА)[24] заявили о себе в дни левоэсеровского мятежа, когда приняли участие в его подавлении и преследовали разрозненные группы восставших на окраинах столицы и в Подмосковье. Из числа курсантов погиб только один человек — Федор Антонов.

1 июля 1918 года вышел приказ № 116 главного комиссара всех военно-учебных заведений Российской Республики, в котором говорилось о необходимости объединения 1-х и 2-х «инструкторских пулеметных курсов» (школ)[25]. Через несколько дней 1-я и 2-я Московские пулеметные школы объединили «в одно военно-учебное заведение», получившее название 1-е Московские Советские пулеметные курсы командного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии. Уже 24 июля 1918 года появился приказ № 151/а главного комиссара Военно-учебных заведений Российской Республики, который гласил: «1-е Советские Московские пулеметные курсы по подготовке командного состава РККА считаю открытыми в городе Москве с 24 сего июля»[26]. 25 июля 1-е Московские пулеметные курсы выступили в лагерь бывшего военного училища на Ходынке, срок обучения на них как для подготовительных, так и для специальных «классов» составлял 4 месяца[27].

8 августа приказом народного комиссара по военным делам № 522 были утверждены временные штаты Кремлевских курсов в количестве 327 военнослужащих и лиц вольнонаемного состава. В их числе, наряду с руководителями, значились 27 инструкторов (преподавателей), 169 курсантов, 46 прикомандированных, 19 человек составляли музыкальный хор (музыкальную команду), 58 человек обслуживали курсы[28].

Первый караул в Кремле от курсов был назначен в декабре 1918 года. Первым дежурным по караулам стал С. В. Искржицкий, который позднее был назначен начальником строевого отдела Школы ВЦИК[29]. В караул заступали через день, курсанты приходили в Кремль из Аптекарского переулка, что в условиях транспортного кризиса означало преодолевать расстояние в несколько километров пешком. Вскоре стало очевидно, что такая удаленность курсов от места несения караульной службы неудобна.

В начале 1919 года 1-е Московские Советские пулеметные курсы командного состава РККА переехали Московский Кремль и разместились в старом здании Оружейной палаты, служившей казармой (корпус № 3), располагавшейся у Троицких ворот на месте современного Государственного Кремлевского дворца. Как вспоминал один из руководителей курсов Г. Д. Кудря, участвовавший в переезде, «под классы и другие службы занимали помещения бывших Чудового и Вознесенского монастырей»[30]. Личный состав курсов был доведен до 1000 человек в количестве 6 рот в составе 2-х пулеметных дивизионов[31].

Классные занятия проходили в помещениях части первого и всего третьего этажа Малого Николаевского (Кремлевского) дворца (корпус № 16), располагавшегося на Ивановской площади. Курсы имели два отделения: подготовительное и специальное (военное). Предметы и темы подготовительного отделения: русский язык, история, природоведение, география, арифметика, геометрия, политграмота, гигиена, материальная часть пулемета. На специальном отделении курсанты изучали: материальную часть пулеметов систем «Кольт» и «Максим», стрелковое наставление по пулеметному делу, топографию, тактику, политграмоту, артиллерию, фортификацию и иппологию (наука о лошади — *Ред.*)[32].

11 декабря 1918 года приказом главного комиссара ВУЗ заведующим 1-ми Московскими советским пулеметными курсами командного состава был назначен Ф. Ф. Иванов.

Процесс замены латышских стрелковых полков растянулся на несколько месяцев. Начиная с октября 1918 года из Кремля постепенно выводились подразделения латышских стрелков, а курсанты 1-х и 2-х Московских пулеметных курсов поочередно стали стажироваться на постах, заступать в караулы и нести службу по охране Московского Кремля.

К весне 1919 года на постах охраны Московского Кремля курсанты 1-х Московских Советских пулеметных

Курсанты в перерыве между занятиями

Строевая подготовка курсантов на плацу

курсов командного состава РККА окончательно сменили латышских стрелков. Это название закрепилось за пулеметными курсами в январе 1919 года, когда, на основании приказов Всероссийского главного штаба № 2 от 4 января 1919 года и главного комиссара военно-учебных заведений № 307/10 от 13 января 1919 года, 1-е и 2-е Московские пулеметные курсы[33] объединили в одно учебное заведение, определив их местонахождением Московский Кремль. Штаты курсов были увеличены до 1000 человек. На оборудование 1-х Московских советских пулеметных курсов было выделено 100 000 рублей[34]. Начальником курсов был назначен Л. Г. Александров, а 16 января комиссаром курсов стал Ш. Д. Данелиа, заместителем комиссара — бывший комиссар 2-х Московских советских пулеметных курсов М. С. Японьский. Реорганизация и слияние курсов продолжались в течение всего января 1919 года.

Передислокация в Московский Кремль потребовала существенного изменения как внутреннего распорядка пулеметных курсов, так и необходимости привыкнуть к ответственной постовой и караульной службе. Когда курсанты появились в Кремле, его внутренний распорядок, режим охраны, как собственно и сама комендатура, находились еще только в стадии становления.

После левоэсеровского мятежа в дополнение к имеющимся караулам комендатуры Кремля начали выставлять и специальный караул ВЧК как у кабинета Председателя Совнаркома, так и у квартиры В. И. Ленина. Таким образом, в Кремле сложилась необычная ситуация. Два вооруженных караула: один от ВЧК, подчиненный председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому, другой сначала от латышских стрелков, потом от пулеметных курсов, подчинявшийся коменданту Кремля, — обеспечивали безопасность в одних и тех же местах, а подчинялись разным начальникам. Задача сотрудников Оперативного отделения при Президиуме ВЧК состояла в охране кабинета и квартиры В. И. Ленина в корпусе № 1 (а с января 1920 г. и квартиры Л. Д. Троцкого (№ 5) в Кавалерском корпусе)[35]. Такое положение требовало четко разграничить сферу деятельности каждого подразделения, чтобы они не наступали «на пятки» друг друга, но при этом в организации охраны не осталось слабых звеньев. Такая многосторонняя организация охраны являлась источником многочисленных межведомственных трений. Комендант Кремля совместно с руководством кремлевских учреждений пытался искать пути выхода из этого административного кризиса, но никто не хотел уступать. О накале ситуации свидетельствует тот факт, что только в период с октября по декабрь 1919 года П. Д. Мальков четыре раза обращался с просьбой об освобождении его от должности коменданта Кремля и направлении на фронт[36].

Заметной вехой в формировании системы охраны Московского Кремля стало появление первого положения о коменданте Московского Кремля 1919 года[37]. Этот документ разработал начальник гарнизона города Москвы. В нем подтверждалось, что комендант Кремля всецело зависит и подчиняется исключительно Президиуму ВЦИК,

Очередной выпуск красных командиров

а все войсковые части, находящиеся в Кремле, полностью подчиняются ВЦИК.

Согласно положению, в ведении коменданта находились: Московский Кремль, дома Советов (с № 1 по № 4), Большой Государственный театр. В обязанности коменданта Московского Кремля входило наблюдение за сохранением расположенными в Кремле войсками дисциплины и наружного порядка, правильным несением службы, исправным содержанием арестованных на гауптвахте (в Главном карауле). Кремлевский комендант никаких хозяйственных функций не исполнял. Положением подтверждалось, что ему подчинялись все караулы в Кремле. Главный караул назначался от Московских Советских пулеметных командных курсов, караулы для охраны кремлевских стен и Арсенала — от караульных батальонов г. Москвы. Тогда же комендатуру Московского Кремля включили в перечень военных объектов (укрепленная крепость «Московский Кремль») на правах самостоятельного восьмого сектора Московского окружного комиссариата по военным делам[38].

Потребовалось время для налаживания караульной службы на нужном уровне, и курсантам не сразу удалось привыкнуть к новому порядку и особенностям своих новых служебных обязанностей. Комендатура Кремля с пониманием относилась к этому, что отразилось в приказе П. Д. Малькова от 1 февраля 1919 года № 24: «Принимая во внимание особую важность охраны Кремля и с целью дать возможность командному составу курсов во всех подробностях ознакомиться с порядком несения курсантами караульной службы в Кремле, поручаю т. Александрову, Добрынину и командирам батальонов проверять посты и караулы охраны Кремля, распределяя между собой время проверки по своему усмотрению»[39]. На первых порах случались и серьезные происшествия: например, как следует из одного рапорта, во время дежурства с 6 на 7 февраля 1919 года из караульного помещения 12 курсантов самовольно ушли домой[40].

14 февраля 1919 года появился первый приказ по 1-м Московским советским пулеметным курсам командного

состава РККА, в котором был утвержден новый распорядок «жизни на курсах».

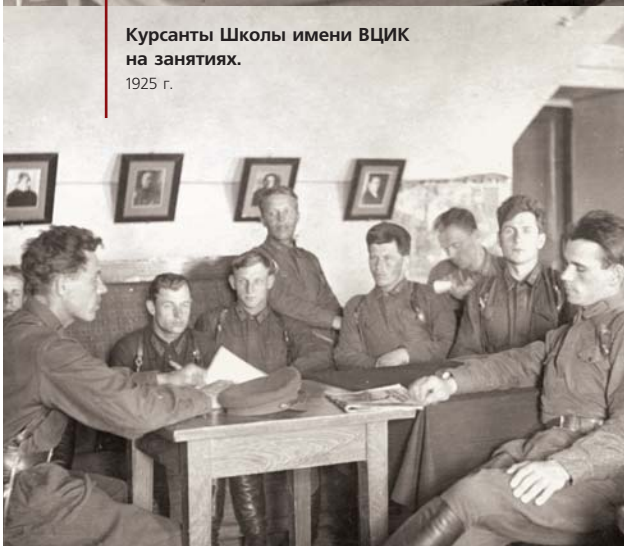
С 7 апреля 1919 года смену и развод караулов установили на 19 часов[41].

Одна из основных обязанностей курсантов заключалась в четком соблюдении и обеспечении пропускного режима. Кремлевскую территорию ежедневно посещали сотни людей, кроме этого, происходила постоянная ротация среди проживавших в Кремле. Для примера, только за 1919 год комендатура выселила из Кремля более 1000 человек, прописав в него четыре сотни новых жителей. В то время в учреждениях Кремля работали 2238 человек, на пулеметных курсах учились более 1200 человек. В среднем ежемесячно для прохода к проживающим в Кремле и посетителям кремлевских учреждений выписывалось 4000 пропусков. Всего за 1919 год было выдано более 40 тысяч пропусков[42]. О Московском Кремле в первые годы советской власти дает представление небольшой отрывок воспоминаний его коменданта: «Немало хлопот доставляло мне первое время кремлевское население. Кого только тут не было весной 1918 года! В Кремле жили и бывшие служители кремлевских зданий со своими семьями — полотеры, повара, кучера, судомойки и т. д., — и служащие некогда помещавшихся в Кремле учреждений... Целый квартал, тянувшийся от Спасских ворот до площади перед колокольней Ивана Великого и от плаца до здания Судебных установлений, был застроен тесно лепившимися друг к другу двух-трехэтажными домами и домишками, заселенными до отказа. Полно было жильцов и в небольших зданиях, расположенных во дворе Кавалерского корпуса. Что это был за народ, пойди разбери, во всяком случае, их пребывание в Кремле необходимостью не вызывалось... От этих монахов мне просто житья не было, что ни день, то что-нибудь новое. Мало того, что они сами не внушали никакого доверия, что в гости к ним ходила самая подозрительная публика, они и того хуже удумали: организовали розничную торговлю пропусками в Кремль, поставив дело на широкую ногу»[43].

Согласно приказу коменданта Московского Кремля от 8 апреля 1919 года № 57 на территории действовал следующий пропускной режим: «В Кремль пропускать по дневным темно-желтого цвета, по ночным пропускам синего цвета — пропускать в Кремль в Совнарком и ВЦИК только днем по пропускам розового цвета, пропускать в Кремль днем и ночью по членским билетам Президиума ВЦИК красного цвета, временный пропуск Совнаркома

Огневая подготовка курсантов.
Тайницкий сад. 1927 г.

Курсанты Школы имени ВЦИК на занятиях.
1925 г.



за подписью тов. Ленина, по пропускам Совета народных комиссаров светло-розового цвета, по членским билетам ВЦИК красного цвета — эти пропуска действительны также для прохода в Совнарком и ВЦИК. Пропускать в Кремль и ВЦИК только днем по пропускам для сотрудников ВЦИК зеленого цвета, по разовым пропускам пропускать только в Кремль. По разовым пропускам в здание Рабоче-Крестьянского правительства пропускать как днем, так и ночью»[44].

Охрану кремлевской территории обеспечивали десятки караульных постов на стенах, снаружи и внутри зданий. В Кремле для проезда имелись Спасские, Боровицкие, Троицкие и Никольские ворота, однако первые месяцы после переезда из Петрограда пользовались для проезда только Троицкими, все остальные были закрыты[45]. Приказом коменданта Кремля 25 апреля 1919 года № 93 был установлен иной порядок проезда и прохода: «1. С понедельника 28 сего апреля Троицкие ворота будут открыты только для прохода публики, Боровицкие же ворота откроются исключительно для проезда автомобилей, мотоциклов, ломовых подвод и других транспортов...»[46] Выписка из приказа коменданта Кремля от 6 апреля 1920 года: «Главный пост № 10 у Спасских ворот расставить следующим порядком: одного часового поставить с внутренней стороны ворот (в Кремле), а другого с наружной стороны (вне Кремля). Коменд[ант] Кремля Мальков»[47].

Согласно изменениям, внесенным в «Положение об организации комендатуры Кремля» 5 января 1920 года: «Наружная и внутренняя охрана Кремля, 4 Домов Советов[48], Большого театра и Арсенала — охрана, организованная по уставу Гарнизонной службы; причем эта охрана осуществляется при беспрерывности службы связи — сетью телефонов и сигнализаций». На комендатуру также возлагалась:

«...2. Охрана движимого и недвижимого имущества Кремля, равно государственных ценностей кладовых Народного банка, ВЦИК и Оружейной палаты.

3. Специальная охрана Председателя Совнаркома, организованная сигнализациями, особым штатом коммунистов и т. д.

4. Общее наблюдение за дисциплиной и распорядком Пулеметных курсов, находящихся в Кремле; совместная и беспрерывная работа с ячейками этих курсов.

5. Наблюдение за всеми проходящими и проживающими в Кремле лицами; выполнение постановлений о выселении ненадежных лиц из Кремля и устройства их на частных квартирах и переселения в Кремль советских и партийных работников...»[49]

В августе 1919 года, в соответствии с решением пленума ЦК РКП, ВЦИК своим постановлением назначил ревизию охраны Московского Кремля. Проверка установила, что в это время в Московском Кремле охрана осуществляется тремя воинскими караулами. Главный караул по внутренней охране объекта (входы в Кремль и посты на территории и в отдельных зданиях) снаряжался от 1-х Советских Московских пулеметных курсов командного состава РККА. Во внешний караул (стены и башни Московского Кремля) и в Арсенал Кремля заступали военнослужащие от караульных полков Московского военного округа. Внешний караул подчинялся коменданту города Москвы, караул в Арсенале — комиссару Московского артиллерийского склада. Непосредственно коменданту Московского Кремля, на которого была возложена ответственность за охрану его территории, подчинялся только караул курсантов. Когда 19 августа 1919 года комиссия провела ночную проверку организации охраны Кремля, то П. Д. Мальков смог поднять по тревоге только подчиненный ему караул, а также для усиления личный состав пулеметных курсов.

По итогам проверки, комиссия подготовила доклад о состоянии охраны Московского Кремля, в котором отмечалась надежность караула от 1-х Советских Московских пулеметных курсов командного состава РККА. В то же время было зафиксировано, что совершенно отсутствовали инструкции часовым кремлевских караулов, а имеющиеся были недостаточно проработаны. Примером стала выписка из обязанностей поста № 8-а (охрана у входа в квартиру В. И. Ленина). В инструкции сказано, что «часовой пропускает вышеупомянутых товарищей свободно (Ленина и членов его семьи. — *Ред.*) при предъявлении мандата, но никого, даже по их просьбе, в квартиру не пропускает». Эта часть инструкции вводила часового в заблуждение. Комиссия также высказала предложения, многие из которых впоследствии были реализованы. Это подчинение всех караулов на территории Московского Кремля его коменданту, разработка новых инструкций для караулов, уменьшение количества видов пропусков для входа на его территорию, разработка положения о коменданте Кремля, усиление связи с постами и установка тревожной сигнализации. Президиум ВЦИК, рассмотрев в сентябре 1919 года на своем заседании вопрос о состоянии охраны Кремля, отметил: «Комендант Кремля всецело зависит и подчи-

няется исключительно Президиуму ВЦИК; все войсковые части находятся в Кремле в полном подчинении ВЦИК»[50].

5 апреля 1920 года был назначен новый комендант Кремля — Р. А. Петерсон. Еще в январе Мальков вновь просил освободить его от должности, однако тогда решение не состоялось.

Несмотря на все сложности, которые испытывали курсы, кремлевские курсанты вполне успешно выполняли возложенную на них функцию охраны Кремля. За два года на курсах состоялось 15 выпусков (6 — в 1919-м; 9 — в 1920-м), более 1400 курсантов стали красными командирами[51]. После окончания гражданской войны было принято решение об их реформировании. 3 февраля 1921 года постановлением Президиума ВЦИК курсы были преобразованы в школу, которая получила наименование 1-я Советская объединенная военная школа РККА имени ВЦИК Советов. 17 февраля того же года Реввоенсовет приказом объявил распоряжение Главного управления военно-учебных заведений о реорганизации бывших пулеметных курсов в «Школу имени ВЦИК»[52].

С окончанием гражданской войны перед подразделениями, отвечающими за безопасность советского руководства и его резиденции — Московского Кремля, были поставлены задачи, требующие совсем иного уровня профессионализма. Приемлемые в предшествующий период формы организации охраны в новых реалиях, когда большевистскому правительству не только удалось удержать власть, но и встать на путь государственного строительства, итогом которого стало образование Союза ССР, уже не могли обеспечить необходимый уровень безопасности.

На протяжении 1920-х — первой половины 1930-х годов менялось и расширялось наполнение самого понятия «безопасность», усложнялась и оттачивалась система охраны первых лиц государства. Одним из главных итогов этого переходного периода явилось образование специального войскового подразделения охраны — Полка специального назначения.

Начальником 1-й Советской объединенной военной школы имени ВЦИК назначили Леонида Григорьевича Александрова, который с 1919 года занимал должность начальника 1-х Московских советских пулеметных курсов. По состоянию на август 1921 года в начальствующий состав Школы имени ВЦИК кроме начальника входили: комиссар — С. Д. Петропавловский, помощник комиссара школы — Ф. Цветков, адъютант — Ю. А. Иванович, секретарь комиссара — М. А. Ингбер, заведующий хозяйством — М. И. Борок, помощник заведующего хозяйством — Г. Д. Кудря, заведующий оружием — М. И. Борок, помощник заведующего учебной частью — А. П. Головин, начальник строевой части — С. В. Искржицкий. По состоянию на 1 сентября 1921 года личный состав 1-й Советской объединенной военной школы имени ВЦИК включал: командный состав — 128 человек, административно-хозяйственный — 46, преподавателей — 156, курсантов — 2124, красноармейцев в карантине — 190, красноармейцев — 1126, музыкантов — 66, прикомандированных — 107, Автобоевой отряд Кремля — 73; всего 4016 человек[53]. С 22 октября 1921 года начальником и комиссаром Школы ВЦИК был назначен Петр Михайлович Лашук[54], руководивший ею вплоть до 1 февраля 1929 года.

Все занятия в школе проводились на территории Московского Кремля, для чего отвели специальные места. Так, тренировки по физической подготовке проводились на площади Плац-парад, сейчас в этом месте Большой сквер, и в Тайницком парке. Там же, в Тайницком парке, проводились тренировки (тренажи) по стрельбе и боевые стрельбы из револьверов. Строевые занятия проходили на Императорской (так называлась площадь перед Служебным входом в Оружейную палату и перед аркой при въезде в ГОН) и Каляевской (бывшая Сенатская. — *Ред.*) площадях. На Каляевскую площадь (между углом Арсенала и корпусом № 1) выходил фасад старого корпуса Оружейной палаты (корпус № 3), где размещались основные казармы.

30 января 1922 года ВЦИК принял решение, которое во многом определило дальнейшее развитие этого военного учебного заведения: «О приписке к ВЦИК 1-й Объединенной военной школы». С этого времени ВЦИК стал считаться «шефом 1-й Объединенной военной школы».

13 февраля 1922 года Президиум ВЦИК постановил: «Поручить Секретариату ВЦИК наметить и утвердить состав комиссии ВЦИК при Военной школе в Кремле. Поручить вновь избранной комиссии выяснить наиболее неотложные нужды Военной школы и поручить Секретариату удовлетворить эти нужды в пределах 10 миллиардов рублей». К этому времени артиллерийский склад из Арсенала был полностью переведен в Подмосковье, и в этом здании были оборудованы казармы и подсобные помещения школы, а также различные хозяйственные кремлевские службы (по линии ВЦИК и СНК. — *Ред.*) с их

Курсанты Школы имени ВЦИК.
1920-е гг.

многочисленными мастерскими и складами. Через неделю, 20 февраля, по докладу комиссии «Об ассигновании 15 миллиардов рублей Военной школе при ВЦИК (внесено т. Петерсеном)» ВЦИК вынес положительное решение. В сентябре 1922 года строительно-технический отдел ВЦИК приступил к реставрационным работам фасадной части Арсенала «со снятием орлов и заменой их советским гербом»[55].

В июле 1922 года комендант Московского Кремля представил в Организационное бюро ЦК РКП, Председателю Революционного военного совета республики Л. Д. Троцкому и Президиуму ВЦИК обстоятельный доклад о состоянии 1-й Объединенной Советской военной школы РККА имени ВЦИК Советов. В документе отмечалось, что командный, преподавательский, административно-хозяйственный составы, курсанты школы и батальон красноармейцев работают, проходят обучение и несут службу в напряженном режиме. По всем направлениям обеспечения: расквартирования, выделения продовольствия, обмундирования (в том числе ремонта обуви и форменной одежды), канцелярских принадлежностей, — дела налаживаются[56].

Основная обязанность курсантов Школы ВЦИК, как и старых пулеметных курсов, помимо учебы по-прежнему заключалась в несении караульной службы в Кремле. Ежедневно формировался наряд на охрану Кремля: караулы выставлялись в здании Рабоче-Крестьянского правительства, по территории и на стенах Кремля, назначались дежурный по караулам, его помощник, караульный начальник главного караула (охрана входов в Кремль и его территории) и его помощники, караульный начальник здания Рабоче-Крестьянского правительства и его помощ-

Караул от Школы имени ВЦИК по охране временного Мавзолея В. И. Ленина

ник, караульный начальник и его помощник по караулам по стенам. Кроме этого, был и так называемый «домашний наряд» — по школе ВЦИК.

Помимо назначения в гарнизонный караул по охране Кремля, дополнительно назначались парные дозоры, которые проверяли «бдительность» службы на постах. В их обязанность также входила проверка документов на территории Кремля у всех в ночное время после 23 часов. После смены постов разводящие приводили часовых в караульное помещение, которое находилось под Грановитой палатой, где очередные смены отдыхали на топчанах перед заступлением в караул.

Находясь на постах, курсанты должны были четко исполнять инструкции, выполнять правила допуска в те или иные места на территории Кремля и помещения. Курсантам приходилось сталкиваться с ситуациями, когда некоторые жители отказывались соблюдать установленный порядок и игнорировали курсантов. Видимо, на определенном этапе эта ситуация стала серьезным препятствием для надлежащего исполнения курсантами караульной службы, о чем говорит появление следующего документа. Приказ коменданта Кремля от 12 ноября 1921 года № 258 (приказ по Школе ВЦИК 14 ноября 1921 года № 248): «Ввиду случаев невыполнения законных требований часовых лицами, проходящими в Кремль и учреждения, находящиеся в Кремле, настоящим от имени Президиума ВЦИК приказываю Вам за неисполнение этих требований производить арест нарушающих их, независимо от занимаемой ими должности...»[57]

По вопросам внутреннего распорядка и несения караульной службы в Кремле личный состав 1-й Советской объединенной военной школы РККА имени ВЦИК Советов входил в подчинение коменданта Московского Кремля, на котором лежала вся полнота ответственности за организацию охраны и безопасность объекта. В марте 1922 года комендант Кремля Р. А. Петерсон получил выговор от гла-

вы государства В. И. Ленина. Он стал единственным комендантом Московского Кремля, получившим выговор такого уровня, а причиной этому явилось поведение часового. «...Сегодня около 10 ¾ часов вечера я проходил мимо того поста, пост «Б», где я беседовал с Вами на днях (пост внутри здания — тот пост «А», пост, который находится рядом с постом у наружных ворот). После того, как я, гуляя, прошел мимо этого поста второй или третий раз, часовой из внутри здания крикнул мне: «не ходите здесь». Очевидно, мое распоряжение о точном и ясном распоряжении часовых их обязанностей выполнено Вами неудовлетворительно (ибо к этому, внутреннему посту, правило о не приближении на 10 шагов не относится: кроме того, часовой и не сказал точно и ясно, что он объявлен запретным)», — говорилось в документе, подписанном Лениным[58].

Как показывают приказы по Школе ВЦИК, нарекания по караулам со стороны комендатуры не были редкостью. Например, часовым на внешних постах категорически запрещалось заходить в будки, даже в плохую погоду, однако это правило систематически нарушалось, за этим последовало разъяснение: «...будка на посту предназначена исключительно для постового имущества (одежды и т. п.), но не служит местом нахождения часового»[59].

В то же время статистика школы свидетельствует о неоднократных поощрениях курсантов за хорошее несение караульной службы. Например, 31 января 1923 года курсант Павел Агафанов сумел остановить автомобиль, пытавшийся проехать через пост без предъявления пропуска, за что получил благодарность от коменданта Кремля. Другой курсант, Сергей Диденко, стоя на посту, пресек «передачу увольнительных записок, служащих пропуском в Кремль», и задержал нарушителя. Многократно курсантам удавалось прямо на посту уследить за попытками передачи «пропусков в Кремль одними лицами другим» и задержать тех, кто все-таки ухитрялся пройти с чужим пропуском на территорию[60].

Эти эпизоды отражают основные проблемы пропускного режима. В 1920-е годы на территории Кремля по-прежнему проживало большое количество жителей, не стихал ежедневный поток посетителей. Например, только за один день 9 июня 1923 года комендатура Кремля выписала 1145 пропусков, 10 июня — 263, 12 июня — 1150[61].

С 1923 года, в силу изменившегося положения, постановления Президиума ВЦИК от 7 сентября 1919 года «О коменданте Кремля» и от 5 января 1920 года «Об организации Комендатуры Кремля» и другие нормативные акты были отменены. Вступило в действие решение «О порядке и подчиненности гарнизона и коменданта Кремля», утвержденное Президиумом ВЦИК 7 сентября 1922 года.

Решение ВЦИК утвердило положение о гарнизоне и коменданте Кремля в соответствии с Уставом гарнизонной службы (приказы РВСР № 1507 от 16 июля и № 1508 от 18 июля 1920 года) и всесторонне учитывало особые условия деятельности Кремлевского гарнизона. Положением предусматривалось, что гарнизон Кремля в отношении оперативной службы и отправления гарнизонной службы подчиняется через коменданта Кремля начальнику гарнизона г. Москвы (командующему войсками МВО). Начальник гарнизона отвечал за состояние воинской дисциплины и наружного порядка всеми военнослужащими Кремлевского гарнизона, «за исправным содержанием караулов и точным исполнением гарнизонной службы вообще». «Проверка караулов в Кремле производится только лично начальником гарнизона гор. Москвы — командующим войсками МВО. В отношении войск ГПУ касается только тех караулов, перечень которых сообщается начальнику гарнизона ГПУ». Части Кремлевского гарнизона могли быть вызваны начальником гарнизона «лишь в тех случаях, когда требуются войска для ликвидации контрреволюционных и других восстаний, по возможности по использовании других частей гарнизона, а войск ГПУ в первую очередь. Во всех случаях вызова в стенах Кремля остается резерв от гарнизона Кремля. Одновременно с распоряжением о вызове гарнизона Кремля — начальник гарнизона сообщает Президиуму ВЦИК о целях вызова». Согласно статье 4 положения: «Все распоряжения, касающиеся гарнизона Кремля в отношении увеличения или уменьшения караульного наряда, изменения наличного состава гарнизона Кремля, проводятся в жизнь начальником гарнизона через коменданта Кремля с санкции Президиума ВЦИК». Во внутреннем и хозяйственном отношениях части гарнизона Кремля «подчиняются своим непосредственным начальникам».

Согласно положению, «комендант Кремля делает наряды от гарнизона Кремля от отдельных частей, команд и лиц для участия в общественных торжествах, процессиях, похоронах и т. п. в соответствии с распоряжениями начальника гарнизона». Коменданту Кремля подчинялись все караулы как от гарнизона Кремля, так и наряжаемые от других частей для несения службы в Кремле. Дежурный по караулам Кремля назначался комендантом Кремля от частей, несущих караульную службу в Кремле.

Расположенные в Кремле и приходящие для несения караульной службы в Кремле части исполняли все распоряжения коменданта Кремля, касающиеся наряда и вообще отправления гарнизонной службы. «Пароль, отдельный от общегарнизонного, назначается комендантом Кремля и утверждается начальником гарнизона, которому пароль Кремля доставляется комендантом ему лично»[62].

В состав Объединенной Советской военной командной школы имени ВЦИК, размещенной в Московском Кремле, в этот период входили: артиллерийский дивизион в количестве 12 легких горных орудий и гаубиц; двухэскадронный кавалерийский дивизион, трехротные пехотный и пулеметный батальоны и учебный (обслуживающий) четырехротный красноармейский батальон[63].

С 19 июня 1923 года был открыт круглосуточный въезд транспортных средств в Московский Кремль через Боровицкие ворота. Проход пешеходов через Боровицкие ворота запрещался[64].

С 1923 года курсанты стали систематически участвовать в официальных церемониях встреч в Кремле различных зарубежных делегаций. Создавался новый, советский протокол. Для этого Военная школа выделяла почетный караул. В первое время сложностей было много, особенно с военной формой. К церемониальной группе отношение было особое. Форму им нашли по тем временам образцовую. Занятия по строевой подготовке проводились систематически, и скоро курсанты из Кремля превратились в образцовое подразделение в этой области.

К военнослужащим комендатуры и курсантам Военной школы ВЦИК предъявлялись более высокие требования, чем к жителям Московского Кремля. Они были обязаны являть образец поведения, службы, ношения формы и во многого другого. «Предупреждаю еще раз, — говорилось в приказе коменданта Р. А. Петерсона, — что за проявление грубости, нетактичности, что дискредитирует советскую власть вообще и вверенное мне управление в частности, буду беспощадно взыскивать». Военнослужащим также был доведен приказ по гарнизону города Москвы и войскам Московского военного округа № 81 от 21 июня 1923 года «О запрещении посещения военнослужащими московских казино, игорных домов и прочих заведений». В приказе отмечалось, что «понятие о достоинстве Красного Воина несовместимо с понятием об азартных играх, практикующихся в различных казино и прочих учреждениях такого же характера». Далее следовал список с тремя десятками адресов игорных домов. Особое внимание кремлевских курсантов было обращено на заведения в окружении Московского Кремля: казино «Прага», на Арбатской площади, «Зен», на Триумфальной площади, «Эрмитаж», на улице Каретный ряд[65].

Р. А. Петерсон большое внимание уделял внешнему виду кремлевцев. Он отмечал, что «некоторые курсанты — военнослужащие Школы появляются на улицах Кремля и города Москвы с приподнятыми воротниками. Разъясняю, что в армии не положено носить шинель или рубаху с приподнятым воротником. На случай сильного мороза и ветра имеется шлем, который должен быть застегнут снизу». Приведем еще одну выписку из приказа коменданта Кремля: «Приказываю военнослужащим вверенного мне управления строго выполнять существующее распоряжение Рабоче-Крестьянского правительства об отмене рукопожатий. Каждый военнослужащий должен сам воздерживаться от рукопожатий и удерживать других, памятуя, что через рукопожатия передаются всевозможные болезни. Впредь каждый замеченный случай рукопожатий буду рассматривать как неисполнение приказа». Комендант не оставлял без внимания и порядок в окружении кремлевских подразделений. «В связи с открытием окон в Арсенале из помещений рот выбрасывают из окон на Кремлевскую стену разный мусор, окурки и т. п. Обращаю внимание начальника школы и предлагаю прекратить указанные безобразия»[66]. Как правило, на кремлевской гауптвахте ежедневно содержались от двух до пяти провинившихся курсантов.

В 1920-е годы Школа неоднократно меняла свое название и штаты. В сентябре 1923 года в ее составе были сформированы два стрелковых батальона (курсантов), артиллерийский дивизион (курсантов) и учебно-стрелковый батальон (красноармейцев, военнослужащих срочной службы).

Значительное количество охранных мероприятий, организуемых при участии комендатуры и Школы ВЦИК за пределами Московского Кремля, проводилось в Большом театре. Кстати, именно в Большом театре произошел трагический случай. Курсант П. Сафронов, несший караул по охране пленума Московского Совета (февраль 1921 года), упал с поста на 5 этаже декоративной мастерской на трибуну и через некоторое время умер. Стоящий на этом же посту курсант Н. Шаиркин видел, как погибший перевесил винтовку через барьер, которую выпустил из рук, и, очевидно, желая схватить таковую, перевесившись через барьер, сорвался вниз[67].

С января 1924 года комендатура Московского Кремля стала выделять караул по охране Мавзолея В. И. Ленина.

Постепенно курсантов Школы ВЦИК все реже привлекали в караулы по охране Московского Кремля. Была пересмотрена организация охраны Кремля. В гарнизоне Кремля появились новые подразделения, которые по организационно-служебным вопросам находились в ведении УКМК. В 1928 году на базе Объединенной военной школы имени ВЦИК был создан учебный батальон, на который в числе прочего возложена задача охраны Московского Кремля по периметру стен. За курсантами по-прежнему оставались внутренние посты в зданиях. В 1929 году из военнослужащих учебного батальона сформировалась отдельная рота специальной охраны объектов Московского Кремля, которая осуществляла войсковую охрану на постах по периметру территории. В 1931 году в дополнение — рота особой охраны, в состав которой вошел младший командный состав, обеспечивающий пропуск на территорию и в здания Кремля, заменив курсантов школы. С этого времени курсанты Школы ВЦИК окончательно перестали нести караульную службу в Кремле. Школа ВЦИК превратилась в резервную войсковую часть на случай возникновения чрезвычайных ситуаций.

Следующим этапом на пути формирования специального войскового подразделения стало разделение в 1932 году учебного батальона на две части: батальон специального назначения (БСН) — войсковая охрана объекта и роту особой охраны — осуществление допуска на объект. БСН оставался в системе РККА, а рота особой охраны — в системе НКВД.

В 1930-е годы заметно сократилось и число кремлевских жителей. Например, в течение 1931-го из Кремля были выписаны 177 человек, прописанными оставались 659 человек, из которых в Большом Кремлевском дворце проживали 12. Для сравнения, еще во второй половине 1920-х годов в Кремле были прописаны и проживали 1509 жителей, в том числе 91 человек в Большом Кремлевском дворце. В дальнейшем темпы выселения только нарастали. Уже в 1932 году прописанными в Кремле оставались 565 человек, а в БКД, согласно книге прописки, официально был зарегистрирован только один человек (из числа обслуживающего персонала). К июню 1935 года в Московском Кремле остались только 374 жителя (102 семьи), не считая охраняемых лиц и их семей, а также начальников охраны, личной охраны и части обслуживающего персонала. В эту цифру также не вошли военнослужащие, проживавшие в офицерском общежитии в Арсенале и семейном общежитии около кремлевской теплостанции. К январю 1936 года помимо охраняемых в Кремле еще проживали 92 семьи (301 человек)[68].

Комендант Кремля Р. А. Петерсон (пятый слева) с командованием Школы имени ВЦИК

Прежде всего, территорию Кремля покидали ответственные работники, которым не полагалась охрана, семьи сотрудников, работавших в аппаратах ЦИК Союза ССР, ВЦИК, Совнаркома, шоферы и самокатчики из кремлевских гаражей, рабочие, сторожа и т. п. Как правило, покидавшие Кремль жильцы переселялись компактно, в зависимости от занимаемой должности и ведомственной принадлежности в специально подготовленные для них дома.

Массовое выселение жителей из Кремля началось после убийства С. М. Кирова, за которым последовали реорганизация системы государственной охраны, ужесточение режима безопасности на территории Кремля и громкий политический процесс, так называемое «кремлевское дело», коснувшееся всего руководства УКМК и десятков рядовых сотрудников Кремля.

Начался и вывод из Кремля различных подразделений. В частности, в 1932 году на территории Кремля остался только один Гараж особого назначения, остальные гаражи были выведены за его пределы[69].

Сдача нормативов.
Стадион Школы имени ВЦИК. 1934 г.

Сдача норматива по прыжкам в высоту.
Тайницкий сад. 1934 г.

Что касается Школы ВЦИК, то было принято решение о строительстве для нее специального здания на территории Кремля. 30 августа 1929 года заседание Совета Труда и Обороны вынесло постановление о выделении «из резервного фонда СНК СССР по бюджету 1928/29 года 200 тысяч рублей на расходы по подготовке и приступу к постройке в Кремле дома для курсантов военной школы имени ВЦИК»[70]. Жертвами этого строительства стали уникальные кремлевские памятники. Два древних кремлевских монастыря Чудов и Вознесенский со всеми храмами, церквями, часовнями, некрополями, служебными постройками и Малый Николаевский дворец были полностью разрушены. К концу 1932 года на их месте появилось выполненное в неоклассическом стиле, сочетавшемся с расположенным рядом корпусом № 1, здание работы архитектора И. И. Рерберга (корпус № 14). В Большом сквере (на бывшей площади Плац-парад) построили мини-стадион.

В 1934 году Школа ВЦИК переехала в новое здание. Однако спустя всего год было принято принципиальное решение о выводе Школы имени ВЦИК за пределы Московского Кремля. В начале 1935-го вынесено следующее решение (протокол № 21 заседание Политбюро ЦК ВКП(б): «2. Комендатуру Кремля считать организацией, ведающей только охраной Кремля», т. е. в ведении кремлевской комендатуры остался только «минимально необходимый для внутреннего обслуживания Кремля штат электромонтеров, водопроводчиков, истопников, слесарей, дворников, полотеров и уборщиц». Комендант Кремля был подчинен Народному комиссариату внутренних дел по внутренней охране и народному комиссару обороны по воинской охране.

Из Кремля были выведены: «а) приемные и канцелярия секретарей Совета Национальностей и Союзного Совета, Центральная избирательная комиссия, Комиссия по делам гражданства, Комиссия по делам частной амнистии и Организационный отдел ЦИК СССР; б) административная комиссия, орготдел и приемная заместителя секретаря ВЦИКа РСФСР; в) Комитет резервов и канцелярия помощника управделами по административно-хозяйственной части Совнаркома СССР; г) административно-хозяйственный отдел, экспортное совещание, аппарат ЭКОСО и канцелярия помощника управделами по административно-хозяйственной части Совнаркома РСФСР». Из госучреждений на территории Кремля остались управделами, секретные отделы (части) этих уч-

реждений и личные секретариаты. Из кремлевского Арсенала выводились все мастерские, гражданский отдел Управления коменданта Кремля (строительный сектор, снабженческо-складская группа и др.).

Из Кремля также была выведена столовая для сотрудников, пересмотрен список лиц, имеющих постоянные пропуска в Кремль. Началась подготовка плана перевода Школы ВЦИК в другое место[71].

Последний, 13-й выпуск Объединенной военной школы имени ВЦИК в Кремле состоялся 7 ноября 1934 года, звание командиров было присвоено более 245 курсантам[72].

В мае 1935 года курсанты Объединенной военной школы имени ВЦИК сдали последние посты в Кремле и по окончании лагерных сборов переехали в Лефортово, и история этого уникального военного учебного заведения продолжилась уже в новом качестве. Вместе с тем слушатели этой школы навсегда остались в истории Московского Кремля, получив гордое имя «кремлевцы».

ПОЛК СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В 1936–1941 ГОДАХ

После вывода Школы имени ВЦИК войсковую охрану Московского Кремля осуществлял батальон специального назначения, а проход в Кремль — отряд особого назначения, сформированный из роты особого назначения. Отряд особого назначения комплектовался из командиров среднего и старшего начальствующего состава внутренней охраны НКВД. В 1936 году он преобразовался в батальон особого назначения, из которого в 1938-м реорганизовался Отдельный офицерский батальон, который также находился в системе НКВД.

Эти две структуры делили между собой зону ответственности за охрану Московского Кремля. Батальон специального назначения осуществлял войсковую охрану территории Кремля, а отряд особого назначения, укомплектованный сверхсрочными офицерами, занимался допуском и наблюдением за режимом в Кремле. Батальон и отряд образовывали кремлевский гарнизон и подчинялись коменданту Московского Кремля и через него по специальной части народному комиссару внутренних дел. Эти реорганизации подготовили образование специального войскового подразделения охраны — Полка специального назначения.

После перехода в январе 1936 года УКМК в ведение Главного управления государственной безопасности НКВД, с учетом специфических особенностей подразделения батальон специального назначения приравняли к частям Главного управления пограничных войск и внутренней охраны (ГУПВО).

8 апреля 1936 года, в связи с увеличением объема выполняемых задач и необходимостью более оперативного управления подразделениями, батальон специального назначения реорганизовался в Полк специального назначения — ПСН УКМК ГУГБ НКВД СССР. Первым командиром полка был назначен бывший командир батальона специального назначения, начальник штаба Объединенной военной школы имени ВЦИК майор П. И. Азаркин.

По штату полк состоял из пяти дивизионов трехвзводного состава, полковой школы и подразделений обеспечения (оркестр, взвод обслуживания и др.). В начале 1937 года полк перешел на батальонную систему, имея в своем составе два батальона, техническую роту, полковую школу и подразделения обслуживания. В декабре 1937-го была проведена новая реорганизация. Полк в это время активно комплектовался. В основном это происходило за счет призывников промышленных районов России, Украины, Белоруссии. Одним из основных критериев отбора в полк был уровень образования новичков. Большинство призывников окончило семь классов средней школы. Численность военнослужащих по штату к началу 1938 года увеличилась на 25 процентов.

В предвоенное пятилетие военнослужащими ПСН решался широкий круг вопросов, связанных с охраной проводимых в Московском Кремле и на Красной площади охранных мероприятий. Перечислим наименования некоторых из них, в охране которых принимал участие личный состав полка:

— торжественно-траурные заседания, посвященные годовщине смерти В. И. Ленина (21 января), торжественные собрания (заседания), посвященные Международному женскому дню 8 марта, очередной годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции (6 ноября);

— военные парады и демонстрации на Красной площади, посвященные празднику 1 мая, годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции (7 ноября), физкультурные парады;

— работа съездов ВКП(б), сессий ЦИК СССР и ВЦИК, сессий Верховных Советов СССР и РСФСР;

— всесоюзные совещания рабочих, колхозников, интеллигенции, творческих и общественных союзов;

— приемы в БКД, в том числе в дни государственных праздников — для участников парадов, а также по случаю окончания декад мастеров искусств союзных республик.

С формированием полка возникла необходимость проведения более качественной боевой и служебной подготовки военнослужащих.

Ужесточение карательной политики во второй половине 1930-х годов отразилось и на органах государственной безопасности — НКВД СССР. Одними из первых подверглись необоснованным репрессиям военнослужащие Управления коменданта Московского Кремля и Полка специального назначения (ПСН). Для понимания логики развития событий необходимо вернуться в начало 1935 года. После убийства С. М. Кирова органы государственной безопасности организовали тщательную проверку всех сотрудников правительственных учреждений, находящихся на территории Московского Кремля, начатую в феврале 1935 года.

В ходе проверки выяснялись вопросы социального статуса персонала правительственных учреждений, участия в оппозиционных группировках, лояльности к советской власти. В результате расследования возникло так называемое «кремлевское дело». По представленным материалам были раскрыты «террористические» группы в правительственной библиотеке и в комендатуре Московского Кремля. Сотрудники комендатуры Кремля обвинялись в «контрреволюционной» травле в отношении И. В. Сталина и других руководителей партии и правительства, так как часть военнослужащих комендатуры Кремля обсуждала «политическое завещание» В. И. Ленина. Поскольку в ходе следствия были затронуты вопросы, касавшиеся личности И. В. Сталина, эти проблемы отошли в тень, а на первый план вышли «террористические» группы. За период с февраля по май 1935 года в результате «чистки» из различных кремлевских учреждений были уволены 413 человек, а 29 из них арестованы. В мае 1935 года был утвержден проект приговора на 108 человек, осужденных по «кремлевскому делу». В это время «чистки» обошли стороной личный состав батальона специального назначения.

Новый виток репрессий среди военнослужащих комендатуры Московского Кремля и ПСН начался после ареста в апреле 1937 года бывшего наркома внутренних дел СССР Г. Г. Ягоды и бывшего коменданта Кремля Р. А. Петерсона. В подразделениях комендатуры и в полку «обнаружили» «правотроцкистские террористические» группы. 29 апреля 1937 года был арестован командир полка майор П. И. Азаркин, а в июле — августе — ряд других военнослужащих части. Расследование было молниеносным. Сотрудники отдела охраны (1-го отдела) ГУГБ НКВД СССР, комендатуры Кремля, ПСН становились главными участниками «заговорщической» организации.

К. Е. Ворошилов перед парадом.
Ивановская площадь. 1 мая 1935 г.

Аресты среди военнослужащих, которые были тесно связаны друг с другом, обусловили нарастание арестов среди сотрудников комендатуры Московского Кремля и полка. В январе 1938 года был арестован комендант Кремля комдив П. П. Ткалун. Через восемь месяцев, в сентябре 1938 года, арестовали еще несколько военнослужащих, в том числе командира полка полковника Скляренко Григория Константиновича (командовал полком с мая 1937 по август 1938 года).

В октябре 1938 года началась третья волна арестов в комендатуре Московского Кремля и ПСН. В течение октября — декабря 1938 года были арестованы 25 человек. Среди них — исполняющий обязанности командира полка капитан Иван Алексеевич Алексеев-Тимофеев (исполнял обязанности в сентябре — октябре 1938 года).

Закономерным следствием «кремлевского дела» и последовавших за ним процессов 1935–1939 годов стала коренная ротация высокопоставленных кремлевских жильцов. Среди тех, кто выселялся из Кремля после 1935 года, были и представители высшей номенклатуры. Всего в период 1936–1939 годов из Кремля были выписаны 463 человека. В то же время наблюдается и обратный процесс. В новую книгу прописки были перенесены сведения о 31 человеке[73]. В эти годы было принято решение о переселении из Кремля командного и начальствующего составов УКМК и ПСН. На территории Кремля разрешалось остаться только «командирам подразделений, их заместителям и небольшой группе отдельных военнослужащих специалистов».

Одновременно со следствием выявлялись и недостатки в деятельности подразделений комендатуры Кремля и ПСН. Отмечалось, что не были четко сформулированы задачи УКМК НКВД СССР и ПСН. Функции охраны не были выделены особо и растворялись в функциях хозяйственного обслуживания. Некомплект личного состава полка составлял более 30 процентов. Для существенной части личного состава не были созданы необходимые бытовые условия. Все это приводило к нездоровым настроениям среди личного состава.

«Чистка» смела не только часть командного состава полка, но и ряд командиров среднего и младшего звена. До конца 1938 года сменились три командира полка, а с ними и часть командиров батальонов, рот и взводов. В это трагическое время личный состав полка продолжал выполнять свои обязанности, накапливать опыт, а вместе с ним обретать профессионализм — умение организовать действенную и эффективную войсковую охрану.

Система войсковой охраны Московского Кремля Полком специального назначения Управления коменданта Московского Кремля НКВД СССР складывалась постепенно. К концу 1930-х годов она приобрела структуру, которая без значительных изменений просуществовала до окончания Великой Отечественной войны.

Полк специального назначения, Отдельный батальон ГУГБ НКВД и Военная пожарная команда составляли гарнизон Кремля.

Полк специального назначения, входивший как основная боевая единица в гарнизон Московского Кремля[74], комплектовался командным и начальствующим составом «путем особого отбора из пограничных и внутренних войск НКВД»; рядовым составом «из очередных призывных контингентов при обязательном условии проверки и изучения приписанного состава в течение года». Покрытие некомплекта в период между призывами производилось путем особого отбора из частей пограничных и внутренних войск. Срок службы в полку устанавливался три года[75].

Командир полка персонально отвечал за организацию, руководство, повседневный контроль войсковой охраны Кремля и правительственных учреждений, размещающихся в нем, а также организацию и руководство войсковой охраны приемов, съездов, совещаний, парадов и демонстраций, проводимых в Кремле и на Красной площади.

Управление коменданта Московского Кремля НКВД — НКГБ СССР, ПСН в организации мероприятий по государственной охране в Московском Кремле и на Красной площади тесно сотрудничали и взаимодействовали с другими подразделениями НКВД — НКГБ СССР. Наиболее часто совместная служебная работа проводилась с 1-м отделом НКВД — НКГБ СССР, также обеспечившим безопасность руководителей партии и правительства (за пределами Московского Кремля).

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. В это время группа военнослужащих ПСН приступила к освоению специальной стрелковой снайперской программы, а в декабре, в связи с начавшейся советско-финской военной кампанией, отдельно сформированная команда полка была направлена с боевым заданием на Карельский перешеек и приняла участие в боях. Одновременно, с целью усиления работы по боевой и политической подготовки военнослужащих, обеспечения более высокой степени охраны Кремля, ПСН переформировали. Структура, сложившаяся после этой реорганизации, просуществовала все годы Великой Отечественной войны. ПСН состоял из трех стрелковых батальонов, полковой школы и подразделений обслуживания. Существенное влияние на улучшение качества боевой подготовки личного состава полка оказало создание загородных учебных баз. Еще летом 1938 года был заложен военный лагерь «Купавна», в следующем году начало действовать стрельбище полка.

Руководство государства по праву считало Московский Кремль одним из самых безопасных и надежно охраняемых объектов Советского Союза. В этом месте раз-

К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, М. И. Калинин

мещались высшие органы власти и управления СССР, работали и проживали многие из их руководителей. Здесь же хранились не только существенные части золотого запаса, алмазного фонда страны, но и ценности Гохрана и Государственной оружейной палаты.

В марте 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о расширении и переоборудовании в Кремле хранилища золотого запаса. Существовавшее на тот момент помещение кладовой в предельно сжатые сроки (к 1 сентября 1940 года) расширилось за счет смежного подвального помещения, в результате чего площадь хранения увеличилась на 400 кв. м. Хранилище оборудовалось специальной охранной сигнализацией. Кроме этого, ставилась задача механизировать подачу ценностей с применением транспортеров, автокаров и грузовых электроподъемников[76]. За охрану этого национального достояния отвечал Полк специального назначения.

В конце 1940 года и первой половине 1941-го проводилась интенсивная боевая и служебная подготовка личного состава ПСН. Командир полка ввел усиленный режим физической и военной подготовки личного состава. Систематически проводились длительные марши и переходы с боевой выкладкой, преодолением сложных препятствий в любое время года и при любой погоде, большое внимание уделялось совершенствованию огневой и тактической подготовки. Ежедневные 10–12-часовые занятия, полевые учения и боевые стрельбы, тренировки и учебные тревоги в Московском Кремле стали нормой. Все предчувствовали серьезные испытания. К ним готовились.

Одной из проблем, постоянно беспокоившей руководство всех подразделений комендатуры Московского Кремля, так и оставшейся нерешенной до начала войны, было отсутствие надежной противовоздушной обороны охраняемого объекта. Еще в мае 1939 года комендант Кремля Н. К. Спиридонов рассмотрел эту тему с командованием полка и других подразделений комендатуры. На основе обсуждения была подготовлена записка в ЦК ВКП(б), где отмечалось, что Московский Кремль до сих пор совершенно не подготовлен к атаке с воздуха, не предпринимаются необходимые меры к созданию активной и пассивной обороны объекта. На тот момент в Московском Кремле отсутствовали зенитные артиллерийские, пулеметные средства и даже не планировалось проведение маскировочных и светомаскировочных мероприятий. В документе отмечалось, что Кремль, где сосредоточены главные правительственные учреждения Союза ССР, несомненно, должен быть основным, избранным объектом вражеского нападения с воздуха с целью нарушения руководства всей страной.

В целях подготовки Московского Кремля к предстоящим военным действиям, а также обеспечения безопасности первых лиц государства при нападении на охраняемый объект с воздуха и создания условий для непрерывного руководства страной предлагалось провести ряд мероприятий по существенному усилению противовоздушной обороны центра столицы и Московского Кремля, а также

Пропуск № 143
В КРЕМЛЬ
Выдан тов. Сурочкину
для прохода
Дежурный
15/X Кушнир 1934 г.
Сдавать при выходе

Разовый пропуск для прохода на территорию Кремля.
1934 г.

его маскировки, реконструкции освещения. К сожалению, реакция руководства страны на эту записку была весьма запоздалой.

Только в первой половине января 1941 года началось развертывание средств ПВО в столице. 17 января особый отдел 1-го корпуса ПВО проинформировал Управление коменданта Московского Кремля НКВД СССР о расположении боевых позиций зенитно-пулеметного полка в пределах Садового кольца. Кроме даты развертывания огневых точек необходимо обратить внимание на их адреса — многие были расположены в непосредственной близости от Московского Кремля. Эта схема в боевых условиях имела уязвимые места, свидетельством чему служат факты бомбардировок Московского Кремля и его окрестностей в 1941–1942 годах.

В конце марта 1941 года комендатурой Московского Кремля при непосредственном участии ПСН было проведено учение по светомаскировке (корпус № 1, Арсенал, Большой Кремлевский дворец), показавшее недостаточную подготовленность личного состава. Вместо установленного норматива в пять минут, времени потребовалось более одного часа. Работа по зашториванию оконных проемов проводилась военнослужащими формально, вследствие чего просветы позволяли легко обнаружить здания и сооружения охраняемого объекта. После этого учения отмеченные недочеты были устранены, а с включением электроосвещения оконные проемы зашторивались. С начала апреля 1941 года светящихся по ночам окон в зданиях Московского Кремля почти не было видно. Через месяц были проведены повторные учения, показавшие удовлетворительные результаты.

В конце апреля 1941 года военнослужащим ПСН выдали медальоны с вкладным листом. Личный состав расценил этот факт как подготовку к возможному участию в предстоящих боевых действиях.

Приготовительные мероприятия к несению службы в боевых условиях оказались своевременными. Война потребовала от личного состава Полка специального назначения концентрации всего накопленного в предыдущие годы теоретического и практического опыта. Еще предстояло научиться перестраивать службу с учетом стремительно изменяющейся военной обстановки, выработать новую концепцию войсковой охраны Кремля, способную эффективно функционировать в условиях военного времени.

УПРАВЛЕНИЕ КОМЕНДАНТА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ И 1-Й ОТДЕЛ НКВД — НКГБ СССР В 1939–1941 ГОДАХ. РЕФОРМА ОРГАНОВ НКВД СССР 1941 ГОДА

В конце 1930-х годов, когда неизбежность войны стала очевидна, руководство Наркомата внутренних дел приступило к реорганизации системы обеспечения безопасности охраняемых лиц и охраняемых объектов. И одним из первых мероприятий в этом направлении стала подготовка нового положения о комендатуре Московского Кремля.

Приказом НКВД СССР № 0066 от 20 января 1939 года было утверждено Положение о комендатуре Московского Кремля[77], которым, наряду с другими нормативными документами особого периода, управление руководствовалось все годы Великой Отечественной войны. В Положении, в частности, отмечалось, что комендатура Московского Кремля имеет своим назначением организацию и осуществление охраны членов ЦК ВКП(б), членов Правительства Союза ССР, членов Президиума Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР при их нахождении на Красной площади во время парадов, демонстраций и т. п.; организацию и осуществление охраны правительственных учреждений, размещающихся на территории Кремля; а также поддержание порядка на территории Кремля.

Комендатура возглавлялась комендантом Кремля и военным комиссаром Московского Кремля, назначаемыми народным комиссаром внутренних дел Союза ССР (комендант являлся начальником гарнизона Кремля).

В то время комендатура Московского Кремля состояла из Управления коменданта Московского Кремля, политического отдела, Полка специального назначения, Отдельного батальона ГУГБ НКВД, Военной пожарной команды, комендатуры Мавзолея В. И. Ленина, комендатуры здания Рабоче-Крестьянского правительства (РКП), комендатуры Большого Кремлевского дворца (БКД) и комендатуры Оружейной палаты. Полк специального назначения, Отдельный батальон ГУГБ НКВД и Военная пожарная команда составляли гарнизон Кремля.

Положение определяло, что комендант Кремля персонально отвечает за безопасность членов ЦК ВКП(б) и Правительства Союза ССР во время их нахождения на территории Кремля и непосредственно подчиняется народному комиссару внутренних дел Союза ССР.

На коменданта возлагались:

— организация, руководство и осуществление повседневного контроля всех видов охраны Кремля и правительственных учреждений, размещающихся в нем (войсковая, противопожарная, противохимическая охрана);

— организация и осуществление режима пропусков;

— организация, руководство и наблюдение за работой всех средств связи в Кремле;

— организация и руководство войсковой охраной приемов, съездов и совещаний, проводимых в Кремле, и осуществление связанных с ними хозяйственных мероприятий;

— организация и руководство Хозяйственным управлением Кремля.

Коменданту предоставлялось право:

— принимать и увольнять лиц технического и обслуживающего персонала, не имеющих воинских званий;

— представлять к назначению, перемещению и увольнению лиц командного и начальствующего состава (эти назначения, перемещения и увольнения производились приказом через Отдел кадров НКВД СССР);

— применять взыскания и поощрения к подчиненным в объеме прав, предоставленных командиру корпуса.

Само Управление коменданта Московского Кремля состояло из отделов службы, пропусков, боевой подготовки, связи, кадров, финансового, материально-технического обеспечения, санитарного, экспедиции, аппарата дежурных помощников и секретариата.

Отдел службы, состоявший из двух отделений (организации охраны и противопожарной, противохимической охраны и ПВО), организовывал взаимодействие войсковой, противопожарной и противохимической охраны и разрабатывал планы охраны приемов, съездов, совещаний и другие инструкции.

На отдел пропусков возлагалась прописка лиц, проживавших на территории Кремля, проверка посетителей, для которых испрашивались постоянные или временные пропуска, изготовление и выдача пропусков для личного состава КМК, а также для съездов, конференций и т. п. В состав отдела входили бюро пропусков Спасских, Никольских и Троицких ворот.

Военнослужащие Управления коменданта Московского Кремля в Георгиевском зале БКД.
1939 г.

Отдел боевой подготовки разрабатывал программы и расписания по всем видам подготовки в соответствии с указаниями, установленными для внутренних войск НКВД, и осуществлял руководство и контроль боевой подготовки в частях гарнизона.

Организация и эксплуатация всех видов связи и сигнализации Кремля, руководство электрочасовым хозяйством, обеспечение связью съездов, приемов и других мероприятий, а также обслуживание радиосети Красной площади во время парадов и демонстраций были поручены отделу связи. Этот отдел обеспечивал подачу междугородной связи для правительственных переговоров и переговоров лиц, проживавших в Кремле.

Отдел материально-технического обеспечения решал задачи по снабжению подразделений комендатуры Московского Кремля вооружением, боевой техникой, продовольствием, вещевым и хозяйственным имуществом, топливом, горюче-смазочными материалами и инвентарем.

В составе санитарного отдела находились лазарет, аптека, дезинфекционный отряд, дом отдыха, физиотерапевтический и рентгеновский кабинеты, стоматологическое отделение и детский комбинат.

На экспедицию возлагались прием и доставка всей корреспонденции, поступавшей в адреса учреждений и лиц, расположенных (проживавших) в Кремле, отправление почты от этих учреждений и лиц, прием подписки, доставка газет и периодической печати.

Полк специального назначения входил в гарнизон Московского Кремля как основная боевая единица, он комплектовался командным и начальствующим составом путем особого отбора из пограничных и внутренних войск НКВД. Рядовой же состав набирали из очередных призывных контингентов при обязательном условии проверки и изучения приписанного состава в течение года. Срок службы в Полку специального назначения устанавливался три года.

Отдельный батальон Главного управления государственной безопасности НКВД СССР имел своим назначением несение службы на ответственных постах. Комплектование батальона производилось добровольно, по особому отбору, а весь отобранный красноармейский и младший командный состав предварительно проходил подготовку в школе ГУГБ НКВД СССР с последующим присвоением специальных званий начальствующего состава ГУГБ НКВД СССР.

Советское руководство осматривает новую модель правительственного лимузина.
Московский Кремль

На комендатуры правительственных зданий и Мавзолея В. И. Ленина возлагались внешняя и внутренняя охрана зданий и лиц, в них работавших, и наблюдение за содержанием зданий, их внутренних помещений, а также за исправностью инвентаря и оборудования.

В обязанности коменданта Мавзолея В. И. Ленина, кроме того, входили поддержание температурного режима в соответствующих помещениях и проведение других мероприятий по сохранению тела В. И. Ленина, организация допуска посетителей в Мавзолей и обеспечение порядка при допуске, а также поддержание в надлежащем состоянии братских могил и прилегающей к Мавзолею территории с зелеными насаждениями.

Хозяйственное управление занималось обслуживанием лиц, проживавших и работавших на территории Кремля, производством строительных, ремонтных и иных работ, поддерживало в чистоте территорию Кремля и проводило работы по благоустройству.

Обеспечение государственной охраны на территории Московского Кремля было организовано согласно Положению и указаниям народного комиссара внутренних дел СССР, оно осуществлялась отделом охраны Главного управления государственной безопасности — 1-м отделом НКВД — НКГБ СССР.

Обязанности коменданта Московского Кремля с декабря 1938 года исполнял комбриг Н. К. Спиридонов. Обязанности начальника 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР с ноября того же года — комиссар государственной безопасности 3 ранга Н. С. Власик.

В январе 1940 года в 1-й отдел Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, в отделение автомобильного транспорта, был переведен Гараж особого назначения (ГОН) Совета народных комиссаров СССР. Руководство гаража, водители основных автомобилей (обслуживаемых лиц) были аттестованы и получили специальные звания сотрудников ГУГБ НКВД.

Гараж особого назначения (Гараж № 1), начальником которого был в то время П. О. Удалов, к началу войны находился в Кремле на Коммунистической улице. В составе ГОНа была выделена особая автомобильно-гаражная группа (автомобильное обслуживание И. В. Сталина) под руководством лейтенанта госбезопасности В. П. Соловьева. Выезд из Малого (Сталинского) гаража, размещавшегося в Арсенале, в помещении бывшего конного манежа, производился через Центральные фасадные ворота.

Гараж оперативных автомобилей (Гараж № 2) находился в трех местах: легковые автомашины размещались в Варсонофьевском переулке и в помещении под Большим Каменным мостом, грузовые базировались в Филях.

Всего перед войной 1-й отдел НКВД — НКГБ СССР силами трех подразделений охранял 23 руководителя ВКП(б) и Советского государства. Безопасность члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК ВКП(б), Председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина обеспечивало подразделение № 1. Еще два подразделения отвечали за безопасность 22 охраняемых лиц.

Большинство оперативных групп подразделений имели в своем составе, кроме руководства (прикрепленных), минимальное количество личной охраны, несколько водителей основного автомобиля, а также небольшой резерв. Кроме того, в штат 1-го отдела входили комендатуры ЦК ВКП(б), НКИД и НКО.

В этом виде отдел охраны руководителей партии и правительства встретил Великую Отечественную войну.

Руководящие органы 1-го отдела — 6-го Управления НКВД — НКГБ СССР располагались в здании наркомата (ул. Большая Лубянка, д. 2).

В начале февраля 1941 года в органах внутренних дел и госбезопасности началась реформа, которая тесным

образом увязывалась с подготовкой спецслужб к деятельности в условиях военного времени. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 года «О разделении Народного комиссариата внутренних дел СССР и образовании Народного комиссариата государственной безопасности СССР»[78] НКВД СССР был разделен на два наркомата: НКВД СССР и НКГБ СССР. В должности наркома внутренних дел СССР остался Л. П. Берия, а наркомом государственной безопасности СССР назначили В. Н. Меркулова. Цель создания НКГБ СССР — сосредоточить в управлениях и отделах работу исключительно по линиям государственной безопасности, к которым относилась и охрана руководителей партии и правительства Советского Союза.

Структуру вновь образованного НКГБ СССР предписывалось организовать в составе подразделений, в том числе по линии государственной охраны[79]:

— Управление коменданта Московского Кремля (УКМК) во главе с генерал-майором Н. К. Спиридоновым;

— 1-й отдел во главе с комиссаром государственной безопасности 3 ранга Н. С. Власиком, возложив на него охрану руководителей партии и правительства.

В результате такая важная область деятельности, как государственная охрана, была сконцентрирована в едином специфическом блоке. УКМК НКГБ СССР и 1-й отдел НКГБ СССР в качестве оперативных подразделений были включены в систему нового Наркомата государственной безопасности СССР как составная часть отечественной контрразведки. Однако Управление коменданта Московского Кремля и 1-й отдел были самостоятельными структурами государственной охраны, не подчиняющимися друг другу, что не мешало им тесно сотрудничать и взаимодействовать в организации мероприятий по обеспечению государственной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пост 27. Сборник воспоминаний. 2-е изд. М., 1970. С. 7.

[2] П. Д. Мальков вспоминал: «Становилось ясно, что поддерживать необходимый порядок и нести охрану Смольного силами матросов (которых почти не осталось) и красногвардейцев невозможно... Красногвардейцы не обладали ни достаточными военными знаниями, ни опытом несения караульной службы. Обучить охрану из красногвардейцев военному делу, привить ей твердые знания обязанностей часового на посту, выработать необходимые навыки не было никакой возможности...Едва успевал он получить элементарное представление о караульной службе, как на его место приходил уже новый, которого нужно было учить заново... Уговаривать никого не пришлось: все не хуже меня понимали, что красногвардейцам трудно нести охрану Смольного, что нужна воинская часть... Кому именно пришла в голову мысль возложить охрану Смольного института на латышских стрелков: Свердлову или Дзержинскому, Подвойскому или Авнесову, а может быть, самому Ленину, я не знаю, но решение было принято, и Исполнительному Комитету латышских стрелков (Исколастрел, как его сокращенно называли) было приказано направить в Смольный 300 лучших бойцов для несения караульной службы...» // *Мальков П.* Записки коменданта Московского Кремля. 3-е изд. М., 1967. С. 56–57.

[3] В начале марта 1918 года рота была развернута в батальон, в ней насчитывалось 540 стрелков.

[4] См.: Революционные латышские стрелки (1917–1920). Рига, 1980. С. 71, 82.

[5] 1 января 1918 года В. И. Ленин, М. И. Ульянова, нарком по военным делам Н. И. Подвойский и швейцарский социал-демократ Ф. Платтен выехали в Михайловский манеж на митинг солдат-красногвардейцев Петроградского гарнизона. На обратном пути, когда машина стала спускаться с моста на Симеоновскую улицу, раздались выстрелы. Ф. Платтен быстро пригнул рукой голову Владимира Ильича и в тот же момент был в нее ранен. Стрельба прекратилась лишь тогда, когда автомобиль свернул в один из ближайших переулков. См. подробнее: Гараж особого назначения. 90 лет на службе Отечеству. 1921–2011 / Под общ. ред. Е. А. Мурова. М., 2011. С. 80–82; *Мальков П.* Записки коменданта Московского Кремля. С. 63–64; 30 августа 1918 года после митинга на московском заводе А. М. Михельсона бывшая каторжанка, близкая к эсерам Фаня Ройд-Каплан стреляла в В. И. Ленина, который в результате получил серьезные ранения. В декабре того же года на машину, в которой находился глава Советского государства, совершила нападение банда Якова Кошелькова. Бандиты, угрожая оружием, выдворили Ленина и сопровождавших его лиц из машины, отобрав оружие и документы. См., напр.: Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина? М., 2003; *Бонч-Бруевич В.Д.* Нападение бандитов на В. И. Ленина в 1918 году (по рассказам С. К. Гиля). М., 1925–1926.

[6] Приказ Замоскворецкому району штаба ВРК от 31 октября 1917 года; Приказ Артиллерийскому отряду на Воробьёвых горах (подписан членом ВРК А. Аросевым), от 1 ноября 1917 года // *Епископ Нестор Камчатский.* Расстрел Московского Кремля. М., 1995. С. 7–8; Москва. Октябрь. Революция: Сборник. М., 1987.

[7] До него с 22 ноября 1917 по 11 марта 1918 года комендантом (комиссаром) Кремля был И. П. Петряков.

[8] 24 февраля 1918 года Всероссийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК) принял решение о формировании специального воинского подразделения под названием 1-й Автобоевой отряд при ВЦИК. По указанию Петроградского военно-революционного комитета бывшая автомобильная база Временного правительства передала отряду ВЦИК 17 автомобилей: 12 легковых и 5 грузовых. 1-й Автобоевой отряд получил также два броневика «Остин» и несколько мотоциклов. К отряду приписали батальон латышских стрелков. В результате получилась первая в Советской России очень эффективная мотопехотная часть, своего рода «спецназ», подчиненная напрямую руководству государства. 1-й Автобоевой отряд при ВЦИК принимал уча-

стие в охране Смольного (до отъезда советского правительства в Москву), выполнял другие военные и оперативные задания.

[9] ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 774. Л. 28а.

[10] Революционные латышские стрелки (1917–1920). С. 82–89.

[11] Московский Кремль — цитадель России. С. 196.

[12] Ситуация с первых часов мятежа развивалась драматически, обстановка менялась практически каждую минуту. Организацию и руководство операцией по подавлению мятежа Совнарком возложил на члена Высшего военного совета Республики Н. И. Подвойского и командующего войсками Московского военного округа Н. И. Муралова. Фрагменты их доклада ярко отражают атмосферу тех дней: «К организации операции мы приступили в 17 часов 6 июля 1918 года. Главные силы левых эсеров были сосредоточены в районе Трехсвятительского переулка... Вполне объяснимая для нас нервозность из Кремля, покоящаяся на желании самым быстрым путем подавить восстание, нервировала и нас и иногда выбивала нас из планомерной работы». ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 16. Л. 73, 75. По информации заместителя наркома имуществ республики П. П. Малиновского, поступившей в Московский Совет рабочих депутатов 7 июля 1918 года, в Московском Кремле в час ночи происходило следующее: «...пушечные снаряды попадают по Кремлю, разрываются на площади. 2 снаряда попали в купол Архангельского собора, разворотили крыши и произвели разрушение внутри. Попадания во время этого разговора продолжаются. П. П. Малиновский просит выяснить, не стреляют ли это из Замоскворецкого района С. Р. Д. Приняла: Додонова. Сообщено в Замоскворецкий район». РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2568. Л. 3.

[13] Революционные латышские стрелки (1917–1920). С. 103–106.

[14] Московский Кремль — цитадель России. С. 196.

[15] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 16. Л. 135.

[16] Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.

[17] *Мальков П.* Записки коменданта Московского Кремля. С. 110–111.

[18] Пост 27. Сборник воспоминаний. 2-е изд. С. 13.

[19] Там же. С. 14.

[20] Московский Кремль — цитадель России. С. 210.

[21] Там же С. 210–212.

[22] Там же. С. 210.

[23] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 2. Л. 128–130.

[24] Предшественницей курсов стала 1-я Московская революционная пулеметная школа, созданная приказом командующего Московским военным округом (МВО) Н. И. Муралова № 90 от 8 декабря 1917 года. Эта пулеметная школа разместилась в здании бывшей 6-й Московской школы прапорщиков, занимавшей Крутицкие казармы. Уже к 15 декабря она была укомплектована за счет откомандирования всеми строевыми частями Московского военного округа «по 5 солдат призыва последних годов, грамотных и желательно знакомых с пулеметным делом». Начальником 1-й Московской революционной пулеметной школы был назначен Г. М. Орешкин, занимавший эту должность до конца февраля 1918 года. 23 января 1918 года появился приказ МВО № 89, которым предполагалось создать 2-ю Московскую революционную пулеметную школу, местом формирования которой назывался Кремль. Однако из-за переезда советского правительства из Петрограда и его размещения в Кремле, взятого под охрану латышскими стрелками, это начинание тогда не было реализовано, и новая школа осталась в Крутицких казармах // Часовой Кремля. Сборник документов из истории Объединенной Военной школы имени ВЦИК Советов / Сост. М. П. Годин. М., 1957–1963. С. 6, 16–17, 19–25, 36, 737–740. РГВА. Ф. 2504. Оп. 1 (Вводная статья).

[25] Часовой Кремля... С. 39.

[26] РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 371. Л. 9–9об.

[27] Часовой Кремля... С. 45.

[28] РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 371. Л. 4.

[29] Часовой Кремля... С. 723.

[30] ГИМ. КП 95717.

[31] Часовой Кремля... С. 723.

[32] РГВА. Д. 326.

[33] Приказом главного комиссара ВУЗ Республики от 22 июля 1918 года № 150 3-я Московская пулеметная школа была переименована во 2-е Московские пулеметные курсы командного состава РККА.

[34] Часовой Кремля... С. 71, 81.

[35] Московский Кремль — цитадель России. С. 202.

[36] 11 октября 1919 года Политбюро ЦК РКП приняло решение «назначить комендантом Кремля председателя Рязанского губисполкома т. Корнева, а Малькова оставить его помощником по военной части». Причем отмечалось, что у членов Политбюро нет недоверия к нему. Помощника по административно-хозяйственной части предполагалось назначить по приезде Корнева по соглашению с Мальковым. Комиссию по управлению Кремлем по вступлению Корнева на должность и принятия от нее дел было решено упразднить. Решение не было реализовано из-за противодействия отдельных ведомств. 1 марта 1920 года Ф. Э. Дзержинский доложил на Организационном бюро ЦК РКП о том, «что т. Корнев до сих пор еще не выехал из Харькова». В этот же день рассматривался вопрос «по поводу перемещения т. Малькова и Стрижака одного на место другого». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 29. Л. 1; Оп. 112. Д. 14. Л. 2, 4; Оп. 86. Д. 244. Л. 66; Д. 249. Л. 2.

[37] 7 октября 1919 года подготовлено; 28 октября 1919 года утверждено Президиумом ВЦИК.

[38] Московский Кремль — цитадель России. С. 205–206.

[39] Часовой Кремля... С. 74.

[40] Там же.

[41] Там же. С. 96.

[42] Московский Кремль — цитадель России. С. 206.

[43] *Мальков П.* Записки коменданта Московского Кремля. С. 114–115.

[44] Часовой Кремля... С. 96.

[45] *Мальков П.* Записки коменданта Московского Кремля. С. 106.

[46] Часовой Кремля... С. 101.

[47] Там же. С. 165–166.

[48] Гостиница «Националь» — 1-й Дом Советов; гостиница «Метрополь» — 2-й Дом Советов; здание бывшей Духовной семинарии на Садово-Каретной — 3-й Дом Советов; бывшая гостиница «Петергоф» на углу Моховой и Воздвиженки, д. 4 — 4-й Дом Советов. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 480. Л. 37–38.

[49] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 249. Л. 5–6.

[50] Там же. Оп. 84. Д. 34. Л. 2–2об, 4–10.

[51] Часовой Кремля... С. 311.

[52] Там же. С. 237.

[53] Там же. С. 268.

[54] Там же. С. 276–277.

[55] Цит. по: Московский Кремль — цитадель России. С. 261.

[56] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 39. Д. 86. Л. 312.

[57] Часовой Кремля... С. 284.

[58] В. И. Ленин и ВЧК. М., 1987. С. 530–531.

[59] РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 548. Л. 2.
[60] Часовой Кремля... С. 418.
[61] РГВА. Ф. 25024. Оп. 1. Д. 548. Л. 125.
[62] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 39. Д. 86. Л. 205–206.
[63] Там же. Оп. 140. Д. 197. Л. 36.
[64] Там же. Л. 41.
[65] Там же. Д. 48. Л. 80, 170.
[66] Там же. Л. 10, 97, 120.
[67] Часовой Кремля... С. 241.
[68] Московский Кремль — цитадель России. С. 281–283.
[69] См. подробнее: Гараж особого назначения... С. 135–138.
[70] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 1003. Л. 8.
[71] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 131–132.
[72] Часовой Кремля... С. 675–677.
[73] Подсчитано по: Ф. 17. Оп. 19. Д. 18. Л. 1–500.
[74] Лубянка: Сталин и ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1960. Справочник М., 1997. С. 221.
[75] Там же. 225–226.
[76] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 69; Оп. 3. Д. 1021. Л. 1.
[77] Лубянка: Сталин и ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. С. 221–227; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 1. Л. 17–32.
[78] Восьмая сессия Верховного Совета СССР. 25 февраля — 1 марта 1941 года. Стенографический отчет. М., 1941. С. 540–541, 582–583.
[79] Лубянка: Сталин и ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. С. 137.

ГЛАВА 7

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ОХРАНА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ РУКОВОДСТВА ГОСУДАРСТВА В 1941 — СЕРЕДИНЕ 1943 ГОДА

1941–1943 годы были временем не только реорганизации государственной охраны СССР, но и серьезного повышения служебного мастерства и военной подготовки личного состава Управления коменданта Московского Кремля и 1-го отдела — 6-го Управления НКВД — НКГБ СССР.

22 июня 1941 года приказом коменданта Московского Кремля № 79/с в 19.00 был введен режим усиленной охраны и обороны Кремля согласно утвержденному плану. Приказ был подписан в 08.30 утра[1]. К 19.00 на объект прибыли подразделения, находившиеся в летних лагерях в Подмосковье. К этому времени был вызван по тревоге с выходного дня командный состав комендатуры Кремля.

Усиленный режим охраны Московского Кремля вступал в силу поэтапно. В ротах Полка специального назначения (ПСН) и других подразделениях собрали личный состав, свободный от службы, которому было объявлено об отмене мероприятий выходного дня: соревнований по городкам и волейболу, киносеанса и концерта в клубе. В полдень вся жизнь в Московском Кремле замерла. По радио выступал В. М. Молотов. В этот день во всех ротах ПСН, как и на столичных заводах, фабриках, в учреждениях, прошли митинги. С этого момента в Управление коменданта Московского Кремля стали поступать указы, постановления, распоряжения органов власти и управления Советского

Начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР (отдел охраны), комиссар государственной безопасности 3 ранга Н. С. Власик.
1940 г.

Комендант Московского Кремля Н. К. Спиридонов.
Конец 1930-х гг.

Союза, по которым необходимо было принимать решения об их срочном исполнении. К этому надо прибавить большое количество приказов и указаний руководства НКГБ — НКВД СССР. Их также требовалось выполнять в кратчайшие сроки.

К середине 1941 года из-за резкого ухудшения положения на фронтах и стремительного изменения оперативной обстановки руководство страны было вынуждено прервать реформы в области государственной безопасности. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года «Об объединении Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности в единый Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР» вернул органы госбезопасности к положению на февраль 1941 года. Приказ НКВД СССР № 00983 от 31 июля 1941 года утвердил Управление коменданта Московского Кремля (УКМК) и 1-й отдел (отдел охраны) в структуре Народного комиссариата внутренних дел СССР во главе с прежними начальниками — генерал-майором Н. К. Спиридоновым и комиссаром государственной безопасности 3 ранга Н. С. Власиком[2].

С первых дней Великой Отечественной войны личный состав УКМК и 1-го отдела НКГБ СССР приступил к выполнению оперативно-служебных заданий в боевых условиях. Приготовления к несению службы в условиях войны оказались ненапрасными. Война потребовала от сотрудников охраны применить все имевшиеся знания и практический опыт для выполнения поставленных задач.

С введением дополнительных ограничений пропускного режима проход в Кремль стал производиться с обязательным предъявлением двух документов (служебное удостоверение и паспорт или партийный билет), а лица, идущие на охраняемый объект с оружием, обязаны были сдать его в бюро пропусков у Спасских или Троицких ворот. Это положение касалось руководства Наркомата обороны СССР, а с 20 октября 1941 года — и фельдъегерской службы НКВД СССР. Исключение составляли сотрудники 1-го отдела НКВД СССР. Позднее в УКМК произвели замену удостоверений личности и пропусков, в том числе и на автотранспорт, для прохода (проезда) в Московский Кремль. И одновременно были приняты меры, исключавшие возможность выезда сотрудников государственной охраны за

пределы города Москвы (в зону боевых действий) с вновь введенными пропусками и личными документами.

Личный состав Полка специального назначения, Отдельной транспортной роты, Военно-пожарной команды, составляющих военный гарнизон Московского Кремля, был переведен на казарменное положение. Вольнонаемный состав гражданского отдела УКМК с 20 июля 1941 года также был переведен на казарменное положение без права выхода с территории Московского Кремля. Гражданский персонал комендатуры наравне с военнослужащими принимал участие в дежурствах при налетах вражеской авиации.

26 июня 1941 года генерал-майор Н. К. Спиридонов представил заместителю Председателя СНК СССР, наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии записку, где предлагал безотлагательно приступить к маскировке Московского Кремля и прилегающих к нему территорий[3]. В документе отмечалось, что эти работы могли обеспечить следующие весьма ограниченные задачи:

— затруднить противнику при подлете отыскание Кремля на фоне города Москвы;

— уменьшить возможность прицельного бомбометания с пикированием по отдельным зданиям Кремля.

К записке прилагался проект плана маскировки Московского Кремля, подготовленный группой академика архитектуры Б. М. Иофана[6]. К работам приступили 28 июня и закончили их к 1 августа, хотя представленный план был утвержден только 14 июля 1941 года.

9 июля 1941 года ГКО СССР принял постановление №73/с «О создании службы маскировки при Московском совете», в котором обязал обеспечить маскировку таких объектов, как оборонные заводы, водопроводные станции, Кремль, Центральный телеграф, нефтехранилища и городские мосты. На следующий день, 10 июля, вышло постановление СНК РСФСР «О проведении мероприятий по маскировке объектов на территории г. Москвы»[7].

Управление коменданта Московского Кремля за маскировку вверенного объекта отвечало самостоятельно. Моссовет и соответствующие ведомства проводили маскировочные мероприятия на прилегающих к Кремлю территориях и зданиях (Красная площадь, ГУМ и здание Народного комиссариата обороны, Александровский сад, Манеж и т. д.).

Архитектурный ансамбль Московского Кремля всегда выделялся на общей панораме столицы как самостоятельная территория, отделенная от остального города стенами и башнями, площадями и Москвой-рекой. Особенно заметны кремлевские соборы с позолоченными куполами. Прочие здания резко контрастируют с пестрыми фасадами и красными крышами столичных домов: их фасады окрашены в светло-желтый, а крыши — только в зеленый цвет. Невысокая плотность застройки территории Кремля еще больше выделяла его, так как при воздушном наблюдении были видны целые фасады кремлевских зданий. Кроме того, в глаза буквально бросались большие зеленые массивы внутри объекта и вокруг него, отсутствующие в подобном количестве в центральной части Москвы.

Воздушная оборона Москвы

Военнослужащие Полка специального назначения УКМК НКВД СССР на строительстве оборонительных сооружений.
Москва. Осень 1941 г.

Согласно плану маскировки Кремля предполагались два варианта действий[8]. Первый вариант маскировки — плоскостная имитация — предусматривал в основном перекраску крыш и открытых фасадов всех кремлевских зданий и стен для создания на них перспективного вида городских зданий, что стало немедленно реализовываться. Погасили кремлевские звезды, а через некоторое время и вовсе закрыли их деревянными щитами, с позолоченных куполов сняли кресты, сами же купола задекорировали. Кроме того, была проведена имитационная окраска и присыпка городских кварталов, Манежной и Красной площадей, района Васильевского спуска и Ивановской площади в Кремле. Перекрашивались фасады дома № 2 НКО СССР, ГУМа и других зданий.

Второй вариант маскировки Кремля предусматривал объемную имитацию. Чтобы дезориентировать противника, строились ложные городские кварталы с комбинацией различных макетов. Так, в Александровском саду (по наружному контуру), на территории Красной площади, Тайницкого сада и откоса, Большого сквера в Кремле выстраивались макеты зданий по типу городских. Над Мавзолеем тоже был поставлен макет городского здания, примыкающего к корпусу № 1. Часть Тайницкого сада и трибуны Мавзолея перекрывались подвешенными полотнищами, раскрашенными под крыши обычных домов.

Безусловно, и плоскостная имитация, и объемное декорирование были одинаково действенны и в ночных, и в дневных условиях для бесснежного периода. Но от объемного макетирования было больше эффекта благодаря естественным теням и видимости фасадов зданий.

Маскировка Кремлевской стены и фасадов зданий.
Эскиз Б. М. Иофана. 1941 г.

Вид со стороны Красной площади

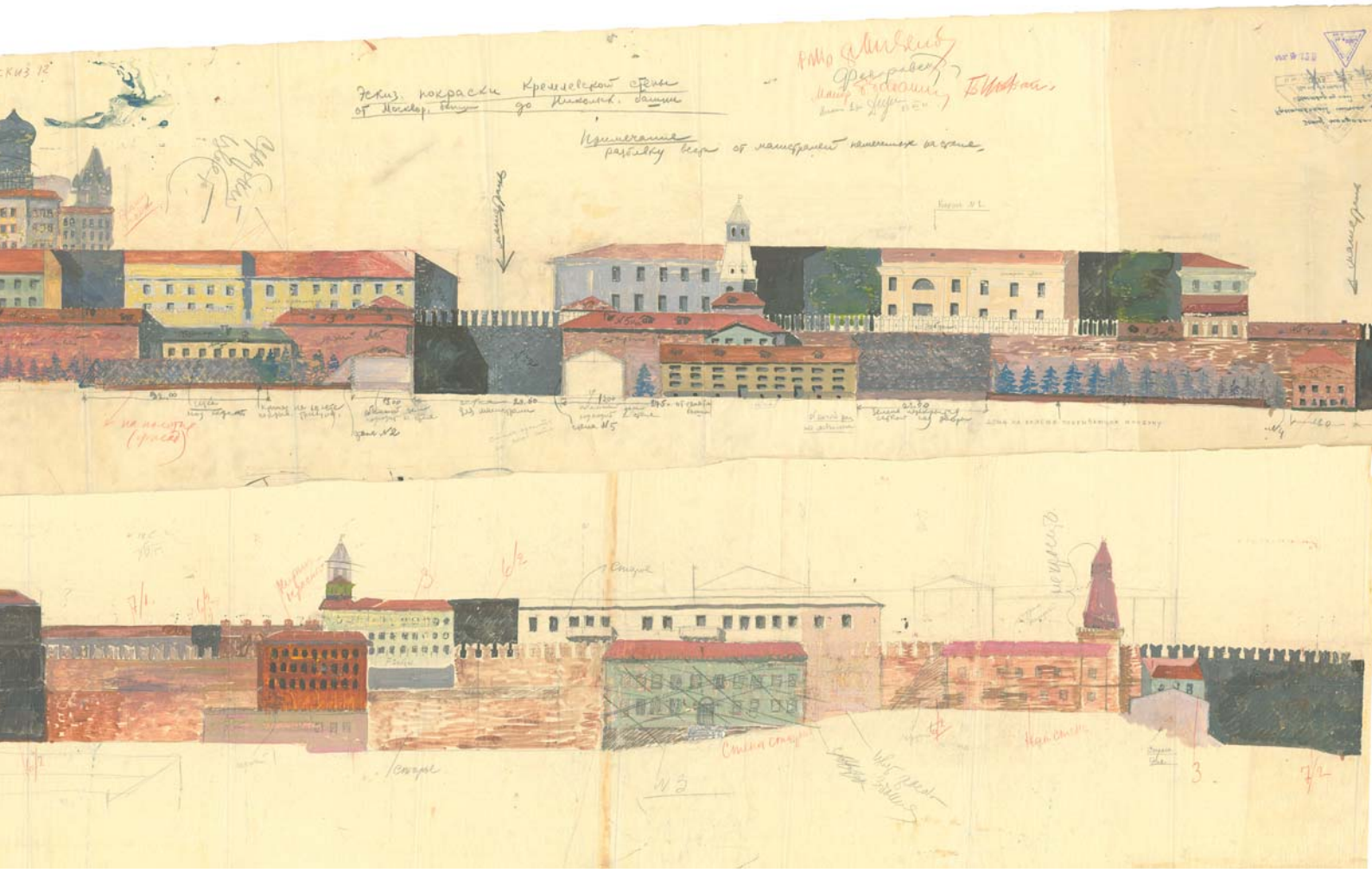
Вид со стороны Александровского сада

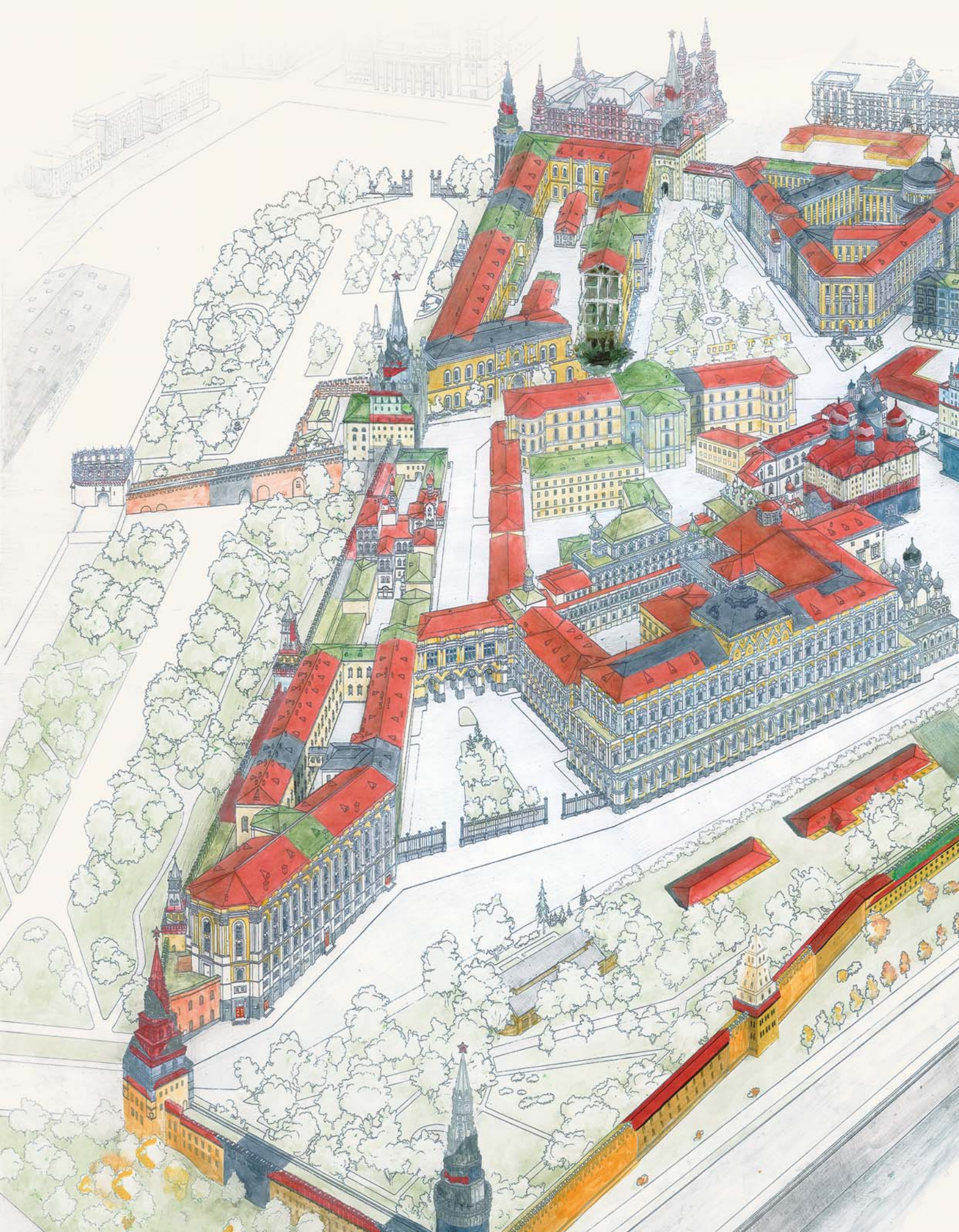
Контроль эффективности маскировки Кремля регулярно производили с воздуха: визуально и аэросъемкой с боевых высот. 29 июля 1941 года комиссия, в состав которой входил заместитель коменданта Московского Кремля майор государственной безопасности Н. С. Шпигов, провела наблюдение с тысячеметровой высоты — со всех сторон и под различными углами. Комиссия пришла к выводу о необходимости проведения дальнейшей работы по маскировке центра столицы и Московского Кремля[9].

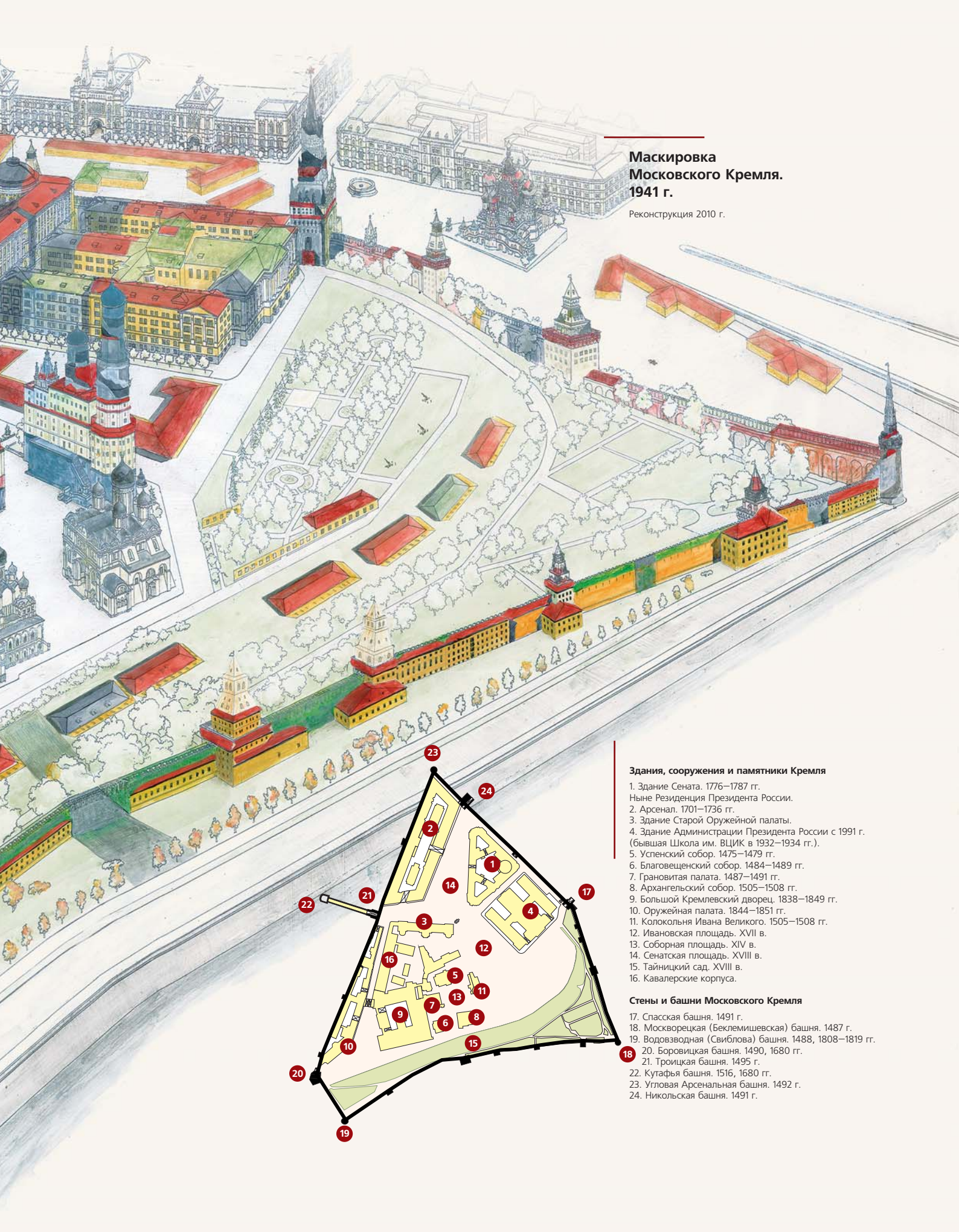
Уже через неделю после начала войны на крышах Оружейной палаты, Арсенала, Большого Кремлевского дворца (БКД), корпусов № 3 и 14 были размещены зенитные пулеметные точки. 29 июля для повышения уровня противовоздушной обороны объекта в районе Большого сквера Кремля были установлены две зенитные батареи корпуса ПВО: одна — среднего калибра, другая — мелкокалиберная.

Стараясь предусмотреть и уменьшить возможные людские потери и материальный ущерб, комендатура Московского Кремля принимала превентивные меры. С 20 июля 1941 и до середины 1943 года, времени окончания бомбардировок столицы, подразделения УКМК НКВД СССР ежесуточно выделяли более сотни военнослужащих для тушения зажигательных бомб, падающих во время воздушных нападений на крыши и чердаки кремлевских зданий. С августа 1941 года при объявлении воздушной тревоги на территории Кремля выставлялось пять подвижных медицинских постов по два человека в каждом.

Предпринятые действия, в том числе и активное применение средств ПВО, и самоотверженность защитников помогли сохранить архитектурный ансамбль Московского Кремля с его соборами, музеями, историческими и культурными ценностями. Тем не менее разрушений и потерь







Маскировка Московского Кремля. 1941 г.

Реконструкция 2010 г.

Здания, сооружения и памятники Кремля

1. Здание Сената. 1776–1787 гг.
Ныне Резиденция Президента России.
2. Арсенал. 1701–1736 гг.
3. Здание Старой Оружейной палаты.
4. Здание Администрации Президента России с 1991 г.
(бывшая Школа им. ВЦИК в 1932–1934 гг.).
5. Успенский собор. 1475–1479 гг.
6. Благовещенский собор. 1484–1489 гг.
7. Грановитая палата. 1487–1491 гг.
8. Архангельский собор. 1505–1508 гг.
9. Большой Кремлевский дворец. 1838–1849 гг.
10. Оружейная палата. 1844–1851 гг.
11. Колокольня Ивана Великого. 1505–1508 гг.
12. Ивановская площадь. XVII в.
13. Соборная площадь. XIV в.
14. Сенатская площадь. XVIII в.
15. Тайницкий сад. XVIII в.
16. Кавалерские корпуса.

Стены и башни Московского Кремля

17. Спасская башня. 1491 г.
18. Москворецкая (Беклемишевская) башня. 1487 г.
19. Водовзводная (Свиблова) башня. 1488, 1808–1819 гг.
20. Боровицкая башня. 1490, 1680 гг.
21. Троицкая башня. 1495 г.
22. Кутафья башня. 1516, 1680 гг.
23. Угловая Арсенальная башня. 1492 г.
24. Никольская башня. 1491 г.

от налетов немецкой авиации не удалось избежать. О масштабах бомбардировок Кремля красноречиво говорят данные из специальных донесений за 1941–1942 годы[10].

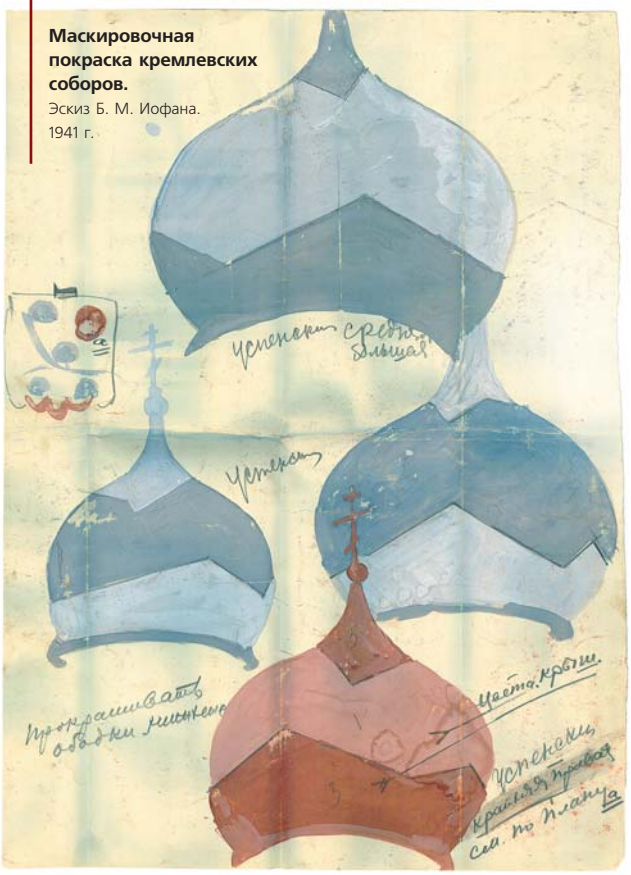
Первая бомбардировка Московского Кремля произошла в ночь с 21 на 22 июля 1941 года.

Одна из бомб фугасного действия весом в 250 кг, начиненная аммоналом, попала в Большой Кремлевский дворец, пробив крышу и потолочное перекрытие Георгиевского зала. Однако случилось чудо — бомба не взорвалась. Долетев до пола зала, она развалилась, образовав бесформенную воронку. Пробитое снарядом отверстие в крыше имело размеры — 40 х 50 см, в потолке — 90 х 100 см. Свод первого этажа под Георгиевским залом выдержал, но дал трещины, от него откололся кусок весом около 60 кг. Если бы произошел взрыв, то большая часть Георгиевского зала и соседних с ним помещений были бы безвозвратно утеряны. На чердаке дворца также была найдена неразорвавшаяся термитная (зажигательная) бомба весом в 1 кг.

На склон Тайницкого сада, в тридцати метрах от БКД, упала бомба фугасного действия весом в 50 кг, которая взорвалась, не причинив никакого ущерба. Диаметр воронки составил 5 м, глубина — 2 м. Зажигательные бомбы весом в 1 кг были сброшены: в районе Никольских ворот — 5 штук, в районе Троицких ворот — 2 штуки. К счастью, бомбы ущерба не причинили и были вовремя погашены. В районе Комендантской башни упала, ударившись о кремлевскую стену со стороны Александровского сада, наливная зажигательная бомба весом 25 кг. Горючее (нефть) разбрызгалось на площади 60 м^2, но не воспламенилось.

В эту ночь самолетами противника на Москву были сброшены 1521 фугасная бомба и 56 620 зажигательных авиабомб. В результате бомбардировок пострадало 6380 человек, из них 1327 — были убиты. К центру города удалось прорваться лишь одиночным самолетам врага. Первая боевая воздушная тревога в общей сложности длилась 6 часов.

23 июля 1941 года в 02.15 вражескими самолетами на Московский Кремль было сброшено 76 термитно-зажигательных бомб весом в 1 кг: на Соборную площадь — 14 бомб, в Большой сквер — 15, на чердак Большого Кремлевского дворца — 4, на чердак корпуса № 14 — 3 бомбы и т. д. Все они были своевременно затушены личным составом гарнизона Кремля, и ни один объект не пострадал. Помимо зажигательных бомб на территорию Красной площади упали три фугасные бомбы (между Мавзолеем В. И. Ленина и зданием ГУМа), причинившие незначительные повреждения тротуару и проезжей части.



Маскировочная покраска кремлевских соборов.
Эскиз Б. М. Иофана.
1941 г.

Вместе с бомбами противник сбрасывал и большое количество листовок. Но во всех перечисленных случаях потерь в личном составе не было.

С 6 на 7 августа врагом было сброшено на территорию Кремля 67 термитно-зажигательных бомб весом 1 кг, которые также были затушены, не успев причинить вреда. Кроме того, на территорию Тайницкого сада упали две осветительные бомбы весом по 50 кг. Бомбы не воспламенились, были обезврежены и вывезены из Кремля. В эту ночь потерь среди личного состава тоже не случилось.

В ночь с 11 на 12 августа по сигналу «Воздушная тревога» личный состав гарнизона Московского Кремля был укрыт в убежищах, а часть его приведена в боевую готовность для службы ПВО и на противопожарных мероприятиях. Примерно в 0.30 сотрудники УКМК зафиксировали звук мотора самолета, который на высоте 4–5 км в течение нескольких минут кружил над Кремлем. Самолет оставил два круга дымовой полосы с перекрестием в центре, обозначив тем самым местоположение Кремля. Зенитная артиллерия внутреннего округа ПВО Москвы огонь по этому самолету не открывала. Видимо, его приняли за советский истребитель.

Около 1.00–1.10 самолеты противника по этому ориентиру сбросили серию фугасных бомб, две из которых упали на территорию Кремля: одна, ориентировочно весом в 100 кг, — у подъезда президиума Большого Кремлевского дворца; другая, ориентировочно весом в 1000 кг, — на здание Арсенала. Вне территории Кремля, в 25 м от Боровицких ворот, на проезжую часть упала бомба весом в 50 кг, а бомба в 100 кг — на территорию Александровского сада, в 50 м от этих же ворот. На этот раз попавшие на территорию Кремля бомбы произвели серьезные разрушения. В районе БКД был поврежден электрический кабель, разбиты стекла и рамы Екатерининского зала, Собственной половины и комнат президиума, поломана дверь подъезда Большого Кремлевского дворца, пострадал также корпус № 9. В Арсенале взрывом разрушило всю восточную часть здания, серьезно пострадали расположенный во дворе этого здания Малый гараж, общежития подразделений гарнизона, складские помещения, столовая и кухня УКМК. Зенитно-пулеметная огневая точка была уничтожена, разбиты стекла в окнах здания Правительства, здания УКМК, 3-го корпуса и в остальной, не разрушенной части Арсенала.

Из состава наряда пострадали 68 человек, из них 15 человек были убиты, 23 человека получили средние и тяжелые ранения, 17 — легкие. 13 человек не были найдены вообще.

Шесть легковых автомашин было разбито: два ЗИС-101, четыре машины М-1; повреждено два автомобиля ЗИС-101 и один М-1.

Фугасными бомбами, упавшими вне Кремля, были выведены из строя телефонные кабели, связывавшие Кремль с Домом правительства и рядом наркоматов, в том числе с НКВД. Интересен и еще один факт. Через несколько дней после этой бомбардировки на втором этаже корпуса № 1 в кабинете И. В. Сталина Особого сектора ЦК ВКП(б) был выставлен солдатский пост комендатуры. В задачу часового входило наблюдение за проведением работ по замене оконных переплетов, пришедших в негодность во время последней бомбардировки.

Снимок Московского Кремля, сделанный немецким самолетом-разведчиком 22 июля 1941 г.

29 октября 1941 года в 19.22, в момент выхода подразделений из Арсенала в бомбоубежище, с вражеского самолета на территорию двора Арсенала была сброшена бомба

Кремлевский Арсенал после бомбежки.
Фото зимы 1941–1942 гг.

фугасного действия (предположительно весом в 500 кг). Этот налет принес самые большие потери среди личного состава. Пострадали 146 человек, из них 41 убит, не найдены — 4, тяжело ранены — 54, легко — 47 человек[11].

Кроме того, был окончательно разрушен Малый гараж, разбиты три автомашины и один мотоцикл, разрушены помещения, расположенные в нижнем этаже Арсенала, и две арсенальные лестницы, выходящие во двор. Во внутренних помещениях возник пожар, усугубивший и без того тяжелую ситуацию.

В первой половине 1942 года бомбардировки Московского Кремля немецкой авиацией продолжались. 6 марта в 01.10 в Кремле взорвались три фугасные бомбы. Бомба весом в 500 кг упала около Набатной башни, близ Спасских ворот, и попала в щель, где укрывались восемь бойцов Полка специального назначения. Они попали под действие взрывной волны и получили ранения различной степени тяжести. Одна пятидесятикилограммовая бомба упала на площади напротив здания УКМК, другая — на проезжей части у Архангельского собора. В результате налета были убиты восемь человек, умерли впоследствии от ран четверо военнослужащих, ранены и контужены 32 человека. Взрывами также был причинен ущерб ряду зданий на территории Кремля.

29 марта при налете вражеской авиации пятидесятикилограммовая фугасная бомба упала в Тайницкий сад, напротив Безымянной башни, и попала в машину с боеприпасами. Были уничтожены 39 снарядов, 171 винтовочный патрон, два грузовика. Взрывной волной разбило часть стекол в здании УКМК. Человеческих жертв не было. Как выяснилось впоследствии, эта была последняя из восьми бомбардировок Московского Кремля.

От бомбардировок кроме Кремля сильно пострадали и другие объекты, охрану которых обеспечивали подразделения 1-го отдела НКВД СССР: здания ЦК ВКП(б) на Старой площади, Большой театр Союза ССР, склады и прочие сооружения.

Всего за годы войны Московский Кремль бомбили восемь раз — пять в 1941-м и три в 1942 году. На Кремль и его окрестности было сброшено 15 фугасных (вес от 50 до 1000 кг), 151 зажигательная (термитная) и две осветительные бомбы[12]. Самые сильные разрушения в Кремле и большие человеческие жертвы в Кремлевском гарнизоне принесли бомбардировки 12 августа и 29 октября 1941 года.

Людские потери от бомбардировок Кремля за первые два года войны составили:

— убиты, пропали без вести и умерли от ран — 94 человека;

— тяжело ранены — 88 человек;

— легко ранены — 76 человек.

За период с 21 июля 1941 до середины 1942 года (времени окончания наиболее интенсивных бомбардировок столицы) зафиксировано 7202 непосредственно участвовавших в нападении на Москву немецких самолета, совершивших 125 воздушных налетов — 95 ночных и 30 дневных. Эти данные приводятся без учета обнаруженных в зоне Москвы малочисленных групп и одиночных самолетов противника. К столице удалось прорваться 338 самолетам люфтваффе, что составило 4% от всех, вылетавших на бомбардировку города. За этот период средствами ПВО на подступах к Москве уничтожено 1086 самолетов противника — почти 15% от общего количества.

Налеты немецких самолетов до декабря 1941 года проходили в основном на высоте 3000 метров. Затем, до середины 1942 года, — на высоте 5000–6000 метров, в последующем (налеты малочисленных групп и одиночных самолетов) — 8000–11 000 метров, что резко снижало эффективность действий вражеской авиации, а значит, и опасность поражения Московского Кремля и других охраняемых объектов[13].

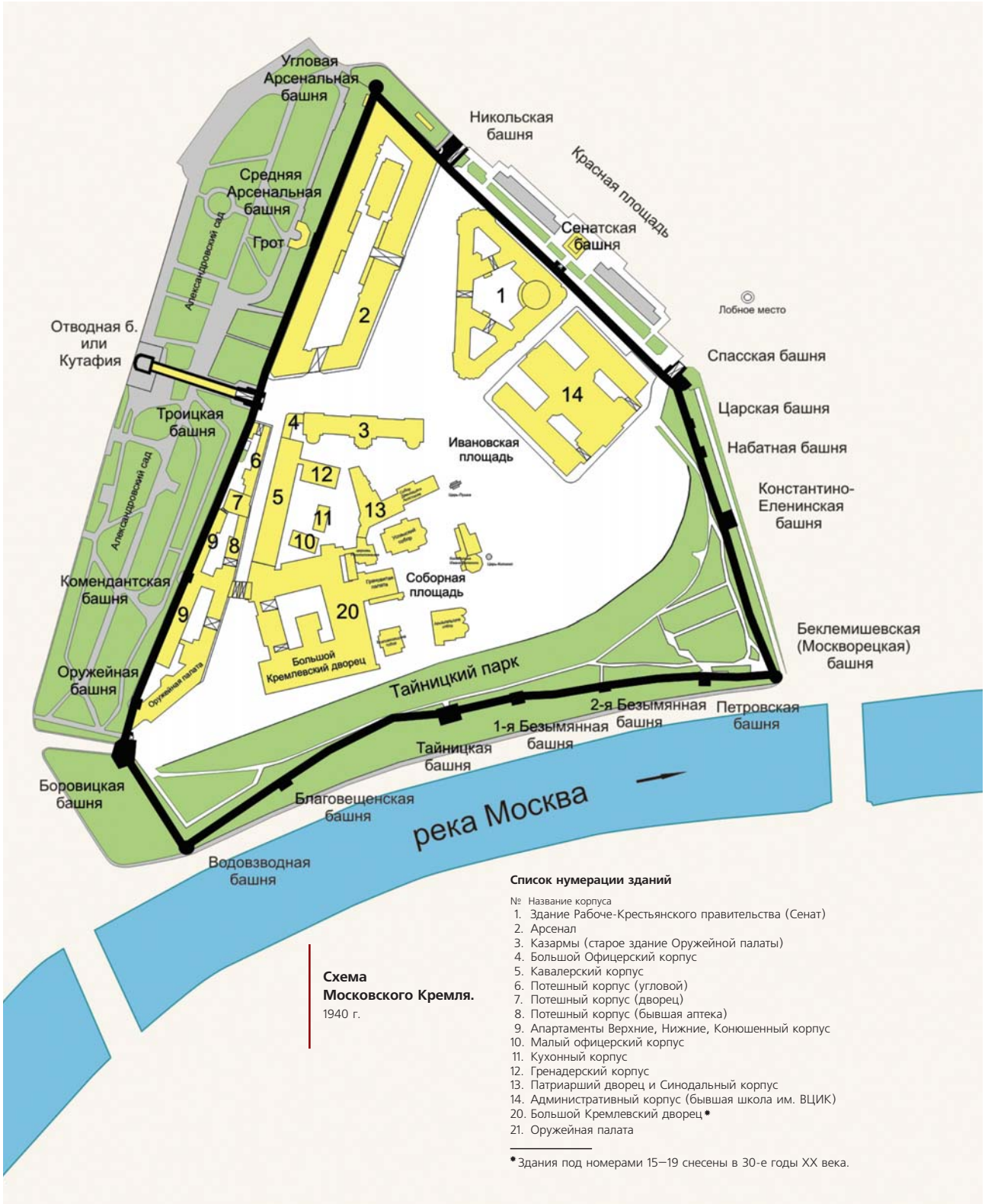


Схема Московского Кремля.
1940 г.

Список нумерации зданий

№ Название корпуса
1. Здание Рабоче-Крестьянского правительства (Сенат)
2. Арсенал
3. Казармы (старое здание Оружейной палаты)
4. Большой Офицерский корпус
5. Кавалерский корпус
6. Потешный корпус (угловой)
7. Потешный корпус (дворец)
8. Потешный корпус (бывшая аптека)
9. Апартаменты Верхние, Нижние, Конюшенный корпус
10. Малый офицерский корпус
11. Кухонный корпус
12. Гренадерский корпус
13. Патриарший дворец и Синодальный корпус
14. Административный корпус (бывшая школа им. ВЦИК)
20. Большой Кремлевский дворец*
21. Оружейная палата

* Здания под номерами 15—19 снесены в 30-е годы XX века.

Схема Московского Кремля и его окрестностей с указанием мест попадания авиационных бомб противника. 1941–1942 гг.

Условные обозначения

Несмотря на то что интенсивность бомбардировок столицы в конце весны 1942 года уменьшилась, Москва до августа 1943-го оставалась прифронтовым городом и до этого времени налеты вражеских бомбардировщиков продолжались. Реальная опасность бомбардировок сохранялась до конца 1944 года. В связи с этим Управление коменданта Московского Кремля четко выполняло все мероприятия, предусмотренные планом противовоздушной обороны, проводя почти до конца войны светомаскировку объекта и выставляя необходимые наблюдательные, противопожарные и медицинские посты.

Как известно, в эти годы на территории Московского Кремля в здании Рабоче-Крестьянского правительства СССР (корпус № 1) размещались Государственный комитет обороны (ГКО) СССР и Совет народных комиссаров (СНК) Союза ССР. Здесь же находились кабинеты Председателя СНК СССР и некоторых его заместителей. На первом этаже был кабинет К. Е. Ворошилова — члена ГКО СССР (до ноября 1944 года). На втором этаже работали члены ГКО Л. П. Берия и Г М. Маленков, а также Н. А. Вознесенский, Л. М. Каганович и А. И. Микоян — члены ГКО СССР с февраля 1942 года. Кабинет Председателя ГКО И. В. Сталина находился там же, на втором этаже, в Особом секторе ЦК ВКП(б). Ряд помещений третьего этажа занимали заместитель Председателя ГКО СССР В. М. Молотов и Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин со своими секретариатами и рабочим аппаратом. В декабре 1942 года для контроля работы союзных наркоматов

Сведения о бомбардировках Московского Кремля и окружающей территории в 1941–1942 годах

В ночь с 21 на 22 июля 1941 г.

1а ФАБ (фугасная авиационная бомба) массой 250 кг попала в Георгиевский зал БКД, пробив крышу и потолочное перекрытие. Бомба не взорвалась.

1б ФАБ массой 100 кг упала на склон Тайницкого сада в 30 м от БКД. Взорвалась, не причинив ущерба.

1в Наливная зажигательная бомба массой 25 кг была сброшена в районе Комендантской башни. Ударившись о Кремлевскую стену со стороны Александровского сада, горючее (нефть), разбрызганное на площади 60 м², не воспламенилось.

Примечание: во время бомбардировки на Московский Кремль было сброшено противником и обезврежено 8 зажигательных (термитных) бомб, каждая массой 1 кг.

В ночь с 22 на 23 июля 1941 г.

2а Три ФАБ упали на Красную площадь (между Мавзолеем В. И. Ленина

2б и зданием ГУМа), причинив незначительные повреждения тротуару и проезжей части.

2в Одна бомба не взорвалась.

Примечание: во время бомбардировки на Московский Кремль было сброшено противником и обезврежено 76 зажигательных (термитных) бомб, каждая массой 1 кг.

В ночь с 6 на 7 августа 1941 г.

3а Две осветительные бомбы массой по 50 кг упали на территорию Тайницкого сада.

3б Бомбы не воспламенились.

Примечание: во время бомбардировки на Московский Кремль было сброшено противником и обезврежено 67 зажигательных (термитных) бомб, каждая массой 1 кг.

3в На территорию Троицкого моста упал сбитый и загоревшийся аэростат.

В ночь с 11 на 12 августа 1941 г.

4а ФАБ массой 100 кг упала у подъезда президиума БКД со стороны Императорской площади.

4б ФАБ массой 500 кг упала на здание Арсенала.

4в ФАБ массой 50 кг упала на проезжую часть в 25 метрах от Боровицких ворот.

4г ФАБ массой 100 кг упала на территорию Александровского сада в 50 м от Боровицких ворот.

29 октября 1941 г.

5 ФАБ массой 500 кг упала на территорию двора Арсенала рядом со Сталинским гаражом.

6 января 1942 г.

6 ФАБ массой 500 кг упала на склон Тайницкого сада у Боровицких ворот.

6 марта 1942 г.

7а ФАБ массой 500 кг упала рядом с Набатной башней в районе Спасских ворот.

7б ФАБ массой 50 кг упала на Ивановскую площадь рядом с корпусом № 14.

7в ФАБ массой 50 кг упала на проезжую часть напротив Архангельского собора.

29 марта 1942 г.

8 ФАБ массой 50 кг упала в районе Тайницкого сада напротив Безымянной башни.

Во время бомбардировок Московского Кремля на его территорию противником было сброшено несколько сотен пропагандистских листовок.

было создано Оперативное бюро ГКО СССР. Руководитель Оперативного бюро ГКО СССР Л. П. Берия и аппарат этого органа управления разместились на третьем этаже корпуса № 1.

В Московском Кремле к началу войны и в дни обороны столицы были прописаны и имели квартиры следующие руководители Советского Союза:

И. В. Сталин — квартира № 1, корпус № 1 (здание Рабоче-Крестьянского правительства СССР);

В. М. Молотов — квартира № 36, корпус № 5 (Кавалерский корпус);

К. Е. Ворошилов — квартира № 12, корпус № 9 (Апартаменты БКД);

Л. М. Каганович — квартира № 1, корпус № 20 (Детская половина БКД);

А. И. Микоян — квартира № 33, корпус № 5 (Кавалерский корпус);

Н. А. Вознесенский — квартира № 28, корпус № 5 (Кавалерский корпус), переехал на жительство в Московский Кремль в феврале 1942 года;

А. А. Андреев — член Политбюро ЦК ВКП(б), квартира № 22, корпус № 5 (Кавалерский корпус);

А. А. Жданов — член Политбюро ЦК ВКП(б), квартира № 34, корпус № 5 (Кавалерский корпус), за военный период квартира занималась им девять раз в дни приезда из Ленинграда;

М. И. Калинин — Председатель Президиума Верховного Совета СССР, квартира № 30, корпус № 5 (Кавалерский корпус).

Без учета охраняемых лиц и членов их семей к началу войны в Московском Кремле проживало 68 семей (239 человек). В основном это были семьи персональных пенсионеров (среди них Д. И. Ульянов — брат В. И. Ленина, С. С. Дзержинская — жена Ф. Э. Дзержинского, В. М. Менжинская — жена В. Р. Менжинского, З. Г. Павлуцкая-Орджоникидзе — жена Г. К. Орджоникидзе, О. Е. Аллилуева — мать второй жены И. В. Сталина Н. С. Аллилуевой) и руководителей комендатуры Московского Кремля и его отдельных подразделений — коменданта Кремля Н. К. Спиридонова, его заместителей П. Е. Косынкина, Ф. И. Конкина, Н. С. Шпигова, командира Полка специального назначения Т. Ф. Евменчикова, командира Отдельного офицерского батальона НКВД СССР И. К. Запорожца и других. Кремлевское место жительства имели также несколько сотрудников личной охраны и обслуживающего персонала 1-го отдела НКГБ — НКВД СССР. В кремлевских общежитиях (корпуса № 14 и Арсенала), куда допуск для посторонних был закрыт, проживали несколько десятков холостых офицеров гарнизона и несемейные сотрудники гражданского отдела комендатуры.

Повседневная жизнь в Московском Кремле, со своим отработанным годами распорядком, с 22 июня 1941 года значительно изменилась. Через неделю после начала войны перестали играть кремлевские куранты. К середине июля в Кремле закончили оклейку окон полосками материи, крест-накрест, по диагонали. Все разговоры на служебные темы вне расположения кремлевских частей были запрещены. Это касалось и почтовых отправлений. Новые законы и приказы формировали новый образ жизни. Порядки в городе с каждым днем становились строже. Так, москвичам запрещалось с двенадцати ночи до четырех утра ходить по городу и ездить на автомобилях, не имея на то специального пропуска. Без специального разрешения нельзя было проводить фото- и киносъемки.

В состав гражданского отдела УКМК входили рабочие и служащие разных специальностей: электрики, сантехники, газовщики, связисты, дворники, истопники, повара, кровельщики, рабочие складов и т. д. Это был вольнонаемный состав, и никто из них не имел «брони». С началом войны неаттестованные мужчины призывного возраста из гражданского отдела УКМК были направлены в военные комиссариаты. В связи с их уходом в армию большую часть работы по обслуживанию Управления пришлось возложить на женщин и пенсионеров. В отдельных хозяйственно-производственных группах женщины замещали от 60 до 100 процентов ранее занимаемых мужчинами должностей (дворники, истопники, сторожа, связисты и т. д.). Вновь на работу, с их согласия, а во многих случаях по их просьбе, были приняты десятки старых, квалифицированных работников-пенсионеров[14].

К августу 1941 года и в Полку специального назначения образовался некомплект, поскольку значительная часть личного состава находилась в длительных командировках. С течением времени из-за потерь от бомбардировок некомплект постоянно увеличивался.

В начала октября 1941 года в Московском Кремле, как и во всех районах столицы, стали наблюдаться перебои с подачей электричества, бытового газа и воды. С декабря газ в Кремле практически отключили, и все его обитатели стали посещать бани, которых в столице к этому времени работало всего девять. Сохранились свидетельства о том, что с января 1942 года руководство Советского государства стало

пользоваться услугами Центральных бань. Все военное время в Кремле для его жителей работала парикмахерская. Военнослужащие подстригались в своих подразделениях.

Несмотря на вражеские налеты и общую сложную обстановку, Кремль продолжал работать в отлаженном режиме. В документах УКМК НКВД СССР[15] сохранились сведения по пропуску посетителей через посты охраны Московского Кремля с ноября 1941 по март 1942 года. По записям журнала Особого сектора ЦК ВКП(б), за этот период И. В. Сталин принимал посетителей в своем кабинете 15 и 27 ноября. 27 ноября 1941 года А. М. Василевский находился в кабинете И. В. Сталина с 01.25 до 03.45. В этот же день генерал-лейтенант А. М. Василевский приезжал к И. В. Сталину и в 19.30.

По документам УКМК, у Верховного главнокомандующего 14 ноября в 23.30 был генерал-лейтенант П. Ф. Жигарев (с тремя офицерами), 17 ноября в 23.05 — генерал-лейтенант П. Ф. Жигарев и генерал-майор И. Ф. Петров, 26 ноября в 24.00 — генерал-майор И. Ф. Петров, 29 ноября в 05.05 — Г. К. Жуков, в 11.40 — А. М. Василевский, а в 19.30 — полковой комиссар А. А. Амелин.

За ноябрь месяц 1941 года в Кремле 11 раз побывал А. П. Матвеев — личный парикмахер И. В. Сталина с 1927 года. Отмечен систематический приход в Московский Кремль поваров и других сотрудников обслуживающего персонала.

4 января 1942 года в 08.10 к И. В. Сталину из Куйбышева в сопровождении воспитательницы А. А. Бычковой приехала его дочь Светлана.

Все военные годы весьма активно функционировал главный кинотеатр СССР — кинозал в Большом Кремлевском дворце. Именно здесь 12 января 1942 года членам Государственного комитета обороны СССР был впервые показан фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой». В годы Великой Отечественной в проекционной будке Кремлевского кинозала не реже одного раза в неделю появлялись коробки с новыми фильмами. Особое внимание И. В. Сталин и другие члены ГКО СССР уделяли фронтовой кинохронике. Стратегическую обстановку на фронтах они исчерпывающе знали по регулярным докладам. Реальное же представление о том, что происходит на передовой, что творится в окопах и как выглядит эта война, Верховный главнокомандующий мог получить только по кадрам фронтовой кинохроники. И потому ее смотрели в Кремлевском кинозале особенно много и внимательно.

Начиная с середины 1942 года просмотр фильмов в Кремлевском кинозале входил в программу официальных приемов в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца (по желанию гостей, а также по предложению советского руководства). Демонстрировали довоенные советские кинокомедии, малоизвестные за границей, — «Цирк», «Веселые ребята», «Волга-Волга».

Война ставила перед Управлением коменданта Московского Кремля новые, иногда не свойственные подразделениям охраны задачи, которые приходилось решать в сжатые сроки. В первые недели войны фронт быстро приближался к Москве, оперативная обстановка ежедневно усложнялась. С июля и до конца 1941 года комендатурой Московского Кремля были приняты дополнительные меры по усилению охраны и обороны объекта.

Тогда же для успешного ведения боя при возможном соприкосновении с войсками противника в подразделениях УКМК НКВД СССР началась подготовка истребительных групп по борьбе с фашистскими танками (из расчета 2–3 человека на отделение). Теоретическая подготовка проходила в Кремле, практическое, боевое обучение — на полигоне. К концу августа 1941 года поставленная задача по подготовке истребителей фашистских танков была в основном выполнена.

В сентябре 1941 года Кремлевский гарнизон начал подготовку к возможному отражению наземного нападения немецких войск на Московский Кремль, к боям в окружении и на территории охраняемого объекта. С этого времени все подразделения Кремлевского гарнизона имели закрепленные за ними участки обороны. Командиры подразделений, начальники застав (караулов), коменданты комендатур персонально отвечали за состояние обороны вверенного участка (территории) и были обязаны всеми имеющимися у них силами и средствами не допустить прорыва противника в Кремль, уничтожив его на подступах к объекту. Руководство обороной должно было осуществляться с места, где решался успех боя.

Задачу по уничтожению бронетехники и живой силы противника в районе Боровицких, Троицких, Никольских и Спасских ворот поставили двум зенитным артиллерийским батареям, размещенным в Большом сквере напротив здания УКМК (корпус № 14), а также пяти зенитным пулеметным расчетам, расположенным на крышах кремлевских зданий: № 2, 3, 9, 14 и 20. В связи со сложившейся ситуацией комендант Московского Кремля 3 октября 1941 года подписал приказ «О введении в действие плана обороны Москов-

ского Кремля»[16]. Личный состав Кремлевского гарнизона целенаправленно готовился к возможному штурму противником Московского Кремля и боям на его территории.

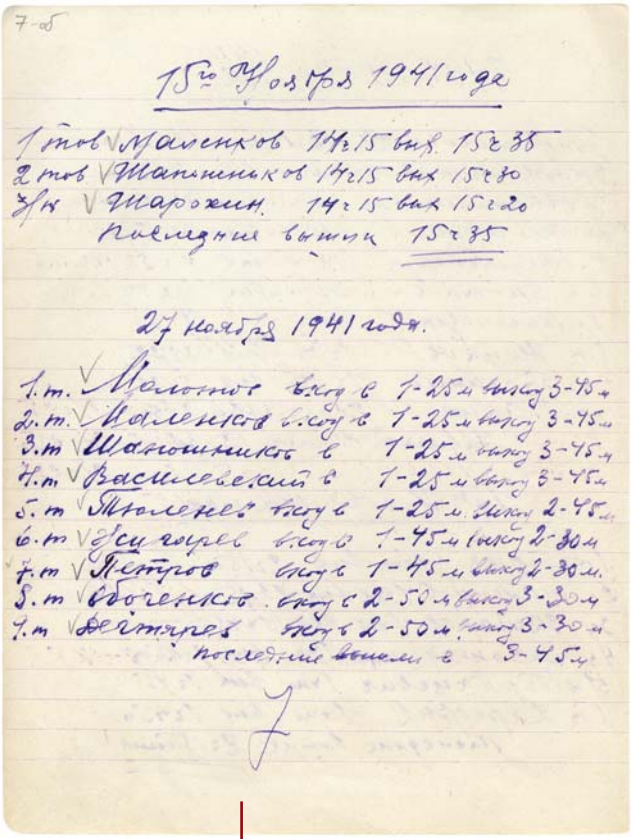
10 октября 1941 года комендант Кремля сообщил в НКВД СССР о готовности к проведению специальных мероприятий — минированию ряда объектов: правительственной и кремлевской АТС, водонасосной и тепловой станций, электрической подстанции, бомбоубежища. Для этого запрашивалось четыре тонны взрывчатых веществ, необходимое количество детонаторов и бикфордова шнура. Н. К. Спиридонов просил указаний по проведению минирования утвержденных к уничтожению объектов[17]. Но решение о минировании Московского Кремля так и не было принято.

20 октября 1941 года, в связи с выходом постановления ГКО «О введении в г. Москве осадного положения»[18], комендантом Кремля были предприняты дополнительные меры по усилению охраны объекта. Например, проезд машин в Кремль и выезд из Кремля прекращался с 0 часов до 6 утра, за исключением машин охраняемых лиц; машины фельдсвязи направлялись на стоянку к Спасским воротам; сотрудники фельдсвязи допускались через Спасские ворота. Вход через посты в это время суток осуществлялся только после подтверждения служащего, к которому следовал посетитель.

В этих сложных условиях УКМК НКВД СССР и 1-м отделом НКВД СССР были проведены два мероприятия, вошедшие в историю: торжественное заседание Моссовета с партийными и общественными организациями столицы, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции, на станции метро «Маяковская» 6 ноября и парад на Красной площади 7 ноября 1941 года. Оба мероприятия готовились в условиях жесточайшего лимита времени и строжайшей конспирации. Личный состав подразделений охраны узнавал о своих служебных заданиях только на месте их проведения или во время инструктажа, незадолго до начала мероприятий. Приказ об организации охраны торжественного заседания на станции метро «Маяковская» был подписан утром в день проведения.

Полк специального назначения УКМК НКВД СССР выделил в резерв начальника охраны два взвода автоматчиков. Эта группа во главе с командиром взвода лейтенантом М. Г. Красовским использовалась для закрытия проходов на платформу со стороны тоннелей. Начальник УКМК генерал-майор Н. К. Спиридонов отвечал за обеспечение безопасности в окружении входа на станцию метро «Маяковская». Для перекрытия улиц и площади у входа в метро к имеющимся в его распоряжении нескольким ротам Полка специального назначения приказом наркома было выделено дополнительно два батальона Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения (ОМСДОН) имени Ф. Э. Дзержинского НКВД СССР.

Сотрудники 1-го отдела НКВД СССР организовали охрану станции метро «Маяковская» и радиофикацию зала, выписали пригласительные билеты и пропуска, осуществили допуск приглашенных на заседание. На станции метро «Белорусская» был сформирован специальный поезд из десяти вагонов, который доставил охраняемых лиц на станцию «Маяковская» за пять минут до начала мероприятия. На противоположной стороне платформы также находился состав из десяти вагонов: вагон звукозаписи, платформа с оркестром, вагоны, использовавшиеся под гардеробы и буфеты для участников заседания. Вестибюль станции метро вмещал 2000 человек[19].


7-05

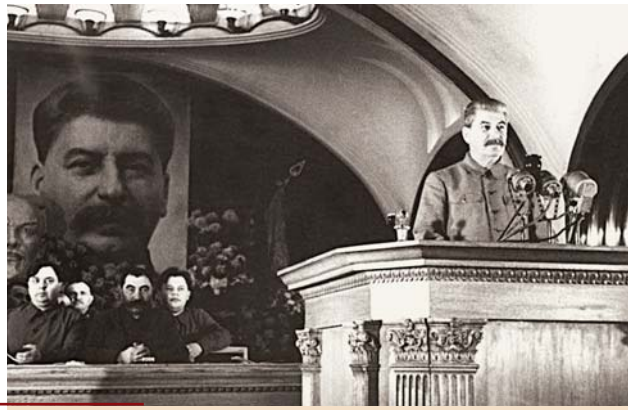
15-го Ноября 1941 года

1 тов Маленков 14-15 вых 15-35
2 тов Шапошников 14-15 вых 15-30
3/н Шарохин 14-15 вых 15-20
Последние выход 15-35

27 ноября 1941 года.

1. т. Молотов вход в 1-25 м выход 3-45 м
2. т. Маленков вход в 1-25 м выход 3-45 м
3. т Шапошников в 1-25 м выход 3-45 м
4. т Василевский в 1-25 м выход 3-45 м
5. т Тюленев вход в 1-25 м выход 2-45 м
6. т Усиченко вход в 1-45 м выход 2-30 м
7. т Петров вход в 1-45 м выход 2-30 м.
8. т Оболенков вход в 2-50 м выход 3-30 м
9. т Дейтярев вход в 2-50 м выход 3-30 м
последний выход в 3-45 м

Страницы из тетради (журнала) записей лиц, принятых И. В. Сталиным в кремлевском кабинете



На торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции.
Станция метро «Маяковская»

С 5 часов утра 7 ноября на Красной площади УКМК совместно с 1-м отделом НКВД СССР обеспечивало проведение парада, проходившего всего в нескольких десятках километров от линии фронта. Хотя метеоусловия в тот день не были благоприятны для авиации противника, а части ПВО Московской зоны обороны предприняли необходимые для отражения налета люфтваффе меры, сотрудники госохраны были готовы к бомбардировке Красной площади. Для оказания помощи раненым были оборудованы 35 медицинских постов. В их распоряжении находилось около десятка санитарных автомобилей. Для ликвидации последствий при возможном разрушении зданий, мостовых, газовых и электрических сетей, возникновении пожаров были задействованы пять восстановительных бригад, снабженных полутора десятками пожарных машин и другой специальной техникой[20].

Парад обеспечивался минимальными силами, которые можно было собрать в это время. В резерве коменданта Московского Кремля в эти часы находились только военнослужащие полковой школы.

В связи с проведением парада комендатурой Московского Кремля были осуществлены следующие мероприятия. Установлен дополнительный пост под Царь-колоколом, где обязан был находиться до окончания парада командир ПСН полковник Т. Ф. Евменчиков. Связь с комендантом Кремля и подразделениями осуществлялась только по прямым телефонам. Прекращалось движение автотранспорта на территории Кремля с 6.00 7 ноября 1941 года, за исключением машин, имевших право свободного проезда.

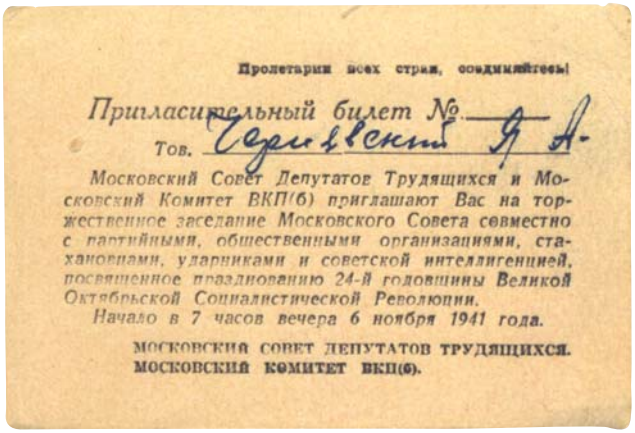
Поскольку выступление И. В. Сталина на параде кинооператоры снять не успели, было принято решение провести повторную съемку. Для этого в Свердловском зале здания Рабоче-Крестьянского правительства (ныне это Екатерининский зал корпуса № 1) предполагалось соорудить макет центральной трибуны Мавзолея В. И. Ленина, изготовленный из деревянных заготовок на киностудии. 14 ноября в 16.30 четырнадцать сотрудников Союзкинохроники и радиокомитета (рабочие-плотники, звукотехники, кинооператоры, осветители) приступили к работе[21]. К вечеру установили осветительные приборы, кинокамеры, микрофон. На следующий день после 16.00 начались репетиции, а затем и сама киносъемка. Это выступление И. В. Сталина было включено в фильм «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой»[22].

Командующий военным парадом С. М. Будённый.
7 ноября 1941 г.

Колонна танков на военном параде.
7 ноября 1941 г.

Интересно, что вечером 6 ноября 1941 года во Дворце труда в Куйбышеве, одновременно с Москвой, состоялось торжественное заседание, посвященное годовщине революции, а 7 ноября в 10.00 — парад войск Куйбышевского гарнизона (22 000 военнослужащих) и демонстрация трудящихся города (178 000 человек). Парад в Куйбышеве предусматривался как дублер московского парада на случай вполне возможного налета немецкой авиации на столицу. В такой ситуации именно этот парад транслировался бы на весь Советский Союз вместо парада на Красной площади. Охранные мероприятия в городе на Волге вместе с другими службами НКВД СССР организовала группа 1-го отдела НКВД СССР во главе с майором госбезопасности В. Т. Смородинским[23].

После успешного декабрьского контрнаступления под Москвой ситуация в гарнизоне Московского Кремля изменилась. 7 января было отменено казарменное положение для невоеннообязанных сотрудников УКМК НКВД СССР. Однако при уходе лиц из гражданского состава на отдых руководство подразделений было обязано знать местонахождение каждого сотрудника и обеспечить их скорую явку при надобности. Войсковые части УКМК — Полк специального назначения, Отдельный батальон НКВД, Военно-пожарная команда, Отдельная транспортная рота — оставались на казарменном положении. Военнослужащие гарнизона, свободные от службы, могли покидать Кремль только до 24.00. За пределы Кремля одновременно отпускали не более трети лиц среднего и старшего начальствующего состава, командиров охраны. Был также обеспечен их быстрый сбор в случае необходимости.


Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пригласительный билет №

Тов. Черниевский Я. А.

Московский Совет Депутатов Трудящихся и Московский Комитет ВКП(б) приглашают Вас на торжественное заседание Московского Совета совместно с партийными, общественными организациями, стахановцами, ударниками и советской интеллигенцией, посвященное празднованию 24-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Начало в 7 часов вечера 6 ноября 1941 года.

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ.
МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ ВКП(б).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пригласительный билет № 1632

Правая трибуна

Тов. Сандлер С.М.

На Красную площадь в день празднования 24 годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции 7 ноября 1941 года.

Комиссар гос. безопасности 3-го ранга
(ВЛАСИК)

7 ноября 1941 года

НКВД 1 ОТДЕЛ СССР

Действителен при пред'явлении паспорта
Проход через ул. Куйбышева, Разина, Москворецкая, Москворецкий мост и Васильевский спуск

Выполнение личным составом своих обязанностей тщательно анализировалось, делались необходимые выводы, принимались соответствующие организационные и воспитательные меры. На начальном этапе войны нельзя недооценивать негативное влияние сложившейся ситуации, в которой действовал коллектив комендатуры, это был исключительно тяжелый период. Крайне сложная обстановка на фронтах, быстрое продвижение противника в глубь страны, бомбардировки Московского Кремля, нарушения в системе связи и другие чрезвычайные обстоятельства создавали большие трудности в управлении личным составом. Н. К. Спиридонов перед руководителями всех рангов поставил задачу по мобилизации личного состава подразделений и частей на четкое и бдительное несение службы по охране объекта. Мероприятия по организации охраны Московского Кремля свидетельствуют, что в первые, тяжелейшие месяцы Великой Отечественной войны в сознании руководства УКМК, всех военнослужащих Кремлевского гарнизона постепенно происходил перелом от неуверенности, неорганизованности к мужеству, стойкости, сплоченности. Это и позволило выстоять и победить.

15 апреля 1942 года, в ходе подготовки к первомайскому параду и демонстрации на Красной площади, разобрали маскировку Мавзолея В. И. Ленина. У входа в Мавзолей выставили круглосуточный парный пост. 1 мая УКМК НКВД СССР совместно с 1-м отделом НКВД СССР была организована охрана парада и демонстрации на Красной площади. На этот парад были выведены истребительные отряды НКВД СССР районов Москвы и Подмосковья. Впервые в нем участвовали партизанские отряды из Московской, Калининской, Смоленской и других областей.

Летом обстановка на фронте вновь обострилась. В связи с угрозой применения противником боевых отравляющих веществ были приняты меры по противохимической защите объектов, личного состава УКМК и сотрудни-

ков ведомств на территории Кремля. В июне регламентировали порядок следования личного состава Кремлевского гарнизона в метро при объявлении воздушной тревоги. На территорию Кремля был категорически запрещен провоз и пронос всех видов вооружения и боеприпасов, найденных за его пределами.

В сентябре в двух подразделениях УКМК прошли реорганизации. Поскольку количество автотранспорта, используемого в условиях военного времени, резко возросло, то Отдельная транспортная рота была преобразована в Отдельный автотранспортный батальон, а Военно-пожарная команда — в Отдельную роту специального назначения.

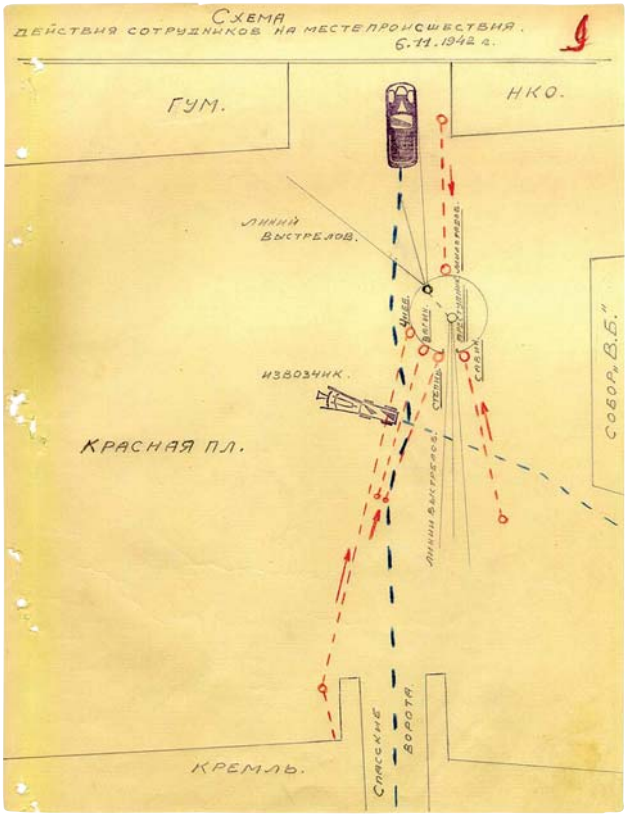
В первых числах ноября 1942 года 1-й отдел и УКМК НКВД СССР начали подготовку к традиционным государственным торжествам по поводу очередной годовщины Октября. Согласно первоначальному приказу наркома внутренних дел об обеспечении безопасности торжественного заседания оно должно было состояться 6 ноября в Большом театре. Однако 5 ноября приказ был отменен и утвержден новый. В нем предписывалось с максимальными мерами конспирации обеспечить проведение заседания в Большом Кремлевском дворце[24].

Следует особо отметить, как был организован пропускной режим на этом мероприятии. Лица, приглашенные в Кремль, проходили по ранее утвержденным спискам через Спасские и Боровицкие ворота. Билеты они получали при входе в БКД, в вестибюле Главного и Благовещенского подъездов[25]. Все приглашенные должны были явиться на заседание без огнестрельного оружия, сдать в гардероб портфели, полевые сумки и проч. В случае выхода из дворца во время заседания они обязаны были сдать на КПП пригласительный билет, тем самым теряя право вторичного входа на мероприятие.

Казалось, и дальше деятельность 1-го отдела и УКМК НКВД СССР будет идти столь же планомерно и надежно. Однако 6 ноября 1942 года произошел неприятный инцидент. Он заставил немедленно принять самые серьезные и жесткие меры по усилению безопасности высших должностных лиц страны.

В 14.55 специальная автомашина с А. И. Микояном выехала из Кремля через Спасские ворота по направлению улицы Куйбышева (ныне Ильинка). Перед Лобным местом путь автомобилю преградил извозчик с возом сена, следовавший с Васильевского спуска. Правительственный автомобиль и идущая за ним автомашина охраны снизили скорость и были вынуждены свернуть правее, к Лобному месту. Когда основной автомобиль поравнялся с Лобным местом, оттуда по нему было произведено три винтовочных выстрела человеком в форме военнослужащего. Автомобиль Микояна продолжил движение, а из машины личной охраны для задержания преступника высадился сотрудник 1-го отдела НКВД СССР М. М. Милорадов.

К месту происшествия, начав перестрелку с нападавшим, бросились сотрудники УКМК Е. А. Вагин, Л. А. Степин и В. Т. Савин. Террорист залег, обстреливая вход на Лобное место, и ранил Л. А. Степина. Офицер комендатуры Московского Кремля Д. О. Цыба, находившийся на посту у входа в Спасские ворота, видя, что огнестрельным оружием преступника не обезвредить, выдвинулся к Лобному месту, вооружившись двумя ручными гранатами. Он бросил одну гранату, но преступник продолжал отстреливаться. Тогда Цыба бросил вторую гранату, после этого террорист поднял руки вверх и крикнул: «Сдаюсь!». Сотрудники охраны скрутили преступника и тут же произвели поверхностный обыск, найдя, кроме винтовки, 25 патронов и различные документы, после чего задержанного отвели в помещение бюро пропусков у Спасских ворот, а затем доставили на Лубянку.



Задержанный оказался уроженцем города Усть-Каменогорска С. Т. Дмитриевым, тридцати трех лет, ефрейтором 1-го зенитного полка ПВО, дислоцированного в Москве. Дмитриев был малограмотным — окончил всего лишь один класс начальной школы. В прошлом — сын зажиточного крестьянина-старообрядца. Состоял в комсомоле, работал в родном городе, где женился и имел двух детей. В 1939 году его призвали в армию. После демобилизации Дмитриев поселился в Москве, устроившись шофером на завод «Стройдеталь». С началом войны он вновь был призван в армию, подал заявление о вступлении во Всесоюзную коммунистическую партию, но ему отказали.

На допросах Дмитриев показал, что придерживался антисоветских взглядов. Немецкие листовки, которые он тщательно выискивал и читал, вызывали у него стремление выступить против коммунистической власти, отомстить за неудачную жизнь. В полдень 6 ноября 1942 года он, заступив на пост в гараже полка, принял окончательное решение. Взял винтовку и 45 патронов и пошел на Красную площадь с твердым решением либо совершить покушение на кого-либо из членов правительства, либо покончить с собой. Примерно через час, выдавая себя за часового комендантского патруля, он встал на «пост» у Лобного места. И там стал ожидать удобного момента, чтобы осуществить задуманное[26].

14. СОСТАВ СЕМЬИ

Степень родства	Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Место рождения	Место жительства, работы и должность
Отец	Дмитриев Тимофей Анфиногенович		с. Поспихинск	умер в 1934 году
Мать	Дмитриева Евдокия Никифоровна		с. Поспихинск	умерла в 1931 году
Жена (муж)	Литвинова Валентина Петровна		г. Усть-Каменогорск	г. Усть-Каменогорск Лесная 64 работает в типографии
Дети	Дмитриев Юрий Савельевич	1938	г. Москва	живут в г. Усть-Каменогорске
	Дмитриева Лидия Савельевна	1935	Москва	
Братья, сестры	Дмитриев Христофор Тимофеевич			Бухтарминский р-н с. Поспелиха
	Синепникова Анна Тимофеевна			

Место для фотокарточки

Отпечаток указательного пальца правой руки (при отсутствии его последующего пальца — с соответствующей пометкой). Пальцевый узор должен быть ясным и полностью прокатанным (от одной кромки ногти до другой)

1909 г.
2473. ДМИТРИЕВ САВЕЛИЙ ТИМОФЕЕВИЧ
(арестованного)

Лист из анкеты арестованного С. Т. Дмитриева

Возможность совершения такого преступления в особо режимной зоне, на Красной площади, выявила существенные недостатки в организации работы подразделений государственной охраны в условиях военного времени. В служебной записке народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берии от 10 ноября 1942 года в Государственный комитет обороны о расследовании обстоятельств проникновения террориста Дмитриева на Лобное место была отмечена одна из основных причин, приведших к этому драматическому факту, — недостаточный контроль со стороны подразделений НКВД СССР в зоне охраняемых объектов. В документе содержалось предложение об отстранении Н. С. Власика от должности начальника 1-го отдела НКВД СССР и назначении на эту должность заместителя наркома внутренних дел СССР В. Н. Меркулова (по совместительству). Власика рекомендовалось понизить в должности и назначить заместителем начальника этого отдела. Предложение было утверждено[27].

После событий 6 ноября 1942 года руководством 1-го отдела НКВД СССР были приняты усиленные меры по наведению строжайшего контроля за всеми воинскими, милицейскими и военизированными подразделениями. В это время комендатурой города Москвы были разработаны мероприятия по созданию в столице режима, исключавшего возможность незаконного ношения, хранения и использования оружия военнослужащими и гражданскими лицами. Совместно с комендантом города Москвы и руководством Управления особых отделов НКВД СССР были утверждены постоянные дислокации армейских КПП и маршрутов патрулей, находящихся вблизи охраняемых 1-м отделом и УКМК НКВД СССР объектов. Также была введена практика выдачи старшим патрулей соответствующих документов, где указывались фамилии лиц, входивших в состав патруля, маршруты следования, день и время патрулирования.

Несмотря на серьезнейшие упущения и недоработки в службе, именно конец 1942-го и начало 1943 года явились переломным моментом, заложившим фундамент успеш-

ной деятельности государственной охраны на весь период до окончания войны. В это время происходило дальнейшее совершенствование оперативно-служебной деятельности подразделений охраны на различных участках и направлениях, в том числе по организации безопасности специальных поездок. Именно тогда были решены вопросы взаимодействия представителей госохраны с соответствующими подразделениями Наркомата внутренних дел.

Всего за 1942 год 1-й отдел и УКМК в соответствии с приказами комиссариата и приказаниями руководства органов охраны организовали 175 охранных мероприятий, в том числе 17 крупных, с использованием больших сил и средств.

К концу 1942 года из-за заметного сокращения объема работы некоторых отделов, полной или частичной «консервации» отдельных объектов (Государственная Оружейная палата, Большой Кремлевский дворец, Мавзолей В. И. Ленина) штат административного и обслуживающего состава УКМК НКВД СССР также сократился. К этому времени в целях сохранения квалифицированных кадров по обслуживанию хозяйственно-технического состояния Кремля УКМК восстановило «бронь» более чем на сотню человек инженерно-технического состава и квалифицированных рабочих. Воинские части и подразделения гарнизона УКМК НКВД СССР в военное время комплектовались рядовым составом через Главное управление пограничных войск НКВД СССР; средний начальствующий состав — путем подготовки в полковой школе; а инженерно-технические работники, медицинский персонал и квалифицированные рабочие — по линии соответствующих наркоматов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1943 года в РККА были введены новые знаки различия для личного состава — погоны. И с февраля 1943 года на повседневных погонах рядового и младшего командного состава подразделений Кремлевского гарнизона установилось ношение следующих трафаретов: Полк специального назначения — ПСН, Отдельный автотранспортный батальон — ОАТБ, Отдельная рота специального назначения — ОРСН.

В апреле 1943 года государственными наградами были награждены 392 военнослужащих и гражданских сотрудника УКМК НКГБ СССР, из них орденами — 311, медалями — 81 человек. Так был отмечен большой вклад личного состава комендатуры Московского Кремля в обеспечение государственной безопасности политического и культурного центра страны.

Одним из важнейших направлений деятельности подразделений 1-го отдела НКВД СССР — 6-го Управления НКГБ СССР в годы войны было обеспечение безопасности охраняемых лиц во время поездок по стране и за рубеж. Необходимые мероприятия проводились во взаимодействии с органами контрразведки, внутренних дел, Наркомата обороны, а иногда и с подразделениями разведки и Наркомата иностранных дел. Только за период с 22 июня по 31 декабря 1941 года 1-й отдел обеспечил безопасность 12 поездок охраняемых лиц, из них: 6 — на фронт и в прифронтовые районы, 5 — по стране и 1 — за границу[28].

В начале 1942 года 1-й отдел НКВД СССР обеспечил ряд командировок охраняемых лиц в прифронтовые районы. Сложность этих заданий заключалась в том, что многие населенные пункты посещались охраняемыми лицами через несколько дней после их освобождения от немцев. При этом учитывалось, что противник при отступлении минировал дороги, дома, предметы и т. п. В работе личный состав при осмотрах использовал ручные миноискатели, а при подготовке мест размещения в освобожденных населенных пунктах обязательно привлекались военные саперы. Оперативная обстановка, складывавшаяся на освобожденных и прифронтовых территориях, тоже принималась во внимание. Эти мероприятия государственная охрана проводила в тесном взаимодействии с соответствующими подразделениями НКВД СССР.

За 1942 год государственная охрана обеспечила 82 поездки охраняемых лиц, из них 52 — на фронт и в прифронтовые районы, 29 командировок — по стране и 1 — за границу. Особый исторический интерес представляет полет В. М. Молотова в Великобританию и США[29].

Заграничные поездки в годы Великой Отечественной войны были сопряжены с многочисленными трудностями самого различного характера. Во-первых, следовало принимать грамотные оперативные меры в контакте с другими подразделениями органов безопасности по обеспечению секретности подобных визитов за рубеж. Во-вторых, охранные мероприятия осуществлялись в непосредственной близости от театров военных действий, а передвижение авиационным транспортом в некоторых случаях осуществлялось над территорией СССР и зарубежных государств, временно оккупированных противником. В-третьих, часто эти поездки в условиях мирового конфликта осуществлялись окольными путями и на значительное расстояние.

УЧАСТИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ В ЭВАКУАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ И ВЫПОЛНЕНИИ ДРУГИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ

Особая задача, которую поставило перед органами государственной охраны руководство Советского Союза, заключалась в проведении специальных эвакуационных мероприятий. Личный состав комендатуры Московского Кремля и 1-го отдела НКГБ — НКВД СССР обеспечил вывоз из Москвы большого количества особо важных грузов, а также выполнил другие специальные задания.

27 июня 1941 года было принято постановление СНК СССР № 1776-779 сс «О вывозе из Москвы государственного запаса драгоценных металлов, драгоценных камней, алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля»[30].

На следующий день, 28 июня, началась подготовка к эвакуации ценностей Государственной Оружейной палаты в город Свердловск. Ответственным за эвакуацию особо ценного груза был назначен руководитель Государственной Оружейной палаты — военный техник 1 ранга Н. Н. Захаров. Начальником команды по охране сопровождаемого груза был назначен командир роты Отдельного (офицерского) батальона НКГБ СССР майор В. Д. Павлов. В его распоряжение был выделен взвод Полка специального назначения в количестве 20 человек. 30 июня, 1 и 5 июля груз, упакованный в 277 ящиков, был отправлен на восток. К 10 июля 1941 года все вывезенные ценности уже были помещены в хранилища, практически без грубой порчи предметов. Пострадал только один экспонат — орел из слоновой кости, у которого отломились концы шести перьев из хвостовой части. Ценности были обеспечены надежной охраной[31].

В это же время, с 30 июня по 2 июля 1941 года, специальная команда Полка специального назначения организовала погрузку в вагоны и отправление из Москвы в Свердловск и Челябинск ценностей Гохрана НКВД СССР, хранившихся в кладовых № 1 и № 2 Московского Кремля.

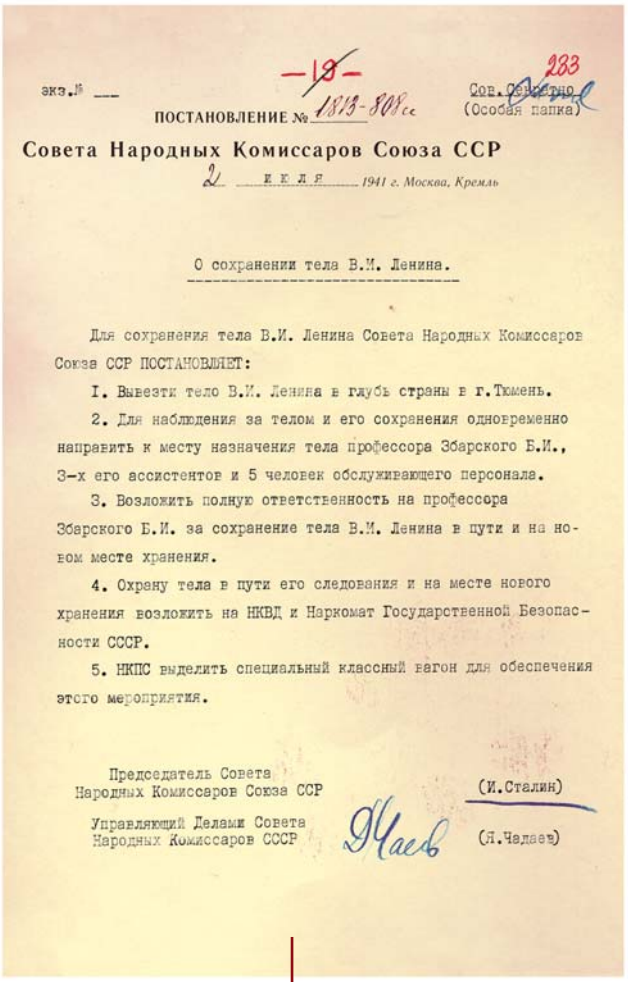
Руководству комендатуры Московского Кремля приходилось заниматься не только эвакуацией важнейших грузов государственных ведомств, но и бороться за сохранение исторических ценностей, причем не только от пожаров и авиационных бомб противника. 29 июня 1941 года на запрос заместителя Председателя СНК СССР М. З. Сабурова комендант Московского Кремля представил справку о старинных трофейных орудиях, перемещенных от стен Арсенала на временное хранение в Тайницкий сад. Всего было описано 870 пушек весом более 270 тонн, которые намечалось вывезти на переплавку на завод «Серп и молот». Н. К. Спиридонов предлагал оставить в Кремле хотя бы по одному экземпляру каждого вида стволов. К счастью, из-за отсутствия грузового транспорта и служебной занятости личного состава УКМК, а также по другим причинам эти исторические экспонаты в конечном итоге остались невредимы. Уже к лету 1942 года трофейные орудия возвратили на постаменты у Арсенала.

Во исполнение постановления СНК СССР № 1813-808 сс от 2 июля 1941 года отдельная группа УКМК НКГБ СССР приступила к подготовке эвакуации тела В. И. Ленина из Москвы в Тюмень[32]. Этим документом заместителю начальника 1-го отдела НКГБ СССР Д. Н. Шадрину 4 июля 1941 года поручалось сформировать и обеспечить отправление специального поезда. Для охраны состава в пути следования была выделена группа Отдельного батальона НКГБ СССР из пяти офицеров и 15 красноармейцев Полка специального назначения[33]. Эшелон прибыл в Тюмень 7 июля 1941 года.

7 июля группа военнослужащих УКМК НКГБ СССР приступила к выполнению задания по эвакуации документов и архивов СНК СССР в Уфу. В августе 1941 года в Свердловск был отправлен архивный фонд Управления коменданта Московского Кремля за 1775–1940 годы (166 мест)[34].

Одновременно со всеми описанными мероприятиями с 5 июля 1941 года началась эвакуация из Москвы семей начальствующего состава и сотрудников УКМК и 1-го отдела НКГБ СССР. Было решено также провести эвакуацию членов семей сотрудников наркомата. Списки эвакуируемых лиц были составлены по вагонам. Отъезжающих обеспечивали в дорогу продовольствием. Семьи сотрудников, оставшихся защищать сердце страны, организованно доставлялись на станции и усаживались в эшелоны.

Практически в эти же дни было принято решение о временном переводе высших органов государственной власти и управления СССР и РСФСР в город Куйбышев. В июле — сентябре 1941 года на Волгу была откомандирована большая группа сотрудников 1-го отдела и УКМК НКВД СССР во главе с заместителем начальника 1-го отдела НКВД СССР майором государственной безопасности В. Т. Смородинским. Группа должна была обеспечивать безопасность государственных, правительственных, партийных учреждений и ведомств, резиденций и других объек-



экз.№ —

—19—

Сов. Секретно 283
(Особая папка)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1813-808сс

Совета Народных Комиссаров Союза ССР

2 июля 1941 г. Москва, Кремль

О сохранении тела В.И. Ленина.

Для сохранения тела В.И. Ленина Совета Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Вывезти тело В.И. Ленина в глубь страны в г.Тюмень.

2. Для наблюдения за телом и его сохранения одновременно направить к месту назначения тела профессора Збарского Б.И., 3-х его ассистентов и 5 человек обслуживающего персонала.

3. Возложить полную ответственность на профессора Збарского Б.И. за сохранение тела В.И. Ленина в пути и на новом месте хранения.

4. Охрану тела в пути его следования и на месте нового хранения возложить на НКВД и Наркомат Государственной Безопасности СССР.

5. НКПС выделить специальный классный вагон для обеспечения этого мероприятия.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР (И.Сталин)

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров СССР (Я.Чадаев)

Постановление Совнаркома СССР «О сохранении тела В. И. Ленина»

тов, но помимо этого подразделение также организовывало и проводило встречи, приемы, парады, заседания и другие охранные мероприятия в Куйбышеве[35].

С 16 июля 1941 года, по указанию руководства Наркомата внутренних дел, Кремлевский гарнизон стал готовиться к возможному участию в эвакуации советского правительства из Москвы. На базе подразделений комендатуры Московского Кремля началось формирование Сводного подвижного отряда УКМК[36]. Ядром отряда, его основой, был Полк специального назначения. К концу июля 1941 года Сводный отряд УКМК НКВД СССР, которому было придано свыше 250 автомобилей, с необходимым имуществом, вооружением, боеприпасами был подготовлен к боевым действиям как на фронте (такой вариант также предусматривался), так и при проведении эвакуационных мероприятий.

В середине октября 1941 года обстановка на фронтах резко осложнилась. Руководство 1-го отдела НКВД СССР, при участии УКМК НКВД СССР, подготовило план обеспечения охраны членов правительства СССР на случай их выезда из Москвы. Планом предусматривались три варианта выезда: по железной дороге, на автомобилях и самолетах. В частности, воздушный план предполагал эвакуацию пятью самолетами типа Л-3 (такая марка указана в проекте плана). Для сопровождения самолетов выделялись две эскадрильи истребительной авиации (МиГ) и одна эскадрилья штурмовой авиации. Списки экипажей пяти самолетов были представлены в 1-й отдел НКВД СССР 12 ноября 1941 года. Документ так и остался проектом, поскольку не был подписан и утвержден руководством НКВД СССР.

В это время комендант Московского Кремля генерал-майор Н. К. Спиридонов подготовил два проекта боевого приказа Сводному подвижному отряду УКМК НКВД СССР. Первый вариант — выдвижение на рубеж Можайска или Малоярославца (в зависимости от ситуации) и вступление в бой с частями противника. Второй — движение по маршруту Москва — Ногинск — Покров — Владимир — Вязники — Гороховец — Горький, далее Куйбышев. Пункт отдыха и заправки автомашин был запланирован в школе деревни Гаврильцево, в 200–210 км от Москвы. Этот вариант предусматривался только при эвакуации советского правительства из Москвы автомобилями. Интересно, что в таком случае колонна на марше, двигающаяся восемью группами автомобилей, имела бы длину более 5 км. К 20 октября 1941 года маршрут движения Москва — Горький — Куйбышев общей протяженностью 1330 км был окончательно одобрен. Готовность к движению по нему была определена на 29 октября 1941 года. Для охраны основных автомашин по трассе должны были следовать несколько легковых с выездными группами личной охраны. Руководство общей колонной возлагалось на комиссара госбезопасности 3 ранга Н. С. Власика, а управление войсковой частью автомобильного эшелона поручалось генерал-майору Н. К. Спиридонову. Для отражения воздушного нападения противника в автоколонне предусматривалось нахождение четырех 37-мм зенитных орудий, а с воздуха ее должен был прикрывать полк истребительной авиации. Материально-техническое обеспечение автомобильного отряда состо-

яло из одной автоцистерны и передвижной автомастерской. Такой же порядок планировался и в случае срочного выезда из столицы[37].

Существовал и третий вариант — оборона Кремля силами УКМК до конца. В этом случае эвакуация советского руководства возлагалась главным образом на 1-й отдел НКВД СССР.

В случае эвакуации советского руководства по железной дороге участие личного состава УКМК НКВД СССР и 1-го отдела НКВД СССР также предусматривалось. Несколько поездов с личным составом Управления коменданта Московского Кремля и 1-го отдела НКВД СССР должны были отправиться со станции Москва — Горьковская-товарная Дзержинской железной дороги. Эшелон из нескольких поездов прикрывался от воздушного нападения зенитной артиллерией с четырех бронеплощадок и полком истребительной авиации. Остальные части УКМК НКВД СССР и сотрудники 1-го отдела НКВД СССР должны были двигаться к месту назначения на автомашинах. Так, сотрудникам охраны 1-го отдела в случае отъезда охраняемых лиц поездом, выделялось 26 автомашин.

В 1942 году эвакуационные мероприятия с участием подразделений охраны продолжались. В связи с тяжелым положением на фронте, а также с угрозой бомбардировки немецкой авиацией Московского Кремля и его музеев 27 июля в Свердловск была направлена вторая партия музейных ценностей Государственной Оружейной палаты (61 ящик). Как оказалось, это было последнее задание такого рода.

Во второй и третьей декадах февраля 1943 года комендатура Московского Кремля по указанию руководства НКВД СССР выделила автотранспортную колонну в количестве 52 автомашин на Центральный фронт для оперативной перевозки частей и военных грузов. Каждая из этих машин за время работы прошла около двух тысяч километров, не имея при этом поломок и вынужденных остановок, а личный состав показал высокий уровень владения техникой, пробиваясь на своих автомобилях по бездорожью. Было перевезено около шести тысяч человек и 400 т грузов (боеприпасы, оружие, продовольствие), а 400 раненых военнослужащих эвакуированы в тыл[38].

Весной 1942 года в Кремле приступили к восстановительным работам. К первомайскому празднику было решено закончить кирпичную кладку разрушенной фасадной части стены Арсенала и восстановить крышу корпуса, в окна наиболее видных с Красной площади кремлевских зданий вставить стекла вместо фанеры, поправить щиты, закрывающие кремлевские звезды, и провести ряд косметических, ремонтных и профилактических работ.

К 1 мая 1942 года в основном капитальные работы, связанные с восстановлением поврежденных зданий и сооружений Московского Кремля (Арсенал, Большой Кремлевский дворец), были закончены. В августе 1942 года был составлен акт о разрушениях зданий и сооружений Московского Кремля, вызванных бомбардировками немецкой авиации. Стоимость восстановительных работ по этим объектам составила 3 005 908 рублей[39].

Жизнь в Московском Кремле шла своим чередом. Жители работали, военнослужащие исполняли возложенные на них обязанности. Несмотря на войну, бывали и редкие часы отдыха, люди ходили в гости и принимали гостей у себя. Да и режим в Московском Кремле к концу 1942 года стал свободнее. Ушли крайняя суровость и жесткость обстановки.

Вот данные из документов УКМК НКВД СССР о проходе в Кремль за период с декабря 1942 до конца июня 1943 года. За указанный срок по документам был пропущен 431 человек (без учета работников и служащих, проходивших по различным постоянно действующим пропускам и удостоверениям). Так, Особый сектор ЦК ВКП(б) посетили 79, здание Рабоче-Крестьянского правительства — 72, амбулаторию Лечебно-санитарного управления Кремля — 16, другие объекты Кремля — 29 человек. За семь месяцев 1942–1943 годов в «ответственных квартирах»[40] побывали: у В. М. Молотова — 41 человеку, К. Е. Ворошилова — 35, у М. И. Калинина — 15, у А. И. Микояна — 29, у А. А. Андреева — 23, у Л. М. Кагановича — 25, у А. А. Жданова — 8, у Н. А. Вознесенского — 3 человека. В квартире И. В. Сталина за это время был только один посетитель — 2 мая 1943 года. Квартиры других жителей Кремля посетили 72 человека[41].

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ. УЧАСТИЕ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

В течение всей войны руководство государственной охраны продолжало вести планомерную работу с личным составом, основной целью которой было воспитание за-

щитника Родины. И эта задача, несмотря на все сложности и трудности, была успешно решена. С первых дней боевых действий, как об этом свидетельствуют документы, сотрудники различных подразделений государственной охраны активно изъявляли желание защищать Родину на передовых рубежах.

Тогда же вопросам профессиональной и военной подготовки кремлевцев стало уделяться повышенное внимание, ведь военнослужащие Кремлевского гарнизона и сотрудники 1-го отдела выполняли свои служебные обязанности в боевой обстановке, во фронтовых и прифронтовых местностях, в непосредственной близости к районам боевых действий. Соответствующее обучение проводилось на основе приобретенного в боях опыта специальных частей и подразделений НКВД — НКГБ СССР и Красной армии, с учетом изменений в оперативной и служебной обстановке. Причем среди специальных и военных дисциплин преобладали последние.

С материально-техническим обеспечением учебного процесса в это время было очень непросто. 18 марта 1942 года в Кремлевском гарнизоне были значительно сокращены нормы расхода боеприпасов на учебные цели. На каждого военнослужащего УКМК в год выделялось для стрельбы из винтовки 15 патронов, из револьвера (пистолета) — 6, на 10 военнослужащих — одна ручная граната и т. д. Подготовку личного состава удавалось регулировать путем увеличения отпуска боеприпасов отстающим военнослужащим за счет отличных стрелков. Также ставилась задача не в ущерб боевой подготовке добиться максимальной экономии боеприпасов против утвержденных норм на учебные цели. Нужно сказать, что данный факт негативно отразился на качестве профессиональной подготовки бойцов. Инспекторская проверка, проведенная во второй половине мая 1942 года, выявила серьезные недостатки по отдельным направлениям оперативно-служебной деятельности. В том числе в акте проверки была отмечена слабая огневая подготовка Полка специального назначения УКМК[42]. В связи с этим комендант Московского Кремля генерал-майор Н. К. Спиридонов пообещал, что все военнослужащие гарнизона в ближайшее время добьются отличных результатов в личной подготовке, а приобретенные в процессе обучения знания и навыки передадут своим подчиненным и используют в служебной деятельности.

Заместитель коменданта Московского Кремля П. Е. Косынкин (в центре) на тактических учениях ПСН.
Лето 1941 г.

Для поддержания профессиональной и военной подготовки кремлевцев на соответствующем уровне, психологической закалки широко практиковалась боевая стажировка с выездом в части действующей армии. В 1942–1943 годах на Западный и Волховский фронты для прохождения боевой практики были направлены четыре группы снайперов ПСН:

— группа в количестве 31 военнослужащего полка под командой старшего лейтенанта С. М. Крылова в сентябре 1942 года уничтожила 386 солдат и офицеров противника;

— группа из 14 человек во главе со старшим лейтенантом И. Я. Лебедевым в июле 1943 года уничтожила 229 фашистов;

— группа полка в составе 17 военнослужащих полка под командой старшего лейтенанта А. Н. Тимакова в июле — августе 1943 года уничтожила 230 фашистов;

— группа из 18 солдат и сержантов во главе с младшим лейтенантом А. С. Новожиловым в сентябре — октябре 1943 года уничтожила 225 солдат и офицеров противника[43].

Воины-кремлевцы командировались на специальные задания со своим вооружением и боеприпасами (винтовки, револьверы, ножи, патроны по 120 штук на каждого), экипировкой (бинокли, маскировочные халаты), обмундированием, с полевыми погонами. У членов группы, за исключением руководителя, кроме аттестатов, других документов не было.

Всего за время военной стажировки снайперами полка было уничтожено более 1200 фашистов.

Но не обошлось без потерь и в полку. При выполнении боевого задания погибли три снайпера — И. Г. Кузнецов, Н. П. Ершов, В. С. Москалёв[44].

В 1943 году в действующую армию для боевой практики была направлена группа снайперов 1-го отдела НКВД СССР в количестве пяти человек во главе с офицером охраны Н. Д. Фроловым. Всего специальная команда за время выполнения задания уничтожила около сотни немецких солдат и офицеров. Особенно отличились руководитель группы Н. Д. Фролов, уничтоживший 28 немцев, и снайпер М. Ф. Мартынов, на счету у которого было 18 фашистов. С этого времени оперативным группам для выполнения заданий на фронте придавались снайперы. В одной из таких поездок охраняемого лица (К. Е. Ворошилов) в район военных действий снайпером 1-го отдела НКВД СССР В. В. Калинкиным был сбит вражеский самолет.

В Куйбышеве из сотрудников подразделений 1-го отдела НКВД СССР и Саратовского пограничного училища был сформирован 25-й мотострелковый полк во главе с командиром полка полковником Голышевым (Саратовское пограничное училище), который объединял в своем составе три батальона, каждый по полтысячи человек. Полк состоял в основном из представителей 1-го отдела НКВД СССР, так как из Саратовского пограничного училища в этой части служило только несколько десятков курсантов.

Личный состав полка прошел необходимую военную подготовку и обучение и был готов к направлению на фронт. Но, учитывая создавшуюся оперативную обстановку, ввиду невозможности замены ушедших на фронт военнослужащих (сложность кадрового подбора в государственную охрану в условиях военного времени), руководством государственной охраны было принято решение 1-й и 2-й батальоны расформировать, а сотрудников направить на работу в прежние подразделения Москвы и Куйбышева.

3-й батальон 25-го мотострелкового полка, в котором также было абсолютное большинство сотрудников 1-го отдела, возглавлял майор Быстров — преподаватель Саратовского пограничного училища. Этот батальон был направлен на фронт и принимал участие в боевых действиях под Харьковом, где, потеряв более двух третей своего состава, попал вместе с армейской группой в окружение, однако сумел с боями выйти к своим, после чего был переформирован и направлен в Сталинград.

Многие сотрудники 1-го отдела НКВД СССР по их рапортам были откомандированы на фронт, где показали себя храбрыми и мужественными воинами. Так, в 1941 году по личной просьбе был направлен на фронт М. Ф. Згола, работавший начальником смены в 1-м отделе НКВД СССР. Начав свою службу на фронте с должности офицера связи, он закончил войну под Берлином командиром дивизии и в звании полковника, получив много правительственных наград. В 1941 году окончил специальную школу по работе в тылу врага офицер 1-го отдела НКВД СССР Я. Н. Никулочкин. Выполняя особые задания командования, он 14 раз переходил линию фронта, причем в последний раз с боями, и был ранен. Неоднократно награждался боевыми орденами[45].

В марте — апреле 1942 года 28 неаттестованных сотрудников УКМК НКВД СССР вступили в народное ополчение и были зачислены в истребительные батальоны.

Личный состав Кремлевского гарнизона принимал самое активное участие в патриотическом движении по сбору средств в фонд обороны страны[46]. В финансовую часть УКМК за время войны было внесено деньгами свыше трех миллионов рублей, сдано облигаций на сумму более 460 тысяч рублей. В частях и отделах Управления коменданта Московского Кремля в конце 1942 — начале 1943 года активно проходил сбор средств на постройку танковой колонны «Чекист». На 16 января 1943-го личный состав сдал 734 тысячи рублей. В это же время в гарнизоне закончился сбор средств на постройку самолетов истребительной авиационной дивизии им. Сталина. Общая сумма сбора составила свыше 700 тысяч рублей.

Война всегда приносит тяжелые потери. Особенно много их было в дни немецких бомбардировок Москвы. В октябре — ноябре 1941 года при выполнении служебных обязанностей, подвергнув свою жизнь смертельной опасности, но так и не покинув пост, погибли сотрудники охраны 1-го отдела НКВД СССР Н. Л. Крутихин и Ф. Д. Ребров.

30 октября 1941 года при бомбардировке комплекса зданий ЦК ВКП(б) и МК ВКП(б) старший лейтенант госбезопасности Е. Н. Зайцев — начальник оперативной группы 1-го отдела закрыл собой охраняемое лицо (А. С. Щербакова) в момент разрыва бомбы. Он умер от полученных ран 3 декабря, исполнив служебный долг ценой собственной жизни.

Но наиболее ощутимые потери среди подразделений государственной охраны понесли военнослужащие УКМК НКВД СССР. В ноябре 1944 года Управление коменданта Московского Кремля направило в НКГБ СССР спи-

ски сотрудников и военнослужащих УКМК, погибших и пропавших без вести за время Великой Отечественной войны. Общие потери убитыми составили 98 человек, из них 83 человека погибли в 1941-м, 12 — в 1942-м и три красноармейца-снайпера погибли при выполнении специального задания на фронте в 1943 году. 164 человека получили ранения и контузии, из них 88 — тяжелые[47].

В годы войны сотрудники государственной охраны, преодолевая огромные трудности, показали высокие морально-служебные и профессиональные качества, на всех участках мужественно исполняя служебные обязанности, и внесли достойный вклад в дело разгрома фашизма.

РЕФОРМА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1943 ГОДА. ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ РУКОВОДСТВА ГОСУДАРСТВА В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ В 1943–1945 ГОДАХ

К весне 1943 года на советско-германском фронте произошли коренные изменения в пользу СССР. В условиях наступления Красной армии было признано целесообразным обратиться к довоенной реформе органов государственной безопасности, которая максимально соответствовала бы задачам обеспечения фронта и конечной победы над немецко-фашистскими захватчиками. 14 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об образовании Народного комиссариата государственной безопасности СССР»[48].

В указе было два пункта:

«1. Образовать Народный комиссариат государственной безопасности СССР...

Утвердить народным комиссаром государственной безопасности СССР тов. Меркулова Всеволода Николаевича...»

Основные оперативно-чекистские управления и отделы вновь, как и в 1941 году, были выделены из НКВД СССР в самостоятельный Народный комиссариат государственной безопасности СССР. Военная контрразведка (особые отделы), в целях максимальной реализации ее возможностей согласно нуждам фронта, вошла в состав наркоматов обороны и военно-морского флота под широко известным наименованием «Смерш».

На НКГБ СССР было возложено выполнение задач в области обеспечения безопасности, в том числе и охрана руководящих кадров партии и правительства. Так в реорганизации 1943 года усиление мер по обеспечению государственной безопасности и охраны руководства страны нашло свое логическое завершение. Управление коменданта Московского Кремля вошло в состав НКГБ СССР без каких-либо существенных изменений. Возглавил его проработавший с 1938 года на этом посту генерал-майор Н. К. Спиридонов.

Подразделение охраны сохранили в структуре НКГБ СССР, значительно повысив его статус. С этого времени оно стало именоваться 6-м Управлением — Управлением охраны руководящих кадров партии и правительства. Начальником этого подразделения 11 мая 1943 года был назначен генерал-майор Н. С. Власик. Управление охраны сохранило все свои прежние функции. При этом повышение административно-организационного уровня работы управления достигалось путем слияния многих отделений и преобразования их в отделы.

Утвержденная в 1943 году структура государственной охраны была очень компактной и оказалась наиболее работоспособной и управляемой в условиях военного времени. Это подтвердилось последующей, практически безупречной и надежной деятельностью подразделений в 1943–1945 годах.

Комендатуры 6-го Управления НКГБ СССР охраняли ЦК ВКП(б), НКИД, Генеральный штаб РККА, Первый дом СНК СССР в Охотном ряду, Центральный штаб партизанского движения. Расстановка личного состава подразделений охраны отличалась небольшой численностью и рационализмом в использовании имеющихся сил и средств.

В дальнейшем, с мая до конца 1943 года, к постоянным объектам, охраняемым 6-м Управлением НКГБ СССР, присоединились сооружения лаборатории № 2 Академии наук СССР, работавшей над проблемами урана.

По окончании августовской поездки И. В. Сталина на фронт 9 августа 1943 года по решению руководства страны были произведены изменения в руководящем составе 6-го Управления НКГБ СССР. Начальником управления государственной охраны стал А. К. Кузнецов, а Н. С. Власик — заместителем начальника управления, а также начальником подразделения по охране И. В. Сталина.

После переподчинения органов государственной охраны Наркомату государственной безопасности руководство 6-го Управления НКГБ СССР стало уделять еще большее внимание подготовке объектов к проведению

Москва. Театральная площадь.
Художник М. А. Маторин

охранных мероприятий. Так, Большой театр в начальный период войны достаточно сильно пострадал при бомбежке и подлежал восстановлению после разрушения. Несмотря на то что строительные работы шли под контролем НКВД, осенью 1943 года, когда встал вопрос об использовании театра для проведения официальных мероприятий, представители государственной охраны приняли ряд мер по приведению этого объекта в надлежащую готовность. В 6-м Управлении НКГБ СССР не могли исключить возможности проведения в ГАБТе террористического акта путем использования взрывных устройств. В октябре — ноябре 1943-го был проведен тщательный осмотр театра силами соответствующих специалистов с целью проверки наиболее удобных мест для возможного заложения взрывных устройств. Было сделано заключение, что все места, куда имелся доступ в ходе обследования, не вызывают опасений.

Тогда же начальник 6-го Управления НКГБ СССР А. К. Кузнецов запросил руководителя 4-го Управления НКГБ СССР П. А. Судоплатова о состоянии Большого театра. Из 4-го Управления был получен ответ, что в октябре 1941 года по распоряжению народного комиссара внутренних дел СССР Л. П. Берии помещение было заминировано. В январе 1942-го было произведено разминирование. Эти мероприятия осуществлялись в октябре 1941 года в соответствии с так называемым «Московским планом», которым предусматривалось минирование столичных объектов[49].

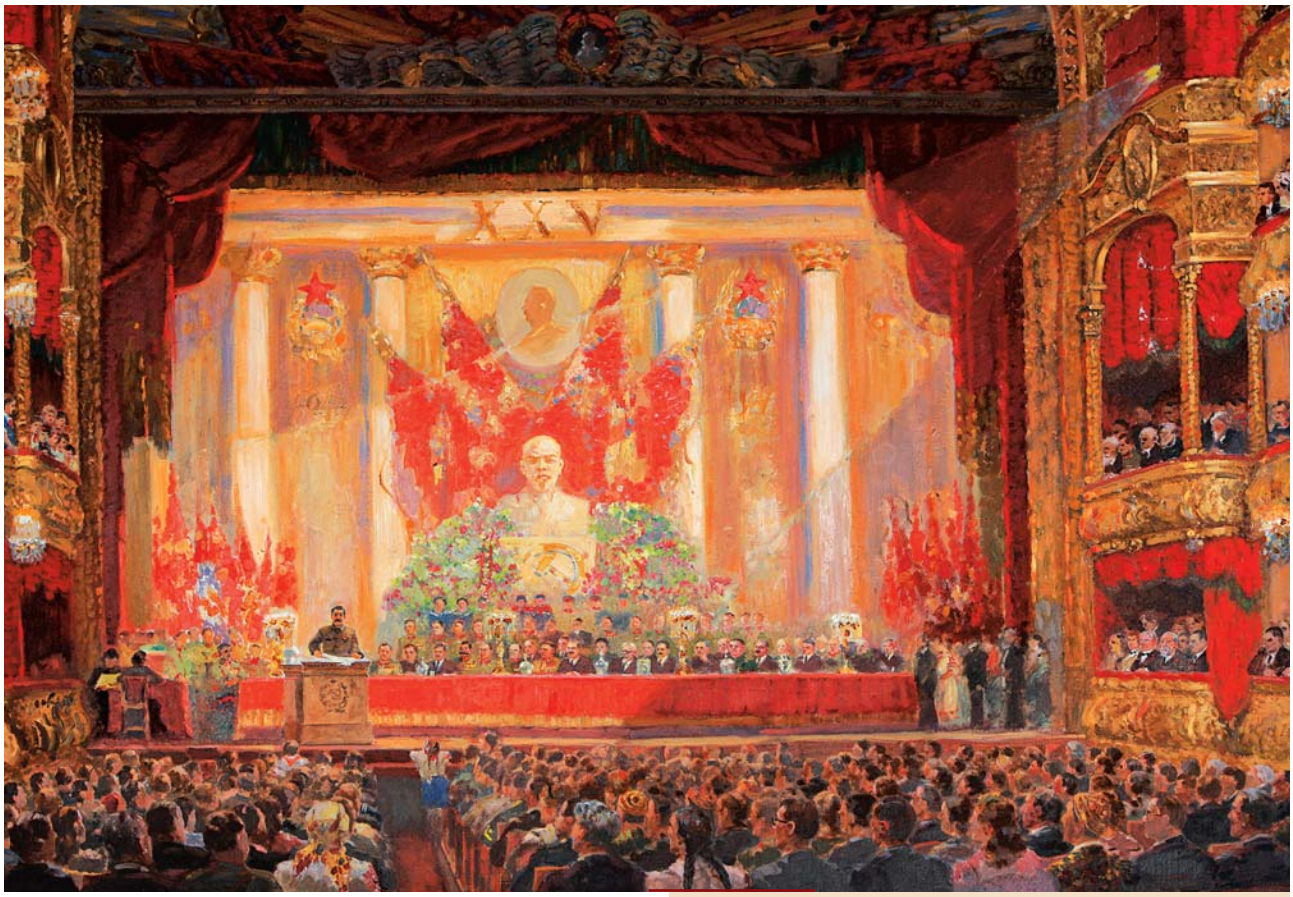
В сентябре — октябре 1943 года подразделения государственной охраны приступили к подготовке мероприятий, связанных с празднованием очередной годовщины Октябрьской революции. За весь 1943 год ими было обеспечено 232 мероприятия, в том числе 93 — крупных. Необходимо особо отметить работу сотрудников на Тегеранской конференции, которая явилась одним из сложнейших испытаний службы охраны за военные годы[50].

В 1943 году подразделениями государственной охраны было обеспечено 75 поездок охраняемых лиц, 49 из которых состоялись на фронт и в прифронтовые районы, 23 — по стране, 3 — за границу.

Командировки на фронт и в прифронтовые районы водителей Гаража особого назначения и офицеров групп личной охраны длились от нескольких дней до нескольких недель и месяцев. Так, Г. К. Жуков с 22 июня 1941 по 15 мая 1945 года совершил 43 выезда на фронт. Сюда не входят отдельные поездки в Москву — по вызову И. В. Сталина на непродолжительное время. Только с 29 сентября по 16 ноября 1942 года Георгий Константинович трижды выезжал в район Сталинграда. За время войны А. М. Василевский совершил 24 поездки на фронт, С. К. Тимошенко — 23, К. Е. Ворошилов — 14, С. М. Будённый — 5.

Самым напряженным за время войны годом по количеству мероприятий, связанных с поездками, оказался 1944-й. За это время было организовано 90 поездок, 42 из которых — во фронтовые и прифронтовые районы, 45 — по стране и 3 — за границу[51].

Каждая такая поездка была сопряжена с большим количеством мероприятий, без которых обеспечить безопасность охраняемого лица и эффективность его работы было бы невозможно. В качестве примера достаточно будет коротко рассказать о посещении А. А. Ждановым города Хельсинки, куда он направился 19 сентября 1944 года. Для обеспечения его безопасности в Хельсинки заранее вылетела группа охраны, которой были приданы сотрудники посольства, владеющие финским языком. Затем была организована переброска автомобилей охраняемого лица и при участии местных властей подобран особняк для размещения А. А. Жданова, а также обеспечена круглосуточная радиосвязь с Москвой. Все охранные мероприятия в Хельсинки организовывались гласно. Сотрудники государ-



Гимн Октябрю.
Художник А. Герасимов. 1943 г.
Несмотря на перенос заседания из Большого театра в БКД, несостоявшееся событие было увековечено на полотне

ственной охраны были одеты в форму РККА, при существующем по табелю вооружении, усиленном автоматами.

За первые пять месяцев 1945 года подразделениями государственной охраны было обеспечено 35 поездок охраняемых лиц, 8 из которых — на фронт и в прифронтовые районы, 16 — по стране, 11 — за границу.

Особо следует упомянуть об обеспечении работы Ялтинской (Крымской) конференции руководителей держав антигитлеровской коалиции[52].

В конце войны сотрудникам 6-го Управления НКГБ СССР совместно с другими подразделениями Наркомата государственной безопасности предстояло решить еще одно сложное, необычайно большое по количеству мероприятий задание, связанное с поездкой советской делегации на конференцию в Сан-Франциско в апреле — мае 1945 года.

Необходимо отметить, что борьба со специальными службами фашистской Германии велась жесточайшая. Угроза проведения террористических актов в отношении руководителей государства была реальной. В 6-м Управлении и УКМК имелась информация о подготовке акций центрального террора против членов советского правительства. Конкретным примером тому служат события осени 1944 года — неудавшееся покушение на И. В. Сталина и других высших руководителей Советского Союза[53].

5 сентября 1944 года в поселке Карманово Смоленской области сотрудниками НКВД СССР (отдел по борьбе с бандитизмом) были задержаны переброшенные через линию фронта на специально подготовленном для этих целей четырехмоторном транспортном самолете «Арадо-332» немецкие агенты П. И. Таврин и Л. Я. Шилова. Они имели задание германской разведки — совершить террористический акт против И. В. Сталина, а также членов советского руковод-

ства: В. М. Молотова, Л. П. Берии, К. Е. Ворошилова и Л. М. Кагановича. Для этого Таврин и Шилова должны были выяснить места пребывания указанных лиц и маршруты движения спецмашин, а также установить, когда и где будут проходить торжественные заседания или собрания с участием руководителей советского правительства. Для совершения акта террористы были снабжены пистолетами с отравленными и разрывными пулями на случай проникновения на соответствующее мероприятие, а также специальным аппаратом «Панцеркнаке» и бронебойно-зажигательными снарядами к нему — для совершения покушения во время проезда по улице правительственного автомобиля.

Военной контрразведке «Смерш» удалось перевербовать немецких агентов и привлечь к сотрудничеству. После этого началась радиоигра с противником под кодовым наименованием «Туман». Цель игры — сделать все возможное, чтобы не допустить переброску на территорию СССР аналогичных террористических групп. Как показывают данные радиоигры, эта задача была выполнена. Руководство фашистской Германии практически до конца войны надеялось на положительный для нее исход проводимой операции[54].

Сложные проблемы в это время стояли перед местными группами государственной охраны по налаживанию работы вновь воссоздаваемых органов госбезопасности на освобожденных от фашистов советских территориях. Им необходимо было укомплектовываться, организационно оформляться, получать новое оружие, боеприпасы, необходимое имущество. Этим коллективам в начале своей деятельности не хватало практического опыта в деле обеспечения безопасности на порученных участках, допускались на первых порах отдельные просчеты в работе.

Местные органы государственной охраны при содействии 6-го Управления НКГБ СССР проводили подготовку специальных объектов (особняков, мест работы) для размещения в них охраняемых лиц. Отмечая обязательность проведения осмотров на объектах, необходимо подчеркнуть важность проверок технического состояния зданий.

Так, 9 февраля 1944 года в городе Орехово-Зуево, в местном театре, во время собрания рабочих по поводу вручения правительственных наград, которое проводили М. И. Калинин и А. С. Щербаков, произошло отключение электроосвещения. Театр в обесточенном состоянии находился 12 минут. В течение этого времени работа собрания проходила практически в полной темноте при открытых дверях в фойе. Отключение произошло вследствие короткого замыкания при производстве киносъемочных работ из-за неисправности аппаратуры. Было установлено, что до начала мероприятия система аварийного освещения в театре хотя и проверялась, но не сработала при отключении основной линии электропитания. Этот факт послужил серьезным уроком отдельным должностным лицам подразделений государственной охраны.

1944 год был самым напряженным за время войны по объему выполненных 6-м Управлением и УКМК НКГБ СССР специальных заданий. За указанный период было обеспечено 250 мероприятий, 86 из которых можно отнести к разряду весьма сложных.

В первом полугодии 1945 года было обеспечено 108 оперативных заданий, 54 из которых потребовали выделения значительных сил и средств[55]. Среди них — проведение парада и демонстрации 1 мая, Парада Победы 24 июня, мероприятий в БКД, ГАБТе, особняке НКИД СССР и др.

Все охранные мероприятия в годы войны готовились в условиях строжайшей конспирации, а в некоторых случаях даже с применением мер по дезинформации противника. Так, 6 ноября 1943 года подразделения УКМК НКГБ СССР совместно с 6-м Управлением НКГБ СССР должны были обеспечить в Большом театре Союза ССР проведение торжественного заседания, посвященного 26-й годовщине Октябрьской революции. Приглашения на заседание и служебные пропуска были выданы для прохода в театр, как и наряды подготовлены для службы в ГАБТе. Большая часть наряда инструктировалась в 13.00 в день проведения мероприятия в Бетховенском зале Большого театра, где и было объявлено о переносе заседания в Большой Кремлевский дворец.

Режим служебной деятельности военнослужащих УКМК был очень интенсивным. С августа 1941 года личный состав гарнизона нес службу в караулах (заставах) по двое суток подряд. После смены караула, в течение «свободных» двух суток, в подразделениях проводились занятия, а также военнослужащие назначались в дополнительные наряды и на работы. В течение всей войны в связи с проведением государственных праздников 1 мая и 7 ноября, а также при обеспечении других протокольных мероприятий в Московском Кремле офицерский состав гарнизона каждый раз переводился на казарменное положение. Только с мая 1944 года смена гарнизонного наряда стала производиться ежедневно. Несмотря на трудности военного времени, уровень оперативно-служебной деятельности личного состава Управления коменданта Московского Кремля значительно вырос. Количество нарушений и служебных недостатков сильно сократилось.

В это же время была произведена реорганизация УКМК НКГБ СССР и Полка специального назначения[56] и утверждены новые штаты. Так, в полковой школе обучалось 128 курсантов.

В июне 1944 года, впервые после трехлетнего перерыва, Боровицкие и Спасские ворота, предназначенные для проезда автотранспорта, в дневное время стали оставаться открытыми. Для жителей Москвы и Московского Кремля это говорило о многом.

К празднованию Победы Московский Кремль начал готовиться заранее. В марте 1945 года приступили к проведению небольшого косметического ремонта зданий, не удаляя защитное покрытие элементов маскировки зданий. Помыли окна и покрасили рамы. Вернули кресты на кремлевские церкви и соборы, сняли защитные чехлы с куполов, в отдельных местах даже смыли защитное покрытие. Звезды на башнях освободили от деревянных щитов. 30 апреля 1945 года[57] вновь засияли пять звезд на башнях Московского Кремля и заиграли куранты.

1 мая 1945 года личный состав 6-го Управления НКГБ СССР и УКМК НКГБ СССР принимал участие в обеспечении безопасности парада и демонстрации трудящихся Москвы на Красной площади. Это был третий (предыдущие — 7 ноября 1941-го и 1 мая 1942-го), он же последний, парад на Красной площади за годы войны.

После капитуляции Германии подразделения Кремлевского гарнизона и 6-го Управления НКГБ СССР в мае — июне 1945 года обеспечивали безопасность ряда правительственных мероприятий, посвященных Победе в Великой Отечественной войне. Они проводились в Большом Кремлевском дворце и на Красной площади. Так, 24 мая личный состав УКМК и 6-го Управления НКГБ СССР принимал участие в проведении приема в Большом Кремлевском дворце (Георгиевский зал) в честь командующих войсками Красной армии.

За участие в Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 года между ротами, взводами, отделениями Полка специального назначения шло острое соревнова-

ние. В этот день подразделения государственной охраны не только обеспечивали безопасность руководителей Советского государства и гостей на Параде Победы — парадный расчет Полка специального назначения прошел по брусчатке Красной площади.

На следующий день, 25 июня, на грандиозном приеме в честь участников Парада Победы в Большом Кремлевском дворце по праву присутствовали и военнослужащие Полка специального назначения УКМК НКГБ СССР.

Гости размещались в Георгиевском зале (960 мест), Владимирском зале (400 мест), Грановитой палате и Святых сенях (450 мест), в залах пристройки: на первом этаже — нижняя столовая (600 мест), на втором — верхняя столовая (500 мест). Во дворец были приглашены 2910 человек, из них 2210 военнослужащих — участников парада Победы. Такое же размещение приглашенных было в 1940–1941 годах, во время проведения приемов в честь участников парадов и выпускников военных академий и военных факультетов. Впервые задействованные в проведении приема залы были радиофицированы. Трансляцию из Георгиевского зала, где был установлен микрофон для поздравлений, а также выступления артистов концерта можно было услышать всем приглашенным.

Старший лейтенант офицерского батальона УКМК Я. А. Чернявский в Святых сенях БКД.
Май 1945 г.

Все годы войны Большой Кремлевский дворец был объектом особой значимости. Здесь проводились официальные государственные мероприятия: сессии Верховного Совета СССР и РСФСР, торжественные заседания, посвященные различным событиям, вручение государственных наград, просмотры фильмов в специальном кинозале. Дворец активно использовался в протокольных целях: различных церемониях с участием иностранных гостей, официальных приемах (обедах) в честь глав государств и правительств союзников, беседах и переговорах. Всего за годы Великой Отечественной в помещениях Большого Кремлевского дворца было проведено 27 крупных государственных мероприятий.

С 5 августа 1943 по 9 мая 1945 года на территории Кремля было организовано и проведено 359 артиллерийских салютов в честь исторических побед Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны. Сводный салютирующий артиллерийский дивизион от двух дивизий НКВД СССР располагался для проведения стрельбы в Большом сквере Московского Кремля, в том месте, где еще совсем недавно размещались две зенитные батареи, отражавшие налеты авиации противника на Московский Кремль.

За годы Великой Отечественной войны комендатура Московского Кремля, наряду с выполнением основной задачи — охраны и обороны охраняемого объекта, обеспечила безопасность и хозяйственное обслуживание 42 крупных государственных мероприятий, проводившихся в Большом Кремлевском дворце и на Красной площади. В это число входит и обеспечение безопасности, совместно с 1-м отделом НКВД СССР — 6-м Управлением НКГБ СССР, пятнадцати визитов глав иностранных делегаций во время их нахождения в Кремле: У. Черчилля (дважды), Ш. де Голля, Э. Бенеша, И. Б. Тито, А. Идена и других гостей. Личный состав гарнизона выполнил 13 командировок, связанных с эвакуацией (реэвакуацией) государственных учреждений и их ценностей, а также ряд других специальных поручений.

Таким образом, за военный период Управление коменданта Московского Кремля НКВД — НКГБ СССР выполнило 55 специальных задания руководства государства, наркоматов внутренних дел и государственной безопасности.

В заключение несколько слов о подготовке Потсдамской (Берлинской) конференции. Готовиться к ней начали в конце мая 1945 года. В разрушенном Берлине проводить конференцию было просто негде. Недалеко от столицы поверженной Германии в небольшом городке Потсдаме сохранился двухэтажный дворец германского кронпринца. Он оказался единственным зданием, соответствовавшим статусу проводимого мероприятия. Делегации союзников должны были разместиться в четырех километрах от Потсдама, в урочище Бабельсберг, пригородном районе фешенебельных вилл.

На расчистку дорог, уборку остатков разрушенных зданий и сооружений, восстановление мостов и других инженерных объектов были направлены инженерно-строительные подразделения Красной армии, а также мобилизовано местное население. К концу июня восстановительные работы были закончены. К этому времени отремонтировали и пустили в эксплуатацию автомобильные дороги, восстановили мосты, гаражи, пункты связи (телефонные станции) и другие технические помещения, пустили в работу две электростанции в Потсдаме и Бабельсберге, водонасосную станцию, подготовили к приему самолетов любых типов два аэродрома — Кладов и Дальгов. Здания и помещения, в которых должны были разместиться делегации союзников, были отремонтированы и обеспечены мебелью и всем необходимым.

При осмотре территории проведения мероприятий в Потсдаме и Бабельсберге, его ближайшем окружении, обнаружили большое количество взрывчатых веществ, в том числе неразорвавшихся боеприпасов, сотни единиц стрелкового оружия. Были выявлены боевые позиции (траншеи, окопы, блиндажи) и места складирования оружия и боеприпасов, в основном в ящиках. Вывозились авиационные бомбы, артиллерийские снаряды и мины, фаустпатроны, патроны винтовочные и автоматные, противотанковые и противопехотные мины, ручные гранаты, пулеметы, винтовки, автоматы, ножи и штыки.

На объектах проведения конференции был создан необходимый запас гастрономических, бакалейных, фруктовых, кондитерских изделий и напитков. Кроме того, начали работу три фермы — животноводческая, птицеводческая и овощная, начались поставки свежей рыбы.

Обеспечивали безопасность и охрану этой встречи сотрудники многих подразделений 6-го Управления НКГБ СССР, контрразведки, в том числе военной «Смерш», разведки и других служб НКГБ и НКВД СССР. Так, в связи с подготовкой конференции Гараж особого назначения направил в июле 1945 года в Германию (в составе передовой группы) водительский и технический персонал, а также восемь автомобилей. Были решены вопросы размещения гаражей, стоянок, мест заправки автомобилей, их технического обслуживания. Совместно с ВАД были определены маршруты проезда руководителей делегаций. В середине июля поездом были отправлены автомобили охраняемых лиц, участвовавших в работе конференции: И. В. Сталина, В. М. Молотова и Л. П. Берии.

Встреча Ш. де Голля в Москве.
Декабрь 1944 г.

Встреча И. Б. Тито в Москве.
Сентябрь 1944 г.

Войсковую охрану территории проведения конференции в Потсдаме и Бабельсберге обеспечивал личный состав семи полков НКВД СССР. В дополнение к советской охране американская и британская стороны в конце июня направили в Бабельсберг свои войсковые подразделения.

Советская делегация на Потсдамской конференции.
1945 г.

Представляет интерес приказ руководства, с которым был ознакомлен весь личный состав охраны и водители ГОНа. Этим документом предписывалось всему оперативному составу принимать меры по поддержанию порядка и соблюдению тишины, водителям запрещалось подавать звуковые сигналы в зоне особого района, а с 23.00 до 04.00 прекращалось всякое передвижение (за исключением передвижений по специальным ночным пропускам).

В сложных условиях государственное задание сотрудниками 6-го Управления НКГБ СССР, другими военнослужащими госбезопасности и внутренних дел было выполнено без существенных замечаний. Наиболее отличившиеся участники обеспечения безопасности Потсдамской конференции были отмечены высокими государственными наградами.

Для 6-го Управления НКГБ СССР деятельность в военных условиях не прекращалась. 26 июня 1945 года был подписан приказ НКГБ СССР о командировании 14 сотрудников личной охраны во главе с начальником оперативной группы подполковником П. Г. Копыловым в Читу. Их задача заключалась в обеспечении безопасности Маршала Советского Союза А. М. Василевского в период войны с Японией.

Роль и значение подразделений государственной охраны в общей системе государственного управления СССР в годы Великой Отечественной войны, а также их вклад в обеспечение безопасности советского руководства очевидны. Поставленная перед государственной охраной задача — обеспечить четкое и безопасное функционирование политического и военного руководства государства в особый период 1941–1945 годов — была выполнена. Несмотря на многочисленные критические ситуации, потерь среди охраняемых лиц не было, а материальный ущерб, причиненный бомбардировками врага охраняемым объектам, можно оценить как минимальный.

В военный период 1-й отдел — 6-е Управление совместно с УКМК НКВД — НКГБ СССР обеспечивали безопасность 25 охраняемых лиц.

Охраняемое лицо	Должность охряняемого лица
И. В. Сталин	Председатель ГКО СССР, руководитель Ставки ВГК, Председатель Совета народных комиссаров СССР, член Политбюро ЦК ВКП (б), секретарь ЦК ВКП (б)
А. А. Андреев	Член Политбюро ЦК ВКП (б), секретарь ЦК ВКП (б), председатель КПК при ЦК ВКП (б)
Л. П. Берия	Нарком внутренних дел СССР, член ГКО, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б)
К. Е. Ворошилов	Заместитель Председателя СНК СССР, член ГКО и Ставки ВГК, член Политбюро ЦК ВКП (б)
Г. Димитров	Секретарь Исполкома Коминтерна (ИККИ)
А. А. Жданов	Член Политбюро ЦК ВКП (б), секретарь ЦК ВКП (б), секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП (б)
М. И. Калинин	Председатель Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК ВКП (б)
Л. М. Каганович	Нарком путей сообщения, член Политбюро ЦК ВКП (б)
Г. М. Маленков	Член Политбюро ЦК ВКП (б), секретарь ЦК ВКП (б), член ГКО и Ставки ВГК
А. И. Микоян	Заместитель Председателя СНК СССР, нарком внешней и внутренней торговли, член Политбюро ЦК ВКП (б)

В. М. Молотов	Заместитель Председателя ГКО и Ставки ВГК, первый заместитель председателя СНК СССР, нарком иностранных дел СССР, член Политбюро ЦК ВКП (б)
Н. С. Хрущёв	Член Политбюро ЦК ВКП (б), первый секретарь ЦК КП (б) Украины — охрана осуществлялась за счет штатов НКВД Украинской ССР
А. Н. Булганин	Заместитель Председателя СНК СССР
Н. А. Вознесенский	Заместитель Председателя СНК СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б)
Н. М. Шверник	Первый секретарь ВЦСПС, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП (б)
А. С. Щербаков	Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП (б), первый секретарь МК и МГК ВКП (б)
С. М. Будённый	Заместитель наркома обороны СССР, член Ставки ВГК
А. Я. Вышинский	Заместитель наркома иностранных дел СССР
А. С. Василевский	Заместитель начальника Генерального штаба РККА
Г. К. Жуков	Заместитель руководителя Ставки ВГК, командующий войсками Резервного фронта
М. М. Литвинов	Заместитель наркома иностранных дел СССР
В. Н. Меркулов	Заместитель наркома внутренних дел СССР
С. К. Тимошенко	Заместитель наркома обороны СССР, член Ставки ВГК
Б. М. Шапошников	Начальник Генерального штаба РККА, заместитель наркома обороны СССР, член Ставки ВГК
В. В. Ульрих	Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР

Всего за годы Великой Отечественной войны подразделения государственной охраны СССР подготовили и провели 859 крупных охранных мероприятий. Так, была обеспечена безопасность 157 поездок охраняемых лиц на фронт и прифронтовые районы, 19 — за границу, проведено 55 мероприятий в Московском Кремле и на Красной площади.

УЧАСТИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ В РЕЭВАКУАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ И ВОССТАНОВЛЕНИИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В конце 1943 года комендатура Московского Кремля приступила к выполнению заданий, связанных с возвращением имущества и ценностей, вывезенных из Москвы в 1941–1942 годах. На этот раз мероприятия проводились планово, без спешки. В феврале 1944 года специальная команда УКМК доставила из Уфы в Москву особо важный груз — архив СНК СССР. Весной из Свердловска вернулся архив УКМК НКВД СССР.

С 16 по 19 февраля 1945 года была проведена реэвакуация ценностей Государственной Оружейной палаты с Урала[58]. Начальником специального эшелона из девяти вагонов был назначен руководитель Государственной Оружейной палаты подполковник госбезопасности Н. Н. Захаров, которому для охраны груза в пути был выделен взвод автоматчиков ПСН. О движении эшелона из Свердловска в Москву комендант Московского Кремля Н. К. Спиридонов докладывал лично два раза в сутки наркому государственной безопасности СССР В. Н. Меркулову.

А в конце марта из Тюмени в Москву было возвращено тело В. И. Ленина и помещено в Мавзолей[59]. Это было последнее реэвакуационное мероприятие из тринадцати подобных командировок за годы войны, непосредственное участие в которых принимали военнослужащие комендатуры Московского Кремля и 1-го отдела — 6-го Управления НКВД — НКГБ СССР.

Весной 1945 года встал вопрос о восстановлении архитектурного ансамбля Московского Кремля. Большой урон зданиям и сооружениям был нанесен во время вражеских бомбардировок. Необходимо было ликвидировать последствия разрушений, удалить остатки маскировки, провести работы по благоустройству территории. После окончания Великой Отечественной войны последовал ряд постановлений и распоряжений Правительства СССР по вопросам приведения в надлежащий вид Московского Кремля, Красной площади, захоронений у Кремлевской стены, Александровского сада и набережной Москвы-реки. Началась разработка Генерального плана реконструкции Московского Кремля и Красной площади.

В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР с 1 сентября 1945 по 10 апреля 1946 года

был проведен капитальный ремонт звезд на кремлевских башнях. Необходимость их срочного ремонта стала очевидна, когда 1 мая 1945-го, впервые после начала Великой Отечественной войны, зажгли звезды на башнях Кремля и на них стали заметны пятна, разводы, выявилась неравномерная степень освещенности различных сегментов.

В прессе тех лет подробно рассматривался процесс снятия звезд с башен. В частности, газета «Московский большевик» 30 сентября 1945 года в статье «Реставрационные работы в Кремле» писала: «Многие москвичи видели, наверное, верхолазов, работающих на Водовзводной башне Кремля, у рубиновой звезды. Как известно, кремлевские звезды установлены на шариковых подшипниках. Они поворачиваются от малейшего порыва ветра. Каждая звезда освещается лампой, по силе света равной 170 лампочкам обычной мощности. Режим накала ламп в звездах в ночное и дневное время неодинаков. Для того чтобы звезда ночью не казалась слишком яркой, лампа горит не полным накалом. Поверхность звезд покрыта двумя слоями стекол. Сейчас, после того как со звезд сняты маскировочные чехлы, оказалось необходимым подвергнуть их капитальному ремонту. Эти работы и выполняют верхолазы».

Помимо разрушений, вызванных войной, на кремлевских звездах выявились недостатки первого остекления, проведенного отдельно красным и молочным стеклами в 1937 году. Через несколько лет эксплуатации стало ясно, что оно с трудом выдерживает воздействие атмосферных явлений и огромных перепадов температур: природных — снаружи и искусственных, от лампы подсветки, — изнутри. В результате на звездах образовались трещины как на внешних поверхностях рубинового стекла, так и на внутренних (матовых) плоскостях, что, в свою очередь, привело к попаданию пыли и копоти, а зазор между двумя стеклами способствовал образованию темных пятен, что снизило яркость и правильное распределение света в сегментах звезд.

После войны были изготовлены образцы трехслойного стекла. Прослойку матового стекла заключили между внешним, более утолщенным слоем красного (рубинового) стекла, и внутренним — прозрачным. Причем стекла в сегментах имели гнутую форму, что придало звездам их неповторимо торжественный вид и увеличило прочность. Красные стекла с двойным молочно-бесцветным подслоем успешно прошли все необходимые испытания и, как мы теперь знаем, достойно выдержали проверку временем.

28 января 1946 года Совнарком СССР утвердил постановление № 219 «О ремонте башен и стен Московского Кремля». Управлению коменданта Московского Кремля надлежало реставрировать кирпичные конструкции башен и стен, восстановить белокаменные части, карнизы, цоколи, парапеты, архитектурные детали: зубцы, пояски и пр. Черепичная кровля и железные покрытия шатров, как и белокаменные и кирпичные поверхности, нуждались в очистке от ржавчины и загрязнений, асфальтовое покрытие на стенах требовало ремонта. Все работы по производству ремонта и реставрации башен и стен Московского Кремля были возложены на Управление строительства Дворца Советов со сроком окончания в декабре 1947 года.

19 сентября 1946 года Совнарком СССР утвердил постановление №2156 «О благоустройстве могил у Кремлевской стены на Красной площади». Этим постановлением на комендатуру Кремля возлагалось осуществление работ по благоустройству могил М. И. Калинина, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, М. В. Фрунзе, закончить которые необходимо было до 15 апреля 1947 года. Решено было установить гранитные бюсты на постаментах, а вдоль Кремлевской стены устроить гранитную дорожку для прохождения посетителей. Зеленые насаждения сохранялись в существующем виде.

13 июня 1947 года на заседании Совета министров СССР был рассмотрен вопрос об одном из самых масштабных проектов реконструкции Московского Кремля и Красной площади. Новый проект предусматривал проведение в 1948–1953 годах реконструкции здания Арсенала для размещения в нем аппарата Совета министров СССР, а также правительственного архива; перестройку ряда зданий под жилые помещения; перекрытие внутреннего двора Большого Кремлевского дворца для создания зала заседаний Верховного Совета СССР на три тысячи мест. Существующий зал заседаний Верховного Совета СССР предлагалось превратить в Орденский зал советских наград. Кроме того, проект предполагал, что на территории Московского Кремля сохранится только Царь-пушка, а остальные отечественные и трофейные орудия будут вывезены за ее пределы. В Тайницком саду собирались ликвидировать все хозяйственные постройки и спортивные площадки для создания парка, предполагалось сооружение памятника В. И. Ленину.

Серьезнейшие изменения планировались и в архитектурном облике Красной площади. Государственный исторический музей было решено передвинуть на угол Красной площади и улицы 25 октября (в настоящее время это улица Никольская), здание ГИМа отводилось под учреждения. На месте музея предполагалось открыть памятник, посвященный Победе в Великой Отечественной войне. У Мавзолея В. И. Ленина планировалось устройство гранитных гостевых трибун.

Но из всего намеченного было выполнено только одно мероприятие. В целях благоустройства Красной площади и создания общего ансамбля в сочетании с Мавзолеем В. И. Ленина были произведены работы по покрытию гостевых трибун гранитными плитами. Остальные проекты, ввиду отсутствия финансовых средств, так и остались на бумаге.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦА ФСБ России. Ф. 17. Оп. 25. Д. 1. Л. 201.

[2] Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 75.

[3] Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов государственной безопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002. С. 31–32; ЦА ФСБ России. Ф. 17. Оп. 25. Д. 9. Л. 172–173.

[4] Московский Кремль — цитадель России. М., 2009. С. 327–328.

[5] Москва военная: 1941–1945. Архивные документы и материалы. М., 1995; ГАРФ. Ф. 259. Оп. 40. Д. 2782. Л. 76.

[6] Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002, С. 33–36; ЦА ФСБ России. Ф. 17. Оп. 25. Д. 9. Л. 174–177.

[7] Там же. С. 52–53.

[8] Московский Кремль — цитадель России. С. 329–330; Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002. С. 49–51, 55–56, 93.

[9] Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. М., 2010. С. 87.

[10] Там же. С. 91.

[11] Москва военная: 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 427–439, 449, 664.

[12] Московский Кремль — цитадель России. С. 326.

[13] Там же.

[14] Лубянка в дни битвы за Москву. С. 72–73.

[15] Там же. С. 74–75; ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 50. Л. 368.

[16] Правда. 1941. 20 октября.

[17] Москва военная. С. 142–147.

[18] Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002. С. 93–96; Московский Кремль — цитадель России. С. 336.

[19] Московский Кремль — цитадель России. С. 315, 336.

[20] Кремлевский кинотеатр: 1928–1953. Документы. М., 2005. Л. 639.

[21] Государственная охрана России: 1881–2006. Каталог выставки. Исторические очерки. М., 2006. С. 53.

[22] Там же. С. 55.

[23] За исключением небольшой группы гостей, приглашения которым рассылались персонально.

[24] К совершению террористического акта против руководителей Советского государства Дмитриев начал готовиться с момента его повторного призыва в армию. В конце 1941 года, подменяя наводчика из расчета автомобильной зенитной пулеметной установки на площади Маяковского, он намеревался открыть огонь по проезжавшим на улице Горького правительственным автомобилям. Остановила его только вероятность большого количества жертв среди прохожих. Следствие по делу Дмитриева показало, что в данном случае отсутствовал какой-либо заговор, а за террористом не стояли контрреволюционные организации или немецкие специальные службы. Покушавшийся был явно неуравновешенным человеком с больной психикой. По этой причине передача материалов следствия и обвинения в военный трибунал затянулась на много лет. Материалы обвинения были подготовлены только в марте 1944-го. 25 августа 1950 года состоялся суд над Дмитриевым, приговоривший его к высшей мере наказания.

[25] Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. С. 166.

[26] Там же. С. 171.

[27] См.: Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997; *Штепенко А. П.* Записки штурмана. М., 1953.

[28] Государственная охрана России. С. 51; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 1. Л. 56–57.

[29] Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002. С. 54–55, 61–62; ЦА ФСБ России Ф. 17. Оп. 25. Д. 10. Л. 94–94 об, 211–211об.

[30] Государственная охрана России. М., 2006. С. 51; ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1в. Д. 1. Л. 233.

[31] Лубянка в дни битвы за Москву. С. 36–38, 38–39, 42–44; ЦА ФСБ России. Ф. 17. Оп. 25. Д. 9. Л. 184, 186–187; Д. 10. Л. 77–78.

[32] Лубянка в дни битвы за Москву. С. 58–60; ЦА ФСБ РФ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 10. Л. 227, 227об.

[33] Кремлевцы на боевом посту: Книга памяти. 1918–2000. 2-е изд. М., 2000. С. 14.

[34] Московский Кремль — цитадель России. С. 333.

[35] Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. С. 113.

[36] Кремлевцы на боевом посту. С. 16–17.

[37] Московский Кремль — цитадель России. С. 330.

[38] Термин из документов УКМК НКВД СССР.

[39] Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. С. 118.

[40] Профессиональная подготовка в системе государственной охраны: история и современность. М., 2008. С. 68–69.

[41] Кремлевцы на боевом посту. С. 15–16.

[42] Там же. С. 16.

[43] ЦА ФСБ России. Ф. 5. Оп. 12. Д. 343. Л. 230–239.

[44] Президентский полк: История и современность. М., 2008. С. 56.

[45] Книга памяти сотрудников контрразведки, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995; Кремлевцы на боевом посту. С. 17.

[46] Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — МВД — КГБ. С. 138.

[47] Лубянка в дни битвы за Москву. С. 10–16, 75–90.

[48] См.: Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. С. 208–220.

[49] Там же. С. 186.

[50] Там же. С. 221–237; См. также: «О специальных мероприятиях по Крыму». Прием, размещение и охрана участников Крымской конференции 1945 года // Исторический архив. 1993. № 5.

[51] Лубянка: Из истории отечественной контрразведки. М., 2007. С. 253–256.

[52] *Тарасов Д. П.* Большая игра. М., 1997. С. 139–142.

[53] Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны. С. 170.

[54] Кремлевцы на боевом посту. С. 18.

[55] Москва послевоенная: 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 25.

[56] Московский Кремль — цитадель России. М., 2009. С. 340–342.

[57] Там же. С. 341–342.

[58] Московский большевик. 1945. 30 сентября.

[59] ЦМАМ. Ф. 694. Оп. 1. Д.394. Л. 3–5. В газете «Московский большевик» были также напечатаны публикации: «Реставрация фресок соборов Московского Кремля» (1946, 20 июля) и «Реставрация стен и башен Кремля» (1947, 16 ноября).

ГЛАВА 8

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА СССР

В 1945–1991 ГОДАХ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

15

15 марта 1946 года Верховный Совет СССР принял Закон о преобразовании Совета народных комиссаров СССР в Совет министров СССР. Наркоматы были переименованы в министерства. В соответствии с этим законом Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) СССР был переименован в Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР. В результате дальнейшей реорганизации органов государственной охраны приказом МГБ СССР от 15 апреля 1946 года на основе 6-го Управления МГБ СССР было создано два управления охраны: Управление охраны № 1 МГБ СССР, осуществлявшее личную охрану И. В. Сталина (возглавлял генерал-майор А. К. Кузнецов), и Управление охраны № 2 МГБ СССР, ведавшее обеспечением безопасности других руководителей СССР, а также закрепленных за управлением охраняемых объектов (возглавлял генерал-лейтенант Н. С. Власик, а с мая 1946 года — генерал-майор Д. Н. Шадрин).

В целях централизации управления органами государственной охраны 25 декабря 1946 года Управления охраны № 1 и № 2, а также Управление коменданта Московского Кремля (УКМК) были объединены в Главное управление охраны (ГУО) МГБ СССР. Возглавил ГУО генерал-лейтенант Н. С. Власик. Начальником 1-го Управления ГУО в 1947–1948 годах был генерал-майор С. Ф. Кузьмичёв, в 1949–1952 годах — полковник А. М. Раков.

За пять лет, с 1947 по 1951 год, Главное управление охраны МГБ СССР, используя большое количество сил и средств, обеспечило безопасность многих массовых мероприятий. Назовем лишь парады и демонстрации на Красной площади, физкультурные парады на стадионе «Динамо», авиационные праздники в Тушино, куда стремились попасть все москвичи, эпизодические мероприятия на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, в учреждениях культуры.

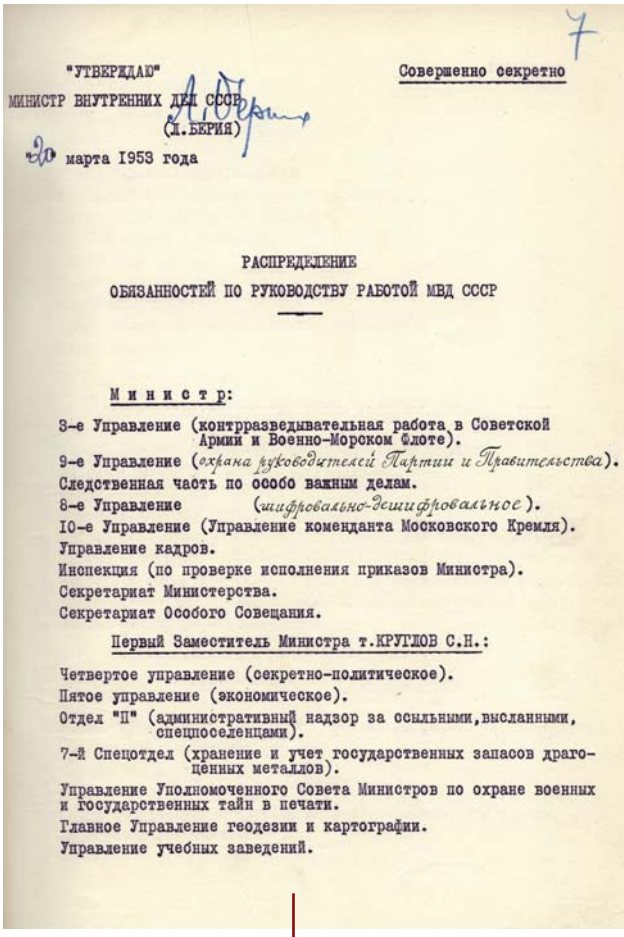
Особой сложностью при проведении охранно-режимных мероприятий отличались Международная конференция министров иностранных дел (март — апрель 1947 года), празднование 800-летия Москвы (сентябрь 1947 года), 70-летний юбилей И. В. Сталина (декабрь 1949 года), подготовка объектов к проведению отпусков И. В. Сталина и других охраняемых лиц на Черноморском побережье Кавказа, в Крыму, на Северном Кавказе. За этот период были успешно проведены многие поездки охраняемых лиц по стране и за границу, обеспечивалась безопасность иностранных делегаций во время их пребывания в Советском Союзе.

29 апреля 1952 года Н. С. Власик был отстранен от работы. Обязанности начальника ГУО принял на себя по совместительству министр государственной безопасности СССР С. Д. Игнатьев. 23 мая 1952 года ГУО было реорганизовано в Управление охраны (УО) МГБ СССР, а Управления охраны № 1 и № 2, входившие ранее в ГУО, преобразованы в отделы Управления охраны, куратором которого попрежнему являлся министр госбезопасности Игнатьев. Фактическое руководство охраной высших должностных лиц государства осуществляли заместитель министра генерал-лейтенант В. С. Рясной и заместители начальника УО МГБ СССР полковники Н. П. Новик и П. Н. Максименко.

Осенью 1952-го Управление охраны МГБ СССР обеспечило безопасность большого комплекса мероприятий, связанного с работой первого послевоенного XIX съезда КПСС.

5 марта 1953 года умер И. В. Сталин. В руководстве государства были перераспределены посты: Председателем Президиума Верховного Совета СССР стал К. Е. Ворошилов, Председателем Совета министров СССР — Г. М. Маленков, первым секретарем ЦК КПСС — Н. С. Хрущёв. Л. П. Берия возглавил МВД СССР — ведомство, объединившее два союзных министерства: МГБ и МВД.

14 марта 1953 года была объявлена структура объединенного министерства, а 20 марта утверждено «Распределение обязанностей по руководству работой МВД СССР».



7

"УТВЕРЖДАЮ" Совершенно секретно

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
(Л.БЕРИЯ)

20 марта 1953 года

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО РУКОВОДСТВУ РАБОТОЙ МВД СССР

Министр:

3-е Управление (контрразведывательная работа в Советской Армии и Военно-Морском Флоте).
9-е Управление (охрана руководителей Партии и Правительства).
Следственная часть по особо важным делам.
8-е Управление (шифровально-дешифровальное).
10-е Управление (Управление коменданта Московского Кремля).
Управление кадров.
Инспекция (по проверке исполнения приказов Министра).
Секретариат Министерства.
Секретариат Особого Совещания.

Первый Заместитель Министра т.КРУГЛОВ С.Н.:

Четвертое управление (секретно-политическое).
Пятое управление (экономическое).
Отдел "П" (административный надзор за ссыльными, высланными, спецпоселенцами).
7-й Спецотдел (хранение и учет государственных запасов драгоценных металлов).
Управление Уполномоченного Совета Министров по охране военных и государственных тайн в печати.
Главное Управление геодезии и картографии.
Управление учебных заведений.

Распоряжение министра внутренних дел о распределении обязанностей

Функции государственной охраны осуществляли два управления МВД СССР — 9-е (охрана руководителей партии и правительства; начальник — генерал-майор С. Ф. Кузьмичёв) и 10-е (Управление коменданта Московского Кремля; начальник — генерал-лейтенант Н. К. Спиридонов).

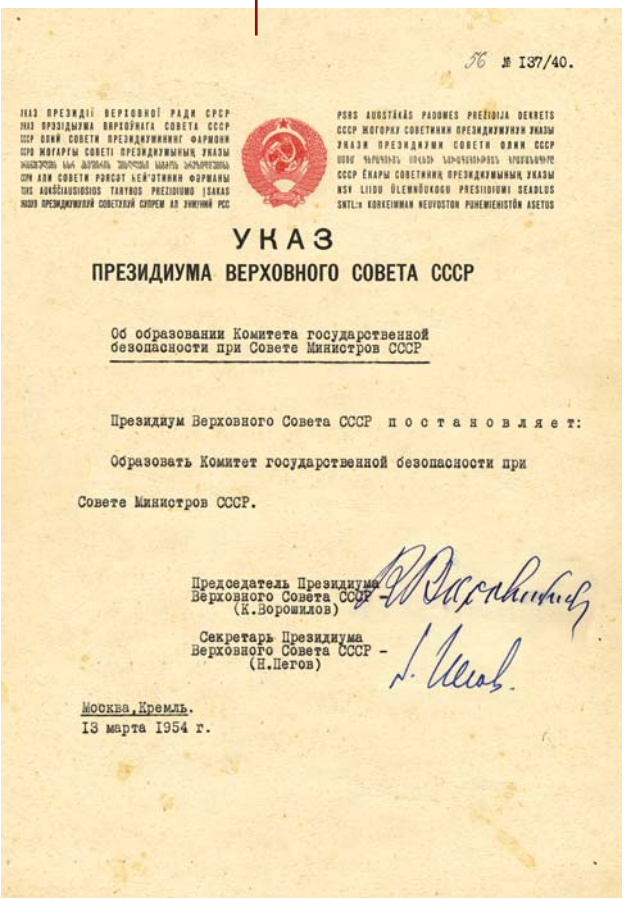
26 июня 1953 года, после ареста С. Ф. Кузьмичёва, 9-е Управление МВД СССР возглавил К. Ф. Лунёв, которого в связи с назначением первым заместителем министра внутренних дел СССР сменил 28 июля 1953 года В. И. Устинов.

13 марта 1954 года указом Президиума Верховного Совета СССР был образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР (КГБ при СМ СССР). Задача по организации и осуществлению охраны руководителей партии и правительства Советского Союза была возложена на 9-е Управление КГБ при СМ СССР.

10-е Управление также вошло в структуру центрального аппарата КГБ. В этот период значительных штатных и кадровых изменений в подразделениях охраны не проводилось.

В 50-е — начале 60-х годов XX века сотрудники подразделений государственной охраны были задействованы в ходе многочисленных массовых мероприятий, связанных с такими известными событиями, как XX съезд КПСС (1956), запуск первого советского спутника Земли (1957), полет в космос первого человека — Ю. А. Гагарина (1961). Много усилий потребовало обеспечение безопасности в ходе проведения VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957) — первой массовой международной встречи на территории СССР. Большой объем подготовительной работы был выполнен в связи с организацией открытия и закрытия Всемирного фестиваля на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках.

Указ Президиума Верховного совета СССР об образовании КГБ



56 № 137/40.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

Образовать Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР (К.Ворошилов)

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР - (Н.Пегов)

Москва, Кремль.
13 марта 1954 г.

Многочисленные массовые мероприятия в те годы (митинги, собрания и т. п.) проводились не только на Красной площади, в Большом Кремлевском дворце, Государственном Академическом Большом театре Союза ССР, во Дворце спорта в Лужниках, но и на площадях столицы и даже в Тайницком саду Московского Кремля.

Отдельно необходимо упомянуть о том, что с 1954 по 1958 год специальная группа 9-го Управления, в которую входили сотрудники личной охраны, водители и технический состав (с материальной частью Гаража особого назначения), обслуживающий персонал, обеспечивала безопасность охраняемых лиц на целинных и залежных землях. Местом дислокации спецгруппы была Алма-Ата.

В эти годы многократно возросла интенсивность международных контактов руководителей компартии и государства на высшем уровне. Конференции в Берлине и Женеве (1954), визиты советского руководства в Югославию (1955), Великобританию (1957), Китай, Индию, Индонезию, Монголию (1957), США (1959, 1960). Вот далеко неполный перечень мероприятий, в которых сотрудники государственной охраны выполняли свои обязанности в непростых условиях заграничных командировок. Кроме того, обеспечивалась безопасность большого количества иностранных делегаций на высшем уровне во время их пребывания в СССР.

На рубеже 1950–1960-х годов был осуществлен ряд структурных реорганизаций системы государственной безопасности. 25 июня 1959 года приказом КГБ при СМ СССР были утверждены новые штаты и структура 9-го Управления Комитета госбезопасности, в состав которого вошло бывшее 10-е Управление КГБ (Управление коменданта Московского Кремля).

Хрущёвская «оттепель» наметила тенденцию к укреплению законности в работе органов государственной безопасности. Новая нормативная база деятельности конца 50-х — начала 60-х годов XX века надолго стала основой для дальнейшего формирования правового и оперативного фундамента органов госбезопасности и предопределила совершенствование форм и методов работы ведомства.

Начало 1960-х было отмечено существенными изменениями в системе подготовки кадров для органов государственной безопасности. На базе трех учебных заведений была создана Высшая школа КГБ при СМ СССР. Это учебное заведение стало крупным многопрофильным вузом. Постановлением Совета министров СССР от 2 августа 1962 года ей было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского.

В октябре 1964 года к руководству страной пришел Л. И. Брежнев.

Вторая половина 1960-х и последующие годы ознаменовались выходом Советского Союза по ряду ключевых направлений научно-технической революции на уровень мировых держав. В основном это касалось космонавтики, атомной энергетики, производства современных видов вооружения. В этой связи стали заметно улучшаться международные отношения как с союзниками, так и с капиталистическими странами, что привело к заключению договоров об ограничении ядерных испытаний под землей и проведению Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Наметился значительный рост экономического, научного и культурного обмена между Востоком и Западом.

Советское руководство на территории Московского Кремля.
1 мая 1977 г.

Заметные качественные изменения в работе органов госбезопасности произошли с приходом в мае 1967 года на пост председателя КГБ при СМ СССР Ю. В. Андропова. В этот период укрепился кадровый потенциал ведомства. Структура органов была приведена в соответствие с изменившимися задачами. А задачи, в свою очередь, определялись динамикой процессов, происходивших в обществе, а также изменениями в международной обстановке. Расширялись политические, экономические, научно-технические и культурные связи между СССР и странами Западной Европы и Америки. На смену холодной войне постепенно приходили взаимопонимание и сотрудничество в сфере борьбы с международным терроризмом, наркобизнесом. Налаживался обмен информацией по некоторым вопросам деятельности правоохранительных органов и спецслужб.

В обществе возрождалось доверие граждан к деятельности органов госбезопасности. Средства массовой информации, радио, телевидение, кино стали широко освещать работу разведки и контрразведки, пограничников, других оперативных подразделений. Гласность в работе чекистских структур утвердилась в качестве одного из основополагающих принципов.

Середина 60-х и 70-е годы XX века были периодом напряженной работы всех подразделений государственной охраны, так как Советский Союз посетило большое количество высоких иностранных гостей: первый визит в Москву Президента США Р. Никсона, пребывание в СССР президентов Франции, канцлеров Федеративной Республики Германия, премьер-министров Японии, Канады.

Напряжение в деятельности отечественных органов безопасности не снижалось и в последующее десятилетие. Ежегодно в СССР прибывало до семидесяти — восьмидесяти иностранных делегаций на государственном и правительственном уровнях. Около полусотни визитов совершали за границу советские руководители. Кроме того, проводилось большое количество массовых мероприятий с привлечением подразделений государственной охраны. Здесь, прежде всего, необходимо упомянуть XXII летние Олимпийские игры, проходившие в Москве с 19 июля по 3 августа 1980 года.

В 1950–1980-е годы руководителями 9-го Управления последовательно являлись Н. С. Захаров (1958–1961), В. Я. Чекалов (1961–1967), С. Н. Антонов (1967–1974) и Ю. В. Сторожев (1974–1983). Последним начальником управления стал Ю. С. Плеханов.

5 июля 1978 года Комитет государственной безопасности был преобразован в союзный орган — КГБ СССР.

Если говорить о малоизвестных страницах истории подразделений 9-го Управления, то необходимо упомянуть о том, что сотрудники обеспечивали охрану лидеров иностранных государств на их территории во время политических кризисов (в Венгрии в 1956-м, в Чехословакии в 1968-м, в Афганистане в 1979–1989 годах). Служебные обязанности выполнялись в реальной боевой обстановке. Особенности работы в «горячих точках» требовали от сотрудников высокого профессионализма, бдительности и конспиративности. Для совершенствования профессионального мастерства в 1972 году был образован Учебный центр по переподготовке различных категорий сотрудников охраны 9-го Управления КГБ при СМ СССР.

Серьезным подспорьем в выполнении подразделениями государственной охраны поставленных задач стало использование служебных собак. Целенаправленное использование служебных собак в государственной охране началось с 1960 года, после создания комендатур 1-го отдела 9-го Управления КГБ при СМ СССР.

Первоначально собак использовали в обходно-дозорной службе в окружении и на территории охраняемых объектов; применялись собаки при поиске и задержании лиц, незаконно проникших или пытавшихся проникнуть на охраняемые объекты. Сотрудники, которые несли службу с собаками, именовались проводниками служебно-разыскных собак. На должности проводников назначались лучшие сотрудники охраны, прослужившие не менее 5 лет и имевшие желание работать с собаками. Подготовка проводников, приобретение, подготовка и обеспечение служебных собак были возложены на комендантов.

С ростом террористических угроз в спецслужбах разных стран мира получило широкое развитие применение специальных собак по поиску взрывчатых веществ. Руководством 9-го Управления было принято решение о создании службы собак и выделении нового направления в применении собак — поиска взрывчатых веществ.

История использования специальных собак по поиску взрывчатых веществ начала свой отсчет в 1988 году — с подготовки первых специальных собак, которые за короткий период времени стали незаменимыми помощниками, работая в составе бригад, проводящих оперативно-технические осмотры.

В середине 80-х годов XX века в Советском Союзе накопилось и обострилось множество проблем, страна оказалась на пороге кризиса всей системы экономических и социальных отношений. В марте 1985 года ЦК КПСС возглавил М. С. Горбачёв, и в СССР наступила новая эпоха, названная перестройкой. Был провозглашен курс на «ускорение» и «гласность», начался многолетний период крупных потрясений в политике и экономике страны.

Вторая половина 1980-х годов ознаменовалась серьезными политическими реформами. В декабре 1988 года, после внесения соответствующих изменений в Конституцию СССР, появился новый орган государственной власти — Съезд народных депутатов. III Съезд народных депутатов (12–15 марта 1990 года) отменил 6-ю статью Конституции СССР 1977 года о «руководящей и направляющей роли КПСС». На съезде М. С. Горбачёв был избран Президентом СССР.

Коренные изменения в государственном устройстве и общественно-политической жизни страны не могли не затронуть и органы государственной охраны. Они подверглись реформированию. На базе 9-го Управления была создана Служба охраны КГБ СССР. Затем была организована Служба охраны Президента СССР.

В мае 1991 года был принят закон СССР «Об органах государственной безопасности в СССР». В нем предусматривалось, что среди прочих обязанностей КГБ СССР «осуществляет в соответствии с решениями высших органов государственной власти и управления Союза ССР охрану высших должностных лиц Союза ССР, зарубежных государственных и общественных деятелей во время их пребывания в СССР, а также совместно с органами внутренних дел — дипломатических представительств, консульских и других учреждений иностранных государств, аккредитованных при органах государственной власти».

К 1990-м годам в СССР усилились центробежные тенденции. Вслед за объявлением независимости прибалтийских республик I Съезд народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года провозгласил государственный суверенитет РСФСР, что повлекло за собой продолжение «парада суверенитетов» в других республиках — Молдавии, Украине, Армении. Возникла необходимость в новом Союзном договоре, первоначальный проект которого был опубликован уже в июле 1990 года. В девяти союзных республиках в марте 1991 года состоялся референдум о сохранении СССР, в ходе которого большинство голосовавших высказалось за существование Советского Союза. Граждане РСФСР, кроме того, высказались за учреждение в России поста президента (первые президентские выборы состоялись 12 июня 1991 года). В апреле 1991 года руководителями девяти республик было достигнуто принципиальное согласие о заключении нового Союзного договора.

Однако дальнейшие события в корне изменили обстановку в стране. Августовский путч 1991 года, организованный сторонниками восстановления порядков, существовавших в Советском Союзе до 1985 года, закончился провалом. Он дал толчок к суверенизации всех союзных республик, сорвав подписание подготовленного проекта договора об их конфедеративном союзе.

После августовских событий в КГБ СССР начались перманентные реорганизации, закончившиеся переподчинением республиканским органам власти и выделением из ведомства различных подразделений. 3 декабря 1991 года Комитет государственной безопасности СССР был упразднен.

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ КОМЕНДАНТА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

До конца 1945 года личный состав УКМК НКГБ СССР выполнил большое количество специальных заданий: обеспечил безопасность визитов руководителей иностранных государств во время их пребывания в Московском Кремле, проведение парадов, заседаний, приемов и других мероприятий.

8 сентября 1946 года на Красной площади состоялся парад в честь вновь установленного ежегодного праздника — Дня танкистов. Это первое крупное послевоенное мероприятие прошло в обстановке начала холодной войны. СССР впервые после Парада Победы показал в таком масштабе свою танковую мощь. По Красной площади боевым маршем прошла Кантемировская дивизия. После окончания парада специальная комиссия, в которую входили представители УКМК МГБ СССР, провела обследование ряда объектов на Красной площади. Каких-либо изменений в состоянии Покровского собора, вызванных вибрацией при прохождении военной техники, зафиксировано не было.

25 декабря 1946 года Управление коменданта Московского Кремля в довоенном составе вошло в состав Главного управления охраны (ГУО) МГБ СССР. Управление в этот период состояло из Полка специального назначения, Отдельного офицерского батальона, Отдела сохранения исторических ценностей и памятников Московского Кремля (Государственная Оружейная палата), комендатур здания правительства, БКД, Мавзолея В. И. Ленина, бюро пропусков, противопожарной роты и ряда других подразделений.

УКМК ГУО МГБ СССР успешно осуществляло охрану иностранных делегаций во время их пребывания в Московском Кремле. Сотрудники управления участвовали в обеспечении безопасности мероприятий и за пределами Кремля. В служебные командировки направлялось большое количество военнослужащих Полка специального назначения и Отдельного офицерского батальона.

Как известно, 1 марта 1953 года тяжело заболел И. В. Сталин. В правительственном сообщении о болезни Председателя Совета министров Союза ССР и секретаря Центрального комитета КПСС, опубликованном «Правдой» 4 марта 1953-го, говорилось: «В ночь на 2 марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи. Появились тяжелые нарушения деятельности сердца и дыхания»[1]. Однако местом, где заболел и скончался Сталин, была подмосковная государственная дача в Волынском — «Ближняя», а вовсе не квартира в Москве[2]. Авторы правительственного сообщения, точно зная этот факт, все же указали, исходя из соображений безопасности и конфиденциальности, на городское место жительства вождя. Тогда о существовании «Ближней» дачи знал ограниченный круг людей, хотя слухов и разговоров было достаточно.

На правительственной трибуне стадиона «Динамо».
Москва. 20 июля 1947 г.

Советское руководство направляется на трибуну Мавзолея.
1 мая 1947 г.

И. В. Сталин был прописан в кремлевской квартире № 1 на первом этаже корпуса № 1. Номер этой квартиры перешел к нему в 1939 году, когда кабинет и квартиру В. И. Ленина передали под наблюдение Государственной Оружейной палаты, ставшей к этому времени одним из подразделений комендатуры Московского Кремля. В «Домовой книге для прописки граждан, проживающих в Московском Кремле» за 1953 год по поводу Сталина Иосифа Виссарионовича, 1879 года рождения, уроженца г. Гори Тбилисской области, в графе «Когда и куда выбыл» имеется запись: «5 марта 1953 года по случаю кончины»[3]. В начале апреля комендант Кремля Н. К. Спиридонов доложил министру внутренних дел СССР Л. П. Берии о мероприятиях по консервации квартиры № 1 в Кремле. Также сообщалось, что Светлане и Василию Сталиным были переданы их личные вещи, находившиеся в квартире отца.

9 марта 1953 года, в день похорон И. В. Сталина, подразделениям Управления коменданта Московского Кремля пришлось выполнять свои обязанности в особенно сложной обстановке. Количество граждан, желающих попасть в Колонный зал Дома Союзов и на Красную площадь, чтобы проститься с И. В. Сталиным, исчислялось тысячами, что привело к массовой давке. Для сотрудников госохраны ситуация осложнялась тем, что предпринимались множественные попытки проникновения отдельных лиц и целых групп в зоны охраны без соответствующих пропусков. Так, группа граждан, сломав подвальные ворота ГУМа со стороны Ветошного переулка, проникла на 3-ю линию магазина, откуда с большим трудом они были вытеснены милицией. Таких примеров было множество, и помощь сотрудникам государственной охраны в их локализации оказывала милиция, в том числе и конная.

14 марта 1953 года на базе Управления коменданта Московского Кремля, как уже упоминалось выше, было создано 10-е Управление МВД СССР во главе с генерал-лейтенантом Н. К. Спиридоновым. Оно вошло в состав объединенного МВД СССР. 13 сентября 1953 года Н. К. Спиридонова отправили в отставку, а начальником 10-го Управления МВД СССР — комендантом Московского Кремля был назначен генерал-майор А. Я. Веденин.

После смерти И. В. Сталина как в стране в целом, так и в Московском Кремле начались перемены. 31 декабря 1953 года новое руководство впервые после Великой Отечественной войны провело в Большом Кремлевском дворце (БКД) праздничный новогодний прием на 1000 человек, который прошел без «существенных замечаний».

Руководство государства приняло также решение о том, что с декабря 1954 года БКД и Тайницкий сад на две недели зимних каникул предоставляются в распоряжение детей, юношей и девушек и в них устраиваются новогодние елки и молодежные балы-маскарады. С этого года новогодняя елка в Московском Кремле стала традиционной. Интересно, что во время проведения в БКД комсомольских вечеров гости могли осмотреть парадные орденские залы,

Собственную императорскую половину дворца и апартаменты, древние дворцовые Грановитую и Малую Золотую палаты, Боярскую площадку и верхние царские покои Теремного дворца.

В соответствии с решением Президиума ЦК КПСС в июле 1955 года был открыт свободный доступ (по билетам) граждан и гостей столицы в Московский Кремль. В центральных газетах появилось сообщение «О свободном доступе трудящихся в Московский Кремль». В нем говорилось: «20 июля 1955 года открывается свободный доступ трудящихся в Московский Кремль. Исполкому Московского Совета депутатов трудящихся, Московскому городскому комитету КПСС и коменданту Кремля поручено обеспечить должную организацию посещения трудящихся Московского Кремля»[5].

Когда 20 июля куранты пробили 9 часов, кремлевские ворота после долгого, тридцатилетнего перерыва широко распахнулись перед огромным количеством посетителей. Сотрудники комендатуры встречали гостей, помогая им сориентироваться, и прикрепляли к ним экскурсоводов. Воины-кремлевцы заблаговременно готовились к этому событию. Г. Д. Башкин вспоминал, что «всех, окончивших училище (Г. Д. Башкин окончил в 1951 году авиационный техникум. — *Ред.*), пригласили к начальнику политотдела комендатуры Московского Кремля генерал-майору Кошелеву. Он сообщил нам о том, что Московский Кремль в скором времени будет открыт для посещения граждан СССР и гостей нашей Родины. Нам было приказано в короткое время изучить описание экспонатов Государственной Оружейной палаты Московского Кремля, сдать экзамены на право ведения экскурсий. Конечно, мы были весьма польщены таким доверием. Экскурсии мы вели несколько месяцев. Нам на смену пришли специалисты с высшим образованием...»[6] В летний период количество посетителей достигало 20–22 тысяч, а в зимний — 8–10 тысяч человек. В 1958 году было принято решение о бесплатном проходе экскурсантов в Московский Кремль.

Политический центр Советского государства — Московский Кремль с этого времени стал возрождаться как крупнейшее средоточие культурных и исторических памятников. Вопрос о дальнейшем постоянном проживании в Московском Кремле был предрешен. Тем более что Н. С. Хрущёв, который с сентября 1953 года стал первым секретарем ЦК КПСС, никогда там не проживал. Первыми покинули Московский Кремль в мае 1955 года А. И. Микоян и В. М. Молотов. В течение 1955–1957 годов были прописаны в других местах города Москвы А. А. Андреев (1956) и Л. М. Каганович (1957). В 1958–1960 годах из Кремля выехали семьи умерших руководителей Советского государства, Ф. Э. Дзержинского, Г. К. Орджоникидзе, других персональных пенсионеров, также руководителей ряда подразделений комендатуры. В это время в Арсенале еще функционировало общежитие для холостых офицеров полка и Отдельного офицерского батальона. В конце 1959 года

Переезд Царь-пушки.
1959 г.

оно закрылось. Долгожителем Московского Кремля можно считать К. Е. Ворошилова, который проживал в нем с 1925 по ноябрь 1962 года, т. е. более тридцати семи лет.

17 октября 1955 года комендант Московского Кремля генерал-лейтенант А. Я. Веденин внес предложение об организации в Кремле, в корпусе № 3 (старое здание Оружейной палаты), нового музея — «40-летия Октябрьской революции». Президиум ЦК КПСС это предложение отклонил.

В январе 1956 года в Московском Кремле для размещения официальных гостей Советского государства была организована резиденция. Иностранные государственные руководители, прибывающие в СССР с визитами, временно становились жителями Московского Кремля, а над резиденцией поднимался государственный флаг страны гостя.

Мы уже говорили о большом объеме работы, выполненном личным составом подразделений государственной охраны в дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Добавим только то, что в фестивальные дни в Тайницком саду, открытом для гостей, был организован официальный прием.

Еще одним шагом по открытию Московского Кремля для посетителей стало решение руководства страны об организации там театра. В январе 1958 года в корпусе № 14 начались работы по подготовке помещений для Кремлевского театра[7]. Под театр были отданы помещения бывшего Кремлевского клуба имени Я. М. Свердлова. После реконструкции Кремлевский театр на 1200 мест открылся 5 ноября. Это был необычный театр, так как он не имел своей артистической труппы. Обслуживал театр небольшой, всего 12 человек, творческий коллектив, усилиями которого на кремлевской сцене с успехом проводились спектакли и выступления профессиональных и самодеятельных коллективов[8].

В феврале 1958 года руководство государства отклонило предложение коменданта Московского Кремля генерал-лейтенанта А. Я. Веденина о строительстве в Тайницком саду здания для правительственных приемов и других мероприятий. Тогда же был отклонен проект о реконструкции Кавалерского корпуса (№ 5) и перепрофилировании его в гостиницу[9].

Тем не менее новостроя в Кремле избежать не удалось. Зал заседаний в Большом Кремлевском дворце, вмещавший две с половиной тысячи человек, стал к этому времени мал. 17 марта 1959 года Президиум ЦК КПСС утвердил решение о постройке «здания для проведения съездов и других общественных мероприятий на территории Кремля»[10], получивший по окончанию строительства название Кремлевский Дворец съездов. Сегодня это — Государственный Кремлевский дворец. В ходе этого строительства Кремль вновь утратил ряд архитектурных памятников. Так, в декабре 1959 года эта участь постигла старое здание Оружейной палаты (казармы — корпус № 3), Кавалерские корпуса (№ 4 и 5), а также корпуса № 10, 11, 12 и 13. Проектирование и строительство Дворца съездов на шесть тысяч мест велись ускоренными темпами. В связи с жесткими сроками возведения грандиозного объекта о реальном археологическом надзоре не могло быть и речи. 17 октября 1961 года новый Кремлевский дворец открылся для делегатов XXII съезда КПСС.

Обстановка типичной кремлевской квартиры.
Конец 1940-х – начало 1950-х гг

Вид на Ивановскую площадь с Троицкой башни.
Середина 1960-х гг.

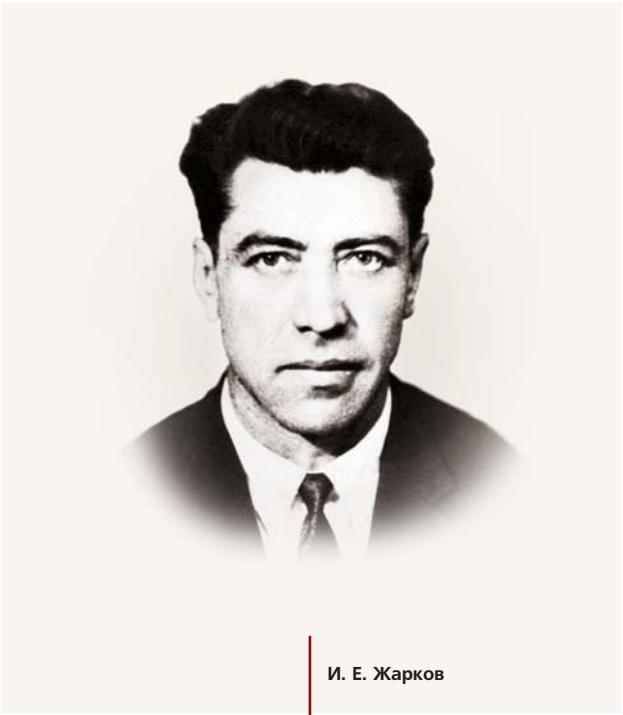
Как уже упоминалось, в июне 1959 года была утверждена новая структура 9-го Управления КГБ. Комендатура Московского Кремля (бывшее 10-е Управление) вошла в состав 9-го Управления на правах отдела. Структуру подразделений комендатуры реорганизация не затронула.

Изменения произошли лишь в марте 1963 года, когда был расформирован Отдельный офицерский батальон (ООБ). Личный состав перешел в подразделения комендатуры Московского Кремля и 9-го Управления КГБ СССР. История этого подразделения началась в 1935 году, когда был создан Отряд особого назначения НКВД СССР. Главная задача отряда заключалась в осуществлении качественного пропуска в Московский Кремль и другие объекты на его территории. С 1944 года должность в Отдельном офицерском батальоне УКМК НКГБ СССР стала именоваться «офицер охраны Московского Кремля». У сотрудников ООБ, как и у их сегодняшних преемников, есть особая традиция. На постах территории Кремля, в служебных помещениях, при проверке документов всегда работали и работают приветливые, доброжелательные, но, конечно, хорошо знающие свое дело офицеры. Вся процедура прохода через пост занимает считаные секунды. Наконец документ проверен,

Образец пропуска в здание Правительства СССР в Кремле

рука офицера берется под козырек: «Проходите, пожалуйста!». Но запоминается другое. Их форма, выправка, вежливость. Этой кремлевской традиции не одно десятилетие, и она переходит из поколения в поколение.

В марте 1967 года помещения корпуса № 14, освободившиеся после переезда творческого коллектива Кремлевского театра в Кремлевский дворец съездов, передали Президиуму Верховного Совета СССР. Тогда же руководство 9-го Управления КГБ при СМ СССР заняло комнаты на первом этаже и изолированный блок помещений на втором этаже левого крыла корпуса «В» с самостоятельным входом[11].



И. Е. Жарков

В том же году правительством было принято решение об организации выставки Алмазного фонда СССР и создании в Управлении коменданта Московского Кремля комендатуры охраны этого объекта. Выставка открылась к 50-летию Октября.

10 июля 1967 года генерал-лейтенант А. Я. Веденин уволился в запас, а комендантом Московского Кремля назначили генерал-майора С. С. Шорникова.

Начиная с середины 1960-х годов количество протокольных мероприятий, проводимых в Московском Кремле, продолжало увеличиваться. Все шло в соответствии с заведенным порядком до 22 января 1969 года. В этот день в Кремле встречали экипажи космических кораблей «Союз-4» и «Союз-5». По воспоминаниям сопровождавших кортеж мотоциклистов почетного эскорта В. А. Зацепилова и Д. В. Горбачёва (они ехали в паре), день выдался холодным — около 25 градусов мороза. Машин с космонавтами было две: открытая и закрытая. Поэтому практически весь путь из аэропорта космонавты проделали в закрытой машине. В открытый автомобиль их пересадили только перед Малым Каменным мостом, в минуте езды от Кремля. Космонавты СССР Г. Т. Береговой, А. Г. Николаев, В. В. Терешкова и А. А. Леонов остались в закрытом автомобиле ЗИЛ-111Г, следовавшем вторым. «При въезде в Боровицкие ворота мы всегда пропускаем вперед автомашину, а потом правый мотоциклист въезжает сразу за ней... Когда автомашина только показалась в воротах, сразу послышались хлопки...»[12] В 14.13 террорист произвел 16 выстрелов из двух пистолетов по второй автомашине кортежа, полагая, что именно в ней едут руководители советского правительства. Девять пуль попали в автомобиль. Одной из них был смертельно ранен в голову водитель И. Е. Жарков. Другая пуля задела шинель А. А. Леонова на уровне груди, оставив на ней заметный след. Получил ранение и В. А. Зацепилов, направивший мотоцикл к террористу, чем перекрыл ему сектор обстрела. Сотрудники 9-го Управления И. И. Боков и М. Н. Ягодкин обезоружили и задержали преступника.

Им оказался В. И. Ильин, младший лейтенант топографической службы одной из воинских частей Ленинградского военного округа. Еще в ноябре 1968 года он задумал совершить террористический акт в Москве. Утром 21 января, будучи помощником дежурного по части, Ильин дезертировал, похитив два пистолета ПМ с четырьмя магазинами, снаряженными 32-мя боевыми патронами. Прибыв в Москву, он, переодевшись в милицейскую форму и вооружившись похищенными пистолетами, утром следующего дня приехал на Красную площадь, а затем попал в Кремль. Расположившись у Боровицких ворот, Ильин искусно маскировал свои истинные действия, якобы наводя порядок среди ожидавшей публики[13].

Инцидент руководство подразделений государственной охраны и сотрудники расценили как чрезвычайное происшествие, требующее дальнейшего совершенствования служебной деятельности и профессиональной подготовки личного состава.

В 1970–1980-е годы сотрудники УКМК совместно с другими подразделениями стабильно обеспечивали большое количество массовых мероприятий. Перечень их традиционен: парады, заседания, приемы, обеспечение безопасности руководителей СССР и иностранных держав во время их пребывания в Кремле. Отметим лишь такую характерную особенность тех лет: разрешение на киносъемку в Московском Кремле выдавалось только по решению Секретариата ЦК КПСС или указанию секретаря ЦК КПСС. Здесь необходимо также упомянуть о значительных реставрационных работах и благоустройстве кремлевской территории, проведенных в связи с Олимпиадой-80.

11 сентября 1986 года генерал-лейтенант С. С. Шорников был уволен в запас, а комендантом Московского Кремля был назначен Г. Д. Башкин.

ПОЛК СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ — ОТДЕЛЬНЫЙ ПОЛК СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ — ОТДЕЛЬНЫЙ КРАСНОЗНАМЕННЫЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ПОЛК

В годы войны личный состав Полка специального назначения Управления коменданта Московского Кремля Народного комиссариата государственной безопасности СССР (ПСН УКМК НКГБ СССР) прошел суровую школу, достиг высокого уровня боевого и служебного мастерства. Тем не менее требования к военнослужащим в послевоенные годы резко возросли. Были поставлены новые задачи по обеспечению безопасности руководителей государства, надежной охраны Московского Кремля. Порядки в Кремле оставались, как и в военное время, очень строгими, спрос с офицеров, сержантов и солдат был жесткий. Боевая готовность полка находилась на должном уровне.

Особенностью послевоенных лет было то, что пополнение Полка специального назначения производилось военнослужащими воинских частей, прошедших школу войны. Так, в 1946 году пополнение прибыло из прославленной 1-й отдельной мотострелковой ордена Ленина Краснознаменной дивизии особого назначения НКВД им. Ф. Э. Дзержинского (ОМСДОН). Полк также комплектовался лучшими военнослужащими ряда гвардейских дивизий, артиллерийских и минометных соединений. В 1947 году для пополнения полка прибыло 500 человек из частей внутренних войск МГБ СССР.

В то трудное время возникало много организационных вопросов. Решались они оперативно и грамотно. К примеру, с солдатами полка и курсантами полковой школы были организованы занятия по русскому языку, математике, истории СССР и другим предметам из программы средней школы. Эти предметы были включены в расписание занятий по боевой и политической подготовке. Их проводили преподаватели средней вечерней школы комендатуры Кремля, которая действовала до 1958 года.

Жизнь постепенно переходила на мирные рельсы. В феврале — марте 1946 года военнослужащие Полка специального назначения УКМК НКГБ СССР приняли участие в обеспечении ряда государственных мероприятий, в том числе в проведении первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР. 10 февраля 1946 года в фойе клуба имени Я. М. Свердлова корпуса № 14 Московского Кремля ровно в 06.00 был открыт избирательный участок по выборам депутатов Верховного Совета СССР. Здесь проголосовали прописанные в Кремле руководители Советского государства, другие его жители и военнослужащие Полка специального назначения. Через месяц, 11 марта 1946 года, в Большом Кремлевском дворце начала работу сессия Верховного Совета СССР.

Ф. Кастро на новогодней елке в Тайницком саду.
1963 г.

В непростой обстановке послевоенного времени воины-кремлевцы добросовестно выполняли задачи караульной службы, проявляя высокую бдительность. Ветераны-кремлевцы, характеризуя моральный климат в полку в эти годы, единодушно отмечали сплоченность военнослужащих, доброжелательное отношение друг к другу, хорошее взаимопонимание как на службе, так и в повседневной жизни. Успехам товарищей радовались, а недостатки дружно искореняли. Что же касается увольнения военнослужащих срочной службы из полка, то оно происходило поэтапно и растянулось на два-три года.

В 1947 году полковник Л. Н. Трещалов сменил полковника Т. Ф. Евменчикова на посту командира полка.

В конце 1940-х годов командование полка приняло меры к укреплению части офицерскими кадрами. В 1948–1952 годах в полк прибыли выпускники академии им. М. В. Фрунзе, Саратовского военно-политического и других военных училищ, Военного института МГБ, Отдельного офицерского батальона УКМК ГУО МГБ СССР.

Ветераны-кремлевцы, служившие в полку в конце 40-х — начале 50-х годов XX века, с большой теплотой вспоминают то время. Вот что поведал подполковник В. И. Быков, прослуживший в полку 30 лет: «Моя малая Родина — это Владимирская область. А в Суздальском районе есть утопающее в зелени вишневых садов село Боголюбово... Мои родители, как и все взрослые жители сел, трудились в колхозе...

В сентябре 1950 года я оказался в числе призванных, зачислен в войска госбезопасности и направлен в г. Паневежис Литовской ССР, входившей тогда в состав братских республик Советского Союза. В то время на территории Литвы еще продолжали действовать вооруженные банды литовских националистов. Они скрывались в лесах, совершали нападения на мирных жителей, грабили и убивали сельских активистов. Бандиты хорошо знали окрестные места, имели склады с оружием и боеприпасами, и потому борьба с ними была трудной и опасной. Мне предстояло принять участие в подавлении этих бандитских формирований. Но судьба распорядилась иначе...

Военнослужащие ПСН и сотрудники УКМК на выборах в Верховный Совет СССР.
Корпус № 14. Фойе клуба им. Я. М. Свердлова. 10 февраля 1946 г.

Наступил январь 1951 года, и в Вильнюс за нами приехали два офицера — Л. А. Фабричников и И. Ф. Шипилов, которые через несколько дней привезли нас на Белорусский вокзал г. Москвы, а оттуда — в Кремль. Так началась моя служба в Полку специального назначения...

Командир 1-го взвода лейтенант Н. Е. Петров и весь личный состав, а это были солдаты и сержанты призыва военных лет, очень тепло встретили молодое пополнение. Их помощь и доброжелательность мы ощущали во всем...

Важной особенностью того времени являлась наша солдатская дружба. Независимо от возраста и служебного стажа все мы отлично понимали, что в любое время перед нами может быть поставлена боевая задача и при ее выполнении не будет разницы между ветеранами и первогодками: все должны ощущать чувство локтя и готовность оказать любую помощь. Поэтому никакого превосходства одних над другими не наблюдалось. Что такое неуставные отношения, мы не знали. У старослужащих солдат и сержантов было одно желание — как помочь молодым солдатам в познании особенностей службы по охране Московского Кремля, быстрее овладеть военным делом»[14].

Офицеры полка были примером для подражания. Генерал-майор Г. Д. Башкин, с 1986 по 1992 год занимавший пост коменданта Московского Кремля, так характеризовал начало своей солдатской службы: «Впервые я ступил на территорию Кремля 19 мая 1951 года... После окончания курса молодого бойца я был зачислен в полковую школу.

Первые мои командиры — это командир взвода лейтенант Афонский Сергей Николаевич и начальник Полковой школы капитан Яблоков Самуил Васильевич. Эти офицеры были образцом для подражания. Они были безупречны в поведении, в выполнении своего воинского долга перед Родиной. Мы, курсанты, стремились всем походить на своих командиров, ловили каждое их слово...

Вспоминаются переходы с полной выкладкой в составе Полковой школы. С начала движения в строю иногда слышались разговоры о предстоящем учении. Самуил Васильевич был разносторонним спортсменом и хорошо физически подготовленным офицером. Он никогда не останавливал разговоры в строю окриком, но прибавлял скорость движения. И, поверьте, через некоторое время перешептывания в строю прекращались и слышалось только дыхание соседа, а Самуил Васильевич еще прибавлял скорость. На привалах курсанты буквально валились с ног...»[15]

19 сентября 1952 года в соответствии с приказом министра государственной безопасности СССР Полк специального назначения стал именоваться Отдельным полком специального назначения Управления коменданта Московского Кремля МГБ СССР. Значительных штатных и кадровых изменений в эти годы в полку не проводилось.

Создание КГБ при Совете министров СССР в целом завершило длительный период развития системы органов государственной безопасности, которая сохранялась вплоть до начала 1990-х годов. Своей ведомственной принадлежности в советское время полк больше не менял.

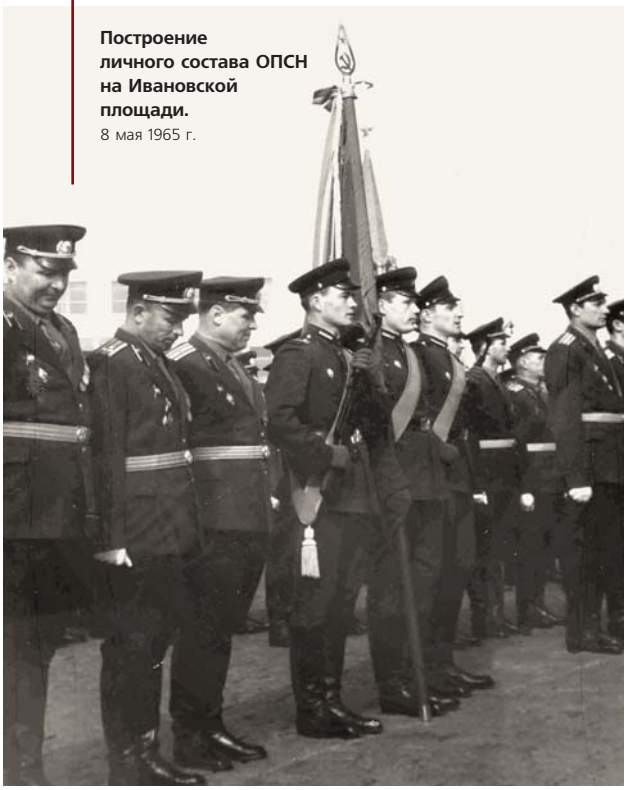
Большое значение в полку имела воспитательная работа с личным составом. Вспоминая конец 40-х — середину 50-х годов XX столетия, ветеран-кремлевец генерал-майор С. С. Королёв, в частности, писал: «Активнее стал работать клуб им. Я. М. Свердлова в 14-м корпусе Кремля. Усилиями начальника штаба полка полковника А. В. Романова... был создан офицерский клуб, где проходили встречи с военными деятелями, писателями, учеными, журналистами. Перед личным составом выступали И. Козловский, С. Лемешев, А. Райкин, Л. Русланова, А. Тарасова, ансамбль песни и пляски Советской армии им. Александрова, хор имени Пятницкого, танцевальный ансамбль Игоря Моисеева и другие. В клубе побывали известные в то время... писатели Б. Полевой, Н. Шпанов, Д. Медведев и другие. Огромное воспитательное значение имели встречи с Героями Советского Союза полярниками О. Шмидтом, И. Папаниным, Э. Кренкелем, летчиками М. Громовым, А. Беляковым, Г. Байдуковым, М. Егоровым и М. Кантарией, водрузившими Знамя Победы над Рейхстагом в поверженном Берлине»[16].

В 1954 году Отдельный полк специального назначения возглавил полковник М. П. Иванов. Тогда же полк перешел на новые виды вооружения — автоматы Калашникова, карабины Симонова, пистолеты Макарова.

С началом регулярного проведения в Кремле новогодних праздников резко возросло число посетителей. Так, например, в 1957 году новогодние представления и молодежные балы посетило около 60 тысяч человек[17]. Участие личного состава Отдельного полка специального назначения в обеспечении безопасности этих новогодних мероприятий существенно увеличило объем выполняемых служебных задач.

После открытия Московского Кремля для свободного посещения обеспечивать охрану объектов Кремля стало еще сложнее. Резко повысились физические нагрузки и моральное напряжение личного состава. Руководство комендатуры и командование полка усовершенствовали структуру постовой службы, усилили пропускную систему, внесли изменения в штаты подразделений. Личный состав Отдельного полка специального назначения должен был поддер-

Военнослужащие ПСН изучают на макете особенности организации караульной службы в дни свободного посещения Московского Кремля



Построение личного состава ОПСН на Ивановской площади.
8 мая 1965 г.

живать высокий уровень готовности на случай чрезвычайных и нештатных ситуаций. Допуск посетителей в Московский Кремль внес изменения и в учебный процесс полка. В дневное время занятия с личным составом на территории Кремля пришлось отменить.

Между тем учебно-материальная база в военном лагере «Купавна» под Москвой могла обеспечить проведение занятий по боевой подготовке только в летнее время. Там для проживания личного состава устанавливались палатки и было лишь несколько фанерных помещений для проведения классных занятий. В создавшейся ситуации руководством УКМК и командованием полка было принято решение о строительстве нового учебного центра, отвечающего всем современным требованиям. Это решение одобрило руководство КГБ СССР, и были выделены необходимые средства.

Заместитель командира полка полковник С. Н. Косолапов вспоминал: «С первых дней службы в должности заместителя командира полка своей главной задачей считал создание новой современной учебно-материальной базы полка в учебном центре Новая Купавна. Строительство казармы, столовой, котельной... бани, асфальтирование строевого плаца, проезжей части и благоустройство территории учебного центра было начато весной 1955 года и закончено в мае 1957 года.

Общее руководство строительством осуществлял командир полка полковник Иванов Михаил Порфирьевич, а непосредственно в военном лагере на первом этапе строительства — начальник данного лагеря, в то время подполковник... Королёв Сергей Степанович.

Позднее были построены жилой дом для проживания офицеров, выезжающих в учебный центр для проведения занятий с личным составом, современный клуб на 500 посадочных мест, хранилище для картофеля и овощей...

После завершения главных работ на территории учебного центра было принято решение о проведении капитальных работ по переоборудованию стрельбища. Построили дом для размещения стрельбищной команды и приема пищи военнослужащими. Непосредственно на стрельбище возвели наблюдательную вышку с пультом управления, уложили электрические силовые кабели для питания установок для автоматического показа мишеней на расстоянии от 100 до 350 метров. Кроме того, были отремонтированы две полосы препятствий, огневой рубеж и учебное поле для занятий, стрелковый тир, место для метания ручных боевых гранат, ограждение вокруг стрельбища...»[18]

В течение 1957 года проходил постепенный перевод подразделений Отдельного полка специального назначения в Арсенал из казарм корпуса № 14, поскольку там должны были разместиться сотрудники аппарата Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР.

Несмотря на то что в 1950–1960-е годы Советский Союз жил мирной жизнью, чрезвычайные происшествия случались и тогда. Происходили они и в самом сердце столицы — у стен Кремля. Каждый раз на пути нарушителей вставали бдительные военнослужащие полка. Из множества случаев приведем один пример: 16 июля 1959 года помощник начальника специального караула лейтенант Е. А. Левкович задержал гражданина, пытавшегося незаметно пронести с собой пистолет ТТ. Документов на право ношения оружия он при себе не имел. Задержанного, как оказалось военнослужащего, доставили в военную комендатуру города Москвы.

В 1962 году пост командира Отдельного полка специального назначения занял полковник Ф. Т. Конев.

Профессиональная и военная подготовка личного состава полка осуществлялась планомерно и качественно. Служебная деятельность всегда была неразрывно связана с качественным выполнением обязанностей на постах. Военнослужащие полка проявляли отменное служебное мастерство при несении службы. Офицеры, сержанты, солдаты полка выявляли граждан, пытавшихся пройти на территорию Кремля с нарушениями в оформлении доку-

А. И. Микоян во время официального мероприятия на Ивановской площади

ментов. Так, за 15 лет, с 1963 по 1978 год, во время несения службы на постах было выявлено 8693 дефектных и неправильно оформленных документа и пропуска. Все это подтверждает факт, что личный состав части прекрасно знает и образцово выполняет свои обязанности.

В дальнейшем количество мероприятий, проводимых при участии Отдельного полка специального назначения, постоянно возрастало. 60–80-е годы XX столетия это подтверждают. В качестве примера приведем данные об организации крупнейших государственных мероприятий, в охране которых принимали участие военнослужащие полка. Поражают цифры. За 25 лет, с 1962 по 1987 год, личный состав принимал непосредственное участие в обеспечении безопасности 749 мероприятий, проводимых на самом высоком уровне. К самым интенсивным годам относятся 1963-й, когда были проведены 52 мероприятия, и 1965-й — 49 мероприятий. В среднем в этот период их проводилось свыше 30 за год.

Развод полкового караула у Кремлевской стены

Богатым на радостные события выдался 1965 год. 8 мая на Ивановской площади Кремля в торжественной обстановке полку был вручен орден Красного Знамени. В ознаменование награждения воинской части орденом Красного Знамени день 7 мая установлен как годовой праздник Отдельного Краснознаменного полка специального назначения.

21 сентября 1965 года произошло еще одно знаменательное событие в истории полка. По решению советского правительства в память о погибших в годы Великой Отечественной войны воинах-кремлевцах на здании Арсенала была открыта мемориальная доска.

3 декабря 1966 года, когда страна отмечала 25-летний юбилей разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, в Александровском саду возле Кремлевской стены были погребены останки Неизвестного Солдата, павшего при защите столицы в декабре 1941 года, и состоялся траурный митинг. Участие в торжественной церемонии приняли и военнослужащие Отдельного Краснознаменного полка специального назначения.

В октябре 1967 года Верховный Совет СССР принял закон о всеобщей воинской обязанности. В соответствии с ним срок службы в Советской армии был сокращен с трех до двух лет, а призывной возраст понижен с 19 до 18 лет. С этого времени призыв на военную службу и увольнение в запас стали проводиться два раза в год. Указанные нововведения потребовали изменения программы боевой и политической подготовки. Несмотря на все возникшие сложности, переход на двухгодичную службу в полку был проведен организованно. Более того, в воинской части широко развернулось соревнование между подразделениями под девизом: «Служба — два года, боеготовность — всегда».

Полувековой юбилей Великого Октября в 1967 году был ознаменован новыми патриотическими делами воинов-кремлевцев. К примеру, проводя эстафету боевой славы, личный состав полка во время субботников заработал 2332 рубля и передал их в фонд строительства памятника 22-м героям-чекистам в деревне Хлуднево Калужской области.

В 1968 году на пост командира полка был назначен полковник Б. И. Платов. Год спустя в полку была создана комната Боевой Славы. Ее первым посетителем стал комендант Московского Кремля генерал-майор С. С. Шорников. В книге отзывов он оставил такую запись: «Комната Боевой Славы полка глубоко и полно отражает славную историю воинов-кремлевцев. Дела прошлых лет вызывают чувство

большой гордости и уважения к ним, и в связи с этим хотелось бы поддержать и умножить боевые традиции полка, быть настоящими воинами-кремлевцами, примерными в дисциплине и учебе, готовыми в любой момент к защите нашей великой Родины, не щадя сил и, если потребуется, самой жизни».

7 ноября 1972 года на Красной площади прошел сотый военный парад войск Московского гарнизона. Воины-кремлевцы участвовали в обеспечении безопасности проводимого мероприятия и с честью справились с поставленной задачей. Всем им по приказу командующего Московским военным округом был вручен памятный нагрудный знак «Участнику 100-го военного парада».

В декабре 1972 года в честь 50-летия образования СССР личному составу полка были вручены юбилейный почетный знак и почетная грамота.

24 июля 1973 года Отдельный полк специального назначения был переименован в Отдельный Краснознаменный Кремлевский полк КГБ при СМ СССР. С 1974 по 1976 год им командовал полковник А. П. Иванов, а следующие восемь лет (1976–1984) — генерал-майор В. В. Редькин. По ходатайству командования полка для поощрения его военнослужащих приказом председателя КГБ СССР 25 марта 1975 года был учрежден нагрудный знак «Кремлевский полк».

6 июля 1976 года в соответствии с приказом председателя КГБ при СМ СССР на базе взводов, несших службу на посту у Мавзолея В. И. Ленина и организационно входивших в разные роты полка, была создана Рота специального караула. Одной из главных ее задач являлась целенаправленная и качественная подготовка солдат и сержантов к службе на посту № 1 по охране Мавзолея В. И. Ленина.

Для понимания сложности и объема решенных полком в 60–80-е годы XX века служебных задач необходимо дать примерный и очень краткий (весьма неполный) перечень ежегодных государственных мероприятий в Московском Кремле и за его пределами, на которых командованию части приходилось организовывать охрану:

— торжественные собрания (заседания), посвященные Международному женскому дню 8 марта, дню рождения В. И. Ленина (22 апреля), Великой Октябрьской социалистической революции (6 ноября);

— военные парады и демонстрации трудящихся на Красной площади, посвященные Дню солидарности трудящихся 1 мая, Дню Победы 9 мая, годовщине Великой Октябрьской социалистической революции;

Военнослужащие ОККП.
Красная площадь. 1 мая 1977 г.

— встречи (собрания) избирателей с кандидатами в депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР;

— работа сессий Верховных Советов СССР и РСФСР;

— съезды творческих и иных союзов и общественных организаций;

— новогодняя елка в Кремле.

Этим была обусловлена необходимость высокого уровня профессиональной подготовки офицеров, сержантов и солдат. Повысилось качество планирования и контроля занятий, совершенствовались традиционные, разрабатывались и внедрялись новые методы обучения, более эффективно использовались технические средства, учебные кинофильмы и иные наглядно-демонстрационные материалы.

Впрочем, в советское время жизнь полка не ограничивалась только службой и учебой. В 60–80-е годы XX века для солдат и офицеров Отдельного Краснознаменного Кремлевского полка были созданы хорошие условия для всестороннего развития личности и отдыха личного состава. В этой связи показателен фонд библиотеки полка, который превышал в те годы 55 тысяч книг самой разной тематики. Небезынтересно, что после смерти К. Е. Ворошилова его большую библиотеку сын маршала передал в библиотеку полка[19]. Особого упоминания заслуживает работа библиотекарей. Это они задумывали, готовили и проводили тематические выставки литературы, читательские конференции и иные мероприятия, которые позволили заметно повысить общекультурный уровень военнослужащих и существенно расширить их кругозор.

В мае 1980 года по инициативе ветеранов-кремлевцев при поддержке руководства 9-го Управления КГБ СССР и командования Отдельного Краснознаменного Кремлевского полка была создана организация ветеранов Кремля в Москве, а также в регионах страны.

С 19 июля по 3 августа 1980 года в Москве проходили XXII летние Олимпийские игры. Мастер спорта СССР майор Н. Л. Крутолапов, в прошлом военнослужащий полка, стал одним из тех спортсменов, кто удостоился высокой чести нести олимпийский огонь. Во время проведения Олимпиады служба воинов-кремлевцев была вдвойне ответственной и напряженной. Ежедневно для усиления охраны объектов и выполнения специальных заданий выделялся дополнительный личный состав.

В те памятные дни военнослужащие Отдельного Краснознаменного Кремлевского полка также не раз оказывались на высоте. К примеру, 2 августа 1980 года дежурные временного поста у правых гостевых трибун Мавзолея В. И. Ленина рядовые В. Б. Цибулько и С. Н. Балакин своевременно увидели, как двое неизвестных вылили из канистры жидкость на тротуар около центральной части здания ГУМа, подожгли ее и бросились бежать. Но скрыться им не удалось. Рядовые Цибулько и Балакин сразу же доложили о случившемся по команде, точно указав приметы нарушителей общественного порядка. Злоумышленники были быстро задержаны.

В 1984 году командиром Отдельного Краснознаменного Кремлевского полка был назначен генерал-майор И. П. Коленчук.

Лето следующего, 1985 года выдалось жарким. Причем как в прямом, так и в переносном смысле. С 25 июля по 5 августа 1985 года в Москве проходил XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. В эти дни в столицу прибыли посланцы из самых разных уголков мира. Несколько недель солдатам и офицерам полка приходилось трудиться в поте лица. Отрадно, что и на этот раз военнослужащие полка успешно выполнили все поставленные перед ними задачи.

5 мая 1986 года за вклад в дело обеспечения государственной безопасности и в связи с пятидесятилетием образования полка часть была награждена орденом Октябрьской Революции. В 1988 году командование Отдельным ордена Октябрьской Революции Краснознаменным Кремлевским полком КГБ СССР принял генерал-майор В. М. Скоков.

ГАРАЖ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРВЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВА

В ходе реорганизации подразделений государственной охраны, проведенной в 1946 году, Гараж особого назначения вошел в состав Управления охраны № 2 МГБ СССР, а Малый (Сталинский) гараж — в Управление охраны № 1 МГБ СССР. Между обоими подразделениями сохранилось полное взаимопонимание и сотрудничество, автомобили Малого гаража проходили необходимый технический осмотр, обслуживание и ремонт в ГОНе. Оба гаража функционировали четко, без существенных замечаний.

События весны и лета 1952 года, когда ГУО МГБ СССР превратилось в результате реорганизации в Управление охраны МГБ СССР, не затронули ГОН. Водительский и технический персонал и автомобильный парк гаража остались практически без изменений. 14 марта 1953 года ГОН вошел в состав 9-го Управления МВД СССР, а 18 марта 1954 года — в хозяйственный отдел 9-го Управления КГБ при СМ СССР.

В этот период продолжалось совершенствование форм и методов деятельности подразделения в сфере обеспечения безопасности и транспортного обслуживания. Активизировать эту работу требовалось и потому, что по решению руководства Советского Союза с конца 1953 года автомобили со специальной защитой кузова практически перестали использоваться.

В апреле 1954 года советские автомобили ЗИС-110 впервые оказались на Западе и вызвали там неподдельный интерес. Три машины были отправлены в Швейцарию по железной дороге. В Женеве начинало работу совещание представителей великих держав, и делегацию от нашей страны возглавил В. М. Молотов, занимавший пост министра иностранных дел СССР и являвшийся членом Президиума ЦК КПСС. В ходе визита возникла нештатная ситуация, создавшая серьезные затруднения у служб безопасности как принимающей стороны, так и наших. Водители ГОНа не ожидали такой реакции местных жителей на новые советские представительские автомобили.

«Наши автомашины в Женеве привлекали большое внимание. Толпы народа собирались у «Метрополя», гладили их руками, тыкали пальцами, чем вызывали возмущение наших водителей. В целях маскировки основной автомашины приходилось часто маневрировать дипломатическими флажками, прикрепленными на передке. Или ставили их на все машины, или вовсе снимали, или ставили на одну из оперативных машин.

Исключительно большое значение для охраны имеет радиотелефонная связь между объектом и автомашинами в период проезда. Для обеспечения безопасности проезда провели специальную работу с водителями автомашин, изучили особенности уличного движения в Женеве: приоритет выезда автомашин справа, международные знаки уличного движения, движение посредством светофоров-автоматов и отсутствие полицейских постов по регулированию, отсутствие сигналов автомашин на улицах города, быстрота и массовость автомобильного, велосипедного и мотоциклетного движения в городе. Водителей предупредили, чтобы они не подражали этой скорости, а вели машины осторожно, помня о том, что они тоже несут функции охраны. Для ознакомления с улицами города, движением и обстановкой были проведены выезды по трассам»[20].

К. Е. Ворошилов, Г. А. Насер, Н. С. Хрущёв в сопровождении почетного эскорта

Почетный мотоциклетный эскорт сопровождает Ю. А. Гагарина.
1961 г.

В эти годы Гараж особого назначения приступил к обеспечению безопасности и транспортному обслуживанию большого количества делегаций на высшем уровне из Европы, Америки, Азии и Африки. Так, в июне 1955 года в рамках визита в СССР делегации Республики Индия во главе с премьер-министром Д. Неру было осуществлено множество автомобильных поездок.

Со второй половины 1950-х годов в ГОНе состояли ГАЗ-21 — «Волга», ГАЗ-13 — «Чайка», ЗИЛ-111. Эти марки достаточно интенсивно эксплуатировались в гараже. Для встречи почетных гостей использовались ЗИЛ-110Б и ЗИЛ-111В с открытым верхом.

В апреле — мае 1958 года во время официального визита Президента ОАР Гамаля Абдель Насера и его свиты для «20 официальных лиц и 23 журналистов были задействованы 10 автомобилей ЗИЛ, 22 автомобиля ЗИМ, 12 автомобилей «Победа» и одна «Волга» ГАЗ-21. За Президентом были закреплены два автомобиля ЗИЛ: один закрытый лимузин, а второй парадный кабриолет. Кроме этого, такие же два автомобиля ЗИЛ были закреплены и за прибывшим основателем Партии арабского социалистического возрождения Акрамом эль-Хаурани»[21].

По мере поступления новые модели заменяли хорошо послужившие, но морально устаревшие машины. На заседании Президиума ЦК КПСС от 4 августа 1959 года было принято решение «разрешить Комитету государственной безопасности при СМ СССР приобрести в 1959 году два автомобиля ЗИЛ-111 и 28 автомобилей «Чайка» для обслуживания членов Президиума ЦК КПСС и кандидатов в члены Президиума, а также зарубежных гостей... а также установить, что все организации, получающие автомобили ЗИЛ-111 и «Чайка», обязаны сдавать соответствующее количество автомобилей ЗИЛ-110 для использования в народном хозяйстве в качестве маршрутных такси, санитарных машин и других аналогичных целей»[22].

В сентябре 1959 года Комитет государственной безопасности при Совете министров Союза ССР направил в ЦК КПСС записку с просьбой «рассмотреть вопрос о выделении в сентябре 1959 года для Гаража особого назначения 9-го Управления КГБ двух легковых автомобиля ЗИЛ-111. Имеется в виду, что эти автомобили будут обслуживать Эйзенхауэра во время его визита в Советский Союз, а также других глав государств и правительств во время их пребывания в Москве»[23].

Здесь следует упомянуть: в августе 1959 года было объявлено, что Н. С. Хрущёв посетит США, а президент Эйзенхауэр — СССР. Визит советского лидера в США состоялся в сентябре 1959 года. В мае 1960 года должна была произойти встреча на высшем уровне в Париже, однако советская сторона потребовала извиниться за вторжение американского самолета У-2 в воздушное пространство СССР. Хрущёв отменил ответный визит Эйзенхауэра и назвал переговоры на высшем уровне бессмысленными ввиду скорого окончания его президентского срока.

В 1961 году именно на таком автомобиле ЗИЛ-111 водители ГОНа встречали первого космонавта планеты Ю. А. Гагарина в аэропорту «Внуково» и доставили его в сопровождении почетного эскорта в Московский Кремль.

В дальнейшем количество мероприятий, проводимых при участии Гаража особого назначения, постоянно возрастало. 60–70-е годы XX столетия это подтверждают. Так, в 60-е годы было проведено большое количество официальных визитов с пребыванием гостей не только в Москве, но и в других городах Советского Союза. Как пример можно привести сложный и продолжительный визит делегации Республики Куба во главе с Фиделем Кастро в январе 1964 года.

Особенность этого периода заключается в том, что автопарк ГОНа состоял как из современных (на момент поступления) автомобилей отечественного производства,

так и большого количества иномарок. В гараже находились автомобили, подаренные лидерам нашего государства во время зарубежных визитов. Так, с 1945 по 1968 год число марок и типов автомобилей в Гараже особого назначения увеличилось с 6 до 21, в том числе имелось девять типов иностранных марок.

Распоряжение Совета министров СССР от 6 августа 1965 года № 1581 обязывало Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР «передать в 1965 году из числа легковых автомобилей, имеющихся в Гараже особого назначения, шесть легковых автомобилей «Чайка» для обслуживания иностранных делегаций, в том числе три автомобиля Управлению по иностранному туризму при Совете министров СССР и по одному автомобилю Омскому обкому КПСС, Иркутскому облисполкому и Финансово-хозяйственному отделу Президиума Верховного Совета СССР, а также семь автомобилей ЗИЛ-110 и один автомобиль ГАЗ-12 «ЗИМ» Министерству здравоохранения РСФСР для лечебно-медицинских учреждений. Председатель Совета министров Союза ССР А. Косыгин»[24].

В 1967 году в гараж поступили первые представительские автомобили высшего класса ЗИЛ-114. В 70–80-е годы XX века были поставлены в эксплуатацию автомобили ЗИЛ-115, ЗИЛ-117, ГАЗ-14 — «Чайка», а также автомашина среднего класса ГАЗ-3102 — «Волга».

Работники Гаража особого назначения продолжали выполнение сложнейших задач по обеспечению безопасности и транспортному обслуживанию зарубежных делегаций. В конце мая 1972 года состоялся первый визит в Москву Президента США Р. Никсона. В первую очередь этот визит выделялся своей масштабностью, количеством гостей и представителей прессы. Официальный визит проходил в Москве, Ленинграде и Киеве. Делегация насчитывала 335 человек, включая экипажи американских специальных самолетов, сотрудников секретной службы, службы связи и других. Для обслуживания делегации США кроме автомобилей ГОНа было «выделено 97 автомашин: «Чайка» — 9, «Волга» — 80, 4 автобуса, 3 микроавтобуса «РАФ» и один «УАЗ». В том числе одна «Чайка» и 14 «Волг» из гаража Президиума ВС СССР. А под багаж выделялось: пять фургонов, один «УАЗ» и «Волга-универсал». Обслуживание делегации прошло без замечаний»[25].

Ежегодно Гараж особого назначения получал для обновления автопарка 22–24 единицы автомобилей семейства ЗИЛ. Этот традиционный план выполнялся с 1972 года практически до 1991 года.

Л. И. Брежнев осматривает новые правительственные машины.
Крым. 1974 г.

И эти автомобили не были лишними, об интенсивности работы коллектива ГОНа говорят сухие цифры отчетов. Так, только в 1974 году личный состав подразделения участвовал в транспортном обеспечении 134-х официальных мероприятий. Среди них: четыре сессии Верховных Советов СССР и РСФСР; три съезда творческих и общественных организаций; 18 вручений правительственных наград; 43 визита иностранных делегаций на государственном и правительственном уровне; 34 приема от имени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Правительства СССР. В таком режиме коллектив гаража работал все 1970-е годы.

6 октября 1980 года газета «Правда» известила трудящихся Советского Союза о гибели в автомобильной катастрофе кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК компартии Белоруссии Петра Мироновича Машерова. Ему было 62 года. В газете был помещен некролог, который подписали 58 товарищей — руководители партии и государства Л. И. Брежнев, А. А. Громыко, А. Н. Косыгин, Ю. В. Андропов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, первые секретари компартий союзных республик Г. А. Алиев, Ш. Р. Рашидов и Э. А. Шеварднадзе, от общественности — поэт Е. И. Скурко (Максим Танк) и другие уважаемые люди страны.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный провожает Президента США Р. Никсона с супругой

Петр Миронович Машеров пользовался большим авторитетом в народе не только в республике, но и по всей стране, зарекомендовал себя энергичным руководителем, отличался принципиальностью, личным обаянием, человечностью и скромностью. Его имя среди лучших организаторов партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, когда он возглавлял Вилейский подпольный обком ВЛКСМ, партизанский отряд имени Щорса, являлся комиссаром партизанской бригады имени Рокоссовского, имел два боевых ранения.

8 октября 1980 года состоялась церемония похорон П. М. Машерова, для участия в которой из Москвы прибыли секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин и Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. А. Яснов[26].

Обстоятельства гибели первого секретаря республиканской компартии были таковы. Трагедия произошла 4 октября на трассе Москва — Минск, на 38-м километре от столицы Белорусской ССР, около районного центра Смолевичи. По свидетельству очевидцев, П. М. Машеров выехал после обеда за пределы города в сопровождении двух машин ГАИ для ознакомления с посевом озимых на полях области. Вместе с первым секретарем ЦК КП Белоруссии в автомобиле «Чайка» находились его шофер Е. Ф. Зайцев и сотрудник КГБ В. Ф. Чесноков. Автомобили ГАИ ехали впереди и сзади. Навстречу двигался грузовик МАЗ, шоферу которого первая машина сопровождения дала команду снизить скорость и прижаться к обочине, что и было водителем выполнено. Но за МАЗом следовал груженный картофелем автомобиль ГАЗ, водитель которого, не успев притормозить и прижаться к обочине, вывернул руль влево для обгона замедлившего движение МАЗа, как оказалось, навстречу «Чайке», в которой находился Машеров. Произошло столкновение, и так как машина первого секретаря шла на большой скорости, то авария закончилась гибелью П. М. Машерова и его охраны. Шофер ГАЗа с ожогами и сотрясением мозга был отправлен в больницу. Прокуратура республики при содействии КГБ БССР провела тщательное расследование и не нашла доказательств, которые бы свидетельствовали об умышленном характере преступления[27].

Трагедия на Минском шоссе не была оставлена службой охраны без внимания, хотя, как показала тщательная проверка, нарушения действовавших на момент аварии инструкций не было. Водитель автомобиля, на котором следовал П. М. Машеров, не состоял в штате КГБ республики и не проходил специальной контраварийной подготовки. Председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов в ноябре 1980 года внес в ЦК КПСС ряд принципиальных предложений по улучшению и усилению мер охраны, в частности по вопросам, связанным с передвижением охраняемых лиц на автомобилях[28]. Предлагалось провести реконструкцию основных трасс передвижения охраняемых лиц, ограничить скорость спецмашин в городах до 90 км в час, а на шоссейных дорогах — до 110 км, предусмотреть технический осмотр специалистами 9-го Управления КГБ СССР местных транспортных средств при поездках охраняемых лиц по стране. Всех водителей, работавших на местах и задействованных в транспортном обеспечении охраняемых лиц, «следовало принимать в штат Комитета государственной безопасности на должности военнослужащих в порядке, установленном для Гаража особого назначения» и т. д.[29]

Парадный строй мотоциклетного эскорта на Ленинском проспекте.
Москва

Все эти меры были одобрены членами Политбюро ЦК КПСС и приняты к исполнению соответствующими транспортными организациями.

В середине 80-х годов XX века, с началом перестройки, ситуация стала меняться. Президент СССР М. С. Горбачёв много времени уделял международным вопросам, часто встречался с зарубежными лидерами. Внешняя политика Советского Союза стала более открытой, что, в свою очередь, привело к изменению протокольных норм. Во многом это касалось и Гаража особого назначения, четкости и слаженности его работы.

«Автомобиль Гаража особого назначения не должен быть участником дорожно-транспортного происшествия» — эти слова, сказанные более 30 лет назад Борисом Матвеевичем Кленом, бывшим в то время начальником ГОНа, а впоследствии первым заместителем начальника 9-го Управления КГБ СССР, стали, пожалуй, главным правилом ГОНа.

Чтобы соблюдать это правило, обеспечивать безопасность охраняемых лиц в условиях предельной интенсивности движения, откровенного хулиганства водителей, безответственности пешеходов, сознательного пренебрежения Правилами дорожного движения, водитель ГОНа должен много знать и еще больше уметь: в любых условиях и на любой скорости «чувствовать» автомобиль и дорогу, предвидеть и прогнозировать дорожную обстановку, найти безопасный выход из экстремальной ситуации, ездить в группе автомобилей и многое, многое другое.

Одним словом, водитель Гаража особого назначения не имеет права попасть в аварию ни по чужой, ни по своей вине. Лет 50 назад ездить на автомобиле было гораздо проще — и машин было меньше, и скорости были другие. Од-

нако время шло, автомобильный парк пополнялся новыми, более быстрыми моделями. В 1970-е годы в ГОНе началась смена поколений. Уходили на заслуженный отдых ветераны, почти все — участники Великой Отечественной войны; им на смену шли молодые, в основном это были водители автослужбы 9-го Управления КГБ СССР. Перед руководством ГОНа встал вопрос: каким образом готовить молодых водителей, чему и как учить? Ясно было одно — только теоретических занятий и инструктажей у доски мало, надо повышать профессиональное мастерство на практике, за рулем автомобиля. В автослужбе и ГОНе в 1972–1974 годах проводились соревнования по фигурному вождению — «фигурке», в которых водители состязались в умении быстро и точно маневрировать автомобилем в ограниченном пространстве. Таким образом, автоспорт повышал водительское мастерство, а победители соревнований, в свою очередь, были замечены руководством ГОНа.

В 1980-е годы команда 9-го Управления КГБ СССР, укомплектованная сотрудниками ряда отделов и ГОНа, трижды завоевывала Кубок Комитета ВЛКСМ КГБ СССР, который был оставлен в ГОНе навсегда. Практические занятия по вождению автомобиля на скользкой дороге с водителями ГОНа начались зимой 1977 года. Они проходили на Медвежьих озерах, что по Щелковскому шоссе. Никакой строгой организации занятий, точно поставленных задач, ожидаемых результатов обучения, конечно, не было. Да и сами руководители занятий (старший инженер по безопасности движения В. Г. Белов и начальник авторемонтной мастерской ГОНа В. В. Нестеров) не совсем ясно представляли, что и как делать. Пришлось обратиться к науке.

В то время законодателем в сфере обучения водителей был Научно-исследовательский институт автомобильного транспорта (НИИАТ). В начале 1979 года под руководством директора НИИАТа, доктора технических наук, профессора В. Н. Иванова и начальника автоотдела 9-го Управления КГБ СССР полковника Б. М. Клена с водителями ГОНа были организованы и проведены учебно-методические сборы по выработке и совершенствованию навыков управления автомобилями на скользкой дороге. Сборы продолжались 12 дней, в них участвовали 10 водителей ГОНа на пяти автомобилях ЗИЛ-114 и пяти автомобилях ЗИЛ-117. Ответственными исполнителями были назначены от НИИАТа — И. А. Венгеров (впоследствии — директор НИИАТа), Э. С. Цыганков (ныне доктор педагогических наук, профессор), от 9-го Управления КГБ — В. Г. Белов, В. В. Нестеров. Впервые сборы состоялись на Центральном аэродроме им. Фрунзе. Они прошли необычайно успешно. А разработанная Э. С. Цыганковым методика обучения водителей подтвердила свою эффективность.

Подводя итоги, и участники, и руководители сборов однозначно высказали единое мнение: такие занятия следует проводить регулярно.

В мае 1981 года приказом председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова в 9-м Управлении было создано специальное подразделение — Курсы по подготовке и переподготовке водительского состава автоотдела. Состав курсов: шесть сотрудников, двенадцать учебных автомобилей. Начальником курсов был назначен В. В. Нестеров. С 1982 года курсами руководил В. Г. Белов. Была поставлена задача организовать обучение водителей ГОНа и сотрудников других подразделений, работавших на автомобилях сопровождения, в целях повышения их профессионального мастерства.

Однако уже в 1983 году стало ясно, что обучение водителей и совершенствование их профессионального мастерства надо начинать на более раннем этапе, то есть с момента начала службы водителя на автобазе. Решение этой задачи потребовало дополнительных сил и средств.

В 1980-е годы в транспортном управлении была создана стройная и достаточно эффективная система повышения профессионального мастерства водителей и сотрудников ФСО России, в которой главное внимание уделяется совершенствованию профессионального мастерства водителей ГОНа. Образно говоря, система представляет собой пирамиду: в основе ее лежат программы стажировки и базовые программы, обучение по которым должны пройти все водители транспортного управления, в том числе и водители ГОНа. Для водителей ГОНа были разработаны программы поддержания и совершенствования профессионального мастерства и специальные программы «Сопровождение», «Антитеррор». Все программы разрабатывались в транспортном управлении с учетом опыта обучения водителей в ведущих автомобильных фирмах («Мерседес», «БМВ», «Вольво» и других), рекомендаций кафедры автомотоспорта Академии физической культуры России, а главным образом — с учетом собственного опыта и особых специфических требований, предъявляемых к водителям ГОНа. Все программы наполовину отводились изучению тактики управления автомобилем в различных условиях, в том числе экстремальных. Другую половину составляли изучение и освоение различных, в том числе «нестандартных» программ, технических приемов управления автомобилем.

Организация повышения профессионального мастерства водителя ГОНа — дело недешевое, однако затраты стоят того: в его руках руль автомобиля, в котором находится объект государственной охраны[30].

Послевоенный период и последующие годы стали временем проверки на прочность органов и подразделений государственной охраны, которые как составная часть органов безопасности СССР достойно справлялись с задачами, ставившимися перед ними руководством государства. В условиях совершенствования структуры органов безопасности подразделения охраны руководителей Советского государства заняли достойное место и на самом высоком уровне справлялись с обеспечением безопасности охраняемых лиц в самых различных условиях. Особое значение в этот период придавалось подбору и подготовке кадров для органов государственной безопасности в целом и структур государственной охраны в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Правда. 1953. 4 марта.

[2] Подробнее см.: *Девятов С. В., Шефов А. Н., Юрьев Ю. В.* Ближняя дача Сталина: Опыт исторического путеводителя / Под ред. Ю. В. Сигачева. М., 2011. С. 104–115, 439–449.

[3] ЦА ФСБ России. Ф. 17. Оп. 37. Д. 92. Л. 65.

[4] ГАРФ. Ф. Р-9542. Оп. 1. Д. 124. Л. 2–4.

[5] Правда. 1955. 15 июля.

[6] Кремлевцы на боевом посту: Книга памяти. 1918–2000. М., 2000. С. 42.

[7] АП РФ. Ф. 3. Оп. 52. Д. 245. Л. 158, 173–177.

[8] *Веденин А. Я.* Годы и люди. М., 1964. С. 194–198.

[9] АП РФ. Ф. 3. Оп. 52. Д. 245. Л. 180.

[10] Там же. Оп. 52. Д. 248. Л. 3.

[11] Там же. Оп. 79. Д. 247. Л. 7–8.

[12] Главный гараж России: От Собственного Его Императорского Величества гаража до Гаража особого назначения. 1907–2007. М., 2007. С. 201.

[13] 18 марта 1970 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла определение об освобождении Ильина от уголовной ответственности и направлении его на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа. 10 августа 1988 года коллегия определила изменить в отношении террориста вид принудительной меры медицинского характера. Из психиатрической больницы специального типа его направили на лечение в психиатрическую больницу с усиленным наблюдением, а 15 марта 1990 года было решено прекратить принудительное лечение Ильина с последующей выпиской из больницы под активное наблюдение врачей психиатрического диспансера по месту жительства.

[14] Кремлевцы на боевом посту. С. 49–51.

[15] Там же. С. 41–42.

[16] *Королёв С. С.* Наша великая эпоха. Воспоминания ветерана-кремлевца. М., 2007. С. 38.

[17] Большой Кремлевский дворец. М., 2010. С. 371.

[18] Там же. С. 70–71.

[19] *Королёв С. С.* Наша великая эпоха. С. 59–60.

[20] *Захаров Н.* Сквозь года. Тула. 2003. С. 123–124.

[21] ГАРФ. Ф. 9542. Оп. 3. Д. 7.

[22] АП РФ. Ф. 3. Оп. 48. Д. 285 Л. 58.

[23] Там же. Л. 60.

[24] Там же. Л. 65.

[25] ГАРФ. Ф. 9542. Оп. 5. Д. 37.

[26] Правда. 1980. 6, 8–9 окт.

[27] См.: ЦА ФСБ России. Фонд КГБ СССР. Особая папка Секретариата.

[28] Там же.

[29] Главный гараж России... С. 182–184.

[30] Там же. С. 205–208.

глава 9

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

РЕОРГАНИЗАЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ: ОТ УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНЫ ПРИ АППАРАТЕ ПРЕЗИДЕНТА СССР К ФСО РОССИИ

В конце 1991 года, после распада Советского Союза, возникли 15 независимых государств. 8 декабря в Беловежской пуще руководители России, Украины и Белоруссии приняли совместное заявление о прекращении существования СССР и образовании Содружества Независимых Государств (СНГ). Декларация СНГ была подписана 21 декабря руководителями 11 из 15 государств — бывших союзных республик, за исключением Литвы, Латвии, Эстонии и Грузии.

25 декабря 1991 года М. С. Горбачёв заявил о прекращении своей деятельности на посту Президента СССР. В тот же день Президент РСФСР Б. Н. Ельцин подписал Закон РСФСР, которым предусматривалось государство РСФСР впредь именовать Российская Федерация (Россия). 26 декабря 1991 года Верховный Совет СССР принял декларацию, в которой констатировал прекращение существования Советского Союза как государства и субъекта международного права.

Все эти события оказали кардинальное влияние и на систему государственной безопасности страны, в том числе органы государственной охраны. В августе — декабре 1991 года структуры КГБ СССР находились в процессе непрерывной реорганизации, завершившейся их переподчинением Президенту России. В своих воспоминаниях Б. Н. Ельцин отмечал: «В девяносто первом году много спорили о том, нужно ли в новой России оставлять Комитет государственной безопасности. Кое-кто предлагал вообще ликвидировать эту

структуру. Но было очевидно, что она жизненно необходима стране. Что большинство ее рядовых сотрудников поддерживает демократические преобразования. Поэтому и был выбран трудный путь реформирования КГБ»[1]. Результатом явилось образование самостоятельных ведомств. Ими стали: Министерство безопасности (МСБ — АФБ — МБВД — МБ), Служба внешней разведки (СВР), Комитет по охране государственной границы — Федеральная пограничная служба (ФПС), а также Федеральное агентство правительственной связи и информации (ФАПСИ) при Президенте России.

В отличие от органов безопасности, внешней разведки и пограничной службы, сформированных вначале в межреспубликанские органы, служба государственной охраны была включена в аппарат Президента СССР. На этом этапе реорганизации правопреемником Службы охраны КГБ стало Управление охраны при Аппарате Президента СССР, которому подчинялся Отдельный Краснознаменный Кремлевский полк.

Параллельно с реорганизацией союзных подразделений государственной охраны шло формирование республиканских. После избрания в 1990 году Председателем Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельцина был создан Отдел безопасности Председателя Верховного Совета во главе с А. В. Коржаковым. Охраной Верховного Совета РСФСР, Правительства РСФСР и подчиненных им органов в Белом доме занималась Служба безопасности и охраны правительственных объектов РСФСР, состоявшая из сотрудников МВД, зачисленных в штат Верховного Совета РСФСР. В октябре 1991 года Служба безопасности и охраны правительственных объектов РСФСР была переименована в Управление охраны объектов высших органов государственной власти РСФСР, из которого выделилась Служба безопасности Президента РСФСР во главе с А. В. Коржаковым. Управление охраны находилось в двойном подчинении — МВД и Министерства безопасности. Численность сотрудников на конец 1992 года составляла около 220 человек.

После событий августа 1991 года на должность коменданта Московского Кремля вместо Г. Д. Башкина, назначенного на эту должность еще Президентом СССР М. С. Горбачёвым, вступил М. И. Барсуков, которого назначил Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин.

В декабре 1991 года органы государственной охраны объединились в Главное управление охраны (ГУО) Российской Федерации, которым руководили генерал-майор В. С. Редкобородый (1991–1992), генерал-лейтенант М. И. Барсуков (1992–1995, освобожден от должности в связи с назначением директором ФСБ России), генерал-лейтенант Ю. В. Крапивин (1995–1996).

Первый официально опубликованный акт, содержавший упоминание о Главном управлении охраны — Временное положение о Министерстве безопасности РФ от 24 января 1992 года. В нем отмечалось, что Министерство безопасности осуществляет координацию и взаимодействие со Службой внешней разведки, с Комитетом по охране государственной границы, Федеральным агентством правительственной связи и информации при Президенте России, Главным управлением охраны РФ.

В феврале 1992 года военнослужащие ГУО России заменили сотрудников милиции на постах охраны зданий Правительства России и Администрации Президента России на Старой площади, а с 17 сентября — на постах охраны здания Конституционного суда Российской Федерации.

Первыми опубликованными указами по кадровым вопросам Главного управления охраны были указы от 12 июня 1992 года, которыми, в частности, заместитель начальника Главного управления охраны — комендант Московского Кремля М. И. Барсуков назначен начальником Главного управления охраны, оставшись комендантом Московского Кремля.

В конце октября 1992 года Президент России Б. Н. Ельцин издал указ о расформировании Управления охраны объектов высших органов государственной власти и поручил ГУО России взять под охрану здания и объекты Верховного Совета. Это распоряжение не было выполнено. 3 ноября 1992 года Президиум Верховного Совета РСФСР подтвердил своим постановлением полномочия Управления на период до принятия закона по данному вопросу.

Деятельность федеральных органов государственной охраны регламентировалась законом РФ «О государственной охране высших органов государственной власти Российской Федерации и их должностных лиц»[2]. Согласно закону государственная охрана предоставлялась: Президенту России, Председателю Верховного Совета России и его заместителям, Председателю Совета министров — Правительства России и его заместителям, вице-президенту России, Председателю Конституционного суда России, Председателю Президиума Верховного суда России, Председателю Высшего арбитражного суда России, Генеральному прокурору России в течение срока их полномочий в местах постоянного и временного пребывания. Законом было предусмотрено, что федеральные органы государственной охраны формируются, исходя из принципа разделения властей, и функционируют независимо и самостоятельно. Решение о создании, реорганизации и упразднении федеральных органов государственной ох-

Е. А. Муров

раны, обеспечивающих безопасность высших органов законодательной власти, принимается Верховным Советом России, а исполнительной власти — Президентом России. В то время функции охраны выполняли ГУО России, Департамент охраны Верховного Совета и Управление охраны высших органов судебной власти.

4 июня 1993 года ГУО России по распоряжению Президента России прекратило охрану Конституционного суда.

Принятое 25 июня 1993 года Верховным Советом решение о создании Управления охраны высших органов судебной власти при Министерстве безопасности этим министерством исполнено не было. В этих условиях Верховный Совет постановлением от 10 сентября 1993 года создал Службу охраны Конституционного суда Российской Федерации.

После событий октября 1993 года Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин передал Департамент охраны Верховного Совета в структуру МВД и вскоре его упразднил.

В конце 1993 года функции охраны всех ветвей власти были возложены на ГУО России.

Главное управление охраны впервые было включено в структуру федеральных органов исполнительной власти 10 января 1994 года (в предыдущей схеме, утвержденной 30 сентября 1992 года, его не было). Согласно положению о Главном управлении охраны РФ, утвержденному указом Президента Российской Федерации[3], ГУО России являлось государственным комитетом, подведомственным Президенту Российской Федерации, и находилось в оперативном управлении Службы безопасности Президента Российской Федерации.

В 1993 году из состава ГУО выделилась Служба безопасности Президента Российской Федерации, которая стала самостоятельным федеральным органом в области государственной охраны. В таком статусе Служба безопасности Президента Российской Федерации просуществовала до лета 1996 года. Возглавлял Службу безопасности Президента России генерал-лейтенант А. В. Коржаков. В июле 1996 года в соответствии с решением Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина Служба безопасности прекратила свое существование как самостоятельный федеральный орган исполнительной власти и вошла в состав Федеральной службы охраны (ФСО) Российской Федерации, преобразованной из Главного управления охраны Российской Федерации. Руководителем ФСО России был назначен генерал-лейтенант Ю. В. Крапивин.

После принятия Федерального закона «О государственной охране»[4] от 27 мая 1996 года Главное управление охраны переименовано в Федеральную службу охраны Российской Федерации, которую возглавил Ю. В. Крапивин (указ Президента Российской Федерации от 19.06.2006 г. № 938).

За день до второго тура президентских выборов, 2 июля 1996 года, в состав ФСО России, как уже упоминалось, была включена Служба безопасности Президента Российской Федерации.

2 августа 1996 года было утверждено положение о Федеральной службе охраны Российской Федерации[5]. В соответствии с ним ФСО России являлось федеральным органом государственной охраны, обеспечивающим в пределах своих полномочий безопасность лиц, подлежащих государственной охране на основании Федерального закона «О государственной охране». ФСО России входило в структуру федеральных органов исполнительной власти на правах государственного комитета Российской Федерации.

18 мая 2000 года указом Президента Российской Федерации на должность руководителя (директора) Федеральной службы охраны Российской Федерации был назначен генерал-майор Е. А. Муров.

В марте 2003 года после расформирования ФАПСИ при ФСО России создана Служба специальной связи и информации, которую возглавил генерал-полковник Ю. П. Корнев.

ЗАДАЧИ И ОБЯЗАННОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФСО РОССИИ

В мае 2004 года Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ «О Федеральной службе охраны Российской Федерации», в соответствии с которым директору ФСО было разрешено иметь трех заместителей. Кроме того, своим указом Президент России включил Службу специальной связи и информации в состав ФСО России.

Федеральная служба охраны обеспечивает в пределах своих полномочий безопасность лиц, подлежащих государственной охране в соответствии с Федеральным законом «О государственной охране». ФСО России входит в структуру федеральных органов исполнительной власти. Руководство деятельностью ФСО России осуществляет Президент России, а также Правительство России в пределах своих полномочий.

Государственная охрана осуществляется на основе следующих мер:

— предоставления объектам государственной охраны персональной охраны, специальной связи и транспортного обслуживания, а также информации об угрозе их безопасности;

— осуществления в соответствии с законодательством оперативно-разыскной деятельности в целях реализации полномочий соответствующих государственных органов обеспечения безопасности;

— проведения охранных мероприятий и поддержания общественного порядка в местах постоянного и временного пребывания объектов государственной охраны;

— поддержания порядка, установленного уполномоченными на то должностными лицами, и пропускного режима на охраняемых объектах.

К объектам государственной охраны относятся:

— Президент Российской Федерации;

— определенные Федеральным законом «О государственной охране» лица, замещающие государственные должности Российской Федерации;

— федеральные государственные служащие, подлежащие государственной охране в соответствии с Федеральным законом «О государственной охране»;

— главы иностранных государств и правительств и иные лица иностранных государств во время пребывания на территории Российской Федерации.

Президенту Российской Федерации со дня официального объявления о его избрании предоставляется государственная охрана в местах его постоянного и временного пребывания. Президент Российской Федерации в течение срока своих полномочий не вправе отказаться от государственной охраны. По истечении срока полномочий Президенту Российской Федерации государственная охрана предоставляется пожизненно.

В течение срока полномочий Президента Российской Федерации государственная охрана предоставляется членам его семьи, проживающим совместно с ним или сопровождающим его.

Государственная охрана предоставляется следующим лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации:

— Председателю Правительства Российской Федерации;

— Председателю Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации;

— Председателю Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации;

— Председателю Конституционного суда Российской Федерации;

— Председателю Верховного суда Российской Федерации;

— Председателю Высшего арбитражного суда Российской Федерации;

— Генеральному прокурору Российской Федерации;

— Председателю Следственного комитета Российской Федерации.

Указанным лицам государственная охрана предоставляется в течение срока их полномочий.

При необходимости по решению Президента Российской Федерации государственная охрана может быть предоставлена иным лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации.

Безопасность глав иностранных государств и правительств, членов их семей в период пребывания на территории Российской Федерации обеспечивается в соответствии с международными договорами Российской Федерации, а также соглашениями между федеральными органами государственной охраны и уполномоченными органами иностранных государств.

При необходимости безопасность иных иностранных государственных, политических и общественных деятелей в период пребывания на территории Российской Федерации обеспечивается на основании распоряжений Президента России.

Основными задачами федеральных органов государственной охраны являются:

— прогнозирование и выявление угрозы жизненно важным интересам объектов государственной охраны, осуществление комплекса мер по предотвращению этой угрозы;

— обеспечение безопасности объектов государственной охраны в местах постоянного и временного пребывания и на трассах проезда;

— обеспечение в пределах своих полномочий организации и функционирования президентской связи;

— участие в пределах своих полномочий в борьбе с терроризмом;

— защита охраняемых объектов;

— выявление, предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений на охраняемых объектах.

Федеральные органы государственной охраны обязаны:

— выявлять, предупреждать и пресекать противоправные посягательства на объекты государственной охраны и охраняемые объекты;

— организовывать и проводить охранные, режимные, технические и иные мероприятия по обеспечению безопасности объектов государственной охраны;

— поддерживать общественный порядок, необходимый для обеспечения безопасности объектов государственной охраны в местах их постоянного и временного пребывания, устранять обстоятельства, препятствующие осуществлению государственной охраны;

— обеспечивать в необходимых случаях сопровождение или эскортирование автотранспортных средств, в которых следуют объекты государственной охраны;

— организовывать и проводить в пределах своих полномочий мероприятия по развитию и совершенствованию системы президентской связи, обеспечению ее надежности, информационной безопасности и оперативности при предоставлении объектам государственной охраны;

— производить шифровальные работы;

— организовывать и проводить на охраняемых объектах, а также в местах постоянного и временного пребывания объектов государственной охраны оперативно-технический, санитарно-гигиенический, экологический, радиационный и противоэпидемический контроль;

— осуществлять информационно-аналитическое обеспечение своей деятельности;

— обеспечивать собственную безопасность;

— осуществлять во взаимодействии с органами федеральной службы безопасности меры по противодействию утечке информации по техническим каналам;

Официальная рабочая резиденция Президента Российской Федерации.
Московский Кремль. Здание Сената

— осуществлять подготовку и повышение квалификации кадров;

— осуществлять служебно-хозяйственную деятельность;

— осуществлять внешние сношения со специальными службами, с правоохранительными органами и организациями иностранных государств.

В соответствии с законом федеральные органы государственной охраны входят в состав сил обеспечения безопасности Российской Федерации. Их структура, функции и задачи конкретизированы в положении о ФСО России, утвержденном указом Президента Российской Федерации от 7 августа 2004 года.

На современном этапе развития российской государственности одной из основных угроз национальной безопасности является терроризм.

Органы государственной охраны, входящие в состав сил обеспечения безопасности Российской Федерации, также участвуют в борьбе с терроризмом в пределах своих полномочий. Деятельность органов государственной охраны, в отличие от деятельности других специальных служб в борьбе с проявлениями терроризма, имеет свои особенности. Это обусловлено местом органов госохраны в системе обеспечения государственной безопас-

ности. Органы государственной охраны осуществляют свою деятельность по противодействию угрозам террористической направленности на объекты государственной охраны в местах их постоянного и временного пребывания.

Начало XXI века для нашей страны связано с высокой динамикой осуществления правовой реформы, оптимизацией системы государственного управления, активизацией внутри- и внешнеполитической деятельности.

Последнее обстоятельство, обусловившее необходимость постоянных поездок по стране, визитов в государства ближнего и дальнего зарубежья Президента Российской Федерации, других охраняемых лиц, оказало непосредственное влияние на процесс выработки новых требований к государственной охране.

К числу масштабных мероприятий последнего десятилетия, безопасность на которых осуществлялась силами федеральных органов государственной охраны, можно отнести:

— международный саммит в Санкт-Петербурге и празднование 300-летия образования города (2003);

— вступление в должность Президента Российской Федерации (2004, 2008);

— 60-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне (2005);

— празднование 1000-летия города Казани (2005);

— встреча глав государств и правительств стран «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге (2006);

— саммиты Россия — ЕС в Самарской области (2007), Ханты-Мансийске (2008), Нижнем Новгороде (2011);

— саммит стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и первый саммит БРИК в Екатеринбурге (2009);

— 65-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне (2010);

— визиты Президента Российской Федерации и Председателя Правительства Российской Федерации за рубеж и многие другие.

Подготовка и проведение таких важных мероприятий, когда количество глав иностранных государств, подлежащих государственной охране, превышает несколько десятков человек, является серьезной проверкой возможностей системы как органов государственной охраны, так и иных органов государственной безопасности и правоохранительной системы. Работа сотрудников ФСО России по итогам всех этих мероприятий получала достойную оценку и руководителей нашего государства, и высоких иностранных гостей.

Представительский кабинет Президента Российской Федерации.
Московский Кремль. Здание Сената

Подготовка офицерских кадров для федеральных органов государственной охраны осуществляется в Академии ФСО России и других военно-образовательных учреждениях специальных ведомств. В 2004 году в Академии ФСО России был создан юридический факультет.

В состав ФСО России входят различные подразделения, принимающие участие в обеспечении безопасности и обслуживания официальных государственных мероприятий с участием объектов государственной охраны. Среди них:

— Служба коменданта Московского Кремля;

— Президентский полк;

— Кавалерийский Почетный эскорт Президентского полка;

— Президентский оркестр;

— Гараж особого назначения;

— Почетный мотоциклетный эскорт и другие.

Государственная охрана на современном этапе развития общества — функция федеральных органов государственной власти в сфере обеспечения безопасности объектов государственной охраны, осуществляемая на основе совокупности правовых, организационных, охранных, режимных, оперативно-разыскных, технических и иных мер. Государственная охрана осуществляется на основе Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных нормативных правовых актов, а также международных договоров Российской Федерации.

ФСО России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики, нормативному правовому регулированию, контролю и надзору в сфере государственной охраны, президентской, правительственной и иных видов специальной связи и информации, предоставляемых федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации и другим государственным органам.

Государственная охрана осуществляется на основе принципов законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, централизованного руководства, взаимодействия государственных органов обеспечения безопасности, непрерывности, сочетания гласных и негласных методов деятельности, подконтрольности и поднадзорности.

СЛУЖБА КОМЕНДАНТА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Коренные изменения в государственном устройстве и общественно-политической жизни страны не могли не затронуть деятельность комендатуры Московского Кремля. Претерпев множество реорганизаций, комендатура Московского Кремля по-прежнему успешно выполняет свою основную задачу — охрану и обеспечение безопасности Московского Кремля.

31 января 1992 года указ Президента Российской Федерации «Об официальной резиденции Президента Российской Федерации» закрепил за Московским Кремлем статус официальной резиденции Президента Российской Федерации.

Следующий этап в становлении сегодняшней комендатуры Кремля связан с образованием в июне 1996 года Федеральной службы охраны Российской Федерации, в которую она вошла на правах структурного подразделения.

1 октября 2004 года прошла новая реорганизация, направленная на повышение эффективности деятельности и создание условий, позволяющих наиболее оперативно решать поставленные перед комендатурой задачи. Была образована Служба коменданта Московского Кремля (СКМК) ФСО России, где объединены подразделения комендатуры Московского Кремля: Управление охраны, Президентский полк, Президентский оркестр.

Реорганизации, которые коснулись комендатуры Московского Кремля на рубеже веков, не изменили направлений ее деятельности. Как и в прошлом, она охраняет Московский Кремль, пресекает какие-либо противоправные действия на объекте, обеспечивает безопасность охраняемых лиц во время пребывания в Кремле, а также безопасность при проведении государственных, общественно-политических и иных мероприятий.

На подразделения Службы коменданта Московского Кремля возложены сложные и ответственные функции, среди которых важнейшими являются контроль допуска на территорию Московского Кремля и охрана всего периметра Кремля, который всегда находился под постоянным контролем бдительных сотрудников комендатуры. Также в их компетенцию входит непосредственная охрана здания резиденции Президента Российской Федерации с осуществлением особого режима допуска в помещения резиденции.

Рабочей резиденцией Президента Российской Федерации является здание Сената (корпус № 1) Московского Кремля. В начале 1990-х годов в здании Сената провели комплексную научную реставрацию, позволившую воссоздать исторический облик парадных помещений, а также оснастить здание современным техническим оборудованием, не нарушив внутренней гармонии. Реставрация позволила, с одной стороны, обеспечить сохранность архитектурно-исторических особенностей памятника, с другой — максимально учесть функциональное назначение здания, создав все условия для удобной и эффективной работы Президента Российской Федерации.

Большой Кремлевский дворец стал парадной резиденцией Президента Российской Федерации. В 1993 году по поручению Президента России началась разработка проекта по восстановлению исторического облика дворца. Исследования и подготовку предложений произвели специалисты управления по проектированию общественных зданий и сооружений «Моспроект-2» и Центральных научно-реставрационных проектных мастерских. По их результатам 2 августа 1994 года был подписан указ Президента Российской Федерации «О восстановлении исторического облика Большого Кремлевского дворца».

Первые комплексные реставрационно-восстановительные работы в БКД производились с 1995 по 1999 год. В них приняли участие сотни отечественных проектировщиков, реставраторов и строителей, привлекались и зарубежные специалисты. Большой вклад внесли сотрудники комендатуры Московского Кремля, которые обеспечивали режим безопасности, решали вопросы допуска, охраны и сопровождения работ.

Произведенные работы совершенно уникальны и значительны по объему. Были отреставрированы Георгиевский зал, Главная лестница, вестибюли Главного и Благовещенского подъездов, фасады и кровля и другие помещения. В мельчайших деталях были воссозданы два парадных зала — Андреевский и Александровский. Приведена в архитектурно-стилистическое единство с парадными залами Гостевая пристройка. Все дворцовые помещения оснащены новейшими инженерными системами.

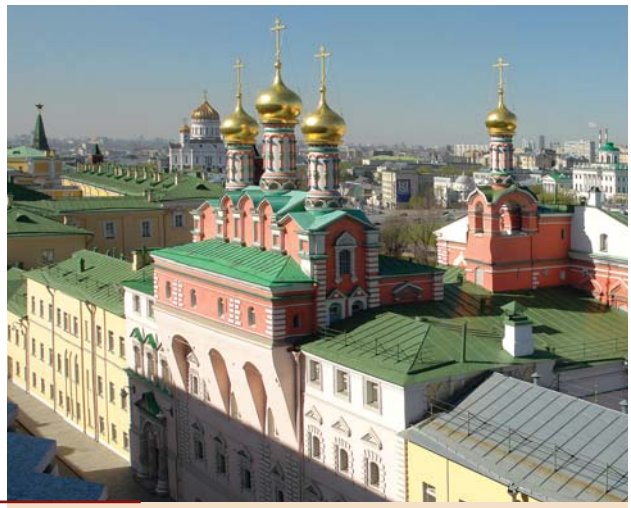
Реставрационные работы в БКД продолжаются. В соответствии с решением Президента Российской Федерации проведена комплексная научная реставрация Собственной Их Императорских Величеств половины Большого Кремлевского дворца. Сейчас идет комплексная реставрация Грановитой палаты, которая примет первых посетителей 7 мая 2012 года. На очереди Золотая Царицына палата, Теремной дворец и домовые церкви.

В непосредственной близости от БКД размещается и Гостевая резиденция, соединенная с дворцом переходом на уровне второго этажа. В ней, начиная с 50-х годов прошлого века, располагаются руководители иностранных государств, прибывающие в нашу страну с официальными визитами[6].

Коллектив Большого Кремлевского дворца входит в состав Управления охраны Службы коменданта Московского Кремля и отвечает за весь комплекс мер по охране и поддержанию надлежащего состояния дворца, который всегда должен быть готов к проведению мероприятий самого высокого уровня с участием Президента России.

В ноябре 1991 года в соответствии с указом Президента России Московской Патриархии Русской Право-

Парадная резиденция Президента Российской Федерации.
Московский Кремль. Большой Кремлевский дворец



Дворец Милославского (Потешный дворец).
Вид с крыши Государственного Кремлевского дворца.
Московский Кремль

славной Церкви было разрешено проведение богослужений в храмах Московского Кремля. Успенский собор стал использоваться в качестве патриаршего кафедрального собора (до завершения строительства храма Христа Спасителя). Небольшая резиденция Патриарха Московского и всея Руси на территории Московского Кремля также охраняется кремлевской комендатурой.

Еще одной задачей подразделений комендатуры Московского Кремля является обеспечение режима безопасности на Красной площади, которая вместе с Покровским собором, Государственным историческим музеем и мавзолейным комплексом, находятся в границах официальной резиденции Президента России.

Уникальная выставка «Алмазный фонд» (Гохран) также относится к объектам охраны Службы коменданта Московского Кремля. Ее история восходит к XVIII столетию, когда император Петр I создал Государственное хранилище коронных ценностей, положив начало формированию коллекции. Следующим шагом стало создание в 1719 году камерального отделения, ведавшего коронными драгоценностями. В дальнейшем в Зимнем дворце были созданы специальные помещения, носившие разные названия: Кабинета или Комнаты Его (Ее) Императорского Величества, Алмазной или Бриллиантовой комнаты. После начала Первой мировой войны все сокровища Бриллиантовой комнаты спешно перевезли из Петрограда в Московский Кремль. В апреле 1922 года началась работа по их изучению.

В 1925 году в Доме Союзов открылась выставка, на которой впервые широкой публике были продемонстрированы императорские регалии. Непродолжительная по времени выставка стала крупнейшим событием культурной жизни страны. 2 ноября 1967 года в здании Оружейной палаты Московского Кремля открылась выставка коллекции Алмазного фонда СССР. Первоначально показ драгоценностей планировался сроком в один год, но поскольку выставка вызвала большой интерес у посетителей Кремля, было принято решение преобразовать ее в постоянно действующую. Охрана выставки также была возложена на комендатуру Московского Кремля.

Современная обстановка требует от сотрудников СКМК выполнения широкого спектра служебных задач.

Вид на Соборную площадь из здания Администрации Президента России.
Московский Кремль

К ним относится взаимодействие со всевозможными организациями, службами, ведомствами в интересах обеспечения охраны и жизнедеятельности Московского Кремля. У сотрудников комендатуры Московского Кремля и их коллег есть и уникальные функции. В их числе, в частности, обслуживание кремлевских звезд, которые время от времени необходимо мыть, чистить и заменять лампы. Все это делается прямо на шпилях башен, на высоте нескольких десятков метров, и требует высочайшего мастерства.

На постоянной основе проводятся плановые и реставрационные работы на Спасской башне. Расположенные на трех ярусах башни Кремлевские куранты — один

Орнитологическая служба на страже Московского Кремля

из символов Московского Кремля и России — не должны останавливаться ни на минуту. За бесперебойную работу механизмов и колоколов курантов отвечают офицеры комендатуры и специалисты профильных подразделений ФСО России.

Многогранность возложенной на Службу коменданта задачи обеспечения безопасности Московского Кремля раскрывает такое специфическое направление ее деятельности, как биологическая защита его территории. Речь идет о борьбе с воронами, которая имеет в Кремле давнюю историю.

Одни из самых умных, по признанию ученых, представителей пернатых издревле облюбовали Кремль. Косвенно это подтверждают археологические находки последних лет, которые свидетельствуют о ведении соколиной охоты на территории Московского Кремля уже в конце XIV века. Борьба с воронами и регулирование их численности — вынужденная необходимость, поскольку они представляют реальную угрозу для памятников Кремлевского архитектурного ансамбля.

Наиболее яростным атакам с их стороны подвергаются золоченые главы кремлевских храмов и купол Большого Кремлевского дворца. Съезжая целыми стаями на хвостах по скользким склонам куполов, они когтями сдирают сусальное золото, оставляя глубокие борозды. Серьезная опасность заключается и в том, что вороны являются переносчиками многочисленных болезней.

Борьба с воронами требует от сотрудников комендатуры больших усилий. С 1918 года были испробованы различные способы: отстрел, специальные звукоусилители, имитирующие клекот пернатых хищников, установка пугал и домиков-ловушек с приманкой и т. д., но все эти ухищрения не давали результатов. В 1983 году комендантом Московского Кремля было принято решение о создании внештатной орнитологической службы. В 1984 году на территории Кремля появились хищные птицы — ястребы и соколы. Для них в Тайницком саду, в районе 2-й Безымянной башни, была построена сокольня. Результат очень скоро стал заметен. Применение соколиной охоты позволило создать условия для естественной регуляции численности ворон. В 1989 году была создана специальная орнитологическая служба Московского Кремля, на которую возложена задача биологической защиты Кремля от ворон. С 1991 года она входит в состав комендатуры Московского Кремля, а с 2004 года — в состав СКМК.

Сейчас для защиты кремлевской территории от ворон используют соколов и ястребов-тетеревятников. Помимо собственно охоты, сдерживать ворон помогает сам факт присутствия на территории хищных птиц.

Важным участком работы Службы коменданта Кремля является организация допуска экскурсантов на территорию Московского Кремля и гостей в Государственный Кремлевский дворец на всевозможные праздничные и тор-

жественные мероприятия. Ежегодно территорию Кремля и Оружейную палату посещают до полутора миллионов человек и около двухсот тысяч человек — выставку «Алмазный фонд». В соборах Московского Кремля проходит несколько десятков богослужений в год.

Служба коменданта Московского Кремля осуществляет деятельность по организации взаимодействия входящих в ее состав подразделений как друг с другом, так и с другими организациями и ведомствами в ходе подготовки и проведения охранных мероприятий на территории Московского Кремля.

Деятельность Службы коменданта это не только напряженная ежедневная служебная деятельность. Подразделения комендатуры выполняют и парадные функции. Кремлевские церемониалы, выработанные в последние годы, не только возрождают старые, но и формируют новые традиции российской государственности.

К числу таких мероприятий, прежде всего, относится принятый осенью 2004 года новый церемониал — развод пеших и конных караулов на Соборной площади Московского Кремля. Он связал воедино разные исторические эпохи доблестного российского воинства. В церемониальном разводе принимают участие Рота специального караула и Кавалерийский почетный эскорт Президентского полка, а также уникальный музыкальный коллектив — Президентский оркестр Службы коменданта Московского Кремля.

Еще одно новое мероприятие, ставшее традиционным — международный музыкальный фестиваль военных оркестров на Красной площади. Впервые он проходил осенью 2007 года. В нем приняли участие полторы тысячи артистов и музыкантов из разных стран мира. Центральным событием фестиваля стало выступление Роты специального караула и Кавалерийского почетного эскорта Президентского полка, которое получило как признание зрителей, так и высочайшие оценки профессионалов. Вместе с ними выступили юные всадники на пони. К выступлению их подготовили тренеры Кремлевской школы верховой езды и офицеры Кавалерийского почетного эскорта Президентского полка. В соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации фестиваль военных оркестров «Спасская башня» проводится ежегодно.

Значимым событием в современной России является церемония вступления в должность Президента Российской Федерации. Этот церемониал окончательно сложился в годы президентства В. В. Путина и стал новой традицией, символизирующей идею исторической преемственности и обновления российской государственности.

В настоящее время эта важнейшая государственная церемония проходит в Московском Кремле — в резиденции Президента Российской Федерации. Кортеж Президента въезжает через Спасские ворота на территорию Кремля и направляется к Большому Кремлевскому дворцу. Именно здесь проводится церемония принесения президентской присяги. В ходе церемониала военнослужащие Президентского полка вносят в Андреевский гербовый зал символы и атрибуты президентской власти: Государственный флаг, Конституцию Российской Федерации, штандарт и знак Президента Российской Федерации. По традиции после вступления в должность Президент Российской Федерации спускается по Красному крыльцу к личному составу Президентского полка, построенному на Соборной площади, и принимает доклад командира полка.

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ПОЛК

20 марта 1993 года Отдельный Кремлевский полк был преобразован в Президентский полк[7]. После принятия Федерального закона Российской Федерации «О государственной охране» и создания Федеральной службы охраны Российской Федерации Президентский полк вошел в состав Службы коменданта Московского Кремля. Эта уникальная воинская часть имеет особый статус. Командир полка назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации по представлению директора ФСО России.

Основная задача Президентского полка: охрана и оборона Московского Кремля — официальной резиденции Президента Российской Федерации. По сути, Московский Кремль для его посетителей начинается с военнослужащего, несущего охрану на посту. Одно это говорит о том, какая колоссальная ответственность лежит на воинах-кремлевцах. Также полк призван выполнять поставленные задачи при проведении протокольных мероприятий на высшем государственном уровне.

Личный состав Президентского полка привлекается для проведения самых разнообразных ритуалов и церемоний. Прежде всего, это несение службы у Вечного огня на Могиле Неизвестного Солдата в Александровском саду. Сегодня — это пост № 1[8]. Новый ритуал возник в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 8 декабря 1997 года № 1277. Первая смена часовых заступила на главный пост страны в 8 часов утра 12 декабря 1997 года. Стоять на этом посту — честь, которой удостаиваются луч-

шие из лучших военнослужащих Роты специального караула Президентского полка. Торжественная церемония смены караула у Могилы Неизвестного Солдата — одна из самых красивых и торжественных современных военных церемоний в нашей стране. На нее стремятся попасть тысячи россиян и иностранных гостей.

7 мая 2000 года состоялась торжественная церемония вступления в должность Президента Российской Федерации В. В. Путина. Этот день совпал с 64-й годовщиной со дня образования Президентского полка. 7 мая 2000 года впервые было произведено внесение в Андреевский зал Большого Кремлевского дворца, где проводилась церемония, государственных атрибутов и символов президентской власти. Церемония завершилась представлением полка Президенту Российской Федерации на Соборной площади и прохождением личного состава торжественным маршем.

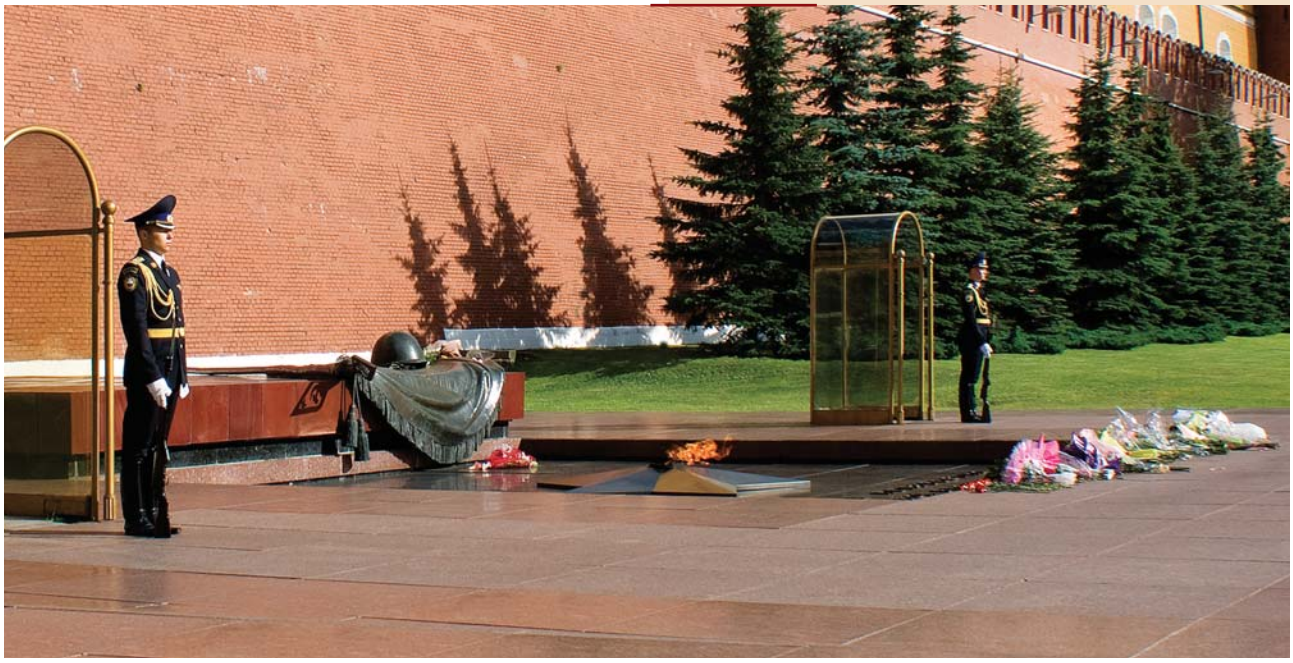
Ровно четыре года спустя, 7 мая 2004 года, Президентский полк был вновь представлен Президенту Российской Федерации В. В. Путину по случаю его вступления в должность. В этот день впервые в церемониальных мероприятиях на Соборной площади принял участие Кавалерийский почетный эскорт.

Современные воины-кремлевцы свято чтят исторические традиции. Символом полка является его Боевое знамя. В марте 1908 года прошла церемония освящения знамени и его передачи Собственному Его Императорского Величества сводному пехотному полку.

Освящение знамени Президентского полка.
Успенский собор. 6 мая 2006 г.

Эта традиция была возрождена 6 мая 2006 года, когда состоялось освящение знамени Президентского полка. Это первое в истории современной России воинское знамя нового образца. Церемония прибивки полотнища Боевого знамени Президентского полка к древку прошла в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. В ней приняли участие директор ФСО России, руководитель Службы

Пост № 1 у Вечного огня на Могиле Неизвестного Солдата.
Александровский сад



коменданта Московского Кремля, представители всех категорий военнослужащих Президентского полка и ветераны.

В Успенском соборе Московского Кремля Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершил освящение знамени. В завершение Святейший Патриарх поздравил всех присутствующих с освящением Боевого знамени и в благословение воинов передал в дар воинской части образ Архангела Гавриила, в день памяти которого был основан Президентский полк. На торжественном мероприятии присутствовали ветераны-кремлевцы, а также представители Московского Патриархата.

На следующий день Президент Российской Федерации В. В. Путин на Ивановской площади Кремля вручил освященное Боевое знамя командиру Президентского полка СКМК ФСО России.

7 мая 2008 года состоялась церемония вступления в должность Президента Российской Федерации Д. А. Медведева. Затем Д. А. Медведев и В. В. Путин провели на Соборной площади смотр Президентского полка. Участие Президентского полка в торжественных мероприятиях, посвященных вступлению в должность Президента Российской Федерации, стало устоявшейся государственной традицией.

Но протокольными мероприятиями задачи полка далеко не исчерпываются. Каждое его подразделение имеет свои специфические функции. Однако на каком посту ни выполняли бы свои обязанности кремлевцы, все они решают единую задачу по обеспечению безопасности руководства государства и охраняемых объектов. Одни военнослужащие несут почетный караул, другие охраняют Московский Кремль, а третьи решают иные боевые задачи. И потому далеко не все подразделения воинской части расквартированы в столице. Отдельные подразделения дислоцируются в других субъектах Российской Федерации. А те подразделения полка, которые решают задачи по охране Московского Кремля, квартируют в здании Арсенала, расположенного между Никольской и Троицкой башнями.

Приказ о возведении Арсенала еще в 1701 году отдал Петр Великий. Цейхгауз должен был стать не только хранилищем оружия, но и музеем воинской славы. Сегодня в замкнутом периметре его двора находятся плац и спортзал. На этажах Арсенала размещены подразделения, комната истории полка, клуб, другие службы части.

Отбор кандидатов в Президентский полк — дело, не терпящее суеты. Работу по отбору начинают военные комиссариаты тех субъектов Российской Федерации, откуда осуществляется призыв для службы в Президентском полку. Затем с потенциальными кандидатами на службу в Президентском полку проводят собеседования сотрудники спецслужб. Призывники проходят тестирование. Потом в каждый комиссариат выезжают офицеры полка. Они формируют список кандидатов с резервом, который направляют для согласования в Федеральную службу безопасности Российской Федерации.

Сложно переоценить степень ответственности, которая ложится на плечи офицеров, занимающихся подбором призывников. У них нет права на ошибку. За 15 дней до призыва в военкоматах окончательно определяются с новобранцами в полк, число которых в разных городах колеблется от 15 до 35 человек. Столь обстоятельная проверка необходима и вполне оправдана. Ведь молодые люди попадают в особые условия и особую воинскую часть.

Быть призванным в Президентский полк непросто. В эту воинскую часть специального назначения не возьмут, если близкие родственники призывника живут за границей (за исключением стран СНГ). Непреодолимым препятствием является судимость призывника или его близких родственников за государственные или иные тяжкие преступления. В Президентский полк не примут, если

Смотр Президентского полка.
Соборная площадь. 7 мая 2008 г.

молодой человек состоит на учете за совершенное правонарушение. Что же касается физических и медицинских требований, то некоторые недостатки здоровья также несовместимы с возможностью служить в этой элитной воинской части специального назначения. Молодой человек должен отличаться хорошим физическим развитием и быть ростом выше среднего. Призывник не должен иметь дефицита массы тела (худым парням сложнее выдержать большие физические нагрузки), шрамов на лице и других явных признаков травматизма. Обращают внимание и на то, в какой семье вырос будущий солдат. Обязательное условие службы в Президентском полку — образование не ниже полного среднего.

Азы солдатской службы новобранцы начинают постигать в учебном центре, который находится в подмосковной Купавне. После окончания курса молодого бойца новобранцев распределяют по подразделениям, где им предстоит служить. В Роте специального караула, которая является визитной карточкой всего полка, оказываются немногие. Отбор в нее особенно строг.

Как и в большинстве подразделений Российской армии, служат в Президентском полку и представительницы прекрасной половины человечества. Причем на самых разных должностях. Наравне с мужчинами они несут каждодневную службу. Есть среди них специалисты продовольственной службы, инструкторы Кавалерийского эскорта, делопроизводители, специалисты, работающие на складах полка. Все они в звании от младшего сержанта до старшего прапорщика. Есть и женщины-офицеры. К примеру, на офицерских должностях служат женщины-психологи, которые есть в каждом батальоне. Они имеют высшее образование по своей специальности. А поскольку в полку есть свои библиотека, столовая, прачечная женщины трудятся и на гражданских должностях. Реформа Вооруженных сил РФ не обошла стороной и Президентский полк. Так, приготовлением пищи военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, не занимаются. Все повара проходят службу по контракту. Впрочем, и на гражданские должности людей берут после долгой и тщательной проверки.

Участие в торжественных и служебных мероприятиях требует хорошей подготовки, сноровки и выдержки. Воспитание и обучение военнослужащих по призыву начинается с постижения азов военного дела и не прекращается на протяжении всего срока службы. Много времени уделяется боевой и физической подготовке солдат. Они стреляют, изучают приемы рукопашного боя, совершают марш-броски (зимой — на лыжах) и т. д.

Большое внимание уделяется строевой подготовке в Роте специального караула. Особый кремлевский шаг — визитная карточка полка. От вытянутого носка до земли —

Принятие присяги военнослужащими Президентского полка.
Московская область. Купавна

40 см. Добиваясь нужного шага, солдат роты должен суметь сесть на шпагат. Это позволяет достичь легкости и изящества в движениях. Чеканя шаг, который не только виден, но слышен, надо и плечи развернуть, и корпус держать прямо, и подбородок тянуть к кремлевским башням.

Чтобы добиться четкого и безукоризненного, до автоматизма доведенного исполнения строевых приемов, требуются месяцы напряженных тренировок в любую погоду. Солдаты проводят на плацу по шесть часов в день. Сначала проводятся индивидуальные тренировки, потом — в составе смены или подразделения. Со временем нагрузки перестают казаться запредельными и переносятся гораздо легче, подтверждая истинность прозорливой суворовской заповеди: «Тяжело в ученье — легко в бою».

Важное место занимает общественно-государственная подготовка военнослужащих Президентского полка. Она призвана расширить их кругозор и сформировать ту основу, на которой возможно соединение солдата и гражданина. На лекциях и семинарах солдаты изучают Конституцию Российской Федерации, историю Отечества, Московского Кремля и Президентского полка, воинские уставы, уголовный и административный кодексы Российской Федерации, закон Российской Федерации «О государственной охране», обсуждают актуальные проблемы внутренней и внешней политики.

Большое значение командование Президентского полка придает патриотическому воспитанию военнослужащих. Положительную роль в воспитании любви к Родине и чувства ответственности за службу в полку сыграло учреждение в 1995 году нагрудного знака отличия Президентского полка. Он стал символом и отличительной особенностью формы одежды военнослужащих части. В 2002 году впервые в Центральном музее Вооруженных сил перед Знаменем Победы состоялось торжественное вручение знаков отличия Президентского полка его военнослужащим.

Кроме того, годом позже был учрежден нагрудный юбилейный знак «60 лет Президентскому полку». В декабре 2005 года — юбилейная медаль «70 лет Президентскому полку».

5 мая 2006 года в Александровском саду был торжественно открыт барельеф «Смена», созданный скульптором, членом Союза художников России А. А. Пальминым — бывшим военнослужащим Первой роты, с 1982 по 1984 год несшим службу на посту № 1 у Мавзолея В. И. Ленина. В этот же день в Государственном Кремлевском дворце состоялся концерт, посвященный юбилею полка.

Повышению качества работы по воспитанию личного состава полка способствует взаимодействие с музеями Москвы. Военнослужащие полка регулярно посещают Государственный исторический музей, Государственную оружейную палату, другие музеи и выставки столицы.

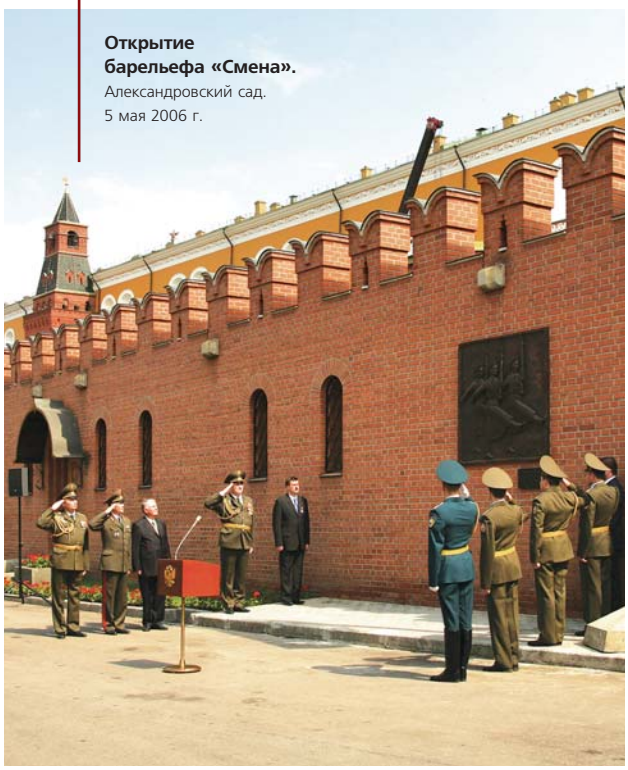
В свою очередь, военнослужащие полка также принимают непосредственное участие в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения. К примеру, в 2003 году состоялись их встречи с учащимися Рязанского кадетского корпуса, со школьниками Кемеровской области, юнармейцами, часовыми поста у Вечного огня Пятигорска. Летом 2009 года воины-кремлевцы помогли в подготовке и проведении мероприятий военно-патриотического

Занятия по строевой подготовке военнослужащих Роты специального караула

лагеря «Честь имею!» военно-патриотического центра «Вымпел». Его воспитанники посетили Большой Кремлевский дворец, Государственную оружейную палату, Комнату истории части и подразделения Президентского полка. Только в 2009 году в Комнате истории полка побывало более 90 экскурсий.

Особую роль в жизни полка играет ветеранская организация части. Ветераны живо интересуются жизнью полка и регулярно выступают перед разными категориями военнослужащих. Они участвуют в проведении тематических вечеров, вручении нагрудных знаков отличия Президентского полка и оружия молодым военнослужащим.

16 октября 2003 года на Соборной площади Кремля состоялся церемониал передачи Президентскому полку знамени времен Великой Отечественной войны — Боевого знамени Полка специального назначения, утвержденного 21 декабря 1942 года. Прежде оно находилось в историко-демонстрационном зале ФСБ России. Инициаторами передачи знамени выступили ветераны Кремлевского гарнизона, среди которых были и участники Великой Отечественной войны. Это событие имело особое значение в жизни полка. Ведь нахождение такой реликвии в Комнате истории части стало символом единения разных поколений воинов-кремлевцев и напоминанием о давней и славной истории полка.



Открытие барельефа «Смена».
Александровский сад.
5 мая 2006 г.

КАВАЛЕРИЙСКИЙ ПОЧЕТНЫЙ ЭСКОРТ. ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЙ РАЗВОД ПЕШИХ И КОННЫХ КАРАУЛОВ

2 сентября 2002 года на основании указа Президента Российской Федерации в состав Президентского полка был включен Кавалерийский почетный эскорт. Он был создан на базе 11-го отдельного кавалерийского полка, который раньше находился в составе Министерства обороны Российской Федерации и участвовал в съемках батальных сцен художественных фильмов. Небезынтересно, что сформировали полк в 1962 году по просьбе и инициативе кинорежиссера С. Ф. Бондарчука для участия в съемках фильма «Война и мир». В середине 1990-х годов полк был сокращен до 457 сабель и 124 лошадей. Принятое в 2002 году решение о масштабном сокращении вооруженных сил не позволяло Министерству обороны Российской Федерации далее содержать непрофильный армейский резерв.

Появление кавалерийского эскорта увеличило количество функциональных задач Президентского полка и привело к расширению географии призыва. Так, в 2004 году впервые в него были призваны ребята из Ростовской области. Что и не удивительно, ведь во все времена донские казаки отличались трепетным отношением к своим скакунам.

В Президентском полку существует собственная методика отбора среди новобранцев, будущих кавалеристов. Работать с лошадьми идут только те, кто любит животных, не боится получить травму и понимает, что ежедневная уборка конюшен, тщательный уход за лошадьми и многочасовые тренировки — это неотъемлемая оборотная сторона торжественных мероприятий, в которых принимает участие Кавалерийский почетный эскорт. В подготовку кавалеристов входят: основы школы верховой езды, выполнение гимнастических упражнений верхом на лошади, преодоление разнообразных препятствий, приемы с холодным оружием, «рубка лозы» и многое другое.

Самое пристальное внимание уделяется выбору лошадей. Поначалу в полк принимали лошадей разных пород. Но затем были определены две породы: русская верховая и тракенинская. Вспомнили о том, что в царской армии драгуны выезжали на лошадях именно тракенинской породы. Очень важно соотношение роста лошади и всадника. Для человека ростом 180 см нужна лошадь высотой в холке 162–165 см. Тракены и русская верховая идеально подходят. Их приобретают у российских конезаводчиков.

Выбор конского состава для Президентского полка очень строгий. О критериях отбора рассказал на смотре директор Краснодарского ипподрома Иван Корнев, принимавший участие в торгах в 2005 году. Тогда, по его словам, из представленных хозяйством более чем двухсот скакунов тракенинской породы специальным жюри, состоящим из представителей воинской части, для которой предназначались лошади, были выбраны только пять: «Чистота породы, красота, выносливость и, конечно же, приемлемая цена — вот главные критерии для победы в конкурсе. Теперь их судьба будет связана с Кремлем и государевой службой». Сегодня в числе поставщиков лошадей — лучшие конезаводы страны. Среди них «Олимп Кубани», самарская «Отрада», ростовский конезавод им. С. М. Кирова.

Служить в Президентском полку непросто не только солдатам, но и лошадям. Дополнительным неудобством является то, что дислоцируется Кавалерийский почетный эскорт в 60 километрах от Москвы. Проделавшим такой путь животным требуется не менее двух часов, чтобы вернуться в нормальное служебное состояние. Необходимо лошадям и специальное «обмундирование» — подковы. На их производство идет определенный композит материала — резины, пластика и металла. Имеются и специальные подковы для брусчатки. Во-первых, они абсолютно не скользят, во-вторых, создают необходимую амортизацию для копыта, значительно снижая травматизм. И, конечно же, особое внимание — рациону и заботе о здоровье лошадей.

Кавалеристы Президентского полка принимают участие в церемониальном разводе пеших и конных караулов. Разработку церемониала развода караулов еще три столетия назад начал Петр I. На заре XXI века было решено возродить эту давнюю традицию.

Впервые церемониальный развод пеших и конных караулов на Соборной площади Кремля был проведен 17 сентября 2004 года. Теперь ежегодно, с апреля по октябрь, он проходит по субботам, начинаясь в полдень с первым ударом курантов. В настоящее время, помимо обязательных элементов развода караулов: торжественного построения, доклада начальнику караула дежурного по караулам, исполнения военным оркестром фрагмента «Развод», прохождения торжественным маршем в сопровождении оркестра, — церемониал включает в себя демонстрацию строевых приемов с оружием и элементы «конной карусели». Четкие команды, бряцанье сабель, стук карабинов, шуршание знамен и вид золотых кремлевских куполов оставляют у зрителей неизгладимое впечатление. Это завораживающее действие сопровождается военными маршами в исполнении Президентского оркестра Службы коменданта Московского Кремля ФСО России.

9 мая 2005 года впервые после 1987 года кавалеристы принимали участие в военном параде на Красной площади в честь 60-летия победы в Великой Отечественной войне. Это испытание солдаты и офицеры выдержали с честью, хотя сложностей было немало. Лошади-новобранцы еще не привыкли выступать под громкую музыку, да и ежедневные переезды с места основной дислокации части на репетиции в Кремль дались непросто.

Личный состав Кавалерийского почетного эскорта, 1-й роты Президентского полка и Президентский оркестр принимали участие во Всемирных конных играх в Аахене и Копенгагене, где представили свою церемониальную программу, которая также была встречена с большим воодушевлением. Военнослужащие полка и оркестра участвуют во многих торжественных мероприятиях не только в Москве и Московской области, но и выезжают с показательными выступлениями в другие города и регионы России, знакомя миллионы людей с российскими военными традициями, имеющими сегодня большое патриотическое и воспитательное значение.

Хорошей традицией с 2009 года стало ежегодное участие Кавалерийского почетного эскорта совместно

Церемония развода караулов.
Соборная площадь

Международный военно-музыкальный фестиваль «Спасская башня».
Красная площадь. 2011 г.

с Ротой специального караула Президентского полка в Международном военно-музыкальном фестивале «Спасская башня». На праздник съезжаются лучшие военно-музыкальные коллективы из Великобритании, Италии, Германии, Индии, Казахстана, Китая, США, Швеции, Финляндии, Франции, Украины и других государств. Красная площадь Москвы, за свою многовековую историю повидавшая немало знаковых событий, на несколько фестивальных дней становится гигантской сценической площадкой для грандиозного представления, в котором выступающие знакомят зрителей с воинскими и музыкальными традициями своих государств.

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ОРКЕСТР СКМК ФСО РОССИИ

Оркестр образован приказом НКВД СССР от 11 сентября 1938 года как оркестр комендатуры Московского Кремля.

7 ноября 1941 года оркестр в составе сводного оркестра Московского гарнизона участвовал в параде на Красной площади, откуда под звуки маршей полки и дивизии уходили на фронт. В годы Великой Отечественной войны деятельность оркестра не прекращалась. Ежедневно по Всесоюзному радио в прямом эфире передавались выступления кремлевских музыкантов, а через четыре года, в июне 1945 года, коллектив впервые выступал на правительственном приеме в честь Победы над фашизмом. 31 марта 1958 года приказом председателя КГБ при Совете министров СССР оркестру комендатуры Кремля было присвоено наименование Образцово-показательного. В 1982 году «за большую работу по эстетическому воспитанию молодежи и высокое исполнительское мастерство» оркестру комендатуры Московского Кремля была присуждена премия Ленинского комсомола. В 1991 году оркестр получил наименование Кремлевского. В это же время появилась первая струнная группа. 11 января 1993 года распоряжением Президента РФ Б. Н. Ельцина Кремлевскому оркестру было присвоено наименование Президентского. 2 февраля в связи с его новым статусом состоялось официальное представление оркестра Президенту Российской Федерации.

Основная задача Президентского оркестра — обеспечение государственных протокольных мероприятий с участием Президента Российской Федерации, а также других высших руководителей страны. Президентский оркестр является постоянным участником обеспечения визитов в Россию глав иностранных государств и к каждому такому визиту готовит специальную концертную программу, обязательно включающую национальную музыку государства, главой которого является тот или иной гость Президента Российской Федерации. Президентский оркестр осуществлял музыкальное сопровождение церемоний вступления в должность Президента Российской Федерации в Московском Кремле в 1996, 2000, 2004 и 2008 годах.

Творческое сотрудничество всегда связывало Президентский оркестр с признанными мастерами отечественной музыкальной культуры, среди которых И. Козловский, И. Архипова, Е. Максимова, А. Миронов, И. Кобзон, О. Фельцман, А. Пахмутова, Н. Богословский и многие другие. Оркестр также сотрудничал со звездами зарубежной сцены — Л. Паваротти, А. Боччелли, рок-группой «Скорпионз». Он является участником многих известных фестивалей и крупнейших культурных мероприятий, как «Славянский базар», «Песня года», «Спасская башня», Пушкинский праздник в Михайловском и многих других. В разные годы коллектив побывал с концертами в Германии, США, Израиле, Финляндии, Греции, Ливане, Таиланде, Италии, Франции, Дании, Японии, Кипре, Швеции и других странах.

За свою многолетнюю историю оркестр работал под руководством многих дирижеров, исполнял музыку различных жанров, неоднократно трансформировался, но всегда оставался главным коллективом в музыкальном обеспечении важнейших государственных и общественно-значимых мероприятий. Сегодня Президентский оркестр имеет в своем составе три полноценных оркестра — симфонический, духовой и эстрадно-симфонический.

Президентский оркестр.
Андреевский зал БКД. 2008 г.

ГАРАЖ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В 1991 году Гараж особого назначения (ГОН) начал транспортное обслуживание первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина. Сотрудники ГОНа добросовестно выполняли поставленные задачи, между тем добиться слаженной работы коллектива в 1990-е годы становилось все труднее. Руководство подразделения столкнулось с целым комплексом проблем. Здесь и недостаток финансирования, перебои с поставками автомобильной техники и запасных частей, «текучесть» кадров. Нарушились старые хорошо отлаженные связи с основным поставщиком автомобильной техники — заводом имени Лихачева. К концу 1993 года предприятие стало убыточным. ЗИЛы, имеющие «солидный» внешний вид, по техническим характеристикам, комфортабельности и надежности значительно отставали от своих зарубежных аналогов. Остро вставал вопрос о необходимости применения автомобилей других производителей. С учетом того, что экспериментировать в вопросах обеспечения безопасности при транспортном обслуживании объектов государственной охраны было недопустимо приняли политическое решение об использовании в ГОНе автомобилей иностранного производства.

С 1992 года в Гараже особого назначения активно эксплуатируются автомобили ведущих мировых автопроизводителей, которые обеспечивают высокий уровень пассивной и активной безопасности, комфорта и надежности: «Мерседес-Бенц», «Вольво», «Дженерал Моторс», «Фольксваген», «Ауди» и др.

И все же главным в Гараже особого назначения являются не автомобили, даже самые современные и уникальные. Главное — это люди, их профессионализм, знания, ответственность за порученное дело. Опыт всех поколений ГОНа аккумулируется в результатах индивидуальной и коллективной работы водительского и технического состава гаража, в богатейших оперативно-служебных традициях.

В этот период руководству подразделения пришлось столкнуться с проблемой значительного изменения коллектива ГОНа. Ушли на покой многие ветераны Гаража, часть опытных сотрудников в поисках более высоких доходов перешла работать в коммерческие структуры, произошло резкое омоложение личного состава. Впервые за долгие годы своего существования ГОН столкнулся с «текучестью» кадров, сложностями качественного подбора не только водительского состава и специалистов авторемонтников, но и руководящего звена. Тем не менее, несмотря на все объективные сложности, коллектив ГОНа продолжал качественно на самом высоком профессиональном уровне выполнять поставленные задачи. Чтобы поддержать автопарк в постоянной готовности, обновлялось техноло-

Кортеж Президента Российской Федерации

гическое оборудование авторемонтной мастерской. Для быстрого овладения новейшим оборудованием было организовано обучение инженерно-технического состава подразделения в дилерских центрах заводов-изготовителей.

С ростом оснащенности подразделения стремительно возрос и объем работы. Сотрудники ГОНа неоднократно направлялись в служебные командировки на Северный Кавказ в связи с проведением там контртеррористических мероприятий. Несмотря на специфику работы в «горячих точках», сотрудники ГОНа успешно справлялись со всеми поставленными задачами. Потерь среди личного состава подразделения не было.

В мае 1995 года в Москву для участия в торжествах, посвященных 50-летию Победы в Великой Отечественной войне, прибыли делегации из 55 стран мира. В ходе подготовки и проведения первого столь масштабного мероприятия сотрудниками Гаража особого назначения приобретался неоценимый опыт, который оказывал существенную помощь в дальнейшей работе.

Усилия коллектива Гаража особого назначения ГУО России были высоко оценены руководством страны. В 1996 году ГОН за большой вклад в обеспечение безопасности федеральных органов государственной власти, а также глав иностранных государств и правительств в период их пребывания в Российской Федерации получил благодарность от Президента России Б. Н. Ельцина, которая бережно хранится в Комнате истории.

В 1996 году транспортное управление с входящим в него Гаражом особого назначения стало одним из подразделений Федеральной службы охраны Российской Федерации.

Учитывая разноплановость и ежегодно растущее количество задач, которые приходилось решать ГОНу, его автопарк пополнялся различными марками ведущих мировых автопроизводителей. Автомобили Гаража особого назначения — основное средство обеспечения безопасности охраняемых лиц при транспортном обслуживании. Совершенствовалось не только мастерство шоферов, но и профессиональный уровень сотрудников авторемонтной мастерской. Было организовано обучение инженерно-технического состава, проводились стажировки сотрудников мастерской на современных станциях технического обслуживания. На должности механиков в мастерскую пришли служить специалисты с высшим профильным образованием, такие как выпускники Московского автодорожного института.

Традиционные зимние соревнования по скоростному маневрированию, которые ежегодно проводились между шоферами Гаража особого назначения, стали более массовыми. В качестве зрителей на них приглашались члены семей сотрудников, были организованы культурно-массовая программа соревнований, показательные выступления, торжественное награждение победителей ценными подарками. Все это позволяло не только повышать профессиональный уровень участников соревнований, но и поднимало интерес к самому подразделению, подчеркивало его важное место в системе государственной охраны.

По мере активизации внешнеполитической деятельности Российской Федерации увеличивались задачи ГОНа по обеспечению международных мероприятий. В значительной степени увеличивалось количество служебных командировок как по стране, так и за рубеж. Если сравнивать этот показатель служебной деятельности подразделения с 1990-ми годами, то он вырос почти в 3 раза. Возросло количество обслуживаемых зарубежных делегаций, прибывающих в Россию с официальными и рабочими визитами. Руководству подразделения приходилось решать проблемы нехватки как личного состава, так и автомобилей специального назначения. Так, при транспортном обслуживании глав государств и правительств СНГ в ноябре 2001 года было выделено до 60 автомобилей специального назначения одновременно, в работе в той или иной степени задействовалось практически 100% личного состава.

Занятия по профподготовке на стрельбище.
Купавна

В июне 2003 года в Санкт-Петербурге, в год 300-летия города, проводился крупный международный саммит, в работе которого приняли участие делегации США, Великобритании, Японии, Италии, Португалии, Австрии, Ирландии и др. Для обслуживания 44 зарубежных делегаций задействовали более 120 автомобилей ГОНа, доставка которых в город на Неве осуществлялась железнодорожным транспортом.

В мае 2005 года в Москве проводились торжественные мероприятия, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. В транспортном обслуживании 58 иностранных делегаций как из ближнего, так и дальнего зарубежья были задействованы более 230 единиц автомобильной техники ГОНа. Сложная служебно-боевая задача была выполнена успешно, причем их работа получила самую высокую оценку иностранных гостей.

Еще одно крупное охранное мероприятие, в котором самое активное участие принимали сотрудники гаража, проходило в августе 2005 года в Казани. На празднование 1000-летия столицы Республики Татарстан прибыли высокопоставленные гости из Азербайджана и Армении, Белоруссии и Казахстана, Грузии и Украины, Молдавии и Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. Из Москвы в Казань железной дорогой для транспортного обслуживания иностранных делегаций были направлены более 70 автомобилей ГОНа.

В мае 2006 года происходит знаковое событие. В Подмосковье был заложен символический камень на месте строительства будущего многофункционального автомобильного полигона ФСО России. Тогда же в помещениях Гаража особого назначения, расположенных в Московском Кремле, впервые за многие годы начались серьезная реконструкция и ремонт.

В июле этого же года в Санкт-Петербурге проводился уникальный по своему международно-политическому значению саммит «Группы восьми». Автомобили и сотрудники Гаража особого назначения были задействованы для обслуживания лидеров и делегаций таких стран, как США, Великобритания, Германия, Канада, Италия, Франция, Япония, Финляндия, Индия, Бразилия, ЮАР, Конго, Мексика, Казахстан. Сотрудники ГОНа также работали с руководителями и делегациями международных организаций — ООН, ЮНЕСКО, ВТО, Всемирного банка реконструкции и развития. Более 70 автомобилей Гаража были доставлены из Москвы в Северную столицу. Впервые в практике обеспечения крупных охранных мероприятий для передвижения делегаций по территории государственного комплекса «Дворец Конгрессов» использовались электромобили.

2007 год стал в истории подразделения особенным. Согласно архивным документам, 100 лет назад по воле последнего российского императора Николая II для транспортного обслуживания царствующих особ был создан Собственный Его Императорского Величества гараж, ставший непосредственным предшественником ГОНа. С 8 по 12 марта 2007 года в московском международном выставочном центре «Крокус Экспо» прошла выставка ретроавтомобилей. Уникальность этой выставки заключается в том, что на ней впервые в истории представлена тематическая экспозиция «К 100-летию создания Императорского гаража». Благодаря поддержке со стороны руководства Государственного политехнического музея, Государственного исторического музея, Государственного архива Российской Федерации, музея ЗИЛа, целого ряда частных коллекционеров на экспозиции было выставлено большое количество интереснейших архивных документов, более 30 автомобилей, в разные периоды времени эксплуатировавшихся в Главном гараже России.

В том же году после реконструкции и ремонта открылась обновленная Комната истории ГОНа, новое музейное оборудование и преобразованные экспозиции которой способствуют более углубленному изучению и пониманию истории уникального подразделения — Гаража особого назначения. Почетное место в экспозиции занимают приветствия коллективу ГОНа от Президента Российской Федерации Д. А. Медведева и Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина по случаю 90-летнего юбилея Гаража.

На карте мира остается все меньше тех мест, где бы не оставили свой след автомобили Гаража специального назначения. И как бы сложно ни приходилось сотрудникам, как и много лет назад определяющим остается одно — ответственный и профессиональный подход к порученному делу.

Сотрудники, поступающие на службу в Гараж особого назначения, как правило, имеют солидный опыт вождения. Однако независимо от стажа и выслуги лет на предыдущем месте службы, прежде чем приступить к самостоятельной работе, они подтверждают свои практические навыки управления автомобилями в одном из специализированных подразделений транспортного управления, проходят обучение в рамках программы вводной подготовки.

Многолетний опыт деятельности ГОНа, неоднократные преобразования и модернизация его структуры, поиск оптимальных форм и состава подразделения в конечном итоге привели к созданию ныне существующей структуры

Гаража особого назначения. Сегодня ГОН — это уникальное в своем роде подразделение, имеющее все необходимые силы и средства для выполнения одной из самых серьезных и важных задач, стоящих перед Федеральной службой охраны Российской Федерации, — обеспечения безопасности объектов государственной охраны при их транспортном обслуживании.

Автопарк ГОНа значительно вырос по сравнению с предыдущими периодами своего существования, изменились требования, предъявляемые к специальным автомашинам, выработаны и сформулированы специальные обязанности шофера основной автомашины, правила и тактика вождения, порядок формирования и оснащения автомобильного кортежа.

Шофер основной автомашины Гаража особого назначения сегодня должен четко представлять свои действия при движении в кортеже, в случае остановки, при посадке и высадке объекта государственной охраны, знать основной и запасной маршруты движения, уязвимые места на трассах проезда. Работа шофера превратилась в целую науку, требующую от гоновцев не только высокого водительского мастерства, но формирования множества других профессиональных навыков, необходимых сотруднику службы охраны.

ПОЧЕТНЫЙ МОТОЦИКЛЕТНЫЙ ЭСКОРТ

Традиция почетного эскортирования берет свое начало в глубине веков. Издревле парадные выезды царей, императоров, приемы иноземных посольств сопровождались торжественными церемониями. Кроме этого, эскорт выполнял функцию внешнего кольца охраны. Несмотря на своеобразие ритуалов в каждой стране, объединяющей была идея подчеркнуть мощь и силу своего государства и выразить особое уважение к гостям, обеспечить комфорт и безопасность передвижения первых лиц.

С начала XX века древнейший вид почетного эскорта, конный, постепенно утрачивал свое значение, уступая место новым транспортным средствам, которым он не мог составить конкуренции в скорости движения. В разных странах в зависимости от национальных традиций используются различные виды почетных эскортов: например, из истребителей или морских кораблей. Однако наиболее распространенным видом почетного эскорта во многих государствах мира стал мотоциклетный эскорт. Сопровождение представительских автомобилей высокопоставленных персон в пути торжественного следования во время церемонии встречи и проводов эскортом — специальным воинским формированием — в качестве способа охраны и выражения особого почета является общепринятой частью современной международной протокольной практики во многих странах мира.

Появление норм современного российского государственного протокола, соответствующих самым высоким мировым стандартам протокольной практики и одновременно подчеркивающих статус Российского государства как крупнейшей мировой державы, требовало для обеспечения официальных государственных визитов использования мотоциклетного эскорта. Впрочем, эта практика оказалась востребованной еще в СССР в середине 50-х годов прошлого века. Именно тогда, 21 января 1956 года, в составе Отдельного полка специального назначения 10-го Управления КГБ при Совете министров СССР был создан мотоциклетный взвод[9]. Главной задачей вновь созданного подразделения являлось обеспечение безопасности при эскортировании в пути следования глав зарубежных делегаций, наносящих государственные и официальные визиты в Советский Союз.

По воспоминаниям ветерана Почетного эскорта Д. В. Горбачёва, служившего в эскорте с момента его создания и до 1968 года, история его появления такова. В 1955 году состоялся визит Н. С. Хрущёва в Германию, на обратном пути он посетил Югославию, где и увидел мотоциклетный эскорт. Сразу после возвращения в Советский Союз Н. С. Хрущёв дал поручение начальнику 10-го Управления КГБ при Совете министров СССР — коменданту Московского Кремля генерал-лейтенанту А. Я. Веденину создать к маю 1956 года эскорт мотоциклистов для торжественного сопровождения высоких иностранных гостей[10].

Службы безопасности многих государств для снижения риска нападения во время следования правительственного автотранспорта практиковали значительное увеличение скорости движения, в том числе и на торжественных церемониях. Идея организации почетного мотоциклетного эскорта, который при необходимости стал бы дополнительным рубежом охраны, естественно, оказалась востребованной с точки зрения организации безопасности высоких гостей, которой в СССР традиционно уделялось пристальное внимание.

Первый раз мотоциклетный взвод Отдельного полка специального назначения принял участие в церемонии

торжественной встречи и обеспечения безопасности иностранного главы государства летом 1956 года, когда СССР посетил с визитом Президент Югославии И. Броз Тито. С этого момента эскорт постоянно задействовался для обеспечения визитов глав зарубежных государств и правительств, и это стало новой протокольной нормой дипломатического этикета Советского государства.

Несмотря на значительное развитие, протокольная практика приема зарубежных гостей высокого уровня строилась на основе прецедента. Порядок проведения визита иностранных гостей определялся каждый раз решениями высших партийных органов, на основе которых составлялись соответствующие рекомендации МИДа. Первая систематизация норм, правил и церемонии приема иностранных делегаций была проведена лишь во второй половине 1950-х годов[11].

Необходимо отметить, что протокольную практику проведения визитов на высшем уровне в 50–60-е годы XX века характеризовало стремление усилить церемониальную сторону, придать всем мероприятиям в рамках визита более торжественный и даже помпезный характер. Именно в советское время мотоциклетный эскортный расчет был наиболее многочисленным. Максимальное количество мотоциклов в эскорте иногда достигало 19 единиц, причем в головной группе могло быть семь мотоциклистов.

За время своего пятидесятипятилетнего существования Почетный эскорт ФСО России претерпел несколько реорганизаций, обусловленных, с одной стороны, необходимостью повышения эффективности выполнения возложенных на него обязанностей, с другой — своевременным реагированием на изменяющиеся условия, вызванные возникновением новых угроз, требующих адекватного ответа.

В 1956 году, согласно штатно-должностной структуре мотоциклетного взвода, предусматривалось наличие трех офицерских должностей: командира взвода, его заместителя и заместителя командира по технической части. Во взводе имелись также два помощника командира взвода, четыре командира отделений, четыре старших мотоциклиста и 12 мотоциклистов; все эти должности замещались военнослужащими сверхсрочной службы. Кроме того, в подразделении проходили срочную службу 12 солдат-пулеметчиков[12].

22 ноября 1960 года мотоциклетный взвод стал самостоятельным подразделением Отдельного полка специального назначения 9-го Управления Комитета госбезопасности при Совете министров СССР[13]. 13 марта 1972 года подразделение было переименовано и стало официально называться Мотоциклетный взвод Почетного эскорта ОКПСН. В 1984 году приказом Председателя КГБ СССР Мотоциклетный взвод Почетного эскорта был переименован в Почетный эскорт.

Почетный эскорт ФСО России сопровождает королеву Великобритании Елизавету II.
Московский Кремль. Императорский дворик

В период организационно-штатных преобразований в системе органов госбезопасности, происходивших в 1990-е годы, уточнялась только принадлежность Почетного эскорта. Так, согласно приказу Председателя КГБ СССР от 27 января 1990 года подразделение стало называться Почетным эскортом 8-го отдела Службы охраны КГБ СССР. После образования Главного управления охраны Российской Федерации, 22 июня 1990 года, Почетный эскорт был включен в структуру транспортной службы ГУО России. Он стал именоваться Почетный эскорт транспортной службы ГУО Российской Федерации. С 1996 года и по настоящее время подразделение входит в состав Транспортного управления ФСО России[14].

Первоначально для эскортирования использовались серийные отечественные мотоциклы М-72. Их выпуск начался в конце 1941 года в городе Ирбите на эвакуированном из Москвы заводе. С 1952 года эту модель взял на производство Киевский мотоциклетный завод, являвшийся до 1993 года единственным поставщиком мотоциклов для Почетного эскорта.

Период использования серийных мотоциклов в эскорте был кратковременным. С 1959 года начался выпуск мотоцикла К-750, спроектированного Киевским мотоци-

клетным заводом, и вскоре его специальная модификация поступила в мотоциклетный взвод. Данный мотоцикл относился к разряду тяжелых дорожных мотоциклов и предназначался для езды по дорогам всех классов с полной допустимой нагрузкой[15].

В 1993 году для эскорта были закуплены мотоциклы фирмы BMW. Специальная модификация K75RT, используемая в настоящее время, имеет полицейское исполнение и оснащена дополнительным оборудованием: гидроприводом тормозов и антиблокировочной системой, УКВ-приемопередающей радиостанцией, световыми спецсигналами с красным и синим светофильтром, а также электрической сиреной, работающей в двух режимах. Мощность четырехтактного трехцилиндрового двигателя составляет 75 л. с. и позволяет развивать максимальную скорость 185 км/ч. Эксплуатация в зимних условиях требует оснащения эскортных мотоциклов боковыми прицепами, создающими дополнительную точку опоры. В них размещается дополнительный груз, который облегчает прохождение поворотов на высокой скорости. Ссылаясь на технические причины, баварский концерн BMW на тот период отказался взять заказ российской спецслужбы по производству боковых прицепов. Прицепы были изготовлены по специальному заказу в Великобритании. Для тренировочных занятий по эскортированию, фигурному вождению и кроссовой подготовке используются отечественные мотоциклы, такие как КМЗ-8.155 «Днепр-11» и ИМЗ-8.103-10 «Урал».

Принципы построения расчета Почетного эскорта устанавливаются на основании норм дипломатического протокола Российской Федерации в зависимости от уровня визита и ранга сопровождаемого лица.

В 50–60-х годах XX века построение эскортного расчета было следующим: впереди автомобиля, в котором находился глава иностранной делегации, следовала головная группа эскорта из трех, реже пяти мотоциклов, выстроенных в форме треугольника. По обеим сторонам основного эскортируемого автомобиля двигались один или два (в зависимости от требований протокола) мотоцикла. Начальник подразделения — старший эскортного расчета всегда находился у правой передней дверцы сопровождаемого автомобиля, что обеспечивало визуальный контакт со старшим кортежа, чье рабочее место при движении было справа от водителя основного эскортируемого автомобиля. С противоположной стороны, у левого борта этого автомобиля, занимал место заместитель начальника подразделения. Мотоциклы старшего эскортного расчета и его заместителя оборудовались малогабаритными УКВ-радиостанциями, позволявшими поддерживать связь между собой и со старшим кортежа. Впоследствии, в 1970-х годах, все мотоциклы взвода Почетного эскорта были радиофицированы. При визитах самого высокого уровня по два мотоцикла сопровождали и еще несколько автомобилей кортежа. Впереди кортежа, на удалении приблизительно 100 метров от головной группы эскорта, следовал так называемый «сигнальный» мотоцикл, также оснащенный радиостанцией. Общее количество эскортных мотоциклов, исключая «сигнальный», всегда нечетное[16]. Общие принципы построения расчета Почетного эскорта сохраняются и сегодня.

В настоящее время и при государственных визитах, и при официальных численность расчета находится в пределах 11–13 мотоциклов[17]. При этом сопровождается только автомобиль главы зарубежной делегации, а численность мотоциклистов головной группы эскорта не превышает пяти. Естественно, бывают случаи, когда построение эскортного расчета меняется в соответствии с просьбами принимаемой стороны.

За полувековой период своей деятельности Почетный эскорт сопровождал глав государств и высших должностных лиц практически всего мира. Визиты, обеспеченные эскортом, за эти годы исчисляются сотнями. Только за период с 1971 по 1991 год эскорт принял участие более чем в 280 мероприятиях, а с 1991 по 2004 год провел свыше 160 торжественных сопровождений[18].

Помимо почетного сопровождения во время государственных и официальных визитов и случаев, предусмотренных государственным протоколом, Почетный эскорт привлекался к другим мероприятиям, связанным со значительными событиями в истории страны. В качестве примера назовем лишь два. Мотоциклетный Почетный эскорт сопровождал доставленное из Ленинграда, с Марсова поля, пламя, от которого 8 мая 1967 года был зажжен Вечный огонь на Могиле Неизвестного Солдата у стен Кремля. Мотоциклисты Почетного эскорта сопровождали автомобиль с первым космонавтом Ю. А. Гагариным во время торжественного следования из аэропорта «Внуково» в Кремль.

Мотоциклетному эскорту приходилось выполнять и прискорбные миссии. В сентябре 1979 года скончался находившийся на лечении в Москве Президент Народной Республики Ангола А. Нето. Проводы на родину были проведены со всеми почестями, подобающими в таком случае, и сопровождение гроба с телом Президента Анголы в аэропорт «Внуково-2» осуществлял Почетный мотоциклетный эскорт.

Почетный эскорт ФСО России за работой перед официальной церемонией вступления в должность Президента России

Работа Почетного эскорта не раз отмечалась официальными наградами. Практически всегда и глава Российского государства, и иностранные руководители на словах выражают благодарность мотоциклистам эскорта, давая самые высокие оценки их мастерству. В глазах иностранных лидеров и высоких зарубежных делегаций Почетный эскорт — это визитная карточка страны, так как именно он наряду с официальными лицами встречает их после приземления. Почетный эскорт является одним из атрибутов высокого статуса и мощи Российского государства.

За полувековую историю сложился неповторимый стиль российского мотоциклетного эскортирования, за которым, несмотря на внешнюю легкость и простоту, стоит тяжелый каждодневный труд.

В настоящее время многое из того, что было наработано в практике обучения, сохранилось. Первоначальный курс подготовки молодых сотрудников в среднем составляет шесть месяцев. С целью постоянного поддержания и дальнейшего совершенствования уровня готовности личного состава проводятся непрерывная повседневная подготовка и периодические специальные занятия.

Повседневная подготовка включает в себя тренировки по вождению мотоциклов в условиях интенсивного движения транспорта, занятия по фигурному вождению, кроссовой подготовке и эскортированию. В ходе таких тренировок, традиционно проходящих на Ходынском поле и Дмитровском автополигоне, отрабатываются все предусмотренные специальными инструкциями схемы построения эскорта, перестроения, замены номеров расчета эскорта, а также действия в особых случаях. С 1979 года и до сегодняшнего дня индивидуальная подготовка водителей эскортных мотоциклов проводится по специальной программе, разработанной с участием специалистов Института физической культуры, ныне Российской государственной академии физической культуры. Программа включает в себя комплексы упражнений по вождению, а также по выживанию в аварийных ситуациях с учетом особенностей для различных времен года.

Офицеры Почетного эскорта являются оперативными работниками органов государственной охраны, прекрасно владеют приемами ведения огня из различных видов стрелкового оружия и постоянно в этом совершенствуются.

Все навыки, полученные в процессе повседневной подготовки личным составом Почетного эскорта, закрепляются во время периодических специальных учебных занятий. Они проводятся в реальной обстановке, на установленных трассах следования колонн автомобилей специального назначения — кортежей.

От мотоциклистов эскорта требуется максимальное напряжение физических сил и выносливость. На них возложена обязанность не просто сопровождать высокопоставленных лиц, но и охранять их, следовательно, несмотря ни на какие неудобства, они должны быть сконцентрированными и готовыми мгновенно среагировать на любую нештатную ситуацию. Именно поэтому главной задачей их подготовки является достижение всестороннего профессионализма.

Работа в эскорте почетна, но и связана с большим риском. От всех, кто работает в этом подразделении, требуется настоящее мужество. Ситуации, представляющие опасность, возникают даже в ходе тренировочных выездов. Ярким подтверждением является происшествие в начале 1990-х годов во время следования эскорта на Дмитровский автополигон. Мотоциклы двигались небольшой колонной, когда из-под колес одного из них вылетел кусок арматуры, случайно оказавшийся на дороге, и с огромной скоростью попал в голову сзади двигавшегося мотоциклиста. Его жизнь спас специальный защитный шлем. Сила удара была такова, что украшавший центральную часть шлема герб (тогда еще были старые гербы СССР), оказался сильно вогнутым[19].

Георгиевский зал БКД.
Церемония вручения знамени ФСО России

Условия, в которых приходится работать сотрудникам эскорта, в полном смысле этого слова экстремальные. Многочасовые тренировки проходят в любую погоду, в том числе и на самом сильном морозе, — столбик термометра в России, как известно, может опускаться и ниже –30 °С. Мотоциклы должны слаженно двигаться по любому покрытию, в том числе и обледеневшему. Специальные занятия проводятся на аэродроме или другой площадке, позволяющей отрабатывать эти действия. Мастерство мотоциклистов Почетного эскорта не раз производило впечатление на высоких гостей, которых они сопровождали.

Почетный эскорт Федеральной службы охраны Российской Федерации всегда демонстрировал высочайший уровень профессиональной и специальной подготовки и на протяжении более чем полувека своей истории с честью выполняет свои сложнейшие обязанности.

ЗНАМЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ОХРАНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

14 декабря 2011 года произошло знаменательное событие в жизни ФСО России. Президент Российской Федерации Д. А. Медведев в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца вручил директору ФСО России Е. А. Мурову Знамя Федеральной службы охраны Российской Федерации.

Знамя является не только официальным символом ФСО России и его воинской реликвией, но и олицетворяет собой честь, доблесть, славу и боевые традиции службы. На васильковом полотнище Знамени ФСО России начертаны слова «Отечество. Преданность. Честь», которые являются девизом всех поколений сотрудников органов государственной охраны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. М., 2007. С. 325.

[2] Закон РФ от 27 апреля 1993 года № 4884-1 «О государственной охране высших органов государственной власти и их должностных лиц». Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 21. Ст. 745. Закон действовал до 27 мая 1996 года.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 1333 «Об утверждении Положения о Главном управлении охраны». СЗ РФ. 1996. № 2. Ст. 63.

[4] Федеральный закон «О государственной охране» № 57-ФЗ от 27 мая 1996 года.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 2 августа 1996 года № 1136 «Об утверждении Положения о Федеральной службе охраны Российской Федерации». СЗ РФ. 1996. № 32. Ст. 3901.

[6] Большой Кремлевский дворец. М., 2010. С. 371, 379.

[7] Указ Президента Российской Федерации № 375 от 20 марта 1993 года.

[8] В советское время пост № 1 находился у Мавзолея В. И. Ленина. В 1993 году пост упразднили, последняя смена часовых была здесь снята в 16 часов 6 октября.

[9] Гараж особого назначения. 90 лет на службе Отечеству. 1921–2011. М., 2011. С. 306.

[10] Там же. С. 309.

[11] См.: *Лядов П. Ф.* История российского протокола. М., 2004. С. 74.

[12] Главный гараж России. От Собственного Его Императорского Величества гаража до Гаража особого назначения. 1907–2007. М., 2007. С. 196.

[13] Гараж особого назначения. С. 315.

[14] Почетный эскорт ФСО России // Кремль-9. 2006. № 8. С. 45–46.

[15] *Поздняков М. А.* Мотоцикл К-750. М., Киев, 1961. С. 5.

[16] *Лапшин М.* VIP эскорт // Моторевю. 2005. № 8. С. 75; *Рубан А. Ф.* Почетный эскорт ФСО России // Сержант. 2001. № 3. С. 8–11.

[17] Протокол Российской Федерации / Под рук. В. Н. Шевченко. М., 2000. С. 56.

[18] Почетный эскорт ФСО России // Кремль-9. 2006. № 8. С. 48.

[19] Там же. С. 47.